

Оформление В. В. Пожидаева

Кравцова М. Е.
К 77 Хрестоматия по литературе Китая. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 768 с.
ISBN 5-352-00653-0

Предлагаемая хрестоматия — первая на русском языке книга, в которой дается обобщающая картина истории развития литературы Китая от древних памятников литературной словесности (сер. 1-го тыс. до н.э.) и до XIX в. по всем ее важнейшим традициям: поэзия, проза, драма. В книге подробно изложено обо всех важнейших феноменах и явлениях литературной жизни Китая на протяжении указанного периода. Даны сведения о конкретных памятниках (антологии, сводные издания, собрания сочинений), авторах и их творчестве, о магистральных китайских литературных жанрах и тематических направлениях. Хрестоматия адресована студентам, аспирантам и преподавателям гуманитарных вузов, а также широкому кругу читателей, интересующихся культурой Китая.

© М. Кравцова, состав, примечания, статья, 2004;

© Перевод:

А. Адалис, 2004; А. Адуевский, 2004; В. Алексеев (наследники), 2004;
М. Басмапов, 2004; Л. Бежин, 2004; Я. Босва, 2004; Б. Вахтин, 2004;
В. Вельгус, 2004; Е. Витковский, 2004; А. Гитович, 2004; И. Голубев, 2004;
В. Журавлев, 2004; И. Зограф, 2004; М. Кравцова, 2004; И. Лисевич, 2004;
В. Малявин, 2004; Л. Меньшиков, 2004; В. Панасюк, 2004; Ю. Попков, 2004;
Б. Рифгин, 2004; А. Рогачев, 2004; В. Рогов, 2004;
А. Сергеев (наследник), 2004; Е. Серебряков, 2004; И. Смирнов, 2004;
Н. Спешнев, 2004; В. Сухоруков, 2004; А. Тишков, 2004; С. Торопцев, 2004;
Е. Торчинов (наследник), 2004; О. Фишман, 2004; И. Циперович, 2004;
Л. Эйдли, 2004; Г. Ярославцев, 2004
© «Азбука-классика», 2004

ISBN 5-352-00653-0

Литературное творчество всегда занимало в Китае исключительное место, не ограничиваясь пределами одного рода интеллектуальной деятельности. Оно было и, в сущности, является по сей день самым распространенным занятием китайцев, которое пользуется наибольшим общественным признанием, обнаруживая себя подчас в прямо противоположных сферах бытия: от управления страной до уединения буддийского монаха. Причины высокого статуса литературного творчества в Китае кроются прежде всего в общих историко-культурных особенностях и традициях этой страны. А многие его свойства и характеристики были предопределены, как выясняется, спецификой происхождения китайской иероглифической письменности.

Судя по имеющимся на сегодняшний день фактическим данным, китайская письменность появилась и утвердилась в XIII—XI вв. до н.э., т.е. в период существования первого местного государства — Шан-Инь (XVI—XI вв. до н.э.), историчность которого уже исчерпывающе доказана археологическими материалами. Это так называемые надписи на гадательных костях. Они создавались в процедуре гадания: на лопаточные кости скота или (в особо торжественных случаях) на панцирь черепахи наносилась надпись-вопрос, который затрагивал злободневные для страны и правящего дома проблемы (каким будет новый урожай? Насколько успешным окажется планируемый поход? Когда следует приносить такие-то жертвоприношения? и т.д.). Затем кость нагревалась на медленном огне до образования на ней трещин, и по ним специальные лица (гадатели) судили об ответе высших сил. Расшифрованный ими ответ тоже заносился на кость после «вопросной формулы». Важно, что данная процедура гадания являлась одной из авторитетнейших ритуальных практик иньского государства, о чем убедительно свидетельствует частота ее проведения: для указанных столетий обнаружено около

100 000 единиц таких текстов. Следовательно, можно утверждать, что китайская письменность, а значит, и последующее литературное творчество находились в исходном родстве с системой государственности, институтом верховной власти и официальными верованиями и ритуальными практиками. Понятно также, что письменные слова наделялись сакральными свойствами, служа посредником между людьми и высшими силами. Сразу же отметим, что вера в подобные свойства письменности сохранялась в Китае на протяжении всех последующих эпох и в реликтовом виде обнаруживается даже в современном китайском обществе: практика создания графических амулетов, заклінательных — охранительных и благопожелательных — надписей, введение «счастливых» иероглифов (иероглифов, имеющих значения «богатство», «счастье», «долголетие» и т. д.) в орнаментику изделий декоративно-прикладного искусства и массового пользования (украшения, посуда, предметы личного пользования, мебель, постельные принадлежности) превращает эти изделия в подобие тех же амулетов или талисманов.

Именно архаическое магико-религиозное осмысление письменности предопределило последующие натурфилософские и этико-философские воззрения на литературное творчество.

Переход от архаико-религиозного к философскому типу мировосприятия осуществился в Китае, как известно, в VI—III вв. до н. э. Эти века тоже относятся к определенной исторической эпохе — эпохе Чжоу (XI—III вв. до н. э.), когда существовало второе древнекитайское государство. Государство Чжоу было основано новой народностью — чжоусцами. Они и покорили Шан-Инь, но сохранили все важнейшие культурные достижения иньского государства, включая письменность. Эту эпоху принято подразделять на два этапа — Раннее (Западное, XI в. — 770 г. до н. э.) и Позднее (Восточное) Чжоу, второй из которых распадается еще на два периода: «Весен и осеней» (Чуньцю, 770—475 до н. э.) и «Борющихся царств» (Чжаньго). Изложенная периодизация точно отражает динамику и характер всех историко-политических, социально-экономических и собственно культурных процессов, которые имели место в Китае в эпоху Чжоу. С Ранним Чжоу соотносится утверждение и расцвет чжоуской централизованной государственности. На период «Весен и осеней» приходится начало деструктивных социально-политических тенденций, которые к периоду «Борющихся царств» привели к окончательному распаду чжоуской государственности. На территории Китая возникло несколько самостоятельных царств, образовавшихся из ранее удельных владений, которые вели междоусобные войны. Период «Борющихся царств» завершился новым объединением страны и созданием первого собственного имперского государства — империи Цинь (221—207 гг. до н. э.).

Несмотря на ситуацию административно-политической раздробленности и междоусобных войн, позднечжоуский период ознаменовался бурными новаторскими культурно-идеологическими процессами во всех сферах духовной жизни общества. Определяющими из них как раз и стало формирование философии в виде отдельных направлений и школ (сохранились впоследствии конфуцианство и даосизм) и создание полноценной письменной культуры, представленной философскими сочинениями, равно и художественными произведениями. Чжоуские письменные памятники содержат достаточно внятное изложение современных им воззрений на литературное творчество.

Все аспекты восприятия литературного творчества, утвердившиеся в чжоуской философско-теоретической мысли, находят адекватное воплощение в значениях иероглифа *вэнь*, который отныне используется в качестве специального термина для обозначения письменной словесности. Но если в чжоускую эпоху как *вэнь* определялся любой письменный текст, то впоследствии (ориентировочно с I в. н. э.) — исключительно «высокая» художественная, или, в более точном следовании оригинальной терминологии, изящная словесность.

По поводу этимологии иероглифа *вэнь* существует несколько версий. Согласно одной из них (правда, разделяют ее далеко не все современные исследователи), *вэнь* происходит от древнейшего письменного знака (пиктограммы), изображавшего человека в момент исполнения им некоего ритуального действия (предположительно — танца) с разрисованным (татуированным) телом, подтверждающая религиозно-ритуальные истоки китайской художественной словесности. Основное словарное значение *вэнь* — узор. Причем первоначально так назывался конкретный расписной орнамент, состоящий из элементов красного и синего цвета. В то же время эти цвета есть устойчивое символическое воплощение двух космических начал, выделяемых в китайской философии, — Мужского (*Ян*) и Женского (*Инь*), взаимодействие которых являет существо всех мировых процессов и порождает все реалии и предметы («десять тысяч вещей») окружающей действительности. Таким образом, иероглиф *вэнь* исходно имел натурфилософское прочтение.

Чуть позже как *вэнь* стал определяться любой узор как искусственного (роспись, резьба, тканый орнамент), так и природного происхождения — сплетение, например, ветвей деревьев или стеблей трав, рябь на воде, вереница облаков, полосы и пятна на шкуре животного. Отдельного упоминания заслуживает сочетание «небесный узор» — *тянь вэнь*. Употребляемое в качестве названия соответствующей научной дисциплины (астрология/астрономия), оно, важно заметить, передает не просто картину звездного неба, но

принципы функционирования космического универсума, явленные людям через расположение светил и созвездий.

Итак, в парадигме натурфилософского мировосприятия словесный узор есть порождение и воплощение «вселенских узоров». Такое понимание письменности и литературного творчества наиболее четко излагается в знаменитой легенде об изобретении первых письменных знаков, как они полагаются в традиции, — так называемых *триграмм*, представляющих собой графические комбинации из трех непрерывных и прерывистых черт¹. По этой легенде, *триграммы* были изобретены (или скопированы со шкуры волшебного существа — черепахи, коня-дракона, появившегося перед ним из речных глубин) архаическим правителем-божеством Фу Си², который постарался через них передать основные координаты мира и природные сущности в их постоянном взаимодействии.

Одновременно считавшиеся порождением и воплощением «вселенских узоров» письма наделались и способностью оказывать на них гармонизирующее воздействие, поддерживать их порядок.

В аксиологических, антропологических и социополитических учениях, разрабатываемых в первую очередь в конфуцианстве, литературное творчество соотносилось с высшими цивилизационными достижениями человеческого общества, его духовностью, о чем вновь свидетельствуют принятые значения *вэнь* уже как категориального термина: «начало мысли», «просвещенность», «культура», «цивилизация». Слово «культура» до сих пор передается в китайском языке посредством сочетания *вэнь хуа* — «изменения *вэнь*» или «изменения, показанные в *вэнь*».

И наконец, в еще более абстрактно-философском ее понимании *вэнь* есть животворное космическое начало, противопоставляемое

¹ Всего существует восемь таких комбинаций — так называемые восемь черт (*ба гуа*): *цян* (небо), *кунь* (земля), *кань* (вода), *ли* (огонь), *чэнь* (гора), *чжэнь* (гром), *сюнь* (ветер) и *дуй* (болото). В действительности триграммы появились одновременно или даже несколько позже собственно иероглифической письменности и никогда (за исключением, возможно, гадательных практик) не использовались в качестве полноценных письменных знаков. Они представляют собой своего рода художественно-философскую эмблему (могла воспроизводиться и в произведениях искусства), показывающую композицию мироздания и воплощающую динамику бытия.

² Фу Си — предположительно архаическое божество, связанное с миром диких животных и охотой. В дальнейшем стал почитаться одним из трех древнейших правителей (так называемые три великих первопредка), которые, по китайским историологическим и мифологическим представлениям, царствовали в Китае еще до появления там собственно государственности. Конкретно для Фу Си называется период с 2858 по 2738 г. до н.э. (по современному летоисчислению).

насилию и смерти. «С древности существует *вэнь* и существует военная сила — *у*¹. Это и есть основа Неба и Земли... Зарождение и рост всего живого — это и есть *вэнь*...» — такое определение *вэнь* дается в чжоуском трактате «Гуань-цзы»².

Изложенные воззрения предопределили превращение литературного творчества в органический и насущно необходимый элемент системы национальной государственности и, кроме того, обусловили не только способы его функционирования в обществе, но и особенности его видового и жанрового состава. К китайской художественной словесности относятся многие классы сочинений, не имеющих, по европейским понятиям, литературно-эстетической ценности, но зато содействующих функционированию государственности: трактаты, августейшие декреты и указы, доклады трону, распоряжения и отчеты, эпистолы. В VIII—IX вв. такого типа сочинения образовали особый вид местной художественной словесности — прозу-*гувэнь* (дословно «старая *вэнь*», «проза древнего стиля»), где к ним добавились произведения эссеистического характера.

Определяющей формальной приметой сочинений, относимых к художественной словесности, что также проистекает из значений иероглифа *вэнь*, оказывается их «узорчатость», т.е. внешнее, стилистическое совершенство. «Если слова не будут расположены в узор, то они не смогут распространяться» — так постулируются формальные критерии художественной словесности в одном из высказываний основоположника конфуцианства Конфуция (551—479 гг. до н.э.). А так как наиболее организованным и внешне упорядоченным видом «словесного узора» безусловно является стихотворный текст, то поэзия неизбежно должна была занять главенствующее положение в видовой иерархии китайской художественной словесности.

Истоки китайского поэтического творчества восходят к еще более глубинным слоям архаики, чем иероглифическая письменность. В древних (чжоуских и постчжоуских) мифологических и историологических повествованиях торжествует идея божественного происхождения национального поэтического, точнее, песенно-поэтического творчества: либо оно воспринимается как дар, ниспосланный людям свыше (их обучение божественными персонажами искусству

¹ Военная сила — *у* — категориальный термин, обозначающий не только непосредственно военные действия, но и любые насильственные акции, а также губительное, разрушительное космическое начало.

² Этот трактат приписывается знаменитому политическому деятелю и мыслителю периода «Весен и осеней» — Гуань Чжуну (Гуань И-у, ?—645 гг. до н.э.), т.е. полагается в традиции древнейшим философским сочинением.

пения и стихотворства), либо же отдельные поэтические традиции возводятся к произведениям, приписываемым древним божествам и легендарным личностям. Китайская культура владела также и такими универсальными для народов мира представлениями, как вера в пророческий дар поэта и провидческие свойства стихотворного текста. Наиболее зримое воплощение эти представления находят в традиции поэтических знамений — фольклор частушечно-афористического характера, называемый «детские песенки» (*тунъяо*). Данная традиция тоже возникла в чжоускую эпоху и удерживалась на протяжении всей последующей истории китайской цивилизации, оставаясь, правда, принадлежностью скорее историографии и общественно-политической мысли, чем собственно художественной литературы. Однако она полнокровно отразилась в светской поэзии, обусловив особое отношение к фигуре поэта-творца. Нередки случаи, когда комментаторы усматривали в сугубо светских и обычных по содержанию стихотворениях предсказание событий, произошедших через несколько веков после смерти их автора.

Вопрос о происхождении национальной поэзии является актуальным и для китайской литературно-теоретической мысли, достигшей своего расцвета в V—VI вв. И хотя рассматривался он преимущественно с натурфилософских и этико-философских позиций, ее представители по-прежнему настаивали на предельной древности происхождения поэтического творчества: «Люди изначально обладали одухотворенностью¹ Неба и Земли, в них заложены пять постоянных свойств². Твердое — мужская сила природы и мягкое — женская сила природы попеременно расходятся; радость и гнев,

¹ В тексте употреблен иероглиф *лин*, имеющий основное словарное значение «божественный». В качестве философского термина категориального ряда мог передавать понятия близкие к европейским «одухотворенность», «духовность».

² В тексте употреблено терминологическое сочетание — *у чан дэ*, которое в сочинениях того времени могло употребляться в качестве синонима термина *у син*, обозначающего пять первостихий (первозлементов), под которыми понимаются природные сущности (земля, дерево, огонь, металл, вода), строго соотносимые с основными пятью пространственно-временными зонами китайской космологии (Центр, Восток, Юг, Запад и Север) и передающие всю совокупность природных процессов; либо же для обозначения пяти основных морально-этических качеств (добродетелей), в их конфуцианском понимании: гуманности — *жэнь*, справедливости/долга — *и*, благопристойности/этикета — *ли*, мудрости — *чжи* и верности — *син*. Подобное признание связи поэтического творчества как с природными процессами, так и с моральными достоинствами личности является, как мы увидим далее, одним из важнейших пунктов китайских эстетико-литературоведческих концепций и непосредственно поэтологических воззрений.

каждое по отдельности, составляют чувства-*цин*¹. И вот то, что творится внутри человека, наружу выходит в виде пения и декламации поэтических строк... Хотя от эпох, предшествовавших Сяскому Юю, не сохранилось образцов изящной словесности, но и тогда люди уже обладали одухотворенностью и чувствами, — иначе и быть не могло. А потому искусство пения, сочинения и декламации поэтических строк возникло вместе с появлением людей».

В приведенном отрывке речь идет о древнейших периодах национальной истории, которые выделялись в местной историографии. Это, во-первых, так называемая эпоха правления пяти совершенномудрых государей древности, с которой связывается возникновение национальной цивилизации и государственности. Под «пятью совершенномудрыми государями» понимаются: Желтый император (Хуан-ди), царствовавший, по преданию, с 2697 по 2597 г. до н.э.) и его потомки — Чжуань Сюй (2513–2435 гг. до н.э.), Гао Синь (император Ку, 2436–2365 гг. до н.э.), Яо (2356–2258 гг. до н.э.) и Шунь (2256–2208 гг. до н.э.). Хотя в древних сочинениях сообщается немало сведений об этой эпохе и каждом государе, ее историчность пока что не подтверждена археологическими материалами. Поэтому она полагается современными исследователями в основном мифологической, а ее правители — исходно архаическими божествами, приобретшими облик совершенномудрых государей в конфуцианской историологии. Второй период — эпоха правления династии Ся (XXIII–XVIII вв. до н.э.), которая была основана, по преданию, великим деятелем и героем — Юем, тоже ставшим со временем одним из почитаемых персонажей древности. И эта эпоха до сих пор остается в большей степени легендарной.

Новейшие археологические находки частично подтвердили правоту теоретиков литературы V—VI вв.: музыкальное искусство действительно зародилось в Китае задолго до появления там государственности, еще в нижних слоях неолитической эпохи, т.е. в пределах 6–5 тысячелетий до н.э. Именно так датируются обнаруженные на сегодняшний день древнейшие китайские музыкальные инструменты (примитивные свирели, свистульки). Следовательно, не исключено, что тогда же начала складываться и песенно-поэтическая традиция.

Тем не менее начальная стадия формирования поэтического творчества, насколько это позволяют проследить письменные и археологические свидетельства, вновь приходится на иньскую эпоху и

¹ *Цин* — категориальный термин, передающий как общее психико-эмоциональное состояние человека, так и отдельные виды эмоций, включая чувство любви (подробно см. далее).

соотносится с официальной ритуальной деятельностью, в которой оно сливалось с музыкальными видами искусства (музицированием, пением и танцем), образуя гармоничный комплекс, обозначаемый как музыка-юэ. По свидетельству надписей на гадательных костях и чжоуских сочинений, этот музыкальный комплекс входил в сценарий большинства обрядовых акций (жертвоприношений) и придворных церемоний полурелигиозного-полусветского характера (аудиенции у царей и удельных правителей, пиршественные церемонии, празднования восшествия на трон и т. д.). Причем все входящие в него виды искусства наделялись, подобно письменности, сакральными, магическими свойствами и, кроме того, предназначались для реализации государем его мироустроительных функций и демонстрации его качеств как правителя: «С помощью... пяти звуков-шэн¹ и восьми тонов-инь, шести танцев и величественно-гармоничных произведений-юэ обращаются к духам и божествам, упорядочиваются дела в удельных княжествах и царствах, умиротворяются гости, прибывшие к правителю, наставляются люди, проживающие в далеких краях». Или: «Познавший музыку приводит в гармонию Небо и Землю... Тот, кто разбирается в голосах, тем самым познает звук; тот, кто разбирается в звуках, тем самым познает музыку; тот, кто познает музыку, тем самым познает способы управления государством». А также: «Мы слышали, что в древности основатель династии (цзу) отличался заслугами, а самый почитаемый правитель (цзун) — добродетелями... Мы слышали, что с помощью песен прославляются добродетели, а с помощью музыки делаются ясными заслуги».

Таким образом, китайское поэтическое творчество исходно находилось в нерасторжимом родстве с системой государственности и институтом верховной власти, являя органический элемент данной системы.

Связь поэтического творчества с музыкальным комплексом и его религиозно-ритуальный смысл остаются в силе и в последующие исторические эпохи, вызвав к жизни особую песенно-поэтическую традицию, представленную сугубо культовой поэзией (храмовые песнопения) и песнопениями, исполняемыми во время придворных празднеств, включая воинские церемонии. С I в. н. э. создание таких песнопений поручалось по специальному августейшему повелению наиболее авторитетным литераторам того времени, т. е. формально они могут считаться авторскими произведениями. Однако они настолько отличаются по содержанию, образности и ритмичес-

¹ Речь идет о пяти основных нотах китайской музыкальной пентатонической гаммы.

кому построению от современной им (и, добавим, принадлежащей тем же поэтам) светской поэзии, что составляют самостоятельную страту, находящуюся вне основного литературного массива. Тем не менее архаико-религиозное осмысление песенно-поэтического творчества с присущими ему сакральными свойствами распространялось, как и в случае с традицией поэтических знамений, и на светскую поэзию.

Процесс отделения поэтического творчества от музыкального комплекса с превращением его в литературную поэзию начался в первой половине чжоуской эпохи. Об этом свидетельствует, во-первых, появление стихотворной эпиграфики — надписей, отлитых на бронзовых сосудах. На сегодняшний день известно 40 таких надписей, самая пространная из которых насчитывает 248 иероглифов и представляет собой по органичности (четкая разбивка на строфы, наличие рифмы, определенная композиционная схема) полноценное стихотворное произведение. Примечательно, что по содержанию оно дублирует анналистические сочинения: в нем последовательно излагается генеалогия владельца сосуда, подаренного им храму, и рассказывается о событиях времен правления первых семи чжоуских царей. Следовательно, в момент обособления поэтического творчества от музыкального комплекса оно, с одной стороны, сохранило за собой свои прежние религиозно-ритуальные функции (помещение надписи на жертвенном предмете), а с другой — восприняло функции и свойства иероглифической письменности.

Следующим аргументом в пользу обретения поэзией творческой самостоятельности служит введение в оборот (ориентировочно с VIII в. до н. э.) специального термина *ши*, посредством которого, подобно термину *вэнь*, вначале определялся любой стихотворный текст, а затем — с I—II вв. н. э. — авторская лирическая поэзия. Этимология этого иероглифа тоже весьма показательна: считается, что он восходит к пиктограмме, которая обозначала определенное действие в ритуале (процедуре жертвоприношения), сопровождавшееся музыкой, пением и танцем. А в его графический состав входит элемент (графема), использовавшийся в терминологических названиях культовых построек (храм) и особой категории лиц, которые предположительно и являлись древними придворными исполнителями — музыкантами, певцами и поэтами. Судя по некоторым данным, эти исполнители (*сы*) либо имели какие-то врожденные физиологические аномалии (хромота, слепота), либо подверглись увечью в качестве наказания (кастрация). Подобные недостатки, с точки зрения древних китайцев, стимулировали развитие у человека музыкально-поэтических способностей.

Не вызывает также сомнений, что уже в раннежоуский период могли появиться коллекции письменных стихотворных текстов — записей песнопений, исполнявшихся при дворе и во время жертвоприношений. Тем не менее первым в истории Китая собственно литературным поэтическим памятником оказывается антология «Ши цзин»¹, которая одновременно является и одной из авторитетнейших книг конфуцианского канона (подробно см. раздел «Антология „Ши цзин“»). Хотя в корпусе этой антологии нет отдельных теоретических разделов, она представляет не только чжоускую поэтическую практику, но и конфуцианские поэтологические воззрения.

Не отрицая в целом религиозно-ритуального смысла поэтического творчества и его натурфилософского осмысления (воплощение «вселенского узора» и способности оказывать гармонизирующее воздействие на мир), конфуцианские мыслители, как это выясняется на материале «Ши цзина» и других древних сочинений, сделали приоритетной его дидактико-прагматическую функцию. Словом, поэтическое творчество, равно как в целом художественное, предназначалось ими в первую очередь для оказания содействия государственности и конкретному правящему режиму посредством воспевания деяний верховных властей либо, напротив, критики их «неправедных» акций, поучения государя и его окружения, обличения общественных пороков, а также пропаганды конфуцианских же идеалов и нравственных ценностей. Это достигалось либо посредством изложения постулатов конфуцианского учения, либо повествованием об исторических эпизодах, показывающих образцы «правильного» или порочного правления, либо рассказом о современных событиях и людях. Кроме того, стихотворный текст наделялся в конфуцианстве способностью выражать настроения и нравы населения страны и потенциальные возможности его конкретного автора, но исключительно как члена социума. В то же время конфуцианские мыслители настаивали на том, что поэтическое произведение должно быть порождением не психико-эмоционального состояния

¹ В отечественных изданиях закрепился перевод названия этого памятника как «Книга песен и гимнов» («Книга песен»). Однако он, во-первых, не совсем точен с терминологической точки зрения, так как термины «песня» и «гимн» не исчерпывают собой понятийный ареал термина *ши* («поэзия», «стихотворство»), а слово «книга» без дополнительных к нему определений («каноническая», «классическая») не передает подлинного значения термина *цзин* («канонический текст»). Во-вторых, указанный перевод приводит к возникновению ложных ассоциаций с библейской традицией («Песнь песней»). Поэтому предпочтительнее выглядит переводческий вариант «Канон поэзии».

человека, а его воли-*чжи*, — знаменитая формула *ши янь чжи*, дословно — «стихи говорят о воле-*чжи*» (или «стихи есть воля-*чжи*, выраженная словами»). Понятийный ареал термина *чжи* тоже весьма обширен. Однако установлено, что в чжоускую эпоху так определялась логико-рассудочная деятельность человека, точнее, своего рода рассудочно-энергетический импульс, идущий от его разума, а не от сердца. Такое определение сущности поэтического творчества проистекает из общих антропологических идей, разработанных в конфуцианстве, и его взглядов на психико-эмоциональное состояние индивида. Эмоции (чувства-*цин*) полагались здесь проявлением низших, животных инстинктов человека, которые, будучи принципиально неподконтрольными разуму, лишь искажают его истинную природу и его восприятие окружающей действительности и внешних событий, тем самым толкая его на неосознанные или намеренно дурные поступки. Поэтому даже самые положительные в их соотношении с этикой эмоции (скорбь, например, по усопшим родителям, радость от встречи с другом) в идеале подлежали полному подавлению. Умение контролировать собственное психико-эмоциональное состояние входит в число основополагающих характеристик разработанного в конфуцианстве идеала личности — так называемого благородного мужа (*цзюньцзы*). Наиболее же пагубной для личности и для общества эмоцией конфуцианцы считали чувство любви, испытываемое мужчиной к женщине, ибо, оказавшись во власти любовного увлечения, мужчина не мог более трезво оценивать свою избранницу, начинал потакать ее прихотям в ущерб интересам других членов семьи, а также пренебрегал своими служебными (государственными) обязанностями. Должно заметить, что столь отрицательное отношение конфуцианцев к любви основывалось на опыте полигамной семьи, в первую очередь царского гарема. Именно конфликты внутри августейшего семейства, по мнению конфуцианцев (что, заметим, во многом совпадает с исторической действительностью), служили одной из важнейших причин политических кризисов, вплоть до гибели династий. Поэтому неудивительно, что поэтические произведения, повествующие о мужских любовных переживаниях, были объявлены в конфуцианских поэтологических воззрениях «развратной», «порочной поэзией». И хотя данные установки неоднократно нарушались в последующей поэтической практике, подобное отношение к любовно-лирической поэзии составляет одну из наиболее специфических черт китайской гуманитарии. Вот почему в отечественном и зарубежном Китаеведческом литературоведении в течение длительного времени господствовал тезис, согласно которому китайская изящная словесность либо вообще не знала темы любви, либо любовные мотивы

непременно изгонялись из настоящей литературы образованными людьми.

Стремление конфуцианских мыслителей не только изъять из поэтического творчества тему любви, но и лишить его индивидуального эмоционального начала, естественно, в корне противоречило самой природе поэзии, особенно лирики. Прекрасно осознавая этот парадокс, они нашли единственно возможный способ его разрешения, провозгласив эталонной народную песню, для которой органически характерно отсутствие фигуры автора-творца и, следовательно, индивидуального эмоционального начала. Этим и объясняется состав и композиция самого «Ши цзина», большую часть которого составляют образцы песенного фольклора и произведения, выдаваемые за таковые; а также уникальная на фоне мировой литературы популярность песенных и производных от них литературных лирических жанров в последующей художественной словесности.

Еще одной значимой чертой конфуцианских поэтологических воззрений — и в данном случае они совпадают с натурфилософскими взглядами — является уверенность в обязательном наличии в поэтическом произведении некоего смыслового подтекста, отличного от внешнего повествовательного плана (по аналогии с разницей между видимыми формами природных объектов и их внутренней сущностью). Причем этот подтекст подлежит отдельно выявить и истолковать. Вот идейная основа китайской комментаторской традиции, в которой за данность принимается не столько внешнее повествование, сколько его предполагаемое внутреннее содержание, нередко извлекаемое посредством многоходовых толкований, построенных на ассоциациях и образных параллелях. В результате незатейливые по смыслу любовные песенки могут истолковываться, например, в качестве рассуждений на этико-политические темы, а жанровые сценки воспроизводить эпохальные для страны события. Подобным истолкованиям способствовали также и свойства самой иероглифики: знак обладал несколькими значениями.

Дидактико-прагматический подход к поэзии и всей изящной словесности *вэнь* оказал огромное воздействие на состояние китайского поэтического творчества благодаря авторитету в местном обществе самого конфуцианства. Но это воздействие имело неоднозначные последствия. С одной стороны, такой подход предельно упрочил общественные позиции поэтического творчества, превратив его в обязательное занятие для представителей национальной социальной и интеллектуальной элиты. Обучение основам стихотворства входило в образовательную программу государственных учебных заведений; в отдельные исторические эпохи написание сочинения в форме поэтического текста было необходимым испытанием в

экзаменах на чиновничью должность, без сдачи которого человек не мог быть принят на службу. С другой же стороны, дидактико-прагматический подход наложил на поэтическое творчество жесточайшие тематические, содержательные и эстетические регламентации, лишая его возможности творческих экспериментов и новаций. Подобный подход препятствовал развитию авторской лирики, которая утвердилась в Китае почти через десять столетий после обнародования «Ши цзина». В этом плане показательны высказывания некоторых европейских китаеведов, считающих, что конфуцианство всегда было настроено враждебно по отношению к истинной поэзии.

Музыкальный комплекс, конфуцианские поэтологические воззрения и шицзиновская поэтическая традиция являются атрибутами далеко не всего древнекитайского культурного субстрата, а лишь той его составной части, которая локализовалась в центральных регионах страны — районах среднего течения р. Хуанхэ. В конце чжоуской эпохи ярко заявила о себе еще одна поэтическая традиция, сложившаяся в культуре южных регионов Китая (районы среднего и частично нижнего течения р. Янцзы), конкретно — в культуре царства Чу (XI в. — 223 г. до н. э.). Возникнув одновременно с Чжоу и став к V—IV вв. до н. э. одним из могущественных царств, занимавшим огромную территорию в бассейне р. Янцзы, это царство обладало самобытными духовными традициями, прежде всего космолого-онтологическими и религиозными представлениями, тяготевшими к мифопоэтическому осмыслению мира, на что указывает еще в чжоуских письменных источниках. До нас дошло достаточно большое число чуских поэтических произведений (см. разделы «Свод „Чуские строфы“» и «Поэмы Сун Юя»), чтобы на их материале можно было выделить и осмыслить типологические особенности поэтического творчества. Начнем с того, что все эти произведения изначально считались в китайской филологии сугубо авторскими. Чуская поэзия действительно завораживает силой звучания индивидуального эмоционального начала. Кроме того, еще одно ее разительное отличие от произведений «Ши цзина»: эмоциональное начало концентрируется вокруг особого образа лирического героя — поэта-изгоя, претерпевающего драматические жизненные коллизии. А ее центральными темами являются переживания личностью несовершенства окружающего мира, современного общества и несправедливостей собственного бытия. Эти эмоции окрашены в надрывно-трагические тона, обогащены резкими антисоциальными настроениями: внутренняя чистота и духовное парение лирического героя постоянно противопоставляются грязи и порокам человеческого общества.

Указанные характеристики чуской поэзии могли отражать биографические реалии ее создателей (именно так они обычно и объясняются в старой китайской филологии и в современных исследованиях). Но еще более вероятно, что они проистекали из качественных особенностей местной ритуальной деятельности и связанного с ней культового поэтического творчества. Внимательное изучение тех же произведений позволяет предположить, что чуский ритуал, в противовес обрядовым практикам центральных регионов Китая, сводившимся к коллективному музицированию, пению и пляске, являл собой разновидность театрализованной мистерии. Она разыгрывалась несколькими (чаще всего двумя) священнослужителями, изображавшими божественных персонажей, и сводилась к речитативным монологам и диалогам. Такого типа ритуал требовал четкой персонафикации его адресатов и исполнителей (что мы и видим в поэтических произведениях) и предполагал развитый импровизационный элемент. А поэтический текст служил в нем не только установлению коммуникации с высшими силами, но и приобщал человека к сакральному, выражая его эмоционально-экстатическое состояние в данный момент.

Понятно, что чуская культура должна была освоить и принципиально отличные от дидактико-прагматического подхода поэтологические воззрения, которые могли обосновать индивидуализированное поэтическое творчество. Искомые поэтологические воззрения содержатся в даосской философии, тоже порожденной чуской культурой, хотя они и получили свое концептуальное оформление уже значительно позже.

Итак, в древнекитайской культуре присутствуют по меньшей мере два совершенно самостоятельных литературно-идеологических комплекса, дающих различное понимание сущности и функций поэзии. Если в одном из них поэтическое творчество безоговорочно предназначалось для удовлетворения духовных нужд государственности и оценивалось преимущественно с позиций этики, то во втором — для выражения эмоционального состояния личности, причем в момент наивысшего напряжения ее духовных сил.

Следующий этап в истории развития китайской поэзии соотносится с эпохой Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) — временем существования последнего и самого могущественного древнего имперского государства. В эту эпоху завершилось формирование китайской этнокультурной общности, социально-политических и духовных основ местной имперской государственности. В заключительную стадию своей эволюции вступили все культурно-идеологические процессы, проявившиеся или наметившиеся в предшествующие столетия.

Главным событием литературной жизни Хань стало превращение поэтического творчества в органический и неотъемлемый компонент официальной культуры имперского общества и культуры его высших привилегированных сословий — аристократии и служилой интеллигенции (чиновничества-*ши*), представители которых были одновременно носителями властных полномочий и хранителями и создателями национальных духовных ценностей.

Ханьское поэтическое творчество отмечено господством авторской поэзии, но не лирических, а прозопоэтических форм, так называемые оды-*фу* (см. раздел «Поэзия эпохи Хань»), в то время как лирические жанры представлены в первую очередь анонимными песенными произведениями — песнями-*юэфу*. Правда, уже в то время появилась и сугубо авторская лирика, но ее утверждение в поэтической практике и превращение в ведущий вид национальной художественной словесности произошло в следующую историческую эпоху — эпоху Шести династий (Лючао, 220—589), открывшей новую фазу в истории китайской цивилизации.

Эпоха Шести династий справедливо считается одним из наиболее сложных и противоречивых периодов в истории Китая. Она была насыщена драматическими историко-политическими событиями, в соответствии с которыми подразделяется в принятой в китайской историографии периодизации на Троецарствие (Саньго, 220—264), когда на руинах ханьской империи возникли три суверенных царства — Вэй (220—264, в центральном и восточном регионах Китая), Шу (221—263, на юго-западе, на территории современной провинции Сычуань) и У (222—280, на юго-востоке, со столицей на месте современного г. Нанкин, провинция Цзянсу), которые вели междоусобные войны; Западная Цзинь (265—316) — новое кратковременное объединение страны; и Южных и Северных династий (Наньбэйчао, 317—589), когда Китай был частично завоеван несколькими племенными союзами во главе с тобйцами (сяньбийцами) и гуннами (сюнну, хунну). Под владычеством чужеземных правящих домов оказались территории, бывшие исходным ареалом формирования китайской цивилизации, — районы среднего и нижнего течения р. Хуанхэ, которые и обозначаются применительно к данной эпохе как Север. К концу IV в. там установилось единое владычество тобийского государства Тоба (Северное) Вэй (386—534). Собственно китайская государственность уцелела только на Юге (территории среднего и нижнего течения р. Янцзы), ставшим главным центром национальной культуры и духовности. Несмотря на постоянную угрозу продолжения экспансии, китайским властям так и не удалось консолидировать общество и добиться политической стабильности в стране. Об этом свидетельствует прежде

всего частота дворцовых и государственных переворотов. За IV–VI вв. на Юге сменилось пять династий — Восточная Цзинь (317–420), Лю Сун (420–479), Южная Ци (479–502), Лян (502–557) и Чэнь (557–589).

Ситуация затяжного социально-политического кризиса, в котором оказалась национальная государственность в эпоху Шести династий, обусловила резко отрицательное отношение к ней в последующей китайской гуманитарии, утверждавшей, что в то время были преданы забвению принципы управления страной и поведения человека в обществе, завещанные древними мудрецами. И это привело к деградации всей духовной жизни общества, начиная с его художественной словесности. «В период Вэй и Цзинь изящная словесность испортилась; при династиях Лю Сун и Южная Ци еще больше опустилась, стала еще беднее»; или: «При Южной Ци, как говорится, были толпы писак да лишь стрекот цикад... Многие литераторы вели гнилой образ жизни, большинство произведений скатывалось к пороку», — такие и аналогичные им по смыслу характеристики поэтического творчества Лючао постоянно встречаются не только в старых литературоведческих сочинениях, но и в относительно недавно опубликованных исследованиях (40–50-е гг. XX в.), хотя для ряда литераторов в них и делается исключение (см. разделы, посвященные отдельным поэтам). Нет ничего удивительного в том, что приведенные оценки были восприняты на первых порах европейским и отечественным китаеведением. И лишь исследования, проведенные в последние десятилетия, окончательно доказали их неправомерность. Выяснилось, что эпоха Шести династий, напротив, представляет собой подлинно ключевой этап в истории китайской культуры, ознаменовавшийся, подобно периоду «Борющихся царств», бурными новаторскими процессами, когда и сформировались все реалии и феномены, составляющие существо традиционной культуры Китая. Важнейший процесс общекультурного плана включает, во-первых, сложение китайско-буддийской традиции во всех ее главных аспектах (появление в китайском обществе особого социального института — монашеской организации, развитие собственно китайских буддийских философских школ, превращение буддизма в активную политическую силу, формирование китайско-буддийского культового искусства); во-вторых, вступление даосской традиции в качественно новую стадию ее эволюции, что распространяется как на даосское философское, так и религиозное (комплекс учений и практик, направленных на обретение человеком бессмертия) направления; в-третьих, выделение трех нормативных для китайского имперского общества идеологических систем: конфуцианства, даосизма и буддизма, так называемые «Три учения»

(*Сань цзяо*). В сфере художественной культуры расцвет эстетической — литературно-теоретической и живописно-теоретической мысли ознаменовался созданием жанровых классификаций, версий истории развития национальной литературы и искусства, а также концепций природы, сущности и функций художественного творчества; утверждением станковой живописи и искусства пейзажного сада; становлением повествовательной прозы.

Все перечисленные процессы находились в постоянном взаимодействии и оказывали прямое или опосредованное влияние на эволюцию поэтического творчества.

Кроме факта утверждения авторской лирики в ходе эволюции лючаоской лирической поэзии определился ее жанровый, тематический состав, поэтологические нормы, включая правила стихосложения, а также проявились все ее типологические приметы.

Процесс перехода от песенного творчества к авторской лирике соответствовал объективным закономерностям развития поэтического творчества. Тем не менее в данный исторический момент он был вызван в большей степени экстралитературными факторами, чем внутрилитературными закономерностями, а именно изменениями ценностной системы китайского общества вследствие гибели ханьской империи. Ценностная система ханьской империи, типичная для централизованных и тяготеющих к тоталитаризму государственных образований, представляла собой строго иерархическую и упорядоченную структуру. Всецело направленная на поддержание единства общества и имперского порядка, она ограничивала свободу индивидуализированной творческой деятельности, предназначенной для самовыражения личности. Основой этой ценностной системы служило конфуцианство, официально провозглашенное во второй половине I в. государственным учением страны и успевшее за последующие полтора столетия превратиться в набор костенеющих догм. В эпоху Шести династий и тоже в силу универсальных характеристик подобного типа — переходных, транзитивных — исторических периодов роль структурообразующих факторов стали играть личностные ценности. Уже в конце Хань в массовом сознании вызрела готовность признать каждого отдельного человека самодовлеющей личностью, признать его право на внутреннюю свободу и персональную творческую деятельность. Указанные изменения создали благоприятные условия для ревизии прежних, в первую очередь конфуцианских, поэтологических воззрений и нового отношения к сущности и функциям поэтического творчества. Так, в лючаоской культуре выкристаллизовался новый — эстетико-эмоциональный — подход к *вэнь*, утверждавший, что истинным предназначением лирики является отражение психико-

эмоционального состояния человека и его персонального мировосприятия. Данный подход был сформулирован и обоснован в литературно-теоретических сочинениях IV–VI вв., но реализован в поэтической практике значительно раньше — на рубеже II–III вв. — в знаменитой «Цзяньаньской поэзии» (см. раздел «Цзяньаньская поэзия»).

Чем сильнее нарастали кризисные тенденции и очевиднее становилась несостоятельность сменявших друг друга правящих режимов, тем стремительнее массовое сознание захватывали индивидуалистические и нигилистические настроения: разочарование в конфуцианских идеалах и ценностях, в принятых общественных устоях и в человеческом обществе как таковом. И все более властно заявляли о себе поэтические направления, базирующиеся на личностных духовных исканиях и находившиеся под определяющим влиянием даосизма и — чуть позже — буддизма (см. разделы «Цзи Кан и Жуань Цзи», «Поэзия в стиле Тайкан», «Стихи о сокровенном»).

Однако представители китайской социальной и интеллектуальной элиты в реальной повседневности не могли дать волю своим антисоциальным настроениям и отказаться от исполнения общественных обязательств и обязанностей. Поэтоу в культуре Лючао начала складываться поведенческая модель, которая действовала по принципу ситуативности: в момент пребывания на службе (в самом широком понимании этого слова) чиновник-интеллектуал отождествлял себя с конфуцианским «благородным мужем» и подчинял свою деятельность, включая творческую активность, морально-этическим регламентациям. В момент же досугового (праздного) времяпрепровождения он осознавал себя даосским или буддийским адептом и предавался тем интеллектуальным и творческим занятиям, которые находились вне официально принятых нормативов и соответствовали его персональным духовным потребностям. Благодаря данной модели оказались задействованными разнообразные поэтологические установки, что и позволило поэзии занять столь исключительное пространство в национальной художественной культуре.

Однако существование в китайском культурном континууме внешних по отношению к поэзии художественных императивов неизбежно должно было привести к ее стереотипности и заданности. Так в действительности и произошло, в чем нетрудно убедиться уже при рассмотрении тематического состава лючаоской лирики. Несмотря на бесспорное своеобразие творчества многих поэтов того времени, корпус лючаоской лирики отчетливо распадается на несколько тематических направлений и групп, число которых оказывается весьма ограниченным. Это: 1) *официальная лирика* — панегирики в честь правящей династии и императорского дома, неред-

ко создаваемые во время проведения государственных праздников, придворных торжеств и тому подобных мероприятий, а также по августейшему повелению, которые по своей сути являются светским вариантом культовой поэзии; 2) *поэзия на конфуцианские темы*, которая обычно определяется как «гражданская лирика» и состоит из следующих основных тематических групп, отвечающих положениям дидактико-прагматического подхода: *произведения на социально-политические темы*, в которых либо критикуется современный автору правящий режим через описание народных бедствий или страданий отдельного человека, несправедливо обиженного властями, либо излагается позитивная социально-политическая программа автора; *произведения на исторические темы*; *произведения на военные темы*, содержание которых в целом сводится к рассказу о тяготах воинской службы и о бедствиях, вызванных военными конфликтами, что тоже соответствует конфуцианским геополитическим представлениям, в которых опротестовываются войны и насилие; 3) *любовно-лирическая поэзия*, образуемая серией различных по культурно-литературным истокам, содержанию, настроениям и изобразительным параметрам групп: *лирика разлуки*, повествующая о разлуке возлюбленных (супругов), как правило, от лица лирической героини; *поэзия с анакреонтическими мотивами*, апологизирующая любовную эмоцию и женскую красоту; *поэзия на тему божественной любви*, в которой реализуется исходно мифологический сюжет, принадлежавший чужим верованиям; *«развратная поэзия»*, повествующая о мужских любовных переживаниях; 4) *поэзия на тему мужской дружбы*, повествующая о мужских дружеских взаимоотношениях, в том числе о разлуке друзей; 5) *поэзия на даосско-религиозные темы*, в произведениях которой рисуется фантазийно-красочная картина мира бессмертных и повествуется о странствовании даосского адепта в этот мир или о его превращении в бессмертного; 6) *поэзия на даосско-философские темы*, которую составляют произведения, перелагающие даосское учение, и произведения с отшельническими мотивами, нередко дополненными антисоциальными настроениями; 7) *поэзия на буддийские темы*, тоже разветвляющаяся на *стихотворения-панегирики*, апологизирующие Учение, и *стихотворения на философские темы*, перелагающие его концептуальные положения; 8) *пейзажная лирика*.

Перечисленные направления, разумеется, могли с разной степенью активности и в различном модифицированном виде проявляться в творчестве каждого конкретного литератора. Однако в целом изложенная тематическая классификация охватывает литературно-поэтическое наследие не только эпохи Лючао, но и ханьской эпохи (для прозопоэзии) и последующих исторических эпох.

Ограниченность тематического состава китайской лирики хорошо согласуется с ее главными типологическими приметами, а именно *ситуативности* и *традиционности*. *Ситуативность* китайской поэзии означает, что предметом изображения в отдельном произведении оказываются не столько жизненные реалии и переживания автора, сопряженные с его индивидуальным опытом, сколько некая внеположная по отношению к нему лирическая ситуация, заданная предшествующим литературным контекстом или общекультурной традицией. Кроме собственно сюжетной линии такая ситуация определяла тип лирического героя, приметы его внутреннего и внешнего (пол, возраст) облика, эмоциональную гамму, характер его мировоззренческой рефлексии (конфуцианский «благородный муж», даосский мудрец-отшельник, буддийский адепт), а также пространственно-временные координаты и своеобразие поэтического мира. Примечательно, что лирическая ситуация и набор ее атрибутов часто напрямую противоречили реальному образу поэта. Наиболее ярким примером этого феномена служит лирика разлуки, в которой мужчины-литераторы от лица лирической героини повествуют о женских любовных чувствах.

Традиционность китайской поэзии заключается в том, что поэтическое повествование опирается на опыт, накопленный всей национальной культурой и закреплённый в предшествующих письменных памятниках. Этот опыт воспроизводится через систему намеков-*дяньгу*, включающую прямые и косвенные цитаты, реминисценции, аллюзии, этнонимы, топонимы, имена собственные, философские, общественно-политические и естественнонаучные термины, а также устойчивые словесные клише («кочующие формулы»), — все они выводят читателя на определенные сочинения или группу сочинений, без знания которых невозможно понять сказанное поэтом. При этом «чужой» текст специально никак не выделяется. Понятие плагиата в Китае полностью отсутствовало. А насыщенность произведения «чужим» текстом, напротив, чрезвычайно высоко ценилась, обнаруживая широкую эрудированность автора. В итоге китайское стихотворение зачастую оказывается поэтическим коллажем, почти полностью составленным из самостоятельных ранее фрагментов. Сказанное, разумеется, не означает, что китайская поэзия на всем протяжении истории ее существования неизменно абстрагировалась от действительности и предавалась исключительно самоварьированию. Крупнейшими литературными фигурами в самой китайской традиции как раз и признаются те поэты, которые сумели вырваться за пределы художественной стереотипности, изобразить в своем творчестве собственные жизненные реалии, современные им события и личное переживание этих событий, тем самым

нередко становясь основоположниками новых тематических или стилистических направлений. Но и самобытность признанных шедевров китайской поэзии тоже будет весьма условной, если их оценивать с позиций европейской эстетики. Ведь творческая индивидуальность и стилистическое мастерство их создателей нередко воплощаются в малоприметных и малопонятных для европейского читателя нюансах: это и обыгрывание, например, принятых образов и лексических клише, и неожиданное столкновение поэтических формул, восходящих к различным письменным источникам и литературным традициям, и новая грань знакомого сюжета или привнесение в повествование свежей интонации.

Ситуативность и традиционность китайской поэзии максимально затрудняют ее художественный перевод на другие языки. Ни одна мировая художественная литература не располагает изобразительными средствами, способными внятно и адекватно передать все богатство китайских образов, не говоря уже об эстетической ауре, создаваемой иероглификой. Кроме того, в специальной расшифровке нуждаются все содержащиеся в тексте намеки, что вынуждает переводчика дополнять оригинал собственными словами. Поэтому имеющиеся переводы китайских произведений есть не более как их художественные переложения, которые иной раз даже по чисто формальным параметрам (объем текста) весьма далеки от оригинала. Но и безусловно выполненный с точки зрения его внешней близости к подлиннику перевод лишь частично воссоздает его смысловую глубину и полифоничность. Не нужно также удивляться, обнаружив откровенные содержательные несовпадения в переводах одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками. Ведь смысловая глубина и полифоничность китайского стихотворения своей оборотной стороной являют его содержательную неясность. Даже в китайской критике и филологии для отдельных сочетаний, строк и целых текстов предлагаются порой самые неожиданные их истолкования, вплоть до взаимоисключающих.

Превращение поэтического творчества в самый распространенный, а для отдельных сфер бытия китайцев — и обязательный вид интеллектуально-творческой деятельности повлекло возникновение такого механизма практики стихотворства, благодаря которому это занятие стало бы доступным любому образованному человеку, даже если он не обладает и зачатками литературных способностей. Вполне ожидаемо, что требуемый механизм тоже начал складываться и утвердился в поэзии Лючао, и тогда же он был осмыслен местными теоретиками. Речь идет прежде всего о правилах стихосложения, которые распространялись на два ведущих для того времени лирических жанра —

авторские *юэфу* и стихи-*ши*¹. Оба этих жанра могли реализовываться в малых (4–12 строк), средних и крупных (более 50 строк) формах, однако уже к V в. наметилась тенденция к выделению четверостиший и восьмистиший, написанных пятисловным (по пяти иероглифов в строке) размером. Метрическая композиция китайского стихотворного текста сводится к законам мелодики (просодии), проистекающим из тоновых характеристик иероглифа. Тон — это голосовая модуляция звукового состава иероглифа, обязательно имеющая в китайском языке знаменательную функцию. Одно и то же сочетание звуков (слова-омонимы) передает, в зависимости от того, каким тоном оно произносится, совершенно различные значения. Всего в китайском языке существует четыре тона — «ровный» (*пиншэн*), «высокий» (*шаншэн*), «ниспадающий» (*цуйшэн*) и «входящий» (*жушэн*). В теории и практике стихосложения эти тона распределяются по двум группам: «ровный тон» (*пиншэн*), куда входит только первый из перечисленных тонов, и «косые тона» (*цзэшэн*), которая объединяет три остальных. В идеальной системе классического стихосложения допускались всего четыре комбинации чередования иероглифов под «ровным» и «косыми» тонами на уровне одной строки, которые, в свою очередь, образовывали схемы для двустушия и четверостишия. Общее правило состояло в том, чтобы расположение тонов в первой строке двустушия было обратным тому, которое применялось во второй строке. Понятно, что ни одна из известных в европейской и русской литературе метрических систем вновь не в состоянии адекватно воспроизвести мелодику китайского оригинала. Поэтому при исполнении художественного перевода выбор необходимых средств выражения остается за перево-

¹ Кроме од-*фу*, песен-*юэфу* и стихов-*ши* в лючаоских жанровых классификациях выделяются еще 12 прозопоэтических, лирических и смешанных жанров: элегии-*сао*, восходящие к чуской поэзии; славословия-*сун* и восхваления-*изань*, обычно представляющие собой четырехсловные стихотворные тексты с пространством к ним прозаическим вступлением; надписи-*мин*, произведения мемориального характера, выбитые на камне или выгравированные на металлических (колокола, оружие, сосуды) предметах; эпитафии-*лэй* — тоже четырехсловные четверостишия с прозаическим вступлением; эпитафии-*бэй* и эпитафии-*цзе* — эпиграфические произведения, состоящие из стихотворных и прозаических фрагментов и выбиваемые, соответственно, только на плоских (плиты, стелы) каменных предметах и на каменных колоннах; некрологи-*чжи* — восхваления усопшего; соболезнования-*дяо* — пятисловные стихотворения с пространством прозаическим предисловием, в котором выражалось сожаление по поводу крушения жизненных планов усопшего и нереализованных его намерений; реквиемы-*цзи*, видимо, ритуального характера; и плачи-*ай*, чаще всего посвященные памяти женщин. Несмотря на их внушительное количество, все эти жанры лишь эпизодически реализовывались в поэтической практике, а потому занимают незначительное место в поэтическом наследии Китая.

дчиком, следуя его индивидуальной творческой манере или теоретико-литературоведческим соображениям. Этим объясняется внешнее разнообразие художественных переводов китайской поэзии.

Метрико-композиционными единицами китайского стиха выступают строка, двустушие и четверостишие. Каждая строка строго подразделяется посредством паузы-*цезуры* на две части. Для пятисловной строки эти части включают соответственно 1–2-й и 3–5-й иероглифы; для семисловной (размер, утвердившийся в поэтической практике лирической поэзии с VII–VIII вв.) — 1–4-й и 5–7-й. В отечественном художественном переводе вплоть до недавнего времени было принято передавать одну строку оригинального текста через две, первая из которых соответствовала доцезурной части оригинальной строки, а вторая — послецезурной, в результате чего объем произведения удваивается. Поэтому в примечаниях к переводу поэтических произведений специально указываются их формальные параметры (поэтический размер, объем, строфическое деление).

Не меньшей самобытностью отличается и китайская рифма, проистекающая, в отличие от европейского стихосложения, не из реального произношения, а из искусственной классификации иероглифов путем их распределения по специальным категориям, называемым «группы рифм» (*юнь*). В одну такую группу попадают звуковые сочетания с одинаковым тоном, гласным и конечным согласным. Например, в группу «дун» («восток») входят иероглифы *тун* — «вместе», *чжун* — «центр/середина», *хун* — «пустота», *фэн* — «ветер» (всего — 155 знаков). В начале VII в. были созданы первые классификационные издания — словари рифм, в которых устанавливались нормативное число и состав «групп рифм», количество которых было впоследствии утверждено в 206. Неизбежно возникающие несовпадения между условным согласованием рифмующихся иероглифов с их реальным звучанием, которое изменялось в ходе лингвистических процессов, послужили поводом для тезиса о том, что китайская поэзия вообще не знала рифмы как таковой, в европейском ее понимании. Поэтому некоторые переводчики используют белый стих. Тогда как другие исследователи и переводчики настаивают, напротив, на употреблении в художественных переводах точных рифм. А третьи полагают, что оригинальная система рифмы позволяет использовать в переводах все возможные типы русской рифмы — от точной до акустической, построенной на аллитерациях. Общим правилом для лирической поэзии было использование в одном стихотворении рифмующихся иероглифов, входящих в одну «группу рифм», с чередованием рифмующихся и нерифмующихся окончаний.

Кроме рифмы китайская поэзия располагала богатым набором различных художественно-композиционных приемов, основное место

среди которых занимают разнообразные повторы. Некоторые из них — *анафора* (повтор иероглифа или нескольких иероглифов, стоящих в начале смежных строк) и *эпанострофа* (повтор иероглифов, стоящих в конце одной строки, в начале следующей) — хорошо известны и европейскому стихосложению. Несколько большей спецификой обладают *тавтофоны* — повтор-удвоение одного иероглифа, бывший излюбленным приемом для всех поэтических жанров. Своеобразие китайских тавтофонов заключается в их смысловой полифоничности и неопределенности. Например, тавтофон «грустно-грустно» (*chou chou*) может передавать всю гамму настроений человека, находящегося в расстроенных чувствах, и обозначать все природные явления и реалии (картина увядающей растительности, звуки осеннего ветра и т.д.), вызывающие такие настроения. Разновидностями тавтофонов являются *омофоны*, *рифмофоны* и *омограммы*, построенные на звуковых или графических совпадениях иероглифов, последние из которых по понятным причинам принципиально не передаются другими языками.

Перечисленные художественно-композиционные приемы нередко играли смыслообразующую роль и служили способом выражения индивидуальной творческой манеры автора. Однако в целом формальный аспект китайской поэзии находился вне строгой зависимости от тематики и содержания произведений: в одних и тех же поэтических формах могли излагаться совершенно разные мысли и настроения.

Суть изложенных правил стихосложения состояла в снабжении автора стандартными схемами для расположения словесного материала. Такие схемы совместно с готовыми лирическими ситуациями и изобразительными средствами и вправду позволяли любому образованному человеку составить очередной стихотворный текст. Именно составить, так как подобные поэтические упражнения ничего общего с подлинной поэзией не имеют и типологически сопоставимы с версификаторством. Но если в Европе версификаторство никогда не рассматривалось как полноценное художественное творчество, то в Китае оно полностью отвечало культурным императивам, в первую очередь конфуцианским поэтологическим установкам.

В результате китайские критики и теоретики литературы неизбежно столкнулись с проблемой эстетических критериев, чтобы отсеять подлинно поэтические произведения от версификационных упражнений. К решению этой проблемы вплотную приступили опять-таки критики и теоретики эпохи Шести династий, которыми были созданы специальные персонологические классификации, распределяющие литераторов по трем основным уровням — «высшему», «среднему» и «низшему». Оценки творчества поэтов, приводимые в таких классификациях, могут отличаться субъективизмом. Кроме того, отношение к поэту нередко решительно изменялось в последующие ис-

торические эпохи: известно немало прецедентов, когда литераторы, исключительно высоко ценившиеся в той же лючаоской литературно-теоретической критике, впоследствии были почти полностью преданы забвению и, наоборот, поэты со ступени «литераторов среднего уровня» затем возводились на пьедестал. Несмотря на подобные метаморфозы, такие классификации служат наиболее надежным ориентиром в поистине безбрежном море китайской художественной словесности и, естественно, они учитывались и при составлении этой хрестоматии.

Вернемся к истории развития китайской поэзии. Период наивысшего расцвета авторской лирики соотносится с эпохой Тан (618–906), представленной одноименной империей. Империя Тан считается самым могущественным национальным имперским государством и временем невиданного ранее взлета всей духовной жизни общества. Определяющим событием танской эпохи во всех отношениях явилось установление Китаем обширнейших живых торгово-дипломатических контактов с внешним миром. Благодаря этим контактам, во-первых, обеспечивалось экономическое благополучие страны. Во-вторых, китайская культура обогатилась множеством различных новаций (от знакомства с исламом до, скажем, заимствования золотоделательных техник). И в-третьих, произошли серьезные изменения социокультурного характера. Состоялось формирование полноценной городской культуры, которая стала оказывать качественное влияние на элитарное художественное творчество, вызвав к жизни тенденцию его демократизации, т.е. от книжных стандартов и эстетических ориентиров, присущих культуре социальной элиты общества, приблизиться к обыденной повседневности. Росту этой тенденции объективно способствовала система государственных экзаменов на чиновничью должность, законодательно утвержденная в начале Тан. Так как от кандидата на сдачу экзаменов всех трех основных ступеней (уездно-областного, провинциального и столичного) требовалось лишь подтвердить необходимый уровень образованности, безотносительно к его родословной, имущественному положению и социальному статусу его семейства, то данная система открыла доступ в сословие служилой интеллигенции выходцам из более широких, чем в предшествующие исторические эпохи, слоев населения — семей купцов, ремесленников, зажиточного крестьянства. Вот истинные причины тех тематических, содержательных и стилистических изменений, которые претерпевала танская лирическая поэзия по сравнению с лючаоской.

Формальным признаком расцвета лирической поэзии при Тан служит ее массовость. Антология танской поэзии, составленная в начале XVIII в., насчитывает 900 томов, в которых представлены 48 900 произведений, созданных 2300 литераторами. Но и в данном случае в танской поэзии устойчиво выделяется немногочисленная

когорты «великих поэтов», возглавляемая Мэн Хао-жанем (689–740), Ван Вэем (701–761), Ли Бо (701–762), Ду Фу (712–770) и Бо Цзюй-и (772–846) (см. соответствующие разделы). Примечательно, что годы жизни многих поэтов этой когорты пришлись на переломный период в истории танской эпохи. Длительное и внешне блистательное правление императора Сюань-цзуна (712–756)¹ завершилось новым обострением кризисных социально-политических ситуаций: мятежом генерала Ань Лу-шаня, войска которого в 755 г. захватили столицу танской империи г. Чанъань (на месте современного г. Сиань, провинция Шэньси), вынудив двор бежать на юго-запад (современная провинция Сычуань). Только к началу 60-х гг. VIII в. правительственным войскам удалось подавить мятеж Ань Лу-шаня, но могущество танского государства было существенно подорвано, и деструктивные тенденции в танском обществе приобрели необратимый характер. Танская империя завершила свое бытие в горниле повстанческих движений (восстание Хуан Чао, 875–884) и междоусобных распри. Все эти события так или иначе получили отражение в поэтических произведениях и что самое главное — колебали настроение умов, которое, естественно, передавалось и поэтическому творчеству.

Ведущими жанровыми разновидностями для танской лирической поэзии являются «стихи нового стиля» (*синьтиши*), обычно определяемые как «регулярная поэзия», и «стихи старого стиля» (*гуттиши*). Регулярная поэзия признавала только четыре поэтические формы — пятисловные и семисловные четверостишия-цзюэцзюй и восьмистишия-люйши, отличавшиеся наиболее строгими правилами стихосложения и композиционного строения. Помимо соблюдения изложенных выше мелодических схем и правил рифмы, четверостишия и восьмистишия должны были разбиваться на четыре композиционно-смысловых этапа: «зачин» (первая строка или двустипие), в котором намечалась тема повествования; «подхват» — развитие данной темы; «поворот» — введение новых смысловых и эмоциональных интонаций; и «завершение» — своего рода резюме повествования.

«Стихи старого стиля» допускали использование различных по объему и поэтическому размеру стихотворных форм, в том числе идущих от песен-юэфу, и отличавшихся более свободным ритмико-композиционным построением.

Во второй половине Тан авторская лирическая поэзия начала осваивать новый жанр — песни-цы, тоже вышедший из стихии фольклора, но на этот раз принадлежащего городской культуре («городской романс»). Будучи литературным жанром, цы сохраняли

¹ Здесь и далее указываются официальные посмертные (храмовые) титулы императоров и годы их правления.

связь с музыкальным сопровождением: их ритмико-мелодическая схема и рифма (место и тон) соответствовали тому или иному мотиву, который обязательно указывался в названии произведений (На мелодию...). В отличие от *ши цы* писались чаще всего смешанным размером с использованием строк из двух до одиннадцати иероглифов. Непосредственно в танской лирике создавались преимущественно цы малых форм (объемом в 18–58 иероглифов). В X–XII вв. появились их более масштабные формы — от 58 до 98 и свыше 90 иероглифов. Самое крупное произведение в жанре цы насчитывает 240 иероглифов, представляя собой целую лирическую поэму.

Превращение цы в популярнейший литературный лирический жанр произошло уже на следующем этапе истории развития китайской поэзии, который соотносится с X–XIII вв., охватывающими собой три исторические эпохи: эпоху Пяти династий (907–960), когда Китай вновь оказался в ситуации административно-территориальной раздробленности; эпохи Северная Сун (960–1127) и Южная Сун (1127–1279).

Эпоха Северная Сун — время существования очередного централизованного имперского государства, но оно с самого начала пребывало в ином, чем танская империя, геополитическом и экономическом положении. На протяжении IX — первой половины X в. в северо-восточных и северных периферийных землях Китая успели утвердиться новые чужеземные царства — киданьское Ляо (916–1125) и тангутское Си Ся (1032–1127), настроенные враждебно по отношению к китайской империи и постоянно угрожавшие ей военной экспансией. Кроме того, были перерезаны и важнейшие торгово-экономические маршруты, соединявшие Китай с внешним миром. Попытки северосунских властей справиться с соседними царствами военным путем потерпели полное поражение, и для сдерживания агрессии им теперь приходилось выплачивать этим царствам огромную дань. Все это привело к падению международного авторитета Сун и ухудшению ее внутриэкономической и политической ситуации. Соответственно, в сунском обществе возобладали настроения ностальгии по прошлому величию страны, разочарования в правящем режиме, страха надвигающейся катастрофы. Эти настроения были подхвачены волнами реформаторского движения, представители которых предлагали различные политико-экономические программы, со столь же разным идейным обоснованием (требования либо возвращения к древним устоям и управленческим принципам, либо, напротив, решительного обновления всех властных структур — подробно см. разделы «Оуян Сю» и «Ван Ань-ши»). Аналогичные по смыслу дискуссии разгорелись и в сфере художественной словесности, когда критики, теоретики и литературоведы вновь обратились к фундаментальным проблемам

сущности и функций поэтического творчества, исходя из предшествующего литературного и культурного опыта, — см. разделы «Су Ши», «Хуан Тин-цзянь и „Цзяньсийская поэтическая школа“».

В первой трети XII в. Китай подвергся нашествию чжурчженей (предки тунгусо-маньчжурских народов), захвативших в 1127 г. столицу Северной Сун (на месте современного г. Кайфына, провинция Хэнань) и затем быстро оккупировавших весь регион бассейна р. Хуанхэ. Как и в эпоху Шести династий, собственно китайская государственность уцелела только на Юге — в империи Южная Сун. Южносунское поэтическое творчество стало последним ярким всполохом национальной поэзии.

Лирико-поэтическое наследие эпох Шести династий, Тан, Северной и Южной Сун, собственно говоря, и представляет собой тот художественный массив, который принято определять как «классическая китайская поэзия». Поэтическое творчество последующих трех исторических эпох — Юань (1271–1368), Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) — уже никогда не достигало подобной вершины. И это объясняется не утратой китайской поэзией ее творческих ценностей, а общими культурно-историческими причинами.

В конце XIII в. Китай был завоеван монголами с установлением на всей его территории владычества чужеземного (монгольского) правящего дома (эпоха Юань). Монгольское владычество отразилось на состоянии китайской культуры и художественного творчества не столь пагубно. Осознав, что управлять Китаем невозможно без усвоения политического и духовного опыта нации, монгольские власти, при общем презрительно-настороженном отношении к местному населению, постарались воссоздать и поддержать китайские идеологические и художественные традиции: провозгласили конфуцианство государственным учением, возобновили систему государственных экзаменов, оказывали покровительство ремеслам и т. д. Следуя примеру китайских императоров, они настойчиво приглашали ко двору каллиграфов, литераторов, живописцев. Однако монгольские власти были не в состоянии по-настоящему понимать и воспринимать китайское художественное творчество и стремились подчинить его собственным мировоззренческим и эстетическим представлениям. С другой стороны, китайская творческая интеллигенция усмотрела в собственной художественной активности единственно возможный способ сохранить национальные культурные и духовные ценности, причем этот способ заключался, по их мнению, в воспроизведении — через их варьирование — шедевров прошлого. Так китайская художественная культура обратилась к реставрационному — погружению в национальное наследие, что наиболее отчетливо проступает в живописном искусстве. И это не случайность: уже при Сун, оставаясь столь же распростра-

ненным видом интеллектуально-творческой деятельности, поэзия начала сдавать свои позиции как главного выразителя общественных настроений живописи, а затем и повествовательной прозе. Примечательно, что ведущие, как они полагаются в традиции, юаньские поэты — Чжао Мэн-фу (1254–1322), Ван Мянъ (1287–1359) и т. д. — были в первую очередь живописцами, а не литераторами.

Наиболее талантливо и самобытно юаньская поэзия проявила себя в драматургии — в ариях-цзюй. В старой китайской филологии лишенные статуса изящной словесности-вэнь арии-цзюй являют собой полноценные поэтические произведения.

Реставрация национальной государственности — эпоха Мин — еще больше стимулировала культурно-художественные реставрационалистические процессы. Минская эпоха тоже знала внушительное число литераторов, но их лирика носит отчетливый подражательный характер, имитируя творческую манеру различных танских и сунских поэтов. И хотя ей нельзя отказать в стилистической изысканности и выразительности, она уже не имеет свойств классической поэзии художественного совершенства и внутренней эмоциональности.

В цинскую эпоху в Китае сложилась общекультурная ситуация во многом сходная с юаньской эпохой. Страна оказалась под властью чужеземной — маньчжурской — династии. И вновь для китайской творческой интеллигенции единственно возможным способом выразить свои национальные чувства стало обращение к литературе прошлого. А маньчжурские власти, стремясь использовать художественную словесность в собственных интересах и опасаясь проникновения в нее духа свободолюбия, не говоря уже об антиправительственных призывах, всячески поощряли спасительное обращение к древности. В итоге цинская поэзия, составляющая по количественному показателю достаточно объемный раздел в литературном наследии старого Китая, может в лучшем случае привлечь внимание изяществом стиха. Поэтому мы сочли возможным не включать в предлагаемую хрестоматию образцы минской и цинской поэзии¹.

Изложение истории развития китайской повествовательной (в европейском понимании этого термина) прозы уже не требует столь детальных экскурсов в историко-культурную ситуацию. Отметим лишь, что повествовательная проза всегда считалась в Китае словесным искусством по своей общественной значимости второстепенным,

¹ На русском языке наиболее полные собрания переводов минской лирики см. в: Прозрачная тень: Поэзия эпохи Мин (XIV–XVII вв.) / Пер. И. Смирнова. СПб., 2000; Небесный мост: Поэзия Гао Ци (1336–1374) / Пер. И. Смирнова. СПб., 2000; а цинской в: Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 3. С. 209–295; Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1. С. 82–94.

не имеющим самостоятельной эстетической ценности и предназначенным для малообразованного читателя либо для прочтения в развлекательных целях, во время досуга. Это находит отражение и в ее оригинальном терминологическом обозначении: *би* (иероглиф, означающий «кисть для письма»). Умаление повествовательной прозы помогло ей сохранять относительную независимость от официально принятых идейно-художественных нормативов и освещать те стороны бытия китайцев, которые находились вне интересов изящной словесности-*вэнь*.

Традиция повествовательной прозы тоже восходит к чжоуской эпохе. Древнейшим из известных на сегодняшний день ее произведений считается сочинение, называемое «Жизнеописание Сына Неба Му»¹. Созданное предположительно в V–IV вв. до н.э.², оно представляет собой весьма объемный текст (в 5 глав-*цзюаней*), повествующий о волшебном странствовании раннечжоуского царя Му-вана (947?–927? гг. до н.э.).

Еще несколько художественных прозаических произведений дошли до нас от ханьской эпохи. Все они тоже отличаются пространностью повествования, сложностью сюжетной линии, наличием многочисленных персонажей, а по содержанию являются подобием историографических жизнеописаний: рассказы о реальных исторических лицах, в первую очередь императорах и их возлюбленных, но насыщенные фантазийно-альковными эпизодами³.

Превращение повествовательной прозы в самостоятельное словесное искусство состоялось, как уже отмечалось выше, в эпоху Шести династий. Она представлена исключительно произведениями «малых» форм — рассказом-*сяошо*. Литературным воплощением *сяошо* являются сборники (коллекции), состоящие из внешне отрывочных фрагментов (извлечения из разного класса сочинений, фактологические записи) и — реже — художественно завершенных рассказов, которые могут занимать и несколько фраз, и более страницы иероглифического текста. Логические переходы от фрагмента к фрагменту, как правило, отсутствуют. Окончательная интерпретация литературного материала и воплощение общей идеи сборника принадлежат его автору или составителю, в роли которых оказываются многие извест-

¹ *Сын Неба (Тянь-цзы)* — принятая (с чжоуской эпохи) титулатура государя.

² Это сочинение, записанное на бамбуковых дощечках (древнейший китайский книжный материал) было впервые обнаружено в 279 г. в разграбленном могильными ворами погребении правителя чжоуского царства Вэй — Хуэй-вана (370–319 гг. до н.э.), что и послужило основанием для его датировки.

³ На русском языке переводы ханьских прозаических произведений см. в: Пурпурная яшма: Китайская повествовательная проза I–VI вв. М., 1980. С. 7–86.

ные литераторы и государственные деятели того времени. Поэтому создание сборников *сяошо* полагается либо факультативным занятием представителей образованной элиты лючаоского общества, либо имевшим пропагандистскую цель — просвещение малообразованных слоев населения. Показательно, что *сяошо* написаны относительно простым языком с использованием фольклорных мотивов и образов.

По тематике сборники *сяошо* распадаются на несколько групп, частично дублирующих поэтические тематические направления: сборники конфуцианской ориентации, сборники, находящиеся в русле религиозно-мифологической и даосско-религиозной традиции (былички и «рассказы о духах»)¹, сборники на буддийские темы² и

¹ Самой известной коллекцией «рассказов о духах» является сборник Гань Бао (IV в.) «Записки о поисках духов», частичный и полный перевод которого (выполненный Л. Н. Меньшиковым) неоднократно публиковался на русском языке: Восточная новелла. М., 1963. С. 15–26; Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975. С. 37–40; Пурпурная яшма... С. 133–183; Гань Бао. Записки о поисках духов / Предисл., пер., прим. Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994. Несколько рассказов из этого сборника в переводе В. А. Панасюка см. также в: Восточный альманах. М., 1957. Вып. 1. С. 104–118; Китайская литература. Хрестоматия. М., 1959. Т. 1. С. 210–214.

² Иллюстративным примером коллекций *сяошо* на буддийские темы выступает сборник Ван Яня «Вести из потустороннего мира».

Ван Янь — отпрыск знатного столичного клана, еще в юности принявший обет мирского последователя Учения (*упасака*) и ставший донатором одного из буддийских монастырей. Увлечение буддизмом не помешало его официальной карьере: Ван Янь занимал достаточно высокие посты, дослужившись к концу жизни до управляющего округом, входившим в столичную область.

Сборник Ван Яня является самым представительным и выразительным, хотя далеко не единственным собранием *сяошо* на буддийские темы, и дает возможность кроме литературных достоинств входящих в него повествований наглядно представить себе состояние китайско-буддийской традиции того времени, в первую очередь простонародных буддийских верований. Всего в сборнике присутствуют по меньшей мере 4 крупных сюжетных блока, освещающих важнейшие аспекты данной традиции: рассказы о наиболее значительных эпизодах истории китайского буддизма и прославленных буддийских деятелях (проповедниках, монашествующих, руководителях монастырских общины-сангха, переводчиках и т. д.); рассказы о вотивных предметах с доказательством их особого почитания; рассказы, воспевающие могущество бодхисаттвы милосердия Авалокитешвары (в китайском именовании — Гуаньшине, Гуаньинь), и о загробном мире, в которых воспроизводится устрашающая картина загробного суда и адских мучений, что делает их типологически сопоставимыми с европейским жанром «загробных видений». Внутри этих блоков рассказы размещены в хронологическом порядке.

Переводы *сяошо* Ван Яня см.: Ван Янь. Вести из потустороннего мира. Буддийские короткие рассказы V века / Пер., прим. и послесл. М. Е. Ермакова. СПб., 1993.

квазибиографические сборники (см. раздел «Рассказ-сяошо эпохи Шести династий»).

Впоследствии *сяошо* трансформировались в новый этап литературных коллекций, известных как *бицзи* («Записи кистью»). Такие коллекции тоже представляют собой внешне бессвязное и лишнее композиционной логики собрание разного рода извлечений, записей, авторских заметок, притч и сюжетных повествований¹.

В танскую эпоху утвердился стадильно первый жанр повествовательной прозы средних форм — новелла-чуаньци, которая в равной степени отвечает типологическим признакам как собственно новеллы, так и повести, обладая свойственными последней фабульными схемами и манерой изложения. Написанные «книжным языком» и выдержанные в высоком литературном стиле, новеллы-чуаньци в целом соответствовали требованиям изящной словесности-вэнь. Однако, несмотря на их литературные достоинства и популярность у образованной читательской аудитории, они продолжали оставаться на периферии художественной словесности, чем и объясняется скудность сведений об их авторах, если только они не проявили себя в других областях художественной деятельности, в первую очередь в поэзии. Одновременно новелла-чуаньци отчетливо преемствовала и лючаоским *сяошо*, сохраняя в том числе приверженность к «чуждому». Звучание фантазийного элемента наиболее характерно для раннетанской (VII в.) новеллы, в которой нередко воспроизводятся эпизоды, варьирующие «рассказы о духах». Новеллы VIII–IX вв. отличаются заметно большей сюжетной разработанностью. Преимущественное внимание в них уделяется событиям повседневной жизни. Их основными героями становятся чиновники и горожане, действующие в реальной обстановке. Если авторы этих произведений и вводят в повествование фантастические детали, то используют их в качестве художественного приема, помогающего им высветить те или иные стороны действительности. Среди танских новелл присутствует также немало произведений, продолжающих линию *сяошо* анекдотического характера и воспроизводящих бытовые сцены, которые отдаленно напоминают фарсовые представления, утвердившиеся в то время в городской культуре. Но особую популярность в танской новелле приобрели любовные сюжеты, главным образом истории о «недозволенной» (добрачной) любви или любовных отношениях с гетерами. Примечательно, что в обоих случаях центральными действующими лицами оказываются именно героини, наделяемые авторами лучши-

¹ Переводы сборников *бицзи* сунской эпохи см. в: Алимов И. А. Вслед за кистью. СПб., 1996. Ч. I; Нефритовая роса. Из китайских сборников *бицзи* X–XIII вв. / Пер. И. Алимова. СПб., 2000.

ми человеческими качествами: душевной чистотой, цельностью натуры, готовностью пожертвовать всем ради любимого.

В общем танские новеллы составляют особую эпоху в истории китайской художественной словесности, заложив основу всей последующей повествовательной и драматургической литературы (см. раздел «Танская новелла-чуаньци» и примечания к переводу отдельных произведений).

В северосунскую эпоху повествовательная литература дополнялась повестью-хуабэнь, обычно обозначаемой также как «городская повесть». *Хуабэнь* (дословный перевод этого терминологического сочетания — «основа для сказа» или «основные речи/словеса») является представителем так называемой песенно-повествовательной литературы, построенной на органическом сочетании стихов и прозы и существовавшей как в письменном виде, так и в устном исполнении¹. Непосредственно *хуабэнь* исходно были своеобразными конспектами, по которым сказители строили свои импровизации. Но став литературным жанром, *хуабэнь* продолжали имитировать форму устного выступления, что и сказалось в особенностях композиции (обязательное присутствие стихотворного зачина и концовки, введение в основной текст поэтических вставок) и стилистики (использование разговорного языка, бытовой и нередко грубоватой лексики). В *хуабэнь* используются самые разные сюжеты, восходящие к древним легендам, историографическим сочинениям, буддийской литературе, а также идущие от повседневной реальности. Все они, как правило, содержат авантурные, детективные и альковные мотивы с сильно выраженным комическим элементом. Героями *хуабэнь* чаще всего выступают простые люди: ремесленники, торговцы, крестьяне, монахи, мелкие чиновники и т. д.

Всего до нас дошло около 30 повестей-хуабэнь, созданных в сунскую, южносунскую и юаньскую эпохи, которые сохранились в сборниках XV–XVI вв. или в литературной обработке уже цинских авторов (см. раздел «Городская повесть-хуабэнь эпохи Сун (X–XIII вв.)»).

¹ К песенно-повествовательным жанрам относятся также: *бяньвэнь* (дословно «измененная изящная словесность»), возникший еще в IV–V вв. и затем наиболее широко употреблявшийся при воспроизведении буддийской канонической или околоканонической литературы (см.: Бяньвэнь о Вэймоцзе / Пер. и прим. Л. Н. Меньшикова. М., 1963; Бяньвэнь о воздаянии за милость / Пер. и прим. Л. Н. Меньшикова. М., 1972. Т. 1–2; Бяньвэнь о лотосовой сутре / Пер. и прим. Л. Н. Меньшикова. М., 1976); *пинхуа* (дословно «простые словеса») — сказы на исторические темы, которые могли рассказываться на протяжении многих дней, недель и даже месяцев, а потому приближаются по пространности повествования и сюжетной сложности к роману, став одним из его литературных истоков.

и повествовательная проза XVII—XVIII вв.» и примечания к переводу отдельных произведений).

Параллельно с утверждением повести-*хуабэнь* формировалась и новелла-*чуаньци*, которая в течение XI—XVI вв. неизменно эволюционировала, усиливая авторское начало и реалистичность (введение исторического времени, реального географического пространства, изменение характера и статуса персонажей в сторону их приближения к действительности, расширение социальной тематики).

Для сунской эпохи одним из наиболее значительных памятников китайской новеллистики признается сборник «Суждения о нравственности у зеленых ворот» Лю Фу.

О жизни Лю Фу известно крайне мало: он жил предположительно в XI в., имел степень *сюэцзя*, что означает сдачу экзамена низшего — уездного — уровня, и, видимо, так и не поступил на службу.

Сборник «Суждения о нравственности у зеленых ворот» представляет чрезвычайно интересный памятник сунской новеллистики. Среди 140 произведений, входящих в сборник, есть и анонимные, и принадлежащие известным литераторам того времени, возможно, некоторые из них самому Лю Фу. По содержанию и формальным характеристикам они очень разнообразны: от пространных повествований, близких по стилистике к танской новелле, до коротких рассказов, напоминающих лючаоские *сяошо*. Именно этот сборник, по справедливому признанию, вообрал в себя не только достижения повествовательной прозы предшествующих исторических эпох, но и стал связующим звеном с последующей художественной словесностью¹.

Для минской эпохи отдельного упоминания заслуживают сборники «Новые рассказы у горящего светильника» Цюй Ю (1341—1427) и «Продолжение рассказов у горящего светильника» Ли Чжэне (1376—1452).

Цюй Ю, второе имя Цзун-цзи, уроженец юго-восточного региона Китая (окрестности современного г. Ханчжоу, провинция Цзянсу), — ведущий минский литератор-новеллист.

Происходивший из старинного семейства ученых-чиновников, Цюй Ю в начале XV в. занимал крупные столичные посты (в том числе инспектора высших правительственных учебных заведений) и входил в ближайшее окружение старшего сына основателя минской

¹ На русском языке имеются переводы в общей сложности 7 произведений данного сборника, выполненные К. И. Голыгиной, в: Рассказы у светильника. Китайская новелла XI—XVI веков / Пер., сост., предисл. и коммент. К. И. Голыгиной. М., 1988. С. 27—43; и Б. Л. Рифтиным, в: Классическая проза Дальнего Востока... С. 89—91.

династии — принца Чжао-вана, исполняя обязанности администратора-распорядителя его двора. Падение Чжао-вана повлекло за собой смещение всех лиц его окружения. Цюй Ю был сослан в пограничный гарнизон, где оставался до 1425 г. и, получив прощение (по очередной амнистии), предпочел вернуться домой и там провел последние годы жизни.

Цюй Ю ярко проявил себя во многих областях гуманитарно-творческой деятельности: им были созданы комментарии к древним каноническим книгам, литературно-теоретические трактаты, многочисленные поэтические произведения. Названный сборник был составлен и издан предположительно в первой трети XIV в., и известно, что он сразу же получил широкое признание у местной читательской аудитории. Однако спустя некоторое время сборник постоянно стал обвиняться официальными цензорами в «безнравственности» и неоднократно запрещался к переизданию.

Цюй Ю — непревзойденный мастер острых жизненных конфликтов, которые, правда, раскрываются обычно через сюжеты, заимствованные из предшествующей литературы и пронизанные мистическими мотивами. Финалы его новелл чаще всего трагичны, а их герои — это люди, перенесшие немало испытаний и разочаровавшиеся в жизни¹.

Ли Чжэнь также происходил из старого чиновничьего семейства, в возрасте 28 лет (1404 г.) сдал столичный экзамен и был сразу же зачислен в штат Академии Ханьлинь и вошел в группу ученых по составлению очередного энциклопедического свода. Затем он служил по большей части в провинциях (Хэнань, Гуанси), пока, сославшись на болезнь, не ушел в отставку.

Названный сборник — главное литературное творение Ли Чжэня — был составлен и обнародован в 20-х гг. XV в. Он состоит из 21 произведения. Судя по его названию, Ли Чжэнь намеревался продолжить новеллистическую линию, заданную Цюй Ю. Однако его новеллы заметно отличаются по содержанию и стилистике от творчества последнего. Явное морализаторство лишает повествование живости. Образы персонажей, несмотря на то что они очерчены даже более выпукло, чем у Цюй Ю, страдают трафаретностью. А их судьбы излишне прямолинейно иллюстрируют конфуцианские этические идеалы. И все же новеллам Ли Чжэня присущи мастерски выполненная сюжетная канва, искренность и лиричность — художественные достоинства, благодаря которым его творчество и оценивается

¹ На русском языке имеются переводы 22 новелл Цюй Ю, выполненные К. И. Голыгиной, в: Рассказы у светильника... С. 170—300; см. также: Классическая проза Дальнего Востока... С. 95—110.

столь высоко в старой китайской филологии и современной исследовательской литературе¹.

Своего наивысшего расцвета китайская повествовательная проза средних форм — как новелла-*чуаньци*, так и повесть-*хуабэнь* — достигла в XVII—XVIII вв. Наибольшей известностью пользуются новеллы Пу Сун-лина (1630—1715), который продолжил традицию «рассказов о духах», новелл и повестей на фантастические темы². Главными памятниками городской повести являются сборники, составленные Фэн Мэн-луном (1574—1646) и Лин Мэн-чу (1580—1644).

Не меньшей известностью пользуются и сборники Юань Мэя (1716—1797) и Цзи Юня (1724—1805), продолжающие в целом линию коллекций-*бицзи*, но при этом приближающиеся к собственно повествовательным жанрам³.

Роман — самый поздний по времени возникновения род китайской повествовательной прозы. Этап его становления приходится на XIV в., а расцвет и востребованность — на цинскую эпоху. Возникнув в окружении «высокой словесности» и популярных повествовательных и песенно-повествовательных жанров, он вобрал в себя многие их черты. В классическом китайском романе каждый эпизод, глава обычно начинаются стихотворными зачинами и заканчиваются стихотворными концовками нравоучительного характера, в которых кратко подводится итог предшествующему повествованию и дается общая трактовка изложенных в нем событий. Иногда речь литературных героев и авторские ремарки, делаемые по ходу повествования, тоже облачаются в поэтическую форму. От песенно-повествовательных жанров роман унаследовал и принятую архитектуру глав: размер главы примерно рассчитан на то, чтобы ее можно было пересказать за один раз. Каждая глава обычно открывается

¹ На русском языке имеются переводы 5 новелл Ли Чжэня, выполненные К. И. Голыгиной, в: Рассказы у светильника... С. 301—376; см. также: Классическая проза Дальнего Востока... С. 110—116.

² Сборник новелл Пу Сун-лина «Рассказы Ляо Чжэя о чудесах» был полностью переведен акад. В. М. Алексеевым и начиная с 20-х гг. XX в. неоднократно издавался по частям и полностью, см., например: Лисьи чары: Из собрания странных рассказов Пу Сун-лина. Пг., 1922; *Пу Сун-лин*. Рассказы о людях необычайных. М.; Л., 1937; М., 1954; *Пу Сун-лин*. Лисьи чары: Рассказы Ляо Чжэя о чудесах. М., 1970; *Пу Сун-лин*. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М., 1983; и т. д.

³ См.: *Юань Мэй*. Новые (записи) Це Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй) / Пер., предисл., коммент. и прил. О. Л. Фишман. М., 1977; *Цзи Юнь*. Заметки из хижины «Великое в малом» / Пер., предисл., коммент. и прил. О. Л. Фишман. М., 1974.

абзацем, вкратце суммирующим содержание предшествующей главы (рудимент устного повествования), и обрывается на самом интересном месте со стереотипной словесной формулой: «О том, что дальше, вы узнаете из следующей главы». Композиционная структура романа восходит к структуре сборников рассказов и повестей: каждый эпизод обладает явной самостоятельностью, многие из них слабо связаны с общей сюжетной канвой. В результате главные действующие персонажи нередко меняются, уступая эту роль друг другу, а то и вовсе уходят из повествования. В целом романы обладают острым и многоходовым сюжетом с обилием локальных конфликтов и действующих лиц. Развернутые описания природы, портреты литературных героев отсутствуют: автор обычно выделяет в каждом действующем лице одну-две характерные для него черты, которыми и определяются все его поступки. Отмечается преимущественная трактовка (подобно танской новелле) женских образов.

По содержанию романы образуют серию тематических направлений, для каждого из которых существует его эталонное произведение. Основными тематическими направлениями являются: *исторический роман*, шедевром которого полагается «Троецарствие» Ло Гуань-чжуна (1330?—1400?) (см. раздел «Роман»); *авантюрно-приключенческий роман* — «Речные заводы» Ши Най-аня (1396—1370) (см. раздел «Роман»); *бытовой роман* — «Сон в красном тереме» Цао Сюэ-цин (1724—1764) (см. раздел «Роман»); *дидактический (или дидактико-сатирический) роман* — «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзин-цзы (1701—1754) — произведение, содержащее острую и злую критику ортодоксального конфуцианства и патронируемых им государственных институтов, включая систему экзаменов на чиновничью должность¹; *любовно-эротический роман* — «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзин, Пин, Мэй» (автор неизвестен)²; *авантюрно-судебный (детективный) роман* — «Трое храбрых, пятеро справедливых» Ши Юй-куня (втор. пол. XIX в.); само это тематическое направление является одним из позднейших, а названное произведение демонстрирует заметные отклонения от поэтики классического китайского романа и некоторое сходство с европейским романом: наиболее часто его сравнивают с «Тремя мушкетерами» А. Дюма³.

¹ См.: У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев / Пер. и вступ. ст. Д. Воскресенского; Под ред. В. Таскина. М., 1959.

² См.: Цветы сливы в золотой вазе, или Цзин, Пин, Мэй / Пер. В. Манухина. М., 1977. Т. 1—2.

³ См.: *Ши Юй-кунь*. Трое храбрых, пятеро справедливых / Пер. В. Панасюка. М., 1974.

Вне каких-либо строгих тематических классификаций находится роман «Путешествие на запад» У Чэнь-эня (1500—1582) — произведение, по сей день пользующееся феноменальной популярностью в Китае (см. раздел «Роман»).

Важнейшее место в литературном наследии старого Китая занимает и драматургическая литература, история развития которой проходила в контексте истории развития всего национального театрального искусства.

Театральное искусство Китая, как и других народов мира, восходит к древним ритуальным действиям. Становление традиции светского театра приходится на ханьскую эпоху. Согласно письменным свидетельствам, в столице ханьской империи имелись специальные сооружения для представления «ста игр» — разного рода зрелищ, включая представления танцоров, музыкантов и акробатов. Причем уже тогда существовали, по тем же сообщениям, технические возможности для проведения сложных представлений с устройством, например, процессии колесниц и демонстрацией сценических трюков и трансформаций: напускания на сцену тумана и снега, превращения на глазах зрителей одних животных в других. Однако эволюция театрального искусства ни в ханьскую, ни в последующие ближайшие исторические эпохи не привела к возникновению собственно драматургии и зрелых форм театра, сопоставимых с античным.

Первые преддраматические произведения — «*Большие арии*» (*дацюй*) — появились уже при Тан. Они представляли собой целостные пьесы с единой фабулой и набором амплуа. Сохранилось свыше десятка сценариев *дацюй* и около 280 их названий, относящихся к танской и сунской эпохам, по которым можно судить о широте диапазона их тем и сюжетов и об особенностях их сценического воплощения. Такие произведения состояли из трех частей: в первой главенствовал музыкальный элемент, во второй — сценическое действие, состоявшее из множества (до 50) сценок-эпизодов, в третьем выступали танцоры. Наряду с подобными сценическими представлениями, осуществляемыми главным образом при дворе, в танской городской культуре выделилось еще несколько разновидностей театрализованных зрелищ: песенно-танцевальные, песенно-игровые, диалогические сценки, особенно фарсового характера. Они разыгрывались чаще всего двумя актерами, между которыми разворачивался политический диалог-импровизация, высмеивающий столичных сановников и заканчивающийся шутовской потасовкой. Все эти разновидности также подготавливали почву для возникновения собственно театра и драматургической литературы.

Но это произошло только в юаньскую эпоху, и вновь под влиянием историко-культурных факторов. С одной стороны, театр, бу-

дучи по своему происхождению простонародным видом искусства, как нельзя лучше соответствовал вкусам и уровню образованности монгольской знати. А с другой — театральное искусство, в силу способности к иносказанию, открывало китайской интеллигенции один из наиболее эффективных способов выразить свои национальные чувства и презрение к завоевателям.

Эпицентром театральной жизни страны в юаньскую эпоху стал район Пекина, где находилась столица (г. Даду): именно там сложилась так называемая северная драма (*цзацзюй*). Еще одна театральная традиция — южная драма (*наньсюй*) — бытовала на Юге, возникнув еще при Южной Сун. Но как стиль национального театрального искусства она просуществовала недолго, придя в упадок уже в юаньскую эпоху и возродившись в XV—XVI вв., но в иной форме. Сценическое богатство «южной драмы» частично было утрачено, но частично усвоено *цзацзюй*, которая и стала главным представителем всего традиционного китайского театрального искусства. К «северной драме» относятся и все юаньские драматургические произведения, служа эталонами для данного рода китайской художественной литературы.

Для юаньской эпохи известны в общей сложности имена 158 драматургов (хотя сведения об их жизни очень скудны), создавших около 730 пьес, из которых полностью сохранились 170 и еще 44 — во фрагментах. Содержание юаньской драмы чрезвычайно многогранно: до двенадцати типов сюжетов, включая пьесы о человеческих чувствах, бытовые пьесы, пьесы на исторические, религиозные, детективно-юридические темы и т. д.

Как литературное произведение драма, подобно роману, состоит в родстве со всеми жанрами изящной словесности — *вань* и повествовательной прозы. Так, *цзацзюй* обладают четырехчастной композицией, совпадающей по сути с композиционным членением четверостиший-*цзюэцзюй* и восьмистиший-*люйши*. В драме эта схема реализуется так: первый акт — экспозиция, намечающая взаимоотношения персонажей и дающая толчок развитию интриги; второй акт — усложнение действия и введение в него новых лиц; третий акт — предельное обострение конфликта и возникновение неожиданной (нередко детективной) ситуации; четвертый акт — разрешение всех загадок и недоразумений, оправдание правых и разоблачение виновных, встреча разлученных. Третий акт может быть отделен от второго по сценарию значительным (до двадцати лет) промежутком времени, что также согласуется с композиционными принципами восьмистишия-*люйши*: его членением на два четверостишия. Следует отметить, что подобная заданность композиции порой явно противоречит художественной логике самого драматического произведения. Например, уже в третьем акте

конфликт может быть успешно разрешен, и на долю последнего акта остается лишь формальное доведение всех сюжетных линий до конца.

От городской повести-*хуабэнь* драма восприняла живость языка. Ее прозаические части — монологи, диалоги, ремарки — воспроизводят современную разговорную речь, независимо от образа говорящего: чжоуский ли князь, ханьский император, сунский полководец, горожанин, крестьянин или слуга — все они изъясняются в целом на одном и том же языке. По этой особенности, заметим, китайская драма решительно отличается от индийской, где господа говорят на санскрите, а слуги — на пракрите. Кроме того, комические сценки отличаются нарочито приземленным, грубоватым языком, допускаются даже ругательства и непристойности.

От новеллы-*чуаньци* драматическая литература восприняла многие сюжеты. И наконец, драма и театральное искусство утвердили тот синтез музыки, танца, пения и поэзии, который, в конечном счете, дал жизнь китайской художественной словесности и сопутствовал ей неизменно (исходно песенные лирические поэтические жанры, песенно-повествовательная проза).

М. Кравцова

ПОЭЗИЯ

I. Древнейшие поэтические памятники

1) АНТОЛОГИЯ «ШИ ЦЗИН»

Создание антологии «Ши цзин» приписывается в традиции лично Конфуцию, о чем сообщается, в частности, в его официальном жизнеописании¹. Там говорится, что Конфуций отобрал из 3000 древних поэтических текстов (*ши*) 305 произведений, выбрав те из них, которые отвечали основным конфуцианским этическим установкам (благопристойности и принципам-*ли*). Однако подлинный чжоуский текст «Ши цзина» не сохранился. В 213 г. до н. э. эта антология совместно с другими конфуцианскими книгами была сожжена по приказу Цинь-ши-хуанди. В II—I вв. до н. э. было обнародовано сразу четыре версии «Ши цзина», воспроизводившие, видимо, его различные списки, которые удалось сохранить в региональных конфуцианских школах, либо же его устные варианты. Во второй половине I в. н. э. (при ханьском императоре Мин-ди, 58—75) эти издания были подвергнуты тщательному текстолого-филологическому анализу. Самым достоверным из них была признана версия, представленная и обнародованная двумя раннеханьскими учеными-конфуцианцами по фамилии Мао: Мао Хэном и Мао Чаном. Тогда же «Ши цзин» был введен в состав конфуцианских канонических книг — в свод «Пятиканоние» («У цзин»)², а его древнее название — «Стихи» («Ши») — было дополнено иероглифом «цзин». В старой китайской гуманитарии принято

¹ Официальное жизнеописание Конфуция представлено в первом китайском историографическом сочинении — «Ши цзи» («Исторические записки», «Записки историка») Сыма Цяня (145?—? гг. до н. э.).

² В «Пятиканоние» входят протофилософские, как они полагаются в современной науке, сочинения: летопись «Весны и осени» («Чуньцю»), «Записи о ритуалах» («Ли цзи»), «Канон истории» («Шу цзин») и «Книга (Канон) перемен» («И цзин»).

также название «Мао ши» — «Стихи [в передаче ученого] Мао».

Канонический вариант текста «Ши цзина»¹ состоит из 305 произведений, распределенных по 4 главным разделам: «Нравы царств» («Го фэн», 160 стихотворений)², «Малые оды» («Сяо я», 74 стихотворения), «Великие оды» («Да я», 31 стихотворение) и «Гимны» («Сун», 40 стихотворений), которые положительно соответствуют главным жанровым разновидностям древнекитайской поэзии: песни-фэн, оды-я и гимны-сун.

Раздел «Нравы царств» состоит из 15 подразделов, исходя из места создания произведений. Основное число представленных в нем стихотворений полагается образцами народного песенного творчества, созданными в пределах VIII—VI вв. до н.э. Возможно, не обошлось и без литературной обработки. Но среди них присутствуют и явно более древние тексты, а также авторские произведения. Песни-фэн представляют собой в целом относительно небольшие по объему тексты (в среднем 14—18 строк), написанные преимущественно четырехсловным (по четыре иероглифа в строке) поэтическим размером. Одновременно они чрезвычайно широко варьируют по тематике и содержанию: песни на бытовые, исторические темы, с социально-критическими мотивами, песни, связанные с календарной обрядностью и т.д. Наиболее же полно и разнообразно здесь представлена тема любви: от величаний невесты до исповеди, например, брошенной жены.

«Малые» и «Великие оды» считаются исходно песенно-поэтическими произведениями, созданными придворными исполнителями, и датируются соответственно IX—VIII и X—IX вв. до н.э. «Малые оды» по тематике и содержанию частично повторяют песни-фэн, но отличаются от них большей пространностью повествования (30 и более строк) и художественно-композиционной сложностью. «Великие оды» могут иметь еще более внушительный объем (50 и более строк), а главное место

¹ В дальнейшем «Ши цзин» неоднократно подвергался редактированию. Наиболее значительная редакция была произведена знаменитым ученым-конфуцианцем Чжу Си (1130—1200), который включил в раздел «Малые оды» 6 ранее считавшихся утраченными произведений.

² Входящий в название этого раздела иероглиф фэн, имея буквальное значение «ветер», в чжоуской литературе использовался в качестве категориального термина, обозначающего быт, нравы и настроение народа, чем и объясняется принятый в отечественном Китае перевод «Го фэн».

среди них занимают исторические повествования и славословия правителей и лиц их окружения, нередко связанные с пышными церемониями.

Раздел «Гимны» состоит из трех подразделов: «Гимны дома Чжоу» (31 стихотворение), «Гимны дома Лу» (4 стихотворения) и «Гимны дома Шан» (5 стихотворений). В первом из них представлены произведения, исполняемые во время официальных обрядовых акций чжоуского правящего дома. Это небольшие по объему тексты (10—14 строк), написанные смешанным размером и датируемые XI—X вв. до н.э. «Гимны дома Лу» — песнопения царства Лу (1027—256 гг. до н.э.) — родины Конфуция, которые по формальным особенностям совпадают с «Великими одами» и датируются VII в. до н.э. «Гимны дома Шан» возводятся традицией к иньской эпохе, но на самом деле были созданы не ранее VII в. до н.э. и по формальным показателям дублируют чжоуские гимны.

Хотя в научной литературе до сих пор не утихают споры об истории создания «Ши цзина», датировках и интерпретациях отдельных входящих в него произведений, а также степени соответствия этой антологии всей чжоуской поэтической словесности, не вызывает сомнений, что этот памятник действительно основополагающий для китайской поэзии, так как определил базовый набор ее тем, мотивов и коренной пласт ее изобразительных средств.

На русском языке имеется полный перевод «Ши цзина», выполненный А. А. Штукиным (1904—1963): Шицзин / Пер. и коммент. А. А. Штукина; Поэтич. ред. А. Е. Адалис; Послел. Н. Т. Федоренко. М., 1957; Шицзин. Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина; Вступ. Н. Федоренко. М., 1987; Шицзин. Избранные песни / Пер., послел. и прим. А. А. Штукина; Ред. и предисл. Н. И. Конрада. М., 1957; Антология китайской поэзии. М., 1957. Т. 1. С. 75—146. Кроме того, в различных изданиях опубликованы отдельные произведения «Ши цзина», переводы В. П. Васильева (1818—1900), в: Перевод и толкования Ши-цзина // Примечания на III выпуск китайской хрестоматии. СПб., 1882. XI; Очерки истории китайской литературы // Всеобщая история литературы. СПб., 1880. Т. 1. С. 459—472; Р. Ф. Итсом, Л. Д. Позднеевой и Г. Г. Стратановичем, в: Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. акад. В. В. Струве. М., 1950. Т. 1. С. 306—309; Хрестоматия по истории древнего мира / Под ред. акад. В. В. Струве. М., 1956. С. 95—99; Хрестоматия по истории

Древнего Востока / Под ред. акад. В. В. Струве, Д. Г. Редера. М., 1963. С. 425—434; В. Микушевичем, в: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 261—262; М. Кравцовой, в: *Кравцова М. Е.* Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. СПб., 1994. С. 361—371.

ИЗ РАЗДЕЛА «НРАВЫ ЦАРСТВ»

Как друг друга кликали

Как друг друга кликали селезень и уточка
На укромном острове посреди стремнины.
Нежная и скромная да собой пригожая,
Будешь князю нашему ты супругой милой.

Разрослись-раскинулись ряска и кувшинки,
Там и здесь — повсюду — их волна качает.
Нежная и скромная да собой пригожая,
Дни и ночи суженый по тебе скучает.
Что никак не свидитесь, он душой томится,
Дни и ночи мается в думах и печалях.
Ах, тоска сердечная, дума бесконечная,
Как он ни уложится, все равно не спится!

Разрослись-раскинулись ряска и кувшинки,
Там и здесь — повсюду — их цветы срываем.
Нежную и скромную да собой пригожую,
Песнями напевными хором величаем.
Разрослась-раскинулись ряска и кувшинки,
Там и здесь — повсюду — для тебя собираем.
Нежная и скромная да собой пригожая,
Звонкой, громкой музыкой мы тебя встречаем.

Саранча

Саранча, саранча, прилетай,
Да несметною стаей!
Твои дети и внуки пускай
Размножаются и процветают!

Саранча, саранча, прилетай,
Да на звонких на крыльях!

Твои дети и внуки пускай
Пребывают всегда в изобилие!

Саранча, саранча, прилетай
Дружным, слаженным хором!
Твои дети и внуки пускай
Каждый год нарождаются снова!

О лить, твои стопы

О лить, твои стопы —
Наших князей сыновей благородных
Да охраняют они!

О лить, твое чело —
Наших князей жен благородных
Да охраняет оно!

О лить, могучий твой рог —
Наших князей благородных потомков
Да охраняет он!

Громко грохочет гром

Громко грохочет гром
К югу от Южных гор.
Разве мыслимо ехать в такую-то пору,
Не позволив себе переждать непогоду?!
Господин мой, супруг дорогой,
О, вернитесь, вернитесь домой!

Громко грохочет гром
Да у самых у Южных гор.
Разве мыслимо ехать в такую-то пору,
Не позволив себе переждать непогоду?!
Господин мой, супруг дорогой,
О, вернитесь, вернитесь домой!

Громко грохочет гром
Да у самых у Южных гор.
Разве мыслимо ехать в такую-то пору,
Не позволив себе переждать непогоду?!
Господин мой, супруг дорогой,
О, вернитесь, вернитесь домой!

Господин мой, супруг дорогой,
О, вернитесь, вернитесь домой!

Солнце и луна

Солнце ли светит, луна ли взойдет,
Землю так ярко они озаряют.
Рядом со мною живет человек,
Древний обычай нарушил, презрел.
Сможет ли вновь все в порядок прийти?
Что ж и тогда на меня он не взглянет?

Солнце ли светит, луна ли взойдет,
Щедро на землю свой свет посылают.
Рядом со мною живет человек,
Нету и тени участия в нем.
Сможет ли вновь все в порядок прийти?
Что ж обернуться ко мне не желает?

Солнце ли светит, луна ли взойдет,
Оба с востока свой путь начинают.
Рядом со мною живет человек,
Добр на словах, да в поступках жесток.
Сможет ли вновь все в порядок прийти?
Что ж навсегда меня хочет оставить?

Солнце ли светит, луна ли взойдет,
Оба свой путь начинают с востока.
Матушка милая, добрый отец,
Вам ли меня было холить-растить!
Сможет ли вновь все в порядок прийти?
Вдруг да ко мне обернется он снова!

Грохочущий барабан

Едва барабана послышится грохот,
Солдат на ногах уже к бою готовый.
В столице одни укрепления возводят,
А мне вот на юг продвигаться походом.

Нас Сунь-генерал за собою ведет,
С соседями-царствами уж замирились.

А все не велят возвращаться домой,
Тоска и смятение сердца охватили.

Мы здесь остановимся, там отдохнем,
Пока на привале, коней отвязали.
И долго их округ искали потом,
Насилу в лесу среди деревьев поймали.

Ты жив или мертв — все от дома вдали,
Прощальное слово жене посылаю.
Мы, за руки взявшись, когда-то с ней шли,
Дожить до седин дружной парой мечтали.

Увы мне, увы, как разлука горька,
Живым возвратиться не чаю я боле!
Увы мне, увы, как любовь ни крепка,
Она не изменит сей горестной доли.

Северные ворота

Выхожу из Северных ворот,
Изболелось сердце от забот.
Нищим стал совсем я, бедняком,
И никто не думает о том.
Ну и жизнь!
Видно, мне удел такой от Неба...
Что смогу сказать в ответ на это?!

Исполняй-ка государевы дела,
А делам-то тем ни краю, ни конца.
Как домой к себе со службы ворочусь,
Домочадцы наседают на меня.
Ну и жизнь!
Видно, мне удел такой от Неба...
Что смогу сказать в ответ на это?!

Поручают государевы дела,
Их без счету навалилось на меня.
А домой к себе со службы ворочусь,
Так ругать-корить бросается родня.
Ну и жизнь!

Видно, мне удел такой от Неба...
Что смогу сказать в ответ на это?!

Северный ветер

Северный ветер задул ледяной,
Снег нависает густой пеленой.
Если мне веришь и любишь меня,
Руку мне дай и поедem со мной.
Время ли думать и медлить, когда
К нам подступает вплотную беда!

Северный ветер зловеще завыл,
Липкими хлопьями снег повалил.
Если мне веришь и любишь меня,
Руку мне дай и отсюда бежим.
Время ли медлить и думать, когда
К нам подступает вплотную беда!

Что там краснеет? — лишь лисье ворье,
Что там чернеет? — одно воронье.
Любишь ли, веришь по-прежнему другу —
Вот колесница, и дай же мне руку!
Время ли думать и медлить, когда
Нас настигает с тобою беда!

Та девица-скромница

Та девица-скромница красотой цветет,
Друга у околицы терпеливо ждет.
Коли видеть любушку долго не могу,
С головой понуренной сам не свой хожу.

Ах, девица-скромница, всех она милей,
Другу подарила алую свирель.
Яркая, нарядная, красками блестит,
Да сильнее девичья красота пленит!

Мне траву душистую принесла с полей,
Редкую да дивную — нету равной ей.
От травинки шелковых глаз не отвести,
Но куда прелестнее девичьи черты!

У низины да у Фэнь у реки

У низины да у Фэнь у реки
Щавеля срывают зелены листки.
Господин вы наш хороший,
До чего же вы пригожи!
До чего же вы пригожи,
Да на княжьего возницу
все ж не больно-то похожи!

А у края да у Фэнь у реки
Рвут тутовника зеленые листки.
Господин вы наш хороший,
Как цветочек, вы пригожи!
Как цветочек, вы пригожи,
Да на княжьего на чина
все ж не больно-то похожи!

У изгиба да у Фэнь у реки
Собирают подорожника листки.
Господин вы наш хороший,
Как нефрит, собой пригожи!
Как нефрит, собой пригожи,
Да на княжьего вельможу
все ж не больно-то похожи!

Одинокaя груша

Вдалеке ото всех эта груша растет —
А как зелень ее пышна!
Одинешенек я по свету брожу —
Разве нету людей вокруг меня?
Да разве сравнится ли кто
с сынами отца моего?!
О вы, кто сегодня в пути,
Почему же меня сторонитесь?
Коль без братьев — и старших, и младших — я,
Почему же помочь не спешите?

Вдалеке эта дикая груша растет —
А как зелень ее нежна!
Одинешенек маюсь по свету я —

Разве нету людей вокруг меня?
 Да сравнится ли кто
 с птенцами гнезда моего?!
 О вы, кто сегодня в пути,
 Почему вы меня сторонитесь?
 Коль без братьев — и старших, и младших — я,
 Почему же помочь не спешите?

Нет одежды

Сетуешь, что не во что одеться?
 Поделюсь с тобой своим я платьем!
 Государь наш собирает рати,
 Приготовил я копье и пику.
 Хочешь, будем мы с тобой как братья!

Сетуешь, что не во что одеться?
 Что на мне, могу тебе отдать я!
 Государь наш собирает рати,
 Пикку приготовил я и дротик.
 Рядом будем мы с тобою драться!

Сетуешь, что не во что одеться?
 Поделюсь с тобой кафтаном новым!
 Государь наш собирает рати,
 Меч, доспехи — все уже готово.
 Вместе нам идти на бой суровый!

Славное начало

Прежде, помнится, жаловал нас,
 привечая в палатах просторных,
 А теперь от роскошных тех яств
 не осталось и толики скромной.
 Эх, беда, что, так славно начав,
 дел своих не продолжил наш князь!

Прежде, помнится, потчевал нас,
 поднося по четыре по блюда,
 А теперь вот на княжьих харчах
 ты голодным уходишь отсюда.

Эх, беда, что, так славно начав,
 дел своих не продолжил наш князь!

Сова

О сова, жестокая сова!
 Ты детей меня уже лишила,
 Так теперь не разорь гнезда!
 Я с такой любовью их растила —
 Хоть за это пожалей меня!

Ведь пока не потемнело
 от набухших туч дневное небо,
 Я кору с тутовника сдирала,
 Окна из нее плела и двери.
 Как же вы, живущие внизу,
 На гнездо позариться посмели!

Слабыми своими коготками
 Я осоку жесткую рвала.
 И все это долго собирая,
 Нежный клювик стерла до крови,
 Но сама себе тогда сказала:
 «Дом твой не закончен, потерпи!»

Посмотрите — крылья онемели,
 Посмотрите — с хвостиком что стало!
 И гнездо недолго уцелеет:
 От дождя и ветра расшаталось...
 Тихо плакать только и осталось!

ИЗ РАЗДЕЛА «МАЛЫЕ ОДЫ»

Олени кричат

Призывно олени кричат на лугу,
 Где вволю едят молодую траву.
 Желанных гостей я сегодня встречаю,
 И радостных песен разносится звук.
 Свирели поют, и гремят барабаны,
 Корзины с дарами гостям поднесут.

Меня они искренне любят, я знаю,
Наставят в делах и совет подадут.

Призывно олени кричат на лугу,
Где вволю едят молодую траву.
Желанных гостей я сегодня встречаю,
Чье славное имя блистает вокруг.
К простому народу полны уваженья,
А кто благороден — все следуют им.
Немало есть доброго в доме вина,
Чтоб, вместе собравшись на этом пиру,
отраду доставить гостям дорогим.

Призывно олени кричат на лугу,
Где вволю едят молодую траву.
Желанных гостей я сегодня встречаю,
Гремят барабаны, и флейты поют.
Гремят барабаны, и флейты поют,
Пусть радости нашей не будет конца.
Немало есть доброго в доме вина,
Чтоб, вместе собравшись на этом пиру,
гостей дорогих веселились сердца.

Четверка коней

Без устали скачет четверка коней,
Нелегко и долог проделал я путь.
Не хочется разве домой повернуть?!
Да коль ты на службе, не терпят дела —
И сердце от горя болит у меня.

Без устали скачет четверка коней,
Их гривы черны, сами — снега белей.
Не хочется разве домой повернуть?!
Но коль ты на службе, не терпят дела,
И времени нет хоть чуть-чуть отдохнуть.

Вот горлинки стаяй кружат и кружат,
То в воздух взмывают, то долу летят,
Садятся на ветви могучего дуба...
А ты коль на службе, дела ждать не будут, —
Отца обиходить и то не могу я.

Вот горлинки стаяй кружат и кружат,
То в воздух взмывают, то рядом парят,
На ветки садятся могучего дуба...
А ты коль на службе, дела ждать не будут, —
И мать обиходить никак не могу я.

В повозку запряг черногривых коней,
И кони помчались быстрее и быстрее.
Ах, мне ль не стремиться вернуться домой!
Я песню сложил, чтобы спеть в песне той,
Как хочется с матушкой быть мне родной!

Не толкай ты большую телегу

Не толкай ты большую телегу —
Только пылью себя запорошишь.
О своих не кручинься ты бедах —
Занедужишь лишь так, занеможешь.

Не толкай ты большую телегу —
Только пылью себя занесешь.
О своих не кручинься ты бедах —
Все равно тем себя не спасешь.

Не толкай ты большую телегу —
Только пылью вокруг все затянет.
О своих не кручинься ты бедах —
Так тебе тяжелей еще станет.

ИЗ РАЗДЕЛА «ВЕЛИКИЕ ОДЫ»

Чудесная башня

Царь Просвещенный чудесную башню задумал построить,
План начертил и расчеты ее подготовил.
Сразу народ на строительство вышел с охотой,
День не прошел, а уже завершили работу.
Пусть даже царь призывал — торопиться не надо,
Люди трудились, как дети для отчего дома.

Царь Просвещенный чудесный свой парк посещает,
Где на лугах возлегают олени и лани.

Шкуры лоснятся, могучи и статны тела их,
И лебедей оперенье в лучах серебром отликает.
Вот он на берег чудесного вышел пруда —
Множество рыбы в нем плещется, резво играя.

Балки резные, чудовищ свирепые лики,
Колокола и рядами звенящие плиты.
Звук их напевный сливается в дивном согласье,
Полнится радостью зал, где проводят занятия.
Звук их напевный сливается в дивном согласье,
Полнится радостью зал, где проводят занятия.
Из кожи каймана торжественен ритм барабанов,
И совершенно искусство слепых музыкантов.

ИЗ РАЗДЕЛА «ГИМНЫ»

Небо воздвигло

Небо воздвигло высокую гору,
Предок Великий зёмли вокруг обработал,
Тем дело начав.
Царь Просвещенный деянья продолжил,
К Циской горе чрез теснины и кручи
Ровные он проложил и прямые дороги,
Детям и внукам их сберегать завещав.

О, горе мне, горе!

О, горе мне, горе! Я малым дитем
Возглавил наш дом, что еще не устроен,
Скорблю-убиваюсь, как стал сиротою.
Отец мой державный! О мой господин,
Правитель мудрейший, почтительный сын!

К Августейшему Предку я в мыслях взываю:
Да нисходит с небесных он высей в священный чертог,
Дабы я, сирота малолетний, со всем благовеньем
Почитать его денно и ночью бы мог!

Божественно-великие цари, готов вам клятву дать:
Деянья продолжать и вас не забывать!

Сытые кони

Сытые кони, могучие кони,
Могуча гнедая четверка коней.
И ночью и днем в государя покоех
Светло от сиянья прибывших гостей.

Вот цапли слетаются стаей,
На землю садятся, слетаясь.
Без устали бьют барабаны,
Мы в пляску пускаемся, пьяны,
Безмерным весельем полны!

Сытые кони, могучие кони,
Могуча четверка лихих жеребцов.
И ночью и днем в государя покоех
Гостям подают молодое вино.
Вот цапли слетаются стаей
И в воздухе кружат, слетаясь.
Без устали бьют барабаны,
Домой собираемся, пьяны,
Безмерным весельем полны!

Сытые кони, могучие кони,
Могуча четверка коней вороных.
И ночью и днем в государя покоех,
В покоех его продолжается пир.
«Тебе, о наш князь, мы желаем
Отныне годов урожайных,
Да будешь богат ты и славен,
Да род твой в веках процветает!»
Безмерным весельем полны!

2) СВОД «ЧУСКИЕ СТРОФЫ»

Свод «Чуские строфы» («Чу цы») — главный памятник южного поэтического творчества. Он был составлен в первой половине II в. н. э. ученым-филологом Ван И (89—158), сделавшим и первый комментарий к этим произведениям. Всего в свод входит семнадцать текстов, включая циклы, восемь из

которых приписываются Цюй Юаню (340?–278 гг. до н. э.). Это поэмы «Ли сао», «Вопросы к небу» («Тянь вэнь»), циклы «Девять песен» («Цзю гэ»), «Девять напевов» («Цзю чжан»), прозапоэтические сочинения «Гадание о жилье» («Бу цзюй») и «Отец-рыбак» («Юй фу»), а также поэмы «Призывание души» («Чжао хунь») и «Великое призывание» («Да чжао»), представляющие собой своего рода моления, обращенные к душе усопшего, но их авторство с самого начала дискутировалось в комментаторской традиции¹. Далее (в хронологическом порядке) следуют: поэма еще одного чуского поэта — Сун Юя (290?–223? гг. до н. э.) «Девять рассуждений» («Цзю бянь»), поэма «Путешествие в даль» («Юань ю») — произведение на даосско-религиозные темы, созданное предположительно во II—I вв. до н. э., цикл «Раскаianie в клятвах» знаменитого ханьского поэта-одописца Цзя И (201–169 гг. до н. э., подробно см. далее), поэма «Призывание сокрывшегося от мира» («Чжао инь ши») Хуайнань-сяошаня (подробно см. далее), цикл «Семь увещаний» («Ци цзянь») известнейшего даосского философа Дунфан Шо (161–78 гг. до н. э.)², поэмы «Во власти скорбных времен» («Ай мин ши») Янь Цзи, циклы «Девять чувств» («Цзю хуай») Ван Бао (?–59), «Девять переживаний» («Цзю тань») известного ученого и мыслителя Лю Сяна (77–6 гг. до н. э.)³ и «Девять дум» («Цзю сы») самого Ван И. Все перечисленные произведения обычно обозначаются в китайской филологии и научной литературе как *чуские строфы* (*чуцы*).

¹ Их предполагаемыми авторами называются Сун Юй или тоже чуский поэт Тан Лэ, имя которого лишь бегло упоминается в письменных источниках.

² Дунфан Шо — одна из самых колоритных фигур ханьской эпохи. Придворный ханьского императора У-ди (подробно см. далее), он еще при жизни почитался даосским мудрецом и прославился экстравагантными поступками, несовместимыми с придворным этикетом, которые сам он мотивировал тем, что обладает абсолютной внутренней свободой, позволяющей ему, пребывая в императорской резиденции, ощущать себя отшельником. В такой своей ипостаси Дунфан Шо впоследствии стал излюбленным персонажем китайской художественной словесности.

³ Лю Сян — принц крови, математик и ученый-филолог, считающийся в том числе автором двух важнейших древних апокрифических сочинений — «Жизнеописания прославленных бессмертных» («Ле сянь чжуань») и «Жизнеописания прославленных женщин» («Ле нюй чжуань»), оказавших заметное влияние на последующую художественную прозу (подробно см. далее).

По единодушному признанию старых китайских филологов и современных исследователей, *чуские строфы* знаменуют собой появление в Китае авторской поэзии, а Цюй Юань признается первым местным поэтом. Кроме того, он почитается во всей китайской культуре как выдающаяся личность, олицетворение истинно благородного человека. В простонародных верованиях южных районов Китая впоследствии утвердился подлинный культ Цюй Юаня¹.

О жизни Цюй Юаня сохранилось довольно много сведений, в том числе изложенных в *чуских строфах*, которые в систематизированном виде воспроизводятся в его официальном жизнеописании из «Ши цзи» Сыма Цяня². Согласно этим сведениям, Цюй Юань был близким родственником чуского правящего дома, попытался реализовать себя на государственном поприще, но тогдашний правитель Чу — Хуэйван (338–298 гг. до н. э.) не сумел по достоинству оценить его таланты и добродетели и, более того, поверив наветам недоброжелателей великого поэта, изгнал его из царства. Отчаявшись добиться справедливости, угнетаемый предчувствием скорой гибели Чу (как это и произошло в действительности), Цюй Юань покончил с собой, бросившись в воды реки Мило — притока Янцзы.

Несмотря на такое обилие фактических данных о Цюй Юане, его личность и творчество продолжают вызывать жаркие дискуссии ученых, суть которых сводится к выявлению типологических особенностей и генезиса *чуских строф*: являются ли они детищем творческого дара одного-единственного поэта или же воплощением всего поэтического опыта чуской культуры, генетически связанного с местными религиозными представлениями и практиками. Высказывается также предположение, что образ Цюй Юаня есть собирательный образ членов чуской духовной элиты, возможно жреческого характера.

Кроме указанных ранее отличий *чуских строф* от шицзиньской поэзии, они обладают и собственными формальными

¹ Этот культ находит, в частности, воплощение в праздновании Дня памяти Цюй Юаня в рамках популярнейшего летнего календарного праздника Истинной середины, который отмечается в пятый день пятого месяца по лунному календарю.

² Перевод этого жизнеописания на русский язык см. в: Сыма Цянь. Избранное / Пер. В. Панасюка. М., 1956. С. 173–181, и в сборниках произведений Цюй Юаня (см. далее).

приметами: преимущественное использование семисловной строки и особой эмфонической частицы — *си*, передающей либо цезуру, либо разбивку строк внутри двухстрочной строфы.

На русском языке имеются переводы всех произведений Цюй Юаня, выполненные А. Адалис, В. М. Алексеевым, А. Ахматовой, А. Гитовичем, Л. Эйдлиным (подстрочные переводы Г. О. Монзелера, В. А. Панасюка и Н. Т. Федоренко), в: *Цюй Юань. Стихи* / Вступ. ст. и ред. Н. Т. Федоренко; Коммент. В. Панасюка и Н. Федоренко. М., 1954; 1956; Антология китайской поэзии... Т. 1. С. 149—196; Из китайской и корейской поэзии. М., 1958. С. 13—78; и переводы «Девяти рассуждений» Сун Юя и «Призывания сокрывшегося от мира» Хуайнаньсяошаня, выполненные М. Кравцовой, в: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая*... С. 379—390. См. также примечания к переводам отдельных произведений.

ЛИ САО (отрывок)

Поэма «Ли сао» — самое яркое и поистине программное произведение свода «Чуские строфы». Принятые значения иероглифа *ли* — «расстаться, разлука», *сао* — литературоведческий термин, используемый в китайских жанровых классификациях для обозначения особой разновидности прозапоэтических (а затем и лирических) произведений, который обычно передается через термин «элегия». Принятые в отечественном китаеведении переводы названия поэмы: «Скорбь», «Скорбь разлученного», «Скорбь изгнанника».

Поэма состоит из 376 строк (или 188 двухстрочных строф) и эпилога (5 строк). По содержанию она отчетливо разбивается на две главные части. В первой из них (1—90-я строфы) рассказывается о жизни лирического героя: его рождении, детстве, последующих жизненных коллизиях, с подробным и предельно эмоциональным изложением его мыслей и переживаний, касающихся надлежащего государственного устройства, несостоятельности правящего режима, судьбы страны и несправедливостей по отношению к нему. Во второй части поэмы воспроизводится картина фантастического путешествия лирического героя, когда он посещает различные места высшего мира, общается с божественными персонажами. Есть веские основания считать, что эта часть «Ли сао» является литературной версией опорного для чуских мифологических представлений сюжета — мистического странствования (*ю*), — который был органиче-

ским элементом всего комплекса местных верований. Они включали в себя представления о западе как сакральной части света, где находились волшебные горы Куньлунь; культ женского божества — владычицы и подательницы бессмертия; идею возможности через это мистическое странствование обрести вечное блаженное существование в потустороннем мире. Данный сюжет, хотя и в сильно трансформированном виде, был воспринят даосской философией (странствование как образ жизни даосского адепта) и также учением о поисках обретения бессмертия. И уже в таком качестве стал принятой сюжетной канвой всех литературных произведений на даосско-философские, даосско-религиозные темы, а затем и пейзажной поэзии. Он же предопределил и характер отношения китайцев к дикой природе в ее ассоциациях с источником бессмертия. Кроме того, созданные в «Ли сао» образы-мифологемы составляют кладезь изобразительных средств, используемых в поэзии на даосско-философские, даосско-религиозные темы и в пейзажной лирике.

- (1) Чжуаня — древнего и мудрого владыки —
 прямой потомок,
 Сын сиятельного принца
 по имени Бо-юн,
 На свет я появился как раз
 в день Утверждения весны,
 Счастливый день — счастливой знак судьбы.
 Сиятельный отец, едва увидев сына,
 Два имени изрек, что равно хороши:
 Правдивым, честным будь —
 одно из них гласило,
 Второго смысл — величие души.
 Природы щедрый дар —
 прекрасный юный облик —
 Приукрашал и множил, как умел:
 То украшенья плел
 из редких трав душистых,
 То к поясу крепил
 подвески из осенних хризантем.
 Бег времени был словно мне неведом,
 Лишь опасался за свои года
 все не успеть, что был намерен сделать.
 И поутру букет сорвав
 магнолий нежных,

Как вечером его поток уносит,
 без сожаления смотрел.
 А дни и месяцы стремительно летели,
 меня не задевая,
 Весен, осеней мелькая проносились череда,
 И только листопад
 да трав поникших стебли
 Предупреждали, что и для меня
 наступит вечер неизбежно.
 Но я по-прежнему не думал отделять
 достоинства от зерен сорных,
 Ах, почему и мысли не было тогда
 свою судьбу построить по-другому?!
 Могучих вороных коней
 четверкой управляя гордо,
 Я государю нашему служить
 без колебания избрал себе дорогу.
 Три величайших древности царя
 собой настолько были совершенны,
 Что кущи ароматнейших цветов
 вокруг них произрастали неизменно.
 Повсюду благовонный перец рос
 и высились коричные деревья,
 И разве приходилось им искать
 бутоны благородной орхидеи?
 Кто был у власти после — Яо, Шунь, —
 своими достославными делами
 Державный этот укрепляли путь,
 на нем незыблемо стояли.
 Но два тирана — Цзе и Синь —
 погрязли в мерзких злодеяньях,
 Возжаждав краткого пути,
 свернули на глухие тропы.
 И ныне вот вельможи и чины
 в веселье праздном, беззаботном
 В теснины мрачные ведут свою страну,
 совсем уйдя с дороги торной.
 О, разве о самом себе радел,
 о личном процветании и благе?
 Предвидел в ужасе, что царский экипаж
 разбиться должен на таких ухабах!

То в мыслях о грядущем трепетал,
 то обращался к прошлого свершеньям
 И способы настойчиво искал
 успех продолжить древнего правленья.
 Но он, увы, не понял, государь,
 души моей стенанья и порывы,
 Слух обратил к завистников словам,
 поверил клевете, наветам лживым.
 Уразумев, что тщетно обличать
 изъяны управленья и пороки,
 Я понял: больше мне не пребывать
 в сих царских разукрашенных хоромах.
 Всего лишь честным я старался быть,
 небес священных следуя примеру,
 Талант и силы все употребить
 на пользу государства и престола.
 Да, я вначале им обласкан был
 торжественными, лестными речами,
 Как скоро эти речи позабыл
 и позабыл бывшие обещанья!
 Ни капли не боялся я грозы:
 немилости или изгнания,
 Куда страшнее знать, что над страной
 угроза нависает умиранья!

-
 (92) Нефритовых драконов я запряг
 и фениксов с трехцветным опереньем
 И, злобный вихрь песчаный переждав,
 готовлю колесницу к отправленью.
 Едва рассвет забрезжил, гор Цаньгу
 покинул погребальную ограду
 И оказался на исходе дня
 у врат нефритовых Таинственного сада.
 Ах, здесь бы задержаться хоть чуть-чуть,
 чтоб красотой этой насладиться.
 Но солнце неожиданно так быстро
 готовится за горизонтом скрыться.
 Си Хэ богине властно приказал
 умерить бег коней ее лучистых.
 Хребтов Яньцзи отсюда ясен вид,
 но мне туда не надо торопиться.

Сколь долог и опасен будет путь,
 ведущий чрез небесные просторы?
 Невольно думаю, что было там, внизу,
 о том, что наверху со мной случится вскоре...
 Но вот уже коней своих пою
 из Озера с кипящею водою,
 Поводья крепко привязав к стволу
 сияюще-прекрасной Шелковицы.
 Вот Западного древа ветку обломил —
 от зарева закатного прикрыться...
 Но должно вновь продолжить этот путь,
 не ведая, как долго он продлится.
 Быстрей, быстрее... вижу, впереди
 Возницы лун мерцает колесница,
 А сзади нагоняет Бог ветров,
 кто бурей, как всегда, по небу мчится.
 Царь-феникс — мой сегодня поводь —
 указывает верную дорогу,
 Лишь Громовержец, рокоча, ворчит,
 что не готов к такому я полету.
 Но я лечу и фениксов своих
 приказом неустанно погоняю,
 То ночь иль день — я смену их
 не ведаю уже, не различаю.
 А ураганы, вихри и ветра
 проносятся со свистом мимо,
 То встанут глыбы туч, то радуги дуга
 раскинется гостеприимно.
 Смешенье здесь явлений и вещей,
 расходятся, соединясь, стихии,
 Повсюду вижу — смотришь вверх иль вниз —
 предвечного движения картину.
 Достигнув наконец Небесных врат,
 их стража призываю громко,
 Но, створки приоткрыв, отпрянул он назад,
 увидев неожиданного гостя.
 Ворота на замке, а уж густеет мрак,
 и непроглядная вот-вот наступит темень.
 Напрасно я ему показывал, как знак,
 свои цветы, святые орхидеи.
 Да, видно, целиком наш мир погряз

в потоке грязном и зловонном,
 Коль скоро всюду красоту
 встречают с завистью и злобой!
 Что ж, утром я лицо омыл
 в реки Байшуй чистейших струях
 И, на Лянфэн взойдя, распряг коней,
 чтобы немного отдохнули.
 И стоя там, вдруг бросив взгляд назад,
 не смог сдержаться от рыданий:
 Ни в ком среди земных холмов
 не видел ни любви, ни пониманья!

 (167) Богиня вещая искусным ведовством
 грядущее мне точно предсказала,
 Счастливый для отъезда день
 гаданьем долго выбирала.
 Нефритового древа эта ветвь —
 ее подарок вечный и прекрасный,
 Каменья драгоценные толкла,
 готовя для меня бессмертья яства.
 Заботливо, умело запрягла
 горячих скакунов моих — драконов,
 Нефритом колесницу убрала,
 ее готовя к испытаньям новым.
 Зачем же расставаться двум сердцам,
 едва они взаимность испытали?
 Но должно мне продолжить этот путь
 в пока еще неведомые дали!
 Я края запредельного достиг,
 где гор Куньлунь невиданные скалы,
 Но вновь дорога предо мной лежит,
 куда-то убегая и петляя.
 И радуга, и даже облака
 исчезли в странном призрачном тумане,
 И фениксов моих — как будто плач —
 печальный голос не смолкает.
 И вот уж там я, где Небесный брод,
 рассвет очередной встречаю
 И, в Западный вступив предел,
 на отдых солнце провожаю.
 Царь-феникс, верно мне служа,

несет развернутое знамя
 И, за собою уводя,
 все выше, выше воспаряет.
 Пустыню грозную — Зыбучие пески —
 по ходу сбоку оставляю,
 Но Киноварная река
 внезапно путь мне преграждает.
 Приказ драконам отдаю
 искать иль ладить переправу,
 Владыке Запада велю —
 пусть перебраться помогает.
 Да, труден был и долог путь,
 немало было испытаний,
 Свитские, вдоль обочин встав,
 моих ждут новых приказаний.
 Теперь дорога от Бучжоу-скал
 сворачивает плавно влево,
 Так вот куда она вела —
 до Западной пучины берега.
 И наш торжественным стал строй,
 по праву гордым и надменным,
 Нефритовые обода блестят,
 драконов лет чеканно-мерный.
 Изгибом каждым восемь их змеиных тел,
 ликуя, празднуют победу,
 Как облако, мой реет стяг,
 почтительно несомый ветром.
 Отныне волен я во всем,
 настали времена отрады,
 Взлетаю, словно божество,
 парю для собственной улады.
 И «Девять песен» всласть пою,
 мелодии играю — шао,
 Беспечно дни я провожу
 в веселье дивно-величавом.
 Подобный радостный покой
 богам-владыкам только ведом...
 Но вдруг отчизну увидал
 сквозь белых облаков просветы.
 Такая сердце сжала боль!
 И конь, тоску ту разделяя,

Свернулся сумрачным кольцом,
 застыв у облачного края.
 Я в заключение так скажу:
 Как это ни было бы горько,
 Но если не нашлось в стране
 людей меня понять способных,
 Зачем тогда о ней скорбеть,
 считать, что ты ей что-то должен?
 Коль скоро не смогли дела
 наладить должного правленья,
 Я вправе делать что хочу,
 Пэн Сяня следуя примеру.

Из цикла «Девять песен»

Этот цикл (в некоторых изданиях его название переводится как «Девять напевов») состоит из 11 произведений, 9 из которых посвящены божествам чуского пантеона: Великому Владыке востока (Дунхуан-тайи, повелитель Востока), Владыке облаков (Юньчжун-цзюнь), Великому Владыке судьбы и Малому Владыке судьбы (Дасымин, Шаосымин — повелители судеб всех людей и судеб детей), Владыке востока (Дун-цзюнь, местное солярное божество), божествам рек и гор (см. переводы произведений). Два последних текста цикла — «Смерть за родину» и «Поклонение душе» — являются соответственно воспеванием погибших воинов и погребальным молением. Уже ханскими филологами высказывалось предположение, что это древние чуские ритуальные песнопения, лишь записанные и литературно обработанные Цюй Юанем. Обращает на себя внимание, во-первых, выразительность и детализированность портретов персонажей — не случайно впоследствии именно они превратились в излюбленных героев не только художественной словесности, но и изобразительного искусства. И во-вторых, настойчивое звучание любовных мотивов (тема «божественной любви»). По данным показателям эти произведения и — шире — вся чуская культовая поэзия решительно отличаются от шицзиновских гимнов.

Владыке реки Сян

Почему ты не приходишь,
 Мой возлюбленный Владыка?
 Почему один ты бродишь
 По пустынным островам?

Ты взгляни, как я прекрасно
Постаралась нарядиться

И в своей легчайшей лодке
По течению плыву.

Ты вели, чтобы на реках
Не вскипали бурно волны,

Ты заставь их течь спокойно
Вдоль зеленых берегов.

Жду с надеждой и тревогой,
Ты ж, Владыка, не приходишь —

Я, играя на свирели,
Ей вручаю грусть свою.

В лодке древнего Дракона
Уплываю я на север,

Я веду свою дорогу
К водам озера Дунтин.

Драгоценными цветами
Я свою украшу лодку:

Орхидея будет флагом,
Ирис станет мне веслом.

На Чэньян гляжу далекий,
На его туманный берег,

И, простор пересекая,
Подымаю паруса.

Паруса я подымаю,
Но еще длинна дорога,

За меня, вздыхая, плачет
Дева — спутница моя.

Слезы катятся без счета,
Как река, они струятся...

С болью думаю смиренно
О тебе, Владыка мой.

И гребу веслом прекрасным,
И другим веслом я правлю,

И осенний лед ломаю,
Что скопился на реке.

Все идет не так, как надо,
Все вверх дном пошло на свете:

Будто лезу на деревья,
Чтобы лотосов нарвать,

Будто фикусы хочу я
На воде найти бегущей!

Зря, видать, трудилась сваха —
Разошлись у нас пути.

Не была любовь глубокой,
Раз легко ее порвать нам,

Как на отмели песчаной
Неглубокая вода.

Не была сердечной дружба,
Ты меня роптать заставил,

Нету искренности прежней:
«Недосуг», — ты говорил.

На коне я утром езжу
Возле берега речного

И по отмели песчаной
Вечерами я брожу.

Птица спит на крыше дома,
Быстрая река струится,

Огибая стены храма...
Где же ты теперь живешь?

Яшмовое ожерелье
Я бросаю прямо в воду

И подвески оставляю
На зеленом берегу.

И на острове пустынном
Рву душистую траву я

И хочу тебе, Владыка,
С девой-спутницей послать.

Время быстрое уходит,
Не вернуть его обратно.

Будь же милостлив, Владыка,
И назначь свиданья час!

Хэ-бо

С волшебными девами вместе
несешься по водным просторам,
Играя порывами ветра,
вздывая высокие волны.
Из струй водяных колесница,
и лотос над ней балдахином,
Влечет ее пара драконов,
два змея — ее пристяжные.
Взойдя на вершину Куньлуня,
отсюда смотрю неотрывно,
Вновь сердце мечты охватили,
безбрежны, как воды прилива.
Уж солнце склонилось к закату,
а я не спешу возвращаться,
От грез о потоке том дальнем
и ночью забыться не в силах.
Там рыб чешуя и драконов
на стенах блестит переливом,

Там жемчуг мерцает в покоех,
из ракушек стены застыли.
Зачем же, о мой повелитель,
вы вечно живете в стремнине!
На белой верхом черепахе
летучих догонит он рыбок,
С волшебными девами вместе
пирует на острове диком,
Когда половодье нахлынет,
сокроется снова в пучине...
Ах, за руки взявшись с любимым,
вдвоем бы помчаться к востоку!
Да только расстался он с милой,
над Южным простившись потоком.
На берег волна набегает,
как будто меня привечает,
И рыбок резвящихся стайки,
как свита, меня окружают.

Горному духу

О среди горных отрогов
живущая дева!
Из цветущих глициний наряд,
и вьюнком опоясано тело.
Очи страсть затаили,
и улыбка полна вожделья,
Ты любого пленишь
красотою своей совершенной.
Упряжь — красные барсы,
а свитские — пятнистые лисы,
Экипаж твой прекрасен
под навесом из веток корицы.
Твой наряд — орхидеи,
и как пояс — азалии стебель.
В дар душистые травы срываешь тому,
о ком память лелеешь.
«Средь бамбуковой чащи живу,
даже неба не видно отсюда,
По обрывистым тропам глухим
вновь одна на закате прибуду.

Вновь одной мне стоять,
 на вершину поднявшись горы,
 Где покровом густым
 облака под ногами легли.
 Все темнеет вокруг,
 угасают во мраке лучи,
 Вихрь с востока несется,
 и духи наслали дожди.
 Задержись хоть немного, о мое божество,
 позабудь о дороге домой!
 Год подходит к концу, и не знает никто,
 что случится с моею красой!
 Три волшебных цветка я срываю
 среди горных теснин,
 Громоздятся громадою где валуны,
 сплошь покрытые мохом седым.
 Я тоскую о вас, дорогой господин,
 возвращаться домой не спешу,
 Верю, помните вы обо мне,
 да дожидаться никак не могу!»
 Эта дева в горах —
 как душистая груша она,
 Воду пьет родника
 там, где тень распростерла сосна.
 «Верю, помните вы обо мне, господин,
 да, как видно, напрасно ждала!»
 Гром гремит и гремит,
 дождь густой пеленой,
 Обезьян скорбный крик
 да зверья вой ночной.
 Ветра сносит порыв
 ветл надрывные звуки...
 «Вспоминая о вас,
 так тоскую в разлуке!»

ВОПРОСЫ К НЕБУ (отрывок)

Эта поэма является наиболее своеобразным и загадочным произведением «Чуских строф». Она состоит из 366 строк (или 183 двухстрочных строф), написанных исключительно четырехсловным (т. е.

шициновским) размером, который нигде более в *чуцы* столь активно не употребляется, а ее текст составлен из риторических вопросов, касающихся трех основных тем: религиозно-мифологических, философских и историографических представлений. Вопросы на мифологические и историографические темы посвящены в первую очередь тем сюжетам, которые бытовали в культуре центральных регионов Китая и были активно поддержаны конфуцианством. Поэтому складывается впечатление, что автор поэмы стремился опростестовать чуждые ему, как носителю чуских духовных ценностей, верования и идеи. Вопросы на философские темы затрагивают, напротив, космогонические и онтологические воззрения, присущие прежде всего даосской философии, что, возможно, объясняется конфликтом в чуском обществе между представителями старой (жреческой) духовной элиты и мыслителями нового поколения, претендовавшими на создание отличной от прежних верований идеологической системы, способной стать опорой местной государственности.

Учитывая содержательную сложность текста поэмы, каждая строка которой требует пространного комментария, далее приводится только небольшой ее отрывок — первые 28 строф.

Каким был довременный мир, —
 С чьих слов до нас дошло преданье?
 Не выделялись «верх» и «низ», —
 Как нам досталось это знание?
 Великий Хаос был безмолвно-пуст, —
 Кто смог установить его пределы?
 Ничто не обретало свойств и форм, —
 Как разобраться в этом всем сумели?
 Вдруг появился свет, отдельно — тьма, —
 Как то случилось и в какое время?
 И пара Инь и Ян триаду родила, —
 Причины в чем подобных изменений?
 Из девяти слоев, сказали, небосвод, —
 Кто их считал и их число проверил?
 Все сущее чьим создано трудом?
 Кто первым на себя взвалил такое бремя?
 Небесной сети кто вязал узлы?
 Небесный стержень — где его основа?
 И восемь балок почему прочны?
 Восток и юг — как могут без опоры?
 Небесный круг на девять поделен полей,

Их каковы границы и размеры?
 Для каждого есть множество примет,
 Но кто узнал и изложил приметы?
 Как образуют пару Небо и Земля?
 На дюжину долей зачем их делим?
 Как в высях держатся и солнце и луна?
 В порядок должный как пришли созвездья?
 Восходит солнце из Кипящих вод,
 У скал Мэнсы оказывается к ночи,
 Кто указал, где сядет, где взойдет,
 И путь его смог рассчитать так точно?
 Полночного светила яркий свет
 Зачем же гаснет, чтобы вновь родиться?
 Ущербным месяцем как может обратиться
 И стать опять луною полнолицей?
 Как оказалась матерью Нюй-ци,
 Родив без мужа девять сыновей?
 Где обитает злобный сын — Бо-цян,
 Где добрый Хуэй-ци живет теперь?
 Днем почему светло, а ночью — тьма?
 Из солнца льется как сиянье света?
 Пока горит Восточная звезда,
 Где прячется оно до самого рассвета?
 Князь Гунь не смог смирить разливы рек, —
 Что ж люди помогать ему не стали?
 Его хулили хором все — за что?
 Зачем деянье повторить не дали?
 Зачем он добросовестно внимал
 Совы и черепахи хитрым планам?
 Коль чаянья народа исполнял,
 За что был казни предан государем?
 Как труп его на Перьеовой горе
 Три года пролежал, не разлагаясь?
 И если вправду был он нравом плох,
 Как сын его стал доблестен и славен?

Из цикла «Девять напевов»

Этот цикл (в некоторых изданиях его название переводится как «Девять элегий») состоит из 9 произведений, которые, как это принято считать, были написаны Цюй Юанем в изгнании, и по содер-

жанию они варьируют первую часть поэмы «Ли сао». Самым известным из них является стихотворение «С камнем в объятьях» (более точный перевод его названия «С камнем за пазухой»), полагаемое предсмертным творением поэта: создав его, Цюй Юань положил себе камень за пазуху и бросился в воду.

С камнем в объятьях

Прекрасен тихий день в начале лета,
 Зазеленели травы и деревья.
 Лишь я один тоскую и печалюсь
 И ухожу все дальше-дальше к югу.

Все беспредельно пусто предо мною,
 Все тишиной глубокою укрыто.
 Тоскливые меня терзают мысли,
 И скорбь изгнания угнетает душу.

Я чувства сдерживаю и скрываю,
 Но разве должен я скрывать обиду?
 Ты можешь обтесать бревно как хочешь,
 Но свойства дерева в нем сохраняются.

Кто благороден, тот от злой обиды
 Своим не изменяет убеждениям.
 Нам надо помнить о заветах предков
 И следовать их мудрости старинной.

Богатство духа, прямоту и честность —
 Вот что великие ценили люди.
 И если б Чуй искусный не работал,
 То кто бы знал, как мудр он и способен.

Когда мудрец живет в уединенье,
 Его глупцом слепые называют.
 Когда прищуривал глаза Ли Лоу,
 Незрячие слепым его считали.

И те, кто белое считают черным
 И смешивают низкое с высоким,

Кто думает, что феникс заперт в клетке,
А куры — высоко летают в небе;

Кто с яшмой спутает простые камни,
Не отличает преданность от лести, —
Те, знаю я, завистливы и грубы,
И помыслы мои им непонятны.

Суровый груз ответственности тяжелой
Меня в болотную трясину тянет.
Владею драгоценными камнями,
Но некому на свете показать их.

Обычно деревенские собаки
Встречают злобным лаем незнакомца.
Чернить людей, талантом одаренных, —
Вот свойство подлое людей ничтожных.

Во мне глубоко скрыто дарованье,
Никто не знает о его значенье.
Способен я к искусству и наукам,
Но никому об этом не известно.

Я утверждать стараюсь справедливость,
Я знаю, честность у меня в почете.
Но Чун-хуа не встретится со мною,
И не оценит он моих поступков.

О, почему на свете так ведется,
Что мудрецы рождаются столь редко?
Чэн Тан и Юй из старины глубокой
Не подадут ни голоса, ни вести.

Стараюсь избегать воспоминаний
И сдерживать нахлынувшие чувства,
Терплю обиды я, но верен долгу,
Чтобы служить примером для потомков.

Я ухожу, гостиницу покинув,
В последний путь под заходящим солнцем.

И скорбь свою, и горе изливая,
К границе смерти быстро приближаюсь.

Юань и Сян раскинулись широко
И катят бурные, седые волны.
Ночную мглой окутана дорога,
И даль закрыта мутной пеленою.

Я неизменно искренен и честен,
Но никому об этом не известно.
Бо Лэ давно уже лежит в могиле,
И кто коней оценит быстроногих?

Жизнь каждого судьбе своей подвластна,
Никто не может избежать ошибок.
И, неуклонно укрепляя душу,
Я не пугаюсь приближенья смерти.

Все время я страдаю и печалюсь
И поневоле тяжело вздыхаю.
Как грязен мир! Никто меня не знает,
И некому свою открыть мне душу.

Я знаю, что умру, но перед смертью
Не отступлю назад, себя жалея.
Пусть мудрецы из глубины столетий
Мне образцом величественным служат.

Отец-рыбак

«Отец-рыбак», несмотря на краткость повествования (38 строк, написанных смешанным размером), является одним из наиболее значительных произведений «Чуских строф» как с точки зрения понимания личности самого Цюй Юаня, так и в аспекте его влияния на последующую китайскую поэзию. Именно здесь впервые в художественной словесности появляется ставший опорным для нее образ старого рыбака, олицетворяющий даосского мудреца и воплощающий принципы «естественности» бытия человека.

Когда Цюй Юань был в изгнание своем, он блуждал по затонам Реки и бродил, сочиняя стихи, у вод великих озер.

Мертвенно-бледен был лик его, и тело — сухой скелет. Отец-рыбак, увидя его, спросил: «Вы, государь, не тот ли самый сановник дворцовых родов? Как же вы дошли до этого?» Цюй Юань сказал: «Весь мир, все люди грязны, а чистый один лишь я. Все люди везде пьяны, а трезвый один лишь я... Вот почему я и подвергся изгнанию». Отец-рыбак ему: «Мудрец не терпит стеснения от вещей. Нет, он умело идет вместе с миром вперед или вслед миру меняет путь. И если все люди в мире грязны, почему ж не забраться в ту самую грязь и зачем не вздыматься с той самой волной? А если все люди везде пьяны, почему б не дожрать бурду и не выпить осадок до дна? К чему предаваться глубоким раздумьям, высоко вздыматься над всеми людьми? Ты сам накликал на себя свое изгнание». Сказал Цюй Юань: «Я вот что слышал: тот, кто только что умылся, непременно выколоти пыль из своей шапки; тот, кто только что искупался, непременно пыль стряхнет с одежды. Как же можно своим телом чисто-чистым принять всю грязную грязь вещей? Лучше уж тогда пойти мне к реке Сян, к ее струям, чтобы похоронить себя во чреве рыб речных. Да и можно ли тому, кто сам белейше-бел, принять прах-мерзость окружающих людей?»

Отец-рыбак лишь еле-еле улыбнулся, ударил по воде веслом, отплыл. Отъехал и запел:

Когда чиста Цанланская вода-вода,
В ней я могу мыть кисти моей шапки,
Когда ж грязна Цанланская вода-вода,
В ней я могу и ноги свои мыть...

И удалился, не стал с ним больше разговаривать.

СУН ЮЙ

Сун Юй после Цюй Юаня признан крупнейшим поэтом Чу и древности в целом. Однако сведений о его жизни сохранилось крайне мало. Из его собственных произведений следует, что он входил в ближайшее окружение того же чуского правителя Хуэй-вана и, возможно, тоже подвергся опале и изгнанию. Некоторые комментаторы считают, что он принадлежал к потомственной знати Чу, приходился дальним родственником Цюй Юаню или даже был его младшим братом. Поэма «Девять рассуждений» — весьма объемное произведение, состоящее из 257 строк, написанных смешанным размером. По со-

держанию она достаточно отчетливо разграничивается на 9 композиционных фрагментов, которые частично повторяют один другой и во многом перекликаются с первой частью «Ли сао» и с «Девятью напевами».

Девять рассуждений (отрывок)

- (I) Как горько,
что небесный простор
заполняет осенний воздух!
С тихим шелестом
увядает трава, падают листья,
и все вокруг дряхлеет.
И такое чувство,
словно ты совершаешь далекий путь,
во время которого,
Взбираешься ли на гору, приближаешься ли к реке, —
Постоянно готовишься возвратиться к изначальному...
Безбрежны и бесконечны
это высокое небо и этот прозрачный воздух,
Спокойны и безмятежны
воды и знойным летом,
и после осенних дождей.
И тем печальней вздыхаешь, когда начинаешь ощущать
холод первых заморозков на своем пути,
С горечью понимаешь, что ты бедный книжник,
упустивший свой шанс,
и уже не можешь успокоиться.
Всеми позабытый,
в чужих краях, без близкого друга, —
Так плохо, что поневоле сам заскоришь о себе!..
Ласточек быстрые стаи
давно уже улетели,
Молчат, притаившись, цикады —
больше не слышно их.
Диких гусей караваны
к югу опять потянулись,
Желтые цапли, печально крича,
скорбную песнь завели.
Я в ожиданье рассвета
глаз ни на миг не смыкаю,

Ночь напролет стрекочут,
 словно рыдают, сверчки.
 Не думая больше о прошлом,
 в новую пору вступаю,
 Теперь уже так и будет,
 и это не изменить!

.....

- (III) Великое Небо установило четыре времени года,
 О, как горько встречать в одиночестве
 эту позднюю осень!
 Уже белые росы ложатся
 на некогда пышные травы,
 И росинки блестят там и здесь
 на листьях могучих утунов.
 Ухожу от сияния летнего знойного солнца,
 Погружаюсь в глубины долгих осенних ночей.
 Расстаюсь с ароматами юной цветущей поры,
 И болят мои члены, и печалью объята душа!
 О своем наступлении осень
 возвещает белой росой,
 А зима о своем наступлении
 возвещает серебряным инеем.
 То, что было в начале лета
 бесконечным в своем просторе,
 Исчезает само собою
 и само собою уходит.
 Увядают и сохнут листья,
 свою прежнюю прелесть теряя,
 Обнаженные ветви сплелись,
 друг за друга сучками цепляясь.
 Той красе, что гордо царила,
 неизбежный конец приходит,
 И повсюду засохшие ветлы
 обессиленно вниз свисают.
 Больно видеть сухие прутья —
 то, чем стал придорожный кустарник,
 Словно после тяжелой болезни,
 изнуренный и жалкий.
 И, предвидя время страданий
 и грядущий конец,

Вновь скорблю о своих утратах,
 и покоя по-прежнему нет.
 Натянул посильнее поводья,
 бег коня придержал,
 В этих даях, от дома далеких,
 бесприютным скитальцем я стал.
 Как-то совсем неожиданно
 подошел к завершению год,
 Боюсь, что еще немного —
 и мой наступит черед...
 Да, мне бы жить в иные времена:
 Я в этом мире видел только горе!
 Один как перст слоняюсь вдоль ворот,
 И лишь сверчок поет в моем холодном доме.
 С тоскою на душе смотрю, как разгорается закат,
 И все вокруг печалит и тревожит.
 Вдыхаю тяжело, видя ясный свет луны,
 И медленно бреду
 в неверном свете Звездного пути.

.....

- (V) Когда же наступит время,
 что будут ценить таланты,
 Станут следовать нормам,
 исправят бывшие ошибки?
 Разнуздали могучего скакуна,
 да не могут опять оседлать
 И хотят на простой кобыле
 вернуться на истинный путь.
 В наши дни разве нет уже дивных коней?
 Просто ими теперь управлять разучились!
 Не увидишь искусных возниц
 среди тех, кто вожжи берет,
 Вот поэтому я — колченогий, хромой —
 в дальние дали бреду.
 Утки и гуси закрывают и загогоют,
 достаточно их посытней накормить,
 Гордый же феникс тем выше парит,
 чем выше ценят его!
 Если пытаются вбить в круглый паз
 квадратные клинья,

Я заранее знаю, что дело на лад не пойдет,
 лишь усложняют его.
 Стаи пичужек повсюду отыщут себе
 для гнездовий местечко,
 Одинокий же феникс кружит в вышине,
 и негде ему отдохнуть!
 Стиснул бы зубы,
 не вымолвил больше ни слова,
 Дабы изведать Вашу, мой государь,
 щедрую милость.
 Ведь сановники Ваши — и слева, и справа —
 купаются в славе,
 Но не честь мне им следовать,
 с ними равняться...
 Как же дивный скакун сможет вернуться,
 Где же гордому фениксу будет гнездиться,
 Если так изменились основы, опошлись нравы
 и мир одряхлел,
 Что из пары коней выбирают того,
 кто жирнее?!
 Дивный скакун бежал от людей,
 и больше его не видно,
 Гордый феникс парит в небесах
 и уже не спускается вниз.
 Животное, птица —
 и те научились ценить добродетель,
 Как же так получилось, что при Вашем дворе
 мудрецу места нет?!
 Конь вперед не помчится,
 коль натянуты вожжи,
 Не прокормится феникс,
 коль кормить его чем попало.
 Благородного мужа прогнали,
 позабыв наградить,
 Что же ждете, что он
 свою преданность вам изъявит?!
 Хочу погрузиться в молчанье,
 от всего отрешиться,
 Но, увы, позабыть я не в силах
 о тех качествах, что Вам даны.
 Одинокий, себя извожу,

предаваясь отчаянным думам,
 Разрывается сердце от горя,
 но унять их никак не могу!

 (VIII) Как же смогли плывущие по небу тучи
 настолько разбухнуть,
 Что, налетев, заслонили собою луну?
 Веря в сияние лунного диска,
 мечтаю увидеть его,
 Но луна пребывает во мраке, недоступна для глаз.
 Мечтаю Ваше сиянье узреть, государь,
 Но тучи густой пеленою сокрыли и Вас.
 О, как обидно, что не мог рассчитать свои силы
 и, желая Вам верность хранить,
 Вместо того увязнул в грязи,
 весь перепачкавшись ею...
 Кто себя ставит вровень с Шунем и Яо,
 Должен быть зорек во тьме,
 взглядом достать до небес.
 Как же так получилось, что клеветник и завистник,
 стоя на узенькой тропке,
 Беспощадно меня наделяют мерзкими кличками?
 Там, где ярко сияли светила, —
 Теперь мрак, и легко оступиться.
 И зачем рассуждать о делах в государстве,
 Раз уж все в неисправности и беспорядке?
 Если, стебель кувшинки сорвав,
 опояшешься им,
 То он вскоре увянет
 и не сможет поясом дольше служить.
 Если стремишься превозносить
 прекрасных душою людей и добиться
 военных успехов,
 Поддержку ищи у самых достойных мужей
 твоего окруженья.
 А ныне с презреньем отвергли
 прекрасных душою людей,
 Возлюбив, обласкали ничтожных людишек.
 Толпы их уверенным шагом идут,
 с каждым днем продвигаясь вперед,
 А те, кто прекрасен и чист,

все дальше назад отступают.
 Земледельцы, пахать перестав,
 предаются безделью,
 И боюсь, что поля зарастут вскоре сорной травой.
 Все дела, что вершат в государстве,
 подчиняются планам корыстным,
 Страшно даже подумать о тех разрушеньях,
 кои грядут!
 В наши дни лишь способны петь с чужих голосов
 да пускать пыль в глаза,
 Что же толку ругать иль хвалить
 чванливую глупость...
 Сегодня берусь исправлять зеркала,
 Чтобы завтра готовиться
 бегством спасать свою жизнь.
 Так пускай эти речи падучие звезды услышат!
 Но и они, на мгновение вспыхнув,
 снова канут во мрак.
 Все плотнее и гуще покров
 плывущих по небу туч,
 А внизу — беспросветная тьма,
 куда не пробиться лучу...

- (IX) Императоры Яо и Шунь
 оба имели на кого опереться,
 А потому не тревожась могли
 в праздности дни проводить.
 В те времена в Поднебесной
 поистине горя не знали,
 И сердца разве наполнились скорбью?
 Дивный скакун свободно и вольно
 влек свою колесницу,
 Чтобы им управлять, разве брали ременные вожжи?
 Городские ворота и впрямь
 не нуждались в охране,
 Да и к чему возводить было крепкие стены?
 Теперь же феникс устало крыльями машет,
 не ведая, где отдохнуть,
 Те, кто талантлив, познали нужду
 и душевные муки.
 Чтобы путь свой пройти меж Землею и Небом,

Отныне не надо ни заслуг, ни стремленья служить.
 Я мечтаю сокрыться от мира,
 дабы это не видеть,
 Но как же тогда свое имя
 в веках в Поднебесной прославлю?!
 Оттого-то скитаюсь в бескрайних просторах,
 и ни в ком не встречаю поддержки,
 И, не ведая, что же теперь предпринять,
 с каждым днем
 все сильнее скорблю.
 Уношусь в беспредельные дали
 и не вижу дороге конца, —
 Где же мне суждено обрести
 и покой, и приют?
 В государстве есть дивный скакун,
 да не знают, как его оседлать.
 Так куда мне податься,
 убежище где мне найти?
 Некогда древний Нин Ци, сойдя с колесницы,
 строки слагал,
 И правитель Хуань, услышав о том,
 приблизил его.
 Коль разучились искусству Бо Лэ
 распознавать скакунов,
 Как же выделить тех, кто и вправду достоин хвалы?
 Размышляю об этом,
 и катятся слезы из глаз,
 Эти горькие думы — вот и все,
 что сумел я достичь.
 Так предам же забвенью мечты верным быть
 И завидовать стану расставшимся с миром,
 от него оградившим себя.
 Пусть же тело мое одряхлеет настолько,
 что с ним разлучусь,
 Обретая способность к полету среди облаков.
 Оседлав Инь и Ян в бесконечной их смене,
 Помчусь за бесчисленным множеством духов.
 Правя царственным блеском сияющей радуги,
 Следовать буду мимо сонма богов.
 Справа — пышная роскошь Пурпурной птицы,
 А слева — изгибы колец Бирюзового змея.

Грозный гром, грохоча, настигает раскатом,
И, сияньем слепя, Повелитель ветров обгоняет.
Впереди — призывно звеня, летят колесницы,
И сзади — колесниц за рядами ряды.
Змееподобны извивы знамен, тучи пронзивших,
Свободен полет конной свиты, меня окружившей...
Но нет! Не могу изменить свои прежние планы,
Им следовать буду в надежде добиться успеха.
И, поддержку найдя в щедрой силе Великого Неба,
Возвращу, государь, процветание нашей стране!

ХУАЙНАНЬ-СЯОШАНЬ

Хуайнань-сяошань («Малая гора из Хуайнани») предположительно даосский маг из окружения Хуайнаньского князя Лю Аня (179—122 гг. до н. э.) является еще одной ярчайшей во всех отношениях личностью ханьской эпохи. Принц крови, правитель южного региона Китая, где некогда располагалось царство Чу, он стал инициатором создания наиболее авторитетного для того времени даосско-философского сочинения — трактата «Хуайнань-цзы», в котором, кроме того, излагаются многие мифологические сюжеты. Принято считать, что именно Хуайнаньский князь и близкие к нему лица способствовали сохранению чуского культурного и литературного наследия. Поэма «Призывание сокрывшегося от мира» действительно продолжает традицию «Призываний» из первой части свода и одновременно зачинает собой новое тематическое направление в китайской поэзии — произведения с отшельническими мотивами. Замечательна и картина дикой, таинственной природы, воспроизведенная в ней. В щедрых красках нередко будут запечатлены панорамы горной природы и в пейзажной лирике.

Призывание сокрывшегося от мира

В таинственных глубинах гор,
где растут рощи коричных деревьев,
Чьи стволы, извиваясь, вздымаются ввысь,
а ветви переплетаются изгибами;
Где тучи нависли облачной глыбой,
и вздымаются
каменные нагромождения;
Где, зажатый между отвесных скал,

плещется горный поток;
Где обезьяны, собравшись в стаи, кричат,
и режут леопарды и тигры —
Там пребываешь ты,
задержавшийся среди
ветвей коричных деревьев.

О внук князя, тот, кто ушел
и не вернулся!

Минуло время, когда весенние травы были пышны,
Скоро кончится год, и мы пребываем в смятенье,
А сверчок, не смолкая, поет свою грустную песнь.
Висит пелена тумана,
Обрывисты горные тропы.
Только представишь это,
И станет на сердце тревожно.
Боязно даже подумать,
Даже представить ужасно,
Как у логова хищного зверя,
В самых зарослях, самой чащобе,
Человек, замирая от страха,
лезет вверх по стволу.

А кручи крутые кружат крутизною,
Громады, грозясь, громоздятся горою.
Колючий кустарник и сети ветвей,
Завалы стволов над буграми корней.
И стебли осоки на редких полянах,
Покрытые инеем, жухнут и вянут.
Вот белый олень на тропе промелькнет,
Отпрянет в испуге и снова замрет.
Вот он — с рогами, размашистыми и раскидистыми,
С шерстью, мокрой от холодного пота.
Медведь и рысь, обезьяны и прочие твари —
Все они горестно стонут от своей жизни!
О ты, пребывающий там и задержавшийся
среди ветвей коричных деревьев!
Там, где сцепились тигр с леопардом
и оскалились, встретившись, медведи;
Там, где дикие звери бегут друг от друга,
позабыв, что они суть едины.
О внук князя, приди же, вернись!
Среди гор человеку нельзя оставаться так долго!

3) ОДЫ СУН ЮЯ

Поэтическое наследие Сун Юя включает в себя еще несколько одических произведений (обычно определяются как поэмы), находящихся вне *чуских строф* и занимающих особую нишу в истории национальной поэзии. Они не только являются древнейшими образцами собственно од-фу, но и открывают новый, по сравнению с *чускими строфами*, аспект южнокитайского поэтического творчества. Это «Ветер» (более точный перевод ее названия — «Ода о ветре») — первое развернутое литературное описание природного явления с аллегорическим подтекстом (типичная примета последующей поэзии): противопоставление нравов благородных людей и невежественных простолюдинов; «Горы высокие Тан» («Ода о горах Гаотан») и «Святая фея» («Ода о божественной деве»). К этой серии примыкают еще два прозопоэтических текста (но относящихся к другим литературным жанрам) — «Сун Юй отвечает чускому князю на вопрос» и «Дэн-гу-сладоустраник», в последнем из которых едко высмеивается похотливость. Наибольший же интерес представляют «Горы высокие Тан» и «Святая фея» с сюжетом о любви небожительницы и смертного, видимо тоже имевшим широкое хождение в чуских верованиях. Важно, что этому сюжету — в поэтическом его переложении — сопутствует мысль о невозможности телесной близости между небожительницей и смертным, что, вероятно, предвосхищает столь характерную для китайской культуры идею любви-сна, любви-воспоминания — словом, любви как недостижимого в обыденной жизни идеала. Такое восприятие любви проходит через всю китайскую словесность, отразившись в многочисленных рассказах о возлюбленных и супругах, вынужденных расстаться и сумевших соединиться лишь после смерти; в стихотворениях-плачах по усопшим женам. Немало прозопоэтических и лирических произведений было также создано непосредственно по мотивам этих од. Они составляют особую тематическую подгруппу в рамках любовно-лирической поэзии — произведения на тему божественной любви. Кроме того, Сун Юй впервые создал развернутый литературный портрет красавицы и передал — во множестве оттенков — любовные переживания лирического героя.

На русском языке имеются переводы всех названных произведений, выполненные акад. В. М. Алексеевым, в: Китайская классическая проза / В пер. акад. В. М. Алексеева. М., 1958; 1959.

Святая фея

Чуский князь Сян с поэтом Сун Юем гулял по берегу Юньмэна и Юю повелел воспеть в стихах то, что случилось там, в Высокой горе Тан. В ту же ночь Юй лег спать и во сне имел встречу с той девой святой. Была она очень красива, и Юй подивился немало. Наутро он об этом князю доложил, и князь спросил: «Что ж это был за сон?» Юй отвечал: «Вечером, после обеда и ужина, моя душа пришла в смятение, неясное какое-то волнение, как будто бы мне предстояла какая-то радость... Я сам был не свой, весь в тревоге, в томленье каком-то, и не понимал, что творится со мной. В глазах у меня зарыбились какие-то смутные, что-то рисующие очертанья и вдруг мне как будто дающие что-то такое припомнить. Я как бы видел женщину, с наружностью причудливой, совсем невероятной. Заснул и во сне увидел ее. Проснувшись же, вспомнить, что было, не мог. Пропало, да, пропало все, и было неприятно мне, так грустно-грустно... Чувствовал себя я потерянным каким-то, без души. Тогда я сердцем овладел, на дух свой волю наложил, и снова я увидел то, что было мне во сне».

Князь спросил: «Скажи, какую же она тебе престала?»

Юй сказал: «О, роскошная! О, прекрасная! В ней все красивое — сполна! О, великолепная! О, красавица! Мне трудно до конца вам все о ней сказать! Не говорю уже о том, что в дальней древности таких никто не знал, но и среди нас, живых, таких не видывал опять-таки никто. То — красота редчайшего смарагда, то — вид какого-то алмаза дорогого. Не мне, не мне воспеть ее...

С ее появлением сиянье, сиянье такое явилось, как будто то белое солнце всходило, светя на стропила домов. Теперь, когда понемногу она ко мне начала подходить, вдруг стало ослепительно светло, как будто полная луна свои в меня направляла лучи. Одно мгновение, миг один — и красота ее лица вдруг зажила своею, новой жизнью. И стала так мила, да, мила, как цветок! От нее изошла теплота, да, да, теплота —

как от светлого, редкого камня. Все краски, что есть, примчались и в ней воплотились... Нельзя, невозможно ее описать мне!

Когда всмотрелся б я в нее, то отняла б она собою свет очей моих... И надет на ней был превосходный наряд: роскошные ткани, атласы, шелка и вышивки в лучших узорах. Нет лучше одежды, пленительней краски — сияют они на весь мир наш. Оправила красивый свой наряд, закуталась в накидку, пелерину. Роскоши было немало, так тонок был вкус, что она не бросалась в глаза. Ее шаги были изящны и милы-милы. Сияла собою на все помещенье дворца. Мгновенье, да, миг лишь — она изменилась! Стала изящна, как ловкий дракон, летящий на тучах высоко.

Сняла пелерину свою, сняла и накидку из газа... Омытая настоем орхидей и пахнущая чудными духами, она была приветлива, мила и хороша в прислуживанье рядом, покорна скромным положеньям и душу умиляла мне».

Князь сказал: «Так вот она, скажи, какая великолепная! Попробуй мне ее изобразить в поэме».

Юй отвечал: «Так-так. Извольте, хорошо.

Ах, как прекрасна и мила, мила святая фея! В ней — вся краса, которой полон мир с его двойной стихией сил. Она одета в наряд изящный, изящный, да, которым только любоваться. Напоминает колибри-птичку, когда расправит она крыло. Наружность ее себе равной не знает, ее красоте нет предела совсем. Мао Цян заслонялась своим рукавом, но не может она ей служить образцом; Си Ши закрывала лицо, но в сравнении с нею — красоты бы лишились своей. Она очаровательна вблизи, а издали внушительна она. Сложенья она примечательного, совсем государевой стати. Смотреть на нее — весь взор твой наполнит. И кто б мог еще к ней добавить красот! Я в сердце своем уж любил ее сам для себя и ей восхищался без меры. Но дружбы не было у нас, до теплых чувств далеко было, и не было возможности мне все ей изяснить. Другие — никто на нее не взглянул, и Юй любовался, смотрел на нее. А наружность ее, как высокие горы, была недоступной какой-то. Ну как я могу говорить до конца? Лицо, красотою насыщенное и полное, полное ею, но строгой женской красой. А яшмовый облик ее в себе заключал теплоту и живительно-сочное нечто. Зрачки ее глаз лучились каким-то духовным, духовным великим свеченьем, и взгляд

блистал красотою — лишь любоваться на него! Брови красиво срослись и вздымаются бабочкой, бабочкой моли, а красные губы так ярки, что выглядят киноварью. Так все естественно в ней густой, как вино, как вино, красотою; воля ж стремится к спокойному тону, который проникнут весь сдержанностью. Она так мила, хороша, затворяясь в покойный, покойный чертог свой, но так же проста и свободна, когда она вновь на людях. По праву ей нужен высокий чертог, чертог, чтоб идею ее развить в нас. Порхая, она свободно ступает, не зная стеснений, с открытой душой. В движениях своих, как дымка, как дымка, легка, и шаг ее нетороплив, и, касаясь крыльца, дорогими камнями позванивает. Направляясь к алькову, где я, она долго, да, долго, внимательно смотрит, и мне кажется — струи волны готовы стать валом. Взмахнула длинным рукавом, да, рукавом, и строго оправила платье. Стояла, качаясь, склоняясь в нетвердой походке своей. В бесстрастном и чистом спокойствии вся, в спокойствии вся; мила и чиста; и в сосредоточенности всего существа не знает она надоедливой позы. В походке свободной своей она двигалась, двигалась все же слегка лишь; и что она думала, вряд ли я мог догадаться. Казалось, хотела приблизиться, да, но вдруг отходила подальше; как будто совсем подходила — и снова назад оборачивалась. Я поднял свой полог, ее приглашал, приглашал для объятий, желая всю душу отдать на любовную страсть. Но в ней целомудрие было и чисто, да, чисто, и строго, и кончилось тем, что ко мне обращен запретительный жест. Ряд милых слов, да, милых слов, в ответ; и изошло тогда благоуханье от уст ее, что орхидеев цвет. И дух мой слился с ней, да, слился с ней, в таком общенье раскрылось сердце к радости в любви. Лишь бог, что у меня в душе, проник в нее, но почвы не нашел в ней: в душе живой — там еле-еле жизнь, и никакой нет нити. Уста готовы согласиться, чтоб не делить, чтоб не делить на ты и я, со вздохом громко прозвучали в ней жалость, скорбь. В лице был легкий гнев, да, гнев, натянутость виднелась; нет, не могла себя проступком запятнать...

И вот она теперь, дорогим убором шевельнув, зазвучала своим фениксом из яшмы. Платье оправила строго и сделала строгим выражение лица. Обратилась к дуэнье своей, отдала приказанье визирю. Я любви ее не узнал, и она, распростившись, уже уходила. И все отступала, себя выводя и не разрешая

сближенья с собой. Казалось, уйдет, но все же не ушла; идя же, как будто ко мне обернулась. Глазами скользнула, взглянувши слегка, но ярко горел ее взгляд, что она мне дарила. И то, что в душе ее было, и то, что хотела сказать, все разом наружу прорвалось — и я не могу описать. Я думал: уже расстаюсь — и не мог оторваться, однако; в душе моей бог в испуге метался своим. Прощальный привет и поклон не нашелся я сделать и слов до конца не сказал никаких. Хотел бы на миг лишь один задержать, но фея святая сказала мне лишь: „Тороплюсь“. Все сместилось в душе, и ранен был дух мой; все перевернулось во мне, потерялся, не знал, что со мною. В мрачном сознании я как-то забылся, смутным умом я не знал уж, где я. В душе моей, одной душе, была моя, моя любовь. Кто тот, скажите мне, кому могу это поведать?

В горе, унынии страшном лью слезы и вплоть до утра ищу я ее, мою фею».

II. Поэзия эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.)

1) ОДИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Оды-фу в классическом их варианте представляют собой пространные тексты (до нескольких сотен строк) и лишены четких поэтологических норм: в них могут чередоваться строки разной длины, поэтические и прозаические фрагменты. Поэтому в европейской и отечественной научной литературе они обычно обозначаются как рапсодии, или ритмическая проза, и нередко переводятся в виде прозаических произведений. Собственно оде часто предпосылается прозаическое вступление, в котором рассказывается об истории ее создания. В I—II вв. классические оды дополнились так называемыми малыми, или лирическими, одами, которые формально (объем текста, поэтический размер, правила рифмы) тяготеют к стихотворным формам.

По сообщению ханьских источников, за этот период было создано более 1000 фу, от которых до нас дошли 230 полных текстов и отрывков из них. Подобная популярность одической поэзии в ханьской изящной словесности объясняется тем, что она была включена в орбиту государственности и политической активности членов социальной элиты общества: посредством этих произведений воспевалось могущество правящего режима, велись диспуты при дворе, добивались продвижения по службе. В результате в научной литературе утвердилась точка зрения, что ханьская одическая поэзия имела ярко выраженную политическую окраску и предназначалась для исполнения главным образом общественно значимых функций, т. е. находилась в русле конфуцианских поэтологических воззрений. На самом же деле ханьские оды чрезвычайно разнообразны по тематике и содержанию. И если ряд их тематических групп — оды-панегирики, оды, воспевающие столицы и дворцы, посвященные придворным

церемониям, — отчетливо восходят к одам-я и гимнам «Ши цзина», то другие — оды на даосско-религиозные и даосско-философские темы, на тему божественной любви — родственны чуской поэзии. Отдельные тематические группы образуют также оды-аллегии, среди которых мы видим произведения, посвященные природным явлениям, представителям животного мира (в основном птицам), растениям, предметам быта, письменным принадлежностям, музыкальным инструментам; и любовно-лирические оды, в которых улавливаются откровенные эротические мотивы. Одическая поэзия во многом превосходит тематику последующей лирики. Кроме того, она значительно обновила поэтический язык: ханьские *фу* обладают необыкновенно колоритной образностью, ткань их повествования богата мифологемами, красочными эпитетами и метафорами, лексическими формулами, производными от политических и философских терминов.

Фу в обоих их поэтологических вариантах активно создавались и в дальнейшем, но они уже никогда не были столь востребованы в национальной художественной словесности, как при Хань.

ЦЗЯ И (201–169 гг. до н. э.)

Цзя И считается самой крупной поэтической фигурой начального этапа развития ханьской одической поэзии, а его творчество — своего рода связующим звеном между *чускими строфами* и собственно *фу*. Примечательно, что он отчасти повторил судьбу Цюй Юаня. Официальная карьера Цзя И началась блестяще: уже в 18 лет он имел репутацию выдающегося литератора и знатока древних книг, в 20 — был приглашен императором Вэнь-ди (179–156 гг. до н. э.) ко двору, пожалован званием «ученого-эрудита» (*боши*), которого удостоивались только признанные ученые-книжники, и привлечен к разработке этикетно-ритуального уложения и планов реформирования законодательной базы и управленческого аппарата ханьской империи. Именно ему, например, приписывается предложение утвердить желтый цвет в качестве официальной государственной символики. Однако в скором времени активность Цзя И и рост его влияния на императора стали вызывать опасения у прочих царедворцев, сумевших убедить Вэнь-ди в лицемерности поэта и в его нелояльности к трону. Цзя И был сослан на внешне почетную должность — «сановного наставника» правителя области (или удельного царства) Чанша

(провинция Хунань), которая из эпицентра чуского царства превратилась в периферийный район ханьской империи. Крах собственных надежд и чаяний и непривычный для выходца из центральных регионов Китая южный климат подорвали и без того слабое здоровье поэта. Через год после возвращения в столицу он скончался в возрасте всего 33 лет¹.

Поэтическое наследие Цзя И представлено помимо цикла из свода «Чуские строфы» тремя прозаическими произведениями, из которых наибольшей известностью пользуются «Плач по Цюй Юаню» (в жанре *сао*) и «Ода о сове» — одно из первых поэтических сочинений даосско-философского характера, в котором раскрываются и развиваются темы древних даосских трактатов — «Дао дэ цзина» и «Чжуан-цзы»: о единстве сущего, универсальности изменений-перемен и относительности жизни и смерти. Рассказывается, что поводом для написания этой поэмы послужил реальный эпизод из жизни поэта во время его пребывания в Чанша: в его дом неожиданно влетела сова, в чуских верованиях символ зла, что было воспринято им как дурное предзнаменование.

На русском языке имеется несколько вариантов перевода названных произведений, выполненных акад. В. М. Алексеевым, в: Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973. С. 295; А. А. Ахматовой, в: Антология китайской поэзии... Т. 1. С. 199–201; Ахматова А. Классическая поэзия Востока. Переводы. М., 1973. С. 295; А. Адалис («Ода о сове»), в: Антология китайской поэзии... С. 202–205; Е. А. Торчиновым (см. примечания к переводу произведений).

Плач по Цюй Юаню

Я, Цзя И, назначенный наставником сановным удельного царя Чанша и в ссылку отправляясь, не мог спокойным остаться. И вот, переправляясь через реку Сян, сложил я эту оду, дабы оплакать Цюй Юаня. Ведь Цюй Юань был мудрецом из Чу, но, пострадав от клеветы, был изгнан он безвинно. В изгнании сложил он оду «Скорбь разлученного», последние слова которой говорят: «Увы, конец! В стране нет более мужей достойных и меня никто не понимает боле!» И, это написав, он бросился в реку Мило и так погиб. А я, Цзя И, вернулся мысленно к его страданиям и потому его воспеть решился одой. Ее слова гласят:

¹ Все эти сведения сообщаются в официальном жизнеописании Цзя И из «Ши цзи» Сыма Цяня, перевод которого на русский язык см. в: Сыма Цянь. Избранное... С. 181–189.

Я почтительно принял всемилостивый указ
 И, готовясь нести за ошибки свои справедливую кару,
 Начал службу в Чанша.
 Здесь услышал печальный рассказ,
 Как поэт Цюй Юань утопился в потоке Мило.
 Вот и я, поселившись над водами Сяна-реки,
 Полон скорби, сложил о великом Учителе плач:
 Ты попался в тенета бесчестных,
 И это к беде привело.
 Рыдаю, взываю в печали.
 Век, в который ты жил, не сулил благоденствия и удач.
 Скрылись фениксы фэн и луань,
 Только совы свободно летали.
 Уважали бездарных, льстецы и завистники были в фаворе,
 Мудрецы с недостойными поменялись местами.
 Да, тогда даже праведников обвиняли в корысти,
 Меч Мосе называли тупым,
 Прославлялась свинцовых ножей острота!
 Это несправедливо, Учитель обижен безвинно!
 Глиняные горшки поднимались в цене,
 А священный треножник был в пыль опрокинут.
 Слабосильному буйволу дали везти колесницу,
 Жалких кляч запрягали взамен боевых коней,
 А скакун чистокровный, таская телеги,
 Из сил выбивался.
 Шапки мудрых сановников попирали ногами.
 Не могло это вечно продлиться!
 О, как горько, Учитель,
 Ты в несчастье своем одиноким остался.
 Ты сказал: в Поднебесной никто меня не понимает!
 Тяжкой скорбью подавлен,
 Кому расскажу я о ней?
 Вот божественный феникс парит и кружит в вышине,
 Круто ввысь поднимаясь.
 Он уносится вдаль, повинуюсь лишь собственной воле.
 Вот великий дракон в недоступности водных пучин —
 Он скрывает свое совершенство в бездонных глубинах,
 Крокодилы и выдры бегут от него,
 А улитки и пиявки — тем более!
 Так бесценная добродетель совершенного мудреца
 Сохраняет себя, грязь мирскую отринув.

Разве лучше стреноженный конь, чем собака или овца!
 Не решился Учитель уйти прочь от низостей мира —
 И в этом причина страданий.
 Мог любому служить государю,
 Обошел весь простор девяти областей,
 Отчего непременно хотел оставаться ты в чуской столице!
 Феникс реет в недостижимой высоте,
 Свет его добродетели с неба струится.
 Лишь увидит опасность, грозящую его совершенству,
 Расправляет крыла и скрывается вдалеке.
 В луже с затхлой водой
 Разве может гигантская рыба ютиться!
 Станет легкой добычей для муравьев и червей
 Одинокий осетр в пересохшей реке.

Ода о сове

В год Шань-э,
 с наступлением четвертого месяца,
 вестника летней поры.
 На исходе угасшего дня
 Что зовется Гэн-цзы,
 в дом неожиданной гостьей влетела сова,
 Важно и безмятежно села возле меня.
 Появлением странного существа
 Удивлен и встревожен,
 страницы гадательной книги
 Я открыл
 и увидел зловещей приметы слова:
 «Если дикая птица влетела нечаянно в дом,
 Значит, скоро хозяин из этого дома уйдет».
 «Так позволь же узнать, — обратился я
 к гостье ночной, —
 По какой из дорог мне отныне придется идти?
 Дай ответ,
 ожидает ли счастье на этом пути,
 Или горечь несчастья,
 болезнь или гибель в волнах меня ждет?»
 И скажи, сколько в жизни еще мне отпущено лет?»
 Но расправила крылья сова и, вздохнув,
 головой покачала в ответ:

«Сам читай в моих мыслях,
а мне говорить не дано».
Постоянно меняется мир,
ни минуты покоя не знает.
Беспреданно меняется все
и, в движении новые формы рождая,
То вперед устремляется, то возвращается вновь,
То эфиром становится тело,
то форму эфир обретает,
Словно сбрасывает свою оболочку цикада.
Глубоки, сокровенны законы природы,
как облечь их в слова?
В сердцевине печали скрывается счастье,
а в радости — горе таится.
Неудача и счастье бок о бок стоят за оградой,
А беда и успех неразлучными входят в селенья.
Где сегодня великое древнее княжество У?
Из-за действий Фу Ча потерпело оно поражение.
Царство Юэ сумело в Гуйцзи утвердиться
И вот
Гоу Цзянь стал сильнейшим среди государей.
Лютой казни подвергся Ли Сы,
хоть стремился успеха и славы добиться,
Фу Юэ был жестоко наказан,
но царским советником стал.
Счастье смешано с горем,
веки нельзя разделить их,
Как запутанный пряжи клубок распустить на отдельные нити.
Непостижна творимая небом судьба,
кто законы ее познал?
Разливаясь, бушуют неистово воды реки,
От натянутой тетивы
долгим будет стрелы полет.
Превращаясь друг в друга,
зыблется все в постоянном круговращении.
Теплый пар поднимается вверх,
вниз холодным дождем падает.
В непрерывном кружении все сплетено, перемешано,
все в движении.
Бесконечно Великий Гончар
мириады вещей созидает.

Не познать размышлением Небо,
Дао-путь не постигнуть рассудком,
И мгновение смерти своей разве кто-нибудь знает?
Можно Небо и Землю
с пылающим горном сравнить.
Превращения и перемены свершают работу,
Уголь — силы инь-ян,
все на свете — кипящая медь.
То погаснет, то вновь разгорится огонь,
переплавкам вселенским нет счета,
Не найти постоянства ни в чем.
Мириады метаморфоз,
сотни, тысячи превращений,
Нет предела-конца
непрестанному круговороту.
Человек появляется в мире невольно —
к чему так цепляться за жизнь?
После смерти изменится,
станет чем-то иным,
горем можно ли это назвать?
Дорожит своей жизнью глупец,
презирая других, лишь собою гордится,
Но мудрец видит глубже: сущее
не обратится в ничто.
Алчный ищет богатства,
тщеславный за славой стремится,
Властолюбец готов умереть ради власти,
а чернь жаждет жить.
Догоняя удачу, спасаясь от бед,
то на запад бросаются, то на восток.
Для великого — все изменения равноценны,
и путь его прям.
Повседневностью скованы, люди страдают,
как в темницу заключены,
Но стремящийся к истине, мир отвергая,
остается лишь с Дао.
Люди пойманы в сети соблазнов,
злом и благом сердца их полны,
Лишь мудрец, постигающий истину,
пребывает в покое и тишине.
Слившись с Дао-путем,

ложной мудростью пренебрег он,
 Превосходит природу, опустошенный, далекий,
 один с изначальным.
 Он парит в поднебесье в согласии с Дао,
 плывет, повинуюсь потоку,
 Подчиняясь преграде, стоит,
 не стремится ее обойти.
 Тело вверив судьбе,
 не считает себя лишь своим достоянием.
 Жизнь — как плавание по течению,
 смерть всего только отдых в пути.
 Он спокоен,
 как темные воды бездонных глубин.
 Словно легкий челнок,
 исчезающий в пустоте,
 Без руля и весла он скользит,
 не привязанный к миру живых.
 Человек, познающий суть Блага,
 свободен от гнета страстей,
 Волю Неба постигший не знает печали.
 Жизнь и смерть,
 счастье или беда —
 лишь пустые слова,
 Беспокоиться из-за которых стоит едва ли.

СЫМА СЯН-ЖУ (179—117 гг. до н. э.)

Сыма Сян-жу, второе имя Чжан-цин¹, уроженец юго-западного региона Китая (г. Чэнду, провинция Сычуань)², — один из ведущих поэтов-одописцев всей ханьской эпохи.

Жизнь Сыма Сян-жу изобилвала приключениями и неожиданными поворотами судьбы³. Отпрыск бедного провинциального семейства, он тем не менее смог получить превосходное образование, включая

¹ В Китае было принято давать человеку два имени: детское, которое затем использовалось при дружеском общении или в качестве литературного прозвища; и взрослое, бывшее его официальным именем.

² Указание на место происхождения человека является обязательным при изложении его биографии, что объясняется устойчивостью и значимостью в старом китайском обществе исходных родственных отношений.

³ Перевод на русский язык жизнеописания Сыма Сян-жу из «Ши цзи» Сыма Цяня см. в: *Сыма Цянь. Избранное...* С. 283—325.

обучение искусству фехтования. Достав где-то деньги, купил придворную должность и стал светским императора Цзин-ди (156—141 гг. до н. э.). Но быстро поняв, что у него нет никаких шансов привлечь к себе внимание монарха, абсолютно равнодушного к поэзии и прочим гуманитарным увлечениям, подал в отставку и пустился на поиски принца-покровителя, способного по достоинству оценить его таланты. Эти поиски завершились внезапным браком (об этой истории — чуть позже), принесшим Сыма Сян-жу и вожденное богатство. А в скором времени состоялось и его личное знакомство с новым императором — У-ди, пришедшим в восторг от тоже случайно попавшего ему на глаза творения ранее неизвестного ему поэта. Все последующие годы Сыма Сян-жу и У-ди связывало подобие дружеских отношений. Не желавший обременять себя постоянными служебными обязанностями и при малейшей возможности превращавшийся в далекого от государственных дел сибарита, Сыма Сян-жу постоянно и с неизменным успехом исполнял различные поручения императора, будь то ведение весьма непростых и щекотливых в дипломатическом плане переговоров с соседними западными народностями, консультации по вопросам этикетно-ритуального характера или участие в деятельности Музыкальной Палаты (Палаты Юэфу) — специального столичного ведомства, учрежденного У-ди для создания культовых песнопений и сбора образцов песенного фольклора (подробно см. далее).

Многие эпизоды жизни Сыма Сян-жу впоследствии превратились в популярнейшие в Китае легенды. Самая известная из них — история его романтического брака: во время поисков покровителя Сыма Сян-жу случайно оказался на пиру в доме провинциального богача и за один вечер сумел пленить своим виртуозно-вдохновенным музицированием сердце недавно овдовевшей красавицы — дочери хозяина — Чжо Вэнь-цзюнь, что она в ту же ночь бежала с ним из отчего дома. Они прожили счастливой супружеской парой, пока Сыма Сян-жу не отдался новому любовному увлечению, и печальная участь Чжо Вэнь-цзюнь тоже нашла отражение в ее собственном поэтическом произведении (см. далее) и впоследствии неоднократно переживалась в художественной словесности.

Сколько точно поэтических произведений было создано Сыма Сян-жу — неизвестно. Рассказывается, что посланцы У-ди, прибывшие в дом поэта сразу же после его смерти, не обнаружили там ни одной рукописи. Ханьские филологи предприняли немало усилий, чтобы извлечь творения Сыма Сян-жу из других рукописных памятников, в том числе из поэтических сборников, где они соседствовали с любительскими опытами принцев крови. В результате до нас дошло всего 6 его од, наибольшим признанием из которых пользуются «Ода о Цзы-сюе» — пространное и исключительно пышное по стилю

описание южных районов и владений чуских правителей, с обилием дидактических интонаций — именно эта ода и заинтересовала У-ди; «Ода о великом человеке», в которой воссоздана картина фантастического странствования даосского адепта; и «Ода о Длинных воротах» («Там, где длинны ворота») — одна из лучших ханьских любовно-лирических од, тоже связанная с конкретным эпизодом, но не из жизни Сыма Сян-жу, а супруги У-ди — императрицы А-цяо. Кроме того, она является одним из первых произведений, созданных поэтом-мужчиной, но написанных от лица лирической героини и повествующих о женских любовных переживаниях.

На русском языке имеются переводы всех трех названных произведений: первых двух — в исполнении А. Адалис, в: *Сыма Цянь. Избранное...* С. 286—307, 316—319; Антология китайской поэзии... Т. 1. С. 206—231; третьего — акад. В. М. Алексеева, в: *Китайская классическая проза...* С. 71—76.

Там, где длинны ворота

Императрица из рода Чэней, супруга Доблестного сына, Воинственного августейшего монарха, в описываемое нами время, пользуясь его благосклонностью, стала чрезвычайно ревнива, и государь поселил ее отдельно, во дворце «Длинных Ворот». Она предавалась там тоске и печали, думая о горе своем...

Затем прослышала она, что в городе Чэнду, который в область входит Шу, живет Сыма Сян-жу, что он искусней всех в стране под небом нашим в писании красивых сочинений. И вот она, взяв из казны сотню цзиней желтого золота, дала его жене Сян-жу, по имени Вэнь-цзюнь, иль Образованная госпожа, чтоб та купила себе вина и чтобы это все пошло на строфы, объясняющие ее тоску и огорченье. И Сян-жу написал свое стильное произведение, имея в виду образумить владыку-монарха. Императрица Чэнь вновь удостоилась теперь фавора и сближенья. Вот что гласили слова его оды-поэмы.

Скажите, какая там красивая женщина, да, красавица, ходит и бродит, шагает, в грустные думы свои погружившись? Душа ее, уйдя за грани тела, потерявшись, не возвращается назад, обратно, да; и вид она имеет изможденный, вся высохла она, сидит, живет совсем одна.

Он говорил мне: «Ведь я утром буду уходить, а вечером к тебе опять приду — да, да, приду». А сам теперь и пьет, и ест, и забавляется, забыв обо мне. И в сердце его все испарилось сразу. Он мне изменил и не вспомнит уже о былом: связался

теперь с фавориткой своей и сблизился с нею. Ах, как была я небрежно глупа, да, глупа я; и как я в душе любовь берегу, настоящую, искреннюю! Я так бы желала, чтоб он мне соблаговолит бы вопросы поставить, меня допросить, чтоб сам повелел мне приблизиться снова — да, вновь подойти; чтоб мне удостоиться счастья вновь услышать, ценить драгоценный голос его. Соизволил сказать лишь пустые слова, а я-то надеюсь всей полной душой, да, искренне очень; но мой повелитель, он так и не хочет меня осчастливить, приехать ко мне. Я в этих хоромах одна, как на дне, и вся своим чувством захвачена — вся! А ветер летит, налетает как вихрь этот ветер!..

Взойду на Пахучую башню и стану с надеждою вдаль я смотреть, с надеждою смотреть; душа же до самых глубин охвачена сильным порывом, и вся, как поток, устремляюсь куда-то туда. А тучи плывут, тяжелыми горами тучи со всех четырех заслонили сторон небосклон, да, отовсюду; и небо, бездонно-бездонное небо вдруг днем потемнело совсем. Гром прокатился, раскатами гром, и гулы его восстали, восстали; но грохот от грома напомнил мне грохот того экипажа, в котором сидел государь. Вот летящая буря свернула с пути и влетает в ворота мои, во дворец; поднимает все занавеси и все пологи разом, и вдруг коричное дерево сплелось и запуталось все в корнях и ветвях — да, ветвях; а запах, и острый, и резкий, идет и идет... Великая птица павлин садится на дерево это и к нему приникает любовно... А черная там обезьяна свистит и стонет протяжно. Вот зимородок, изумрудная, синяя птица сложила свои крылья, сюда прилетев, уселась совместно с другой. Фениксы, он и она, летают на юг и на север... Сердце мое полно до краев безысходной тоскою, дух, сбитый с пути, бушует вовсю, на меня изнутри нападает...

Спускаюсь с Террасы пахучей, смотрю, озираюсь вокруг, вокруг озираюсь и медленным шагом иду потихоньку по самым глубоким дворцовым путям. Вот главная зала... Как глыба... Она упирается в небо — да, в самое небо... Строенья другие громадою темной с ней вместе поднялись и высятся к небу. По временам я прислоняюсь в истоме к флигелю направо, к востоку, да; смотрю на пестрые громады, и без конца, и без конца. Толкну в инкрустациях дверь, золоченые бляхи затрону — схвачусь я, их звук загудит, загудит, как звон колокольный какой-то. Перекладины двери моей из скульптурной магнолии все — да, все разные, карниз абрикосом ажурным

отделан. Здесь целая сеть густая-густая деревьев, бродящих, качающихся; подперты пролеты утуном-деревом. Отделаны все редкими деревьями верхи колонн, их капители; неровными рядами они крепят упоры крыш. И в этот час все выглядит неясным и туманным, по одному могу лишь угадать другое — другое, да; а в общем кажется, как будто глыбы скал нависли сверху кое-как... А днем все пять цветов слепят, один перед другим — слепят; блестя и огненно сверкают — сплошное яркое сиянье! И плотно так скрестились камни, нет — это черепицы крыш — да, крыш; напоминает их узор игру каких-то самоцветов. Везде растянута сплошной, причудливою сетью там занавесы, да; свисают вниз перевитыми узлами чуской бахромы. Дотянусь до карниза дверей, чтобы сделать движение какое-нибудь, да, чтобы двигаться мне, и смотрю на широкую панораму причудливых дворцовых помостов-террас.

Белый журавль кричит и жалобно воет — да, воет; его одинокая самка стоит на одной ноге у сухих тополей. День уже в сумерках желтых, надежды мои прерываются — да, оборвались; печально одна отдаю себя залу пустому. Свисает, сияет луна, лучи надо мной лишь блистают — да, только; иду в эту чистую ночь одна в свой глубокий альков. Берусь за классически строгую лютню, сыграть отходящий от строгих мотив; играю о том, что не может быть долгой печальная дума моя. Под пальцем течет высокая нота, она изменяется дальше и переходит в другую; и тембром струна упоительно чистым звенит, мелодия вздымается вверх. Проходит сквозь все, что я вижу теперь, ее четкая, строгая тема — проходит; мысль моя крепнет, растет и себя поднимает сама. Но те, кто со мной, по обе руки, в своем огорчении роняют слезу — да, плачут; их слезы струятся потоком во всех направлениях, и этак и так. Не сдерживают уж рыданий своих, все громче и громче от горя вздыхают, вздыхают; но я уже вновь поднялась, шатаясь иду, не зная куда. Рукав подымаю свой длинный, лицо закрываю свое — закрываю; и все пересчитываю свои неудачи, ошибки былого... Ни глаз, ни лица показать, показать... И вот в удрученном таком настроении я приближаюсь к постели своей. Собираю душистые разные травы себе в изголовье, в подушку; себе постилаю цветы, которые пахнут чудесно, на ложе. И вдруг засыпаю, и сплю, и грежу во сне и в сонной мечте, да, в думе своей; в душе же творится такое, как будто бы сам государь был здесь, рядом со мной. В испуге от сна пробуждаюсь — ах, нет, никого не

видать, не видать; душа вся встревожена, будто потерю познала. Поют петухи целым хором уже, и меня им приходится горько жалеть, горевать; и я поднимаюсь, смотрю на луну, на ее сосредоточенный блеск. И взираю на звезды, рядами своими, рядами мерцающие; Би-Маобиады уже проступают в восточной окраине неба. Я вглядываюсь в середину двора, где лежит — да, лежит полусвет-полумрак; и как будто изморозь выпала там, как бывает лишь осенью поздней. И тянется-тянется ночь, словно год, а не ночь; а в сердце моем клубится, клубится тоска, и никак невозможно ее утишить, изменить. Вот так я блуждаю в волнение, и места себе я найти не могу, не могу до утра... Мутнеет и брезжит рассвет... А я грущу про себя, грущу и горюю, и так весь год до конца — и не смею, не смею забыть.

ВАН ЯНЬ-ШОУ (нач. II в.)

Ван Янь-шоу, вторые имена — Вэнь-као, Цзы-шань, уроженец южного региона Китая (г. Сюаньчэн, современная провинция Хубэй), — один из наиболее самобытных ханьских поэтов-одописцев.

Судьба Ван Янь-шоу сложилась трагически: сын Ван И — составителя и комментатора свода «Чуские строфы», он уже в детстве подавал надежды стать выдающимся ученым-филологом и литератором, но в возрасте всего 20 лет погиб по нелепой случайности при переправе через реку Сян, воспетую в *чуских строфах*.

Творческое наследие Ван Янь-шоу состоит из 3 од, и все они оставили заметный след в истории китайской поэзии. Это «Ода о луском дворце Лингуандянь» — признанный шедевр классических од-панегириков; «Ода о княжеском внуке» — произведение на даосско-религиозные темы, близкое по сюжету и образности к «Призываниям» из «Чуских строф»; «Ода о сне», которую по праву можно считать уникальным образцом ханьской прозопоэзии, хотя она отдаленно перекликается (мотивы зловещего предзнаменования) с «Одой о сове» Цзя И. По словам биографа поэта, эта ода была написана под впечатлением действительно увиденного им сна, чуть ли не за несколько дней до его гибели, что придает ей особую трагичность и пронзительность звучания.

Ода о сне

Я в эту ночь, едва успев прилечь,
Мгновенным сновидением забылся.

Да, то был сон!
 Чудовищ-духов сонм
 как ниоткуда в доме появился.
 Вот показался с головой змеи
 и четырьмя торчащими рогами,
 Над птичьим телом —
 хищной рыбы пасть,
 Трехногий там, а рядом — шестиглаз,
 Один — дракон, тот — человек на вид,
 Толпою мерзкой нечисть вся спешит,
 И предо мной внезапно оказалась.
 Колени выпрямив и в такт ведя руками,
 Вовлечь меня желают
 словно в странный танец.
 Но вдруг — то было в середине сна —
 их обуяла ярости волна.
 Внутри спеклось все, чувствую,
 от ужаса сжимаясь:
 Я якобы, ничтожный, преступил
 гармонию земную и небес!
 Проступок сей как смел я совершить?!
 Вздыхаются ручищи с кулаками,
 от гнева сжатыми.
 Гром грянул, молний вспыхнул блеск...
 И яркий свет вонзился в плоть,
 Свирепый вепрь рвал клыками,
 Рубил сплеча убийца-дух,
 И злобный черт кромсал кусками.
 Все тело в клочья размели,
 Туман кровавый пред глазами.
 А кто-то голову крушил,
 А кто-то сбил ударом на пол
 И, когти погружая в мякоть,
 Терзает, веселя других,
 Ногами рассекает мясо.
 Что там осталось от меня,
 уже я толком сам не знаю,
 То ли ползком, то ли идя,
 едва-едва передвигаюсь,
 Как рис, лишенный шелухи,
 пропущенный меж жерновами.

Но все же из последних сил
 я токи жизни собираю,
 То семя, что в себе растил,
 побегом с шумом прорастает.
 И разом нечисть впала в дрожь!
 Тот, колченогий, ковыляет,
 спеша подальше убежать,
 Другой, окаменев от страха,
 не в состоянии сделать шага,
 Одни лишились дара речи,
 те извинения лепечут,
 Кто, вылупив с мольбой глазищи,
 мне в ноги кланяется низко.
 Исчезла пелена тумана,
 и ярко солнце заблестало...
 Я в тишине, один, как прежде,
 дивлюсь на то, что приключилось,
 Да, странные творятся вещи,
 поистине необъяснимы!
 Но какова таится сила
 людей, обретших совершенство,
 Чьи наставленья и искусство
 меняют все в одно мгновенье!
 Я вольно, сладко потянулся и...
 неожиданно проснулся!
 Я в заключение так скажу:
 Хуань — князь циский —
 увидал недобрый сон,
 А вскоре стал в стране сиятельным владыкой.
 И древний царь У-дин,
 недоброе почувствовав во сне,
 Мудрейшего советника затем себе обрел.
 Привиделось Воителю-Царю,
 что девять лет ему отпущен срок,
 А прожил целый век.
 Правитель цзиньский — Вэнь —
 был в сновидении
 соперником сражен,
 А после царствовал со славой он.
 И Лао-цзы, чертям поддавшись,
 Сам почитаться начал божеством!

Выходит, мнимая беда
на деле предвещает благо,
Ну так и мне поверить надо
В успех свой, в долгие года!

ЧЖАН ХЭН (78–139)

Чжан Хэн, второе имя Пин-цзы, уроженец центрального региона Китая (область Наньян, современная провинция Хэнань), — самобытная литературная фигура второй половины Хань.

Отпрыск именитого чиновничьего клана, Чжан Хэн ярко проявил себя в различных областях общественной и интеллектуально-творческой деятельности. Он был крупным сановником, мыслителем, ученым-естествоиспытателем и изобретателем. Он сконструировал, например, сейсмограф, способный предсказывать землетрясение в радиусе более 150 км.

Поэтическое наследие Чжан Хэна состоит из 12 од, двух стихотворений и лирического цикла «Стихи о четырех печалях», наиболее примечательным из которых (с точки зрения эволюции лирической поэзии) представляется стихотворение «Песня о созвучии» (см. далее). Его лучшими одическими произведениями признаются три оды-панегирика — «Ода о Западной столице», «Ода о Восточной столице» и «Ода о Южной столице». Особое место занимает «Ода о возвращении к полям» («Возвращение к полям»). Она по содержанию, образности и настроению предвосхищает собой тематическое направление, представленное произведениями с отшельническими и антисоциальными мотивами в рамках уже авторской лирической поэзии; это направление в китайской филологии обычно называется «поэзией полей и огородов».

На русском языке имеются два варианта перевода этой оды, выполненные акад. В. М. Алексеевым («Вернусь к полям»), в: Поэзия и проза Древнего Востока... С. 300–301; и Е. А. Торчиновым (см. примечания к переводу).

Возвращение к полям

Столичными улицами Лояна давно блуждаю,
Но не хватает мудрости для государственных дел.
Стою над потоком — и не закинуть сеть.
Напрасно ждать, чтобы стала чистой в реке Хуанхэ вода.
Счастливую участь Цай-цзы стремлюсь обрести,
Советов учителя Тана ищу, чтобы сомненья рассеять.

Мысли — о непостижимом и смутном Дао-пути.
К старому рыбаку направляюсь радость его разделить,
Оставить навеки суетные дела,
Подняться в далекую высь, отрешась от мирской пыли.
Сейчас середина весны, и луна светла,
Все пребывает в гармонии, воздух прозрачен.
Буйная зелень одела холмы и долины,
Здесь, на приволье, тысячи трав разрослись.
Скопа бьет крылами, как в барабан. Иволга плачет.
Птицы сплетают шею. Они, то взлетая ввысь,
То вниз опускаясь, поют, свистят, щебечут.
Порхают в небесном просторе легко и беспечно.
Слышны голоса драконов из многоводных озер,
Тигры режут на склонах холмов и гор.
Но тех, кто летает вверх, неизбежно сразит стрела,
Те, что плывут в глубине, попадут на удочку рыбака.
Стрела ударила в цель — и смерть пришла,
Жадно схватил приманку — и проглотил крючок.
Так парящая птица падает с вышины,
Так повисает на леске рыба из темных вод.
Сияние солнца померкло, сменившись светом луны.
В скитании вольном я нахожу совершенную радость.
День за днем, забывая тяжесть трудов и забот,
Следую тем заветам, что Лао-цзы были даны.
Снова мой путь к тростниковым зарослям устремлен.
Чувства свои доверяю лишь цитры послушным струнам,
Скандирую книги Конфуция и Чжоу-гуна.
Создаю утонченные произведения тушью и кистью,
Повествую о трех императорах древних времен.
Тому, кто мысль за пределы мира простер,
Откуда знать, что такое слава и что — позор.

2) ПЕСНИ-ЮЭФУ

Термин «юэфу» весьма неопределен по смыслу и означает «стихи, написанные на музыку». Как таковой он используется в китайской филологии для обозначения нескольких видов поэтических и песенно-поэтических произведений: во-первых, культовых песнопений, создаваемых в Музыкальной Палате

(Палате Юэфу) — специальном ведомстве, учрежденном, как отмечалось выше, императором У-ди и просуществовавшем до конца II в.; во-вторых, народных песен, которые собирались чиновниками этого ведомства; в-третьих, народных песен, относящихся к последующим векам (*юэфу* Южных и Северных династий, см. далее); наконец, авторских подражаний народным песням, которые обычно называются в отечественной научной литературе «книжные песни» или «авторские юэфу». В данном разделе речь идет исключительно о юэфу — народных песнях.

Практика собирания песен-юэфу — это непосредственная реализация конфуцианских поэтологических воззрений, и, как объясняется в оригинальных источниках, по ним верховные власти судили об успехах и неудачах своего правления. Всего сохранилось около 60 таких текстов. Их полный корпус был впервые опубликован в конце V в., причем не в литературном, а в историографическом памятнике¹.

По содержанию ханьские юэфу в целом повторяют тематику раздела «Нравы царств» «Ши цина»; по форме они разнообразны: от четверостиший до целых поэм, которые чаще всего обозначаются как баллады. Самыми известными произведениями «балладных» форм являются «Туты на меже» (см. перевод), «Напоил коня из родника у Великой стены» (см. перевод) и «Павлины летят на юго-восток» («Стихи о жене Цзяо Чжун-цина»). Последнее представляет взволнованный и горестный рассказ о трагической любви юной супружеской пары, которую всеми правдами и неправдами старалась разлучить мать мужа и, добившись-таки своего, довела сына и невестку до самоубийства².

Художественный перевод всех ханьских песен-юэфу был выполнен Б. Б. Вахтиным, в: Юэфу. Из древних китайских песен / Пер. Б. Б. Вахтина. М., 1959. Кроме того, в различных изданиях представлены переводы отдельных произведений,

¹ Впоследствии все юэфу, включая культовые песнопения и авторские произведения последующих исторических эпох, были обнародованы в специальном сводном памятнике — «Собрание песен-юэфу» («Юэфу ши цзи»), — составленном Го Мао-цянем (1050?–1126).

² На русском языке имеется два варианта перевода этой поэмы, выполненных Ю. К. Щуцким, в: Восток. М.; Л., 1935. Сб. 1. С. 31–50; Антология китайской поэзии... С. 259–270; и Б. Б. Вахтиным (см. библиографию в основной части раздела).

выполненные Л. Беловым, В. Кошелевским, Ю. Александровым, В. Роговым, А. Тер-Григоряном, Л. Черкасским, Г. Ярославцевым, в: Антология китайской поэзии... С. 232–280; Л. Д. Поздеевой, в: Хрестоматия по истории Древнего Востока... С. 502; М. Кравцовой, в: Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая... С. 372–374.

К югу от города

К югу от города воин сражался,
К северу пал от стены городской.
Ворон кружит. И позвал его мертвый:
«Песню прощальную, ворон, мне спой!»

В поле погибшего ты не схоронишь, —
Карканьем душу мою призови,
Труп мой не может от тленья укрыться,
В дом воротиться к сыновней любви».

Струи речные чисты и прозрачны,
Тихий камыш отразился в воде...
Конь боевой погибает в сражении,
Кляча рабочая гибнет в труде.

В годы войны подневольных стоняют
С севера, с юга для тяжких работ.
Хлеб созревает, колосья упруги, —
Жатвы не будет, и голод придет.

Долг свой готовы мы честно исполнить,
Мудрый правитель, подумай о нас!
Войско скорей отзови из похода,
Много б людей ты от гибели спас!

Высока гора Ушань

Высока гора Ушань,
Высокая, скалистая.

Переводы произведений приводятся в порядке, принятом в китайских изданиях.

Глубока река Хуай,
 Глубокая да быстрая.
 На восток хочу вернуться,
 Почему же не спешу?
 Вот совсем уже собрался —
 да вот весел не найду!
 Воды крутятся-кружатся —
 через них не перейду!
 На одежду слезы льются:
 По чужим краям скитаясь,
 одного хочу — вернуться!
 Как же быть?!

Ну так выпьем вина!

Ну так выпьем вина,
 Оседлаем звезду
 И познаем прекрасного суть!
 Мир объят весь стихами,
 Древних песен словами,
 Выражаем сердца мы,
 С Женской силой в единство придя.
 Смысл вещей постигая стихами,
 Даже тяжесть великих деяний
 Императора Юя поймем!

Господина конь гнедой

Господина конь гнедой,
 А слуги соловый конь.
 Два горячих скакуна,
 да проворнее второй.
 Предо мною конь воспрянет,
 Вся трава пунцовой станет.
 Молодец-красавец с севера вернулся,
 В колеснице ехал, погонял коня,
 Молодец-красавец бедное сердечко
 наповал сразил!
 Милый да пригожий с юга возвратился,
 В колеснице ехал, погонял коня,
 Милый да пригожий мой покой смутил!

Подхожу к высокой башне

Подхожу к высокой башне,
 на террасу поднимаюсь,
 А внизу струятся воды,
 и чисты и холодны.
 Там, среди травы душистой,
 ароматные цветы,
 В небе иволга летает,
 и порхает, и кружит.
 Вынимаю лук и целюсь:
 Слушай, иволга,
 продли мне жизнь на десять тысяч лет!
 Попал!

На листьях роса

На листьях роса
 Высыхает так быстро.
 Высыхает роса на рассвете, чтобы выпасть опять,
 А ушедший из жизни когда возвратится домой?

Хаоли

Это что за земля, Хаоли?
 Душ умерших приют — кто был мудр и кто глуп.
 О владыка чертей! Не спеши нас туда торопить!
 Такова человека судьба,
 что сама всех к тебе приведет!

К востоку от Мирной гробницы

К востоку от Мирной гробницы
 Сосна, кипарис и платан.
 Безвестные грабили лица
 Меня, благородного, там.

В присутственном месте посмели
 Все деньги забрать у меня.
 Потом свысока повелели
 Отдать им гнедого коня.

Гнедого коня угоняют,
 И мне все трудней и трудней.

Я вслед им смотрю, проклиная
Безжалостных этих людей.

Конец моей мирной надежде!
Придется быка мне продать,
Купить себе меч и, как прежде,
Мечом себе хлеб добывать!

Туты на меже

Рождалось солнце на востоке
И шло на юг,
Дома у Циней освещая
И все вокруг.
Красавица родилась в доме
Семьи моей.
Она себя Ло-фу назвала —
Вот имя ей.
Ло-фу искусна в шелководстве
И листья рвет
На тутах, что растут на юге
От городских ворот.
Тесьмою связана корзина —
Шелк голубой.
Надежно сколота корзина
Акации иглой.
На голове красивый узел
Тугих волос.
В ушах жемчужины сверкают
Крупнее слез.
Оранжевым узорным шелком
Расшит наряд,
Поверх лиловыми шелками
Блестит халат.
Увидевший Ло-фу прохожий
Бросает груз,
Гладит и тербит рукою
Колючий ус.
И юноша мечтает с нею
Узнать любовь,
Растерянно он снимет шапку,

Наденет вновь...
Бросают пашущие в поле
Тяжелый труд.
И, позабыв свои мотыги,
За ней бегут.
Обидно им, домой вернувшись,
Смотреть на жен:
Ведь каждый, кто Ло-фу увидит,
Навек пленен.

Гонец проезжий прибыл с юга
Под стук копыт.
И много слуг и приближенных
За ним спешит.
Ло-фу увидев, шлет вельможа
Слугу спросить:
«В чьем доме девушка такая
Изволит жить?»
«В семействе Цинь, как мне сказали,
Она живет.
Обычным именем девичьим
Себя зовет».
«А сколько лет девице этой?
Узнай скорей».
«Неполных — двадцать, а пятнадцать
Минуло ей».
Несет слуга слова вельможи:
«Велел спросить,
Не согласится ли девица
С ним кров делить?»
Ло-фу немедля отвечает —
Ответ прямой:
«Как глуп, хотя богат и знатен,
Вельможа твой!
Есть у богатого вельможи
Своя жена.
Есть у Ло-фу супруг желанный —
Я не одна.

Есть на востоке много конных,
И муж мой там.

Он скачет первый, беспощаден
 Ко всем врагам.
 Как сможете узнать супруга
 Среди других?
 Его скакун заметен белый
 Средь вороных.
 Тесьмою синей хвост украшен
 Его коня.
 Сверкает золотом уздечка,
 Как сноп огня.
 Широкий меч с противовесом —
 Для мощных рук.
 В пятнадцать лет — чиновник видный
 Был мой супруг.
 А в двадцать — крупному вельможе
 Помощник он.
 Постом большим в тридцатилетье
 Был награжден.
 И целым городом он править
 Стал в сорок лет.
 С людьми он честен, чист и ясен —
 Честнее нет.
 С красивой бородой длинной,
 Он бел лицом.
 Степенною походкой входит
 В чиновный дом.
 Красивой поступью заходит
 Он в свой приказ,
 Толпа людей с него не сводит
 Влюбленных глаз
 И говорит, что он отличен
 От всех вокруг.
 Вот видите, каким быть должен
 Ло-фу супруг».

Песня о долгой жизни

- (I) Весенний пышный сад с цветами мальвы,
 Роса на солнце высыхает утром.
 Весна и солнце — милость для растений,
 Живое все растет, блестит, сверкает.

Всегда боюсь я осени прихода —
 Цветы желтеют, облетают листья...
 Не возвратится вспять вода речная,
 Излившаяся в море на востоке.

Ты в юности, пока здоров и крепок,
 Не поленись усердно потрудиться, —
 Чтобы на склоне лет, утратив силы,
 Не вспоминать с тоскою о минувшем!

- (II) На белом олене святой человек,
 Короткие волосы, длинные уши!
 Меня он отвел на гору Тайхуа,
 Там красные зонты грибов долголетия.
 К воротам хозяина с ними пошел,
 Отнес ему снадобье в яшмовом ларце.
 Хозяин отведал живительный гриб —
 И тело его оживилось, окрепло.
 Исчезли седины — и долгую жизнь
 Он принял как дар милосердного неба!

- (III) Беседка в высоких-высоких горах,
 И звезды так близко горят в облаках.
 Я в дали смотрю, мое сердце тоскует —
 Любимую мать вспоминаю в слезах.

Я выехал быстро из северных врат,
 Смотрю на Лоян, оглянувшись назад.
 Согнул свои ветви колючий терновник,
 К земле нарастающим ветром прижат.

И иволга вслед устремляется мне
 И грустно поет о родной стороне.
 Смотрю на Сихэ, и завязки у шляпы
 От слез намокают в глухой тишине.

Западные ворота

Из западных ворот я выйду,
 Подумаю: когда сегодня
 Себе я радость не устрою,
 То сколько ждать мне до веселья?
 Скорее нужно веселиться!

Скорее нужно веселиться!
 Как можно жить в печали горькой,
 В заботах, скорби, удрученье
 И радость ожидать в грядущем?
 Сегодня нужно веселиться!
 Вино я лучшее нагрее,
 Поджарю мясо буйволицы,
 Покличу тех, кто сердцу в радость,
 Кто сможет грусть мою рассеять.
 Жизнь наша — сотня лет неполных,
 А горя в ней — на десять жизней.
 Короток день, а ночь без края,
 Ночь горя, скорби и несчастья.
 Светильником веселья вправе
 Мы осветить свою дорогу.
 Пройдешь ты, жизнь, уйдешь на небо
 Бесследно, как уходит туча.
 И в колеснице погребальной
 Усталый конь свезет останки.

Восточные ворота

Я выхожу в восточные ворота
 И снова против воли возвращаюсь.
 В душе моей досада, скорбь, смятенье:
 Пусты кувшины, в них ни доу риса,
 И не висит на вешалке одежда.
 Мечом семье своей добуду пищу!
 Мать сыновей моих заплачет горько,
 Цепляясь за мою одежду, скажет:
 «Хотят богатства пусть другие семьи —
 Я с вами нищету делить готова.
 Над вами воля неба голубого,
 У ваших ног беспомощные дети —
 Вы нынче на неправедном пути!»
 «Прочь! Я иду! Нельзя мне мешкать боле!
 Тому, кто сед, уж некогда терпеть».

Пою коня у ручья в пробое Великой стены

Зелена-зелена покрывает трава
 Берега бесконечной реки.

Тяжело-тяжело без конца вспоминать
 О далеких-далеких краях.
 Я во сне увидел человека тех мест,
 Увидел его рядом с собой.
 Но проснулся, гляжу — здесь чужое село
 И от родины я далеко.
 И напрасно ищу я повсюду тебя —
 Повстречаться не можем с тобой.
 Потеряют деревья листву навсегда —
 Но предчувствуют ветер они.
 Еще льдом не покроются реки в стране —
 Но предчувствуют холод они.
 Входят люди — у каждого много забот,
 И никто не несет ей письма!..
 Вот и путник приехал из дальних краев —
 Ей он карпов резных подает.
 Сыновей она кличет пакет развязать,
 В нем на шелке письмо для нее.
 И с поклоном читает письмо на шелку,
 Все стремится узнать поскорей.
 Начинаю словами привета к тебе,
 А кончаю прощаньем навек!

3) ДРЕВНИЕ СТИХИ-ГУШИ

Древние стихи (*гуши*) — принятое терминологическое название ханьских собственно стихотворных произведений (т. е. созданных вне музыкально-песенной стихии). В частности, они полагаются сугубо авторскими (хотя и анонимными¹). Впервые эти произведения, не имеющие самостоятельных названий, были опубликованы в литературной антологии первой трети VI в.² в виде общего цикла из 19 текстов. С тех пор данный цикл, известный как «Девятнадцать древних стихотворений», считается уникальным памятником ханьской поэзии. *Гуши* заметно

¹ Часть древних стихов приписывается некоторыми комментаторами и исследователями строго конкретным ханьским литераторам.

² Это антология «Вэнь сюань» («Литературный сборник», «Избранные образцы изящной словесности-вэнь») — самый авторитетный литературный памятник для поэзии Хань и эпохи Шести династий.

отличаются от песен-юэфу своеобразием формы и содержания. Все они небольшие по объему стихотворения, написанные исключительно пятисловным размером и содержащие четное число строк. В *гуши* в отличие от *юэфу* социально-политические мотивы, включая тему войны, ослаблены и, напротив, акцентированы в них мотивы недолговечности человеческого бытия, жизненных неудач, разлуки с домом и близкими людьми. *Древние стихи* проникнуты интимно-исповедальными интонациями.

На русском языке имеются переводы всех девятнадцати *древних стихов*, выполненные Л. З. Эйдлиным, в: Китайская классическая поэзия / В пер. Л. З. Эйдлина. М., 1973. С. 15–42.

Второе стихотворение

Зелена, зелена
на речном берегу трава.
Густо, густо листвою
ветви ив покрыты в саду.

Хороша, хороша
в доме женщина наверху —
Так мила и светла —
у распахнутого окна.

Нежен, нежен и чист
легкий слой белил и румян.
И тонки и длинны
пальцы белых прелестных рук.

Та, что в юные дни
для веселых пела домов,
Обратилась теперь
в ту, что мужа из странствий ждет.

Из чужой стороны
он никак не вернется к ней,
И пустую постель
очень трудно хранить одной.

Третье стихотворение

Вечно зелен, растет
кипарис на вершине горы.

Недвижимы, лежат
камни в горном ущелье в реке.

А живет человек
между небом и этой землей
Так непрочнo, как будто
он странник и в дальнем пути.

Только доу вина —
и веселье и радость у нас:
Важно вкус восхвалить,
малой мерою не пренебречь.

Я повозку погнал, —
свою клячу кнутом подстегнул
И поехал гулять
там, где Вань, на просторах, где Ло.

Стольный город Лоян, —
до чего он роскошен и горд.
«Шапки и пояса»
в нем не смешиваются с толпой.

И сквозь улицы в нем
переулки с обеих сторон,
Там у ванов и хоу
пожалованные дома.

Два огромных дворца
издалёка друг в друга глядят
Парой башен, взнесенных
на сто или более чи.

И повсюду пиры,
и в веселых утехах сердца!
А печаль, а печаль
как же так подступает сюда?

Шестое стихотворение

Вброд идя через реку,
лотосов я нарвал.

В орхидеевой топи
много душистых трав.

Все, что здесь собираю,
в дар я пошлю кому?
К той, о ком мои думы,
слишком далекий путь.

Я назад обернулся
глянуть на дом родной.
Бесконечно дорога
тянется в пустоте.

Тем, кто сердцем едины,
тяжко в разлуке жить!
Видно, с горем-печалью
к старости мы придем.

Четырнадцатое стихотворение

Все то, что ушло,
отчуждается с каждым днем,
И то, что приходит,
роднее нам с каждым днем...

Шагнув за ворота
предместья, гляжу вперед
И только и вижу
холмы и надгробья в ряд.

А древних могилы
распаханы под поля,
Сосны и кипарисы
порублены на дрова.

И листья осин
здесь печальным ветром полны.
Шумит он, шумит,
убивая меня тоской.

Мне снова прийти бы
ко входу в родимый дом.

Я хочу возвратиться,
и нет предо мной дорог!

Пятнадцатое стихотворение

Человеческий век
не вмещает и ста годов,
Но содержит всегда
он на тысячу лет забот.

Когда краток твой день
и досадно, что ночь длинна,
Почему бы тебе
со свечою не побродить?

Если радость пришла,
не теряй ее ни на миг:
Разве можешь ты знать,
что наступит будущий год!

Безрассудный глупец —
кто дрожит над своим добром.
Ожидает его
непочтительных внуков смех.

Как преданье гласит,
вечной жизни Цяо достиг.
Очень мало притом
на бессмертье надежд у нас.

4) АВТОРСКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ХАНЬСКИЙ У-ДИ

Ханьский У-ди (Лю Чэ, годы жизни — 156—86 гг. до н. э., годы правления — 140—86 гг. до н. э.) — шестой монарх империи Хань, при котором она не только достигла наивысшего экономического процветания и военно-политического могущества, но и приобрела тот ореол изысканного великолетия, к которому стремились все

последующие правящие режимы. Сам У-ди остался в памяти потомков ярчайшей несравненной личностью — страстным любовником, искателем способов обретения бессмертия, покровителем и ценителем искусства, более того, сам пробовал свои силы в различных видах художественного творчества. Его поэтическое наследие состоит из «Оды о Ли-фужэнь», посвященной одной из его возлюбленных, и семи стихотворных текстов. Наибольшей известностью из них пользуется стихотворение-песня (так называемая *цы* — жанровая разновидность, занимающая как бы промежуточное положение между песнями-юэфу и стихами-ши) «Осенний ветер». Сохранились сведения, что эта *цы* была создана в 113 г. до н. э. (т. е. когда У-ди было 43 года), после акта жертвоприношения Земле, поэтому большинство критиков и исследователей усматривают в ней аналог культового песнопения с раздумьями «государственного мужа». В таком ключе выдержан ее перевод, выполненный акад. В. М. Алексеевым, в: Китайская проза... С. 77–78; Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. С. 163. И все же здесь чувствуются любовно-лирические интонации как воспоминания о скончавшейся Ли-фужэнь. В любом случае «Осенний ветер» является самым выразительным и тонким лирическим произведением, дошедшим до нас от раннеханьского периода.

Осенний ветер

Дует осенний ветер,
белые тучи плывут,
Трава пожелтела, листва падает,
гуси летят на юг.
Взгляд хризантемы нарядом пленяют,
орхидей благовонный круг,
Я же о вас с тоской вспоминаю,
прекрасный и нежный друг.
Лодку-дворец чистейшие струи
Фэньшуй-реки несут,
Посередине скользит потока,
в пене вздымая волну.
В такт барабанам всплески от весел,
свирели и флейты поют,
Но радости нет и былого веселья,
скорбные чувства гнетут.
И юность, и зрелость так быстро прошли...
что делать, что делать, коль старости близятся дни?!

ЧЖО ВЭНЬ-ЦЗЮНЬ

Чжо Вэнь-цзюнь — супруга поэта-одописца Сыма Сян-жу (см. раздел «Одическая поэзия»), и это стихотворение, по преданию, было создано ею в то время, когда Сыма Сян-жу вознамерился взять себе наложницу. По сути, оно зачинает традицию произведений на тему разлуки в рамках авторской лирики.

Плач о седилах

Словно в облачке луна — светла,
Словно шапка снежная — бела...
Раз Вы тайной мыслью смущены,
Значит, разлучиться мы должны.

В брачных чашах есть еще вино,
Но уйти от Вас мне суждено.
Я пойду, куда ведет поток,
Уносящий воды на восток.

Стынет сердце, стынет, как в мороз.
Шла я замуж без обрядных слез
И мечтала, что одной душой
Доживем до головы седой.

Не уловит слабая уда
Легкий трепет рыбьего хвоста.
Хочет снова муж мой полюбить —
Да любви за деньги не купить!

БАНЬ-ЦЗЕЮЙ (46?–8? гг. до н. э.)

Бань-цзюй — возлюбленная ханьского императора Чэн-ди (32–7 гг. до н. э.). Ее подлинное имя неизвестно: Бань — фамильный знак, цзюй — ее официальный титул как обитательницы гарема. Испытав все радости августейшей любви, Бань-цзюй вскоре пришлось изведать и горечь брошенной наложницы: император, охладев к прежней фаворитке, поселил ее в уединенном месте — во дворце Вечной верности (Чансингун). Печальная судьба Бань-цзюй послужила излюбленным литературным сюжетом, а приписываемая ей песня (в некоторых изданиях она помещена в корпус анонимных песен-юэфу) вызвала к жизни целую вереницу подражаний ей, ко-

торые создавались многими литераторами последующих исторических эпох. Одновременно песня является первым в лирической поэзии произведением-аллегорией: трогательный сюжет о веере вплетен в историю собственной любви поэтессы.

Песня о моей обиде

Оторвала кусок я белейшего шелка из Ци,
Бел и чист он, как иней и снег.
Сшила шелковый веер с орнаментом «слитная
радость»,

Круглый веер — такой, как луна.
Только из рукава господин этот веер достанет,
Лишь взмахнет — и прохлады вокруг.
Но боюсь возвращенья осеннего ветра —
Летний зной он от нас унесет.
И тогда господин бросит веер ненужный,
Не жалея его, не храня.

ЧЖАН ХЭН

Это стихотворение Чжан Хэна, приподнимая завесу тайнств любви, на фоне всей ханьской лирической поэзии занимает особое место. Картина первой брачной ночи лирической героини передана в щедрых эротических красках, воспевая радость взаимного чувства. «Песня о созвучии» открывает новую страницу в китайской любовной лирике — это апологизация любви и женской красоты, наиболее ярко воплотившаяся в литературе конца V — начала VI в. (так называемая дворцовая поэзия — подробно см. далее).

Песня о созвучии

О, как неожиданно обрела я счастье:
Вы нарекли меня своей супругой!
И в предвкушение первого объятья
Дрожу, словно ошпариться боюсь.
Пусть неискусна, но стараться буду,
Пусть бесталанна, сделаю, что надо,
Хозяйкой доброй стану и подругой,
Надежною помощницей в делах.
Я ковриком раскинуться мечтаю,

Чтоб ваше тело ублажать под вами,
Изгибом каждым сверху к вам прижаться,
Живым вас покрывалом обвивая.
Готово все: циновка, изголовье,
И на одежде — запах благовоний.
Мерцает тускло золото засовов
Под пламенем светильника резного.
Лицо напудрено, развязан тонкий пояс,
Картинки с парами, что заняты любовью.
К тебе, богиня мудрая, взываю:
Со мной своим искусством поделись!
Супругу равного мужчины нет на свете,
Все таинства любви он ведает секреты.
Я эту ночь и радость ночи этой
До самой смерти не смогу забыть!

ЦАЙ ЯНЬ (172–220)

Жизнь поэтессы Цай Янь — пример судьбы человека, на долю которого выпало столько испытаний: удивительно, как ей удалось их перенести и просто выжить. Дочь известнейшего ханьского ученого и литератора Цай Юна (132–192), она получила великолепное образование, была окружена постоянным вниманием учеников и почитателей отца. Рано выйдя замуж по любви, вскоре овдовела и вернулась в отчий дом; волею судеб она оказалась в эпицентре кровавых событий конца 80-х гг. II в.: захвата и разграбления Лояна армией генерала Дун Чжо, только что помогшего правительственным войскам разгромить повстанческое движение (восстание «Желтых повязок») и теперь претендовавшего встать у кормила державной власти. Попад в плен к солдатам-наемникам Дун Чжо, Цай Янь была угнана на чужбину — в земли сюнну (гуннов), где стала наложницей одного из местных вождей. Вскоре опять овдовев, была вынуждена, по обычаю сюнну, выйти замуж за его сына. Долгих двадцать лет провела Цай Янь на чужбине, прежде чем ей разрешили вернуться на родину, но с условием оставить рожденных в неволе сыновей. По возвращении домой ей посчастливилось обрести надежный семейный очаг: рассказывается, что Цай Янь не только встретила нежно любящего ее супруга, но и сама помогла ему спастись от казни, лично ходатайствуя о его помиловании перед новыми властителями страны. Это последний известный эпизод биографии Цай Янь, после которого она исчезла из поля зрения историков.

Обо всех драматических событиях и повествуют «Скорбные строки» — поистине поразительное по силе художественного звучания произведение. Находясь вне строгих тематических групп и жанровых форм, оно вобрало в себя весь опыт как народной песни, так и авторской поэзии. Лирике Цай Янь была уготована долгая жизнь: подхваченное фольклорной песенной стихией ее творение передавалось от одного исполнителя-импровизатора к другому, рождая все новые варианты.

На русском языке полный перевод «Скорбных строк», выполненный В. Журавлевым, см. в: Антология китайской поэзии... С. 285—292.

Скорбные строки (отрывок)

- (1) Империя Хань пошатнулась,
Настали великие беды.
Дун Чжо, не исполнивший долга,
Рукою кровавой своей,
Чтоб власть захватить в государстве,
Замыслил убить государя.
И прежде всего погубил он
Всех мудрых и верных мужей.

Дун Чжо государя принудил
В Чанъань переправить столицу,
Любою ценой он стремился
Владенья свои укрепить.
Но, преданные государю,
Войска поднимались повсюду.
Их общая цель единая:
Бороться, чтоб зло истребить.

А банды Дун Чжо продвигались
К цветущим равнинам востока.
Они состояли из цзяней,
Из ху состояли они.
И панцири их золотые
В долинах сверкали на солнце.
И всадники, все сокрушая,
Скакали и ночи и дни.

Они города осаждали,
Они выжигали селенья,

Они население пленили,
Они истребляли народ.
И там, где они проходили,
Поля превращались в пустыню,
И там, где они воевали,
Стонала земля от невзгод.

- И головы всех перебитых
Свисали с разбойничьих седел,
Измученных женщин плененных
Войска волокли за собой.
(10) Дорога трудна и опасна.
И пленницы длинной чредою
Брели к чужеземным заставам
Босой и голодной толпой.
.....

- (20) Земля на границе скупая,
Не то что в долинах Китая.
Здесь люди не знают законов,
Трудясь от утра до утра.
Все в белый закутано иней,
Сугробы, как глыбы, повсюду.
Здесь даже весною и летом
Холодные дуют ветра.

Ветра здесь холодные дуют,
Одежду мою развевают.
И воют в округе метели,
А в сердце тоска да мороз.
Невольню я мать вспоминаю,
Отца вспоминаю невольню.
Знать, мне ничего не осталось,
Помимо страданий да слез.

Сказали, что с родины прибыл
Сюда человек из Лояна.
И сразу же радость вселила
В меня эта светлая весть.
Спешу к человеку навстречу.
Какую нам новость привез он?

Спешу и назад отступаю:
Совсем не из наших он мест.

Нежданно исполнились думы,
Сбылись и мечты и желанья.
Родные примчались за мною:
«Поедем домой поскорей!»
Я вырвалась, люди, из плена,
Но с болью пришлось мне покинуть,
Пришлось мне оставить навеки
Любимых моих сыновей.

Боюсь, что уже с сыновьями
Свиданья мне больше не будет.
Их солнечных глаз не увидеть
И писем уже не прочесть.
Разлука — она, как могила,
Моих сыновей поглотила,
И сердце в груди защемило:
Как эту беду перенести?..

А дети меня обнимали
И ждали, наверное, чуда.
«Куда уезжаешь ты, мама? —
Выспрашивал каждый их взгляд. —
Толкуют нам люди чужие —
Уехать должна ты отсюда.
Наступит ли время такое,
Когда ты вернешься назад?

Заботливой, мама, и нежной
Была ты в грозу и в метели.
Была терпеливой в ненастье
И ласковой в радостный час.
Мы на ноги, видишь, не встали,
И вырасти мы не успели.
Зачем же ты нас разлюбила?
Зачем покидаешь ты нас?»

На части рвалось мое сердце.
Я в грудь кулаками стучала.

- В глазах, как в буран, потемнело
От горькой печали моей.
(35) И с криком: «Небесная сила!» —
От горя с ума я сходила,
Стояла и громко рыдала,
К груди прижимая детей.
.....
(43) Приехав домой, увидала:
Домов уже нет под навесом.
Узнала: родные погибли.
Померкла небесная синь.
А город стал голой горою,
Предмestье вдруг сделалось лесом,
В развалинах бывших построек
Терновник растет да полынь.

Повсюду разбросаны кости,
А чьи — никому не известно.
Они громоздятся как горы,
И больно их видеть очам.
Пустынны и полдень и вечер,
Людской не услышишь здесь речи,
Лишь воют шакалы да волки
В столице былой по ночам.

Брожу я с утра одиноко
В краю и тоски и печали.
Гляжу я, и больно мне видеть,
Что много так грустных сердец.
Когда поднимаюсь на гору,
Когда озираю я дали,
Душа моя вдруг улетает,
Как будто и жизни конец.

Чужие далекие люди
Во мне принимают участие,
Чужие далекие люди
Ведут меня трудной тропой.
Хотя и дышу я сегодня,
Какая надежда на счастье?

Хотя и живу я сегодня,
Надежды на жизнь никакой.

И после того, как я столько
Несчастий и бед претерпела;
И после того, когда варвар,
Все светлое в жизни губя,
Всю душу мою испоганил,
Запачкал всю душу и тело, —
Скрепя свое сердце, вверяю
Я новому мужу себя.

- Боюсь постоянно, что снова
Отвергнут меня, как калеку.
Боюсь, что меня позабудут
И муж, и родная страна.
(54) Вы спросите: времени сколько
Дано на жите человека?
Отвечу: отведено столько,
Чтоб горе изведать сполна.

III. Поэзия эпохи Шести династий (220—589)

1) «ЦЗЯНЬАНЬСКАЯ ПОЭЗИЯ»

«Цзяньаньская поэзия» (*Цзяньань фэн гу*) — название поэтического течения (существовало на рубеже II—III вв.), с которым в традиционной китайской гуманитарии и в современной науке связан момент утверждения авторской лирики как ведущего вида китайской поэзии. «Цзяньань» («Строительство покоя») — девиз правления последнего ханьского императора Сянь-ди (190—220)¹. Следовательно, с формальной хронологической точки зрения данное течение является принадлежностью еще ханьской эпохи. Тем не менее все без исключения критики и исследователи признают его продуктом новых культурно-идеологических процессов, наметившихся в конце Хань и определивших существо духовной жизни китайского общества в эпоху Шести династий. *Фэн* («ветер») и *гу* («кости, осто́в») — термины категориального ряда. В отличие от шицзиновской традиции ветер-*фэн* в данном случае используется в его натурфилософских значениях — как образное определение своего рода «космического импульса» («вселенский ветер»), порождаемого колебаниями мировой субстанции (пневмы-*ци*), а соотносясь с человеком — его внутреннее душевное состояние и психическую деятельность,

¹ Девиз правления — двухсловная (реже — трехсловная) словесная формула, которая провозглашалась императором при восшествии на престол (но в дальнейшем могла им заменяться на другую) и в которой кратко формулировались главные принципы и задачи его будущего правления. В китайской официальной историографии летосчисление велось как раз исходя из девизов правления («первый год под девизом правления... второй год под девизом правления...» и т. д.), а их введение в названия литературно-поэтических образований служило указанием на их хронологические рамки.

которые и находят воплощение в творческой активности. *Гу* передает понятие, близкое к европейскому понятию «архитектоника», т. е. определяет принципы построения литературного произведения исходя из органического единства всех его композиционных элементов. Таким образом, выражение *фэн гу* концентрирует суть поэтического текста на оптимальном сочетании его содержательного и формального аспектов, причем в их прямой зависимости от психико-эмоционального состояния человека.

Ведущими представителями «Цзяньаньской поэзии» принято считать десять литераторов, объединяемых в две плеяды: «Три Цао» и «Семь цзяньаньских мужей». «Три Цао» — это три члена семейства Цао, ставшего правящим домом царства Вэй периода Троецарствия: Цао Цао, Цао Пи и Цао Чжи (подробно см. далее). Под «Семью цзяньаньскими мужами» подразумевается семь литераторов, входивших в ближайшее окружение этого семейства: Ван Цань, Лю Чжэнь, Жуань Юй, Ин Ян, Чэнь Линь, Сюй Гань и Кунь Жун (подробно см. далее)¹.

Творчество перечисленных литераторов заметно различается по тематике, стилистике и художественному уровню, определяя неоднозначность их оценок (при восторженном отношении к «Цзяньаньской поэзии» в целом) как современниками и ближайшими поколениями, так и литературной критикой других исторических эпох. Тем не менее, учитывая значимость «Цзяньаньской поэзии» для истории китайской литературы, представляется необходимым знакомство с поэтическим наследием каждого из этих литераторов.

ЦАО ЦАО (155–220)

Цао Цао, второе имя Мэн-дэ, посмертный официальный титул — вэйский У-ди, является подлинно ключевой фигурой общественно-политической и творческой жизни китайского общества в последние десятилетия Хань.

¹ Сохранились сведения, что при дворе семейства Цао находилось значительно более внушительное число литераторов (так называемая «Ечэн-ская плеяда»), но какие-либо подробности об их творчестве неизвестны. Список «Семи цзяньаньских мужей» как ведущих поэтов того времени был составлен еще Цао Пи.

Отпрыск приемного сына столичного евнуха¹ — человека богатого и пользовавшегося немалым влиянием при дворе, Цао Цао еще в возрасте 18 лет покинул отчий дом и поступил на военную службу — поступок как нельзя лучше демонстрирующий сильный характер. Неправдоподобно быстро он сумел пройти путь от скромного офицера-порученца до лидера военно-политической фракции, которая контролировала важнейшие в хозяйственном и стратегическом отношении регионы распадающейся империи. Став в 205 г. канцлером императора Сянь-ди, Цао Цао уже тогда сосредоточил в своих руках всю полноту верховной власти, однако он осознанно воздерживался от смещения Сянь-ди, надеясь (о чем свидетельствуют политические документы того времени и его собственное поэтическое творчество) предотвратить гибель Хань. В последующих историографических сочинениях и литературных произведениях (например, роман «Троецарствие», подробно см. далее) Цао Цао рисуется «гениальным злодеем» — человеком безусловно выдающихся полководческих и организаторских талантов, но крайне жестоким и вероломным. Совершенно в ином облике предстает перед нами Цао Цао — поэт: он искренне переживает беды, обрушившиеся на его страну, осознает груз собственной ответственности и вопреки всему преисполнен оптимизма и беззаветно верит в силу человеческого разума и воли.

Поэтическое наследие Цао Цао невелико: три фрагмента одических произведений и чуть более 20 стихотворных текстов (частично объединены в циклы) — все в жанре *юэфу*. Хотя Цао Цао постоянно использовал для своих творений названия ханьских песен, они являются полностью самостоятельные произведения с выраженным автобиографическим и персональным элементом (пример — *юэфу* «Туты на меже», см. перевод). Оригинальность Цао Цао — поэта проявляется в его стилистической манере. Насыщенные историческими реминисценциями, терминами и тому подобными словесными формулами, его стихотворения производят впечатление экспромтов — настолько внешне легко и непринужденно он творил, не признавая для себя никаких стандартов и ограничений. Экспрессивность повествования, энергичность слога, резкость ритмики стиха и смелость мысли, явленная порой в самых неожиданных образах и выражениях, — все это делает лирику Цао Цао своеобразной и легко узнаваемой на фоне творчества не только цзяньаньских литера-

¹ В I–II вв. придворным евнухам было законодательно разрешено обзаводиться приемными сыновьями и внуками, которым они могли передавать по наследству свое имущество и полученные ими аристократические титулы.

торов, но и всех последующих авторов. «Первооткрыватель новой области поэзии», «создатель энергичного стиля» — так, и совершенно справедливо, Цао Цао определяется во многих китайских работах¹.

Минуя заставы в горах

Меж Землею и Небом
 Ценнее всего человек!
 Государь существует, чтоб народ свой пасти,
 Так извечно блюлись и законы, и нравы.
 Скакунов погоняя на вечном пути,
 В повсеместном порядке держали державу.
 При умелом подборе служилых людей
 Процветанье готовят и люду простому.
 Так восславим же древности мудрых мужей,
 Кто страну сохранял под контролем престола!
 Только канули в вечность колодцы-поля,
 Заменялись системой княжений-феодов.
 А реестры судебные — жги хоть дотла —
 Что в них проку сегодня, в почтенных сих сводах?!
 Пусть законников старых — Гао-яо и Фу —
 Ни в одном упущенье упрекнуть мы не вправе,
 Их далеким потомкам воздам я хвалу,
 Кто сумел отойти от заученных правил.
 Дай по силам народу подати и налог,
 Чтоб трудился он рьяно государю на благо.
 До изысканной утвари Шунь стал охоч,
 Чем утратил лояльность десятков вассалов.
 Так куда прозорливее старый был Яо,
 Проживавший под сенью неструганых балок!
 Да, недаром поют добродетель Бо И,
 Он примером в веках как никто быть достоин.
 Тяга к роскоши — вот величайший порок!
 Бережливость и скромность — вот наши устои!
 Суй-отшельник державную власть отказался принять,
 Прав он был или нет — рассуждений не стоит.
 Лишь единство во всем, только принцип взаимной любви
 Нам помогут собраться единой семьею.

¹ Об имеющихся переводах произведений Цао Цао — см. примечания.

Пройду через Восточные, Западные ворота

Небо было затянуто тучами, шел проливной дождь, когда я следовал по высокому берегу Девятиречья. Взирая на то, что происходит, и слыша о том различные суждения, терзался сомнениями, не зная, куда же теперь должен направляться. Как раз в это время я миновал гору Цзеши и, преисполненный печали и тревоги, взирав на Восточное море.

Смотрю на лазурное море

Я, гор Цзеши достигнув на рассвете,
 Любуюсь с их вершин лазурным морем.
 Его простор в спокойствии безбрежном,
 Скалистый остров в отдаленье брезжит.
 Там — кущи из прекраснейших деревьев,
 Там — сотни трав сплелись покровом дивным.
 Но налетит со свистом хладный ветер,
 И волн могучих вздыбится лавина.
 Луна ли, солнце свой свершают путь, —
 Исходят словно из его середины.
 И звездных струй мерцает серебро,
 Как будто из его же сердцевины.
 Да будет нам успех во всем всегда!
 Пою я силу духа и ума!

Зима, десятый месяц года

Уже зима, десятый месяц года,
 Холодный ветер дует неустанно.
 Безмолвно-чист застыл морозный воздух,
 Метель да вьюга все вокруг застлала.
 Болотных цапель утром будит крик,
 На юг гусей стремятся караваны.
 Уже давно не видно хищных птиц,
 Медведи в горных спрятались завалах.
 Мотыги, сохи в лад лежат рядком,
 Богатый собран урожай в амбарах.
 И суетится постоянный двор,
 Гостей встречая с добрым их товаром.
 Да будет нам успех во всем всегда!
 Пою я силу духа и ума!

Нет в мире одинаковых земель

Нет в мире одинаковых земель,
 Здесь, в этом крае, — лютые морозы,
 Челны и лодки, по реке спеша,
 С трудом минуют острые торосы.
 Насквозь промерзли пашни и луга,
 Побег хрупкие тая в своих глубинах.
 Исчезла, словно навсегда, вода,
 Сменившись ледяной дорогой длинной.
 Здесь нищ до крайности служилый люд,
 А воинов опасно безрассудство.
 С печалью искренней на них смотрю,
 И на душе тревожно мне и грустно...
 Но будет нам успех во всем всегда!
 Пою я силу духа и ума!

Божество-черепаха века проживет

Божество-черепаха века проживет,
 Но и ей быть не вечно под солнцем.
 И волшебной змее, что парит в облаках,
 В тлен и прах обратиться придется.
 Одряхлевший скакун, хоть и в стойле стоит,
 Все мечтает о дальних просторах.
 И отважный герой, пусть совсем стал седой,
 Жар сердечный потушит не скоро.
 Наших бед и удач, коль наступит пора,
 В небесах не ищи их причины.
 Сам себя сохрани, воспитай сам себя, —
 Вот залог нестареющей жизни.
 Пусть же будет успех нам во всем и всегда!
 Я пою силу духа и силу ума!

Туты на меже

Мне радуга — словно скакун,
 На пурпурной туче верхом
 По кручам отвесным несусь,
 к Небесным взываю воротам.
 Вот Звездный поток миновал,
 Достигнул Куньлуня-горы,

Где вижу Царицу бессмертных
 и рядом — Владыку Востока.
 С учителем дружен Сосной,
 Учителя знаю Сянь-мэня,
 На путь потанный вступив,
 ращу в себе дивное семя.
 Вкушаю бессмертья грибы,
 Из Сладкого пью родника,
 Подвески — цветы орхидей,
 и посох коричный в руках.
 Отринув мирские дела,
 Парю в первозданном эфире,
 Стремительным вихрем лечу,
 кружу, будто ветра порывы.
 Быстрее, чем солнечный луч,
 За тысячи верст уношусь...
 Но, вечную жизнь обретя,
 о прежних ошибках грущу!

ЦАО ПИ (187–226)

Цао Пи, второе имя Цзы-хуань, посмертный официальный титул — вэйский Вэнь-ди, — старший сын Цао Цао, основатель и первый монарх (220–226) царства Вэй.

Как исторический деятель Цао Пи предстает в еще более мрачных тонах, чем Цао Цао, наделенный граничащими с патологией подозрительностью, злобностью и мстительностью. Ему ставятся в вину и окончательная гибель ханьской империи (именно он сразу же после смерти отца сместил императора Сянь-ди и провозгласил себя правителем независимого государства, спровоцировав тем аналогичные акции лидеров двух других основных на тот момент военно-политических фракций); и конечная несостоятельность установленного им правящего режима; но более всего — гонения младшего брата — Цао Чжи: конфликт, ставший сенсацией для всей китайской культуры и литературы (подробно см. далее). Справедливости ради следует заметить, что подобные черты характера Цао Пи не были только врожденными. Первенец и законный наследник Цао Цао, он всегда находился в тени младших братьев, в первую очередь любимца отца — Цао Чжи, опасаясь постоянной угрозы лишиться статуса наследника, изгнания и даже физической расправы. Подобная ситуация больно ранила его, потому что он обладал не меньшими, чем братья,

талантами: уже в восьмилетнем возрасте освоил грамоту, к юношеским годам тщательно изучил древние книги и, кроме того, прекрасное владение всеми видами холодного оружия и стрельба из лука.

Сохранились сведения, что Цао Пи создал более 100 прозопоэтических и лирических произведений, от них сохранились 11 классических и малых од и 35 стихотворных текстов — 22 *юэфу* и 13 *ши*¹.

Образ поэта Цао Пи решительно не совпадает с его историческим портретом. Главная особенность лирики Цао Пи — ее камерность и элегичность. Создается впечатление, что в поэзии он искал забвения от окружающей действительности. Отзвуки происходящего присутствуют в некоторых его произведениях, скажем, живой и полный бытовых подробностей рассказ о военном походе (цикл «Три стихотворения о Лияне», см. перевод). Однако гораздо в большей степени Цао Пи, поэт, интересовали вечные вопросы: смысл бытия, его соотносимость с собственной жизнью. Его лирический герой — человек, живущий в замкнутом и относительно спокойном мире, не ведающий истинных терзаний, ум и сердце которого занимают лишь сиюминутные радости и печали. Одновременно при чтении стихов Цао Пи постоянно возникает ощущение их некоторой скованности: то ли поэт боится нарушить внешнюю гармонию словесного узора, то ли намеренно сдерживает свои чувства. Порыв вдохновения словно сдерживается холодным рассудком, что, правда, заглушается порой интонациями элегичности и сентиментальности, чаще в его любовно-лирических произведениях («Песня Яньгэ», см. перевод). Трудно не согласиться с оценками старых китайских критиков, упрекавших Цао Пи в недостаточной выразительности, считавших, что его «раздумья слишком скрупулезны, действия неторопливы» и что он, «обладая духом ученого-интеллектуала, лишь ученически копировал страдания и мужество своего отца». Тем не менее столь же очевидно, что как раз в лирике Цао Пи намечается круг тех мотивов, образов и изобразительных средств, которые впоследствии заложат основу и «отшельнической» поэзии, и пейзажной лирики: благость отдохновения от суетных дел на лоне природы, тщательность зарисовки окружающей действительности, ясный эстетизм мировосприятия («Пруд с цветами фужуна», «День расцветает в пурпуре зари», «Удочка» — см. переводы). Поэтому есть все

¹ Кроме того, Цао Пи является одним из ведущих теоретиков литературы эпохи Шести династий, автором самого авторитетного на тот момент литературно-теоретического сочинения — «Рассуждения о всех классиках» («Трактат о стильном произведении»), перевод которого см. в: Алексеев В. М. Китайская литература... С. 271–272.

основания говорить, что творчество Цао Пи занимает более существенное место в истории национальной поэзии, чем это принято считать, а сам он является основоположником еще одного художественного стиля — «романтико-элегического»¹.

Из цикла «Три стихотворения о Лияне»

- (II) Громко грохочут раскаты грома,
Льют непрестанно потоки дождя.
То в колеснице, то своим ходом
Топи прибрежные еле пройдя,
Через Хуань переправу наводим,
Отдан приказ — сокрушив все и вся,
На столбовой укрепиться дороге,
Где ни пройти, ни проехать нельзя.
Хором буксуют на ней колесницы,
Кто сквернословя, кто просто грозя,
Криком коней подгоняют возницы,
Только поднявшись и снова скользя,
Падаем в ливнем размытую жижу,
Грязью покрытые с ног по глаза.

Из цикла «Песни Яньгэ»

- (I) Осеннего ветра печален звук,
полуденный воздух стынет,
Листья опали, увяла трава,
роса превращается в иней,
Печально щебечет стайка пичуг,
на юг улетають гуси,
Думы о том, кто в чужом краю,
много приносят грусти.
И вы, от скитаний своих устав,
в мечтах устремляетесь к дому,
Так что же там задержало вас,
не отпускает в дорогу?
Тоскливо и горько бедной жене
хранить пустоту постели,
Но, как бы ни было тяжело мне,
о вас позабыть не смею.

¹ Об имеющихся переводах произведений Цао Пи — см. примечания.

Не ощущаю потоков слез,
насквозь промоливших платье,
Цитру беру и касаюсь струны, —
как чисто ее звучанье!
Песнь коротка, и недолог звук,
их задержать невозможно,
Призрачный свет ясной луны
мое озаряет ложе.
На запад струится Небесный поток,
полночь идет на убыль,
Созвездье Пастух и Ткачиха-Звезда
страстно глядят друг на друга.
Зачем, в одиночестве ты пребывая,
все время тоскуешь об их переправе?!

Пруд с цветами фужуна

Сел в повозку и к ночи отправился в путь,
От забот отрешившись, подъезжаю к просторному саду.
Два канала прорыли, чтоб водою его напитать,
Возле их берегов — из прекрасных деревьев ограда.
Балдахин задевает сплетение нижних ветвей,
Ну а верхние ветви коснулись небесной лазури.
Экипаж мой торопит налетевшего ветра порыв,
И парящая птица дорогу вперед указывает.
Киноварная дымка сменяется светом луны,
Между прорванных туч загорелись узоры созвездий.
Всеми красками мира струятся с небес их лучи,
Сохраняя в веках красоту своего многоцветья.
Не обрел вечной жизни никто из бывших мудрецов:
Кто божественным стал иль добился бессмертья?!
Пусть веселые мысли отгоняют от сердца печаль
В ожиданье, когда своего я достигну столетья!

День расцветает в пурпуре зари

День расцветает в пурпуре зари,
С небес цветная радуга повисла.
В ущелье не смолкает шум воды,
Кружа, с деревьев опадают листья.
Тоскует птица, стаю потеряв,

И к облакам несется крик печали.
Полночный диск тончает на глазах,
Цветы былую пышность утеряти.
Так было издревле и будет вновь...
Но как все это передать словами?

Удочка

Плыву на восток по стремнине пустынной реки,
Вдали различаю валы на просторе морском.
Покой, тишина, только удочки слышится скрип,
Да рыбка, играя, плеснет ненароком хвостом.
Пусть схватит приманку, — и нечего больше желать,
Покойно и славно тому, кто живет рыбаком...

ЦАО ЧЖИ (192–232)

Цао Чжи, второе имя Цзы-цзянь, официальный титул — Чэнь-ский (Чэнь-сы-ский) князь, четвертый сын Цао Цао, является единственным автором эпохи Шести династий, кто исходно и на протяжении всех последующих исторических эпох неизменно был отнесен критиками и учеными к когорте величайших поэтов Китая. Подобное отношение к Цао Чжи во многом обусловлено тем, что именно он сумел, наследуя равно традиции «Ши цзина» и «Чуских строф», впервые в лирической поэзии создать образ героя, в котором объединились черты конфуцианского «благородного мужа», неустанно пекущегося о благе страны, и «страдальца-изгоя», не понимаемого и отвергнутого даже ближайшими родственниками. И этот образ оказывается тем более убедительным, что он полностью совпадает с истинным обликом Цао Чжи и его жизненными реалиями. Лучше всего меру ценности творчества Цао Чжи в национальной гуманитарии сформулировал один из критиков начала VI в.: «Стихи Чэнь-ского князя своим истоком имеют „Нравы царств“... Его поэтический слог — цветуще-пышен, а освоенный им художественный стиль безупречен по внешнему изяществу и внутренней простоте. Он превосходит всех своих современников и предшественников... По своей нравственности подобен Учителю Куну (т.е. Конфуцию). Парит — словно имеет крылья дракона и феникса. Звучанье его стихов — словно напев свирели».

Поэтическое наследие Цао Чжи состоит из 36 од и 94 стихотворных текстов в жанрах *юэфу* и *ши*. По содержанию и настроению они отчетливо разделяются на две хронологические серии: произведе-

ния, созданные до 220 г. (смерть Цао Цао и приход к власти Цао Пи) и после. Юному поэту присущ восторженно-романтический взгляд на мир: с искренним восторгом Цао Чжи взирает на старшего брата и его окружение, а самого себя видит в мечтах героем-богатырем, спасающим страну («Наследник сидит», «Креветка и угорь», см. переводы). Произведения, относящиеся ко второй хронологической серии, пронизаны чувствами разочарования и безысходности. Цао Чжи ощущает себя вечным скитальцем, лишенным даже маломальской жизненной опоры, он постоянно сравнивает себя с перекати-полем, несущимся неведомо куда, неведомо зачем под порывами ветра («Вздохи»). Параллельно в его творчестве утверждаются еще две тематические группы: любовно-лирические произведения и произведения на даосско-религиозные темы. Тема любви фокусируется Цао Чжи исключительно в ситуации разлуки, когда лирическая героиня утрачивает последнюю надежду на ответное чувство или семейное счастье («Семь печалей»). Причины столь трагического отношения Цао Чжи к любви многие критики тоже усматривают в его жизненных обстоятельствах: девушка, в которую он был влюблен и с которой был даже помолвлен, вышла замуж, по приказу его отца, за Цао Пи. Эта личная драма нашла, видимо, отражение и в самом известном его одическом произведении «Фея реки Ло» (в более точном переводе — «Ода о божестве реки Ло»), внешне являющемся вариацией на тему поэм Сун Юя¹.

На русском языке имеются переводы большей части стихотворных произведений Цао Чжи, выполненные Л. Е. Черкасским, в: *Цао Чжи. Семь печалей: Стихотворения / Пер., вступ. ст. и прим. Л. Черкасского. М., 1962; 1973*; а также А. Адалис, В. Журавлевым, в: *Антология китайской поэзии... С. 303–319*; и А. Гитовичем, в: *Лирика китайских классиков... С. 67–90*.

Наследник сидит

Под ласковым солнцем сияет весенний чертог,
Летающая пыль дождевою развеяна влагой.
Замерзшие глыбы растаяли в бурный поток,
И ветер, играя, тела ублажает прохладой.
Тончайшими винами кубки золотые полны,
Сколь места хватает, стоят всевозможные яства.
И лучшие прибыли к нам музыканты страны,

¹ На русском языке имеются два варианта перевода этой оды — выполненные А. Адалис, в: *Антология китайской поэзии... С. 303–311*; и Л. Е. Черкасским (см. библиографию в разделе).

Певцы именитые, родом из древнего царства.
Поистине Вы несравненны сегодня, мой принц,
Душою так светлы, собою так дивно-прекрасны!

Креветка и угорь

Креветка и угорь, живущие в затхлой воде,
Не ведают даже о море и вольных стремнинах.
Снуют день-деньской под стрехой воробьи, —
Что этим пичугам полет лебединый?!
Тот истинный муж, кто, закон сей поняв,
Возвысится духом и станет ни с кем не сравнимым.
На пики священные надо и вправду взойти,
Чтоб видеть воочию жалкость холмов на равнинах.
Внизу по дорогам людишки толпою спешат,
Себя обустроить одним лишь желаньем томимы.
Я дом наш державный в своих воздвигаю мечтах,
Все мысли о том, как наладить правленья ветрило.
Свой меч обнажив, ожидаю спокойно грозу:
Ничто не преграда отваге моей горделивой!
Кто в праздности глупой проводит бесцельные дни,
Понять не способен мой пыл богатырский и силу!

Вздохи

Эх, трава, трава ты, перекати-поле,
Одиноким странником всю-то жизнь проводишь.
Уж давно расставшись с крепкими корнями,
День и ночь несешься, отдыха не зная.
На востоке мчишься вдоль межи бескрайней,
Катишься на западе по бессчетным тропам.
Вдруг порывом ветром от земли подхвачена,
Унесешься прямо к облачным высотам.
То вверху окажешься на путях небесных,
То внизу приблизишься к сумречным истокам.
Так и я когда-то унесен был ветром,
И прибьет ли снова к старому порогу?!
Думаю о юге, да на север следую,
На восток просился, да приказ — на запад.
В этом вечном хаосе где найти опору мне?
То, что вдруг утрачено, не вернуть обратно...

Уж носило-путало вокруг болот нехоженных,
Вдоволь я наездился к скалам да отрогам.
Ни приюта не было мне нигде, ни отдыха,
И мои страдания никого не трогали.
Об одном мечтаю — стать лесной травой,
Пусть ее сжигают осенью крестьяне:
Что огня бояться и телесной боли,
Коль погибнешь вместе с домом и корнями?!

Стихи за семь шагов

Похлебку готовя, в котел положили бобы,
Водой залив, до кипенья ее довели.
Внизу же, как хворост, бобовые стебли горят,
И зерна, заплавав, так стеблям своим говорят:
«От корня единого с вами ведь мы рождены,
Родно так жестоко зачем же терзаете вы?!»

Семь печалей

Над башней высокой горящая в небе луна,
Струится на землю холодный и призрачный свет.
А в башне той — женщина, скорбною думой полна,
Душа изнывает от тяжести выпавших бед.
«О ком ты вздыхаешь, скажи, со слезами в глазах?»
«О муже своем», — был короткий до боли ответ.
«Уж десять годков, как покинул супруг этот дом,
Вдовою живу десять долгих безрадостных лет!
Что легкая пыль, он теперь над простором дорог,
Я илом речным расстилаюсь по самому дну.
Ему наверху, мне внизу пребывать суждено,
Столь разным путям трудно слиться в дорогу одну.
Порывом бы ветра на юг поскорей унести:
Я долгим объятьем к любимому снова прильну.
Но вдруг не захочет объятья свои он раскрыть, —
Как дальше мне жить, в ком опору тогда я найду?!»

Песня о путешествии вдаль

Я в странствии дальнем достиг запредельной пучины,
Куда ни помотришь — бушует морская равнина.
Как остров скалистый огромная плавает рыба,

Волну поднимая, скрывается снова в глубинах.
Скала-черепаха средь глади морской вырастает,
Священный хребет свои кручи над миром вздымает,
Там сонмы бессмертных над скалами вечно летают,
Небесному пенью Нефритовой девы внимаю.
Захочется есть — я хрусталь драгоценный вкушаю,
И полную грудью рассветную дымку вбираю.
Вершины Куньлуна единственным стали приютом,
Людские жилища отныне навек отвергаю.
Когда захочу — навещаю Владыку Востока,
Песчаные Зыби минуя в мгновение ока.
Что ветра порывы, танцую, крылами играя,
Что шорох осенний, свищу, сам себя забавляя.
И злату, и камню придется когда-то исчезнуть,
А я, как светила, останусь негаснущим светом.
Пока небеса и земля существуют, годам моим длиться...
И что мне за дело, что в бой понеслись колесницы?!

ВАН ЦАНЬ (?–217)

Ван Цань, второе имя Чжун-сюань, уроженец восточного региона Китая (местность Шаньян, современная провинция Шаньдун), — ведущий, по мнению многих критиков, представитель плеяды «цзяньаньских мужей».

Отпрыск знатного чиновничьего семейства, Ван Цань, подобно многим его современникам, еще юношей оказался втянутым в бурные события заключительной трети II в. Судьба занесла его на Юг — в ставку одного из местных военно-политических лидеров, где он провел около 20 мучительнейших для него в психологическом плане лет. Только в 10-х гг. III в. ему удалось вернуться в родные края, где он сразу же примкнул к фракции Цао Цао и быстро вошел в ближайший круг его доверенных лиц. Умер Ван Цань в 217 г. во время страшного мора, поразившего Лоян, который унес жизни и многих других «цзяньаньских мужей».

Поэтическое наследие Ван Цаня состоит из 20 прозапоэтических произведений, преимущественно малых од-аллегорий, и 15 стихотворений-ши. Его лирика весьма разнообразна по тематике: здесь и стихотворные послания друзьям, и стихотворения-панегирики, философские аллегории-притчи (цикл «Стихи о разном») и произведения о военных походах. Однако посмертную славу Ван Цань обрел благодаря циклу «Семь печалей», в который вошли стихотворе-

ния, созданные на протяжении 193–208 гг. и признанные лучшими, после творений Цао Чжи, образцами «цзяньаньской» гражданской лирики. Шедевром прозопоэзии Ван Цаня является ода «Взошел на башню», исполненная одиночества и боли за отчизну¹.

Из цикла «Стихи о разном»

- (II) Колесницы стоят, отдыхая от быстрой езды,
В ряд застыли вдоль пойменной зелени края.
Аромат источают повсюду цветы орхидей,
Лотосов островки нежно-розовый свет излучают.
Сотни птиц в беспорядке и гаме кружат,
Задевая друг друга, сбиваются в шумные стаи.
Сетью рыб достаем из подводных глубин,
Метким выстрелом чей-то полет обрываем.
Вот уж солнца на западе клонится диск,
Но, весельем объаты, вернуться домой забываем.
- (V) Быстрый сокол вдруг слабою горлинкой стал,
Средь речных берегов он отныне убежище ищет.
С облаками и ветром боясь неожиданных встреч,
К гордым фениксам льнет, о защите прося и о пище.
Вызывает лишь слезы теперь его вид,
По природе своей стал никчемным и нищим.
Как теряется он, от малейшей угрозы дрожит, —
Чтоб о том рассказать, нужных слов не отыщешь.

Цикл «Семь печалей»

- (I) Смуты и мятежи обратили в руины Чанъань,
Страх и панику сеют на улицах дикие звери.
Бросив все, я решаю бежать из срединных земель,
Чтоб себя и судьбу свою дикому югу доверить.
Передумать, остаться ведут уговоры друзья,
Домочадцы, рыдая, встают на колени...
Проезжаю ворота, не встретив вокруг ни души,
На бескрайних просторах одни только кости белеют.
Мне навстречу голодная женщина еле бредет,

¹ Перевод этой оды, выполненный Г.Ярославцевым, см. в: Антология китайской поэзии... С. 293–296. О переводах стихотворений Ван Цаня — см. примечания.

Только что положила дитя в придорожную зелень.
И теперь жадно ловит ребенка отчаянный крик,
Но, лицо утирая, к нему возвратиться не смеет:
«Я не знаю ни места, ни срока кончины своей,
Но вдвоем мы от голода сгинем скорее!»
Вихрем мимо промчался, коня подстегнув,
Те слова еще долго набатом звучали.
И поднявшись по склонам могильных холмов,
Я стою, взор не в силах отвести от Чанъани.
Суть старинных стихов наконец-то постиг,
О, как тяжки для сердца оковы страданий!

- (II) Этим диким местам мне родными не стать,
Отчего же так долго себя пребывать здесь неволю?
Вижу, как до Янцзы вереницами лодки спешат,
Догорает закат, и душа наполняется болью.
Угасающий луч задержался на склонах хребта,
Тень от скал распростерлась густой синевою.
Забиваются лисы во мрак ими вырытых нор,
Над деревьями птицы кружат, возвращаясь к гнездовью.
Резкий ветер подул, развеивая мои рукава,
Намокает подол, увлажняясь обильной росой.
В одиночестве маясь, без сна эту ночь проводя,
Вновь оденусь и звонкую цитру настрою.
Ее шелковым струнам сердечную верю тоску,
И печальный напев отзовется такой же тоскою.
Бесприютный скиталец, страданьям не вижу конца,
Разрывается сердце от бремени тяжелой юдоли.
- (III) Приграничная крепость вызывает одну лишь тоску,
Помню, мне проезжать в этом месте уже доводилось.
Неустанно несутся, ураганные дуют ветра,
От холодного снега тела как ледышки застыли.
Ни души не увидишь, хоть тысячу верст проскочи,
А деревья и травы навечно к земле приклонили.
Поднимаюсь на башню, смотрю, что творится вокруг, —
Боевые знамена повсюду простор полонили.
Тот, кто воином стал, не мечтает вернуться домой,
За ворота ступил и исчез, словно канул в могилу.
Наши дети и братья томятся в жестоком плену,
Реки горестных слез всю отчизну собой наводнили.

Есть под небом края, где веселья не счесть,
 Что же медлю расстаться с этим краем постылым?
 Чем приятней для глаз, тем кусает больней мошкара,
 Налетит, улетит ли — желаний ничьих не спросила!

ЛЮ ЧЖЭНЬ (?–217)

О жизни Лю Чжэня, второе имя Гун-гань, уроженца восточного региона Китая (местность Дунпин, провинция Шаньдун), известно только, что он был личным секретарем Цао Цао, входил в ближайшее окружение Цао Пи и погиб во время мора 217 г.

Поэтическое наследие Лю Чжэня состоит из 10 од и 10 стихотворений-*ши*. Тем не менее его творчество очень высоко оценивалось последующими критиками, ставившими его вровень с лирикой Цао Чжи и Ван Цаня (например, «Цао и Лю, сидя, исторгали рык тигра, порождали ветер, и не было среди четырех морей человека, равного этим двум героям»; или «Своими стихами Лю Чжэнь и Ван Цань покорили изящную словесность»); о нем говорили, что его «высокий нрав возносится над обыденным и вульгарным». Чем были вызваны подобные оценки, сказать по имеющимся на сегодняшний день произведениям Лю Чжэня трудно. Очевидно лишь, что он действительно обладал своеобразной творческой манерой. Его стихотворения — лирические миниатюры аллегорического характера, своего рода этюды художника-импрессиониста, в которых несколькими беглыми, но уверенными и выразительными штрихами очерчивается деталь, казалось бы случайно выхваченная из потока реальности. Излюбленный прием Лю Чжэня — метафора, намек. Восприятие окружающей действительности словно трансформировалось в его сознании в череду образов, не важно — доставшихся ли ему в наследство от предшествующих поэтов или порожденных его собственным творческим опытом, и в таком виде сплеталось в стихотворные строки. Он всячески избегал «ставить точки над *i*», не утруждая себя расшифровкой сказанного и предоставляя читателю полную свободу в понимании его творений.

Подстреленный коршун

Он, клочоча и напрягая могучих два крыла,
 Отчаянно метался сквозь ключья синеватых облаков.
 И я вдруг ощутил, что в дикую впадаю ярость
 И все внутри застыло, как будто у бессмертных иль богов.
 Сорвавшись с тетивы, стрела моя сверкнула,

По коршуну-мишени в тот раз я трижды стрелы выпускал.
 Вот каменную стену обагрила кровавая капель,
 Остатки перьев круженьем легким ветер разведал.
 И возгласы свидетелей слились в хор лстыивых голосов:
 «Вы, господин, искуснейший из нынешних стрелков!»

Цикл «Послания к брату»

- (I) Величаво-спокоен к востоку текущий поток,
 И звенят, и журчат его струи, порог огибая.
 А вдоль самого берега хрупкая ряска растет,
 Чьи цветы-стебельки разметались, в течение купаясь.
 Их, срывая, несут в императорский храм,
 Да и гостю почтенному служат подарком достойным.
 Пусть в саду нашем нет горделиво-прекрасных цветов, —
 С восхищением примем посланца болотистой поймы!
- (II) Недвижимо-горда на вершине застыла сосна,
 И ревет-завывает в скалистом ущелии ветер.
 О, как яростен ветра порывистый звук,
 О, как крепки сосны распростертые ветви!
 Их терзают и мучают иней со льдом,
 Но свой вид не изменят к завершению года.
 Им ли надо страшиться холодов и снегов,
 Коль сосна с кипарисом сильны изначальной природой?
- (III) Царственный феникс, сокрывшись на Южном хребте,
 В вольном круженье среди одиноких бамбуков летает.
 Только и здесь, не найдя утешенья себе,
 Взмахами крыльев морозный эфир рассекает.
 Пусть нестерпимую боль причинит ему этот полет, —
 Знаться с пичугами он почитает не вправе.
 Мы лишь тогда возвращенья дождемся его,
 Коль совершенный правитель страной будет править.

ЖУАНЬ ЮЙ (?–217)

О жизни Жуань Юя, второе имя Юань-юй, уроженца центрального региона Китая (область Чэньлю, провинция Хэнань), известно немного. Традиция наделяет его чертами «возвышенного мужа»: рассказывается, что, не желая поступать на службу к Цао Цао, Жу-

ань Юй прятался в лесу, пока его будущий повелитель не приказал поджечь его укрытие. Став свитским Цао Цао, Жуань Юй ведал летописными записями, составлял официальные бумаги и славился среди современников прежде всего как музыкант.

Поэтическое наследие Жуань Юя состоит из 6 од, 2 юэфу и 8 стихотворений-ши. Его творчество, несмотря на его принадлежность к плеяде «цзяньаньских мужей», никогда не привлекало достаточно пристального внимания последующих критиков. Однако и оно нашло свою собственную нишу в истории развития национальной поэзии. Центральные мотивы лирики Жуань Юя — переживания о бренности человеческого бытия и тревожные ощущения неотвратимой развязки. Впервые в поэзии столь сочувственно рисуется образ лирического героя — немощного старца, предвидящего скорую смерть («Стихи без названия»). Еще в одном стихотворении («Семь печалей») повествование ведется от лица усопшего. Эти произведения Жуань Юя зачинают собой очередную тематическую разновидность лирической поэзии, приобретшую особую популярность в IV в., — «поминальные песни», в которых поэты рисовали картину собственной смерти и последующего телесного разложения.

Стихи без названия

Едва гребнем коснусь — выпадают последние пряди,
Далеко до зимы, а мечтаю о теплом халате.
Руки, ноги немеют, последние силы теряя,
С каждым днем еле-еле, все труднее бреду-ковыляю.
Изымаю от страха, что вот-вот моя жизнь оборвется
И внезапно душа устремится в небесные дали.
Точно знаю — сто лет не успеют пройти,
Вместо этих палат будет зелень лесная.

Семь печалей

Своей юности праздник никому не дано повторить,
И богатый, и знатный — этой жизни недолгие гости.
Неожиданно быстро прекрасные годы прошли,
В прах и тлен превращаются тело и кости.
Беспросветная темень в покоях Девяти родников,
Беспробудная тишь в Башне нескончаемой ночи.
И душа твоя где-то странствует там далеко,
И без жизненной силы куски разлагаются плоти.
Ах, сейчас бы вмешаться в этот траурный пир

И вином приказать свою чару наполнить!
Сквозь могильные стены тшусь увидеть родные края,
Но лишь край Хаоли предо мной расстилается скорбный.

ИН ЯН (?–217)

Ин Ян, второе имя Дэ-лянь, уроженец центрального региона Китая (область Жунань, провинция Хэнань), происходил из семейства провинциального губернатора, тоже служил в секретариате Цао Цао и погиб во время мора 217 г. Его поэтическое наследие — 15 од и 6 стихотворений-ши — также осталось, по сути дела, вне поля зрения последующих критиков и ученых. Наибольшее впечатление из них производит цикл «Стихи о разлуке», в котором фигурирует уже знакомый нам по стихам Цао Чжи лирический герой — бесприютный скиталец, однако показанный вне какой-либо жизненной конкретики.

Цикл «Стихи о разлуке»

- (I) Облака на рассвете к запредельным пучинам плывут,
Предзакатное солнце возвращается к древним горам,
Преисполненный скорби, бредет по дороге старик,
Чья печаль неподвластна никаким уговорам-словам.
И бескраен-безбрежен вдаль стремится поток,
Неизвестен-неведом ему возвращения срок.
- (II) Как щедры и обильны потоки могучей реки,
Что, кружа и петляя, к Восточному морю течет.
Дни и ночи стремится к лазурному морю она,
Ну а моря достигнет — и канет среди его вод.
Нас в далекие дали уводят дороги-пути,
Но уйдем ли, вернемся — причины неведомы нам...
Неустанно вздыхая, на берег крутой выхожу,
Все внутри кровоточит от души терзающих ран.

ЧЭНЬ ЛИНЬ (?–217)

О жизни Чэнь Линя, второе имя Кун-чжан, уроженца юго-восточного региона Китая (область Гуанлин, провинция Цзянсу), известно лишь, что он вместе с Жуань Юем и Ин Яном служил в секретариате Цао Цао и слыл признанным мастером написания офи-

циальных бумаг. Погиб во время мора 217 г. Поэтическое наследие Чэнь Линя состоит из пяти од и четырех стихотворных (*юэфу* и *ши*) текстов. В старых китайских литературоведческих работах его имя в лучшем случае бегло упоминается при перечислении «цзяньаньских мужей». Современными исследователями лучшим его творением (и одновременно одним из лучших образцов «цзяньаньской» гражданской лирики) считается *юэфу* «Напоил коня из родника у Великой стены», написанное в подражание одноименной древней песне. В отличие от других цзяньаньских поэтов Чэнь Линь полностью сохраняет сюжет, настроение и образность этой песни, максимально усилив содержащиеся в ней скорбные и социальные интонации, что позволяет видеть в нем своего рода хранителя традиции песенного фольклора.

Напоил коня из родника у Великой стены

Во рву за Великой стеной
Водю коня я поил,
И холод воды ледяной
Ознобом животное бил.

К смотрителю грозной стены
Пошел я, стреножив коня.
Сказал: «Неужели должны
На муки оставить меня?»

Ответил чиновник тупой:
«Есть срок у казенных работ.
Ты стену с другими построй,
А после и отдых придет».

Сказал я, что лучше в боях
Мужчине со смертью играть,
Чем здесь, на постылых камнях,
От тяжких трудов умирать.

Великая вьется стена
На многие тысячи ли,
Солдат пожирает она,
И вдовы рыдают вдали.

«С другим свою жизнь ты свяжи, —
Пишу я с границы жене, —

И новой свекрови служи,
Но вспомни хоть раз обо мне».

Жена отвечает меж тем:
«Я жду вас и, верность храня,
Спокойно умру. Но зачем
Обидели так вы меня?»

Пишу ей: «В заботах томлюсь,
Влача свой безрадостный век.
Но больше всего я боюсь:
Ты в доме — чужой человек.

Ты разве не знаешь, что здесь —
Во рву под Великой стеной —
Костей человеческих не счесть,
И жребий безрадостен мой!»

Письмо на границу пришло,
И было написано в нем:
«В душе моей стало светло,
Когда я ступила в ваш дом.

Не бойтесь оставить вдову.
Другая судьба у меня:
Вы живы — я тоже живу,
Умрете — погибну и я».

СЮЙ ГАНЬ (170–217)

О жизни Сюй Ганя, второе имя Вэй-чан, уроженца восточного региона Китая (местность Бохай, провинция Шаньдун), ничего более точно не известно, кроме факта его службы в администрации Цао Цао и принадлежности к плеяде «цзяньаньских мужей». Его поэтическое наследие состоит всего из 6 од и 3 стихотворных текстов, два из которых — «Стихи о чувствах» и цикл (6 стихотворений) «Думы в женских покоях» — любовно-лирические произведения, ставшие вехой в истории национальной любовной лирики. По-прежнему используя тему разлуки, повествуя от лица лирической героини и используя характерную для народной песни образность, Сюй Гань все же значительно дальше, чем другие «цзяньаньские»

авторы, отошел от фольклорной традиции. Его произведения бессюжетны, и нет многих композиционных деталей, свойственных народной песне. Все внимание поэта сосредоточено на внутреннем облике его героинь, их эмоциональном состоянии. Передавая с тонким психологизмом малейшие нюансы их переживаний, Сюй Гань добивается ощущения достоверности и индивидуальности их образов, отступая от эстетики народной песни. Обаятельности этих образов в немалой степени способствует также лексическое мастерство поэта: он умел придать оттенок новизны уже ставшим привычными словесным сочетаниям и создавал оригинальные поэтизмы, которые впоследствии активно использовали другие литераторы. Сказанное позволяет утверждать, что творчество Сюй Ганя знаменует собой качественно новый этап в эволюции китайской поэзии любви.

Цикл «Думы в женских покоях»

- (I) День ненастный созвучен ненастью души,
В неизбывной тоске я о вас пребываю в мечтах.
Мне в разлуке, как видно, всю жизнь провести суждено,
Дни свои коротать от любимого в дальних местах.
До сих пор мне неведом свидания радостный миг,
Изнуренное сердце терзают сомненья и страх.
Изболелась душа, и от горя не хочется есть,
Одиночества привкус — не яств — на холодных губах.
Лишь присяду — и снова бросаюсь к окну:
Вновь мерещится... слезы застыли в глазах.
- (II) И крута, и скалиста вершина высокой горы,
Бесконечна, бескрайня длина уходящих дорог.
С каждым днем от меня удаляетесь вы,
А листва увядает, и близится старости срок.
Наша жизнь не продлится и сотни годов,
Осень зелень прогонит, едва лишь вступив на порог.
То, что минуло, вновь не дано обрести,
Так зачем изнывать от напрасной тоски и тревог?
Некто строки сложил, воспевая любовь лебедей,
Но для бедного сердца что толку от сладостных строк?
- (III) Вольготно и вольно по небу плывут облака,
Хочу попросить их вам эти слова передать.
Но ветер подул, они быстро исчезли из глаз,

И мне остается бродить да о счастье мечтать.
Кто были в разлуке, давно уже встретились вновь,
Одна только я продолжаю любимого ждать.
С тех пор как супруг мой покинул наш дом,
Под серую пылью тускнеет зеркальная гладь.
А грезы о вас — словно вечно текущий поток,
Когда же конец моим бедам, хотела б я знать?

- (IV) Как обидно и горько, что кончается год,
Орхидеи поблекли и мокнут под мелким дождем.
Тишину нарушая, из груди вырывается вздох, —
Я опять вспоминаю о том, как мы были вдвоем.
Беспокойно ворочаюсь, тщетно пытаюсь уснуть,
Эта длинная ночь, видно, так и не сменится днем.
Не дождавшись рассвета, тихонько во двор выхожу
И любуюсь на звезды, горящие в небе ночном.
Лишь себя я корю, что желанья мои не сбылись,
Слезы льются, на платье струятся ручьем.
- (V) Вспоминая о милом, с тоскою на гребень смотрю —
Не оценит никто ни стараний моих, ни забот.
Обрести бы мне крылья и, как лебедь, спокойно парить,
Унеслась бы к тому, кем по-прежнему сердце живет.
Но сердца наши, знаю, не охватит единый порыв,
И напрасно стоять, ожидая его, у ворот.
Утешая себя, о разлуке случайной твержу,
А ведь новых свиданий он сам не желает, не ждет.
Были раньше подобны мы паре резвящихся рыб,
Словно звезды теперь, меж которыми лег небосвод.
- (VI) Изначально присущи всем людям мечты о любви,
Чтоб исполниться им, нужно милого рядом иметь.
Я в разлуке который уж год провожу,
И вернется ли время былых наших встреч?
Все вокруг изменилось, заставляя о прежнем забыть,
И хулят, и злословят — поистине, слухов не счесть.
Но пускай вы давно пребываете в дальних краях, —
Не могу свои чувства сама в одночасье пресечь.
Невозможно задуть тот огонь, что пылает в душе,
Верность вам сохраняя, уповаю на добрую весть.

КУН ЖУН (153–208)

Кун Жун, второе имя Вэнь-цзюй, — прямой потомок Конфуция в двадцатом поколении. Внесение Цао Пи его имени в список «цзяньаньских мужей» вызвало немало недоумений у последующих филологов, так как Кун Жун погиб еще в 208 г. и даже не был лично знаком со многими членами сложившейся позднее при дворе Цао литературной плеяды. В историю китайской культуры Кун Жун вошел прежде всего как представитель той части ханьской интеллигенции, которая была наиболее резко настроена против правящего дома и придворных клик. Примкнув к фракции Цао Цао, он остался верен своей репутации «бунтаря», осмеливаясь публично критиковать поступки нового патрона и вступать с ним в политические дискуссии, за что и поплатился жизнью.

Поэтическое наследие Кун Жуна состоит из 8 стихотворений, большая часть которых объединена в два цикла — «Стихи с шестисловными строками» и «Стихи о разном». Лирика Кун Жуна не содержит в себе столь откровенных филиппик, как это можно было бы ожидать исходя из фактов его биографии. Более того, по выразительности и художественному уровню она заметно уступает творчеству остальных «цзяньаньских мужей». Исключение составляет его предсмертное стихотворение «В ожидании конца», написанное в тюрьме незадолго до казни, в котором Кун Жун обвиняет Цао Цао в неумении разбираться в людях и в жестокости его режима. Из прочих творений Кун Жуна критики и ученые предпочтение обычно отдают второму стихотворению цикла «Стихи о разном», которое, как и *юэфу* Чэнь Линя, создано в фольклорной поэтической традиции.

Из цикла «Стихи о разном»

- (II) Столько времени в дальних краях проведя,
Возвратился домой на исходе он года.
Ищет сына глазами, едва лишь вступив на порог,
Взгляд не видя жены, потемневший от горя.
«Где же сын?!» — вновь и вновь задает он вопрос,
Мысли нет, что их солнышко скрылось навеки.
«В сиротливой могилке на сумрачном склоне холма
Тот, кто так ожидал с вами радостной встречи!»
В полный траур одевшись, он по склону бредет,
Но вокруг только видит пожухлые стебли полыни.
Его сын уж давно обитает у Желтых ключей,
В пыль летящую кости и плоть превратились.

«Ах, сынок, ты при жизни не видел отца,
Как сумеешь признать ты меня после смерти?!»
Где-то в даях предвечных одинокая вьется душа,
Тщетно ищет опору, несомая яростным ветром.
«Ты был жив, я другим отдавался делам,
Вот теперь прихожу с мертвецом на свиданье!»
Вверх то смотрит, то вниз, распаляя сердечную боль
И не чувствуя слез, промочивших насквозь одеянье.
Да, любому из нас предназначен свой срок,
Но везде и всегда смерть живым причиняет страданья.

2) ЦЗИ КАН (224–263) И ЖУАНЬ ЦЗИ (210–263)

Цзи Кан и Жуань Цзи — а их имена так обычно совместно и называются в исследованиях, посвященных истории китайской литературы, — самые масштабные поэтические фигуры второй половины III в., творчество которых открывает очередную стадию в эволюции лирики.

Цзи Кан, второе имя Шу-е, уроженец юго-восточного региона Китая (область Цяо, провинция Аньхуэй), происходил из старого служилого рода. Он с самого начала встал в открытую политическую оппозицию к клану Сыма, готовившему государственный переворот — смещение правящего дома царства Вэй (дома Цао). И представители этого клана, опасаясь влияния Цзи Кана на современников (уже тогда он пользовался огромным авторитетом как философ, литератор и общественный деятель), поспешили расправиться с ним: по доносу, в котором поэт обвинялся в измене трону, они добились вынесения ему смертного приговора.

Жуань Цзи, второе имя Сы-цзун, — сын Жуань Юя — одного из «Цзяньаньских мужей». В отличие от Цзи Кана он воздержался от афиширования своих политических пристрастий и даже поступил на службу к Сыма, что его биографы объясняют отчаянием и безнадёжностью, охватившими его после казни друга, и страхом разделить его участь. В любом случае, считается, что Жуань Цзи осознанно избегал занимать значительные посты в администрации Сыма и тайне хранил верность прежнему правящему дому. Он умер в возрасте 53 лет, лишь ненадолго пережив Цзи Кана.

Место Цзи Кана и Жуань Цзи в истории китайской поэзии и культуры в целом определяется прежде всего их принадлежностью к особому культурно-политическому течению, известному как «ветер и поток» (*фэнлиу*), которое считается феноменальным в духовной жизни того времени. «Ветер и поток» стал воплощением антисоциальных, бунтарских настроений, наметившихся в среде чиновников-интеллектуалов еще в конце Хань и разгоревшихся с новой силой в середине III в. в ситуации очередного социально-политического кризиса (несостоятельность правящего режима дома Цао, насильственный приход к власти Сыма). Идейной базой этого течения послужило «учение о сокровенном» (*сюаньсюэ*) — концептуальный вариант древней даосской философии с привлечением некоторых конфуцианских идей. *Сюаньсюэ* было разработано Хэ Янем (?–249) и Ван Би (226–259), входившими в ближайшее окружение семейства Цао. Это учение должно было стать государственной идеологической системой, необходимой, ввиду падения авторитета конфуцианства, для консолидации общества и реставрации централизованной империи. Хэ Янь и Ван Би опротестовали конфуцианские социально-этические теории, приобретшие к тому времени догматический характер, обратившись к даосской философии. Их рассуждения изначально имели конкретный политический смысл, однако в скором времени они превратились в идейное обоснование, напротив, антисоциальных настроений и поступков. В «учении о сокровенном» и «ветре и потоке» был предложен новый идеал личности — «великий человек» (*дажэнь*), характеризующийся индивидуальной самобытностью и отрицанием любых внешних по отношению к человеку регламентаций, в первую очередь устоев общежития, проистекающих из конфуцианской этики. Этот идеал личности находит воплощение в образе «славного мужа» (*минши*), обязательными качествами которого были демонстративное равнодушие к материальным благам и карьерному успеху, пренебрежение своими повседневными обязанностями, рафинированность и подчеркнутая внутренняя свобода, выраженная нарочитой экстравагантностью поступков и внешним видом. Особая роль в жизненном стиле «славного мужа» отводилась творческой деятельности, ибо она полагалась единственно возможным способом духовного единения личности с окружающим миром и способом выражения восприятия законов бытия, или, в оригинальной тер-

минологии, «движения Дао». В результате «ветер и поток» содержит в себе первую сознательную попытку конструирования поэтического видения мира, а созданная под его влиянием поэзия есть поэзия откровения, экстатического переживания человеком окружающей действительности и собственного существования в их неразрывной целостности.

Непосредственным олицетворением образа «славного мужа» как раз и признаются Цзи Кан и Жуань Цзи, а также несколько их единомышленников, вошедших в организованное ими литературно-духовное объединение «Семеро мудрецов из бамбуковой рощи». Однако это объединение распалось сразу же после казни Цзи Кана, жизненные пути его членов серьезно разошлись, а их творческое наследие крайне фрагментарно. Поэтому главными выразителями идей «ветра и потока» для художественной словесности оказываются именно Цзи Кан и Жуань Цзи.

Творческое наследие Цзи Кана состоит из внушительного числа различных по содержанию и проблематике философских сочинений, в том числе посвященных теоретическим вопросам даосизма, оккультным наукам и экзотическим практикам, а также теории музыки. Его собственно поэтическое наследие состоит из 2 од и 53 стихотворных текстов, преимущественно малых форм (в 8–12 строк), написанных четырехсловным размером. Самым значительным его поэтическим произведением признана «Ода о цине» (в принятом переводе «Ода о люте»), которая является одним из шедевров поэтической классической прозапоэзии и одновременно важнейшим теоретико-эстетическим сочинением. В нем впервые в китайской гуманитарии четко формулируется тезис о самоценности искусства (не только музыки, но и всего художественного творчества).

Поэтическое наследие Жуань Цзи состоит из 6 од и 82 стихотворений-*ши*, объединенных в цикл (или сборник) «Пою о чувствах».

Несмотря на общность их взглядов, лирика Цзи Кана и Жуань Цзи различается по художественной манере и характеру поэтического мировосприятия. Цзи Кан показывает себя в большей степени мыслителем, чем поэтом: его стихи представляют собой подобие логического повествования, идущего от некоего конкретного события и строящегося на объединении единичного и целого по принципу факта и его истолкования.

Тогда как у Жуань Цзи эмоциональное начало явно преобладает над философским. Его лирика прежде всего акт спонтанного переживания мира, вызванный порывом вдохновения, — вне строгой жизненной конкретики. Показательно, что некоторые исследователи усматривают в ней выражение духовного опыта, сопоставимого с буддийским озарением.

В целом правомерно говорить, что лирика Цзи Кана и Жуань Цзи являет собой первые для китайской литературы образцы «глубинной философской» поэзии, в которой наблюдается органическое единство логико-рассудочного и эмоционально-поэтического мировосприятия.

На русском языке имеется перевод «Оды о цине», выполненный И. И. Семененко, в: *Семененко И. И.* Цзи Кан. Ода о лютне // Проблемы восточной филологии. М., 1979. С. 60—69; и переводы всего нескольких стихотворений Цзи Кана, выполненные В. Роговым, в: *Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии.* М., 1977. С. 210; Л. Д. Позднеевой, в: *Древний мир (В честь 70-летия акад. В. В. Струве).* М., 1962. С. 432—439; и Жуань Цзи, выполненные В. Журавлевым, в: *Антология китайской поэзии...* С. 321—324; и В. В. Малявиным, в: *Малявин В. В.* Жуань Цзи. О жизни и творчестве китайского поэта и мыслителя Жуань Цзи. М., 1978. С. 151—182.

ЦЗИ КАН

Из цикла «Дар Сюцаю, уходящему в поход»

- (VII) Человеческая жизнь коротка,
Протяженны небеса и земля.
Сотню лет, что протекут на земле,
Долголетьем кто из нас назовет?
И к бессмертию стремлюсь я в мечтах,
Быть к нетленному хочу приобщен.
Я топчусь, поводья сжал я в руке
И на друга все смотрю снизу вверх.
- (XV) Ночью глубокой пустынно и чисто,
Ярко луна осветила террасу.
Ветер чуть-чуть шевелит мне одежду,

Полог простой высоко подобран.
Кубок наполнен вином превосходным,
Только мне не с кем делить мою радость.
Цинь мой певучий со мной неразлучно,
Жалко, что ныне играть на нем не с кем,
Взор подымаю, тоскую о друге,
Благоуханном, как цвет орхидеи...
Нет человека прекрасного рядом —
Разве же можно теперь не вздыхать мне?

ЖУАНЬ ЦЗИ

Из цикла «Пою о чувствах»

- (I) Час полночный,
Но я не в силах уснуть.
- Поднимаюсь в постели,
Трогаю певучий цинь.
- Сквозь тонкий полог
Светит ясная луна.
- Свежий ветер
Развевает мои одежды...
- Одинокий лебедь
Зовет на пустынном просторе.
- Кружащие птицы
Кричат над северным лесом.
- Так в бесцельном блуждании
Что здесь увидишь?
- И печальная дума
Одна ранит сердце.
- (IV) Как небесные кони,
Выбегая из западных стран,

Безудержно мчатся
Вперед по восточной дороге —

Так весны и осени
Мимо несутся стремглав.

Богатством и славою
Долго ли нам обладать?

Чистой росой
У реки орхидеи покрыты.

Морозный иней
Лег на дикие травы.

Те, что утром
Были красивыми юношами,

К вечеру станут
Уродливыми стариками.

Никто из нас
Не сравнится с Ван Цзы-цяо.

Никому не дано
Надолго сберечь красоту.

(XV) Давным-давно,
Когда лет пятнадцать мне было,

В мыслях возвышен,
Я любил Книгу Песен и Книгу Преданий.

«В одежде простой,
Храня драгоценную яшму»,

Я хотел стать таким,
Как достойные Янь и Минь.

Вот, окно распахнув,
Я увидел широкий простор.

Поднявшись на холм,
Я взглянул с надеждой вокруг.

Курганы могил
Покрывают высокие горы.

Десять тысяч веков
В одном мгновенье сошлись.

Через тысячу осеней,
Десять тысяч лет

«Славное имя» —
Чем тогда будет оно?

Я понял в тот миг
Секрет мудреца Сянь Мэнь-цзы.

И громко рыдаю,
И горько смеюсь над собой.

(XXXIII) Один день,
И снова еще одна ночь.

Одна ночь,
И снова приходит рассвет.

Мое лицо
Потеряло свой прежний цвет.

Жизненный дух
Уже сам собою иссяк.

В моей груди
Кипящая вода и огонь.

В ряду превращений
Одно навлекает другое.

Десять тысяч дел —
Они не имеют конца.

С ними справиться,
Жаль, ума не хватило.

Я только боюсь,
Что всего через миг

Моя душа
Улетит вслед за ветром.

Всю свою жизнь
Я шагаю по тонкому льду.

Кто бы знал,
Как пылает огонь в моем сердце.

3) «ПОЭЗИЯ В СТИЛЕ ТАЙКАН»

«Поэзия в стиле Тайкан» (*Тайканти*) — так в китайской филологии обозначается творчество литераторов второй половины III в., которые в большинстве своем были высокопоставленными чиновниками и царедворцами нового правящего режима («Тайкан» — девиз годов правления первого монарха Западной Цзинь — цзиньского У-ди, 265—290). В старых китайских литературоведческих сочинениях и в современных исследованиях приводятся различные списки «тайканских» литераторов — от восьми до двадцати и более имен. Но самыми яркими и значительными фигурами неизменно называются Лу Цзи, Чжан Хуа и Цзо Сы. Хотя каждый поэт из этой плеяды обладал творческой самобытностью, их лирика в отличие от поэтического наследия «цзяньаньских» авторов демонстрирует содержательную и художественную общность, что и позволяет рассматривать ее в качестве целостного и однородного литературно-поэтического направления. В творчестве «тайканских» литераторов присутствуют различные тематические группы: стихотворения-панегирики, тема военного похода, любовная лирика и т. д. Однако его центральные мотивы — это разочарование человека в обществе как таковом, ощущение им собственной ненужности и неприкаянности в хаосе происходящих событий, обостренное чувство одиночества и переживания краткости бытия. Подобные на-

строения можно объяснить особенностями социально-психологического климата того времени, когда в местном обществе, несмотря на кратковременный успех правления дома Сыма (воссоздание централизованного имперского государства), крепло и понимание недолговечности этого режима, и предчувствие грядущей катастрофы. «Тайканские» литераторы еще более резко, чем Цзи Кан и Жуань Цзи, посягают не только на устои общежития и моральные ценности, но и на достижения цивилизации, к примеру на столь любимые и почитаемые «славными мужами» музыкальные инструменты, настаивая на том, что музицирование — ничто по сравнению с «природной музыкой». Их лирическим героям свойственно стремление к максимальному абстрагированию от внешней реальности и погружение в собственный мир, что придает «тайканской» лирике эгоцентрический оттенок. А несовершенство общества и человеческой жизни возводится здесь в ранг абсолюта. Тем не менее в творчестве «тайканских» литераторов впервые столь отчетливо происходит резкое расхождение между образом лирического героя и жизненными установками автора: декларируя полное неприятие общественного бытия и призывая к отшельническому уединению, эти литераторы в реальности не только занимали ответственные государственные посты, но и активно участвовали в политической жизни страны. И наконец, с «тайканской» поэзией соотносится дальнейшая эволюция поэтического языка и изобразительных средств в сторону их усложнения: широкое употребление различного типа реминисценций, философских терминов и производных от них поэтизмов, архаизмов и тому подобных лексических формул в конце концов приводит к господству в поэзии эпохи Шести династий особого литературного стиля, условно обозначаемого как «лючаоское барокко».

ЛУ ЦЗИ (261—303)

Лу Цзи, второе имя Ши-хэн, уроженец юго-восточного региона Китая (область Уцзюнь, провинция Цзянсу), принадлежал к знатному южнокитайскому клану, занимавшему высокое общественное положение в царстве У. Опасаясь преследования со стороны цзиньских властей после гибели этого царства, Лу Цзи около десяти лет прожил в уединении в родовом поместье. В начале 90-х гг. III в. он

решил отправиться в столицу (г. Лоян) и сразу же вошел в придворные круги. Близость к трону и личные дружеские связи с членами августейшего семейства стоили ему жизни: в возрасте 42 лет он был втянут в междоусобный конфликт, спровоцированный принцами крови, и был казнен в 303 г.

Поэтическое наследие Лу Цзи состоит из 22 од, самой значительной из которых считается «Ода об изящной словесности-вэнь» («Ода изящному слову»)¹, и 87 стихотворных тестов (37 юэфу и 50 ши).

Лу Цзи предстает перед нами подлинно «печальным рыцарем» китайской поэзии. Как никто другой из «тайканских» литераторов, он показывает и доказывает всю бессмысленность существования человека, эфемерность его деяний. В своем глубочайшем пессимизме он не приемлет и даосских идеалов отшельничества и «естественности», справедливо в целом полагая, что уединение на лоне природы способно в лучшем случае принести душевный покой, но не предотвратить неминуемую кончину. Лирика Лу Цзи пользовалась огромной популярностью в эпоху Шести династий: критики называли его художественный стиль «роскошно-прекрасным», сравнивали его стихи с россыпью звезд или переливами узорных шелков. Однако впоследствии подобные оценки прекратились. С точки зрения китайских филологов и современных ученых, он более значителен в истории национальной литературы как теоретик художественной словесности, чем поэт.

На тему «Песня Мэнху»

Никто не жаждет испить, если родник замутнился,
Никто отдыхать не стремится под засохшего дерева сенью.
Почему высыхают деревья, лишаясь своих ветвей?
У того, кто честен и прям, множество бед и лишений!
Мы экипаж запрягаем, повинуюсь суровому времени,
Посох в руки берем, чтобы в странствии счастья добиться.
Только, в пути голодая, на дорогу не выйдешь, как звери,
И, от мороза страдая, не укроешься в чаще, как птицы.
С возвращением дня твои силы, увы, не прибавятся,
Уходящий сезон твои годы торопит к исходу.
Где-то там, в вышине, облака за утесы цепляются,
И печальные ветлы под ветром шумят в непогоду.

¹ Полный академический перевод этой оды и ее анализ см. в: Алексеев В. М. Китайская литература... С. 259–265.

Безмятежные речи ведем возле горного русла,
Беззаботно свистим на вершине высокой горы.
Эти звонкие струны рожают прекрасные звуки,
Пусть душою ты чист, а попробуй-ка их повтори!
Нашу жизнь все равно изменить мы невластны,
Так с какими словами я пояс себе развяжу?
Я всегда и во всем почитать добродетель старался,
Я теперь и былого, и яви лишь только стыжусь!

Из цикла «Два стихотворения, созданных по дороге в Лоян»

- (II) Я в странствии дальнем миную потоки и горы,
Чьи воды безбрежны и в выси уходят вершины.
Коня подстегнув, по отвесным взбираюсь я склонам,
Поводья ослабив, скачу по зеленым равнинам.
Вновь с тенью в обнимку ложусь отдыхать на закате,
Встаю на рассвете, объятый безрадостной думой.
И стоя подолгу в сени нависающей кручи,
С отчаяньем внемлю стенаниям ветра угрюмым.
Мерцают росинки в своей чистоте первозданной.
Как ярко и дивно сиянье ночного светила!
Напрасно пытался уснуть, к изголовью прижавшись,
И вновь одеваюсь, от грусти забыться не в силах.

ЧЖАН ХУА (232–300)

Чжан Хуа, второе имя Мао-сянь, уроженец северо-восточного региона Китая (область Фанъян, провинция Хэбэй), происходил из бедного семейства и, рано осиротев, был вынужден добывать себе хлеб насущный, работая подпаском. Тем не менее природные дарования юноши и его стремление к образованию обратили на себя внимание одного из местных сановников. По его протекции Чжан Хуа поступил на службу и в скором времени оказался в столице, где поднялся до верхов административной иерархии, прочно утвердившись в придворных кругах. Он входил в ближайшее окружение цзиньского У-ди и его преемника, но в 300 г. пал очередной жертвой придворных распри: был обвинен в измене трону и предан публичной казни. Имя Чжан Хуа еще при его жизни было окружено всевозможными легендами: современники считали его необыкновенным мудрецом и знатоком оккультных наук, способным общаться с по-

тусторонними силами. Таким полуисторическим-полулегендарным персонажем Чжан Хуа остался и в памяти последующих поколений.

Поэтическое наследие Чжан Хуа состоит из 6 од и 20 стихотворных текстов, часть которых по объему (свыше 50 строк) представляет собой скорее поэмы, чем собственно лирические произведения. Критики V–VI вв. обращали внимание исключительно на лирику Чжан Хуа, особо отмечая ее стилистическую красочность и виртуозность, но при этом упрекали поэта в излишней сложности повествования («его слова трудны для понимания»). Приблизительно такие же оценки высказываются и последующими китайскими филологами и исследователями. С объективной точки зрения творчество Чжан Хуа интересно прежде всего тем, что в нем воплотился весь спектр духовных исканий и настроений служилой интеллигенции того времени.

*Из цикла «Три стихотворения, написанных в ответ
Хэ Шао»*

- (I) Воистину тяжек служаки-чиновника путь!
Печален ли, весел — изволь оставаться бесстрастным.
Завязки и пояс, как пути, на теле стянул,
Лавина бумаг, на которую смотришь с опаской.
Отвлечся, расслабится — даже о том не мечтай,
От нового дня жди волнений и новых напастей.
Любезный мой друг, вы сегодня прислали письмо,
Где каждая строчка вещает о радости странствий.
И словно пронесся свежайшего ветра порыв,
И словно бутон распахнул лепестки на рассвете.
Бок о бок мы жили когда-то в далекие дни,
И снова мы рядом, по счастью, почти что соседи.
Я болен, я стар, лишь худое, я знаю, грядет,
Дождаться не чаю, когда развяжу свои сети.
Власа распушу и сокроюсь в вечерних тенях,
Дойдя наконец до чистейшего русла на свете.
Там иволги песням без устали буду внимать,
Без устали зрить, как резвятся рыбешки в стремнине.
Вдали от сует я последние дни проведу,
Средь тутов и вязов забывшись от близкой кончины.

Призывание сокрывшегося от мира

- (I) Верность отшельник хранит только лесам и горам,
Скрылся от мира людей, чтоб совершенства достичь.

Встреч неустанно бежит с тем, кто чинами велик,
И до скончания дней хочет талант свой таить.

- (II) Мы, странствуя вечно по пустошам диким,
Теряем счет дням и о том, кто мы есть, забываем.
Вот начисто стерлось из памяти прежнее имя,
Любимые вещи, как старую ветошь, бросаем.
Богиня Си Хэ погоняет шестерку драконов,
Торопится солнце укрыться в ночном полумраке.
О, как незаметно прошли наши юные годы!
Я стал, словно шелк, невесом и прозрачен.

Из цикла «Путешествие к бессмертным»

- (I) С платья его свисает радуга бахромою,
Крыльями-рукавами развеет он струи эфира.
Резким порывом ветра ввысь, к облакам взлетает,
О Дао-пути толкует вместе с Владыкой мира.
Там музыкант-кудесник пению фениксов вторит,
Рядом на флейтах играют только князья да принцы.
Сущность свою питая, вкушает саму сокровенность,
Странствует в дальних далях вне временной границы.

Из цикла «Пять стихотворений о чувствах»

- (II) Прозрачный луч полночного светила
Во тьме ночной ступени озаряет.
Я — одинокий страж безмолвной ночи,
К себе в пустую спальню возвращаюсь.
Настало утро, нехотя оделся,
В небесных далях звезды угасают.
Мне грезилось, что мы с тобою вместе,
Как прежде, красота твоя пленяет.
Улыбки милой нежная лукавость,
Изгиб бровей над чудными очами...
Но сон прошел, и так тоскливо стало,
И сердце замирает от печали.
- (III) Нежный ветер колышет занавески и полог,
До зари освещает пустые покои луна.

Мой любимый, уехали так далеко вы,
 Стала спальня без вас беспросветно темна.
 Под нарядной одеждой от горя застывшее тело,
 Под узорной парчою пустая постель холодна.
 Ночь взаимной любви пролетает счастливым мгновеньем,
 Ночь без друга — как тянется долго она!
 К изголовью припав, я в отчаянье горько рыдаю,
 И душа изнывает, тяжелых предчувствий полна.

ЦЗО СЫ (250?—305?)

Цзо Сы, второе имя Тай-чун, уроженец восточного региона Китая (область Линьцзы, провинция Шаньдун), происходил из старинного семейства служилых интеллигентов, члены которого, никогда не занимая высокие официальные должности, имели среди современников репутацию истинных ученых-конфуцианцев. Цзо Сы продолжил эту семейную традицию: оказавшись в столице и достигнув придворных кругов, он старался, насколько это возможно, избегать ответственных постов и околотронных интриг. В роковой для многих «тайканских» литераторов 300 год он подал в отставку, уехал в родные края, скончавшись там через несколько лет.

Поэтическое наследие Цзо Сы состоит из 4 од и 14 стихотворных текстов, и, несмотря на его малочисленность, оно всегда очень высоко оценивалось китайскими критиками и филологами. Еще прижизненную славу Цзо Сы принес цикл-триптих «Оды о трех столицах», а его лучшим лирическим произведением признается цикл (из 8 стихотворений) «Стихи на исторические темы» (более точный перевод «Воспеваю историю»). В нем через обращение к событиям древности резко критикуется современная поэту знать и доказывається несовершенство человеческого общества в целом. Кроме того, в творчестве Цзо Сы присутствуют и стихотворения с отшельническими мотивами, типичными для «тайканской» лирики.

Из цикла «Стихи на исторические темы»

- (IV) Красиво и пышно в столице.
 Как солнце, сияют чертоги.
 Для знати здесь даже зимою
 Сады раскрывают цветы.
 Вельможи в своих колесницах

Заполнили всюду дороги,
 Повсюду вам путь преграждают
 Высокие шапки-зонты.

Утрами у Цзиня и Чжана
 Сидят и пируют соседи,
 А вечером снова пируют
 У Сюя, у Ши во дворцах.
 На улицах звон колокольный,
 Удары в тяжелые била,
 Играют свирели и флейты,
 Рождая волнение в сердцах.

В жилище же мудрого Яна
 Всегда и пустынно, и грустно.
 Здесь нет у ворот паланкинов.
 Хозяин томится один.
 Безмолвье навек поселилось
 В каморке, где тихо и пусто.
 Ян Сюн непрестанно здесь пишет —
 Трактат свой на тему «Ицзин».

Он пишет свои поученья
 Сердечно, свежо и глубоко.
 Конфуция он прославляет,
 Сян-жу подражая порой.
 И лишь через много столетий
 Достойное имя Ян Сюна
 Умами страны завладеет,
 Прославлено будет страной.

- (VIII) Бьет крыльями птица все время
 По клетке своей золоченой,
 И рвется она на просторы —
 На воле ей хочется жить.
 Похож на нее одинокий
 Печальный и бедный ученый:
 Он с тенью своею в обнимку
 Лачугу свою сторожит.

Когда ж он выходит из дома,
Дорогу скрывают туманы
И, путь преграждая, терновник
Встает и колюч и высок.
Проекты в дворце отклонили,
Не приняли мудрые планы.
Как рыба в пруду пересохшем,
Он в мире нужды одинок.

Ах, жалованья никакого
Теперь у великого нету,
И дома из прежних запасов
Давно уже нет ничего.
Родные его презирают, —
Хоть нищим скитайся по свету!
И с каждой минутой все дальше
Отходят друзья от него.

Су Цинь отправлялся на север
И звал к единенью народы,
Ли Сы был министром придворным,
Не знавшим ни бед, ни нужды.
И жизнь их в дворцах процветала,
Румянилась зреющим плодом.
Увы, изменило им время,
И сорваны были плоды.

«Наполни живот, и довольно», —
Как мудро подметили предки!
«Довольствуйся необходимым —
Излишняя влага вредна!»
Гнездо свое птица свивает
В лесу на единственной ветке.
Пусть мудрому мужу примером
Навеки послужит она.

Из цикла «Призывание сокрывшегося от мира»

- (II) Я обитель себе обрел у подножья восточных гор,
Где орехи, на землю упав, прорастают опять кустами.

До краев здесь колодец полн родниковой холодной водой,
Что сердца и души людей превращает в кристальный камень.
Среди буйных зарослей трав, среди пышных и ярких стеблей,
И бамбуки, и кипарис свою сущность хранят веками.
Пусть, случается, иней и снег эти нежные ветви скуют,
Но тотчас же, капелью став, истекают с зеленой их длани.
Не приносят душевный покой ни богатство, ни важный чин,
Повинуясь велениям дня, то согнемся, то плечи расправим.
Водрузив головной убор, попадешь к заботам в полон,
Распустив по плечам волосы, грязь и пыль от себя отставишь.
Нет, покорность былых служак не послужит примером мне,
Но и верность Бо И с Шу Ци не считаю достойной славить.
И, сравнив идеалы людей, что дошли от древних времен,
Я прекрасного дня дождусь, чтобы мир навсегда оставить!

4) «СТИХИ О СОКРОВЕННОМ»

«Стихи о сокровенном» (*сюаньяньши*) в китайской филологии представляют творчество нескольких литераторов первой половины IV в., отмеченное наиболее сильным звучанием даосско-философских и даосско-религиозных мотивов. На этот раз речь идет именно о тематическом направлении, так как приписанные к нему литераторы не образовали даже внешнего подобия поэтической плеяды: они жили в разное время, но и будучи современниками далеко не всегда лично знали друг друга. Еще одна особенность их творчества состоит в малочисленности, что, возможно, объясняется не столько плохой сохранностью их наследия, сколько своеобразием общих культурных и литературных процессов, имевших место в указанный период, когда занятие поэтическим творчеством только становилось обязательным элементом досугового времяпрепровождения.

Уже в литературной критике V–VI вв. «стихи о сокровенном» оценивались весьма скептически, их создатели упрекались в излишней увлеченности даосскими верованиями. Тем не менее надо признать, что в русле именно этого тематического направления были творчески освоены способы передачи философского и религиозного мировосприятия на язык художественной словесности и утвердилась образная система будущей пейзажной лирики.

СУНЬ ЧО (314–347)

Сунь Чо, второе имя Син-гун, уроженец северного региона Китая (местность Тайюань, провинция Шаньси), выходец из влиятельного чиновничьего клана, был не только литератором, но и крупным государственным деятелем и одним из ведущих мыслителей IV в. Наиболее известен он в истории китайско-буддийской мысли, где считается самым значительным буддийским идеологом до периода формирования в Китае собственно буддийских школ (втор. пол. IV в.). Теоретические разработки Сун Чо были направлены на доказательство идейного сходства учения Будды и национальных учений (конфуцианства, даосизма) и духовного родства их основоположников. Исходя из такой установки, Сунь Чо пытался, в частности, интерпретировать индо-буддийское учение о мудрости-праджня с позиций даосской философии, способствуя тем самым китаизации буддизма. Взгляды Сунь Чо воплотились и в его поэтическом творчестве — в «Оде о восхождении на гору Таньтайшань», которая является первым литературным произведением с отчетливыми буддийскими мотивами¹. Кроме этой оды поэтическое наследие Сунь Чо включает 9 стихотворений-ши, из которых необычайно выразительно стихотворение «Осенний день», продолжающее традицию поэзии с отшельническими мотивами в том виде, в каком она сложилась в «тайканской» лирике.

Осенний день

Полнят осенние звуки промозглый осенний воздух,
Ветер, надрывно стеная, ввысь облака уносит.
Здесь, среди гор, обитая, чувствуешь смену сезонов,
В дальние дали ушедший протяжную песню заводит.
Уже обнаженные ветви стынут под ветром холодным,
Над опустевшей скалою серое небо нависло.
Мокнут повсюду деревья от так и не высохших рос,
С некогда пышною ветвью прощаются хрупкие листья.
К грибам прикасаясь, горюю, что они скоро исчезнут,
И радуюсь, зная, что сосны зелеными будут, как прежде.
Истинно, чем дорожу я, — вдали от столичных покоев,
В этих пустынных лесах жизнью живу безмятежной.
Вот и исчезли печали, раньше терзавшие сердце,
Где-то поблизости, верно, дивный поток тот, безбрежный.

¹ Художественный перевод этой оды, выполненный Е. А. Торчиновым, см. в: Петербургское востоковедение... С. 229–234.

ЮЙ ЧАНЬ (286–339)

Юй Чань, второе имя Чжун-чу, уроженец центрального региона Китая (область Инчуань, провинция Хэнань), был крупным чиновником, занимая ответственные гражданские и военные посты в цзиньской администрации. Его поэтическое наследие состоит из 3 од и 18 стихотворений, 10 из которых объединены в цикл «Путешествие к бессмертным» и представляют собой характерные образцы лирики на даосско-религиозные темы. Несмотря на их лаконичность, эти стихотворения точно передают основные представления о мире бессмертных и способах обретения вечной жизни; кроме того, насыщенность специальной терминологией делает их похожими на миниатюрные алхимические трактаты.

Из цикла «Путешествие к бессмертным»

- (I) Священный пик застыл пред раскаленным небосводом,
Божественный чертог взирает на заснеженный хребет.
Там, наверху, срываем Деревя бессмертия цветы,
Здесь черпаем, внизу, из родника Нефритового воду.
- (VI) Учитель Сосна на призрачной дымке
странствует в далях небесных,
Фэн-цзы, свое естество переплавив,
сделал его бессмертным.
Поутру рот хрусталем очищают,
сердца их — сама сокровенность,
Чрез таинство сих превращений чудесных
смогли обрести совершенство.

ГО ПУ (276–324)

Го Пу, второе имя Цзинь-чунь, уроженец северного региона Китая (область Хэдун, провинция Шаньси), — один из крупнейших ученых-филологов эпохи Шести династий, автор комментариев к своду «Чуские строфы» — древним (чжоуским и ханьским) прозаическим сочинениям, наиболее тесно связанным с мифолого-религиозными представлениями. Возможно, он и сам занимался алхимическими практиками, но по трагической иронии судьбы вместо обретения бессмертия окончил свои дни на плахе.

Поэтическое наследие Го Пу состоит из 9 од и 19 стихотворений, 14 из которых объединены в цикл «Путешествие к бессмерт-

Деревья яшмою горят
в синеющих лесах,
Краснеют чашечки цветов
на тонких стебельках.
Мелькают птицы в вышине,
взмывая в облака,
И рыба плещется на дне
лесного ручейка.

6) ТАО ЮАНЬ-МИН (365?–427?)

Тао Юань-мин, второе имя Юань-лян, литературное самопрозвание Цянь, уроженец южного региона Китая (область Сюньян, окрестности современного г. Цзюцзянши, провинция Цзянси), — поэт, ставший впоследствии своего рода знаковой фигурой художественной словесности эпохи Шести династий.

Тао Юань-мин происходил из старинного и некогда высокопоставленного, но обедневшего к моменту его рождения чиновничьего клана. Вынужденный обеспечивать собственное существование, он поступил на службу, заняв скромный пост в местном административном аппарате. Но, быстро убедившись, что она не приносит ему ни материального достатка, ни — самое главное — морального удовлетворения, подал в отставку и поселился в деревне, занявшись, если верить его произведениям, простым крестьянским трудом. Успешно совмещая занятия земледелием с интеллектуальными занятиями и поэтическим творчеством, Тао Юань-мин в скором времени снискал себе репутацию «отшельника-мудреца» далеко за пределами места его обитания. Несколько раз он получал приглашения вернуться на службу и ориентировочно в 405 г. принял одно из них (пост главы уезда), чтобы вновь и уже окончательно вернуться к деревенской жизни. Подобное поведение Тао Юань-мина было продиктовано, возможно, не только его отношением к официальной карьере, но и общими социально-политическими событиями, происходившими в стране, — новым обострением борьбы за власть, завершившимся очередным государственным переворотом.

Творческое наследие Тао Юань-мина велико и разнообразно. До нас дошли его автобиографическое сочинение «Жиз-

неописание господина под сенью пяти ив»¹, приписываемый ему сборник рассказов (подробно см. далее), 3 прозапоэтических произведениях в жанрах *фу* и *цзюцзи*² и 86 стихотворных текстов, большая часть которых объединена в циклы.

Главную особенность поэзии Тао Юань-мина составляет ее глубокая философская насыщенность, в чем она во многом совпадает с творчеством Цзи Кана и Жуань Цзи. Поэта волновали наиболее актуальные для служилой интеллигенции того времени проблемы: возможность и принципы сосуществования истинно благородной личности с порочным обществом, сочетание своих духовных интересов с материальными потребностями, быстротечность человеческого бытия и неизбежность смерти. Но каждый раз Тао Юань-мин предлагает несколько новое их направление. Так, взяв за идейный ориентир уже разработанный в конфуцианстве образ «бедного ученого» (т. е. человека, не желающего находиться на службе у недостойного правителя и предпочитающего испытывать материальные лишения во имя сохранения собственной внутренней чистоты), он вместо стереотипов этой дилеммы — конфуцианское отшельничество-отставка или даосское отшельничество-удинение — предлагает «бегство от официального мира» ради деревенской жизни и труда земледельца. Он искренне находил в крестьянском труде не только способ пропитания, но и средство обретения душевной гармонии и духовного самосовершенствования (цикл «Возвратился к полям и огородам»). Такой взгляд на бытие с апологизацией патриархальных устоев наиболее пространно излагается Тао Юань-мином

¹ Перевод этого сочинения, выполненный акад. В. М. Алексеевым, см. в: Китайская классическая проза... С. 178–179. Следует заметить, что, несмотря на существование данного сочинения, а также двух вариантов жизнеописания Тао Юань-мина — в «Истории династии Цзинь» и в собрании его сочинений, составленном и обнародованном в первой трети VI в., многие эпизоды его жизни остаются неясными, так как основную часть указанных произведений составляют сведения житийного или анекдотического характера.

² Это «Ода о том, как не встретил человека, способного меня понять», любовная ода с откровенными эротическими мотивами «Запрет на любовь», переводы которой, выполненные акад. В. М. Алексеевым и М. Е. Кравцовой (отрывок), см. в: Китайская классическая проза... С. 180–186; Поэзия Древнего Китая... С. 406–408; и «Домой к себе» — см. переводы акад. В. М. Алексеева в: Китайская классическая проза... С. 175–177; и акад. Н. И. Конрада в: Китайская литература. Хрестоматия... С. 215–217.

в знаменитой поэме «Персиковый источник» — произведении отчетливого социально-утопического характера¹. Очевидно, что «отшельничество», проповедуемое Тао Юань-мином, было малопривлекательным для представителей интеллектуальной элиты лючаоского общества, состоявшей в основном из аристократов и высокопоставленных чиновников. Элитарность лючаоской духовной культуры и художественной словесности определила скептический взгляд тогдашних критиков на поэтическое творчество Тао Юань-мина, отнеся его к поэтам «второго разряда».

Отдельного пояснения также требуют взгляды Тао Юань-мина на понятия внутренней свободы и естественности (цикл «За вином»). Творчески развивая идеи даосской философии и «ветра и потока», он понимает «внутреннюю свободу» прежде всего как право человека иметь собственные убеждения и нравственные позиции, исходя из которых он и строит свой жизненный путь, даже если его поступки противоречат общепринятым нормам и расхожим суждениям. «Естественность» заключается для него в освобождении человека от излишней рассудочности, чтобы приблизиться к предельной искренности в личном поведении и во взаимоотношениях с другими людьми: можно и нужно радоваться, когда тебе радостно на душе, наслаждаться тем, что действительно приносит тебе удовольствие, общаться с теми, с кем тебе приятно быть вместе.

И наконец, важнейшим произведением Тао Юань-мина, поднимающим вопросы бытия, является цикл-триптих «Тело, тень, дух».

На русском языке имеются переводы всей лирики Тао Юань-мина, выполненные Л. З. Эйдлиным, в: *Тао Юань-мин. Лирика* / Пер., сост., вступ. ст. и прим. Л. Эйдлина. М., 1964;

¹ Эта поэма, традиционно относимая к собственно стихотворному жанру (*ши*), состоит из пространного прозопэтического вступления и собственно стихотворного текста из 32 пятисловных строк, которые по содержанию отчасти повторяют друг друга. В них рассказывается о случайном посещении лирическим героем некоей местности, давным-давно отрезанной от остального мира, население которой продолжало жить по древним патриархальным традициям и пребывало в состоянии материального и духовного процветания. На русском языке имеются два варианта перевода этой поэмы, выполненные Ю. К. Щуцким, в: *Восток. Сб. 1...* С. 203–204; *Китайская литература. Хрестоматия...* С. 217–220; и Л. З. Эйдлиным (см. библиографию в разделе).

Тао Юань-мин. Стихотворения / Пер., вступит. ст. и прим. Л. Эйдлина. М., 1972; *Антология китайской поэзии...* С. 333–341; *Китайская классическая поэзия*. М., 1975. С. 47–160; *Осенняя хризантема Тао Юань-мин (IV–V вв.)* / Пер., пред. и прим. Л. З. Эйдлина. СПб., 1999, а также переводы А. Гитовича, в: *Лирика китайских классиков...* С. 93–114; и Е. А. Торчинова (см. примечания).

Из цикла «Возвратился к полям и огородам»

- (I) С самой юности чужды
мне мелодии пошлого мира,
От рожденья люблю я
этих гор и холмов простоту.
- Я попал по ошибке
в пылью жизни покрытые сети,
В суету их мирскую —
мне исполнилось тридцать тогда.
- Даже птица в неволе
затоскует по старому лесу,
Даже рыба в запруде
не забудет родного ручья.
- Целину распахал я
на далекой окраине южной,
Верный страсти немудрой,
воротился к садам и полям.
- Вся усадьба составит
десять му или больше немногим,
Дом, соломою крытый,
восемь-девять покоев вместит.
- Ива с вязом в соседстве
тень за домом на крышу бросают,
Слива с персиком рядом
вход в мой зал закрывают листвою.
- Где-то в даях туманных
утопают людские селенья,

Темной мягкой завесой
расстилается дым деревень.

Громко лает собака
в глубине переулка глухого,
И петух распевает
среди веток, на тут взгромоздясь.

Во дворе, как и в доме,
ни пылинки от бренного мира,
Пустота моих комнат
бережет тишину и покой.

Как я долго, однако,
прожил узником в запертой клетке
И теперь лишь обратно
к первозданной свободе пришел.

(V) Никого. И в печали
я иду, опираясь на палку,
Возвращаюсь неровной,
затерявшейся в чаще тропой.

А в ущелье, у речки
с неглубокой прозрачной водою,
Хорошо опуститься
и усталые ноги помыть...

Процедил осторожно
молодое вино, что поспело,
Есть и курица в доме —
и соседа я в гости зову.

Вечер. Спряталось солнце,
и сгущается в комнате сумрак.
В очаге моем хворост
запылал — нам свеча не нужна.

Так и радость приходит.
Я горюю, что ночь не продлить мне:
Вот опять с новым утром
появилась на небе заря.

Из цикла «За вином»

(III) Я поставил свой дом
в самой гуще людских жилищ,
Но минует его
стук повозок и топот коней.

Вы хотите узнать,
отчего это может быть?
В даль умчишься душой,
и земля отойдет сама.

Хризантему сорвал
под восточной оградой в саду,
И мой взор в вышине
встретил склоны Южной горы.

Очертанья горы
так прекрасны в закатный час,
Когда птицы над ней
чередою летят домой!

В этом всем для меня
заключен настоящий смысл.
Я хочу рассказать,
и уже я забыл слова...

(IV) Хризантемы осенней
нет нежнее и нет прекрасней!
Я с покрытых росой
хризантем лепестки собрал.

И пустил их в ту влагу,
что способна унять печали
И меня еще дальше
увести от мирских забот.

Хоть один я сегодня,
но я первую чару выпью,
А она опустеет —
наклониться кувшин готов.

Время солнцу садиться —
отдыхают живые твари.
Возвращаются птицы
и щебечут в своем лесу.

Я стихи распеваю
под восточным навесом дома,
Я доволен, что снова
жизнь явилась ко мне такой!

(VII) Вот бывают же люди —
даже в доме одном живут, —
Что принять, что отбросить —
нет единства у них ни в чем.

Скажем, некий ученый
в одиночестве вечно пьян.
Или деятель некий
круглый год непрестанно трезв.

Эти трезвый и пьяный
вызывают друг в друге смех.
Друг у друга ни слова
не умеют они понять.

В рамках узости трезвой
человек безнадежно глуп.
Он в наитье свободном
приближается к мудрецам.

И стихи обращаю
я к тому, кто уже хмельной:
Лишь закатится солнце,
пусть немедля свечу берет!

Из цикла «Подражаю древнему»

(V) Далеко на востоке
живет благородный ученый,
И одет он всегда
в неприглядное, рваное платье

И из дней тридцати
только девять встречается с пищей,
И лет десять, не меньше,
он носит бессменную шапку.

Горше этой нужды
не бывает, наверно, на свете,
А ему хоть бы что —
так приветлив на вид он и весел.

Я, конечно, стремлюсь
повидать человека такого.
И пошел я с утра
через реки и через заставы.

Вижу — темные сосны,
сжимая дорогу, теснятся,
Вижу — белые тучи
над самою кровлей ночуют.

А ученому ясно,
зачем я его навещаю.
Сразу цинь он берет,
для меня ударяет по струнам.

Первой песней своей —
«Журавлем расстающимся» — тронул
И уже ко второй,
где «луань одиноков», переходит...

Я хотел бы остаться
пожить у тебя, государь мой,
Прямо с этого дня
до холодного времени года!

Тело, тень, дух

И презренный, и благородный, мудрец и глупец — все живущие страстно привязаны к жизни, что сожаленья достойно. Вот поэтому тело и тень говорят о печалях, а дух, опираясь на самоестественность, истину им разъясняет. Те, кто склонны к раздумьям, сумеют принять его мысли.

Тело сообщает тени

Вековечно высокое Небо и постоянна Земля,
 Для потоков и гор время смерти не наступает.
 Соблюдают закон постоянства деревья и травы —
 Погибая от инея, с теплой росой оживают.
 Лишь один человек — всех возвышенней и мудрее
 Из созданий земных — должен в смерти найти завершение.
 Только что находился он в пестром вращении мира,
 Но ушел, и уже не наступит пора возвращения.
 Разве те, что остались, осознают безмерность потери?
 Долго ли об ушедшем хранятся воспоминанья...
 Может быть, только вещи, которые он оставил,
 Очи близких слезами печали порой затуманят.
 Я не знаю искусства взлететь над тенетами смерти.
 Нет сомнения, так было и будет во все времена.
 Я хочу, чтоб слова мои искренне к сердцу ты принял,
 Не чурайся вина, если чаша до края полна.

Тень отвечает телу

Сохранение жизни для каждого — труд неразумный.
 Так не стоит о жизни и смерти напрасные речи вести.
 Мне хотелось бы странствовать на Хушань и Куньлунь,
 Но они далеки, и туда затерялись пути.
 С той поры как мы встретили вместе минуту рожденья,
 Не могли нас ни радости разделить, ни печали.
 Быстротечная ночь иногда вызывала разлуку,
 С появлением солнца мы снова соединялись.
 Мы всегда были вместе, но этому вечно не длиться,
 И мгновение исчезновенья все связи разрушит.
 Тело в пыль возвратится, и слава развеется ветром...
 Эти мысли, как тайное пламя, сжигают мне душу.
 Что ж, в добре утвердись, и останется в мире любовь.
 И не следует ли постоянно усердствовать в этом?
 Говорят, что вино помогает развеять печаль,
 Но не лучше ли, право, с моим согласиться советом?

Дух разъясняет

Для гончарного круга вселенной равны все создания,
 Порожденный им мир мириадами принципов связан.

Человек — средоточие вечной вселенской триады,
 Так не мне ли он славою и совершенством обязан?
 И хотя вы, друзья, от меня совершенно отличны,
 В неразрывном единстве вам выпало в мире родиться,
 Вместе были в печали, и радости вместе встречали,
 Отчего же теперь вы не можете договориться?
 Три великих и мудрых правителя прежних времен
 Где сегодня? Иссякли их годы, забыты могилы.
 Много лет жил на свете Пэн-цзу, не хотел уходить,
 Вечной жизни искал он, но время его поглотило.
 В час последний и старость, и юность равны перед смертью,
 Ни мудрейшим, ни глупым избежать сетей не дано.
 Если пить беспробудно, вино все поможет забыть,
 Но, даруя забвенье о смерти, ее приближает оно.
 И, хотя совершение блага приносит всем радость,
 Разве долгие годы получишь за это в награду?
 И чем больше раздумий, тем тяжелее страданья:
 Жизни вечному круговращенью довериться надо.
 Так плывите бесстрастно в великих волнах перемен,
 Жизни вечному круговращенью довериться надо.
 Так плывите бесстрастно в великих волнах перемен,
 От печали о смерти и радости жизни свободны.
 Жизнь конечна, так пусть угасает в назначенный срок,
 И не надо ее проводить в сожаленьях бесплодных.

7) СЕ ЛИН-ЮНЬ (385–433)

Се Лин-юнь, официальный титул — Канлэский князь, литературное прозвание Гость Се (Се-кэ), — признанный основоположник пейзажной лирики (оригинальное терминологическое обозначение — «*поэзия гор и вод*», *шаньшуйши*) как самостоятельного тематического направления китайской поэзии.

Се Лин-юнь происходил из могущественного южного аристократического клана — так называемые чэньцзюньские Се, члены которого на протяжении IV–VI вв. играли одну из ключевых ролей в политической и духовной жизни страны. Однако в данный исторический момент положение этого клана и лично Се Лин-юня осложнилось тем, что часть его представителей с откровенной неприязнью встретили приход к власти нового правящего дома, считая его основателя — полководца Лю Юя

(сунский У-ди, 420—423) — «высочкой-солдафоном». К тому же, будучи не только рафинированным аристократом, но и человеком очень гордым и свободолюбивым по характеру, Се Лин-юнь испытывал искреннее отвращение к придворному этикету, а тем более к околотронным интригам и распрям. Все попытки новых властей превратить его в дворцового пиита заканчивались либо его ссылкой, либо добровольной отставкой. Некогда видевший свое предназначение в служении стране по примеру своих предков, теперь Се Лин-юнь мечтал поселиться в родовом поместье, находившемся в живописнейшей местности (местность Гуйцзи, провинция Чжэцзян), и посвятить себя поэтическому творчеству и изучению буддизма¹. Конфликт между ним и верховными властями, конкретно — императором Вэнь-ди (424—454), достиг апогея в начале 30-х гг. V в. Отправленный в очередной раз на периферию, Се Лин-юнь настолько демонстративно пренебрегал своими служебными обязанностями, что дал повод для обвинения в неповиновении трону. Рассматривавшая его дело судебная коллегия вынесла ему смертный приговор, который по приказу императора Вэнь-ди был заменен ссылкой. Но не успел Се Лин-юнь обосноваться на новом месте, как в столицу пошли доносы, обвинявшие его в заговорщицкой деятельности. Вэнь-ди лично приговорил поэта к публичной казни на рыночной площади.

Поэтическое наследие Се Лин-юня состоит из 14 од, 19 *юэфу* и 67 *ши*, большую часть которых составляют пейзажно-лирические произведения. Примечательно, что все они были созданы в периоды ссылок и отставок, определяя исходную ситуативность «*поэзии гор и вод*», которая создавалась в строго конкретные жизненные моменты литераторов: когда они находились в предельно дискомфортном для себя как «*благородных мужей*» положении. Кроме того, каким бы поэтическим даром ни обладал Се Лин-юнь, появление пейзажной лирики было подготовлено всем ходом развития китайской поэзии, ставшей подлинно общекультурным феноменом, в котором нашли воплощение все аспекты восприятия китайцев дикой природы: от

¹ Увлечение буддизмом является еще одной характерной приметой исторического облика Се Лин-юня. Известно, что он неоднократно посещал знаменитую Лушаньскую обитель, бывшую главным центром буддийской духовности для IV в., и общался с ее наставником, выдающимся буддийским деятелем и мыслителем Хуэй-юанем (334—416).

религиозно-мифологического до эстетического. В основании поэтического мира пейзажной лирики лежит *чуская модель* Сакрального центра, на которую наслоились даосско-религиозное (поиски источника бессмертия), даосско-философское (обретение «естественности»), *натурфилософское* (элементы и реалии окружающей действительности как воплощение вечности мирового бытия) и эстетическое понимание природы. Этим объясняется, во-первых, *стереотипность* элементов, из которых строится литературная картина природы: *гора—вода—дерево*, правда в различных их вариантах. И во-вторых, *смысловая полифоничность* как данных элементов, так и всех остальных образов. Например, *горы* ассоциируются с волшебными горами Куньлунь или островами блаженных Пэнлай, служат местом обитания бессмертных и духовного самосовершенствования даосского адепта, олицетворяют вечность природы и воплощают Мужское космическое начало. *Вода—река* (поток) создает реликтовый образ мифических рек, окружавших Куньлунь, воплощает космический Поток-Дао и Женское начало. *Дерево* в любых его проявлениях (одинокое дерево, роща, лес, кустарник) восходит к образу Древа бессмертия и олицетворяет либо вечность природы (вечнозеленые деревья), либо неизменность ее круговорота (оппадающая и вновь появляющаяся листва). Столь же стереотипны и символичны пространственно-временные координаты поэтического мира пейзажной лирики (преобладание весны—осени и рассвета—заката) и образ ее лирического героя (человек преклонного возраста, прошедший через жизненные испытания, с жадной душевной покоей на лоне природы). Смысловая полифоничность образов «*поэзии гор и вод*» придает ее содержанию особую силу философского звучания, что и превратило ее в наиболее популярное направление китайской поэзии. Типологические характеристики пейзажной лирики действительно впервые отчетливо проявились в творчестве Се Лин-юня.

На русском языке имеются в общей сложности поэтические переводы только 16 стихотворений Се Лин-юня, выполненные в основном Л. Е. Бежиным (Бадылкиным), в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 227—230; Китайская пейзажная лирика. Стихи, поэмы, романсы, арии / Ред. В. И. Семанова; Сост. В. И. Семанов и Л. Е. Бежин; Вступ. ст. и коммент. И. С. Лисевича. М., 1984. С. 29—42; см. также: Антология китайской поэзии... С. 342.

*В девятый день девятого месяца в свите
сунского государя пирую на Башне резвящихся скакунов.
Провожжаем Кун Цзина*

Приграничный район
по-осеннему дик и суров,
Собираются в путь
журавли накануне снегов.
Холода наступают —
в полях замерзает трава,
На застывших озерах
блестит подо льдом синева...
В этот радостный час
государю я предан душой,
Расписные знамена
осенней окутаны мглой.
Голосами свирелей
наполнился красный дворец.
Орхидеевый кубок
берет просвещенный мудрец.
Благородством и славой
обилен сегодняшний пир,
И такого веселья
веки не видывал мир.
В Поднебесной отныне
царят тишина и покой,
Всякий с радостью вторит
звучанью Свирели земной.
Вы вернетесь туда,
где морской распахнулся простор,
Сняв чиновничью шапку,
забудете службу и двор.
Ваши весла опустятся
в воду прозрачных лагун,
Только солнце погаснет
и смолкнет звучание струн.
Вас кипящие волны
поднимут на гребни свои,
И лихая упряжка
уже не свернет с колен.
О покое прибрежном
и во мне пробудились мечты,

И стыжусь я того,
что я пленник мирской суеты.
Вас холмы и сады
красотою своею влекут,
Только я не сумею
от тяжких избавиться пут.

Вечером выхожу из зала Сииэ

Вдоль ограды пройдя,
я из западных вышел ворот
И на запад смотрю,
на уступы скалистых высот.
Как вздымаются круто хребты —
над грядою гряда,
Утонула во мгле
бирюзовая даль без следа!
Утром иней белеет
на красной кленовой листве,
Вечерами туман
прячет гребни вершин в синеве.
Вот и осень прошла,
мне до боли ушедшего жаль.
Стало грустно душе —
глубока в ней о прошлом печаль.
О супруге своем
даже птица тоскует в силках,
Стая, сбившись с пути,
о покинутых помнит лесах.
Как умеют они
об утратах скорбеть и любить!
Что ж тогда обо мне,
потерявшем друзей, говорить!
Стоит зеркало взять —
сединою виски заблестят,
Исхудавшему телу
и пояс велик, и халат.
Я не верю зовущим меня
примириться с судьбой —
Только лютня в глухом одиночестве
дарит покой...

Поднимаюсь на Одинокий Утес посреди реки

Я на берегу южном
 устал от бушующих вод,
 Снова северный берег
 меня красотой зовет.
 Все здесь кажется новым,
 речные потоки кружат,
 Жаль, вечернее солнце
 так быстро пошло на закат.
 Гладь вскипела речная,
 волна накатила на плес —
 Предо мною в сиянье
 возник Одинокий Утес.
 Облака заиграли
 в сиянье лучей заревых,
 Успокоились волны,
 и ветер над заводью стих.
 В мире тайное тайных
 сокрыто от взора людей.
 Сокровенная мудрость...
 кому мне поведать о ней!
 Мне пригрезилась та,
 что на гребне Куньлуня живет,
 Я в мечтах отрешился
 от суетных дел и забот.
 Постигаю душой
 долгожителя Аня завет,
 Чтоб дойти до предела
 судьбою отпущенных лет.

*Возвращаюсь из Сокровенной обители в местечке
Каменные Стены. Пишу посередине озера*

Чем ближе к рассвету,
 тем небо ясней становилось,
 И вот засияли
 и горный ручей, и отроги.
 И это сиянье
 такую вселяло отраду,
 Что путник счастливый

забыл об обратной дороге.
 Покинув долину
 еще предрассветной порою,
 Я к лодке спустился —
 и сумерки пали на кручи.
 Леса над обрывом
 окутаны мглой тумана,
 В неясном дыму
 набежали вечерние тучи...
 Головки кувшинок
 над тихой водою застыли,
 Густых тростников
 предо мною возникла преграда.
 И вот в камышах
 я ступаю тропинкою южной,
 Чтоб отдых найти
 за калиткой восточного сада.
 Спокойно на сердце,
 заботы меня не тревожат,
 В согласии с истиной мудрой
 пребуду и впредь я.
 Я эти стихи
 посвящаю отшельникам здешним:
 Быть может, они принесут
 мудрецам долголетье.

Иду по лощине, где рубят бамбук, пересекая горы и ручей

Обезьяны кричат.
 Час рассвета уже недалек,
 Но в безмолвных долинах
 еще не рассеялся мрак.
 У подошвы горы
 собирается легкий дымок,
 А цветы полевые в росе
 не заблещут никак.
 Над обрывам кружит
 и змеится тропинка моя,
 Возносясь по отвесным уступам
 на горный отрог.
 Вброд иду по ручью,

поднимая одежды края,
 Поднимаюсь все выше
 по шатким настилам дорог.
 Острова на реке...
 то накатит волна, то уйдет,
 Я отдамся потоку,
 беспечно играя веслом.
 По глубоким затонам
 озерная ряска растет,
 Мелководье речное
 покрыто густым камышом.
 Подставляю пригоршни
 под струи летящей воды
 И к лицу нагибаю
 весеннюю ветку с листвой.
 Возле каменных стен
 вижу горного старца следы:
 Весь в плюще и лианах,
 он словно стоит предо мной...
 Орхидею срывая,
 припомню далеких друзей,
 Конопляные стебли
 в безмолвной тоске обниму —
 Вся природа открыта
 душе восхищенной моей!
 Как чудесно вокруг,
 но зачем это мне одному!
 Я на горы смотрю,
 забывая о мире людском,
 И в прозренье глубоком
 не помню уже ни о чем.

Входим в озеро Пэнли

День и ночь на воде...
 Я от долгих скитаний устал.
 Красота набегающих волн
 неподвластна словам.
 Острова на воде...
 Мы несемся, петляя меж скал,
 Крутизна берегов

преградила дорогу волнам.
 Голоса обезьян
 так печально звучат под луной!
 Выпадает роса
 на душистых цветах полевых.
 Хорошо зеленеют поля
 этой поздней весной,
 Собираются белые тучи
 на скалах крутых.
 Дни и ночи мои
 бесконечных раздумий полны,
 От зари до зари
 на душе десять тысяч скорбей.
 На Зеркальном Утесе
 смотрю, как блещут валуны.
 У Сосновых ворот
 раздвигаю сплетенье ветвей.
 Не узнает никто,
 что здесь было, в долине Трех рек,
 Ни о чем в Девяти родниках
 не расскажет вода.
 В этом мире от нас
 все чудесное скрыто навек,
 И отшельник-даос
 свою тайну унес навсегда.
 Огоньки чудодейственных трав —
 их нигде не найти,
 И волшебную яшму свою
 затаила река.
 Для чего я внимаю
 напеву о дальнем пути?
 Только лютня замолкнет,
 и сразу приходит тоска...

8) БАО ЧЖАО (405?–466)

Бао Чжао, второе имя Мин-юань, уроженец юго-восточного региона Китая (область Дунхай, провинция Цзянсу), — поэт, творчество которого получило подлинное признание толь-

ко в последующие исторические эпохи, когда он стал не только неизменно включаться в список ведущих литераторов эпохи Шести династий, но нередко даже ставиться в этом списке выше, чем Се Лин-юнь.

Сведения о жизненном пути Бао Чжао весьма фрагментарны. Предполагаемые даты его рождения колеблются между 405—412 гг. Сохранились лишь сведения, что он, несмотря на все свои старания, не смог подняться по служебной лестнице выше поста офицера-порученца в штабе одного из принцев крови и погиб в бою в одной из междоусобных смут.

Поэтическое наследие Бао Чжао состоит из 9 од, 44 *юэфу* и 88 *ши*, причем в особую заслугу ему ставится возвращение к поэтике и эстетике народной песни. Действительно, его лирика отличается необычной для «лючаоского барокко» простотой слога и задушевностью, что ни в коей мере не сказывается на степени ее выразительности и мощи внутреннего напряжения. При общем тематическом разнообразии произведений Бао Чжао (стихи на даосско-религиозные темы, стихотворения-аллегии и пейзажные стихотворения), и старыми китайскими критиками, и современными исследователями предпочтение единодушно отдается его гражданской лирике, во многом продолжающей линию творчества Цао Чжи, Ван Цаня и Тао Юань-мина. Ее главными темами являются переживания поэтом собственных жизненных коллизий, усиленные, с одной стороны, мыслями о неумолимом беге времени, а с другой — о современном «порочном обществе». Подобное восприятие бытия лучше всего сформулировано в строках-рефренах — «Сгинуло все и превратилось в прах» — самого известного одического произведения Бао Чжао — «Ода о городе, заросшем сорняком»¹. Настроение одиночества и безысходности пронизывают и многие другие стихотворения Бао Чжао, в первую очередь любовную лирику и стихи о дружбе, представляющие важнейшие тематические группы его творчества.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 20 стихотворений Бао Чжао, выполненные в основном Л. Е. Бежиным (Бадылкиным), в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 232—233; Китайская пейзажная лирика... С. 43—51; а также А. Адалис, Ю. Попковым, в: Антология китайской поэ-

¹ Перевод этой оды, выполненный Ю. Попковым, см. в: Антология китайской поэзии... С. 347—354.

зии... С. 355—358; и С. А. Торопцевым, в: Вопросы китайской филологии... С. 43.

Из цикла «Подражаю дорожным тяготам»

(V) Господин мой, видел берег
в зелени речной?
Травы, что мертвы зимою,
расцветут весной.
Господин мой, солнце видел
с городской стены?
Небеса, едва погаснув,
будут вновь озарены.
Но совсем иная доля
суждена на свете мне —
И меня Источник Желтый
скоро спрячет в глубине.
Путь людской — мгновенья счастья
и страданий череда,
Благодатными бывают
только ранние года.
Я хочу, чтоб было больше
встреч нам суждено,
Чтоб водились под подушкой
деньги на вино.
Для чего мне после смерти
слава и успех?
Жизнью, бедностью, богатством
Небо ведает за всех.

(XVI) Господин мой, видел иней
на морозном льду?
Как там холодно и мрачно,
подо льдом в пруду!
Пусть под утро потеплеет
солнечной порой,
Только долго ли продлится
утренний покой?
Наша жизнь на этом свете
пронесется вмиг,
Кто из нас причины смерти

глубоко постиг?
 Год ушел, наступит новый —
 ход времен неумолим,
 Не нужны уже заколки
 волосам седым...

Из цикла «Подражание древнему»

(VII) Еще не желтеет
 речная трава у излук,
 А дикие гуси
 уже потянулись на юг.
 Звенит и стрекочет
 осенний сверчок у дверей,
 Склоняются женщины
 ночью над пряжей своей.
 От воинов — тех,
 что недавно вернулись домой,
 Услышала я о тебе,
 мой супруг дорогой.
 Как раз далеко на границе
 сражение шло,
 И я на восток посмотрела,
 вздохнув тяжело.
 Мой пояс становится мне
 непривычно велик,
 Гляжу, что ни утро, —
 тускнеет мой яшмовый лик.
 Воистину участь моя
 тяжела и горька, —
 Чем ночи длинней,
 тем сильнее на сердце тоска.
 В шкатулке без дела
 пылятся мои зеркала,
 Нефритовый цинь
 паутина давно оплела...

Дарю на прощание господину Фу

Легкокрылая лебедь
 парит над озерной водой,

Одинокому гусю
 пристанищем станет река.
 Суждено расставание
 любящим душам друзей,
 И на сердце у каждого
 только печаль и тоска.
 На восток и на запад
 разлетятся в ненастье они,
 И на землю опустятся
 в дальней чужой стороне,
 Чтобы там вспоминать
 о покинутых гнездах своих,
 Слышать голос друг друга
 и видеть друг друга во сне.
 Надвигается солнце
 на волны холодной реки,
 Сиротливые тучи
 по мутному небу скользят.
 Ослабевшие крылья
 расправят и лебедь и гусь,
 Промаячат в тумане
 и вновь возвратятся назад.

Опадают цветы сливы мэй

Мой двор окружили
 деревья высокой стеной,
 Но тяжело вздыхаю
 я лишь перед сливой одной.
 Ты спросишь меня,
 в чем причина печали моей:
 Под снегом цветы ее
 кажутся яшмы нежней,
 Плодам ее спелым
 роса не бывает страшна,
 Колышутся ветви ее,
 когда наступает весна.
 Но эти же ветви
 покинут в морозные дни:
 Цветы их прекрасны,
 но недолговечны они...

9) «ПОЭЗИЯ В СТИЛЕ ЮНМИН»

«Поэзия в стиле Юнмин» (*Юнминти*) — последнее литературно-поэтическое течение в художественной словесности эпохи Шести династий. Оно связывается с творчеством восьми литераторов, входивших в ближайшее окружение членов правящего дома династии Южная Ци («Юнмин» — девиз правления циского императора У-ди, 483–494) и бывших членами поэтической группы «Восемь друзей из Цзинлина», которая сложилась при дворе одного из принцев крови (второй сын У-ди — Цзинлинский князь Цзя-лян). Но наиболее примечательными фигурами для этого течения признаются четыре поэта: Шэнь Юэ, Се Тяо, Ван Жун и Сяо Янь. Хотя «Поэзия в стиле Юнмин» далеко не исчерпывает собой поэтического творчества того времени (всего для заключительной трети V — перв. пол. VI в. называются имена более двадцати литераторов), она является наиболее представительным во всех отношениях литературным феноменом, в котором нашли отражение все важнейшие культурно-идеологические и собственно литературные процессы в продолжение эпохи Шести династий.

ШЭНЬ ЮЭ (441–513)

Шэнь Юэ, второе имя Сю-вэнь, уроженец юго-восточного региона Китая (область Усин, провинция Чжэцзян), — духовный лидер и идеолог «Поэзии в стиле Юнмин» и один из ведущих деятелей всей культурной жизни заключительного столетия эпохи Шести династий.

Шэнь Юэ происходил из южного чиновничьего семейства, выдвинувшегося на государственную политическую арену в начале V в. Но из-за казни отца, обвиненного в измене трону, Шэнь Юэ провел детство и юность в бедности и лишениях, только в возрасте 30 лет сумев поступить на службу. Тем не менее уже в скором времени он стал свитским принцев крови нового правящего дома (Южной Ци) и вырос до высокопоставленного столичного чиновника. Умный и осторожный царедворец, он сумел благополучно пережить несколько дворцовых и государственных переворотов и избежать явной опалы или изгнания (хотя и оказывался несколько раз на периферии в ранге губернатора областей, но такие его назначения всегда совпадали по времени с обострением придворных распри). Кроме ипостаси политического деятеля, Шэнь Юэ необыкновенно ярко проявил себя в самых различных сферах гуманитарных знаний и художественного творчества, являя

собой пример ученого-энциклопедиста, обладающего к тому же поразительной работоспособностью. Ему принадлежат несколько историографических сочинений, в том числе две официальные династийные истории (одна из них была впоследствии утрачена), более десяти трактатов буддийского содержания, посвященных теоретическим проблемам, вопросам монашеского уложения и особенностям вероисповедания и поведенческих принципов мирских последователей буддизма (*упасака*), серия прозаических сборников. И наконец, он авторитетнейший теоретик литературы и основоположник теории стихосложения.

Поэтическое наследие Шэнь Юэ состоит из 11 од, 48 *юэфу*, 127 *ши* и 39 *храмовых песнопений*. По свидетельству современников, его лирика пользовалась огромной популярностью среди самых разных слоев населения: его стихи были переложены на музыку и распевались даже в отдаленных селениях. Однако вскоре после смерти он был сочтен местными критиками поэтом «второго эшелона», а в последующие исторические эпохи за ним утвердилась репутация литератора, стремившегося лишь к формальным стихотворным изыскам и увлекавшегося воспеваемыми придворной жизни.

Хотя по уровню поэтического дара Шэнь Юэ бесспорно уступает ведущим поэтам эпохи Шести династий, его творчество представляет особый интерес при знакомстве с историей поэзии Китая, так как в нем воспроизводится практически вся панорама тем и мотивов, а также стилистических вариантов, утвердившихся к тому времени в национальной художественной словесности. Этот поэт с удивительной легкостью переходит от внешне безыскусных и бесхитростных подражаний народным песням к сложнейшим по содержанию и композиции произведениям на философские темы. А рядом с образцами «лючаоского барокко», в которых под кружевом словесных узоров скрывается вязь смысловых нюансов и подтекстов, соседствуют предельно ясные — «прозрачно-кристальные» — стихи, мало чем отличающиеся от танской лирики.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 40 стихотворений Шэнь Юэ, выполненные А. Адалис, в: *Антология китайской поэзии...* С. 359; Л. Е. Бежиным (Бадылкиным), в: *Китайская пейзажная лирика...* С. 52–58; М. Кравцовой, в: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая...* С. 422–424, 440–443, 450–458; В. Роговым, в: *Классическая поэзия Индии, Китая...* С. 233–234.

На тему «Зелена-зелена трава на берегу реки»

Тягучая пыль оседает на ложе пустом,
Сжимается сердце в тоске о любимом, родном.
Родной мой, любимый, не вынести эту тоску,
Я долгие ночи, вздыхая, без сна провожу.

Без сна провожу, вспоминая лицо дорогое,
 Пускай говорят, что недавно расстались с тобою.
 Недавно расстались, но тянутся дни, как года...
 С холодного ложа я шлю тебе кубок вина.

Песня о бесконечном

Вдоль полей распаханых зеленеют ивы,
 На ступенях зимних намело сугробы.
 Полнились цветением наши дни былые,
 Выюгой да метелями завершатся годы.
 Завершатся годы... Жизнь идет к закату...
 Как легко об этом забывать порою.
 Но пора настала — нелегко забыться,
 Слава за ущербным месяцем в погоне.
 Месяц на ущербе снова округлится,
 А мирская слава без следа проходит.
 Сила убывает, словно тает иней,
 Внешность увядает, будто вянет лотос.
 Путь ли, бездорожье — а конец единый,
 И мудрец, и глупый к одному приходят.
 Как же мне об этом равнодушно думать,
 Если знать, что Небо не внимает просьбам?!
 Пусть дела отметят, подвиги запишут,
 Время эти записи растерзает в клочья.
 Вне пределов жизни ничего не будет...
 Нет конца печали, бесконечно горе!

По высочайшему повелению написал о пире у петляющей реки, устроенном в палатах Линьгуандянь в честь Празднества Третьего дня третьего месяца

Нефритовый звон колокольцев разнесся над древней святыней,
 У русла священного — Фэньшуй — богам преподносим дары.
 И блики грядущей удачи скользят по расшитым знаменам,
 И ветер, несущий нам славу, колышет цветные зонты.
 В прозрачно-спокойном эфире восходит, красуясь, светило,
 Штандарт, облака раздвигая, коснулся Полярной звезды.
 Шатер Сына Неба воздвигли, где плещутся вешние воды,
 И тут же его окружили своим благовоньем цветы.
 Мгновенье пройдет, и заблещут над ними крылатые чары,

Ступень за ступенью омоют потоки кристальной воды.
 О, как велики и прекрасны дела, что вершат в государстве,
 Надежны и праведны руки, что держат правленья бразды!
 Искусный и мудрый возница — летит обгоняя он ветер,
 И в башне бессмертных накрыли для вечного пира столы!

Путешествую по горам Цзиньхуашань

Наконец-то могу опираясь на посох брести
 И, заветные помыслы в этих горах исполняя,
 Я, мирское отринув, обитель бессмертных ищу,
 По земному пути приближаюсь к чудесному краю.
 Мне еще не подвластно искусство бессмертного Цинь,
 Но, бессмертному Лину прилежно во всем подражая,
 Я, ничтожный глупец, колесницу золотую узрел,
 Сокровенную тайну волшебных писем постигаю.
 Над землей воспарив, приближаюсь к Небесным вратам,
 Где красавицы девы с улыбкой меня окружают.

Воспеваю юную невесту

Девушка есть в Шаньине почтенного знатного рода,
 И как-то не верится даже, что выросла здесь, в глуши.
 Умной, приветливой речью умело поддержит беседу,
 Манеры ее безупречны, и дивно черты хороши.
 Прелестные руки изящны, а стан ее тонок и гибок,
 Камнями и жемчугами наряд повседневный расшит.
 Ее по утрам согревает подбитая пухом накидка,
 И веер искусной работы в полуденный зной освежит.
 На маленьких туфельках вышит орнамент из парных сердечек,
 Вкруг талии пояс обвился, покрытый сплетенной листвой.
 На шелковом платье искрится из яркой парчи безрукавка,
 И в прядях высокой прически сверкает цветок золотой.
 А я становлюсь все печальней, на сердце такая кручина,
 И рад бы казаться бесстрастным, но как совладаю с собой?!
 Ведь думать отныне способен я лишь о бровях ее черных
 И лишь о губах ее алых твержу, без вина я хмельной.
 Кто хладным способен остаться при виде красы этой вешней,
 Перед которой и золото, и серебро — ничто!
 Зеркало лучших сплавов между зеркал обычных,
 Между простых жемчужин — жемчуг пучины Хэ!
 Тщетно во мне разгорелось пламя былых желаний,

Напрасно я ей открыться в чувстве своем готов...
 О совершенство ножек под пологом легких юбок!
 О белоснежность кожи под кисеею шелков!
 Право, смешно подумать о древней красавице Чжао,
 Право, сравнить нелепо с девой из рода Цинь.
 Я же седой и дряхлый, немощный я и старый,
 Пусть в экипаже езжу, важный имея чин.
 Ах, у высоких башен скорей бы гостям собраться,
 Свадебных песен мотивам да разнестись округ.
 Что же предстать героем в этих краях стыдятся?
 Что ж не раздастся в чертогах гордой походки звук?
 Снова домой вернувшись, спрошу земляков и близких:
 Кто для красавицы девы, скажите, достойный супруг?

Прощаюсь с Фанем из Аньчэна

С юных лет начиная и все годы потом
 Расставаться казалось просто нам и легко.
 А теперь понимаешь, к последней черте подоядя,
 Что еще раз проститься вряд ли будет дано...
 И не надо грустить, что лишь чару мы пьем:
 Завтра дряхлые пальцы расплескают и это вино.
 Если даже во сне я дорогу к тебе не нашел,
 Как же мне не скорбеть, что расстаться и впрямь суждено.

По высочайшему повелению написал о дожде во дворе

Кто это нарисует — как он рождался в небе?
 Стихами не расскажешь, как вниз спустился к нам!
 Он не похож на дымку и не похож на тучу,
 Он словно нити шелка или речной туман.
 Дождинки невесомые вот-вот с карниза свесятся,
 Но в капли настоящие никак не слиться им.
 Он не имеет ценности камней или золота,
 Но взор Ваш и внимание привлек, мой господин!

Скорблю об умершей жене

В минувшую осень луна полнолунием сияла,
 Вновь осень пришла, и луной озарен небосвод.
 В весенние дни так пышны ароматные травы,
 Наступит весна, и опять все вокруг расцветет.

Как больно и горько, что наши пути разделились!
 Смерть — только мгновение, а жизнь навсегда прекратит...
 Отставлены ширмы, и полог куда-то убрали,
 Но там, где и прежде, ковер из циновок лежит.
 Тягучая пыль покрывает пустое сиденье,
 Остывшее ложе, и занавесь скорбно висит.
 Всему, что есть в мире, когда-то придется исчезнуть,
 Зачем человек по усопшим так тяжко скорбит?!

СЕ ТЯО (464–499)

Се Тяо, второе имя Сюань-хуэй, — еще один представитель клана чэньцзюньских Се и дальний родственник Се Лин-юня, считающийся его духовным преемником: в китайской филологии существует специальный термин — Большой и Маленький Се, обозначающий соответственно Се Лин-юня и Се Тяо.

Несмотря на столь знатное происхождение и изначальную принадлежность к придворным кругам, жизненный путь Се Тяо складывался весьма непросто. Лишенный каких-либо амбиций, человек редкой для знати того времени внутренней скромности и душевной чистоты, Се Тяо тем не менее по каким-то непонятным причинам вызывал постоянное раздражение у венценосных особ, и большая часть его служебной карьеры прошла на периферии — на руководящих постах уездного и областного уровня, назначения на которые были для него знаком августейшей немилости. Погиб Се Тяо тоже по трагической случайности: оказавшись невольным свидетелем готовящегося заговора, он был казнен по доносу его участников, испугавшихся, что их планы стали известны стороннему лицу.

Поэтическое наследие Се Тяо состоит из 9 од, 12 *юэфу* и 42 *ши*. Его лирика наиболее однообразна по темам и настроениям, чем творчество Шэнь Юэ. В гамме эмоций этого поэта преобладают разочарование и пессимизм (исключение — несколько празднично-приподнятых стихотворений-панегириков), а внутренний облик его лирического героя соткан из бесконечных колебаний и сомнений, поисков то сиюминутной духовной опоры, то смысла человеческого бытия. Се Тяо откровенно болезненно реагировал на любые несправедливости «этого несовершенного мира», будь то обида, нанесенная ему лично, разлука возлюбленных или друзей либо бренность жизни человека. Полные искреннего страдания размышления Се Тяо о негодатной участи «благородного мужа», обязанного исполнять свой общественный долг вопреки личным чаяниям и устремлениям, оказались как нельзя более созвучными настроениям танской служилой

интеллигенции. Известно, что Се Тяо был любимым поэтом великого Ли Бо, отзывавшегося о нем так: «Творения, достойные Пэнлая, — их костяк составляют поэты Цзяньани. А в самой сердцевине Маленький Се — о, вот так! — свою распространяет чистоту».

В современных исследованиях Се Тяо нередко называется ведущим поэтом конца эпохи Шести династий и самым значительным, после Се Лин-юня, лириком-пейзажистом.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 20 стихотворений Се Тяо, выполненные А. Адалис, В. Роговым, Л. Бежиным, в: Антология китайской поэзии... С. 234—235; Китайская пейзажная лирика... С. 59—66; и М. Кравцовой, в: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая*... С. 437—440, 446—447.

Странствую по горам Цзинтиншань

Эти горы теряются где-то в бескрайней дали,
В облаках растворились, уступ за уступом вздымая.
Здесь бежавший от мира найдет возжеланный приют,
Божество и бессмертный, наверное, здесь обитают.
Всей громадой своей заслоняют полуденный свет,
А внизу — словно пояс — их русло ручья обвивает.
То редуют лианы, то плетью сплошную висят,
То склоняются ветви, то сучья свои распрямляют.
Одинокий журавль скорбным кликом встречает зарю,
И всю ночь напролет крики диких зверей не смолкают.
Вижу, темные тучи заполнили весь небосвод,
И, похоже, вот-вот меня дождик вечерний застанет.
По извилистым склонам все дальше и дальше иду,
Потаенную тропку найти в их глубинах мечтаю.
И, бредя вдоль кристальной струи родника,
О дороге назад и о доме своем забываю.
Принимаю всем сердцем прекрасный и дивный сей край,
Киноварно-чудесной бы лестницы встретить ступени!
Августейшая милость — увы, быстротечна она,
И лишь эти законы ни время, ни мир не изменят.

Пью вино вместе с господином Ваном из Цзиньани

По утрам обнаженные ветви еще наливаются соком,
До заката обильные росы еще высыхают на травах.
А где-то вдаль, на юге, в самом цветущем мандарины,
Кто знает пути, по которым птички летят караваны?

Уже рассвело, но в тумане едва различимы строения,
Солнце заходит, и стены окрашены светом кровавым.
С грустью смотрю, как тропинка, теряясь из глаз, уходит,
Сотни и сотни сомнений душу сжимают кошмаром.
Осень настала, но травы, как и весной, зеленеют,
А тот, кто ушел на запад, не возвратился обратно.
И все-таки кто сумеет долго прожить в столице,
Там, где и с чистой одежды не сходят грязные пятна?!

Ночью еду по дороге, ведущей в столицу

Я в тоскливом смятенье велю собираться в дорогу,
И быстрее, быстрей — запрягают коней у ворот.
На бледнеющем небе редуют и гаснут созвездья.
Первый отблеск играет, собой предвещая восход.
От обильной росы все вокруг стало мокрым,
Обернувшись, смотрю, как заря, разгораясь, встает.
Пусть отсюда родные места далеки бесконечно,
Но безбрежен простор этих круч и стремительных вод.
В официальных реестрах не счесть моих предков деяний,
А меня лишь мечта об уходе от мира влечет.
Тот, кто нормы блюдет, — на дрожащих ногах ковыляет,
Как предел возжеланий монаршую милость он ждет.
Я распряг бы коней, только как оправдаться сумею?
Ну так в путь! По дороге постылой вперед!

На закате солнца гремся вместе с чиновником Хэ

Простерлись-раскинулись тени громоздких строений,
Призывно-щедро многоцветие шелковых тканей.
И ветер, прокрававшийся к водам Небесной пучины,
Цветов островки то раздвинет, то снова сдвигает.
Друг в друге запутавшись, тянутся тени деревьев,
Доносится издали гвалт расшумевшейся стаи.
Наполним же чары и больше терзаться не станем,
Что пряди волос, как пожухлые стебли, свисают.

ВАН ЖУН (467—494)

Ван Жун, второе имя Юань-чан, — представитель еще одного могущественного аристократического клана ланьеских Ванов. Фаво-

рит южноцисского императора У-ди и принцев крови, человек предельно честолюбивый и амбициозный (что постоянно подчеркивается его биографами), Ван Жун, несмотря на молодость, всеми силами рвался к ключевым государственным постам. Но судьбе было угодно распорядиться по-иному: принц — покровитель Ван Жуна сам оказался в опале, и пришедший к власти новый монарх, обвинив его любимца во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, вынес ему смертный приговор.

Поэтическое наследие Ван Жуна состоит из 2 од, 42 *юэфу* и 50 *ши*. Его лирика не только отмечена печатью истинного мастерства, но и демонстрирует оригинальную творческую манеру, несколько напоминающую поэзию Цао Цао: свобода самовыражения, смелые порывы вдохновения — все это претворяется в красочные образы и эффектно-искрометные строки. Однако общая пафосность произведений Ван Жуна, отсутствие в них даже намек на внутренние терзания лирического героя и его «скорбные думы» противоречили утвердившимся к тому времени оценочным эстетическим критериям. И, ярко сверкнув на небосклоне изящной словесности, Ван Жун столь же стремительно ушел в литературное небытие: уже критики начала VI в. говорили о нем как о поэте «третьего эшелона», а в последующих литературоведческих сочинениях его имя лишь называется в списке представителей «Поэзии в стиле Юнмин». Тем не менее творчество Ван Жуна является не только органической принадлежностью поэтического наследия эпохи Шести династий, но и привносит новый, своеобразный штрих в общую картину истории развития китайской лирики. Особого внимания заслуживают его произведения на даосско-религиозные и буддийские темы, причисленные к лучшим образцам данных тематических групп.

Песня о просветленном князе

Светлый князь, вы подобны небесным светилам,
Тайну звуков постигли, в гармонию мир привели!
И прекрасно веселье под звуки торжественных гимнов,
И божественна праздность под мелодию древней «Сяньчи»!
Золотые свирели поют в драгоценных покоех,
Серебрится парча, и лучится прозрачный нефрит.
Предвкушая полет, бьют копытом пурпурные кони,
И священный журавль по палатам танцует-кружит.
На бессмертных травинках не высохнут белые росы,
Над волшебным источником тают остатки зари.

У подножия трона курится дымок благовоний,
О, как счастлив народ под эгидой династии Ци!

Из цикла «Путешествие к бессмертным»

- (III) Я мчаться повелел к просторам Нефритового озера...
О дева-чаровница, позволь в твоих чертогах отдохнуть!
Как грациозны и легки извивы твоих нарядов,
И печально-нежен бамбуковых свирелей чистый звук.
Кружит осенний ветер, задевая жемчужный полог,
Хладная луна взирает через створ резных ворот.
На крыльях трепетных парит вещунья-птица,
И Запада Царица нефритовую чару подает.
Пред ней склонюсь, сказав слова прощанья,
Века пройдут, и нового свиданья наступит
обязательно черед!

Из цикла «Песни о Дхарме»

Песнь о двух деревьях

По ночам они оба купаются в струях луны,
На рассвете их ветви опутает иней сеть.
Неподвижно парой стоят у верховья реки,
Между сучьев своих пропуская рожденья и смерть.
Им естественной жизни понятен и введом закон,
Порождают побеги сухие и полные сил.
Изначальную сущность храня в веренице времен,
Равнодушно взирают на бренный и суетный мир.

СЯО ЯНЬ (464–549)

Сяо Янь, второе имя Шу-да, — родственник правящего дома (клана Сяо) династии Южная Ци и основатель нового южнокитайского государства — Лян (посмертный официальный титул — лянский У-ди, годы правления — 502–549).

Поэтическое наследие Сяо Яня состоит из 4 од, 54 *юэфу* и 37 *ши*. Хотя лирика Сяо Яня достаточно разнообразна по содержанию и основное место в ней занимают произведения на даосско-религиозные, буддийские и социально-политические (размышления поэта-государя о судьбах страны, собственном предназначении и т. д.) темы, лучшими и наиболее значительными его творениями считаются

юэфу, написанные в подражание народным песням IV—V вв. (подробнее см. далее). Именно с ними связывается утверждение особой разновидности любовной лирики, называемой «поэзия дворцового стиля» (*гунтиши*), суть которой сводится к апологизации любовной эмоции и женской красоты.

Из цикла «Песни Полночи»

Песни весны

- (I) Воздух пьяняще-пряный полною грудью вдыхаю,
И многоцветьем пылает, взор ослепляя, мой сад.
Вслед за весенним бутоном сердце весной расцветает,
Время любви наступает, той, что не знает преград.
- (III) Скользят по белесым волнам пурпурные блики солнца,
На белом снегу, как искра, желтеет первый бутон.
Цветущую ветку сливы любимому в дар посылаю,
Чтоб в эту вешнюю пору ко мне возвратился он.

Песни лета

- (III) На нефритовом блюде красуются спелые сливы,
Ароматным напитком узорная чара полна.
Мой любимый, родной, я для вас эту сладость хранила!
Неужели вам горек вкус налитого мною вина?
- (IV) В день, когда персик, грустя, начал терять лепестки,
В день, когда дикая утка пару себе обрела,
Дома остался супруг, — видно, устал его конь,
Кормить шелковичных червей вечером скрылась жена...

Песни осени

- (II) Семью цветами отливают из злата чистого колонны,
И девять каменных бутонов на балках белого нефрита.
Польется песня — застывают в небесных далях облака,
И все вокруг благоухает, лишь только заиграет цитра.
- (III) Верь, что прильнешь когда-то к желанной своей опоре,
Что говорят, не слушай — слухи пусты и злы!
Вот вы вдвоем сидите: ты и твое отраженье,
Пусть оно чуть тусклее — чувства у вас одни!

10) ЮЙ СИНЬ (513–581)

Юй Синь, второе имя Цзы-шань, уроженец центрального региона Китая (область Наньян, провинция Хэнань) — последний литератор эпохи Шести династий, имя которого неизменно фигурирует в списке ведущих поэтических фигур дотанского времени.

• Происходивший из высокопоставленного чиновничьего семейства, Юй Синь еще в 15-летнем возрасте стал свитским наследного принца (старшего сына Сяо Яня). В 40-х гг. VI в., находясь в генеральском звании, неоднократно возглавлял дипломатические миссии, с успехом отстаивая интересы Лян перед его северными соседями. Агония и гибель этого южно-китайского государства (548–555) вынудили Юй Синя бежать на север, где он нашел приют при дворе царства Северное Чжоу (557–581). Тогда же он потерял почти всех друзей и родных: кто погиб, кто был угнан в плен во время завоевания Лян.

Поэтическое наследие Юй Синя состоит из 14 од, 21 *юэфу* и 200 *ши*, причем известно, что до нас дошла лишь часть им созданного. Лирика Юй Синя вновь отчетливо распадается на три основные хронологические серии. Его юношеская поэзия пронизана жизнерадостностью и безмятежностью, полнотой отражая его положение баловня судьбы — юного царедворца, наслаждающегося изысканной роскошью и собственным благополучием и уверенного в своем дальнейшем преуспевании. К тому же она носит отчетливый подражательный характер, во многих случаях варьируя или копируя произведения поэтов плеяды Юнмин. Начиная с 40-х гг. VI в. творческий почерк и тональность произведений Юй Синя резко изменяются. Его стих приобретает жесткость, утонченно-изысканная образность уступает место описаниям картин действительности. Все большую силу приобретают гражданские мотивы — раздумья по поводу истинного положения правящего дома и страны, предчувствия грозящей им катастрофы. И наконец, поэзия северочжоуского периода пронизана чувствами отчаяния, скорби по погибшим друзьям и родным, одиночества и тоски по родине.

На русском языке имеются поэтические переводы всего нескольких стихотворений Юй Синя, выполненные Ю. Попко-

вым, в: Антология китайской поэзии... С. 370—374; В. Роговым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 236—237; и Л. З. Эйдлиным, в: Китайская классическая поэзия... С. 306.

*Из цикла «Подражание стансам на тему
„Воспоминания“»*

(VII) С заставы нет вестей,
Не шлет послов столица, —

Живу один
Среди чужих племен.

То слышу дудок плач,
И мне от слез не спится,

То сердце разрывает
Флейты стон.

В разлуке с мужем
Женщина дурнеет:

Сгоняют слезы
Красоту с лица.

В тоске по родине
Решуь сравниться с нею:

Моей печали горькой
Нет конца.

Как океан засыпать
Нет надежды,

Так нет надежды
Погасить печаль.

Я Хуанхэ не вижу,
Как и прежде,

Лишь горы синие
Уходят вдаль.

(XVII) Вечереет.
Стою на высокой стене.

Солнца луч
Пропадает вдали.

Из страны Лоулань,
Из пределов Сулэ,

Вижу —
Всадники мчатся в пыли.

На одеждах, на лицах
Остатки песка...

Сколько было боев
И потерь!

То вернулись
Из дальних походов войска.

Значит, север
Спокоен теперь.

Облака нам предскажут,
Близка ли война, —

Неподвижны,
Тихи поутру.

Может вспыхнуть
В любую минуту она,

Как сухая трава
На ветру.

С юга весть принесли:
У морских берегов

Разгорелся
Неслыханный бой.

Видно, в этом году
Не уйти от врагов,

Не вернуться
С чужбины домой.

(XXVI) Стоят безмолвно
Вышки и заставы,

Лазутчики врага
Невдалеке.

И тень войны,
Жестокой и кровавой,

Достигла вод
Великой Хуанхэ.

Когда-то бил Су У
Холодный ветер,

Теперь он к нам
Печаль пригнал с утра.

Так смелость ли
Заменит все на свете, —

Как пел Сян Юй
У своего шатра?

11) ПЕСНИ-ЮЭФУ ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ДИНАСТИЙ

Кроме авторской лирической поэзии литературное наследие эпохи Шести династий включает в себя многочисленные образцы песенного фольклора, записанного в южных (территории собственно китайских государств) и центральных регионах Китая. Всего до нас дошло более 200 южных и свыше 50 се-

верных *юэфу*. Южные *юэфу* подразделяются на несколько групп и циклов, исходя из места их бытования и характера музыкального сопровождения. В большинстве своем они представляют любовно-лирические по содержанию пятисловные четверостишия. Хотя эти песни были записаны в IV–VI вв., они, как считают многие исследователи, имеют более древнее происхождение и восходят к обрядово-игровой поэзии. Северные *юэфу* существенно отличаются от южных по пространности повествования и содержанию: среди них преобладают песни, посвященные военным походам и повседневной жизни населения страны. Самым известным из них произведением является *юэфу*-баллада «Песнь о Му-лань», рассказывающая о девушке-воине (своего рода китайская Жанна д'Арк).

На русском языке имеются переводы большей части южных и северных *юэфу*, выполненные в основном Б. Б. Вахтиным, в: Юэфу... С. 83–383; а также А. Адалис и Ю. Попковым, в: Антология китайской поэзии... С. 344–346, 362–365.

ЮЖНЫЕ ЮЭФУ

ПЕСНИ МЕСТНОСТИ У

Песни на мотив «Полночь»

Цветам я обязана
Запахом этим душистым.
Прекрасной и нежной
Себя не посмею считать.
Отвечу: коль небо
Желаний моих не нарушит,
Лишь только тогда я
Встречаться с любимым смогу.

* * *

С вчерашнего вечера
Мои не причесаны волосы.
И пряди густые
Упали на плечи мои.
Так гибко и нежно
К твоим я простерлась коленям.

Ответь — неужели
Любви я не стою твоей?

* * *

С той самой поры
Как с любимым расстались.
Шкатулку с убранством
Ни разу еще не раскрыла.
Прическа рассыпалась, —
Дела мне нет до прически.
Осыпалась пудра,
И ею покрылась одежда...

* * *

Путь жизни обрывист.
Пройдем неприязнь и любовь мы
И станем едины,
Как ветер и тучи едины!
Расскажут друг другу
Надгробья на наших могилах,
Что скорбные мысли
В сердцах наших общими были.

Песни на мотив «Четыре времени года»

Весна

Весенние ветры
Весенние чувства волнуют,
Блуждающий взор
По горному лесу скользит.
У горного леса
Так удивительны краски.
И птицы, проснувшись,
Поют там любовные песни.

* * *

Зеленые ветви
Растут вдоль широкой дороги,
Лиловые, красные
Мелькают цветы средь ветвей.
Играет свирель,

И я выхожу из деревни
И вместе с любимым
Бутоны весенние рву.

Лето

Зеленые листья
Покрыли прозрачные воды,
И лотосов ярких
Так алы и свежи бутоны.
Любимый увидел
И лотос мой хочет сорвать,
Я ж сердцем желаю,
Чтоб он полюбил этот лотос.

* * *

Из легкого шелка
Одежды я сшить не успела,
А ветер горяч
И не может меня охладить.
Когда же пройдет
Это жаркое, душное время,
Чтоб пудру, румяна
Смогла на себя наложить?

Осень

Открываю окно.
Месяц осенний блеснит.
Светильник гашу
И снимаю расшитое платье.
За пологом легким
Слышится сдержанный смех,
И все наполняет
Душистых цветов аромат.

* * *

Осенней ночью
Поднимется ветер прохладный
И в небе яснее
Сияют и звезды и месяц.
В девичьих покоях
Торопятся стать понарядней,

Под пологом ярким
Любимого ждут на свиданье.

Зима

По топким местам
Не могли мы друг к другу пройти,
Но вот все замерзло,
И встречи ищу я с тобой.
Ты мне не поверил,
Что выйти решила к тебе,
Пойди погляди —
Остались следы на снегу.

* * *

Жаровню топлю,
Чтоб холод ночной отогнать.
В халате двойном
Сижусь на цветных одеялах.
Напротив меня
Любимый на ложе сидит —
Играем, поем
При свете душистых свечей.

На мотив «Песни священных струн»

Милосердной деве

1

Дева — дух солнца спешит
За ветром восьми сторон света,
Средь дымчатых туч
В рассветных лучах она мчится.
Бегут перед ней
Всевозможные дикие звери,
А следом за ней —
Феникс, цилини и птицы.

2

Высоко и густо
Растут на горах кипарисы,

Зимою и летом
Зеленая хвоя на них.
Коль дева пошлет им
Свою благодатную милость —
Покроются ветви
Цветением ярким и щедрым.

ЗАПАДНЫЕ ПЕСНИ

Песни на мотив «Рву тутовые листья»

В третьей луне
Шелкопряды родятся на свет,
А туты как раз
Зеленой покрылись листвою.
Весенние листья
Рвут девушки с веток деревьев,
И в песнях звучат
Напевы пришедшей весны.

* * *

Весела и красива
Девушка, рвущая туты,
И сердце ее
Душистой весною полно.
С веселым лицом,
С весенней игривостью нежной —
Румяна, белила
Ей незачем класть на лицо.

СЕВЕРНЫЕ ЮЭФУ

Песнь о Му-лань

Стук-стук! Снова стук!
Против двери ткет Му-лань.
Что ж не слышно челнока?
Слышен только каждый звук,
Каждый вздох Му-лань!
— Что ты, девушка, грустишь?
Что в себе таишь?

— Ни о чем я не грущу, —
 Говорит Му-лань, —
 Утешенья не ищу, —
 Говорит Му-лань. —
 Только вечером вчера
 Видела листок:
 Вербовать солдат пора —
 Подошел им срок.
 Собирает наш Каган
 Воинство опять, —
 Всех двенадцать толстых книг —
 Списки на солдат!
 Воинских двенадцать книг, —
 Вот какая рать!
 В каждой книге мой отец, —
 Говорит Му-лань. —

Сына взрослого где взять?
 Если нет, как быть?
 Хорошо, коль старший брат
 Был бы у Му-лань!..
 Я седло хочу купить,
 Лошадь раздобыть...
 Я пошла бы за отца!
 Чем я не солдат?..

На восточном рынке смело
 Выбирала скакуна,
 А на западном сумела
 Подобрать чепрак она;
 Удосужилась на южном
 Все уздечки осмотреть,
 А на северном Му-лань
 Для коня купила плетъ.
 Утром с матерью, с отцом,
 Будто сын, простилась дочь...
 В камышах над Хуанхэ
 Провела, как ратник, ночь...

Голос матери зовущей и отца — уж не слышны,
 Слышно грустное журчанье Хуанхэ — речной волны...

С Хуанхэ простилась утром
 И пошла, пошла Му-лань,
 Шла весь день, а на закате поднималась на Хэйшань,
 Голос матери зовущей и отца уж не слышны, —
 Крики конных северян раздаются на Яньшань!..

Десять тысяч ли от дома
 Тот, кто жив, прошел.
 Взятые горы на границе,
 Будто на лету!
 Ветер северный качает
 Колокол-котел...
 Блеск доспехов из железа
 В ледяном свете...
 Тот, кто тягость ста сражений
 Испытать успел,
 Возвращается домой
 Через десять лет!

Возвратившись, представлялась императору Му-лань,
 Он сидел в прекрасном зале, называемом Минтан.
 На дощечках написали о Му-лань двенадцать раз,
 Император дал ей больше сотни тысяч золотых!
 Тут Каган спросил: — Что хочешь? — Не хочу министром
 быть! —

Должностей Му-лань не хочет — ни великих, ни простых...
 — Одного хочу я только — быстрого коня!
 Вы домой, домой отправьте поскорей меня!

Вот отец и мать узнали, вышли со двора,
 Опираясь друг на друга, к городской стене...
 Едет младшая! — узнала старшая сестра,
 Против самой двери место убрала с утра.
 Младший брат услышал: едет! — ножик наточил, —
 Мчится к свиньям и баранам в поварском пылу!..
 Вот вошла Му-лань в свой угол, — где с востока свет, —
 На кровать свою присела в западном углу...
 Вот сняла с себя Му-лань боевой наряд,
 Платье старое надела, платье прежних лет.
 У окошка причесалась на свой прежний лад.
 Перед зеркалом на лбу навела кружок.

Вот Му-лань из дома вышла на друзей взглянуть, —
В изумленье рты раскрыли воины-друзья:
Сколько вместе испытали, завершили путь,
И никто узнать в Му-лань девушку не мог!

Заяц хлопает в ладошки: хлоп да хлоп! Снова хлоп!
А зайчиха-то глазами все поводит: «Как тут быть?»
Оба зайца рядом по полю бегут...
Кто самец из них, кто самка — не узнаешь! Как тут быть?

IV. Поэзия эпохи Тан (618—907)

1) МЭН ХАО-ЖАНЬ (689—740)

Мэн Хао-жань, уроженец южного региона Китая (уезд Сяньян, провинция Хубэй), — первый литератор из когорты «великих танских поэтов».

Отпрыск провинциального чиновничьего семейства, Мэн Хао-жань еще юношей избрал для себя отшельническое уединение и поселился в горах Лумэньшань, находившихся на территории его родного уезда. В возрасте 40 лет он решил отправиться в столицу (г. Чанъань), где был радушно принят при дворе. Он вошел в литературное окружение императора Сюань-цзуна (712—756, см. также Предисловие), познакомившись там с еще молодым Ван Вэем (подробно см. далее) и с Ли Бо (подробно см. далее). В Чанъани Мэн Хао-жань провел около десяти лет, время от времени совершая поездки-путешествия по юго-восточным, южным и юго-западным районам страны и чередуя эти поездки с исполнением служебных (правда, не очень для него обременительных) обязанностей. В конце 30-х гг. VIII в. он был послан, точнее, сослан в соседний с его родиной уезд. Вероятной причиной послужил его конфликт с Сюань-цзуном: Мэн Хао-жань попытался заступиться за Ван Вэя, подавшего, вопреки воле монарха, прошение об отставке. Вернувшись домой, Мэн Хао-жань предпочел опять отшельнический образ жизни, но вскоре тяжело заболел и умер.

Поэтическое наследие Мэн Хао-жана состоит из 260 стихотворений, среди которых основное место занимают пятисловные и семисловные тексты малых форм (4—12 строк), преимущественно пейзажно-лирические по содержанию. Литературный облик Мэн Хао-жана отчетливо перекликается с обликом лючаоских поэтов-«отшельников», в первую очередь Тао Юань-мина: его стихи вторят таоцяневским мотивам,

воспевая винопитие, радости сельской жизни. Одновременно пейзажная лирика Мэн Хао-жэня знаменует собой качественно новую ступень в «поэзии гор и вод», которая характеризуется, с одной стороны, принципиальными изменениями поэтических трактовок пейзажа — постепенным отказом от присущих лючаоской словесности величественно-красочных панорам горного ландшафта и переходом к значительно более лаконичным и камерным пейзажным зарисовкам. А с другой — углублением философского звучания произведений, окрашенного в явственные даосские и буддийские (чань-буддийские) тона.

На русском языке имеются переводы около 30 стихотворений Мэн Хао-жэня, выполненные в основном Л. З. Эйдлиным, в: Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 32—46; Китайская классическая поэзия... С. 163—176; Классическая поэзия Индии, Китая... С. 242—247; Сухой тростник... С. 32—58.

Весеннее утро

Меня весной
не утро пробудило:

Я отовсюду
слышу крики птиц.

Ночь напролет
шумели дождь и ветер.

Цветов опавших
сколько — посмотри!

Ночью на реке Цзяньдэ

Направили лодку
на остров, укрытый туманом.

Уже вечерет, —
чужбиною гость опечален...

Просторы бескрайни —
и снизилось небо к деревьям.

А воды прозрачны —
и месяц приблизился к людям.

На прощание с Ван Вэем

В тоскливом безмолвье
чего ожидать мне осталось?
И утро за утром
теперь понапрасну проходят...

Я если отправлюсь
искать благовонные травы,
Со мной, к сожаленью,
не будет любимого друга,

И в этой дороге
кто станет мне доброй опорой?
Ценители чувства
встречаются в мире так редко...

Я только и должен
хранить тишины нерушимость, —
Замкнуть за собою
ворота родимого сада!

Пишу на стене кельи учителя И

Учитель там,
где предан созерцанию,
Поставил дом
с пустынной рощей рядом.

Вдаль от ворот —
прекрасен холм высокий.
У лестницы —
глубоко дно оврагов...

Вечерний луч
с дождем соединился.
Лазурь пустот
на тени дома пала...

Ты посмотри,
как чист и светел лотос,
И ты поймешь,
как сердце не грязнится!

В деревне у друга

Мой старый друг
на курицу с пшеном
Позвал меня
в крестьянское жилище...

Зеленый лес
деревню обступил,
Цепь синих гор
за ней уходит косо.

Сидим лицом
на ток и огород.
Пьем. Судим мы
о конопле и тутях...

Когда придет
«двойной девятки» день,
Сюда вернусь
к цветенью хризантемы!

Летом в южной беседке думаю о Сине Старшем

Вот свет над горою
внезапно упал на запад.
И в озере месяц
неспешно поплыл к востоку.

Без шапки, свободно
дышу вечерней прохладой,
Окно растворяю,
лежу, отринув заботы.

От лотосов ветер
приносит душистый запах.
Роса на бамбуках
стекает с чистым звучаньем.

Неволью захочешь
по струнам циня ударить,
Но жаль, не услышит
знаток, кому это в радость...

При чувствах подобных
о друге старинном думы,
А полночь приходит —
и он в моих сновиденьях!

Ночью возвращаюсь в Лумэнь

В горном храме колокол звонкий —
померк уходящий день.
У переправы перед затоном
за лодки горячий спор.

Люди идут песчаной дорогой
в селения за рекой.
С ними и я в лодку уселся,
чтоб ехать к себе в Лумэнь...

А в Лумэне месяц сияньем
деревья открыл во мгле.
Я незаметно дошел до места,
где жил в тишине Пан Гун.

В скалах проходы, меж сосен тропы
в веках берегут покой.
Только один лумэньский отшельник
придет и опять уйдет.

*Осенью поднимаюсь на Ланьшань.
Посылаю Чжану Пятому*

На Бэйшане
среди облаков белых
Старый отшельник
рад своему покою...

Высмотреть друга
я всхожу на вершину.
Сердце летит,
вслед за птицами исчезает.

Как-то грустно:
склонилося к закату солнце.

Но и радость:
возникли чистые дали.

Вот я вижу —
идущие в села люди
К берегу вышли,
у пристани отдыхают.

Близко от неба
деревья как мелкий кустарник.
На причале
лодка совсем как месяц.

Ты когда же
с вином ко мне прибудешь?
Нам напиться
надо в осенний праздник!

2) ВАН ВЭЙ (701?–761?)

Ван Вэй, второе имя Мо-цзе, — самая романтическая и во многих отношениях загадочная творческая фигура танской эпохи. Точные годы его жизни неизвестны: по одним сведениям, он родился в 701-м и умер в 761 г., по другим — в 699-м и 759 г. Мать Ван Вэя (предположительно уроженка северного региона Китая, провинция Шаньси, происходившая из провинциального чиновничьего семейства), по его собственным воспоминаниям, около тридцати лет (но без принятия монашеского обета) провела в буддийском монастыре. Не исключено, что отцом поэта был кто-то из духовных наставников его матери и что он родился и вырос в монастыре. Возможно также, что, будучи еще подростком, он мог лично общаться с выдающимся чаньским деятелем — Шестым патриархом школы Чань — Хуэй-нэном (638–713)¹. Тем не менее в возрасте 20 лет (в 721 г.) Ван Вэй объявился в Чанъани и, с блеском сдав столичный экзамен на чиновничью должность, получил

¹ Подобные легенды о рождении и детстве Ван Вэя дали некоторым исследователям повод называть его чуть ли не духовным преемником Хуэй-нэна и видеть в нем одного из ведущих чань-буддийских деятелей Тан.

назначение на пост музыкального распорядителя при императорском дворе. Но столь успешно начавшаяся, его служебная карьера вскоре прервалась: в наказание за промах, допущенный придворными актерами во время церемониального танца, Ван Вэй был отрешен от должности и сослан на малозначительный пост в отдаленную приморскую восточную провинцию (область Цзинчжоу, современная провинция Шаньдун), где он пробыл около десяти лет. Призванный опять в столицу, он поступил на службу в административный аппарат сановника Чжан Цзю-лина (673–740), возглавившего на тот момент столичную оппозицию, которая пыталась противодействовать новым министрам — фаворитам Сюань-цзуна, ставленникам его возлюбленной — Ян-гуйфэй. Падение Чжан Цзю-лина (734) вызвало у Ван Вэя нескрываемое разочарование в придворных нравах, режиме Сюань-цзуна и собственной официальной активности. Занимая на всем протяжении второй половины 40 — начала 50-х гг. VIII в. достаточно ответственные посты в столичных и близких к столице провинциальных ведомствах, он старался чередовать пребывание на службе с периодами уединения, уезжая в свои загородные имения, первое из которых находилось в 30 км к югу от Чанъани, а второе — на р. Ванчуань, вблизи от знаменитых Южных гор. В момент событий 755 г. Ван Вэй либо не смог, либо по каким-то причинам не захотел присоединиться к свите Сюань-цзуна, бежавшего в Сычуань, попал в руки людей Ань Лу-шаня и был вынужден поступить к нему на службу. Но этот поступок не отвратил от него преемника Сюань-цзуна — императора Су-цзуна (756–762), во время правления которого Ван Вэй достиг самых высоких государственных постов — вплоть до заместителя первого министра. Однако, по уверениям его биографов, и будучи сановным вельможей он оставался отшельником в душе.

Сохранились сведения, что Ван Вэем было создано более 1000 поэтических произведений, от которых до нас дошло только 400 стихотворений, преимущественно пятисловные четверостишия и восьмистишия, почти полностью отвечающие поэтологическим нормам «регулярного стиха». Лирика Ван Вэя весьма разнообразна по содержанию и тематике. В ней присутствуют стихотворения с автобиографическими мотивами, на исторические темы, с гражданскими мотивами, поэтические послания к друзьям, зарисовки из сельской жизни с

таоцяневскими нотками. Однако наиболее значительный след в истории китайской поэзии Ван Вэй оставил как поэт-пейзажист, причем его пейзажная лирика находится в органическом единстве с его пейзажной живописью¹, что очень точно и емко сформулировано в широко известном отзыве-афоризме сунского литератора и мыслителя Су Ши (подробно см. далее): «Его картины подобны стихам, а стихи — картинам». Если кратко охарактеризовать сущность пейзажной лирики Ван Вэя, то она заключается в предельной чуткости философско-эстетического восприятия природы. Его произведения суть вариации на несколько субстанциональных тем, проистекающих из даосского и чань-буддийского видения мира, с обыгрыванием опорных образов, таких как поток, ветер, облако, белизна. В итоге лирика Ван Вэя стала коренным событием эволюции «поэзии гор и вод» и, кроме того, перекинула мостик между поэтическим и живописным творчеством.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 100 стихотворений Ван Вэя, выполненные в основном А. Гитовичем, в: *Ван Вэй. Стихотворения* / Пер. А. Гитовича. М.; Л., 1959; Три танских поэта. М., 1960. С. 165—258; Арк. Штейнбергом, в: *Ван Вэй. Стихотворения* / Стихотв. перелож. А. Штейнберга; Сост., вступ. ст. и прим. В. Сухорукого. М., 1979; Классическая поэзия Индии, Китая... С. 248—263; Из китайской лирики VIII—XIV вв. / Отв. ред. Л. З. Эйдлин; Сост., послесл. и коммент. И. Смирнова. М., 1979; Ю. Щуцким — в: *Антология китайской лирики VII—IX вв. по Р. Х. М.*; Пг., 1923; Дальнее эхо. *Антология китайской лирики (VII—IX вв.)* / В пер. Ю. К. Щуцкого. СПб., 2000; Китайская лите-

¹ Ван Вэй является одним из ведущих художников второй половины Тан, который работал, насколько это известно из письменных источников, в различных жанрах и техниках, в том числе расписывал буддийские храмы. Но главным его живописным достижением справедливо считается освоение (или изобретение) монохромной (с использованием исключительно туши) техники, что позволило ему стать основоположником принципиально новой, по сравнению с предшествующим китайским живописным творчеством, пейзажной школы. Эстетические установки Ван Вэя и особенности его восприятия дикой природы (но применительно к живописному творчеству) излагаются в приписываемых ему теоретико-эстетических сочинениях — «Рассуждения о горах и водах» («Шань шуй лунь») и «Тайны гор и вод» («Тайны живописи» — «Шань шуй ми цзюэ»), их перевод выполнен акад. В. М. Алексеевым, см. в: *Восток. 1923. № 3. С. 31—36; Ван Вэй. Стихотворения* / Стихотв. перелож. Арк. Штейнберга... С. 22—27.

ратура. Хрестоматия... Т. 1. С. 253—260; а также В. Марковой и Л. Меньшикова — в: *Антология китайской поэзии...* Т. 2. С. 57—74; *Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан. М., 1956. С. 77—100; Чистый поток...* С. 79—88.

Из цикла «Река Ванчуань»

I. Мэнчэнский ров

У Мэнчэнского рва
Поселился я с этого дня.

Одряхлевшие ивы
Склоняются в блеске заката.

Я не знаю — кто будет здесь
Здравствовать после меня, —

Оттого не печалюсь
О тех, что тут жили когда-то.

II. Холм Хуацзыган

Стаи птиц
Потянулись на юг, как тесьма,

Я на горы гляжу
В бесконечную даль.

Подымаюсь на холм,
Опускаюсь с холма —

Беспредельна тоска,
Беспредельна печаль.

IX. Беседка у озера

Я гостя встречаю вновь,
Чтобы побыть вдвоем.

На маленьком челноке
Ко мне приплывает он.

Вот мы на террасе с ним
Беседуем за вином,

А лотосы расцвели —
Со всех четырех сторон.

XV. Быстрина с белыми камнями

Стремится среди камней
Прозрачная быстрина,

К зеленому тростнику
Легко прикоснуться мне.

У хижины — с двух сторон —
Бежит за волной волна

И омывает песок,
Белеющий при луне.

XVII. Домик в бамбуковой роще

В бамбуковой роще
Я ночь коротаю свою,

Я трогаю лютню
И песни протяжно пою.

А людям неведом приют мой,
И только луна

В бамбуковой роще
Меня навещает одна.

Из цикла «Дом Хуанфу Юэ в Долине облаков»

I. У потока в горах, где поет птица

Цветы опадают,
И горный поток серебрится,

Ни звука в горах
Не слышал я ночь напролет,

Но всходит луна
И пугает притихшую птицу,

И птица тихонько
Тревожную песню поет.

Из цикла «Радости сельской жизни»

- (I) За чаркой чарку пить вино
У вод прозрачного ключа;

Бренчать на лютне, прислонясь
К седой от старости сосне;

А утром, где-нибудь в саду,
Сидеть, подсолнухи луща,

И слушать мерный стук пестов
Издадека — как бы во сне.

- (II) Я гляжу: под горой
Поднялся одинокий дымок,

Одинокое дерево
Высится на плоскогорье.

Ничего, кроме тыквенных чашек,
Скопить я не смог,

Но — вослед Тао Цяню —
Живу и не ведаю горя.

Из цикла «Наложница Бань»

- (I) На полет светляков
Потихоньку гляжу я в окно,

А гостей голоса
Во дворце отзвучали давно.

Мне уже не заснуть —
Сторожу одинокое ложе, —

И светильнику, видно,
Гореть до утра суждено.

(II) Давно дорожка
Поросла травой,

И государь
Немилостив со мной.

И не могу я слышать
Голос флейты:

Слежу
За колесницей золотой.

Шутя пишу о горной скале

У горной скалы
Ручеек пробегает звеня.

Там с кубком вина
Я сижу среди ясного дня.

Но ветер прекрасно
Учел настроенье поэта:

Опавшими листьями
Он окружает меня.

Оплакиваю Мэн Хао-жаня

В живых я друга
Больше не застаю —

Уже отплыл он
К берегу чужому.

Я спрашиваю
Старцев из Сянъяна:

Кто нам теперь
Изобразит Цайчжоу?

Наблюдаю охоту

Ветер крепчает,
Но луков звенят голоса,

То у Вэйчэна
Охотятся вновь полководцы.

Высохли травы,
У соколов злые глаза.

Поступь коней
Молодою и легкою стала.

Но уж промчались охотники
Мимо холмов,

В лагерь Силю
Возвратились. И все-таки вскоре

Снова глядят
На восток, где стреляли в орлов,

Где облака проплывали
В небесном просторе.

Проживаю на берегу Ванчуань

С тех пор как домой
Я вернулся в Байшэ —

С тех пор я не видел
Зеленых ворот.

Живу потихоньку
В своем шалаше,

Работой встречаю я
Солнца восход.

Зеленые травы
Склонились к воде,

И белая птица
По речке плывет.

Я Чэню подобен
Всегда и везде:

С утра поливаю
Чужой огород.

*Праздно проживая на берегу Ванчуань,
преподношу сюэцю Пэй Ди*

Здесь темно-лазоревые горы,
Хотя уже стоят холода,

Хотя уже поздняя осень,
А горные реки шумят.

Стою я у хижины жалкой,
Где жить мне, быть может, всегда,

И слушаю в сумерках светлых
Вечернюю песню цикад.

Гляжу: над речной переправой
Закат догорает вдали,

Гляжу: над соседней деревней
Плывет одинокий дымок.

Когда бы, подобно Цзе Юю,
Вы здесь бы напиться могли —

Пять ив возле хижины жалкой
Я тоже представить бы мог.

Осенью в горах

Дождь кончился,
И небо чистым стало,

Но по прохладе чуешь:
Скоро осень.

Ручей стремится,
Огибая скалы,

Луна восходит
Среди старых сосен.

Вдали я слышу
Женщин разговоры,

Уж поздно — надо
К дому торопиться,

Пускай цветы
Совсем увянут скоро, —

Я здесь останусь,
Не вернусь в столицу.

Жизнь в горах

Мучительно одинокий,
Калитку я запираю,

Кругом громоздятся горы
В алом блеске заката,

Рядом со мной — деревья
Птиц приютили стаю,

А люди не навещают —
Не то, что было когда-то.

Бамбук как будто припудрен,
Его окружают травы,

И лотос наряд роняет —
Ему он больше не нужен.

Костра огонек зажегся
Налево от переправы,

То сборщик речных орехов
Вернулся — готовит ужин.

Прохожу мимо храма Собранных благовоний

Храм Собранных благовоний,
Где он скрыт, от людей вдали?

И взбираюсь по кручам вновь я
Вот уж несколько трудных ли.

Нет тропы меж старых деревьев,
Нет тропы среди горных скал,

Но откуда же гулкий, древний,
Дальний колокол прозвучал?

Камни грозные — скал превыше —
Ручейка поглотили стон.

Зной полуденный, словно крышей,
Тенью лиственной охлажден.

Но ты видишь воды мерцанье,
Пруд, заросший со всех сторон.

Укрошен твоим созерцаньем
Источающий яд дракон.

3) ЛИ БО (701–762)

Ли Бо, второе имя Тай-бо, — самая яркая фигура китайской поэзии, о чем однозначно свидетельствуют его образные характеристики: «мятежный гений» и «небожитель, спустившийся с небес». Его имя еще при жизни было овеяно всевозможными легендами: в одних он назывался дальним родственником танского правящего дома (по причине совпадения их фамильных знаков), а по другим был сыном и духом звезды Тайбо, сосланным в мир людей за свободолюбивый нрав.

Достоверных сведений о происхождении Ли Бо сохранилось немного. По некоторым данным, он родился в семье зажиточного купца, бывшего уроженцем северо-восточного региона Китая (провинция Ганьсу) и переехавшего, когда Ли Бо исполнилось пять лет, на юго-запад, в провинцию Сычуань, где поселился в столичном городе Чэнду. Еще будучи ребенком, Ли Бо проявил такую силу и самобытность поэтического дара, что окружающие сравнивали его с Сыма Сян-жу. Литературный талант и полученное благодаря семейному воспитанию блестящее образование, казалось бы, открывали Ли Бо путь к успешной сдаче экзаменов на чиновничью должность. Но вместо этого он 17-летним юношей покинул дом и поселился в даосской обители в горах Миншань (в окрестностях г. Чэнду), отдавшись чтению книг, игре на цине и поэтическому творчеству. Несмотря на уединенный образ жизни, слава о нем продолжала расти, и он несколько раз получал предложения от местных властей поступить на службу, но их неизменно категорически отвергал. Проведя несколько лет в миншаньской обители, Ли Бо пустился в странствия по провинции Сычуань, посещая наиболее труднодоступные и красивые горные районы — горы Эмэй, Ушань. В 25 лет он покинул Сычуань и с 275 по 742 г. провел в путешествиях по стране, побывав во многих районах северного, восточного, юго-восточного и южного Китая (провинции Шаньси, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Аньхуэй). Во время этих путешествий он то становился подлинным отшельником, то, напротив, стремился быть в гуще событий, встречаясь с самыми разными людьми: вельможами, чиновниками, учеными, купцами, крестьянами — и все они, независимо от своего общественного положения и степени образованности, равно тянулись к нему, зачарованные его остроумием, жизнелюбием, талантами поэта и музыканта. Рассказывается, что, исповедуя идеалы «странствующего рыцаря» и будучи великолепным фехтовальщиком, Ли Бо всегда носил с собой меч и в случае необходимости без колебаний защищал людей. Впрочем, помогать людям он уже мог и без оружия, используя свои обширнейшие знакомства и дружеские связи, позволявшие ему даже добиваться смягчения или отмены уголовных наказаний. Постепенно в мироощущении Ли Бо произошел серьезный перелом: он почувствовал необходимость применить свой жизненный опыт, знания и дарования на пользу стране и правящему режиму и в 742 г. с

этими намерениями отправился в Чанъань. Прием, оказанный ему императором Сюань-цзуном, уже наслышанным о «бродячем мудреце», превзошел все его ожидания. Около года столицу наводняли слухи о жизни Ли Бо при дворе: о том, как император лично подносил ему отрезвляющий отвар, приказывал могущественнейшему и амбициозному евнуху Гао Лиши снять с поэта сапоги, дабы ему было удобно творить, о том, как сама Ян-гуйфэй растирала тушь для его кисти. Однако Ли Бо достаточно быстро убедился, что, несмотря на высокие официальные посты и почет, он является не более как дорогой игрушкой для Сюань-цзуна и его фаворитки. Им тоже вскоре непредсказуемость Ли Бо, его экстравагантность и чрезмерное пристрастие к вину приелись. В 744 г. Ли Бо покинул Чанъань и временно поселился в Лояне, где и произошла его встреча с Ду Фу (о нем подробно см. далее). Они провели вместе около полугода, совершив новое путешествие в Шаньдун, и вынуждены были расстаться. Ли Бо вернулся было к отшельническому уединению, но вновь его влекло к активной деятельности. В середине 50-х гг. VIII в. будучи уже немолодым человеком, Ли Бо примкнул к армии принца Ли Линя, возглавившего борьбу с Ань Лу-шанем, искренне уверовав, что он и есть «достойный государь». Но после подавления мятежа Ань Лу-шаня новый император поспешил расправиться с чрезвычайно популярным в народе братом. Армия Ли Линя была разбита правительственными войсками, он сам и его соратники преданы казни. Ли Бо пытался бежать, но почти сразу же был захвачен, арестован и предан суду. Вынесенный ему смертный приговор с трудом (благодаря ходатайству друзей поэта, которым он сам некогда помог) удалось заменить на пожизненную ссылку — в периферийный южный край (провинция Гуйчжоу). Заранее разослав прощальные письма родным и близким, Ли Бо отправился в свое последнее, как он полагал, путешествие — вверх по Янцзы, то и дело останавливаясь на постой у старых знакомых. До места ссылки он так и не добрался: в связи с амнистией 759 г. ему было даровано прощение с разрешением вернуться домой. Амнистия всколыхнула веру Ли Бо в наступление нового порядка, вплоть до надежды стать советником и наставником еще молодого тогда императора Су-цзуна. Но прежде он решил еще раз послужить отечеству «с мечом в руке» — поступить на службу в армию, готовившуюся выступить против сына

Ань Лу-шаня. Однако больной и оставшийся практически без средств к существованию поэт уже был не в состоянии проделать такой путь, и, добравшись до дома дальнего родственника (в провинции Аньхуэй), он там и скончался. Смерть Ли Бо тоже послужила источником для самых разных легенд и преданий, в которых он либо объявляется даосским мудрецом, обретшим бессмертие, либо божеством, вернувшимся в небесные края, либо предполагается, что он, опьяненный вином, плывя на лодке, потянулся к отражению луны в воде, и, пытаясь обнять его, утонул.

Поэтическое наследие Ли Бо состоит из более тысячи стихотворений, выполненных во всех имевшихся в то время поэтических жанрах и формах: *юэфу*, *цы*, стихах «регулярного стиля», стихах «старого стиля». Дать для его лирики сколько-нибудь строгую тематическую классификацию невозможно по той простой причине, что она есть порождение и выражение всех тех раздумий, настроений и чувств поэта, которые он испытал за столь бурные годы своей жизни. В его стихах есть все: и воспевания красоты юной прелестницы, и рассуждения о величии прошлых веков и героях древности, и острые критические выпады против злоупотреблений чиновников совместно с сентенциями по поводу тягот воинской доли или нищеты крестьян, и описания радости бытия отшельника, а также тончайшие пейзажные зарисовки и глубинная философская поэзия. Главное же, что объединяет все эти произведения, — совершенство самого стиха и его огромная внутренняя сила.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 100 стихотворений Ли Бо, выполненные в основном А. Гитовичем, в: *Ли Бо. Избранная лирика* / Пер. А. Гитовича. М., 1957; Три танских поэта... С. 37–164; а также А. Ахматовой, М. Басмановым, Л. Н. Меньшиковым, Ю. Щуцким, Л. З. Эйдлиным, в: *Антология китайской поэзии...* Т. 2. С. 75–120; *Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан...* С. 101–125; *Из китайской и корейской поэзии...* С. 77–179; *Классическая поэзия Индии, Китая...* С. 263–275; *Чистый поток...* С. 90–97.

Ночной крик ворона

Опять прокаркал
Черный ворон тут —

В ветвях он хочет
Отыскать приют.

Вдова склонилась
Над станком своим —

Там синий шелк
Струится, словно дым.

Она вздыхает
И глядит во тьму:

Опять одной
Ей ночевать в дому.

Путешествие при северном ветре

За воротами Холода
Властвует грозный дракон;

Свечи — вместо зубов,
Пасть откроет — и светится он.

Ни луны и ни солнца
Туда не доходят лучи,

Только северный ветер
Свистит, свирепея в ночи.

Только снежная вьюга
Бушует недели подряд,

И громадные хлопья
На древнюю башню летят.

Я тоскую о муже,
Воюющем в диком краю, —

Не смеюсь я, как прежде,
И песен теперь не пою.

Мне осталось стоять у калитки
И думать одной:

Жив ли мой господин
Далеко — за Великой стеной.

Взял он меч, чтоб дракона
Сразить — и рассеять туман.

Мне оставил на память
Обтянутый кожей колчан.

Две стрелы с опереньем
Оставил он мне заодно,

Но они паутиной и пылью
Покрылись давно.

Для чего эти стрелы,
Колчан, что висит на стене,

Если ты, господин,
Никогда не вернешься ко мне?

Не могу я смотреть
На подарок, врученный тобой.

Я сожгла твой подарок,
И пеплом он стал и золой.

Можно Желтую реку
Смирить, укрепив берега,

Но труднее брести
Сквозь туманы, пургу и снега.

Стихи о краткости жизни

День промелькнет —
Он короток, конечно,

Но и столетье
Улетит в простор.

Когда простерлось небо
В бесконечность?

Десятки тысяч калып
Прошли с тех пор.

И локоны у феи
Поседели —

То иней времени
Оставил след.

Владыка
Взор остановил на деве —

И хохот слышен
Миллионы лет.

Остановить бы
Шестерых драконов

И привязать их
К дереву Фусан,

Потом, Небесный Ковш
Вином наполнив,

Поить — чтоб каждый
Намертво был пьян.

Хочу ли
Знатным и богатым быть?

Нет!
Время я хочу остановить.

Думы тихой ночью

У самой моей постели
Легла от луны дорожка.

А может быть, это иней? —
Я сам хорошо не знаю.

Я голову поднимаю —
Гляжу на луну в окошко,

Я голову опускаю —
И родину вспоминаю.

Из цикла «Песни Цзые»

Цзые осенняя

Уже над городом Чанъань
Сияет круглая луна.

Но всюду слышен стук вальков,
И женщины не знают сна.

Осенний ветер во дворах
Всю ночь свистеть не устает.

И помыслы мои летят
К заставе Яшмовых ворот.

Когда же, варваров смилив,
Утихнет долголетний бой?

Когда домой придут войска
И муж мой встретится со мной?

Цзые зимняя

На рассвете гонец
Отправляется в дальний поход.

Подбиваю я ватой одежду
Всю ночь напролет.

А замерзшие пальцы
Дрожат, продевая иглу.

Ножниц не удержать —
И все время они на полу.

Но одежду для мужа
В далекий отправлю я путь —

Может быть, до Линьтао
Ее довезут как-нибудь?

Посвящаю Мэн Хао-жаню

Я учителя Мэн
Почитаю навек.

Будет жить его слава
Во веки веков.

С юных лет
Он карьеру презрел и отверг —

Среди сосен он спит
И среди облаков.

Он бывает
Божественно пьян под луной,

Не желая служить —
Заблудился в цветах.

Он — гора.
Мы склоняемся перед горой.

Перед ликом его —
Мы лишь пепел и прах.

Шутя преподношу моему другу Ду Фу

На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,

В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.

Разрешите спросить:
Почему вы, мой друг, похудели —

Неужели так трудно
Слагать за строфою строфу?

Провожая Ду Фу на востоке округа Лу у горы Шимэнь

Мы перед разлукой
Хмельны уже несколько дней,

Не раз поднимались
По склонам до горных вершин.

Когда же мы встретимся
Снова, по воле своей,

И снова откупорим
Наш золоченый кувшин?

Осенние волны
Печальная гонит река,

Гора бирюзовою
Кажется издалека.

Нам в разные стороны
Велено ехать судьбой —

Последние кубки
Сейчас осушаем с тобой.

С кубком в руке вопрошаю луну

С тех пор как явилась в небе луна —
Сколько прошло лет?

Оставив кубок, спрошу ее —
Может быть, даст ответ.

Никогда не взберешься ты на луну,
Что сияет во тьме ночной.

А луна — куда бы ты ни пошел —
Последует за тобой.

Как летящее зеркало, заблестит
У дворца Бессмертных она.

И сразу тогда исчезает мгла —
Туманная пелена.

Ты увидишь, как восходит луна
На закате, в вечерний час.

А придет рассвет — не заметишь ты,
Что уже ее свет погас.

Белый заяц на ней лекарство толчет,
И сменяет зиму весна.

И Чан Э в одиночестве там живет —
И вечно так жить должна.

Мы не можем теперь увидеть, друзья,
Луну древнейших времен.

Но предкам нашим светила она,
Выплыв на небосклон.

Умирают в мире люди всегда —
Бессмертных нет среди нас,

Но все они любовались луной,
Как я люблюсь сейчас.

Я хочу, чтобы в эти часы, когда
Я слагаю стихи за вином, —

Отражался сияющий свет луны
В золоченом кубке моем.

Смотрю на водопад в горах Лушань

За сизой дымкою вдали
Горит закат,

Гляжу на горные хребты,
На водопад.

Летит он с облачных высот
Сквозь горный лес —

И кажется: то Млечный Путь
Упал с небес.

*В горах Лушань смотрю на юго-восток,
на пик Пяти Стариков*

Смотрю на пик Пяти Стариков,
На Лушань, на юго-восток.

Он поднимается в небеса,
Как золотой цветок.

С него я видел бы все кругом
И всем любоваться мог...

Вот тут бы жить и окончить мне
Последнюю из дорог.

*Осенью поднимаюсь на северную башню
Се Тяо в Сюаньчэне*

Как на картине,
Громоздятся горы

И в небо лучезарное
Глядят.

И два потока
Окружают город,

И два моста,
Как радуги, висят.

Платан застыл,
От холода тоскуя,

Листва горит
Во всей своей красе.

Те, кто взойдут
На башню городскую, —

Се Тяо вспомнят
Неизбежно все.

Су У

Десять лет он у варваров
Прожил в жестоком плену,

Но сумел сохранить
Доверительный знак государев.

Белый гусь столько раз
Пролетал, возвещая весну,

Но письма не принес —
А скрывался, крылами ударив.

Пас овец он — Су У —
В чужедальнем и диком краю,

Там, в горах и степях,
Тосковал он о родине милой.

Ел он снег, проклиная
И голод, и долю свою,

Пил он воду из ям,
Если летняя жажда томила.

А когда, получивший свободу,
Он тронулся в путь,

Обернулся на север —
И вспомнил снега и морозы,

Вспомнил нищенский пир,
Где склонился он другу на грудь.

И заплакали оба —
И в кровь превращались слезы.

Из цикла «Под луной одиноко пью»

(I) Среди цветов поставил я
Кувшин в тиши ночной

И одиноко пью вино,
И друга нет со мной.

Но в собутыльники луну
Позвал я в добрый час,

И тень свою я пригласил —
И трое стало нас.

Но разве, — спрашиваю я, —
Умеет пить луна?

И тень, хотя всегда за мной
Последует она?

А тень с луной не разделить,
И я в тиши ночной

Согласен с ними пировать
Хоть до весны самой.

Я начинаю петь — и в такт
Колышется луна,

Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.

Нам было весело, пока
Хмелели мы втроем.

А захмелели — разошлись,
Кто как — своим путем.

И снова в жизни одному
Мне предстоит брести

До встречи — той, что между звезд,
У Млечного Пути.

(II) О, если б небеса, мой друг,
Не возлюбили бы вино —

Скажи: Созвездье Винных Звезд
Могло ли быть вознесено?

О, если б древняя земля
Вино не стала бы любить —

Скажи: Источник Винный мог
По ней волну свою струить?

А раз и небо, и земля
Так любят честное вино —

То собутыльникам моим
Стыдиться было бы грешно.

Мне говорили, что вино
Святые пили без конца,

Что чарка крепкого вина
Была отрадой мудреца.

Но коль святы мудрецы
Всегда стремились пить вино —

Зачем стремиться в небеса?
Мы здесь напьемся — все равно.

Три кубка дайте мне сейчас —
И я пойду в далекий путь.

А дайте доу выпить мне —
Сольюсь с природой как-нибудь.

И если ты, мой друг, найдешь
Очарование в вине,

Перед ханжами помолчи —
Те не поймут: расскажешь мне.

Провожу ночь с другом

Забыли мы
Про старые печали —

Сто чарок
Жажду утолят едва ли,

Ночь благосклонна
К дружеским беседам,

А при такой луне
И сон неведом,

Пока нам не покажутся,
Усталым,

Земля — постелью,
Небо — одеялом.

С отшельником пью в горах

Мы выпиваем вместе —
Я и ты,

Нас окружают
Горные цветы.

Вторая чарка,
И восьмая чарка,

И так мы пьем
До самой темноты.

И, захмелев,
Уже хочу я спать,

А ты — иди.
Потом придешь опять:

Под утро
Лютню принесешь с собою,

А с лютнею —
Приятней выпивать.

Одиноко сижу в горах Цзинтиншань

Плывут облака
Отдыхать после знойного дня,

Стремительных птиц
Улетела последняя стая.

Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,

И долго глядим мы,
Друг другу не надоедая.

*Зимним днем возвращаюсь
к своему старому жилищу в горах*

С глаз моих утомленных
Еще не смахнул я слезы,

Еще не смахнул я пыли
С чиновничьего убора.

Единственную тропинку
Давно опутали лозы,

В высоком и чистом небе
Сияют снежные горы.

Листья уже опали,
Земля звенит под ногою,

И облака застыли,
Так же как вся природа.

Густо бамбук разросся
Порослью молодой,

А старое дерево сгнило —
Свалилось в речную воду.

Откуда-то из деревни
Собака бежит и лает,

Мох покрывает стены,
Пыльный, пепельно-рыжий.

Из развалившейся кухни —
Гляжу — фазан вылетает,

И старая обезьяна
Плачет на ветхой крыше.

На оголенных ветках
Молча расселись птицы,

Легла звериная тропка
Возле знакомой ели.

Книги перебираю —
Моль на них шевелится,

Седая мышь выбегает
Из-под моей постели.

Надо правильно жить мне —
Может быть, мудрым буду?

Думаю о природе,
Жизни и человеке.

Если опять придется
Мне уходить отсюда —

Лучше уйду в могилу,
Сгину в земле навеки.

4) ДУ ФУ (712–770)

Ду Фу, второе имя Цзы-мэй, — поэтическая фигура столь же грандиозного масштаба, как и Ли Бо, хотя и представляющая иную линию национальной художественной словесности: он по праву считается наиболее целостным воплощением образа конфуцианской благородной личности, а потому его твор-

чество ставится многими старыми китайскими критиками и филологами даже выше, чем лирика Ли Бо.

Ду Фу происходил из старого и именитого чиновничьего клана, члены которого исходно были уроженцами южного региона Китая (уезд Сянъян, провинция Хубэй), но затем переселились в центральные районы (провинция Хэнань). К этому клану принадлежало немало известных в истории страны государственных деятелей (например, ханьский генерал Ду Юй), а непосредственно в танскую эпоху особо прославился дед поэта — Ду Шэнь-янь (646—708) — человек широко образованный и обладавший ярким поэтическим даром. Поэтому неудивительно, что Ду Фу с малых лет осознанно и целеустремленно готовился к официальной карьере, искренне видя свое предназначение в служении стране. Однако столь же рано ему пришлось столкнуться и с житейскими невзгодами. После смерти матери он, будучи еще ребенком, так и не смог найти общего языка с мачехой и был отправлен на воспитание в семью тетушки в Лоян, ставший при Тан важнейшим культурным центром империи. В 18 лет, прежде чем попытаться сдать экзамены на чиновничью должность, Ду Фу решил набраться жизненного опыта и лично познакомиться с наследием былых эпох, отправившись в путешествие на юго-восток (провинции Цзянсу, Цзянси, Фуцзянь). В отличие от странствований Ли Бо это была своего рода «туристическая поездка» благопристойного и вполне обеспеченного молодого человека, которого манили не приключения, а новые источники знаний. Вернувшись в 735 г. в Лоян, Ду Фу успешно сдал экзамены провинциального уровня и отправился в Чанъянь, где он познал первую серьезную неудачу. Провал на столичных экзаменах был им воспринят более чем болезненно, потому что он — и с полным на то основанием — был уверен в собственных силах и в успехе. Разочарованный и находящийся на грани отчаяния, он вновь (по совету и при поддержке отца) отправляется в путешествие на несколько лет. Домой он возвратился в 740 г., видимо в связи со смертью отца, а в 743 г., похоронив горячо любимую им тетушку, поселился в Лояне, где и произошла его встреча с Ли Бо. В 745 г. Ду Фу не без мучительных колебаний решил вновь попытаться сдать столичный экзамен и опять потерпел неудачу. Но он остался в Чанъяни, надеясь все же привлечь к себе внимание кого-либо из местных знаменитостей, и в ожидании этого в течение еще нескольких лет вел в полном смыс-

ле слова полунищенский образ жизни, зарабатывая себе на пропитание сбором и продажей лекарственных трав. В начале 50-х гг. VIII в. судьба, казалось бы, наконец-то смиловилась над ним: до императора Сюань-цзуна дошли три его оды, посвященные проведенным в 751 г. официальным жертвоприношениям, и восхищенный талантом ранее неизвестного ему поэта, он приказал еще раз допустить его к экзамену и даже провести для него специальный (внеочередной) тур. По решению экзаменационной комиссии Ду Фу не сразу получил назначение на должность, а лишь был внесен в список «почти-точно ожидающих» такого назначения. Ожидание растянулось еще на три года, и все это время поэт тщетно обивал пороги домов сановных лиц и выискивал средства на содержание не только самого себя, но и своей молодой семьи. Результатом всех его усилий стал пост секретаря правового ведомства при дворе наследного принца, т. е. мелкого чиновника, все обязанности которого сводились к формальной канцелярской работе. Это назначение фактически ставило крест на мечтах Ду Фу о карьере государственного деятеля и лишь позволило ему выбраться из униженной повседневной нужды. Но не успел он освоиться с новым общественным и материальным положением, как на него вновь обрушились удары судьбы: спасаясь от мятежа Ань Лу-шаня, он вместе с семьей — пешком, без вещей и денег, с малыми детьми на руках — бежит из Чанъяни. Кое-как пристроив семью, решает пробраться в ставку нового императора — Су-цзуна, попадает в плен к солдатам Ань Лу-шаня, бежит и, переодевшись в крестьянское платье, все же добирается до императорской ставки. Растроганный преданностью Ду Фу императорскому дому и самоотверженностью, а также отдавая должное его сведениям о расположении войск мятежников, Су-цзун назначил его на должность своего личного советника. Однако первый же совет поэта императору — возражение против отставки одного из сановников — привел того в ярость: последовали арест, тюрьма, разбирательство судебной комиссии и «августейшее прощение». Близость Ду Фу к Су-цзуну, правда после очередного кратковременного взлета монаршего фавора, окончательно завершилась его переводом в пристольничную область (Хуачжоу, восточная часть провинции Шэньси) на пост инспектора по делам просвещения. Пребывание в Хуачжоу и безрезультатность всех его усилий добросовестно выполнять свои служебные обязанности окончательно

убедили Ду Фу в несбыточности его надежд и планов: в 759 г. он подал в отставку и поселился в окрестностях г. Чэнду (провинция Сычуань), где и стал жить вместе с семьей в маленьком домике — хижине, крытой камышовой крышей. После долгих мытарств Ду Фу обрел если и не материальное благополучие, то душевный покой. Но ненадолго. В 762 г. в Сычуани вспыхнул мятеж, спровоцировавший вторжение тибетской армии. И снова — бегство, скитания по чужим семьям. В 764 г. Ду Фу еще раз поступил на службу, но не прошло и года, как подал в отставку. С 765 г. начинается новая череда переездов-скитаний, и в 770 г. он умер в нищете и одиночестве.

Поэтическое наследие Ду Фу состоит из 1400 с лишним стихотворений, три четверти из которых (1072 произведения) относятся к последним десятилетиям его жизни. Главная особенность лирики Ду Фу — ее конкретность, достоверность и автобиографичность, не случайно ее нередко называют «историческими документами в стихах». А центральные ее мотивы — исполненные трагизма (пусть в несколько суховатом, «академическом» стиле) думы поэта даже не столько о собственной судьбе, сколько о бедах, терзающих страну. Проповедь настоящих гуманистических идеалов, нетерпимость к социальному злу, жертвенность — все это делает стихотворения Ду Фу лучшими образцами китайской гражданской лирики.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 200 стихотворений Ду Фу, выполненные в основном А. Гитовичем, в: *Ду Фу. Стихи* / Пер. А. Гитовича; Общ. ред. Н. Т. Федоренко; Вступ. ст. Е. А. Серебрякова; Прим. Г. О. Монзелера, М., 1955; *Ду Фу. Стихотворения* / Пер. А. Гитовича; Сост. и коммент. Г. Монзелера, М.; Л., 1962; *Ду Фу. Лирика* / Пер. А. Гитовича; Предисл. Е. Серебрякова, прим. Г. Монзелера, Л., 1967; *Антология китайской поэзии...* Т. 2. С. 131—180; *Три танских поэта...* С. 261—412; *Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан...* С. 137—201; *Из китайской и корейской поэзии...* С. 180—309; *Китайская литература. Хрестоматия...* С. 280—298; *Классическая поэзия Индии, Китая...* С. 278—287.

Взирая на священную вершину

Великая горная цепь —
К острию острие!

От Ци и до Лу
Зеленеет Тайшань на просторе.

Как будто природа
Собрала искусство свое,

Чтоб север и юг
Разделить здесь на сумрак и зори.

Родившись на склонах,
Плывут облака без труда.

Завидую птицам
И в трепете дивном немею.

Но я на вершину взойду
И увижу тогда,

Как горы другие
Малы по сравнению с нею.

737 г.

Весенним днем вспоминаю Ли Бо

О Ли Бо!
Совершенство твоих стихов

И свободную
Мысль твою

Я по стилю
С Юй Синем сравнить готов,

С Бао Чжао
Тебя сравню.

Я в столице гляжу,
Как цветет весна,

Ты на Юге —
Тоской томим.

Но когда ж мы опять
За кубком вина

О поэзии
Поговорим?
747 г.

Песнь о боевых колесницах

Боевые
Гремят колесницы,

Кони ржут
И ступают несмело.

Людам трудно
За ними тащиться

И нести
Свои луки и стрелы.

Плачут матери,
Жены и дети —

Им с родными
Расстаться не просто.

Пыль такая
На белом на свете —

Что не видно
Сяньянского моста.

И солдат
Теребят за одежду, —

Все дрожат
Перед близостью битвы, —

Здесь Мольба
Потеряла Надежду,

Вознося в поднебесье
Молитвы.

И прохожий
У края дороги

Только спросит:
«Куда вы идете?»

Отвечают:
«На долгие сроки

Нет конца
Нашей страшной работе.

Вот юнец был:
Семье своей дорог,

Сторожил он
На Севере реку,

А теперь,
Хоть ему уж за сорок,

Надо вновь
Воевать человеку.

Не повязан
Повязкой мужскою —

Не успел и обряд
Совершиться, —

А вернулся
С седой головою,

И опять его
Гонят к границе.

Стон стоит
На просторах Китая.

А зачем
Императору надо

Жить, границы страны
Расширяя:

Мы и так
Не страна, а громада.

Неужели
Владыка не знает,

Что в обители
Ханьской державы

Не спасительный рис
Вырастает —

Вырастают
Лишь сорные травы.

Разве женщины могут
И дети

Взять
Хозяйство крестьянское в руки?

Просто сил им
Не хватит на свете —

Хватит только
Страданья и муки.

Мы стоим как солдаты —
На страже —

И в песках,
И на горных вершинах...

Чем отличны
Баталии наши

От презренных
Боев петушиных?

Вот, почтенный,
Как речью прямою

Говорим мы
От горькой досады...

Даже этой
Свирепой зимою

Отдохнуть
Не сумели солдаты.

Наши семьи
Сломила кручина —

Платят подати,
Платят налоги,

И уже
Не желаешь ты сына,

Чтоб родился
Для слез и тревоги.

Дочь родится —
Годна для работы, —

Может, жизнь её
Ты и устроишь.

Ну а сын подрастет —
Уж его-то

Молодого
В могилу зароешь.

Побродил бы ты,
Как на погосте,

Вдоль нагих берегов
Кукунора:

Там белеют
Солдатские кости —

Уберут их оттуда
Не скоро.

Плачут души
Погибших недавно,

Плачут души
Погибших когда-то.

И в ночи
Боевой и бесславной

Их отчетливо
Слышат солдаты».
750 г.

Лунная ночь

Сегодняшней ночью
В Фучжоу сияет луна.

Там, в спальне далекой,
Любуется ею жена.

По маленьким детям
Меня охватила тоска —

Они о Чанъани
И думать не могут пока.

Легка, словно облако,
Ночью прическа жены,

И руки, как яшма,
Застыли в сиянье луны.

Когда же к окну
Подойдем мы в полуночный час

И в лунном сиянии
Высохнут слезы у нас?
756 г.

Оплакиваю поражение при Чэньтао

Пошли герои
Снежной зимою

На подвиг,
Оказавшийся напрасным,

И стала кровь их
В озере — водою,

И озеро Чэньтао
Стало красным.

В далеком небе
Дымка голубая.

Уже давно
Утихло поле боя,

Но сорок тысяч
Воинов Китая

Погибли здесь,
Пожертвовав собою.

И варвары
Ушли уже отсюда,

Блестящим снегом
Стрелы обмывая,

Шатаясь
От запоя и от блуда

И варварские песни
Распевая.

И горестные
Жители столицы,

На север оборачиваясь,
Плачут:

Они готовы
День и ночь молиться,

Чтоб был
Поход правительственный начат.
756 г.

Деревня Цянцунь

(I) Закат
В своем сиянье золотом

Поток лучей
Бросает на равнину.

Когда я гостем
Возвращаюсь в дом,

Меня встречает
Гомон воробьиный.

И домочадцы
Так изумлены,

Что я для них
Как бы окутан дымом:

Из бурь
Гражданской смуты и войны

Случайно я
Вернулся невредимым.

Соседи за стеной,
Сойдясь в кружок,

Не устают
Судачить и толпиться.

Густеет мрак,
Но я свечу зажег,

Чтобы всю ночь
Родные видеть лица.
757 г.

Чиновник в Синьани

Я брел по Синьани...
В деревне по крикам и шуму

Я понял: конечно,
Крестьян забирают в солдаты.

Спросил у чиновника —
Он мне ответил угрюмо,

Что взрослых мужчин
Уже нету, как было когда-то.

Однако из области
Прибыл приказ на рассвете,

Чтоб юношей здешних
Послать на защиту столицы.

Гляжу на юнцов —
Они выглядят просто как дети,

И разве сумеют
С врагами жестокими биться?

Печальные матери,
Плача, детей провожают,

А бедные сироты —
Те побрели одиноко.

В горах еще слышно,
Как женщины скорбно рыдают,

И мутные реки
Текут по равнине к востоку.

Я женщин пытаюсь утешить
И так говорю им:

«Сдержите рыдания,
Не надо терзаться напрасно.

Вы только исчахнете,
Целыми днями горя,

А небо не сжалится,
Небо — оно безучастно.

Пытались войска наши
Взять укрепления Ечэна,

И денно и ночью
Они воевали с врагами.

Но силы мятежников
Стали расти постепенно,

И мы отступили,
Как это вы знаете сами.

Войска Гао Цзы-и
Возвратились к своим поселениям.

Их сам генерал
Обучает теперь у Лояна.

И ваших детей
Не отправят на штурм укреплений,

И только работать
Придется им там постоянно.

И армия наша
К тому ж справедливее стала,

И там, как я слышал,
Неплохо живет солдат.

Не плачьте о детях —
Они попадут к генералу,

Которого войско
Отцом называет и братом».
759 г.

Жаль

Зачем так скоро
Лепестки опали?

Хочу,
Чтобы помедлила весна.

Жаль радостей весенних
И печалей —

Увы, я прожил
Молодость сполна.

Мне выпить надо,
Чтоб забылась скука,

Чтоб чувства выразить —
Стихи нужны.

Меня бы понял Тао Цянь
Как друга.

Но в разные века
Мы рождены.
761 г.

Весенней ночью радуюсь дождю

Добрый дождь —
Свою он знает пору —

И приходит вовремя,
Весною.

Вслед за ветром
Он уйдет не скоро,

Землю
Влагой напоив живую.

На реке, на челноках,
Повсюду

Огоньки мигают
Еле-еле...

На рассвете
Любоваться буду,

Как цветы
В Чэнду похорошели.
763 г.

Поднявшись на высоту

Стремителен ветер, и небо высоко,
В лесу обезьяны вопят.

Над чистой осенней водою потока
Осенние птицы летят.

Осенние листья кружат, опадая,
Багряны они и легки,

И тянутся вдаль от родимого края
Просторы Великой реки.

Куда меня гнало и гонит поныне
По тысячам разных дорог?

На старой террасе, на горной вершине
Я снова совсем одинок.

Сижу, позабывший о прежней отраде,
Покрыла виски седина —

Печальный изгнанник, сию я, не глядя
На чару хмельного вина.

767 г.

Прибыл гость

Прибыл гость
С берегов отдаленного моря,

Жемчуга подарил мне —
Слезы русалок.

На жемчужинах —
Знаков неясных узоры,

Я прочесть попытался —
Но не разгадал их.

Я бамбуковый короб
Тогда изготовил,

Чтобы жемчуг хранить
Для уплаты налога.

Но гляжу: превратился он
В капельки крови,

И со мною опять
Нищета и тревога.

769 г.

5) ГАО ШИ (702?–765?)

Гао Ши, второе имя Да-фу, уроженец северо-восточного региона Китая (местность Бохайтяо, современная провинция Хэбэй), — одна из самых колоритных литературных фигур танской эпохи.

Отпрыск провинциального чиновничьего семейства, Гао Ши 20-летним молодым человеком прибыл в Чанъань, но, в отличие от многих своих сверстников, не спешил обременять себя служебными обязанностями. Около тридцати лет он провёл в странствиях и праздности, порою нищенствовал. Близкий

друг Ли Бо и Ду Фу (у обоих поэтов есть немало адресованных ему стихотворений), он уже в 50-летнем возрасте серьезно занялся поэтическим творчеством и сразу же снискал всеобщее признание: его стихи читали нарасхват. Приблизительно тогда же началась и официальная карьера Гао Ши, оказавшаяся столь же стремительной и успешной. К концу жизни он дослужился до поста начальника Палаты очищения и изъятия ошибок в императорских волеизъявлениях Государственной канцелярии (*саньци чанши*) и даже был пожалован аристократическим титулом князя-хоу.

Лирика Гао Ши отличается, с одной стороны, отточенностью стиха и яркой, эффектной образностью, сопоставимой со стилем Ли Бо; а с другой — вдумчивостью и глубиной, а также гражданским звучанием, что позволяет сравнивать ее с поэзией Ду Фу. В последующие исторические эпохи Гао Ши неизменно включался в список ведущих танских поэтов.

На русском языке имеются переводы всего лишь нескольких стихотворений Гао Ши, выполненные Л. Н. Меньшиковым, В. Роговым, Л. З. Эйдлиным, в: Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 121—124; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 125—129; Китайская классическая поэзия... С. 310; Классическая поэзия Индии, Китая... С. 275—277; Чистый поток... С. 131—134; и Ю. Щуцким, в: Антология китайской лирики...

Яньский напев

В 26-й год Кайюань у меня гостил человек, вернувшийся из похода за пограничные укрепления, куда он сопровождал императорского цензора гуна Чжана. Он написал «Яньский напев», который показал мне, Ши. Взволнованный делами пограничного похода, я вторил ему этими стихами.

Огонь и дым объяли Хань
на северо-востоке,
Из дома ханьский генерал
идет в поход далекий.
Должны мужчины быть в боях
упорны и тверды,
Таких оценит государь
и наградит высоко.
Гром барабана в Юйгуань,

металла слышен звон,
И вьются меж теснин Цзеши
полотнища знамен.
Письмо полковника с пером
летит через Ханьхай:
Шаньюй охотится в горах,
его костер зажжен.
Все было тихо у границ
на реках и горах, —
Как буря, все смешал набег
ватаги на конях.
Бойцы в отряде головном
в опасности смертельной, —
Но всё танцуют и поют
красавицы в шатрах.
Трава желтеет у границ,
в степях проходит осень.
В войсках у осажденных стен
ряды редуют к ночи.
Награды жаждет генерал
за этот бой с врагом.
Пусть сил уж нет, — но он в горах
осады снять не хочет.
В походе дальнем жизнь горька,
доспехи тяжелы,
В разлуке слезы у солдат
из глаз бегут рекой.
На юг от города — жена,
гнетет ее тоска:
На север Цзи ушел супруг,
покинув дом родной.
Кружатся вихри у границ, —
кто стерпит их порыв?
Пустой простор в чужом краю, —
где есть еще такой?
Клубятся тучи целый день,
злой ветер тело жжет,
И слышится холодный звук
котлов в тиши ночной.
Мечи сверкают с двух сторон,
смешавшись, кровь течет.

А в смертный час кому нужны
награды и почет!
И если вы с таким трудом
пустыню всю прошли,
Зачем доныне вспоминать
о полководце Ли?

Провожая Дуна Старшего

Желтые тучи на десять ли,
в сумерках белый день...

Северный ветер гонит гусей,
сыплется, вьется снег.

Брось горевать, что в свой дальний путь
едешь ты без друзей:

Есть ли под нашим небом такой,
кто бы не знал тебя!

6) ХАНЬШАНЬ-ЦЗЫ (VIII в.)

Ханьшань-цзы (Хань Шань-цзы, Хань Шань) — монашеское или литературное прозвание (дословно «Ученый с Холодной горы», «Холодная гора») буддийского монаха, жившего предположительно в VII в. или в первой половине VIII в., творчество которого является наиболее полным собранием лирики чаньского характера. О жизни Ханьшань-цзы известно лишь, что некоторое время он проживал отшельником в горах Ханьянь — в восточной части современной провинции Чжэцзян. Тем не менее сохранилось отдельное собрание его стихотворений — «Собрание стихотворений Ханьшань-цзы», состоящее из 300 с лишним произведений.

Внешне часто не содержащая отчетливых буддийских мотивов и образов, лирика Ханьшань-цзы полностью отвечает чань-буддийским эстетическим установкам, в которых, во-первых, признается художественная ценность любых — даже самых обыденных — реалий и событий повседневности; и, во-вторых, проповедуется спонтанность творческого акта, который уподобляется внезапному и мгновенному озарению. Соответственно,

согласно этим установкам, художественное произведение — не важно, поэтический текст или рисунок — должно фиксировать мгновенное же впечатление его создателя, его сиюминутную и моментальную реакцию на увиденное. Максимальная лаконичность и эскизность повествования (живописного изображения) создавала эффект незавершенности и недосказанности произведения. Все отмеченные характеристики чаньского художественного творчества присущи и лирике Ханьшань-цзы. И хотя творчество этого поэта никогда прежде не включалось в золотой фонд национальной словесности, оно выявляет новую грань классической поэзии Китая.

На русском языке имеются переводы всего нескольких стихотворений Ханьшань-цзы, выполненные Л. Бежиным, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 240–241; и Л. Н. Меньшиковым, в: Чистый поток... С. 114–117.

* * *

Старушка живет на восток от лачуги моей,
Три года назад у нее поприбавилось благ.
Недавно была и меня самого-то бедней,
А ныне она потешается: ты, мол, бедняк...
Все судит меня, что совсем я лишился лица,
Ее барышам я такой же упрямый судья.
Один над другим потешаемся мы без конца:
Она на востоке, напротив, на западе, — я.

* * *

Когда-то старик жил у северных стен городка,
Был дом его доверху полон едой и вином.
Однажды скончалась жена у того старика,
И сотня гостей помянуть ее съехала в дом.
Но вот очень скоро почтенный преставился сам,
О нем ни один не заплакал — не все ли равно?!
Во славу его набивавшим желудки гостям
Холодное сердце, наверное, было дано...

* * *

Обманщик, который морочит достойных людей,
Похож на глупца, что с корзиной идет за водой.
Спешит он, бедняга, домой обернуться скорей,
Да только у дома увидит корзину пустой.

Того ж человека, который обманут лжецом,
Я с луком сравню, что пророс в деревенском саду:
Его, что ни утро, под корень срезают ножом,
А он, как и прежде, заполнит пустую гряду...

* * *

Мои стихи ругал один знаток:
Мол, у Хань Шаня слишком бедный слог.
Но ты на древних мудрецов взгляни,
Ведь не стыдились бедности они!
Знаток почтенный хмыкнул мне в ответ:
«В твоих словах и капли смысла нет!»
Пусть он остается при своем,
Когда одна корысть и жадность в нем.

7) ХАНЬ ЮЙ (768–824)

Хань Юй, второе имя Туй-чжи, уроженец центрального региона Китая (область Хэян, провинция Хэнань), — один из крупнейших политических деятелей, мыслителей и литераторов второй половины Тан и представитель очередного поколения танской служилой интеллигенции, годы жизни и творчество которого выпали на десятилетия стагнации и начала деградации танского правящего режима.

Хань Юй происходил из некогда знатного, но к тому времени обедневшего рода, утратившего былые общественные позиции. К тому же он рано осиротел: его отец погиб в ссылке на юге, а вскоре умер и его старший брат, оставив на попечение 11-летнего мальчика собственного маленького сына. Несмотря на подобную ситуацию, Хань Юй изнурительнейшим и настойчивым самообразованием смог приобрести столь обширные познания и овладеть литературным мастерством, что с блеском сдал экзамены всех уровней и в 792 г., не имея никаких влиятельных покровителей, получил на столичном экзамене высшую ученую степень — *цзиньши*. О том, чего ему стоило подобное самообразование, красноречиво свидетельствует состояние его здоровья: к тридцати годам он полностью поседел и мучился прогрессирующей болезнью глаз, угрожающей ему слепотой. Подобно Ду Фу, Хань Юю пришлось несколько лет ждать назначения на должность, в течение которых он отчаян-

но боролся с нуждой и одно за другим подавал прошения на имя сановных вельмож. После получения места в Управлении императорских дел был вскоре (797) призван ко двору, но уже в 805 г. он был сослан (местность Яншань, провинция Гуандун) в наказание за доклад трону, в котором резко, хотя и в витиевато-почтительных формулировках, критиковал действия центральной администрации по отношению к крестьянам столичной и соседней с ней областей, только что претерпевших засуху. В 806 г. Хань Юй был возвращен в столицу по личному приказанию нового императора — Сянь-цзуна (806–821), стремившегося избавиться от фаворитов своего отца и окружить себя сосланными при нем людьми. В 815 г. ему, уже ставшему признанным ученым-конфуцианцем, поручается составление описания правления прежних императоров, которое должно было послужить основой будущей официальной истории династии Тан. Однако Хань Юй оказывается замешанным в судебном процессе против лидеров смещенной придворной группировки и переводится с понижением в провинцию. В 819 г. его вновь вызывают в столицу с назначением на пост цензора в Императорском секретариате: для него открывалась перспектива активно участвовать в делах управления страной. Воспользовавшись своими полномочиями, Хань Юй попытался выступить против чрезмерного, с его точки зрения, влияния буддийской церкви, подав на высочайшее имя доклад, в котором опротестовывалось буддийское вероучение как таковое и доказывалась его пагубность для национальных нравов и государственности. Ревностный последователь буддизма, Сянь-цзун отдал приказ о казни Хань Юя, заменив ее по ходатайству влиятельных друзей поэта ссылкой — назначением на должность губернатора области Чаочжоу (район современного города Гуанчжоу, провинция Гуандун), бывшей в то время глухой и труднодоступной местностью, населенной в основном некитайскими народами. Губительный для его здоровья климат, непривычность обычаев местного населения окончательно сломили упорство Хань Юя, и через год он отправил императору покаянное письмо, добившись тем самым перевода в новое место — в Юаньчжоу (провинция Цзянси) — область тоже периферийную, но все же более обжитую и цивилизованную, чем Чаочжоу. Последние два года своей жизни Хань Юй провел в столице, вызванный туда преемником Сянь-цзуна — императором Му-цзуном (821–825). Но он теперь уже воздер-

живался от общественной активности, а тем более от скольконибудь опрометчивых политических шагов.

Хотя сам Хань Юй всегда пребывал в убеждении, что самое ценное из созданного им — поэтические произведения, в историю китайской культуры он вошел прежде всего как мыслитель конфуцианского толка, теоретические разработки которого ознаменовали собой новую стадию в эволюции конфуцианского учения. А в историю литературы — как величайший мастер прозы-*гувэнь* («изящная словесность древнего стиля», подробно см. Предисловие)¹. Собственно поэтическое наследие Хань Юя состоит из 300 с лишним стихотворений, созданных в различных лирических жанрах и являющихся в целом типичными для лирики второй половины Тан произведениями, в которых преобладают гражданские мотивы: разочарование в правящем режиме и ностальгия по прошлому величию страны, а также грустные переживания из-за несбывшихся надежд и одиночества.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 10 стихотворений Хань Юя, выполненные Н. Банниковым, Д. Голубковым, А. Старостиным, в: Антология китайской поэзии... С. 214—220; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 242—244; Ю. Щуцким, в: Антология китайской лирики... ; В. Роговым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 291—296; и Л. Н. Меньшиковым, в: Чистый поток... С. 197—199.

Горы и камни

Неровны щербатые камни,
едва заметна тропа.
Пришел я в сумерки к храму,
летают нетопыри.
Я в зале сел на ступени,
влажные от дождя.
Огромны бананов листья,

¹ Всего сохранилось более 300 таких произведений Хань Юя. На русском языке имеются переводы более 40 из них, включая упомянутые выше прошения, доклады трону, выполненные акад. В. М. Алексеевым, в: Китайская классическая проза... С. 209—232; акад. Н. И. Конрадом, в: Китайская литература. Хрестоматия... С. 299—312; И. Соколовой, в: *Хань Юй, Лю Цзун-юань*. Избранное / Пер. И. Соколовой. М., 1979. С. 10—17; Л. Н. Меньшиковым, в: Чистый поток... С. 182—196.

пышен гардений цвет.
Монах мне сказал: на стенах
буддийские росписи есть.
Принес огня посветить мне, —
отменное мастерство!
Циновку встряхнул для ложа,
похлебкою угостил;
Мне пищи простой довольно,
чтоб голод мой утолить.
Все тихо, лежу спокойно,
не слышен стрекот цикад.
Встал чистый месяц над кряжем,
сияние входит в дверь...
Свetaет. Иду на воздух.
Нигде не видно дорог.
Блуждаю кругом бесцельно,
лишь дым и туман окрест.
В сиянье алеют горы,
лазурью блещут ручьи,
И вижу: в десять обхватов
и сосны здесь, и дубы.
На камни ручья спокойно
ступаю босой ногой;
Журчит вода, убегая,
мне ветер треплет халат.
При жизни такой нетрудно
возрадоваться всему —
Зачем же сидеть непременно
на привязи у других!
В одном желанье признаюсь
моим немногим друзьям:
Хочу до старости жить здесь,
отсюда не уходить!

В пятнадцатый день восьмой луны дарю Чжан Гунцао

Облака подвернуты кругом,
нет Реки среди небес,
Чистый ветер дует в пустоте,
сгладил волны свет луны.
Спит вода, спят ровные пески,

образов и звуков нет.
 Пьем с тобой из кубка одного —
 спой мне что-нибудь, прошу.
 Ты поешь — с кислинкою напев,
 а слова твои горьки;
 Не могу дослушать до конца —
 слезы льются, словно дождь.
 «С небесами высота Цзюю
 сводит озеро Дунтин,
 Всплыл дракон и снова вглубь нырнул,
 слышны крики обезьян.
 Десять жизней, девять в них смертей —
 вот как выслужил я чин.
 А теперь один в глуши живу,
 точно скрывшийся беглец.
 Покидая ложе, змей боюсь
 и отравы жду в еде.
 Воздух моря увлажнил червей,
 мяса, крови смрад вокруг.
 Пред ямынем барабан большой
 бил торжественно вчера:
 Новый государь у нас теперь,
 Гао будет вознесен.
 За день о прощении указ
 десять тысяч ли прошел,
 Всем, кто к казни был приговорен,
 жизнь дарована была;
 Возвращают ссыльных, служба ждет
 всех, кто отрешен от дел,
 Будет смыта грязь, сметен порок,
 стихнут козни во дворце.
 В списки некий чин меня вписал —
 имя вымарал другой,
 Не везло мне — только удалось
 к варварам забраться в Цзинь.
 Что судебный исполнитель? Тля!
 Если жалобу подам,
 То накажут палками меня
 да затопчут в пыль и в грязь.
 А из тех, кто начинал со мной,
 в гору многие пошли...

Тяжко подыматься в высоту
 по Небесному пути».
 Ты окончил песню, а теперь
 слушай то, что я спою,
 Подарю тебе я песнь мою,
 столь несхожую с твоей:
 «Ночью ныне яростный лунный свет —
 хватит и на целый год,
 Жизнь стремится по стезе судьбы,
 и другого нет пути.
 Если есть вино, а ты не пьешь,
 то зачем луне светить?»

8) ЛЮ ЦЗУН-ЮАНЬ (773–819)

Лу Цзун-юань, второе имя Цзы-хоу, уроженец северного региона Китая (область Хэдун, провинция Шаньси), обычно называется в истории китайской литературы совместно с Хань Юем и в качестве столь же выдающегося мастера прозы-*гу-вэнь*¹. В действительности они были очень разными по характеру людьми и не такими уж близкими друзьями и единомышленниками, как это принято считать. Их жизненные пути тоже сложились не совсем одинаково. На первых порах судьба явно благоволила к Лю Цзун-юаню: в возрасте еще 20 лет он с блеском выдержал столичный экзамен и сразу же получил назначение на весьма заметную должность — пост цензора по общим вопросам. В скором времени он попал в поле зрения сановника-фаворита наследного принца — будущего императора Шунь-цзуна (805–806) — и примкнул к его партии. Но Шунь-цзун вззошел на трон, уже будучи тяжело больным, а его сын — император Сянь-ди — поспешил сразу же после смерти отца избавиться от близких к нему людей. Лю Цзун-юань оказался на посту военного губернатора области Юнчжоу (провинция Хунань) — столь же отдаленного южного края, как и местность, где пребывал Хань Юй. Амнистия, объ-

¹ На русском языке имеются переводы в общей сложности 25 прозаических произведений Лу Цзун-юаня, выполненные акад. В. М. Алексеевым, в: Китайская классическая проза... С. 233–295; акад. Н. И. Конрадом, в: Китайская литература. Хрестоматия... С. 313; И. Соколовой, в: *Хань Юй*... С. 143–145.

явленная в 815 г., лишь усугубила его положение: одновременно со снятием предъявленных ему ранее обвинений он получил назначение в еще более необжитую и удаленную южную область — Лючжоу (провинция Гуанси), где и скончался.

Лирика Лю Цзун-юаня тоже пользуется значительно меньшим вниманием старых китайских филологов и исследователей, чем его прозаические сочинения, и ей свойственны те же, как и поэзии Хань Юя, содержательные особенности. Но при этом стих Лю Цзун-юаня отличается заметно большей выразительностью, резкостью и одновременно лаконичностью, чем это было присуще творческой манере Хань Юя.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 10 стихотворений Лю Цзун-юаня, выполненные А. Гитовичем, М. Басмановым, в: Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 271—275; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 309—312; Ю. Щуцким, в: Антология...; Л. Эйдлиным, В. Роговым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 298—300; Сухой тростник... С. 238—239.

Рыбак

Когда над Сян погаснет солнца луч,
Рыбак меж скал раскинет свой шатер,
Воды прозрачной утром зачерпнув,
Подбросит веток сяньфэйчжу в костер.

Едва туман растаял над водой —
Исчез рыбак в лазоревой дали!
«Ай-ай» — лишь слышишь. Где-то плеск весла,
Где синь реки и гор в одно слились.

Я оглянулся. Над грядою скал
Неторопливо облачко плывет
Ушедшей лодке рыбака вослед,
Как и рыбак, не ведая забот.

*В городе Лючжоу поднимаюсь на башню городской стены
и посылаю привет друзьям в области Чжан, Фэн и Лянь*

Охвачен бесконечною тоскою,
Стою на башне городской стены,
Раскинулись далёко предо мною
Чужие земли южной стороны.

Стена плющом укрылась от дождя,
А он все хлещет по листве густой,
Свирепый ветер лотос разметал
В глубоком рву, наполненном водой.

Хочу увидеть вас, мои друзья,
Но много гор меж нами залегло...
Тоскует сердце, мечется в груди,
Как горный ключ, придавленный скалой.

Изгнанники, нашли мы свой приют
У южных варваров. Далёко край родной!
Письмо иль весть друг другу не пошлем —
Их не получишь все равно!

Снег над Цзяном

Осенние птицы уже не летят
Над тысячью гор седых,

На тысяче троп не видать следов —
Снег замедляет их.

В плаще и бамбуковой шляпе рыбак,
Старый совсем человек,

Ведет сиротливую лодку свою...
Над Цзяном белеет снег.

9) БО ЦЗЮЙ-И (772—846)

Бо Цзюй-и, второе имя Лэ (Юэ)-тянь, литературное самопрозвание Сяншань-цзюйши (Отшельник с горы Сяншань), уроженец западного (для Тан — столичного) региона Китая (местность Сягуй, провинция Шэньси), — самая масштабная поэтическая фигура второй половины танской эпохи.

Происходивший из именитого, но обедневшего чиновничьего семейства, Бо Цзюй-и в возрасте 28 лет (800) сдал столичный экзамен и сразу же получил назначение в главное гуманитарное учреждение того времени — Академию Хань-линь. В 815 г. в связи с очередным накалом околотронных

распрей был переведен из столицы на пост губернатора южной области Цзянчжоу (в северной части провинции Цзянси, в прибрежной зоне озера Поянху) — так началась его карьера высокопоставленного, но провинциального чиновника. Более 20 лет он занимал руководящие должности в административных аппаратах различных юго-восточных областей — Ханчжоу, Сучжоу (провинции Цзянсу и Чжэцзян). После прихода к власти императора У-цзуна (841—847) был вновь вызван в столицу, получив назначение в аппарат наследного принца. Однако незадолго до смерти подал в отставку и поселился в уединении в окрестностях Лояна.

Поэтическое наследие Бо Цзюй-и состоит из более 3000 произведений, лучшими из которых считается гражданская лирика, в первую очередь циклы «Циньские напевы» и «Новые народные песни». Настоячивое обращение Бо Цзюй-и именно к социально-политической тематике полностью соответствует его кредо о сущности и общественных функциях поэтического творчества: «Литературное произведение должно соответствовать времени, стихи должны соответствовать действительности». Подобные установки распространяются и на его творческую манеру: его произведения отличаются внятностью повествования и необычной для поэзии того времени простотой языка, что делало их доступными пониманию даже неграмотного человека. Не случайно широкое хождение получила легенда о том, что Бо Цзюй-и, прежде чем обнародовать каждое свое новое творение, читал его вслух своей старой нянюшке и считал его завершенным и удачным, только если получал ее одобрение. По свидетельству друга и единомышленника Бо Цзюй-и — Юань Чжэня (подробно см. далее), «в течение 20 лет стихи Бо Цзюй-и писались на стенах правительственных зданий, даосских и буддийских храмов, почтовых станций; они не сходили с уст князей, жен сановников, пастухов и конюхов». Однако мастерство поэта не исчерпывалось гражданской лирикой, средними и крупными поэтическими формами (вплоть до поэм¹), его творческое наследие украшает немало очарователь-

¹ Самыми известными лирическими поэмами Бо Цзюй-и являются: «Пи-па» («Лютня»), повествующая о горькой судьбе состарившейся некогда столичной певицы и музыкантши, и «Песня о бесконечной тоске», посвященная истории любви императора Сюань-цзуна и Ян-гуйфэй. На русском языке имеется несколько вариантов их перевода, выполненных Б. А. Васильевым, Ю. Щуцким и Л. З. Эйдлиным (см. библиографию в основном разделе).

ных камерных лирических миниатюр, выдержанных в духе стихотворений Мэн Хао-жэня и Ван Вэя, что позволяет видеть в нем наследника всех лучших традиций предыдущего поэтического поколения.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 100 стихотворений Бо Цзюй-и, выполненные в основном Л. З. Эйдлиным, в: *Бо Цзюй-и. Четверостишия* / Пер., вступ. ст. и коммент. Л. Эйдлина. М., 1949, 1951; *Бо Цзюй-и. Стихи* / Пер. Л. Эйдлина. М., 1958; *Бо Цзюй-и. Лирика* / Пер., сост., вступ. ст. и прим. Л. Эйдлина. М., 1965; *Бо Цзюй-и. Стихотворения* / Пер., вступ. ст. и прим. Л. Эйдлина. М., 1978; *Антология китайской поэзии...* Т. 2. С. 225—270; *Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан...* С. 179—292; *Классическая поэзия Индии, Китая...* С. 300—318; *Сухой тростник...* С. 110—237; а также Б. А. Васильевым, в: *Восток*. Сб. 1. М.; Л., 1935. С. 113—138; М. Басмановым, в: *Цветет мэйхуа. Классическая поэзия Китая в жанре цы* / Пер. М. Басманова. М., 1979. С. 60—63; Л. Н. Меньшиковым, в: *Чистый поток...* С. 217—226; и Ю. Щуцким — в: *Антология китайской поэзии...* С. 117—126; *Китайская литература. Хрестоматия...* С. 318—343.

Я смотрю, как убирают пшеницу

Приносит заботы
крестьянину каждый месяц,
А пятый и вовсе
хлопот прибавляет вдвое.

Короткою ночью
поднимется южный ветер,
И стебли пшеницы,
на землю ложась, желтеют...

Крестьянские жены
в корзинах еду проносят,
А малые дети
кувшины с водою тащат.

Одни за другими
идут по дороге к полю.
Мужчины-кормильцы
на южном холме, под солнцем.

Подошвы им ранит
дыханье земли горячей.
Им спины сжигает
огонь палящего неба.

В труде непрерывном,
как будто им зной не в тягость.
Вздыхнут лишь порою,
что летние дни так долги...

Еще я вам должен
сказать о женщине бедной,
Что с маленьким сыном
стоит со жнецами рядом

И в правой ладони
зажала поднятый колос,
На левую руку
надела свою корзину.

Вам стоит подслушать
бесхитростную беседу —
Она отзовется
на сердце печалью тяжелой:

«Всё дочиста с поля
ушло в уплату налога.
Зерно подбираю —
хоть так утолить бы голод».

А я за собою
какие знаю заслуги?
Ведь в жизни ни разу
я сам не пахал, не сеял.

А все ж получаю
казенные триста даней,
До нового года
зерно у меня в избытке.

Задумаюсь только,
и мне становится стыдно,

И после весь день я
не в силах забыть об этом.

Спрашиваю у друга

Посадил орхидею,
но полыни я не сажал.
Родилась орхидея,
рядом с ней родилась полынь.

Неокрепшие корни
так сплелись, что вместе растут.
Вот и стебли и листья
появились уже на свет.

И душистые стебли,
и пахучей травы листья
С каждым днем, с каждой ночью
набираются больше сил.

Мне бы выполоть зелье, —
орхидею боюсь задеть.
Мне б полить орхидею, —
напоить я боюсь полынь.

Так мою орхидею
не могу я полить водой.
Так траву эту злую
не могу я выдернуть вон.

Я в раздумье: мне трудно
одному решение найти.
Ты не знаешь ли, друг мой,
как в несчастье моем мне быть?

Я сшил себе теплый халат

Холст из Гуэй
бел, точно свежий снег.
Вата из У
нежнее, чем облака.

И холст тяжелый,
и ваты взят толстый слой.
Сшили халат мне —
вот уж где теплота!

Утром надену —
и так сижусь дотемна.
Ночью накроюсь —
спокойно сплю до утра.

Я позабыл
о зимних морозных днях:
Тело мое
всегда в весеннем тепле.

Но как-то средь ночи
меня испугала мысль.
Халат я нащупал,
встал и заснуть не мог:

Достойного мужа
заботит счастье других.
Разве он может
любить одного себя?

Как бы добыть мне
халат в десять тысяч ли,
Такой, чтоб укутать
людей всех четырех сторон.

Тепло и покойно
было бы всем, как мне,
Под нашим бы небом
не мерз ни один бедняк!

Из цикла «Циньские напевы»

Покупаем цветы

На столичных путях
наступает закат весны.

Грохоча-стуча,
там коляски, кони спешат.

Говорят друзья,
что пионам пришла пора.
И один за другим
все идут покупать цветы.

Не равны цветы,
и цена цветам не одна:
Нам считают то,
сколько собрано вместе их.

Пламенеют огнем —
красных сто на одном кусте;
Чуть заметно мелькнут —
белых пять в небольшом пучке.

Их повёрху закрыл
полотняный плотный навес.
Оградил с боков
из бамбука сплетенный забор.

Их смочили водой,
залепили корни землей.
Принесешь к себе —
расцветут, как в родном саду.

В каждом доме у нас
так цветы в обиход вошли,
Что любой человек
отдается им всей душой.

Как-то раз один
деревенский простой старик
По ошибке забрел
на роскошный рынок цветов.

Ничего не сказав,
испустил он глубокий вздох.

Этот тяжкий вздох
никого не привлек в толпе...

«За один пучок
темно-красных свежих цветов —
Десяти дворов
деревенских семей налог!»

Из цикла «Новые народные песни»

Дулинский старик. Страдания крестьянина

Дулинский старик, крестьянин,
живет за столицей в деревне.
Он нынче засеял тощее поле
площадью больше цина.

В третий месяц дождь не пролился,
поднялся засушливый ветер.
Всходы пшеницы не покрылись цветами,
много их, пожелтев, погибло.

В девятый месяц пал белый иней,
поторопился осенний холод.
Колосья зерном не успели налиться —
все они, не созрев, засохли.

Старший сборщик все это знает,
но не просит снизить поборы.
За податью рыщет, налоги тянет,
чтоб видали его старанье.

Заложены туты, продано поле,
внесена тяжелая подать.
Ну а дальше — одежду и пищу
где найдет разоренный крестьянин?

«С наших тел
сдирают последний лоскут!
Из наших ртов
вырывают последний кусок!

Терзают людей, отбирают добро
шакалы и злые волки!
Почему эти крючья-когти, почему эти пилы-зубы
пожирают людское мясо?»

И все же какой-то человек нашелся,
доложил обо всем государю.
В душе государя состраданье и жалость —
он узнал о муках народа.

На листе казенной белой бумаги
начертал он ответ свой добрый:
«В столичной округе вносить не надо
никому в этот год налоги».

И уже вчера деревенский чиновник
от ворот подходил к воротам
И, держа в руках указ государя,
объявлял деревенским людям.

Но на каждые десять дворов в деревне
с девяти уже все взыскали.
Ни к чему теперь для них оказалась
господина нашего милость!

Цветок не цветок...

Цветок не цветок,
Туман не туман,
В полночь пришла,
Исчезла с рассветом.
Как сон весенний, пришла...
И вдруг
Легким облачком поутру
Сокрылась бесследно где-то.
(Мелодия «Хуа фэй хуа».)

Весна в Чанъани

Ветви ивы в Цинских воротах
мягко никнут без сил.

Ветер восточный, повеяв, тронул
желтым золотом их.

Здесь, в предместье, слабые вина —
выпив, легко трезветь.

Встретившей взор мой грусти весенней
нам не унять ничем.

Ночью в лодке

После дождя на берегу
так чисто и свежо.

Прохладой веет у моста,
приятен ветерок.

Чета осенних журавлей,
и лодка на пруду.

Глубокой ночью вместе мы
в сиянии луны.

Персиковые цветы в храме Далинь

В четвертый месяц в нашем мире
кончаются цветы,

А в этом горном храме персик
сегодня лишь расцвел.

Я горевал — весна уходит,
ее вернуть нельзя.

Как мог я знать, что по дороге
она зайдет сюда?

Ночной дождь

Сверчок предраассветный
кричит и опять затихает.

Свеча, угасая,
то меркнет, то снова светлеет.

За окнами ночью
дождя узнаю приближенье:

В банановых листьях
рождаются первые звуки.

Читая Лао-цзы

«Кто говорит — ничего не знает,
знающий — тот молчит».

Эти слова, известные людям,
Лао принадлежат.

Но если так и почтенный Лао
именно тот, кто знал, —

Как получилось, что он оставил
книгу в пять тысяч слов?

10) ЮАНЬ ЧЖЭНЬ (779–831)

Юань Чжэнь, второе имя Вэй-чжи, уроженец центрального региона Китая (округ Хэнэй, окрестности г. Лояна, провинция Хэнань), — ближайший друг и единомышленник Бо Цзюй-и и один из ведущих литераторов-прозаиков (новеллистов — подробно см. далее) танской эпохи.

Юань Чжэнь тоже происходил из некогда знатного, но обедневшего рода. В 15 лет он уже смог сдать экзамены областного уровня, а в 802 г. — столичный экзамен, вскоре получив назначение на должность. В связи с женитьбой (на дочери одного из крупных сановников) на некоторое время переехал в Лоян и, вернувшись в Чанъань, на протяжении нескольких лет исполнял обязанности чиновника, инспектирующего провинциальные власти. Его честность, неподкупность и бес-

компромиссность настроили против него многих провинциальных сановников, которые совместными усилиями добились смещения Юань Чжэня с должности и его ссылки в 810 г. на юг (в провинцию Хубэй). Вплоть до 820 г. Юань Чжэнь продолжал служить в южных областях и, вновь вызванный в столицу, достиг более чем внушительного карьерного успеха, став (822) «держателем печати», т. е. заместителем первого министра. Но и на этом посту он продержался недолго, вызвав раздражение придворной знати, и через несколько месяцев (под угрозой новой ссылки) выразил желание отправиться на юго-восток (область в Чжэцзян), где в то время находился Бо Цзюй-и, с которым Юань Чжэнь познакомился и подружился еще в период подготовки к столичному экзамену. В 829 г. он был в очередной раз вызван в столицу, а уже в 830 г. отправлен, хотя и со всем внешним почетом, губернаторствовать на юг, на этот раз — в Учан (южная часть провинции Хубэй), где и умер.

Поэтическое наследие Юань Чжэня состоит из более 700 произведений, написанных, подобно лирике Бо Цзюй-и, в самых разных поэтических жанрах — *гутыши*, *люйши*, *цзюэцзюй* — и формах, включая лирические поэмы. По содержанию его поэзия также во многом совпадает с творчеством Бо Цзюй-и, представляя почти весь спектр свойственных танской художественной словесности тем и мотивов, хотя последующими критиками и исследователями наиболее ценится его гражданская лирика.

На русском языке имеются переводы в общей сложности чуть более 10 стихотворений Юань Чжэня (при наличии нескольких вариантов одного и того же текста), выполненные А. Гитовичем, Л. Е. Черкасским, Ю. К. Щуцким, в: Лирика китайских классиков... С. 117–128; Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 278–282; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 313–322; Из китайской и корейской поэзии... С. 327–329; Китайская литература. Хрестоматия... С. 376–391; и А. Сергеевым — в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 322–323.

Из цикла «Три стихотворения на смерть жены»

- (I) Ты самой младшею в семье
Любимой дочерью была,

Но стала, волею небес,
Цянь Лоу бедного женой.

Бывало, я просил вина —
Как ты купить его могла? —

И вот без ропота и слез
Прощалась с шпилькой золотой.

Была довольною всегда
Похлебкой грубой из травы,

Топила листьями очаг,
Не плача о своей судьбе.

Теперь сто тысяч платят мне,
Теперь богат я, но — увы! —

За жертвой жертву приношу,
Пощусь — и плачу о тебе.

*Услышал о том, что мой друг Бо Цзюй-и
приговорен к ссылке в Цзюцзян*

От жалкого светильника,
В смятении,

На потолке дрожат
Ночные тени.

Я только что
Узнал, мой верный друг,

Что вы в опале
Оказались вдруг.

Я сам склоняюсь
В старческом недуге,

Но, содрогаясь,
Думаю о друге —

И до зари
Мне слушать суждено,

Как хмурый дождь
Стучит в мое окно.

Забитый дворец

Дряхлеет дворец позабывший
На старом имперском пути,

Багряные розы, сучая,
Не знают, зачем им цвести.

Седые придворные дамы
Влачат свои праздные дни —

О славных делах Сюань-цзуна
Ведут разговоры они.

11) ДУ МУ (803–852)

Ду Му, второе имя Му-чжи, уроженец столичной области (провинция Шэньси), — одна из самых приметных и самобытных поэтических фигур заключительного столетия Тан, хотя его творчество всегда оценивалось по-разному: если часть критиков и исследователей считают его продолжателем поэзии Ду Фу, что находит отражение в принятом в китайской филологии термине — Большой и Маленький Ду, то другие считают, что он стремился подражать лирике Се Линюня, причем делая это в «неуклюжих формах».

Жизненный путь Ду Му сложился в целом удачно. Он происходил из известного семейства ученых-чиновников (его дед — Ду Ю, 735–812, — составитель одной из первых китайских энциклопедий — «Всеобщего свода»). Сдав столичный экзамен и поступив на службу (828), вплоть до конца 40-х гг. IX в. служил в основном на периферии (на юго-востоке), занимая руководящие посты — до губернатора области — в местных аппаратах. Был вызван в столицу, где вскоре и умер.

В лирике Ду Му, несмотря на ее тематическое и идейное многообразие, действительно отчетливо выделяются две основные группы — гражданская поэзия, лучшим образцом которой считается лирическая поэма «Песня о дворце Эфан» (см. библиографию в конце раздела), и лирические миниатюры пейзажно-философского характера.

На русском языке имеются переводы 15 произведений Ду Му, выполненные А. Гитовичем, В. Марковой («Песня о дворце Эфан»), в: Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 291–298; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 341–342; А. Сергеевым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 325–329; Л. Н. Меньшиковым, в: Чистый поток... С. 256–257; Ю. К. Щуцким, в: Антология китайской поэзии... С. 41; Л. З. Эйдлиным, в: Сухой тростник... С. 250.

Подплываю к набережной Циньхуай

Туман осел на холодную воду,
лунный свет — на песок.
Во мраке к берегу подплываю
возле веселых домов.
Продажным женщинам не оплакать
гибель страны отцов.
Слышу, на том берегу горланят
«Цветы на заднем дворе».

Прогулка в горы

По горной тропе поднимаюсь
На каменистые склоны,
Грустит одинокая хижина
Среди молодых облаков.
Остановилась повозка —
Сажу и люблюсь на клены.
Листья, опушенная инеем,
Краснее весенних цветов.

Осенний вечер

На ширму свет серебристой свечи
навел морозный узор.
Прозрачный шелковый веер накрыл

танцующих светлячков.
Небесная лестница, словно река
в осенний день, холодна.
Лежу и смотрю на огни домов
Ткачихи и Пастуха.

Из цикла «Думаю о прежних путешествиях»

(II) На храме к западу от Реки
стихи написал Ли Бо.
Старые сосны вокруг горы,
сквозняк под ветхим шатром.
А я, полутрезвый, полухмельной,
бродил здесь четыре дня.
Красно-белые лепестки
глядят сквозь полог дождя.

Сожаление

Утратив душу, вдоль рек, у озер
брожу, прихватив вино.
Танцовщица чуская так легка,
хоть ставь ее на ладонь.
В Янчжоу впервые за десять лет
очнулся на миг от сна
И вижу, даже в Синих домах
не почитают меня.

Сад Цзиньгу

Роскошная жизнь расточилась вослед
за благоуханной пылью.
Бегущие воды не знают чувств,
трава не знает людей.
Восточный ветер и птичий стон
в деревьях на склоне дня.
Со стебля падает лепесток,
как девушка из окна.

Весна в Цзяннани

Запели птицы на тысячи ли,
травы алеют цветами.

В селеньях у рек и на кручах гор
реют винные флаги.
Четыреста восемьдесят вокруг
храмов Южных династий.
Как много пагод и старых дворцов
мешает видеть ненастье!

12) ЛИ ШАН-ИНЬ (813–858)

李商隐

У Ш

Китайская поэзия

Ли Шан-инь, второе имя И-шань, литературное прозвание Юйцзи-шэн (Рожденный у Нефритового ручья), уроженец центрального региона Китая (округ Хэнэй, провинция Хэнань), — наиболее приметная, совместно с Вэнь Тин-юнем (подробно см. далее), и своего рода знаковая поэтическая фигура конца Тан.

Большая часть жизни Ли Шан-иня прошла «под счастливой звездой». Еще мальчиком он привлек к себе внимание могущественного на тот момент министра — Ню Сэн-жу (779–847) и, благодаря его покровительству, уже в возрасте 19 лет сдал столичный экзамен и получил назначение в аппарат другого крупного столичного сановника, чьим зятем вскоре стал. Его безбедному существованию и официальной карьере положили конец придворные распри, разгоревшиеся после воцарения императора Сюань-цзуна (807–860). Вслед за смещением и смертью Ню Сэн-жу он был выслан из столицы, несколько лет провел в юго-западных областях (провинция Сычуань), в середине 50-х гг. IX в. переведен в уезд, находившийся рядом с его родиной (Инъян, провинция Хэнань), где и скончался.

Ли Шан-инь — тончайший лирик, создатель изящных по стилю, вместе с тем преисполненных внутреннего драматизма произведений, которые чутко откликались на горечь и безысходность жизни китайского общества к концу Тан. Элегичность его творчества оказала огромное влияние на последующую — сунскую — поэзию.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 10 стихотворений Ли Шан-иня, выполненные А. Ахматовой, А. Гитовичем, В. Роговым и А. Сергеевым, в: Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 300–304; Китайская классическая

поэзия. Эпоха Тан... С. 343—348; Из китайской и корейской поэзии... С. 333—336; Классическая поэзия Индии, Китая... С. 329—332.

Цзя И

Когда пожелал император
Беседовать с мудрецом,

Цзя И он призвал из ссылки,
Прославленного умом.

И долго его расспрашивал,
Но только несчастье в том,

Что все о чертях и духах,
А не о народе своем!

Без названия

Как встречаться нам тяжело,
так тяжело расставаться.

Ветер жизни лишился сил,
все цветы увядают.

Лишь когда шелкопряд умрет,
нити дум прекратятся.

Лишь когда фитиль догорит,
слезы свечи иссякнут.

Утром у зеркала я грущу,
видя облачный вóлос.

Ночью, читая стихи, узнаю
лунного света холод.

До небожителей, на Пэнлай,
путь не такой уж трудный:

Темная птица о трех ногах,
дай мне знать о грядущем.

Суйский дворец

Бежит пурпурная вода канала,
чертоги обволок туман.
А ведь Ян-ди хотел Учэн когда-то

своей столицей объявить.
Когда его нефритовой печатью
не завладел бы Тан Тай-цзун,
То он бы смог на парусах парчовых
умчаться до краев небес.
Теперь уже в траве полузавядшей
не видно ярких светляков,
И лишь на древних, на поникших ивах
вороны вечером кричат.
Когда Ян-ди в загробном царстве встретить
придется снова Чэнь Хоу-чжу,
Уместно ли при встрече будет вспомнить
«Цветы во внутреннем дворе»?

Опавшие цветы

Из высокого дома гости навек ушли.
В опустевшем парке кружатся лепестки.
То взлетят, то струятся вдоль тропинок витых.
Провожает взглядом солнца косые лучи.
Вся душа изболелась — жалко двор подметать.
Все глаза проглядела — надо идти назад.
Благовонное сердце выдохлось, как весна.
Остается на память платье в горьких слезах.

13) ВЭНЬ ТИН-ЮНЬ (812?—866?)

Вэн Тин-юнь, вторые имена — Ци и Фэй-цин, уроженец северного региона Китая (область Тайюань, провинция Шань-си), — поэт очень близкий по настроению и творческой манере к Ли Шан-иню.

О его жизненном пути известно немного. Сохранились сведения, что он — выходец из старинного, но обедневшего чиновничьего семейства — так и не смог сдать столичный экзамен, и все-таки благодаря своему литературному дару, был принят на службу. Высшим достижением его официальной карьеры стал пост руководителя одного из главных государственных учебных заведений. По наущению ряда царедворцев, завидовавших славе поэта, Вэн Тин-юнь был смещен с должности, обвинен в преступлениях против трона и

сослан в какую-то отдаленную местность, где и скончался, предположительно в 866 или 870 г.

В историю китайской поэзии Вэнь Тин-юнь, несмотря на все достоинства его лирики-*ши*, вошел прежде всего как основоположник *цы* — самостоятельного и подлинно литературного жанра. Дошедшие до нас его *цы* — 79 текстов — талантливое свидетельство того, что именно ему удалось утвердить художественную ценность этого жанра. Его произведения — любовно-лирические по тематике — отличаются тончайшим психологизмом: передачей малейших нюансов душевного состояния лирической героини и всей гаммы любовной эмоции — от легкой грусти до боли утраты. Эстетического преобразования окружающей действительности поэт добивается посредством изысканно-утонченного слога и красочных эпитетов, а также искусным употреблением названий драгоценностей и предметов роскоши. Одновременно его *цы* присущ оттенок таинственности, недосказанности: они словно, по словам одного из китайских литературоведов, под легким прозрачным покрывалом или увиденные в лунную ночь. Вэнь Тин-юнь, раскрыв потенциальные изобразительные возможности *цы*, оказал огромное влияние на сунскую поэзию, и многие последующие литераторы, работавшие в этом жанре, почитали его своим учителем.

На русском языке имеются переводы около 10 стихотворений — *ши* и *цы* Вэнь Тин-юня, выполненные в основном М. Басмановым, в: Антология китайской поэзии... Т. 2. С. 307–311; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 350–352; Цветет мэйхуа... С. 64–69; Китайская пейзажная лирика... С. 99–100; а также Ю. К. Щуцким — в: Антология китайской лирики... С. 80 (транскрипция имени поэта — Вэнь Тинцзюнь); и А. Гитовичем, в: Из китайской и корейской поэзии... С. 336.

Храм Су У

Гонца из Хань завидев лишь вдали,
Су У охвачен был смятением и тревогой —
Здесь редок гость... Деревья за дорогой
В безмолвии храм предков стерегли.

Когда на степь седой туман сходил,
Су У к заставе брел с овечьим стадом,

Луна чужая не ласкала взгляда,
Далекий край, сюда и птиц не жди!

Но вот и возвращения пора.
И не узнал Су У Цзянчанской башни.
Где пышность, блеск?... и сам он не украшен
Мечом и шапкой ханьского двора!

Горюй, жалей, — но только Маолин
Печати князя не вручит в награду...
Осенних волн оплакивать не надо!
Их не воротить и на миг один!

Утро в горах Шаншань

С рассветом снова в путь. Качнулся бубенец,
И сердце замерло. Как отчий край далек!
Крик петуха. Свет призрачной луны.
Заиндевелый мост, следы от чьих-то ног.

Слетает с дуба на тропинку лист,
Цвет померанца белый над стеной,
И мне невольно грезится Дулин,
Где перелетных птиц в прудах полным-полно.

На мелодию «И Цзяннань»

Я причесалась
И спешу скорей
Окинуть взглядом
С башни даль речную.
Там всюду лодки,
Только нет одной..
Косой луч солнца
Гаснет над волной,
И отмель погрузилась
В тьму ночную.

На мелодию «Гэнлоуцзы»

В наплывах воска красная свеча,
И от курильниц яшмовый дурман.
Везде тоскливой осени печать.

Сурьюмою брови чуть подведены,
Небрежно прядь спадает на висок...
А ночь длинна, подушки холодны.

Уже за полночь, дождь все льет и льет,
Все шепчутся утуны за окном...
О, как меня разлуки час гнетет!

Под звон дождя о гулкую ступень
Приходит хмурый и ненастный день.

V. Поэзия X—XIII вв. эпохи Пяти династий (907—960), Северная Сун (960—1127) и Южная Сун (1127—1279)

1) ЛИ ЮЙ (937—978)

Ли Юй, второе имя Чжун-гуан, прозвание Чжун-инь (Колокол, сокрывшийся от мира), уроженец юго-восточного региона Китая (область Сюйчжоу, провинция Цзянсу), — последний государь южнокитайского (на территории провинции Цзянсу) царства эпохи Пяти династий — Южное Тан (937—975). Он вступил на трон (961) в критический для этого царства момент и, несмотря на все дипломатические усилия, не смог предотвратить его гибели — завоевания армией будущей сунской империи. Сдавшийся в плен и привезенный в столицу Сун — г. Кайфын (провинция Хэнань), он оказался на положении чуть ли не узника-заключенного, которому пришлось влачить полуничейское существование на скудные средства, отпускаемые сунским двором, и испрашивать специальное разрешение даже для встречи с ближайшими друзьями. Сохранилось предание, что он был отравлен в день своего рождения по приказу сунского императора, по-прежнему боявшегося своего пленника. Но потерпев полную неудачу как государственный деятель, Ли Юй увековечил себя в образе великолепного знатока и ценителя искусства, щедрого мецената, основателя первой в истории Китая Академии живописи, самобытного художника и каллиграфа. Главным же его литературным достижением является поэзия-цзы, которая знаменует переходный этап в эволюции этого жанра — от ранних цзы Вэнь Тин-юня к его расцвету, наступившему в XI—XII вв. Большинство созданных Ли Юем произведений не сохранилось: до нас дошло только около 20 его стихотворений-ши и немногим более 30 цзы, из которых несомненной оригинальностью и выразительностью обладают произведения, написанные в Кайфыне. Ли Юй впервые для данного жанра расширил

пространство исключительно любовных эмоций, вводя в *цы* темы, до этого присущие поэзии-*ши*: раздумья о смысле человеческой жизни, о бренности и несправедливости бытия, рассказ о собственных испытаниях и душевных муках. Заметное изменение, по сравнению с лирикой Вэнь Тин-юня, претерпела и вся стилистика его *цы*: свежесть образов сочетается в них с простотой изобразительных средств и лаконичностью языка, что придает им еще большую эмоциональную убедительность. Именно в творчестве Ли Юя обозначились те ориентиры, по которым в дальнейшем развивалась *цы*.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 20 произведений Ли Юя в жанрах *ши* и *цы*, выполненные в основном М. Басмановым, в: Цветет мэйхуа... С. 75–93; Китайская пейзажная лирика... С. 101–105; а также В. Марковой, Л. Н. Меньшиковым, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 5–14; Китайская классическая поэзия. Эпоха Тан... С. 371–380; Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун (X–XIII вв.). СПб., 2000. С. 33–38; В. Тихомировым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 333–334.

На мелодию «Лантаоша»

Шумит за шторой дождь, не умолкая,
И вот опять весны как не бывало!
В час пятой стражи холод проникает,
Не греет шелковое одеяло.

Скитальцу сон — одно лишь утешенье,
Чтобы забыть про беды и лишения.

Не надо на перила опираться,
Взор устремлять на горы и на реки.
Нетрудно было с ними расставаться,
А встретиться заказано навеки!

Цветы опали. Их река умчала.
Все свой конец имеет изначала.

На мелодию «Уети»

Один на западной башне
Стою, погруженный в думы.

Месяц — словно на небо
Кто-то крючок забросил.
Страшась тишину нарушить,
Не шелохнутся утуны.
На дальнем дворе повсюду
Таится прозрачная осень.

Ножницами не обрежешь
Злую тоску разлуки.
Чем больше я сокрушаюсь,
Тем большим смятением охвачен.
А может, что-то другое —
Причиной душевной муки,
Что в самых своих глубинах
Сердце давно уже прячет?..

На мелодию «Лантаоша»

Осталось мне одно — скорбеть о прошлом!
В природе тщетно я ищу забвенья,
Один осенний ветер под окошком,
Мхом поросли забытые ступени.

Жемчужной шторы поднимать не стану:
Кого мне ждать, будь поздно или рано!

Меч золотой зарыт в земле глубоко,
Дух боевой навеки поколеблен.
Прохладный вечер. Небо голубое.
Встает луна во всем великолепии.

Вновь о дворце из яшмы вспоминаю...
Ах, лунный свет, зачем ты Циньхуаю!

На мелодию «Почжэньцзы»

Страна моя, что от меня вдали,
Ты прожила недолгих сорок лет,
Раскинулась на много тысяч ли,
Твоим горам и рекам счета нет.

Доступные, увы, одним мечтам,
Нефритовые заросли садов.

Беседка Феникса, дворец Дракона там
Возносятся до самых облаков...

Да разве можно было в годы те
Подумать о копье и о щите!

И вот однажды в злополучный час
По воле неба пленником я стал.
Как Шэнь и Пань, я от невзгод угас,
Дни доживаю, немощен и стар.

Страшней всего мне нынче вспоминать,
Как предков храм я спешно покидал.
Оркестр дворцовый вышел провожать —
Он «Песнь разлуки» грустную играл.

Глядел я в скорби на придворных дам
И волю дал нахлынувшим слезам.

2) ЛЮ ЮН (1-я пол. XI в.)

Лю Юн, второе имя Ци-цин, уроженец юго-восточного региона Китая (область Чунъянь, провинция Фуцзянь), — ведущий северосунский поэт жанра *цы*.

Точные годы жизни Лю Юна неизвестны (в некоторых изданиях его рождение и смерть датируются соответственно 987 и 1053 гг., в других годом рождения называется 1034-й). О его жизненном пути сохранились лишь сведения о том, что он сдал столичные экзамены (предположительно — в 1034 г.), в конце концов дослужился до поста помощника начальника Департамента по вопросам колонизации окраинных земель и, судя по всему, не играл приметной роли в политической жизни того времени.

Главным литературным достижением Лю Юна считается введение в поэтическую практику многострочных (в оригинальной терминологии «медленных» — *мань*) *цы*, которые, благодаря продолжительности повествования, позволяли автору полнее, чем прежние формы *цы*, раскрыть свои мысли и чувства.

На русском языке имеются переводы около 10 *цы* Лю Юна, выполненные М. Басмановым и В. Адуевским, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 48; Поэзия эпохи Сун. М., 1959. С. 41–53; Цветет мэйхуа... С. 111–130; Китайская пейзажная лирика... С. 122–128.

На мелодию «Юйлиньлин»

Дождь отзвенел, и догорел закат,
Беседка в сумерках объята тишиной,
Лишь крик продрогших под дождем цикад.

У стен столицы молча пьем вино,
Настало время расставаться нам —
И лодка у причала ждет давно.

Рука в руке, нам слез не удержать,
Друг другу много надо бы сказать!
За сотни ли в край чуский поплыву,

Туда, где в дымке тонет горизонт
И вечер разливает синеву.

Так издавна судьбой заведено:
Нежнее сердце — горше дни разлук.
И больше надывается оно.

Холодной же осеннею порой
Разлуки тяжесть кажется горой.

Сегодня в ночь какие будут сны,
Где пробужусь я, хмель когда пройдет?
В прибрежных ивах, под рожком луны.

Вот так в пути пройдут за годом год.
И может, будут радостные дни,
И с ними чувство в сердце расцветет...

Что пользы в том! Все это ни к чему.
Пусть чувств родник — а вверить их кому?

На мелодию «Башэн-Ганьчжоу»

Гляжу, как на водной глади
Дождик вздымает брызги.

Скоро умытая осень
В иней оденется белый.
Ветер завоюет тоскливо
И до костей пронизает.
Солнце лучом прощальным
Быстро скользнет по башне —
И на реке переправа
Сразу осиротеет.

Поникнут зеленые травы,
Погаснут цветов огни,
Сном беспробудным природа
Спать будет в зимние дни.
Лишь, на судьбу не сетуя,
Твой, Янцзыцзян, поток
Будет катить свои волны
Без устали на восток.

Нет, не пойду я в горы
Дали окинуть взором —
Родину сердцу милую
Там все равно не увижу!
Только, о ней мечтая,
Душу себе растрепожу,
Горестно я вздыхаю:
Годы брожу на чужбине...
Что за дела такие
Мне повелели скитаться?

И мнится, что в этот вечер
Глядите вы с башни вдаль...
Напрасно, не ждите встречи —
Вам парус не увидеть.
Вам догадаться едва ли,
Что с башни, забыв покой,
Привет посылаю свой —
Привет любви и печали.

3) ОУЯН СЮ (1007–1072)

Оуян Сю, второе имя Юн-му, литературное прозвание Цзуй-вэн (Хмельной старик), уроженец южного региона Китая (уезд Лулин, провинция Цзянси), — одна из ключевых фигур как литературной, так и общественно-политической жизни Северной Сун.

Жизненный путь и деятельность Оуян Сю были неразрывно связаны с реформаторским движением, ставшим важнейшим событием всей историко-культурной ситуации XI в. Детство Оуян Сю, рано потерявшего отца (военный чиновник, умерший в одном из южных округов), прошло в бедности и самоотверженных учебных занятиях. Его первым наставником-учителем стала его мать — женщина умная, образованная и стремившаяся, несмотря на нужду, сохранять семейные традиции старого чиновничьего клана. В 1030 г. Оуян Сю с блеском сдал столичный экзамен и получил назначение на пост помощника начальника области, включавшей в себя г. Лоян, т.е. находившейся в непосредственной близости к столице. Вызванный в 1034 г. в столицу, он сразу же примкнул к стану реформаторов, возглавляемых в тот момент Фан Чжун-янем (989–1052), которые (в основном чиновники-ученые, группировавшиеся вокруг Академии Ханьлинь) ратовали за проведение социально-экономических и военных реформ, включая сокращение административного аппарата, ограничение привилегий чиновной знати. Идейной основой этой волны реформаторского движения послужила концепция «возвращения к древности», которая обосновывала необходимость реставрации прежних общественных устоев и нравственных ценностей, проистекавших прежде всего из конфуцианского учения, причем в его древней (чжоуской) или ханьской редакциях. Поддержанные было императором Жэнь-цзуном (1023–1064), Фан Чжун-янь и его сторонники встретили решительное противодействие со стороны многих влиятельных царедворцев. Фан Чжун-янь был обвинен в преступлениях против трона, и первый же политический опыт Оуян Сю — попытка публично вступить за своего лидера (1036) — обернулся для него ссылкой на Юг, где он провел семь лет в ранге главы уездов и помощника губернаторов областей (на территории современных провинций Хубэй и Хунань). В 1043 г. Оуян Сю был воз-

вращен в столицу с назначением на пост начальника цензората. Новый пост давал ему шансы действенного участия в реформаторском движении, достигнувшем своего пика как раз в 1043—1044 гг. Фиаско первой реформаторской волны и отставка Фан Чжун-яня повлекли за собой обвинения, предъявленные Оуян Сю, в нарушении закона, его смещение со всех занимаемых постов и новую ссылку на Юг — на пост губернатора округа Чучжоу (провинция Аньхуэй), где он и стал именовать себя Хмельным Стариком. В 1050 г. после нескольких служебных перемещений (в пределах провинции Аньхуэй), Оуян Сю решил подать в отставку и поселиться в своем имении, находящемся в живописнейшей местности (округ Инчжоу, северо-западная часть провинции Аньхуэй) — на берегу озера Сиху (Западное озеро), образованного разливами реки Иншуй, — все эти топонимы постоянно фигурируют в его поэтических произведениях. Однако политическая ситуация в столице серьезно изменилась, и в 1054 г. Оуян Сю был вновь туда призван, стал членом Академии Ханьлинь и руководил по августейшему поручению группой ученых, работавших над созданием официальной истории династии Тан. Во второй половине 50-х гг. XI в. он возглавлял дипломатическую миссию к киданям (северо-восточная народность, образовавшая собственное царство Ляо, 916—1125, находившееся на Ляодунском полуострове), несколько лет исполнял обязанности губернатора столичного округа.

Приход к власти императора Шэнь-цзуна (1068—1086) активизировал реформаторское движение. Но его новые лидеры во главе с Ван Ань-ши (подробно см. далее) резко критиковали своих предшественников за консерватизм, предложив принципиально новую программу действий. Разногласия между Оуян Сю и Ван Ань-ши, возглавившим правительство Шэнь-цзуна, послужили одной из вероятных причин его очередной опалы и ссылки. Словно в насмешку, его, уже далеко не молодого человека, отнюдь не крепкого здоровьем, заставляли каждый год менять место проживания: с юга (Аньхуэй) — на восток (Шаньдун), с востока — в центральные районы (Хэнань). Несколько раз он подавал прошения об отставке, но лишь в 1071 г. был отпущен со службы, сразу же уехал в свое имение, где прожил немногим больше года.

В сфере непосредственно литературной деятельности Оуян Сю как раз и стал лидером движения «за возвращение

к древности», начало которого — в его литературно-эстетическом аспекте — было связано с творчеством и теоретическими взглядами Хань Юя и Лю Цзун-юаня (см. разделы «Хань Юй», «Лю Цзун-юань»). Разработки Оуян Сю сводились к двум основным пунктам: во-первых, обязательное присутствие в поэтическом произведении «жизненного содержания»; и во-вторых, литературное мастерство автора, для чего ему предписывалось внимательное изучение предшествующей и современной художественной словесности. Подобные установки были тем более актуальными, потому что они противостояли господствовавшему в первой половине Северной Сун поэтическому направлению *сикунь* — лирике, создаваемой высокопоставленными царедворцами. Они декларировали себя последователями Ли Шан-иня, а на самом деле *сикунь* отличалась лишь внешней красотой и мелодичностью стиха и представляла собой варьирование сентиментально-изысканных описаний природы.

Сам Оуян Сю был великолепным стилистом, владевшим техникой как разнообразных (*ши*, *цы*) поэтических, так и прозаических жанров: его проза-*гувэнь* нередко стоит в одном ряду с творениями Хань Юя и Лю Цзун-юаня¹. Лирика Оуян Сю отличается не только формальным совершенством, но и поэтической смелостью: он настойчиво искал способы расширения изобразительных средств и выразительных возможностей *ши* и *цы*, стремился привнести в поэтическую практику содержательные и художественные новации.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 30 поэтических произведений (*цы* и *ши*) Оуян Сю, выполненные М. Басмановым, И. Голубевым, Л. Черкасским и Г. Ярославцевым, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 27—28; Поэзия эпохи Сун... С. 72—95; Классическая поэ-

¹ На русском языке имеются переводы пяти прозаических произведений Оуян Сю, выполненные акад. В. М. Алексеевым и Б. А. Васильевым, в: Восток. Сб. 3. С. 38—49; Китайская литература. Хрестоматия... С. 417—422; Дневная звезда: Восточный альманах. М., 1974. С. 522—523; Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975. С. 202—205. Прозу Оуян Сю отличает умение очень просто выразить в спокойном по тону повествовании полноту чувств, настроений и мыслей. Кроме того, он является основоположником нового типа сочинений эстетико-теоретического характера — «Рассуждения о стихах» (*ши хуа*), позволявших автору в свободной форме высказать общие соображения о художественном творчестве и дать оценки конкретным литературным явлениям и произведениям.

зия Индии, Китая... С. 334—338; Цветет мэйхуа... С. 97—110;
Китайская пейзажная лирика... С. 107—117.

*Из цикла «Строфы об озере Сиху»
(На мелодию «Цайсанцзы»)*

- (IV) Хорош Сиху, когда цветы
С деревьев опадут
И средь листвы сойдет на нет
Их розовый разлив;
Когда, с ветвей срываясь, пух
Кружится там и тут
И над балконом ветерок
Колышет ветки ив.

Когда замолкнет песни звук
И музыка замрет,
Все разойдутся, и весна
Предстанет сиротой,
Приспустят шторы, и тогда
Лишь ласточки полет
Увидеть можно из окна
В сети дождя густой.

На мелодию «Шэнчанцзы»

Это было в прошлом году
Перед Праздником фонарей.
Как цветы на рынке, в ту ночь
Полыхали вокруг фонари.
Ветви ивы при свете луны
Были словно бы в серебре.
И о встрече условились мы
На исходе вечерней зари.

И теперь, в ночь на праздник, опять,
Как и прежде, как в прошлом году,
Так же полная светит луна,
Фонари так же ярко горят.
Но того, с кем праздник встречал
Прошлый год, я нигде не найду.

Слезы мне застилают глаза,
И в слезах мой весенний наряд.

Чжан Шэну

Меж разлукой нашей и встречей
семь и десять весен промчалось.
Вот и спрашиваем друг друга,
как лысели да как старели.
Среди рек и озер скитаюсь,
и осесть еще не случилось,
Да и вы по дворам постоянным
мало ль трудностей претерпели!
Костью хрупок скакун под старость,
бьется сердце его спокойно;
Много лет сосне, а все так же
обновляет зелень она.
Трудно в горном глухом городишке
человека принять достойно...
Много-много раз бессловесно
осушаем чаши до дна.

Два благородных дерева возле дома

Два дерева выросли около дома,
тенисты и стройны;
Одно постоянно кивает другому,
друг друга достойны.
Поднимется ветер иль выпадет иней —
их зелень не режет;
В холодное время все вянет и стынет,
а листья — все свежи!
О, сколько деревьев желанной прохлады
в жару навевают,
От стужи туманов их купы-громады
в ночи укрывают.
Чуть персикам, грушам пора наливаться —
тут малый и старый
Верхом и в повозках скорее стремятся
к воротам базара.
А я — в одиночестве... Не покидаю

привычные стены,
 Печали отдавшись, все так же вздыхаю,
 томлюсь неизменно
 И мыслю: ко времени ль ныне такое
 вокруг оживленье? —
 Нет, благо провижу я только в покое
 и в уединенье.
 Всегда в постоянстве своем укрепляться
 достойным приятно,
 А низкие склонны менять да меняться —
 и неоднократно.

Сквозь сон...

Дыханьем ночи, звуками свирели
 заполнено пространство под луной,
 И мудрено не потерять дорогу:
 вокруг — такое множество цветов!
 Как поменять мне отношения с миром —
 я не решу за шахматной игрой;
 Не лучше ли всего за винной чаркой
 мне, гостю, вспоминать родимый кров?

*Из цикла «Пятнадцать стихотворений на разные темы,
 созданных во время путешествия в Лунмэнь»*

I. Взираюсь на гору

Взираюсь-карабкаюсь вверх, на вершину крутую,
 Безмолвие бездны приводит меня в восхищенье.
 По тонкому запаху в скалах источники чую.
 За горными кряжами — шири бескрайней свеченье...
 Деревья меня обступили, блуждаю в тревоге,
 На звук лесорубовой песни бреду без дороги.

III. Пороги на реке

Один за другим прохожу я речные пороги,
 Но ветра порывы движение мне затрудняют;
 Скиталец бездомный, уж целую вечность в дороге,
 Взираю на горы — все мимо они проплывают.

Пронесются белые чайки, и, кажется, кстати
 Пристанище-остров заметен вдали, на закате.

4) ВАН АНЬ-ШИ (1021–1086)

Ван Ань-ши, второе имя Цзе-фу, литературное прозвание Бань-шань (Уменьшенная вдвое гора), уроженец южного региона Китая (область Фучжоу, провинция Цзянси), — выдающийся представитель политической и духовной жизни северо-сунской эпохи.

Выходец из скромного провинциального чиновничьего семейства, Ван Ань-ши, подобно многим танским и сунским государственным деятелям и литераторам, рано проявил природные дарования, включая литературный талант, и был наделен такими достоинствами, как упорство, целеустремленность, трезвость ума, непокорность натуры и независимость образа мыслей. Сдав в 1042 г. столичный экзамен, он около 16 лет провел на различных постах в южных уездных и областных административных аппаратах, и только в 1068 г. был вызван в столицу. Апофеозом его официальной карьеры и политической деятельности стали годы правления уже упоминавшегося выше императора Шэнь-цзуна, при котором он стал первым министром. Критикуя деятельность реформаторов первой волны (см. раздел «Оуян Сю»), Ван Ань-ши опротестовывал саму по себе концепцию «возвращения к древности», доказывая, что новые историко-политические реалии требуют и новой экономической системы, принципов управления страной, системы образования и т. д. Однако все попытки Ван Ань-ши провести административную реформу не удались по независящим от него причинам. И он добровольно покинул занимаемые им посты, полностью отошел от политической деятельности и поселился в своем имении в Цзяньпине (окрестности современного города Нанкина, провинция Цзянсу), где и провел остаток своих дней.

Литературные взгляды и вкусы Ван Ань-ши не отличаются столь уж безусловным новаторством, как его политические идеи. Он традиционно наделял поэтическое творчество обязательной общественной функцией и видел его главное предназначение в служении практическим целям. Так, сравнивая стихотворное произведение с сосудом, он говорил, что если

сосуд не годен для использования, то это не сосуд; хотя он обязательно должен обладать и внешней красотой, но его внешняя красота, в конечном счете, не главное.

Творческое наследие Ван Ань-ши тоже состоит из прозаических¹ и поэтических произведений, выполненных в различных формах *цы* и *ши*. По настроению и стилистике его лирика заметно различается по времени ее создания. Для произведений раннего и зрелого периодов жизни Ван Ань-ши характерна резкость и прямота суждений, свежесть и простота образов. В его поздней лирике преобладает, напротив, настроение внутренней безмятежности, окрашенное чуть заметной горечью, а ее главным мотивом становится любование природой, в которой поэт явно черпал душевное успокоение.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 15 стихотворений (*ши*) Ван Ань-ши, выполненные И. Голубевым, А. Старостиным, Г. Ярославцевым, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 36–40; Поэзия эпохи Сун... С. 103–115; и А. Сергеевым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 338–340; Облачная обитель... С. 47–53.

Песнь о Мин-фэй

Когда ослепительная Мин-фэй
прощалась с Ханьским дворцом,
Весенний ветер слезы ее
отнес до самых висков.
Понурился голову, пряча лицо,
оглядывалась на тень.
Не верится, что император мог
несчастную не пожалеть.
Постигший красный и синий цвет
плохой портрет написал.
А в жизни такие красавицы нам
встречаются сколько раз?
На лучшей картине не передашь
осанку ее и лицо.

¹ Проза Ван Ань-ши также отличается высочайшим художественным уровнем и, кроме того, живостью, концентрированностью мысли и полемическим задором: см. эссе «Статья о людях, единых в науке» (в переводе акад. В. М. Алексеева) в: Китайская классическая проза... С. 308–310.

Напрасно властитель велел казнить
художника Мао Янь-шоу.
Ушла, и сердце ей говорит:
вернуться назад нельзя.
Увы, ветшают в дальней глуши
одежды большого дворца.
Пошлет письмо, мечтает узнать
про жизнь на юг от застав.
Приходит, уходит за годом год,
а гуси все не летят.
Родным за десяток тысяч ли
всегда сообщит одно:
Над войлочным городом тишина,
и мне совсем хорошо.
И ты не видишь,
Как здесь, во дворце Длинных Ворот,
А-цяо навек замкнут.
Несчастье за человеком идет,
равняя север и юг.

Мэйхуа

В углу стены
безлиственная мэйхуа.
Стоит в цвету,
хотя еще холода.
Легко узнаю —
не снег на ветвях лежит:
От них ко мне
доносится аромат.

На реке

Ветер всколыхнул
Речную гладь,
Лепестки сорвал
Цветов прибрежных...
Боль разлуки
Так легко понять
В звуках флейты
Медленных и нежных.
Вот склонилось

Солнце на закат,
И заря над речкой
Потухает.
Звуки флейты
На восток летят,
На вершинах горных
Замирают...

5) СУ ШИ (1036–1101)

Су Ши, второе имя Цзы-чжань, Чжун-хэ, литературное прозвание Дунпо-цзюйши (Ученый, проживающий у Восточного склона)¹ или Дун-по, уроженец юго-западного региона Китая (область Мэйчжоу, провинция Сычуань), — авторитетная фигура интеллектуально-творческой жизни второй половины северосунской эпохи.

Жизненный путь и официальная карьера Су Ши в общих чертах повторяют биографические сведения большинства сунских высокопоставленных чиновников-интеллектуалов. Блестяще сдав в 1057 г. столичный экзамен, он многие годы провел на руководящих постах в провинциальных административных аппаратах — главным образом в юго-восточных областях (Ханчжоу, провинция Чжэцзян; Сюйчжоу, провинция Цзянсу, и т. д.), изредка вызываемый в столицу. Дольше всего — семь лет — он прослужил в области Чанчжоу, в территорию которой входило знаменитое своей красотой озеро Тайху (провинция Цзянсу). Карьера столичного сановника у Су Ши не сложилась еще и потому, что он был на стороне противников Ван Ань-ши, так как не верил ни в действенность его политической программы, ни в то, что его реформы могут принести пользу стране и народу.

Главной сферой интеллектуальной деятельности Су Ши стала эстетическая мысль, причем его разработки выходят далеко за рамки непосредственно художественной словесности, распространяясь на все виды искусства, в первую очередь живопись. В противовес взглядам Ван Ань-ши, Оуян Сю и других сторонников концепции «возвращения к древности» Су

¹ Восточный склон (Дунпо) — название усадьбы Су Ши в округе Хуанчжоу (провинция Хубэй), где он прожил несколько лет.

Ши доказывал самоценность художественного творчества, опираясь на даосские и буддийские воззрения, систематизируя и развивая идеи Ван Вэя и более ранних — IV–V вв. — теоретиков живописи. Су Ши, во-первых, впервые в национальной эстетической мысли четко сформулировал тезис о единстве поэзии, живописи и каллиграфии как трех основных видов искусства. Во-вторых, отстаивал идею предназначения искусства как выражения внутреннего состояния и духовного потенциала личности, но не исполнения сугубо общественных функций. В-третьих, рассматривая природу творческого процесса и сущность художественного произведения, он настаивал на том, чтобы произведение передавало не внешние формальные особенности натуры, а внутренний смысл реалий и предметов окружающей действительности, постижимой благодаря чувственно-интуитивному восприятию мира. Отсюда проистекают его установки на предельно индивидуализированное творчество, спонтанность самого творческого акта, а также настойчивое опротестовывание профессионального живописного обучения, поскольку он усматривал в нем лишь овладение навыками ремесленника, препятствующими свободе самовыражения истинного художника-творца. И наконец, Су Ши принадлежит разработка новых эстетических принципов, образно называемых «идеалом изысканной простоты». Опираясь такими эстетическими категориями, как «сухость», «пресность», «простота», он постулирует тезис о том, что художественное произведение должно обладать максимально лаконичным внешним планом при максимально обширном и глубоком его содержании¹. Эстетические концепции Су Ши оказали значительное воздействие на северосунскую художественную культуру, преимущественно живопись². Его собственная литературная взгляды и творчество оказываются куда

¹ В терминологии Су Ши этот постулат выглядит так: «То, что следует ценить в сухом и пресном, есть внешняя сухость при внутренней тучности, кажущаяся простота при действительной красоте» (пер. В. М. Алексеева).

² Су Ши является создателем и идеологом целой художественной школы, известной как школа «художников-литераторов» («Вэнь жэнь хуа»), к которой принадлежали такие выдающиеся северосунские живописцы, как художник-пейзажист Ми Фэй (Ми Фу, 1052–1109), портретист Ли Гунлинь (Ли Лун-мянь, 1040?–1106), мастер «бамбукового стиля» Ван Тинъюнь (1151–1202), творчество которых во многом обусловило дальнейший ход развития китайской живописи.

более традиционными и консервативными, чем эстетико-живописные теории и живописные опыты¹.

Литературное наследие Су Ши тоже состоит из прозаических² и поэтических произведений, выполненных причем во всех существовавших в китайской поэзии жанрах — *юэфу*, *ши*, *цы*, одах-*фу*. Установки на свободу самовыражения художника и спонтанность творческого акта сказались в поэзии Су Ши прежде всего в ее стилистическом разнообразии. Его произведения то повторяют простоту лирики Оуян Сю, то восхищают отточенностью стиха Хуан Тин-цзяня (подробно см. далее). Поэтическое повествование в пределах каждого отдельного стихотворного текста находится вне какой-либо строгой сюжетной линии и формальной логики. Поэт может неожиданно перейти от описаний природы или бытовых зарисовок к собственным переживаниям, от них — вновь к картинам действительности, столь же легко и непринужденно сочетая изящные поэтизмы и философские термины с лексическими формулами, близкими к разговорному языку, и даже простонаречными выражениями. Наиболее серьезные изменения в творчестве Су Ши претерпели *цы*. Он впервые перестал считаться с обязательным подчинением стиха музыкальным и тональным нормам, окончательно превратив *цы* в сугубо литературный жанр.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 50 поэтических произведений (включая оды) Су Ши, выполненные М. Басмановым, Н. Банниковым, З. Дановской, И. Голубевым, Л. Черкасским, в: *Су Дун-по. Стихи. Мелодии. Поэмы* / Пер. И. Голубева. М., 1978; Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 41–47; Поэзия эпохи Сун... С. 126–154; Классическая поэзия Индии, Китая... С. 340–350; Цветет мэйхуа... С. 131–168; Китайская пейзажная лирика... С. 129–

¹ Су Ши был не только организатором и идеологом названной живописной школы, но и сам активно занимался живописным творчеством. Хотя подлинных его работ сохранилось крайне мало, известно, что он работал в монохромной технике и предпочитал создавать камерные пейзажные композиции, состоявшие из изображений каменных глыб, стволов и веток засохшего кустарника, — наглядное воплощение проповедуемых им идеалов «сухости» и «пресности».

² Прозаические произведения Су Ши (в переводах акад. В. М. Алексеева) см. в: Китайская классическая проза... С. 311–327; Классическая проза Дальнего Востока... С. 205–209.

151; А. Гитовичем, в: Лирика китайских классиков... С. 131–138; Е. Витковским, в: Из китайской лирики VIII–XIV вв. С. 89–138; Облачная обитель... С. 129–151.

На мелодию «Шаоняню»

Прошлый год расстались
Мы у стен Юйхана.
Словно пухом ивы,
Снег замел твой след.
Вскоре за зимою
И весна промчалась.
Ива сыплет снегом,
А тебя все нет.

Я бокал наполнил
И, откинув штору,
В гости приглашаю
Ясную луну.
И холодным ветром,
И росой холодной
Полночь подступила
К моему окну.

А луна сияет
И лучом хрустальным
Прямо по карнизу
Провела черту.
Завистью терзаясь,
Кажется, стремится
Здесь Чан Э увидеть
Ласточек чету.

Пишу о том, что видел во сне в двадцатую ночь месяца чжэн года имао (На мелодию «Цзянчэнцзы»)

Десять лет уж с того времени минуло,
Как умерла ты, а я все живой.
И не хотел бы
Думать об этом,

Только не слажу с собой.
Тысяча ли до могилы покинутой —
Негде скорбеть мне над горькой судьбой.

Если бы даже теперь мы и встретились,
Ты обошла бы меня стороной.
Пылью дорожною
Весь я покрылся
И убелен сединой.

Ночью приснился мне сон сокровенный:
Будто бы в дом я вернулся родной,
С гребнем в руке
У окна ты стояла,
Снова была ты со мной.
Мы друг на друга в молчанье глядели,
слезы лились, как поток дождевой.

Так год за годом пройдут, но забвенья
Не принесут и минуты одной...
Лунные ночи
И холмик могильный
Под одинокой сосной.

*Ночью возвращаюсь в Линьгао
(На мелодию «Линьцзянсянь»)*

В Дунпо изрядно выпил этой ночью,
А протрезвев, еще себя уважил,
Когда пришел домой — не знаю точно,
Но было это, верно, в третью стражу.

Мальчонка спит, посвистывая носом,
И стук мой в дверь остался без ответа.
Стою, внимая, опершись на посох,
Как Янцзыцзян шумит перед рассветом.

Я оттого
Всегда был недоволен,
Что жил, принадлежать себе не смея.
Когда же обрету я снова волю
И суету сует забыть сумею?

Ночь на исходе,
Затихает ветер.
Зыбь на воде, где свет и тени спорят...
Возьму мой челн, места покину эти,
Остаток дней отдам реке и морю!

Ночую на горе Девяти Святых

Из мудрых мудрейшим считался Ван Се,
И дух его ныне живет.
Хотя миновало с кончины его,
Мне кажется, весен пятьсот...
Из яшмы и золота высится храм,
Он ханьских светил пережил,
Нет циньской державы, а персик цветет,
И речка, как прежде, бежит...
Лежу я, вдыхая цветов аромат,
Я в небытие погружен,
Вдруг скалы-утесы сошлись надо мной,
Надвинулись с разных сторон...
Когда же средь ночи меня разбудил
Заботливый старый монах,
Смотрел я на небо, где лодка-луна
Плыла в облаках — как во льдах!

Проезжаю храм Золотой горы

За тем селом, где я рожден,
Берет начало Янцзыцзян.

Я стал чиновником — вот
Доплыл до устья в челноке.

Мне говорили, что в прилив
Здесь волны высотой в чжан,

В холодный день следы от них
Узором стынют на песке.

Есть посреди реки скала,
Что извивается змеей.

Едва исчезнув, вновь она
Встает волнам наперекор.

И я, взобравшись на нее,
Хочу увидеть край родной,

Гляжу на север и на юг,
А вижу только цепи гор!

О доме вечером грущу,
Но к возвращенью — «нет весла».

И все смотрю, как вдалеке
Уходит солнце на покой...

Чуть дунул ветер — и кругом
Река как будто расцвела.

Заря, как рыба, — красный хвост
И тело с яркой чешуей...

А во вторую стражу тьма,
В безлунье — черный небосклон.

Вдруг со скалы, среди реки,
К горам взметнулся столб огня,

И огласились берега
Тревожным карканьем ворон.

Когда же воцарилась тишь,
В тревоге я не мог понять,

То демон или человек?
Чей это след? И кто тут был?

От той скалы среди реки
До гор прибрежных не достать,

Не ведал я — и бог реки
Меня, скитальца, вразумил...

Тебе спасибо, бог реки!
Я понял: в суете мирской

От берега я отделен,
Как та скала, большой рекой!

Надпись на стене храма Западного леса

Взгляни в лицо горе — тупа вершина.
А сбоку погляди — гора остра.

Пойдешь навстречу — и она все выше,
Пойдешь назад — и ниже та гора.

О нет, гора свой облик не меняет,
Она одна и та же — в этом суть.

А превращения от того зависят,
С какого места на нее взглянуть.

Тени

Ползут, поднимаясь на Яшмовый храм
Слоями: на слой надвигается слой.
Не раз уж говорено было слуге
Сметать их, как явится, тут же метлой!
Вот солнце, поднявшись и мир осветив,
Сгребло их в охапку и бросило вон.
Но кончился день, а с луною опять
Они возвращаются с разных сторон...

* * *

Лишь добрался до этого края —
Ветер дунул и дождь закапал.
Одинокий скиталец — найду ли
Я пристанище в мире большом?
Мне достать бы облако с неба
И надеть бы его, как шляпу.
Мне б укутать себя землею,
Как простым дорожным плащом!

Цветы персика

Все деревья в белом цвете, —
Все цветы запленили,

Так что веток не увидит
 Даже самый зоркий взгляд.
 Возле берега речного
 Я брожу в волшебном мире
 И пугаю рыб — и брызги
 Как жемчужины летят.

6) ХУАН ТИН-ЦЗЯНЬ (1045–1105) И «ЦЗЯНСИЙСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА»

Хуан Тин-цзянь, второе имя Лу-чжи, литературные прозвища Шаньгу-лаожэнь (Старец из горного ущелья) или Шаньгу-даожэнь (Даос из горного ущелья), уроженец южного региона Китая (область Хунчжоу, провинция Цзянси), — поэт, творчество которого сопряжено с очередной вехой китайской лирической поэзии — появлением особого литературно-поэтического направления, известного как «Цзянсийская поэтическая школа» (*Цзянси ши пай*).

Большая часть жизненного пути Хуан Тин-цзяня сложилась весьма благополучно. Сдав в 1067 г. столичный экзамен, он вплоть до середины 90-х гг. XI в. занимал высокие посты в провинциальных и столичном административных аппаратах. Но в последние годы правления императора Чжэ-цзуна (1068–1101) вследствие придворных интриг был обвинен в нарушении закона, сослан на юго-запад (провинция Сычуань), а в 1101 г., после амнистии, получил назначение в еще более отдаленную местность — в область Инчжоу (провинция Гуанси), где и скончался.

Признание «Цзянсийской поэтической школы» в качестве особого литературно-поэтического направления произошло уже в сунской филологии первой трети XII в., что красноречиво свидетельствует о степени популярности и авторитета творчества Хуан Тин-цзяня среди современников. Для Северной Сун к этой школе относят 25 литераторов. В последующей китайской филологии ее хронологические рамки нередко определяются вплоть до конца XIII в., т. е. «Цзянсийская школа» представляет литературный феномен всей заключительной трети северосунской эпохи и эпохи Южной Сун. История китайской поэзии XI–XIII вв. действительно может рассмат-

риваться в ракурсе истории «Цзянсийской школы»: сначала — ее влияние на художественную словесность, а затем — борьба против ее творческих установок. Хуан Тин-цзянь попытался как бы объединить подходы к поэтическому творчеству, проистекающие из конфуцианства и даосско-буддийских воззрений, а во главу угла он ставил проблему использования национального литературного наследия. Не отрицая воспитательной функции поэзии, он, вслед за Су Ши, видел смысл поэтического творчества исключительно в выражении внутреннего эмоционального состояния человека — «в очищении его души от нахлынувших чувств». Однако при этом настаивал, что творческий акт должен происходить в ситуации полного самоабстрагирования личности от повседневных реалий, а тем более от историко-политических событий и социальных коллизий. Импульс к вдохновению рождается не в окружающей действительности, а в мире книжных образов и идей. Так как, по его мнению, талант каждого отдельного человека ограничен, то искусство поэзии состоит прежде всего в умении использовать в собственных произведениях сюжеты, образы и поэтизмы — творения прежних мастеров словесности. Для этого им были предложены конкретные рекомендации: либо использовать сюжетную канву и содержание уже имеющихся произведений, но облекать их в новые образы — метод «изменения костяка» (*хуань гу*); либо создавать оригинальный по смыслу текст, но составлять его из старых образов, выражений и даже целых строк и фрагментов — метод «народнения нового» (*то тай*). Установки Хуан Тин-цзяня на первых порах отвечали задачам поиска средств повышения выразительности стиха и его формального совершенства. Не менее важно, что подобный рационализм в подходе к поэтическому творчеству как нельзя лучше соответствовал требованиям китайской поэтической практики, согласно которым любой образованный человек должен был проявить себя как поэт. Рекомендации «Цзянсийской школы», по сути дела, превращали процесс творения в интеллектуальную работу, сопоставимую с трудом ремесленника, о чем прямо говорили представители этой школы. Например, соратник Хуан Тин-цзяня — Чэнь Ши-дао (1053–1101) сравнивал данный процесс с портняжным делом: «здесь обрезаю, чтобы там наставить, из платя выкроил подол» (пер. Е. А. Серебрякова). Однако понятно, что в скором времени «Цзянсийская школа» вылилась в откровенное начетничество:

ее представители составляли, в полном смысле этого слова, свои стихи из чужих текстов, добываясь лишь их внешней благозвучности.

В своем собственном поэтическом творчестве Хуан Тин-цзянь ориентировался на лирику танских авторов, прежде всего Ду Фу (см. раздел «Ду Фу»), пытаясь точно следовать ее тематике и стилистике. Одновременно в его произведениях — *ши* и особенно *цы* — активно используются образы и лексика, характерные для народного творчества, что придает им выразительность и достоверность; и кроме того, в них нередко воплощен личный жизненный опыт поэта. Вопреки бесспорным художественным достоинствам — лиричности, тонкости образительных средств, внешнему изяществу стиха — поэзии Хуан Тин-цзяня явно недостает той глубины звучания и задушевной искренности, которыми была отмечена танская лирика.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 13 стихотворений Хуан Тин-цзяня, выполненные И. Голубевым, в: Поэзия эпохи Сун... С. 156—158; М. Басмановым, в: Цветет мэйхуа... С. 169; А. Сергеевым, в: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 350—352; Л. Н. Меньшиковым, в: Облачная обитель... С. 125—132.

На мелодию «Цинпинъюэ»

Куда же весна исчезла?
Нигде ни следа, ни вести.
Коль встретите — не спугните,
Скорее ко мне верните,
И будем мы снова вместе.

Исчезла весна бесследно,
Куда — кто знает про это!
Осталось иволгу только
Спросить, но она умолкла
И в розах исчезла где-то.

Поднявшись в беседку Куайгэ

Опять смешной глупец отложил
правительственные дела.
Любуюсь под вечер из Куайгэ
закатом после дождя.

Листва опадает на сотнях гор,
уходят вдаль небеса.
Во всей спокойно текущей Чэн
уже отразилась луна.
Оплакал друга славный Бо Я
и красные струны порвал.
Темнели от счастья глаза Жуань Цзи,
отведавшего вина.
Вернулись из дальних стран корабли,
на пристани флейты поют.
Как белая чайка, на высоте
готов крылами взмахнуть.

Под дождем гляжу на гору Цзюншань из беседки Юэян

Был сослан на десять тысяч смертей,
седым возвращаюсь домой.
Живым пробрался через Цюйтан
и сквозь заставу Яньюй.
Уже я весельем полон, хотя
в Цзяннань еще не попал.
С высокой беседки Юэян
гляжу на гору Цзюншань.
Стою у перил напротив горы,
над озером ветер и дождь.
Закручены волосы феи Сян Э
в двенадцать тугих узлов.
Увы, двенадцать уступов скал
вздымаются из воды.
Колеблются горы из серебра
вокруг голубой горы.

7) ЛИ ЦИН-ЧЖАО (1084—1147?)

Ли Цин-чжао, уроженка восточного региона Китая (область Цзинань, провинция Шаньдун), — величайшая китайская поэтесса.

Судьба Ли Цин-чжао имеет немало общего с судьбой ханьской поэтессы Цай Янь (см. раздел «Цай Янь»): происходившая из состоятельной и образованной семьи, она рано вышла

замуж, была счастлива в браке, но затем сполна разделила все беды, обрушившиеся на страну в начале XII в. Спасаясь от нашествия чжурчжэней, она бежала на юг, ее муж и многие родственники погибли.

Поэтическое наследие Ли Цин-чжао невелико — всего несколько стихотворений-*ши* и 60 *цы*, авторство некоторых остается спорным. Тем не менее эти произведения позволяют в полной мере оценить место Ли Цин-чжао в истории китайской поэзии и непосредственно лирики-*цы*, силу ее поэтического дара и особенности ее творческой манеры. Лирику Ли Цин-чжао можно разделить на три хронологические части: «девическая» поэзия (до 1126 г.), отличающаяся безмятежностью и романтическим восприятием мира и бытия; *цы*, созданные в 30-е гг. XII в. — во время разлуки поэтессы с мужем, когда у нее еще сохранялась надежда на их новую встречу; и поздние *цы*, пронизанные безутешной скорбью об утратах, пронзительной тоской по былому счастью, чувством одиночества и собственной ненужности в этой жизни. В целом Ли Цин-чжао оказалась хранительницей песенной, романсовой природы *цы*. Ее песни завораживают проникновенным лиризмом, искренностью, эмоциональностью, мелодичностью стиха и еще больше душевным мужеством самой поэтессы.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 40 *цы* Ли Цин-чжао, выполненные в основном М. Басмановым, в: *Ли Цин-чжао*. Строфы из граненой яшмы. Стихи / Пер., вступ. ст. и прим. М. Басманова. М., 1970, 1974; Цветет мэйхуа... С. 177—143; Поэзия эпохи Сун... С. 168—179; Классическая поэзия Индии, Китая... С. 353—357; Китайская пейзажная лирика... С. 155—168; а также В. А. Вельгусом, в: *Вельгус В. А. Средневековый Китай*. М., 1987. С. 105—109; и Л. Н. Меньшиковым, в: *Облачная обитель*... С. 151.

На мелодию «Жумэнлин»

Вижу снова простор голубой,
Над беседкою тихий закат.
Мы совсем захмелели с тобой,
Мы забыли дорогу назад.

Было счастье — и кончилось вдруг!..
В путь обратный пора нам грести,

Только лотос разросся вокруг,
Всюду лотос на нашем пути,

Мы на весла
Дружней налегли,
Мы гребем,
Выбиваясь из сил.

...И в смятении чайки вдали
Улетают с песчаной косы.

На мелодию «Шэншэнмань»

Грусть в сердце. И смятенье дум,
Тревожит каждый звук.
Холодный мир вокруг угрюм,
И пусто все вокруг.

Луч обласкал — и вновь темно,
И холодно опять.
С ненастным ветром и вино
Не может совладать.

Печальный голос слышен мне:
«Наш старый друг, прощай!»
То гуси где-то в вышине
Летят в далекий край.

Здесь было много хризантем,
Цвели — и отцвели.
О них кто вспомнит и зачем?
Валяются в пыли.

Я у окна чего-то жду,
И скорбь меня гнетет,
А тут еще как на беду
Дождь льет, и льет, и льет.

Утун, промокший до корней,
И сумеречный свет.
И в небе, как в душе моей,
Просвета нет и нет.

На мелодию «Цзуйхуань»

Прозрачной дымкой, тучею кудлатой
 Уходит долгий
 Непогожий день.
 Девятый день грядет луны девятой,
 Свеча курится пряным ароматом,
 Пугливую отбрасывая тень.

К полуночи
 Повеяло прохладой,
 Под полог проникает ветерок.
 И будет одиночеству наградой
 Лишь яшмовой подушки холодок.

Припомнилось мне: в тихий час заката
 Мы за плетнем восточным
 Пьем вино...
 Еще поныне в рукавах халата
 Таится запах сорванных когда-то
 Цветов, которых нет уже давно.

Какой измерить мерою страданье!
 А ветер западный
 Рвет штору на окне...
 Ты желтой хризантемы увяданье
 Увидеть мог бы, заглянув ко мне.

На мелодию «Улинчунь»

Стих ветер наконец-то. И вокруг
 В пыли цветы душистые лежат.
 Мне не поднять к прическе слабых рук,
 Гляжу с тоской на гаснущий закат.

Мир неизменен. Но тебя в нем нет.
 В чем жизни смысл — того мне не понять.
 Мешают говорить и видеть свет
 Потоки слез, а их нельзя унять.

Как хорошо на Шуанси весной —
 О том я слышала уже не раз.

Так, может быть, с попутною волной
 На Шуанси отправиться сейчас?..

Но лодке утлой непосилен груз
 Меня не покидающей тоски.
 От берега отчалю — и, боюсь,
 Тотчас же окажусь на дне реки.

8) ЯН ВАНЬ-ЛИ (1125?—1206)

Ян Вань-ли, второе имя Тин-сю, литературное прозвание Чэн-чжай (Правдивый и искренний), уроженец южного региона Китая (местность Цзяшуй, провинция Цзянси), — поэт, творчество которого, совместно с творчеством Лу Ю, Фань Чэн-да и Синь Ци-цзи (подробно см. далее), составляет заключительную страницу в истории развития китайской классической поэзии.

Ян Вань-ли является одним из крупнейших политических деятелей Южной Сун. Еще во время начального периода своей служебной карьеры (2-я пол. 50-х гг. XII в.), находясь на различных постах в провинциальных административных аппаратах, он проявил незаурядные организаторские способности. Вызванный в столицу, занимал ответственные должности в центральных ведомствах, в частности в Палате личного состава и аттестаций, что давало ему возможность самому подбирать чиновничьи кадры. Пик политической активности Ян Вань-ли пришелся на годы правления императоров Сяо-цзуна (1163—1190) и Гуан-цзуна (1190—1195), когда он стал наставником наследника престола и позднее одним из руководителей Военного ведомства. Будучи сторонником новой редакции конфуцианства, предложенной знаменитым философом Чжу Си (1130—1200), что нашло отражение в его литературном прозвании, он лично способствовал приглашению на службу Чжу Си и многих его единомышленников. С приходом к власти императора Нин-цзуна (1195—1225) расклад сил в столице серьезно изменился: верх взяла придворная партия, которая настаивала на возобновлении военных действий против чжурчженей. Убежденный в недостаточной боеспособности китайской армии и в пагубности подобных планов, Ян Вань-ли предпочел подать в отставку, вернулся домой и последние пятнадцать лет жизни провел в уединении, в деревне, катего-

рически отказываясь от новых предлагаемых постов. Последним известным его творением оказался доклад на высочайшее имя, в котором Ян Вань-ли с нескрываемым отчаянием умоляет императора остановить начатую (1206) военную кампанию, предвидя сокрушительное поражение южносунской армии, как это и произошло на самом деле.

Поэтическое наследие Ян Вань-ли составляет около 4000 стихотворений (в основном *ши*), и оно могло быть еще более обширным, так как поэт, по его собственному признанию, уничтожил (1162) все свои ранние — более 1000 текстов — произведения, созданные им под влиянием «Цзянсийской поэтической школы» (см. раздел «Хуан Тин-цзянь и „Цзянсийская поэтическая школа“»). Этот поступок красноречиво свидетельствует о творческих исканиях Ян Вань-ли: разочаровавшись в эстетических установках этой школы, он последовательно изучал творчество Ван Ань-ши (см. раздел «Ван Ань-ши»), позднетанских литераторов (см. раздел «Поэзия эпохи Тан»), пока не пришел к ясному выводу, что поэтическому искусству и вдохновению нельзя ни у кого научиться: «Я гулял по садам, взбирался на древние стены... и десять тысяч образов являлись мне, сами собой превращаясь в стихи» — так сформулировал он свое литературное кредо. Дошедшая до нас лирика Ян Вань-ли действительно свободнее канонов определенной школы или литературной традиции. Он мог работать в самых разных поэтических жанрах и формах, правда отдавая предпочтение четверостишиям, которые и полагают лучшими образцами его творчества. По тематике лирика Ян Вань-ли состоит из трех главных групп: пейзажные произведения камерно-философского характера, гражданско-патриотическая лирика и произведения на «сельские» темы. Общими отличительными качествами поэзии Ян Вань-ли являются простота повествования, спокойствие тона, душевная теплота, нередко переходящая в легкую насмешливость (в тех случаях, когда поэт рассказывал о самом себе), непринужденность и живость стиха. Произведения, выполненные искуснейшим мастером художественной словесности, порой производят впечатление чуть ли не народных песен.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 6 стихотворений Ян Вань-ли, сделанные В. Адуевским, А. Арго, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 60–63; Поэзия эпохи Сун... С. 194–197; В. Тихомировым, в: Классическая

поэзия Индии, Китая... С. 357; Л. Н. Меньшиковым, в: Облачная обитель... С. 185.

Песня о тех, кто сажает рис

Крестьяне на поле сажают рассаду,
их жены трудятся рядом,
Младшие дети ростки подают,
старшие сажают их ловко.
Тростниковые шляпы — словно шлемы,
травяные плащи — как латы,
Никак не утихнут потоки дождя,
спина до лопаток промокла.
Лишь за короткой и скудной едой
отдых себе позволят —
Вниз головой и с затекшей спиной
некогда вымолвить слово.
Корни ростков так нежны и малы,
требуют столько заботы:
Первое дело, — от них отогнать
гусят и утят голодных.

Скорблю о крестьянине

Не было дождей, и риса облачка
лишь наполовину пожелтели,
Холодом побитая гречиха
родила одни лишь пустоцветы.
Знает, что придется голодать,
голову ломает, как бы выжить,
Дотянул бы, верно, до весны,
да вот год-то високосный вышел.

Во второй день пятого месяца страдаю от жары

Вот говорят, что для Янцзы
нет месяца шестого,
А я скажу: самой Янцзы
нет в это время года.
Коль в пятый месяц здесь стоит
уже жара такая,
То месяц принесет шестой

какую же погоду?!
 Каютка лодки так мала —
 немногим больше метра,
 В нее зайти не знаешь как,
 не разместишься стоя.
 Верх или низ, восток иль юг
 и север или запад —
 Одна часть света — гладь воды,
 пять — море сплошное.
 От жара солнечных лучей
 вода почти вскипела,
 И где, скажите, мне найти
 хоть капельку прохлады?
 Напрасно полог отстегнул —
 намека нет на ветер,
 И тщетно веером машу —
 лишь пот стекает градом.
 Ищу спасенья от жары —
 но нет такого места,
 А мухи вьются надо мной —
 на мне спасенья чая.
 Я не могу, увы, летать
 и обречен на муки,
 Но мухам-то дано летать,
 так что ж не улетают?!

Проезжаю мимо озера Синькайху в уезде Баоинсянь

С неба низверглись тяжелые тучи,
 всей массой на воду пав.
 Озеро вздыбилось пенным валом,
 до самого неба достав.
 И нет ничего уже посредине —
 ни леса и ни равнины...
 По цвету и форме небо с водою
 стали целым единым.

Озерцо

Струйки родника бегут беззвучно,
 крохотный поток образовав,

На воде блестят деревьев тени,
 разомлев в полуденных лучах.
 Лотос, разукрашенный росой,
 лепесток за лепестком раскрыл,
 Утром стрекоза на нем сидела,
 черную головку приподняв.

9) ФАНЬ ЧЭН-ДА (1126–1193)

Фань Чэн-да, второе имя Чжи-нэн, литературное прозвание Шиху-цзюйши (Ученый из обители Шиху), уроженец юго-восточного региона Китая (уезд Уцзюнь, провинция Цзянсу), — поэт во многом близкий к Ян Вань-ли.

Происходивший из старинного и некогда именитого чиновничьего клана, Фань Чэн-да после успешной сдачи столичного экзамена (1154) в течение 30 лет находился на различных постах в провинциальных административных аппаратах, в том числе в провинции Сычуань, области Линчжоу (провинция Чжэцзян). Несколько раз он вызывался в столицу, но, в отличие от Ян Вань-ли, с которым был лично знаком, не оставался там надолго. В середине 80-х гг. XII в. подал в отставку из-за несогласия с политикой верховных властей и поселился в своем родовом имении Шиху (дословно «Озеро камней»), расположенном в одном из красивейших мест страны — в нескольких километрах к юго-востоку от озера Тайху, у подножия гор Хушань (провинция Цзянсу).

Фань Чэн-да вначале находился под сильным влиянием «Цзянсийской поэтической школы» (см. раздел «Хуан Тин-цзянь и „Цзянсийская поэтическая школа“»), однако впоследствии, разочаровавшись в ее эстетических установках, выработал свой собственный поэтический стиль: преимущественно малые стихотворные формы, прежде всего четверостишия (всего сохранилось 72 таких стихотворения), простота и естественность стиха, точность и живость жанровых сценок и пейзажных миниатюр. Одновременно лирике Фань Чэн-да свойственны жизненная правда и интонация сочувствия простым людям. А центральными для нее темами являются рассказы о жизни крестьян и городского люда, нередко с откровенной иронией к власть предержащим.

На русском языке имеются переводы в общей сложности около 20 стихотворений Фань Чэн-да, выполненные А. Арго, в: Антология китайской лирики... Т. 3. С. 64–67; Поэзия эпохи Сун... С. 200–208; И. Голубевым, в: Там же. С. 198–200; Пейзажная лирика Китая... С. 193–199; А. Гитовичем, в: Лирика китайских классиков... С. 163–166; В. А. Вельгусом, в: *Вельгус В. А. Средневековый Китай...* С. 93–94.

Сидя ночью

Глубокой ночью в домах везде спят,
плотно закрыты ворота,
На улицах холод, ливнем льет дождь,
и резок пронзительный ветер.
Но чей это крик раздается надрывной:
«Могу погадать. Кому погадать?..»
Эх, хлеба, наверное, не на что завтра,
не на что завтра купить.

Из цикла «Стихи о полях и садах, выражающие настроения, навеянные четырем временем года»

- (I) Размокла земля от весенних дождей,
Как водится с давних пор.

Десятки тысяч цветов и трав
Вырвались на простор.

Гляжу: не пустырь за моим окном,
А пестрый сплошной ковер;

Бамбук соседа — гляжу с утра —
Пророс через мой забор.

- (VIII) Утром — выходят поле полоть,
Ночью — нити прядут.

В деревне у женщин и у мужчин
У каждого равный труд, —

И даже дети в любой семье
От взрослых не отстают:

Сажает тыквы в тени кустов —
Пользу приносят тут.

- (X) Водяные орехи, забросив плуг,
Собираем мы в злой беде,

И по пальцам течет наша красная кровь, —
Кто слышал о таком труде?

Нет денег у нас, чтобы землю купить,
Промышляем мы на воде, —

Но и тут догадались ввести налог,
Обирая крестьян везде.

На крыше голубая черепица

На крыше голубая черепица,
Закрыты окна шторой расписной.

На поручни моста облокотившись,
Любуюсь зеленеющей рекой.

Здесь ветра нет, но небо все усеял
Пух ивовый, поднявшись с берегов.

Здесь нет дождя, но с грушевых деревьев
Опали наземь лепестки цветов...

10) ЛУ Ю (1125–1210)

Лу Ю, второе имя У-гуань, литературное прозвание Фан-вэн, уроженец юго-восточного региона Китая (уезд Шаньинь, провинция Чжэцзян), — признанный поэт, самая масштабная литературная фигура Южной Сун.

Происходивший из старинного и авторитетного чиновничьего семейства (его дед был учеником и соратником Ван Ань-ши — см. раздел «Ван Ань-ши»), Лу Ю с детства мечтал не только о служебной карьере, но и личном участии в борьбе с чжурчжэнями: он изучал трактаты по военному искусству,

учился фехтованию и стрельбе из лука. Однако первый же его публичный успех — блестящая сдача столичного экзамена (1153) — настроил против него многих влиятельных царедворцев, из-за их происков он получил назначение только через пять лет и на периферию (провинция Фуцзянь), где провел почти два года. Вызванный в столицу (1160), сразу же включился в общественно-политическую жизнь, стремясь реализовать свои планы и идеи, ратуя за проведение активных боевых действий против чжурчженей. Однако полный провал похода, предпринятого в 1163 г. только что пришедшим к власти императором Сяо-цзуном, перечеркнул все замыслы южно-сунских реформаторов и официальную карьеру лично Лу Ю. С этого момента его жизнь состояла из опал, ссылок и периодов вынужденного бездействия. Несколько раз он подвергался судебным преследованиям (например, в 1176 г., когда ему было предъявлено обвинение в нарушении принятых норм поведения) и увольнялся со службы. В 1189 г. Лу Ю подал в отставку и поселился в деревне, в родном уезде.

Поэтическое наследие Лу Ю огромно — около 10 000 стихотворений, из которых 7000 написаны в последние десятилетия его жизни. Раннее творчество Лу Ю малочисленно по объему, так как он уничтожил большую часть произведений, созданных до 1166 г. и под влиянием «Цзянсийской поэтической школы» (см. раздел «Хуан Тин-цзянь и „Цзянсийская поэтическая школа“»). Главным отличием лирики Лу Ю является мощное звучание патриотических мотивов, вплоть до призывов к борьбе с врагом, тем самым выделяя ее на поэтическом фоне других южно-сунских литераторов, для которой в большей степени характерны переживания за унижение страны и страдания народа. Значительное место в творчестве Лу Ю занимает также крестьянская тема. Такие произведения, продолжающие линию лирики Тао Юань-мина и Ду Фу, отличаются заметной оригинальностью — наблюдательностью автора, позволявшей ему создавать живые жанровые сценки. Одновременно Лу Ю обладал и незаурядным даром поэта-пейзажиста, тонко воспринимавшего природу. Его пейзажные миниатюры не только проникновенны, но также искусны в прорисовке всех деталей поэтической картины. Особую страсть он питал к цветам мэйхуа, посвятив им более 100 отдельных произведений в жанрах *цы* и *ши*.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 50 произведений Лу Ю, выполненные в основном И. Го-

лубевым, в: *Лу Ю. Стихи* / Пер. и прим. И. Голубева; Вступ. ст. Е. Серебрякова. М., 1960; *Поэзия эпохи Сун...* С. 209–252; *Китайская пейзажная лирика...* С. 170–182; а также М. Басмановым, в: Там же. С. 181–182; Цветет мэйхуа... С. 252–255; А. Гитовичем, в: *Лирика китайских классиков...* С. 141–160; В. Тихомировым, в: *Классическая поэзия Индии, Китая...* С. 357–364; Е. А. Серебряковым и Я. Боевой, в: *Облачная обитель...* С. 164–178.

Славлю мэйхуа (На мелодию «Бусуаньцзы»)

Где ветхий мостик за двором почтовым,
Ты расцвела в глухом уединенье.
Вот снова вечер
В зареве багровом,
Одна ты
Со своей печалью снова,
Да шум дождя,
Да ветра дуновенье.

К чему тебе с весенними цветами
За место первое вести докучливые споры!
Терзаясь завистью,
Пускай их спорят сами!..
Всем увядать,
Все скоро прахом станут,
Лишь запах нежный
Не исчезнет скоро!

Пою на берегу за кубком вина

Когда мой кубок
Был еще наполнен,

В него пролил я
Много слез горючих.

Теперь он пуст...
Я пьян. Гляжу на волны.

А слезы каплют
На стебли трав колючих...

Идет к Пэньху
Корабль, сулящий славу,

На фоне гор и рек
Блестит оружие,

Гора Чжуншань
Грозна и величава,

На юг взираю:
Зелен берег южный!

Рассек реку
Большой корабль военный.

Блестят на солнце
Латы у солдата,

Какой силач
Разрушит наши стены?

Чжурчжэней ждет
Смертельная расплата!

Ни Ло, ни Бяня —
Не топтать столиц им,

Пусть все призыв мой
Пламенный читают:

О, восстановим
Прежние границы, —

Сметем врага
За рубежи Китая!

1174 г.

Весной смотрю вдаль

На земле и в небесах
Снова музыка весны,

С наших гор и с наших рек
Тень густая сметена,

Солнце бросило лучи
В пену радужной волны,

Ива смотрит на людей —
И густа и зелена...

Но соленою слезой
Окропил я свой халат,

К пленникам, что смерти ждут,
Сердце птицею парит,

Люди терпят злой удел,
Люди гибнут, но стоят,

Я вздыхаю вновь и вновь,
От зари и до зари.

1196 г.

В восточной деревне

Люди мне двери открыли, —
Вспомнили, знать, старика,

Муж отбросил мотыгу,
Жена отошла от станка,

Сочные, спелые овощи
Гостю хозяин поднес,

Согрело вино прищельца —
И он забыл про мороз!

1199 г.

Весенний день

Громоздятся снежные вершины,
Всюду цепи гор — куда ни глянь,

Сходит снег — и горы зеленеют, —
В мире много ярких перемен!

Где такой художник, что сумел бы
Срисовать сияющий Цзяннань?

Может быть, осмелится на это
Старый стихотворец Лу Фан-вэн?
1200 г.

Думы осенью

От бамбука и тута тень
Так черна, что не видно ворот,

Стадо волов и овец
По дороге в село бредет,

Ливень в горах отшумел —
И тучи куда-то ушли,

Отчаливаю от берега —
И берег уже вдали...
1207 г.

Себе

Лишен чинов, но все мечтаю
Отмстить надменному врагу,

Стал бесполезен — но печалюсь,
Что засуха спалит хлеба,

Хоть болен, но своей болезни
На милость сдаться не могу!

Пусть разорен — не сломит духа
Моя недобрая судьба!
1208 г.

Завещаю сыновьям

Умирая, я не пожалел бы
Суеты и треволнений жизни,

Я скорблю о том, что не едины
Девять округов моей отчизны,

Верю: войско двинется на Север,
Земли Чжуньюаня восстановит, —

Не забудьте мне сказать об этом
У могилы, в час грядущей тризны!
1210 г.

11) СИНЬ ЦИ-ЦЗИ (1140–1207)

Синь Ци-цзи, второе имя Цзя-сюань, уроженец восточного региона Китая (г. Личэн, провинция Шаньдун), — последнее яркое и самобытное имя в китайской классической поэзии.

Синь Ци-цзи родился и вырос на территории, занятой чжурчжэнями, в атмосфере ненависти к завоевателям. В возрасте 22 лет он возглавил двухтысячный отряд, сражавшийся «на свой страх и риск» в Шаньдуне, и проявил в боевых действиях незаурядные полководческие способности и личную храбрость. В 1170 г., после окончательного подавления чжурчжэнями этого выступления, был приглашен в столицу Южной Сун, некоторое время прослужил при дворе чиновником младших рангов, а затем получил назначение в провинцию. Последующие десять лет он занимал различные посты в административных аппаратах южных (провинции Цзянси, Хубэй, Хунань) областей, что дало ему возможность побывать в большинстве районов Южной Сун. Все это время он активно ратовал за продолжение военных действий против чжурчжэней и даже пытался, вопреки августейшему запрету, организовать в возглавляемых им местностях военные лагеря для подготовки будущих солдат. В 1180 г. из-за доноса был вынужден уйти в отставку и остальные двадцать лет прожил в уединении на юге (провинция Цзянси).

Поэтическое наследие Синь Ци-цзи включает около 600 стихотворений, преимущественно в жанре *цы*. Он считается прямым продолжателем поэзии Су Ши (см. раздел «Су Ши»), его заслуга в окончательном очищении этого жанра от трафаретных условностей. Основные темы его лирики — призывы к борьбе с завоевателями, скорбь по былому величию страны, обличение несправедливых чиновников. Нередко он также создавал жанровые сцены и великолепные пейзажные зарисовки. Независимо от их содержания стихи Синь Ци-цзи

легко узнаваемы своей выразительностью, энергичностью слога, щедростью красок и глубиной мысли. «Его творения звучат то громко, как гром барабана, то тихо, как звон колокольчика; они в силах оглушить всю вселенную и заполнить собою вечность» (пер. М. Басманова) — так высоко оценили лирику Синь Ци-цзи еще его современники.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 80 стихотворений Синь Ци-цзи, выполненные в основном М. Басмановым, в: *Синь Ци-цзи. Стихи* / Пер., вступ. ст. и прим. М. Басманова. М., 1961; *Поэзия эпохи Сун...* С. 265—299; *Цветет мэйхуа...* С. 256—382; *Классическая поэзия Индии, Китая...* С. 364—367; *Китайская пейзажная лирика...* С. 183—192; а также Д. Голубковым и Н. Павлович, в: *Антология китайской поэзии...* Т. 3. С. 91—95; Л. З. Эйдлиным, в: *Китайская классическая поэзия...* С. 314; *Облачная обитель...* С. 187.

Пишу в праздник середины осени в Цзянькане и посвящаю Люй Шу-цзяню (На мелодию «Тайчангын»)

Отполированный до блеска диск луны —
Из бронзы зеркало плывет по небосводу,
В осенние заглядывает воды,
Скользит по гребню голубой волны.
У губ застыла с чаркою рука,
И, глядя вверх, я говорю с луною:
«Чан Э, скажи, как быть мне с сединою,
Что мучит и терзает старика?»

Если б с ветром вспорхнуть,
И на тысячи ли
Оторваться я мог от земли
И, свершая свой путь,
мог на горы взглянуть
И на реки в безбрежной дали,
Если б мог я срубить
На луне гуйхуа
С беззаботно звенящей листвой,
Чтобы радостно люди
Воскликнуть могли:
«Как нам стало светло под луной!»

1178 г.

На мелодию «Маньцзянхун»

В соболиной поношенной шубе,
Утомленный, страдая от жажды,
Путник, пылью походов покрытый,
Задержался в Синьфыне однажды.

Как змея его длинная сабля,
Пел он, в такт ударяя по ножнам...
В чьих устах эта песня героя
Отзовется сигналом тревожным?

Все забыли о старце-герое,
Что в долине Янцзы обитает,
Он ведь мог бы по первому зову
Много сделать во славу Китая!

Как прискорбно! Книг тысячу тысяч
Прочитал я — и мог бы по праву
Государю служить и народу,
Чтоб спасти от крушенья державу.

Я напрасно не стану терзаться,
А налью себе чашу полнее.
Вот и старость! А счастье дается
С каждым годом труднее, труднее.

Здесь со мною красавица рядом,
Что не даст подружиться с тоскою
И поможет вплести хризантему
В прядь волос моих нежной рукою.

Десять тысяч дворов в управление
Не намерен просить я без толку.
Лучше меч я продам, а на деньги
Заведу себе бурую телку.

Даже Цзя из Чанша, что когда-то
Пережил столь суровые годы,
Проклиная удел злополучный, —
Не осилил бы эти невзгоды!

*Написано на стене по дороге в Бошань
(На мелодию «Чоунцзэр»)*

В годы юные, помнится, было мне жаль,
Что в стихе моем скорбь и печаль не звучали.

Затворялся я в башне,
Чтобы вызвать печаль,
Затворялся я в башне,
Чтобы вызвать печаль,
И на башню всходил,
Чтобы петь о печали.

А теперь,
Чашу горечи выпив до дна,
Рассказать я о скорби хочу
И... молчу.
О печали поведать хочу,
А шепчу:
«Хороша ты, осенней поры тишина!»

Посвящаю Чэнь Тун-фу (На мелодию «Почжэнцзы»)

Я, захмелев, нагар со свечки снял,
Меч вынул — им любуюсь при огне.
Я слышу: где-то рог зовет меня,
И грезится шатер походный мне.

На сотни ли, куда ни кину взгляд,
Всем перед битвой мясо выдают.
А у заставы, лютне вторя в лад,
О храбрости и мужестве поют.

И вот уже войска осенним днем
Построились в порядке боевом.
Конь, как Ди-лу, конь-ветер подо мной,
Гремит, как гром, тугая тетива...
В бою исполню долг перед страной,
И пусть пройдет о подвиге молва!

Но отчего так грустно стало мне?
Я о своей подумал седине.

VI. Поэзия эпохи Юань (1271–1368)

1) ЧЖАО МЭН-ФУ (1254–1322)

Чжао Мэн-фу, второе имя Цзы-ан, прозвание Сунсюе-дао-жэнь (Даос — Сосна, занесенная снегом), уроженец юго-восточного региона Китая (область Хучжоу, провинция Чжэцзян), — одна из самых масштабных творческих фигур юаньской эпохи, оставившая наиболее яркие достижения в истории китайской живописи.

Дальний родственник сунского правящего дома, Чжао Мэн-фу сразу же после утверждения юаньской династии подал в отставку и поселился в г. Уси (провинция Цзянсу), ставшем на тот момент важнейшим центром национальной культурной жизни. Собравшиеся в этом городе представители китайской творческой интеллигенции (так называемые «Восемь усинских талантов») теоретически обосновали суть и цели художественного творчества как главного хранителя местных духовных ценностей в условиях завоевания страны, дав жизнь реставрационалистским тенденциям в юаньской культуре. Несмотря на декларируемые им антимонгольские настроения, Чжао Мэн-фу, получив приглашение приехать в столицу, поступил на службу к монгольским властям и достиг высоких придворных постов. Одновременно он собрал вокруг себя плеяду литераторов и художников (в нее также входили его жена и сыновья), чье творчество занимает важнейшее место в художественном, прежде всего живописном, наследии юаньской эпохи.

Как поэт Чжао Мэн-фу работал в различных лирических жанрах — *ши*, *цы*, *цюй*, но лучшими его поэтическими произведениями считаются пятисловные и семисловные восьмистишия-*люйши* и четверостишия-*цзюэцзюй*, в которых он пытался следовать творческой манере танских литераторов.

Могила полководца Юэ Фэя

Травой зарос могильный курган.
 Здесь лежит великий герой.
 Безлюдно. Только каменный лев
 охраняет его покой.
 Сановники, даже сам государь,
 трусливо бежали на юг.
 На севере разве что старики
 о свободе вздохнут с тоской.
 Однако давно убит Юэ Фэй —
 нет печальным вздохам числа.
 Захватили Север чужие войска,
 и на Юге плохи дела.
 Не стóбит над озером Сиху
 грустную песню петь —
 Красота пленительных гор и рек
 развеять скорбь не смогла.

2) ВАН МЯНЬ (1287–1359)

Ван Мянью, второе имя Юань-чжан, уроженец юго-восточного региона Китая (провинция Чжэцзян), — представитель последнего поколения юаньской творческой интеллигенции, с равной силой проявивший себя в живописи и поэзии.

Происходивший из простой крестьянской семьи, Ван Мянью стал учеником крупнейшего на тот момент ученого-неоконфуцианца Хань Сина и после его смерти взял на себя заботу о его детях. Уже тогда он отличался настолько эксцентричным поведением, что снискал прозвище Сумасшедший Ученый. Вознамерившись было поступить на службу, с блеском сдал столичный экзамен, но тут же отказался от предложенной ему должности и поселился в уединении в горах Цзюлишань (западная часть провинции Чжэцзян), занявшись выращиванием любимых сливовых деревьев.

Как художник Ван Мянью является основоположником отдельной жанровой разновидности (в рамках жанра «цветы и птицы») — «сливового стиля», и создаваемые картины ограничивались изображениями исключительно цветущей сливы мэйхуа и были выполнены в полихромной и монохромной технике.

Как поэт он тоже работал в различных лирических жанрах и формах, причем в его творчестве необычно сочетаются пространственные стихи на крестьянскую тему (см. «Скорбь», перевод Г. Ярославцева, в: Антология китайской поэзии... С. 165–167) с жесткими, обличительными интонациями и камерные пейзажные зарисовки, созвучные лирике танских поэтов и романтическим цы. Лучшими литературными творениями в первую очередь являются стихи из составленного им же сборника «Стихи о мэйхуа» (58 текстов).

Цветы сливы

Теплом повеял восточный ветер —
 последний растаял снег.
 Тянется горная цепь на юг,
 синяя, словно волна.
 Слышу флейты печальный напев,
 но деревьями скрыт человек.
 Лепестки усыпали маленький мост —
 их не сочтешь вовек!

3) НИ ЦЗАНЬ (1301–1374)

Ни Цзанью, второе имя Цзы-чжэнь, прозвание Юнь-линь (Облачный лес), уроженец юго-восточного региона Китая (г. Уси, провинция Цзянсу), — один из крупнейших юаньских художников-пейзажистов и наиболее колоритная личность того времени.

Отпрыск богатой купеческой семьи, Ни Цзанью никогда и не помышлял о служебной карьере, занимаясь главным образом коллекционированием произведений искусства — живописи, каллиграфии — и древних изделий. В 40-х гг. XIV в., когда ему исполнилось 50 лет, неожиданно для всех раздал свое имущество родственникам и знакомым и начал вести жизнь «странствующего отшельника»: путешествовал в лодке по рекам и озерам провинции Цзянсу, останавливаясь на кратковременный отдых в буддийских монастырях или в домах прежних друзей, нередко расплачиваясь за гостеприимство здесь же созданными картинами или поэтическими произведениями.

Как поэт работал во всех лирических жанрах, предпочитая в основном пейзажные (как и в живописи) лирические миниатюры, наподобие экспромтов.

Случайно написал в пятый день шестого месяца

Сию и смотрю, как зеленый мох
ко мне на халат ползет.
Весенней водою наполнен пруд,
светел и чист небосвод.
Ни повозки, ни всадника в нашем краю
не встретишь за целый день.
Лишь случайное облачко порой
вслед журавлю проплывет.

Надпись к картине

Кисть легка,
в светлых размывах тушь.
Дали небес
так прозрачно-нежны.
Ветер, закат,
рощи унынья полны.

4) ЮАНЬСКИЕ АРИИ-ЦЮЙ

ВАН ХЭ-ЦИН (?)

Ван Хэ-цин, уроженец северо-восточного региона Китая (местность Дамин, провинция Хэбэй), — ведущий поэт в период становления жанра *цуй*. Других подробных сведений о его жизни не сохранилось, и его поэтическое наследие состоит всего из 21 *арии*.

Весенние думы

Ветви ив
в подпалинах заката,
зыби вод —
смарагд зеленоватый,
ткнут завесу
дождевые струи,

Дивный сон весны
грядет,
меня чаруя.

Вздыхаю

Были утра весны,
будут осени дни —
никому не прервать
нескончаемой их череды.
Как уходит весна,
так цветы увядают,
бледны,
и слабеют лучи
на исходе ущербной луны.
Угасает луна...
Опадают цветы...

БО ПУ (1226?—1310?)

Бо (Бай) Пу, второе имя Жэнь-фу, уроженец северо-восточного региона Китая (местность Чжэньдин, провинция Хэбэй, по другим сведениям — уроженец северного региона, провинция Шаньси), — один из ведущих юаньских драматургов¹ и поэтов в жанре *цуй*.

Сын крупного сановника чжурчжэньского государства Цзинь, Бо Пу, к тому времени уже известный ученый-филолог и литератор, не захотел поступать на службу к монгольским властям, поэтому в течение многих лет вел божественный образ жизни. Лишь на склоне лет, когда его сын преуспел в служебной карьере, вернулся к привычному для высокопоставленного чиновничества кругу занятий.

Поэтическое наследие Бо Пу представлено сборником *цы* «Небесная свирель» и 37 *цуй*. На русском языке имеются переводы в общей сложности более 20 стихотворений Бо Пу, выполненные И. С. Лисевичем, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 108; И. Смирновым, в: Человек с гор // Восточный альманах. М., 1978. Вып. 6. С. 530—531; и С. А. Торопцевым, в: Китайская пейзажная лирика... С. 205—210.

¹ Сохранились сведения, что всего Бо Пу было создано 16 пьес, преимущественно на исторические темы, из них сохранилось только три. Две из них — «Дождь в платанах» и «Скакун возле ограды» (пер. Т. А. Малиновской; пер. стихов С. Ботвинника) см. в: Юаньская драма. М.; Л., 1966. С. 143—230.

Весна

Солнце
пригрело весенний склон,
ветер ласкает резной балкон,
меж тополей
затаились качели,
иволги в ивах
запели,
и лепестки
плывут под мостком.

Лето

Прервался дождь,
уходят облака.
Остуженная дыня так сладка!
Навис над домом
ивовый шатер,
и, расстелив под пологом ковер,
снимает дева
тонкие шелка.

Лето

Жарко-знойные дни!
Зацветает гранат,
издалека доносится
лотосов аромат.
Неподвижны,
привязаны к ивам ладьи...
Поищу-ка беседку,
раскину подстилку
да сброшу одежды в тени.

Осень

Упали
осколки вечерней зари
на село,
на ветке, подернутой дымкой,
нахохлился ворон,
последняя лебедь

отчаянно машет крылом,
желтеют цветы,
пламенеют листья,
вода зеленеет,
чернеют недвижные горы.

Зима

Прозвучал рожок
где-то за окном,
тонкий серпик смотрит
на затихший дом.
Речку, склоны горные
снегом замело.
Частокол бамбуковый
да дымок над кровлями —
притулилось к берегу
дальнее село.

ЧЖАН КЭ-ЦЗЮНЬ (1275?–1345?)

Чжан Кэ-цзюнь, второе имя Сяо-шань, уроженец юго-восточного региона Китая (местность Цинъюань, провинция Чжэцзян), — ведущий мастер *цзюй* второй половины юаньской эпохи. О его жизни сохранилось очень мало сведений. Некоторое время он находился на службе, занимая незначительные посты, и на склоне лет поселился в уединении на берегу озера Сиху (провинция Чжэцзян). До нас дошло 855 его арий-*цзюй*, среди которых преобладают стихотворения на пейзажные и любовно-лирические темы, перекликающиеся по настроению и образности с романтическими *цы*.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 50 произведений Чжан Кэ-цзюня, выполненные А. Арго, А. Ахматовой, Ю. Попковым, А. Тер-Григоряном, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 120–135; И. Смирновым, в: Человек с гор... С. 529–530; и С. А. Торопцевым, в: Китайская пейзажная лирика... С. 225–241.

Весенний вечер

Густо пахнет трава,
и клубятся, летят облака.
Предзакатная грусть...

Ах, весна!
 Была чарка вина,
 была лодка легка,
 было ржанье коня...
 Птица плачет-кричит,
 ливень бьется в ночи.
 Персик
 в ветре восточном
 свой наряд растерял.
 Ах, взглянула бы милая —
 двор наш
 розовым стал.

Осенние думы

Только гуси что-то пишут
 на холодных облаках,
 словно феникс сиротливый,
 отражаюсь в зеркалах.
 Ветер осени
 ночами навевает мне тоску,
 потому что Вас увидеть не могу.
 Одинокая,
 возьму бокал вина.
 Свечка тает.
 Я одна,
 я хмельна...
 Рассветает.

Осенний сон

Западный ветер
 летит из родимой земли,
 там меня ждут,
 за тысячи ли.
 Небо краснеет,
 как осенью лист,
 гуси кричат,
 мысли хмельны.
 Пальмы, дожди,
 осенние долгие сны.

Ночь весны

Стрижи летят —
 Пьянящая пора.
 Пион цветет —
 к стихам влечет весна.
 Дождило нынче с самого утра,
 легла луна
 среди двора.
 Растопит лед моя игра,
 и скрасит ночь кувшин вина.

Надвигается вечер

Читает стихи
 старик
 на краю земли,
 весны на пороге не слышит —
 он двери закрыл,
 чиновное платье давно уж на кисть сменил...
 В тихой дали на картине —
 мост,
 и под снегом
 кусты мэйхуа зацвели.

Весна вечерняя

Дует ветер восточный
 на просторах Сиху.
 По утрам
 над цветами да ивами дымка влажна.
 Плакать хочется иволге,
 танцевать — мотыльку.
 Ведь, пока я качаюсь,
 незаметно уходит весна.

Чувство разлуки

До свиданья, цветы!
 Снято
 платье весны,
 над беседкой блаженства
 деревья

тенисто-густы.
Склоны дальних холмов
скрыла цепь облаков.
Приютите прохожего,
ивы,
пока зелены.
Не забыть мне вовек
этот дивный пейзаж.
Экипаж,
чуть замедли свой бег!
О, прощай...
И ушел человек.

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

І. Рассказ-сяошо эпохи Шести династий

1) ИЗ СБОРНИКА ХАНЬДАНЬ ШУНЯ (132?–?) «ЛЕС УЛЫБОК»

Ханьдань Шу, второе имя Цзи-шу, уроженец центрального региона Китая (область Инчжоу, провинция Хэнань), — чиновник и литератор, входивший (с нач. 90-х гг. II в.) в ближайшее окружение Цао Цао, а затем и Цао Пи, уже как государя царства Вэй (см. раздел «Цзяньаньская поэзия»). Он умер предположительно в возрасте девяности с лишним лет. Его сборник является одной из первых известных коллекций *сяошо* и вместе с тем открывает особое тематическое направление — рассказы анекдотического и историко-бытового характера, в которых высмеиваются общераспространенные человеческие пороки: глупость, невежество, жадность и т. д.

Мудрый совет

Одному человеку из царства Лу надо было пройти через городские ворота. А в руках у него был длинный бамбуковый шест. Попробовал держать шест вертикально — не проходит, поперек — тоже не пролезает. Сколько ни ломал голову, не мог ничего придумать. Тут подошел к нему старик и говорит:

— Я хотя и не мудрец, однако немало повидал на своем веку. Переломи шест пополам — и пройдешь.

Прохожий внял его совету — и вошел в город.

Отведал баранины

Один человек питался только овощами. Но однажды он поел баранины. Во сне ему явился дух внутренностей и сказал:

— Баран-то истоптал весь твой огород.

Скупец

Во времена Хань жил один человек. Он был уже в преклонных годах, но не имел детей. При своем богатстве он отличался скупостью: ходил в отрепьях, кормился одними кореньями. Чуть забрезжит — он уже на ногах, ложится — когда ночь опустится. Все, что наживал, копил, не зная меры, и ничего не тратил. Однажды сосед попросил у него денег в долг. Старик вошел в дом, взял десять медяков, но, пока шел к воротам, припрятывал одну монетку за другой. Зажмурив глаза, он дал просителю всего пять монет и сказал со злостью:

— Я разорил свой дом, чтобы помочь тебе. Смотри не говори никому, а то еще кто-нибудь следом за тобой придет!

Внезапно старик умер. Поля и строения отошли в казну, а все добро досталось родне жены.

2) ИЗ СБОРНИКА ГЭ ХУНА (283?–343?) «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТЫХ И БЕССМЕРТНЫХ»

Гэ Хун, второе имя Чжи-гуань, уроженец юго-восточного региона Китая (уезд Цзюйжун, провинция Цзянсу), — знаменитый даосский философ, ученый-естествоиспытатель и алхимик, автор первого даосско-алхимического трактата — «Бао Пу-цзы» («Мудрец, объемлющий первоизданную простоту»). Он происходил из знатного, но обедневшего южнокитайского клана, в 303–304 гг. поступил на военную службу и был пожалован за личное мужество титулом *хоу*. Официальная карьера Гэ Хуна продолжалась вплоть до 333 г., после чего он ушел в отставку и поселился в отдаленной южной местности — в горах Лофушань (провинция Гуандун, недалеко от современного города Гуанчжоу), где, окружив себя учениками, занялся алхимическими опытами с целью изготовления эликсира бессмертия.

Гэ Хуном было создано внушительное число сочинений историко-политического, этического и медицинского характера, из которых до нас дошли, кроме названного трактата, лишь несколько медико-фармакологических текстов. Сборник «Жизнеописания святых и бессмертных» явно задумывался Гэ Хуном как агиографическое сочинение, которое станет продолже-

нием первого даосского житийного свода — «Жизнеописания бессмертных». Однако входящие в него рассказы по живости повествования и общему литературному уровню представляют собой полноценные художественные произведения, близкие к традиции «рассказов о духах».

Всего этот сборник насчитывает 92 рассказа, большая часть которых посвящена авторитетнейшим даосским мудрецам, начиная с основоположника даосизма Лао-цзы, и популярным бессмертным-сяням.

Лао-цзы (фрагмент)

Лао-цзы был тих, незаметен и бесстрастен, трудился он лишь ради жизни вечной. Поэтому-то, хотя и прожил при династии Чжоу долго, по службе не продвинулся и славы не достиг. Казалось, он жаждал умерить исходившее от него сияние, смешаться с пылью! Истинной сущностью его была естественность. Утвердившись в Дао, он ушел от людей и стал небожителем...

Кун-цзы имел обыкновение всех расспрашивать о Ритуале. Решил он также расспросить Лао-цзы, но, прежде чем встретиться с ним, отрядил Цзы-гуна. Едва тот прибыл, Лао-цзы сказал ему:

— Твоего учителя зовут Цю, ты следовал за ним три года и лишь после этого смог получить наставления.

Тут уж Кун-цзы сам явился к Лао-цзы. И сказал ему Лао-цзы:

— Хорошему торговцу даже переполненные закрома кажутся пустыми; благородному мужу даже высшие совершенства кажутся убожеством. Отринь же свою заносчивость и безрассудные желания, рожденные многими страстями, — от них тебе не будет пользы.

Увидав, что в руках у Кун-цзы книга, Лао-цзы спросил:

— Что это?

— «Книга перемен», — отвечал тот. — Все мудрые люди ее читали.

Лао-цзы сказал:

— Возможно, мудрые читали ее, но тебе-то она зачем? Можешь ли ты разъяснить мне, в чем ее суть?

Кун-цзы сказал:

— Гуманность и долг — вот ее суть!

— Когда тебя жалят комары или москиты — всю ночь не смыкаешь глаз, — возразил Лао-цзы. — Когда же сами гуманность и долг оборачиваются жестокостью, сердце обливается слезами... Все смешалось, как никогда. Но лебедь бел, хоть не всякий день купается, а ворон черен, хоть не всякий день грязнится. Небо высоко, а земля тучна, солнце и луна ослепительны, созвездия непоколебимы, а деревья и травы разнообразны по самой своей природе. Совершенствуясь в Дао, ты мог бы сравняться с ними всеми. А что проку в твоих гуманности и долге? Следовать им — все равно что с барабанным боем идти на поиски заблудшей овцы. Их суетность лишь приводит в смятение человеческую природу!

И спросил Лао-цзы у Кун-цзы:

— Так как же — обрел ты Дао?!

Кун-цзы ответил:

— Двадцать семь лет пытаюсь, но до сих пор не обрел!

— Если бы Дао можно было поднести кому-нибудь в дар, — сказал Лао-цзы, — то каждый поднес бы его своему господину. Если бы Дао можно было добыть по знакомству, то каждый добыл бы его для близких. Если б о Дао можно было поведать, то каждый поведал бы о Дао братьям. Если бы Дао можно было отдать потомкам, то каждый отдал бы его своим детям. Но все это невозможно, и потому Дао ты не обрел. Когда в сердце нет хозяина, Дао там поселиться не может.

— Я, Цю, привел в порядок «Книгу песен» и «Книгу истории», «Книгу ритуала» и «Книгу музыки», летопись «Весны и Осени», — продолжал Кун-цзы. — Я воспевал Дао, которому следовали прежние правители, я разъяснял деяния Чжоу-гуна и Шао-гуна, я осуждал последующих семьдесят государей, но применения своим талантам не нашел. Как же трудно доказать что-либо людям!

Лао-цзы ответил:

— Шесть канонов — это след, оставленный ушедшими от нас государями. А что оставил ты? Ныне, приводя в порядок «Шесть канонов», ты идешь по проторенному следу. Но след не то же, что башмак!

Возвратившись домой, Кун-цзы три дня ни с кем не разговаривал. А когда Цзы-гун, удивившись, спросил о причине, Кун-цзы отвечал:

— Я понял, что мысль его подобна птице, парящей в вышине. Из красноречия своего я сделал самострел, чтоб поразить ее стрелой, но не достал ту птицу, и этим лишь умножил его славу. Мысль его словно изюбрь, словно олень в чащобе. Красноречие мое послало гончих псов, которые преследовали изюбря и оленя по пятам, но не догнали, а только охромели. Мысль его как рыба в омуте глубоком. Из красноречия своего я сделал леску и крючок, чтоб эту рыбу выудить, но даже не поддел, запутал только леску. Мне не угнаться за Драконом, парящим в заоблачном эфире и странствующим по Великой чистоте. Я понял, Лао-цзы подобен этому дракону! От изумления уста мои раскрылись и не могли сомкнуться, язык вдруг вывалился, дух мой был смущен, не ведая, где пребывает...

Как-то к Лао-цзы явился Ян-цзы.

— По виду ты настоящий тигр или барс, но вертлявость твоя выдает в тебе шимпанзе и гиббона — берегись, быть тебе подстреленным! — сразу сказал ему Лао-цзы.

— Позвольте мне спросить вас о деяниях мудрых государей! — вымолвил Ян-цзы.

— О деяниях мудрых государей? — отвечал ему Лао-цзы. — Их доблестные деяния служили как бы крышей для всей Поднебесной, и все же они не считали Поднебесную своей собственностью. Их благодетельное влияние распространялось на все сущее, и потому народ у них не знал гордыни. Они обладали великими добродетелями, но не стремились к славе, ибо помыслами своими пребывали в неизмеримом и странствовали в небытии...

Лао-цзы задумал уйти на запад. Перед тем как подняться в горы Куньлунь, ему предстояло пройти пограничную заставу. Начальник заставы Инь-си, умевший гадать по ветру, знал, что вскоре через заставу должен пройти святой человек, и подмел дорогу на сорок ли в длину. Увидав Лао-цзы, сразу понял, что это он и есть.

Пока Лао-цзы оставался в Срединном царстве, у него не было никого, кому бы он передал свое учение. Провидя, что Инь-си суждено обрести Дао, он задержался на заставе.

У Лао-цзы был слуга по имени Сюй Цзя, который еще в юности поступил к нему в услужение. Сошлись на ста медяках в день, но до сих пор ни единого медяка Сюй Цзя еще не получил. Задолжал ему Лао-цзы семь миллионов двести

тысяч монет. Узнав, что господин его уходит в дальние края, слуга стал опасаться, что лишится заработанного. Кого-то нанял, чтоб составить жалобу на Лао-цзы, и вознамерился идти с ней к начальнику заставы.

Писавший прошение даже не догадывался, что Сюй Цзя следует повсюду за Лао-цзы уже более двух сотен лет. Зная лишь, какая сумма причитается слуге, он поспешил предложить тому в жены свою дочь. Девушка была красива, и когда слуга ее увидел, то возликовал. Инь-си же, получивший жалобу, немало встревожился и заторопился к Лао-цзы.

Лао-цзы призвал к себе Сюй Цзя и так сказал ему:

— Когда-то я тебя взял в услужение потому, что находил-ся в малой должности, был беден, слуг и посыльных не имел. Но твой срок жизни на земле давно истек. Я дал тебе тогда талисман Великой чистоты — лишь потому ты и поныне жив. На что ж ты жалуешься? Я уговаривал тебя идти со мною в Парфию. Там бы я золотом вернул тебе весь долг сполна. Неужто не мог потерпеть?

Сказав так, он велел Сюй Цзя раскрыть рот пошире и наклониться. Талисман Великой чистоты тотчас упал на землю. Письмена, начертанные на нем красной киноварью, за все время нисколько не поблекли. Сюй Цзя же превратился в грудку высохших костей.

Инь-си знал, что Лао-цзы — святой и может вернуть несчастного к жизни. Стал, земно кланяясь, умолять, чтоб тот пощадил слугу. Предлагал сам вернуть тому деньги за Лао-цзы. Наконец Лао-цзы опять вложил в рот Сюй Цзя талисман Великой чистоты, и слуга сразу ожил. Инь-си отдал Сюй Цзя два миллиона монет, после чего выгнал его вон.

Тут же был совершен обряд посвящения в ученики, и Лао-цзы открыл Инь-си, как обрести бессмертие. Инь-си просил еще наставить его в правила поведения. Лао-цзы изложил их в пяти тысячах слов. Инь-си записал все слово в слово, назвавши «Книгой о Пути и проявлениях его». Следуя этому Пути, Инь-си достиг бессмертия.

Бо Шань-фу

Бо Шань-фу был уроженцем области Юнчжоу. Удалившись в Цветущие горы — Хуашань, очищался мыслью, принимал эликсиры, но то и дело приходил в родное селение,

дабы навестить родных. Минуло двести лет, а он не состарился.

Когда являлся к кому-нибудь в дом, добрые дела и злодеяния, заслуги и промахи присутствующих и даже их предков зрел словно воочию. Знал также, как чародейством накликать беду, призвать удачу, — говорят, ни разу не было у него промашки. Его внучатая племянница была годами стара, недуги ее одолевали, но он дал ей волшебный эликсир, и, хотя женщине тогда уже исполнилось восемьдесят, юность постепенно вернулась к ней — лицо стало словно цветок персика!

Как-то ханьский император У-ди послал своего слугу в область Хэдун — Восточное Поречье. Западнее городской стены тот вдруг заметил некую девицу, которая палкой наказывала старца. А старец, опустив голову и преклонив колени, покорно подставлял себя под удары. Изумленный посланец спросил, в чем дело.

Девица же ответила:

— Этот старец — сын вашей недостойной слуги! В давние времена почтенный дядюшка Бо Шань-фу научил меня готовить волшебный эликсир. Я велела сыну принимать его. Не пожелал! А ныне все стареет и дряхлеет, едва плетется, не поспевает за мной. Вот и учу его посохом!

Посланец спросил, сколько лет женщине и ее сыну. Ответ был такой:

— Мне уже двести тридцать лет, мальчику же восемьдесят.

Потом мать с сыном углубились в Цветущие горы и исчезли из глаз.

3) ИЗ СБОРНИКА ЛЮ И-ЦИНА (403—444) «ХОДЯЧИЕ ТОЛКИ В НОВОМ ПЕРЕСКАЗЕ»

Лю И-цин — принц крови, родной внук основателя южнокитайской династии Лю Сун, занимавший в 30—40-х гг. V в. важнейшие государственные посты, в том числе губернатора нескольких областей.

Сборник «Ходячие толки в новом пересказе» («Ши шо синь юй», другой вариант перевода его названия — «Новое изложение рассказов, в свете ходящих») считается наиболее значительным и художественно ценным собранием повество-

ваний историко-анекдотического характера, в котором, кроме того, в самом ярком и целостном виде запечатлена культура «славных мужей» (см. раздел «Цзи Кан и Жуань Цзи»). Рассказы Лю И-цина, несмотря на миниатюрность их формы и лаконичность содержания, красочно и в деталях воссоздают атмосферу общественно-политической и духовной жизни китайского общества в первую половину эпохи Шести династий.

Всего сборник состоит из 8 глав-цзюаней, в которых представлено более 300 рассказов, распределенных по 36 тематическим разделам («Высокодостойный поступок», «Меткие изречения», «Исключительные личности» и т. д.), героями которых выступают более 220 исторических лиц.

На русском языке имеются переводы в общей сложности 50 рассказов из сборника Лю И-цина, выполненные В. Сухоруким, в: Пурпурная яшма: Китайская повествовательная проза I—VI веков. М., 1980. С. 277—297; Обелиск свободы // Восточный альманах. М., 1977. Вып. 5. С. 501—524; и Л. Егоровой, в: Классическая проза Дальнего Востока... С. 51—54.

Цзо Сы сочиняет «Оду о трех столицах»

Когда Цзо Сы сочинил свою «Оду о трех столицах», современники принялись поначалу всячески хулить ее и поносить. Огорченный Цзо Сы показал ее Чжан Хуа.

— Ваши «Три столицы», — сказал тот, — можно поставить рядом с Чжанхэновыми двумя, но мир еще попросту не оценил вашего сочинения: надо представить его на суд знаменитому литератору.

И тогда Цзо Сы обратился к самому Хуанфу Ми. А тот, читая, только вздыхал от восхищения и тут же написал предисловие к оде. Вот тогда-то все те, кто отрицал да сомневался, подобрали, как говорится, полы и сами кинулись превозносить и подражать!

Юй Чань сочиняет «Оду о славной столице»

Юй Чань, сочинив «Оду о славной столице», преподнес ее Юй Ляну. А тот, движимый родственными чувствами, стал безмерно ее восхвалять, уверяя, что новую оду можно смело поставить рядом с «Двумя столицами» Чжан Хэна и «Тре-

мя» — Цзо Сы. После чего все так и ринулись сочинять оды, а в столице по этой причине даже подорожала бумага.

Но великий наставник Се Ань сказал так:

— Ничего у него не получилось, и все это напрасный труд. Нахватал сколько мог у других — да только от собственной бесталанности и ограниченности так никуда и не ушел!

Великий наставник Сыма

Как-то ночью великий наставник Сыма сидел с Се Цзинчжуном в своих покоях. Небеса и луна были ясны и чисты — без единого пятнышка.

— Какая красота! — сказал Сыма и вздохнул в восхищении.

— А по мне, — возразил Се Цзинчжун, — куда красивей кружева из мелких облаков.

На что наставник заметил шутливо:

— Видать, на душе у вас не все чисто — если хочется запятнать такую великую чистоту!

Ван Янь и Юй Гуй

Ван Янь избегал панибратских отношений с Юй Гуем, тот же неизменно обращался к нему на «ты».

— Зачем вы так делаете? — спросил Ван Янь.

— Можешь обращаться ко мне на «вы», — ответил ему Юй Гуй, — а я с тобой буду на «ты»: ты делай по-своему, а я буду делать — по-моему!

Как Жуань Сюань-цзы рассуждал о привидениях

Жуань Сюань-цзы любил рассуждать о том, существуют ли духи и привидения. И если кто-то утверждал, что души усопших могут являться перед живыми, он всякий раз возражал.

— Те, кто «встречался» с привидениями, — говорил Жуань, — уверяют, будто они одеты, как при жизни. Выходит, не только у мертвеца есть душа, но и у платья — тоже?!

Сообразительный Ван Жун

Как-то раз, когда было Ван Жуну всего лишь семь лет, повели его вместе с другими детьми на прогулку. Возле до-

II. Танская новелла-чуаньци

1) ЧЭНЬ СЮАНЬ-Ю (VIII в.). ДУША, КОТОРАЯ РАССТАЛАСЬ С ТЕЛОМ

О жизни Чэнь Сюань-ю практически ничего не известно. Данная новелла является его единственным дошедшим до нас произведением и первым образцом собственно новеллы-чуаньци. Использованный в ней сюжет впоследствии неоднократно воспроизводился в повествовательной и драматургической литературе — пьеса Чжэн Гуан-цзю «Душа расстается с телом» (см. раздел «Драма»).

На русском языке имеются два варианта перевода этой новеллы — выполненные А. Тишковым, в: Танская новелла / Пер. О. Фишман и А. Тишкова; Послесл. О. Фишман. М., 1960. С. 27—29; и И. Соколовой, в: Гуляка и волшебник: танские новеллы VII—IX вв. М., 1970. С. 48—51.

В третий год правления Тяньшоу Чжан И из Цинхэ получил должность чиновника в Хэнчжоу и там поселился. Человек добрый, он имел нескольких друзей. Сыновей у него не было, только две дочери. Старшая умерла еще в детстве, а младшая Цянь-нянь выросла красивой и почтительной девушкой.

В семье Чжан И жил Ван Чжоу из Тайюаня — сын его сестры, красивый и способный юноша. Чжан И уважал своего племянника и часто говорил: «Со временем отдам Цянь-нянь тебе в жены».

Чжоу и Цянь-нянь очень любили друг друга, но родители девушки даже не подозревали об этом. Однако позднее отец обещал свою дочь в жены сыну одного чиновника. Узнав об этом, девушка сильно опечалилась, юноша тоже был убит горем. Он просил отпустить его в столицу для сдачи экзаменов; Чжан И не смог отговорить племянника, пришлось устроить ему богатые проводы.

С тайной печалью в сердце Чжоу простился с провожающими и сел в лодку. К концу дня он проплыл довольно боль-

шое расстояние и причалил к гористому берегу. Ровно в полночь, — он никак не мог заснуть, — слышались быстрые шаги: кто-то приближался к лодке. Он окликнул прохожего, это была Цянь-нянь. Босая, она бежала за его лодкой. От неожиданности и счастья Чжоу словно обезумел. Он взял руки девушки в свои и спросил, зачем она пришла.

— Я не могу забыть тебя даже во сне, — сказала она, плача. — А меня заставляют идти замуж за другого. Я знаю, что ты всегда будешь меня любить, и решила всем пожертвовать ради тебя. Поэтому я и покинула родителей.

От радости и счастья юноша почти лишился рассудка. Потом он спрятал девушку в лодке. Они плыли днем и ночью и через несколько месяцев достигли Сычуани. В течение пяти лет Цянь-нянь родила двух сыновей; с родителями она не переписывалась, но все время думала о них. Однажды, плача, она сказала мужу:

— Я пришла к тебе, нарушив все приличия. Пять лет я ничего не знаю о моих родителях; для такой непочтительной дочери нет места на земле.

— Не горюй, я отвезу тебя к ним, — сказал муж, тронутый ее благочестием. И он отправился вместе с ней в Хэнчжоу.

Чжоу первым вошел в дом Чжан И; повинившись, он рассказал обо всем, что произошло.

— Не пойму, что ты говоришь, — удивился Чжан И. — Цянь-нянь больна и все эти годы тосковала в своей комнате.

— Так ведь она в лодке! — воскликнул Чжоу.

Изумление Чжан И еще более возросло, он послал слуг на берег. В лодке действительно находилась Цянь-нянь, цветущая и довольная. Завидев слуг, она спросила:

— В добром ли здоровье мои родители?

Удивленные слуги поспешили обратно и рассказали хозяину все, что видели.

Когда больная девушка, лежавшая в комнате, услышала о том, что произошло, она поднялась с постели, привела себя в порядок и переменяла одежды. Улыбаясь, но не говоря ни слова, она вышла встретить другую Цянь-нянь. Затем у всех на глазах обе девушки соединились и превратились в одну, но одетую в два платья.

Это событие семья Чжан И хранила в тайне. О нем знали только родственники. Супруги умерли через сорок лет. Оба их сына сдали экзамены и стали помощниками судей.

Я, Сюань-ю, много раз слышал эту историю в молодости. Некоторые рассказывают ее по-другому, иные считают ее вымыслом. В конце правления Дали мне довелось встретить Чжан Чжун-сяня, судью из Лайу, от которого я и услышал эту странную историю. Судья был двоюродным братом Чжан И, он знал все подробности этого необыкновенного события.

2) ФАН ЦЯНЬ-ЛИ (IX в.). ИСТОРИЯ ГЕТЕРЫ ЯН

О жизни Фан Цянь-ли тоже практически неизвестно. Данная новелла представляет собой типичный образец произведений на сюжет истории гетеры (см. примечания к переводу).

Гетера Ян была самой красивой женщиной веселых кварталов Чанъани. Обладая очаровательной внешностью, она умело и со вкусом подчеркивала ее своими нарядами. Князя, вельможи, именитые приезжие наперебой приглашали ее на пиры. Даже непьющие люди с радостью осушали чарки в ее честь. Вся молодежь Чанъани толпилась в ее доме, готовая по первому ее знаку пустить по ветру свое состояние без всяких сожалений и отдать за нее жизнь. Имя красавицы стало широко известно в столице, многие стремились у нее побывать.

В то время военачальником Чанъани был один очень знатный человек родом из Линнана. Он вел разгульную жизнь, и жена его, происходившая из тех же мест, была очень ревнива; давно уже она предупредила мужа о том, что, если он увлечется другой женщиной, она покончит с собой. Супруг же ее, будучи знатен, с юных лет привык посещать гетер и певичек и постоянно огорчал жену, но никак не мог удержаться от соблазна.

Он тайком внес большой выкуп, чтобы Ян вычеркнули из списков гетер, и перевез ее в соседний город Наньхай, поселив в отдельном доме. Все свободное от службы время он проводил с ней, а ночью потихоньку возвращался домой.

Ян, женщина умная, служила ему преданно и почтительно, вела себя как достойная супруга, никогда не нарушая приличий. Она щедро одаривала всех приближенных своего возлюбленного, и они старались расположить его к ней; поэтому он все больше привязывался к красавице.

Прошло около года с момента их встречи. Но вот однажды военачальник сильно заболел и не мог подняться. Ему очень хотелось хоть разок повидать Ян, но он боялся жены. Тогда он поведал свое желание подчиненному, с которым был дружен, и попросил у него совета.

Подчиненный сказал жене военачальника:

— Супруг ваш тяжело болен. Мне кажется, ему необходима искусная сиделка, только тогда он поправится. У меня есть на примете прекрасная служанка из знатного дома, которая с исключительным вниманием относится к больным. Прошу вас позволить ей ухаживать за вашим супругом. Как вы на это посмотрите?

— Если она служила в знатном доме, значит, ей можно доверить, и, думаю, вреда от этого не будет. Ну что же, пригласите ее.

Подчиненный велел Ян под видом служанки идти к больному. Но не успели они осуществить замысел, как его раскрыли.

Ревнивая жена позвала здоровенных служанок, раздала им палки, поставила в прихожей котел с кипящим жиром и стала ждать прихода Ян. Она задумала бросить соперницу в котел. Узнав об этом, больной пришел в ужас и тотчас же послал гонца предупредить Ян, чтобы она ни в коем случае не приходила.

При этом он сказал:

— Желая исполнить мою просьбу, она чуть не попала в большую беду. Спасибо, что я еще жив и смог спасти ее из пасти этой тигрицы; иначе было бы поздно.

Он послал Ян в подарок редкостные драгоценности, а мальчику-слуге приказал нанять легкую джонку и отвезти Ян к ее родным далеко на север. С этих пор печаль неустанно грызла его сердце; не прошло и десяти дней, как он скончался.

Как раз в это время Ян доехала до Хунчжоу. Узнав о смерти своего возлюбленного, Ян вернула все его подарки, поставила на домашний алтарь поминальную таблицу и, рыдая, воскликнула:

— Ты умер из-за меня, зачем мне жить? Разве могу я остаться одна? — И, разорвав таблицу, она покончила с собой.

Обычно гетеры, торгуя своей красотой, сходятся с мужчинами только из-за выгоды. Ян же решила на смерть, чтобы отблагодарить своего возлюбленного. Вот это сознание долга! Вернула его подарки, — какое бескорыстие! Хоть и гетера, а как отличается от других!

3) ЮАНЬ ЧЖЭНЬ (779–831). ПОВЕСТЬ ОБ ИН-ИН

Эта повесть Юань Чжэня (см. раздел «Юань Чжэнь») считается одной из лучших танских новелл. Она была создана предположительно в начале IX в., когда еще молодой Юань Чжэнь находился в столице, дожидаясь назначения после сдачи им столичного экзамена. Ее сюжетом послужила любовная история, которая произошла с кем-то из знакомых ему юношей. «Повесть об Ин-ин» тоже оказала значительное воздействие на последующую повествовательную и драматургическую литературу, к примеру пьеса Ван Ши-фу «Западный флигель» (см. раздел «Драма»).

В годы Чжэньюань жил некий студент по фамилии Чжан. Это был элегантный и красивый юноша с мягким характером и утонченной душой. Он отличался высокой нравственностью, строгим поведением и чуждался всего недостойного.

Иногда Чжан принимал участие в попойках друзей, но, в то время как другие шумели и буйно веселились, словно боясь упустить случай, Чжан только делал вид, что развлекается вместе со всеми, на самом же деле никогда не забывался. Так и получилось, что он достиг двадцати трех лет, а женщин еще совсем не знал. Друзья допытывались у него, в чем же причина. Чжан в свое оправдание говорил так:

— Вот, скажем, Дэн Ту-цзы, он ведь не то чтобы по-настоящему любил женскую красоту, просто был развратным человеком! Я же искренне восхищаюсь женской красотой, но мне еще не случалось встретиться с такой, которая сумела бы покорить мое сердце. Как бы мне объяснить это? Попадись мне исключительная красавица, я бы мог от всего сердца увлечься ею. Как видите, я не бесчувственный.

И те, кто спрашивал его, удовлетворялись этим объяснением.

Как-то Чжан поехал в Пу. Ли в десяти к востоку от этого города находился буддийский монастырь, носивший название Обители Всеобщего Спасения, и Чжан остановился там. Случилось так, что в это время некая вдова по фамилии Цуй, возвращаясь в Чанъань, проезжала через Пу и остановилась в том же монастыре. Госпожа Цуй происходила из рода Чжэн; мать Чжана тоже была из этого рода. Оказалось, что вдова Цуй приходится Чжану теткой по женской линии.

В том году в Пу умер полководец Хун Чжэнь. Его помощник, некий Дин Вэнь-я, плохо обращался с воинами. Воспользовавшись похоронами полководца как удобным моментом для мятежа, городской гарнизон поднял бунт. В городе начались грабежи.

Семья Цуй путешествовала в сопровождении большого количества слуг и везла с собой множество ценных вещей. Оказавшись проездом в чужом месте, путешественники дрожали от страха, не зная, к кому обратиться за помощью.

Еще до этого Чжан был в приятельских отношениях с друзьями командующего войсками в Пу. Чжан добился, чтобы его родственникам дали надежную охрану, и благодаря этому их никто не тронул.

Дней десять спустя в Пу прибыл Ду Цюэ, неподкупный уполномоченный императора, и привез императорский указ, предписывающий ему возглавить городской гарнизон. Ду Цюэ обнародовал приказ и быстро восстановил порядок.

Госпожа Цуй была бесконечно благодарна Чжану за оказанное благодеяние; она приготовила угощение, приняла юношу в среднем зале, как почетного гостя, и обратилась к нему со следующими словами:

— Я, ваша тетка, одинокая вдова, вопреки долгу супружеской верности пережившая своего мужа, осталась с малыми детьми на руках. К несчастью, мы попали в этот город в такое тревожное время и спаслись только благодаря вашей помощи; я, мой маленький сын и юная дочь остались живы только благодаря вам. Такую услугу нельзя сравнить с обычным одолжением! Сейчас я позову моих детей, чтобы они засвидетельствовали свое уважение вам, их старшему брату и благодетелю, и хоть в какой-то мере поблагодарили вас за милость.

Она позвала сына Хуань-лина, милого, славного мальчика лет десяти. Затем крикнула дочери:

— Выйди и поклонись старшему брату: он спас тебе жизнь.

Прошло некоторое время, и только тогда Ин-ин, не выходя из-за перегородки, попросила извинить ее, ссылаясь на нездоровье. Мать сердито сказала:

— Твой старший брат Чжан спас тебя. Если бы не он, тебя бы похитили. Как ты можешь отказываться выйти к нему! Ты что, боишься людской молвы?

Немного погодя Ин-ин вышла, в скромном будничном платье, без всяких украшений, без румян на щеках. Волосы не были уложены в прическу, брови нахмурены. Лицо девуш-

ки было прекрасно, прелестный облик ее волновал сердце. Пораженный ее красотой, Чжан приветствовал ее. Так как Ин-ин вышла по принуждению, то, сев рядом с матерью, устремила вперед неподвижный взор и выглядела такой расстроенной, что, казалось, вот-вот упадет без чувств. Чжан спросил, сколько ей лет. Мать ответила:

— Она родилась в седьмом месяце пятого года правления нынешнего императора, так что сейчас ей семнадцать лет.

Чжан старался понемногу вовлечь Ин-ин в разговор, но девушка молчала. Так и кончилось это первое знакомство.

С этого времени Чжан, совершенно покоренный ее красотой, только и думал о том, как бы дать ей знать о своих чувствах, но не имел возможности сделать это.

Служанку семьи Цуй звали Хун-нян. Когда никого кругом не было, Чжан не раз здоровался с ней и наконец улучил случай излить ей свою печаль. Ошеломленная служанка от смущения лишилась дара речи и убежала. Чжан уже пожалел о том, что сделал. На следующий день служанка опять пришла. Чжан чувствовал себя неловко и, извинившись перед ней, больше уже не заговаривал о том, что волновало его. Но служанка сама сказала ему:

— Ваши слова, сударь, я не посмела передать барышне и не решусь повторить их никому другому. Но ведь ваше родство с семьей Цуй установлено совершенно точно. Так почему бы вам не воспользоваться этим обстоятельством и не посвататься?

Чжан горячо запротестовал:

— Нет, твой совет мне не подходит! С детства у меня не было стремления к сближению с женщинами; даже когда я находился в компании молодых кутил, и то никогда не заглядывался на красоток. Так было со мной до последнего времени, но тут с первой же встречи я не в состоянии владеть собой. А теперь я на полпути забываю, куда иду; сидя за столом, не мыслю о еде. Без нее я и дня не могу прожить! Если же устроить свадьбу через сваху, то обмен брачными подарками и именами займет месяца три, а к тому времени я утоплюсь с тоски, и мои останки придется искать по лавкам, торгующим сушеной рыбой.

На это служанка ответила:

— Защитой барышне служат ее целомудрие и сдержанность; даже те, к кому она относится с почтением, не смеют оскорбить ее неподходящим словом. Едва ли она будет слу-

шать советы простой служанки! Но она сочиняет прекрасные стихи и постоянно повторяет их нараспев, печально устремив вдаль скорбный, горящий взор. Попробуйте смутить ее покой чувствительными стихами. Другого выхода я не вижу.

Чжан воспрянул духом, тут же написал две весенние строфы и отдал их Хун-нян.

В тот же вечер служанка снова пришла к Чжану и вручила ему изящный листок тонкой бумаги, сказав при этом:

— Барышня велела передать вам.

На листке были стихи под названием «Ясная луна ночью пятнадцатого числа»:

У флигеля ты
Ожидаешь восхода луны,

Чуть дверь приоткрыв,
Легкий ветер в покои проник,

Задвигались тени цветов
По глазури стены;

Ужели не видишь
Красавицы яшмовый лик?

Чжану показалось, будто он понял, что этим хотела сказать Ин-ин. В тот вечер было четырнадцатое число второго месяца. К востоку от помещения, занимаемого семьей Цуй, росло абрикосовое дерево, по которому можно было забраться на стену.

И вот вечером пятнадцатого числа Чжан влез на дерево и перескочил через стену. Когда он подошел к западному флигелю, то оказалось, что дверь была приоткрыта. Хун-нян спала, и Чжан разбудил ее.

— Зачем вы пришли сюда? — спросила служанка в испуге.

Тут Чжан обманул ее:

— Твоя барышня в письме приглашала меня. Пойди скажи ей, что я здесь.

Охваченный радостным возбуждением, Чжан надеялся на успех. Ин-ин действительно вышла. Она была строго одета, держалась с достоинством и дала юноше суровую отповедь:

— Нет слов — благодеяние, оказанное старшим братом, огромно! Ведь вы спасли нашу семью! Поэтому моя добрая матушка и доверила вам своих детей и заставила нас выразить свою признательность лично. Зачем же вы прибегли к услугам бессовестной служанки и прислали мне непристойные стихи?

Вы начали с того, что проявили благородство, защищая нашу семью от надругательства, а кончаете тем, что сами наносите мне оскорбление. Выходит, взамен надругательства вы предлагаете нам позор? Какая же между ними разница? По правде сказать, я хотела было скрыть посланные вами стихи, но прикрывать безнравственность грешно. Показать их матери значило бы причинить неприятность человеку, сделавшему нам добро. Я собиралась послать вам ответ через служанку, но побоялась, что она не сможет передать моих истинных мыслей. Хотела прибегнуть к короткому письму, но опять-таки побоялась, что вы неверно его истолкуете; поэтому я рискнула и написала эти нескладные стихи, чтобы заставить вас непременно прийти. Я стыжусь того, что мне пришлось переступить приличия, но единственно, чего я желаю, это чтобы вы сдерживали себя и не выходили из границ положенного.

Сказав это, Ин-ин повернулась и ушла. Чжан долго стоял в растерянности. Наконец, совершенно убитый, он перелез через забор и вернулся к себе.

Прошло несколько дней. Как-то вечером Чжан в одиночестве спал на веранде, внезапно кто-то разбудил его. Вскочил в испуге, оказалось — Хун-нян. Держа подушку одной рукой и перекинув сложенное одеяло через другую, она слегка коснулась плеча юноши и прошептала:

— Идет, идет! Чего же вы спите?!

Положила подушку рядом с подушкой Чжана, накинула одеяло поверх его одеяла и ушла. Чжан, протирая глаза, сел и принял приличную, строгую позу; долгое время ему казалось, что это сон, и все же он настороженно сидел и ждал.

Но вот пришла Ин-ин, поддерживаемая служанкой. Обаятельно-застенчивая, обворожительно прекрасная, на вид такая истомленная, словно у нее не было сил двигаться, она ничем не походила на ту торжественно-строгую девицу, какой была в прошлый раз.

Это был вечер восемнадцатого числа. Косые лучи луны, сияющие, как хрусталь, освещали половину постели. Чжану, охваченному неопишым восторгом, казалось, что его посетила небесная фея, а не простая смертная. Вскоре ударил колокол в монастыре — близился рассвет. Хун-нян торопила Ин-ин, и та, беззвучно рыдая, медленно пошла к выходу, так и не сказав за всю ночь ни слова. Служанка поддерживала ее под руки. Чжан поднялся. Стало светло, и он в сомнении

спросил себя: «Не сон ли это?» Наступило утро, он заметил пудру у себя на плече; одежда его хранила аромат духов, на постели еще были видны следы ее слез.

Дней десять от нее не было никаких вестей. И вот однажды Чжан принялся сочинять стихи из тридцати строк на тему «Встреча с небесной феей». Не успел закончить, как вдруг пришла Хун-нян, и он вручил ей листок со стихами, чтобы она передала их Ин-ин. С этих пор Ин-ин стала встречаться с ним в своей комнате. Утром он тайком уходил от нее, вечером крадучись возвращался; почти целый месяц длилось их счастье в западном флигеле. Когда Чжан спрашивал, как относится к этому ее мать, Ин-ин отвечала:

— Мне все равно! Я уже не могу ничего поделать! — и старалась прекратить разговор на эту тему.

В скором времени Чжан собрался ехать в Чанъянь; перед отъездом он предупредил об этом Ин-ин. Она выслушала его без всяких возражений, но печальный вид ее тронул бы любого человека. Обе ночи, предшествующие отъезду, Чжану не удавалось повидаться с ней; так он и уехал на запад, не простившись.

Прошло несколько месяцев. Чжан снова приехал в Пу и некоторое время жил в семье Цуй.

Ин-ин была превосходным каллиграфом и отлично владела литературным стилем. Однако всякий раз, когда Чжан пытался просить у нее образцы ее почерка и стиля, она наотрез отказывала. Он неоднократно пробовал своими стихами вызвать ее на ответ, но Ин-ин обращала очень мало внимания на его творчество. Она тем и отличалась от других, что, обладая выдающимися талантами, делала вид, что ничего не знает; будучи красноречива, редко вступала в разговор; питая глубокие чувства к Чжану, не давала им выражения в словах. Когда сильная тоска охватывала ее, она умела казаться безразличной, и выражение радости или гнева редко появлялось на ее лице.

Однажды ночью Ин-ин в одиночестве играла на лютне; мелодия была так печальна, что вызывала сердечную боль. Чжан подслушал и попросил продолжать, но она наотрез отказалась. Это еще больше усилило его страсть.

Вскоре Чжан снова должен был ехать на запад, так как близились государственные экзамены. Вечером, накануне отъезда, он не говорил больше о своем чувстве, лишь грустно вздыхал, сидя рядом с Ин-ин. Она же, зная, что близится разлука, кротко взглянула на него и мягко сказала:

— Обольстил, а потом покинул. Так оно и должно было случиться. Я не смею роптать! Но если вы, обольстивший меня, решите дело по совести, это будет поистине милостью с вашей стороны. Тогда мы сдержим нашу клятву о верности до гроба. Зачем же печалиться об этой поездке? Однако вы так расстроены, а мне нечем вас успокоить. Вы, бывало, говорили, что я хорошо играю на лютне, а я до сих пор стыдилась и не могла играть при вас. Но теперь вы уезжаете, и я исполню ваше желание.

Приказала вытереть лютню и тронула струны; вскоре в мелодию «Платье из радуги, одежда из перьев» проникли скорбные ноты, так что нельзя было узнать первоначального мотива. Все, до кого доносилась музыка, грустно вздыхали. Ин-ин прервала игру, порывисто бросила лютню, — слезы лились по ее щекам; убежала в комнату матери и больше уже не выходила.

На рассвете Чжан уехал.

В следующем году, потерпев неудачу на экзаменах, Чжан остался в столице; поэтому он послал Ин-ин письмо, где изложил все, что чувствовал. Ответ, в моем неискusstvenном изложении, был примерно такой:

«Я прочла Ваше письмо, полное глубокой любви ко мне. Мои чувства к Вам — это грусть, к которой примешивается радость. Вы были так внимательны, что вместе с письмом прислали мне в подарок коробку с искусственными цветами и губную помаду. Конечно, я благодарна Вам за большую любовь, но кто же есть еще, кроме Вас, для кого бы я стала украшать себя? Я гляжу на Ваши подарки, и меня охватывают воспоминания, и тоска моя растет. Теперь, когда нужно готовиться к экзаменам в столице, Вам необходимо оставаться там, чтобы добиться успеха. Конечно, я не стою Вас, но как тяжело вечно жить в одиночестве, вдали от любимого. Такова судьба, что же я еще могу сказать!

С прошлой осени я живу как в тумане, будто утратила что-то. Среди веселья и шума заставляю себя говорить и улыбаться, но ночью, когда остаюсь одна, непрестанно лью слезы. Даже ночные грезы мои полны слез. Иногда во сне мы становимся близки, как прежде, и печальные мысли о разлуке снова пугают душу, но видение прерывается прежде, чем кончается тайное свидание. Половина постели еще кажется теплой, но тот, о ком я думаю, по-прежнему далеко.

Как будто вчера мы расстались, а новый год уже пришел на смену старому. Чанъань — город удовольствий, где все влечет

молодого человека. Какое счастье, что Вы не забыли меня, недостойную, и постоянно вспоминаете! За это я, ничтожная, никогда не сумею отблагодарить Вас. Клятву же нашу о вечной верности я никогда не нарушу! Прежде, благодаря родству, нам с Вами довелось повстречаться у моей матери. Служанка уговорила меня повидать Вас, и это привело к тайным свиданиям. Я не сумела сдержать своих чувств. Вы вели себя как тот, кто увлек девушку игрой на лютне; у меня же, презренной, не хватило сил бросить в Вас челнок. Став служанкой у Вашей цинновки и подушки, я была полна глубокой преданности. По своей наивности и простоте думала, что так будет всегда. В счастливый день, когда узнала Вас, я не смогла совладать с собою; дошла до такого позора, что отдала себя Вам и не смогу уже держать полотенце и гребень. До смерти я не перестану упрекать себя. Слова напрасны, остается лишь сдерживать рыдания!

Если Вы по доброте сердечной снизойдете и поступите так, как хотела бы я, одинокая и ничтожная, то и после смерти я буду благодарна Вам. Но даже если Вы, считающий себя выше мелких условностей, отвергнете мою любовь, погонитесь за большой удачей, пренебрегая тем малым, что у Вас есть, прежнюю нашу близость сочтете позорной для себя, а наши клятвы — недостойными внимания, то и в этом случае, даже когда мои кости истлеют, чувство мое к Вам не ослабнет и душа, несясь по ветру и бродя по росе, будет вечно верна Вам. В жизни и после смерти моя любовь неизменна. Больше я ничего не могу сказать! Пишу Вам и плачу, не в силах излить свое чувство. Берегите себя! Умоляю Вас, берегите себя!

Яшмовое кольцо — игрушку своего детства — я посылаю Вам, чтобы Вы его носили. Будьте тверды и чисты, как яшма, пусть Ваши чувства будут цельны, как круг кольца. Еще я посылаю Вам моток спутанного шелка и мельницу для чая, сделанную из пятнистого бамбука. Эти вещи не стоят Вашего взгляда, но они выражают мои желания: чтобы Вы были неподдельны, как яшма, чтобы воля Ваша была нерушима, как кольцо. Следы моих слез — на этом бамбуке; смятение моих печальных мыслей — подобно спутанному шелку. Я посылаю эти вещи как символ моих чувств, которые навсегда останутся неизменными. Сердце мое с Вами, хотя телом я далека от Вас и нет надежды на встречу. Если наши тайные мысли сосредоточатся на одном и том же, то и на расстоянии тысяч ли души наши смогут соединиться. Берегите себя! Весною ветер про-

низывает насквозь, надо как следует есть, чтобы не простудиться! Будьте осторожны в своих речах и берегите себя; обо мне же не беспокойтесь».

Чжан показал письмо своим приятелям, так что многие из его современников узнали эту печальную историю. Друг его Янь Цзю-юань, одаренный поэт, написал на эту тему стихотворение «Барышня Цуй», гласившее:

Расцвела орхидея,
Когда не сошел еще снег,

Ты затмил, светлоокый,
Пань-лана своей красотой!

Лишь ручьи потекли, —
И все думы твои о весне.

И послание Сяо
Тревожит весенней тоской...

Юань Чжэнь из Хэнани написал продолжение к поэме Чжана «Встреча с небесной феей». Стихи Юань Чжэня гласили¹:

Друзья Чжана, узнавшие об этой истории, не могли скрыть удивления, но Чжан все же решил порвать связь с Ин-ин. Юань Чжэнь, близко знакомый с Чжаном, спросил его о причине разрыва.

— Всегда было так, — ответил Чжан, — все, кого небо одарило особой красотой, приносили беду — не себе, так уж обязательно другим. Если Ин-ин встретится с каким-нибудь богачом и он полюбит ее за красоту, то она окажется или очаровательной любовницей, или страшным чудовищем; я даже не могу себе представить, во что она превратится.

Синь при династии Инь и Ю при династии Чжоу были правителями большой империи, пользовались неограниченной властью. И ведь оба погибли от женщин, из-за которых народ поднялся против своих повелителей. Даже в наши дни правители эти являются объектом насмешек. Моих сил недостаточно, чтобы побороть чарующее наваждение, поэтому я и подавил свое чувство.

Присутствовавшие глубоко вздохнули.

¹ Перевод стихотворения Юань Чжэня ввиду его объема в данном случае опущен.

Год с лишним спустя Ин-ин вышла замуж, Чжан тоже женился. Как-то он оказался по соседству с домом Ин-ин и попросил ее мужа передать ей, что двоюродный брат хочет повидать ее. Муж сказал ей об этом, но Ин-ин так и не вышла. Лицо Чжана выражало искреннее огорчение. Узнав об этом, Ин-ин тайно написала стихи, в которых говорилось:

Иссохла я
И подурнела,

На ложе
Грустная лежу,

До посторонних
Нет мне дела.

А вам открыть печаль
Стыжусь...

Так и не встретилась с ним.

Через несколько дней, когда Чжан собрался уезжать, она снова прислала ему стихи на прощанье:

На забвенье пенять
Толку нет никакого,

Ваши чувства ко мне
Все равно охладеют,

Дни недавней любви
Мне припомнились снова,

Но другая подруга
Сердцем вашим владеет...

С этих пор они уже не получали никаких вестей друг о друге.

Большинство современников Чжана хвалили его за то, что он сумел исправить свою ошибку.

Встречаясь с друзьями, я постоянно заводил разговор на эту тему, для того чтобы знавшие об этой печальной истории не вели себя так же, а поступающие подобным образом не упорствовали бы в своем заблуждении.

В девятой луне года Чжэньюань правитель Ли Гун-чуй ночевал у меня в Цзиньаньли. В разговоре мы коснулись этой плачевной истории. Ли Гун-чуй считал ее необычной и в написание потомкам написал «Песнь об Ин-ин».

4) ХУАНФУ ШИ. СТОЛИЧНЫЙ УЧЕНЫЙ

Хуанфу Ши (точные годы жизни неизвестны), второе имя Цзунь-мэй, уроженец западного (для Тан — столичного) региона Китая (местность Саньшуй, провинция Шэньси), — чиновник, служивший в основном в провинциальных административных аппаратах, хотя и в непосредственной близости к столичному округу (провинция Хэнань). Ему принадлежит целый сборник новелл — «Саньшуйские повествования», состоящий из 3 глав-цзюаней. Новелла «Столичный ученый» относится к истинным образцам танской повествовательной литературы комического характера, которая была тесно связана с городской культурой, прежде всего с протодраматической традицией — уличными фарсовыми сценками.

Собрались как-то несколько столичных ученых на пир, и зашел у них разговор о свойствах человеческого характера: одни люди решительны, смелы, другие — трусливы и слабы, а все потому, что у каждого свой характер. Смелый человек ничего не боится, только его можно назвать настоящим мужчиной.

Был на этом пиру один ученый.

— Уж если говорить о храбрости, — заявил он хвастливо, — так я обладаю ею в полной мере.

Все стали смеяться:

— Сначала надо испытать вас, тогда поверим.

— В доме моего родственника, — сказал один из присутствующих, — завелась нечистая сила, поэтому никто там не хочет жить. Если сможете провести там ночь и не испугаетесь, тогда мы устроим пир в вашу честь.

Тот ответил:

— Обязательно завтра же туда пойду.

На самом деле никакой нечисти в этом доме не было, просто он временно пустовал.

Друзья приготовили вино, закуски, свечи и пошли провожать того человека в заброшенный дом.

— Что-нибудь еще вам нужно? — спрашивают его.

— У меня есть драгоценный меч, это — надежная защита. Не беспокойтесь обо мне.

Провожавшие вышли из дома, заперли ворота и разошлись кто куда.

А этот человек, если правду сказать, был трусом. Ночь уже надвигалась; пока он в соседнем помещении привязывал своего осла, друзья и слуги ушли. Пришел он в спальню, но лечь не решился. Потушил свечи, обхватил руками свой меч, сидит, а сердце так и колотится от страха.

Ударили третью стражу; взошла луна, ее свет просочился в окно, и в комнате стало светлее. Вдруг он увидел на полке какой-то странный предмет, похожий на птицу, распластавшую крылья. От страха он подскочил, замахнулся мечом и ударил по странному предмету. Послышался стук, что-то упало на пол; наступила тишина. Сердце ученого сжалось от страха, но он так и не решился посмотреть, что это было, и сидел как истукан, прижимая меч к груди.

Наступила четвертая стража. И вдруг он услышал шаги: кто-то поднялся по ступеням и толкнул дверь. Она не поддавалась. Тогда неизвестный просунул голову в собачий лаз и стал шумно дышать. Ученый перепугался, ткнул мечом в лаз, но потерял равновесие и упал. Меч выпал из рук, но искать его ученый так и не решился.

Ужас охватил его: а вдруг чудовище проберется в комнату? Ученый заполз под кровать и затаился в углу, не смея пошевелиться. А так как он сильно устал, то быстро заснул и проспал до рассвета.

Утром пришли его друзья, слуги открыли ворота. Подошли к спальне и вдруг видят: в собачьем лазе алеет свежая кровь. Все напугались, стали кричать — звать ученого. Он проснулся, отпер дверь, а сам весь дрожит. Рассказал им о своем ночном сражении с чудовищем. Все были поражены. Подошли к стене, посмотрели, а там на полу лежит рваная соломенная шляпа, — ее-то ученый и принял ночью за птицу. Шляпа была старая, побитая ветром и дождями, поэтому формой она действительно напоминала птицу. Меч лежал рядом с собачьим лазом. Пошли по кровавым следам и вскоре наткнулись на раненого осла: ученый рассек ему губу и выбил зубы. Оказывается, осел освободился от веревки и сунул голову в лаз; тут хозяин и угодил его мечом.

Все хохотали до упаду. Потом разошлись по домам, а тот ученый от пережитого страха заболел. Только дней через десять он пришел в себя.

роги увидели они сливу, ветки которой прямо ломились от плодов. Все так и кинулись к дереву, и только Ван Жун не двинулся с места. Когда же его спросили, отчего он не бежит вместе со всеми, Ван Жун ответил так:

— Дерево-то стоит у самой дороги, а слив на нем полно, — видать, они кислые.

Попробовали — так и оказалось.

Цзу Юэ и Жуань Фу

Цзу Юэ дорожил своим богатством, а Жуань Фу — деревянными сандалиями. Оба сами вели хозяйство, в равной мере неся бремя домашних забот, и трудно было рассудить, кто хозяйничает умнее.

Пришел однажды кто-то к Цзу Юэ и застал его за разборкой вещей. Застигнутый врасплох приходом гостя, хозяин не успел прибраться: остались еще две корзинки с вещами. Цзу Юэ сунул их за спину да еще и пригнулся — чтобы лучше прикрыть. Вид у него был смущенный и недовольный.

А в другой раз пришли к Жуань Фу и видят: хозяин, вздув огонь, воцелт свои шлепанцы. И говорит при этом:

— А я вот даже знать не знаю, сколько пар положено носить за жизнь!

И вид у него — безмятежно-счастливый.

Тут-то и поняли — кто мудрее.

Хуань Вэнь и Лю Тань

Когда Хуань Вэнь собрался в поход на Шу, все полагали, что придется ему нелегко: шуский правитель Ли Ши прочно сидел на троне, на котором сменилось уже несколько поколений его предков. К тому же путь войскам преграждали три ущелья в верхнем течении Янцзы.

И только Лю Тань сказал так:

— Он покорит Шу. Вы только взгляните, как он играет в кости: если в себе не уверен — не сядет играть.

Находчивый Лю Лин

Проспавшись как-то раз и желая опохмелиться, Лю Лин спросил у жены вина. А та выплеснула вино на землю, разбила посудину и, залившись слезами, принялась попрекать мужа:

— Пьете, не зная удержу, только жизнь свою губите! Пора бы и перестать!

— Ну что ж, отлично! — сказал Лю Лин. — Да только самому-то мне трудно будет отвыкнуть: надо бы прежде помолиться богам и духам и дать перед ними обет воздержания. Но для этого нужны вино и мясо.

— Спешу исполнить повеление, — ответила жена и, расставив на алтаре, перед богами, вино и мясо, попросила мужа хорошенько помолиться и дать крепкий обет.

И Лю Лин, преклонив колени, стал молиться:

— О Небо, ты меня породило, ты же меня через вино прославило: в один присест могу выпить целую меру да сверх того еще полмеры — чтобы опохмелиться. А на речи жены — не обращай внимания!

После чего выпил вино, закусил мясом — и свалился мертвецки пьяный.

III. Городская повесть-хуабэнь эпохи Сун (X—XIII вв.) и повествовательная проза XVII—XVIII вв.

1) ИЗ СБОРНИКА «ПРОСТОНАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ, ИЗДАННЫЕ В СТОЛИЦЕ»

Сборник «Простонародные рассказы, изданные в столице» был составлен в эпоху Мин и содержит в себе наиболее представительную коллекцию подлинных сунских повестей-хуабэнь — 7 произведений. На русском языке имеются переводы их всех, выполненные И. Т. Зограф, в: Пятнадцать тысяч монет: Средневековые рассказы / Пер., предисл. и коммент. И. Т. Зограф. М., 1962; Простонародные рассказы, изданные в столице (Цзинь бэнь тунсу сяошо) / Предисл., пер. и прим. И. Т. Зограф; Стихи в пер. Л. Н. Меньшикова. СПб., 1995; и А. Рогачевым (повесть «Нефритовая Гуаньинь»), в: Нефритовая Гуаньинь: Новеллы и повести эпохи Сун, X—XIII вв. / Пер. А. Рогачева. М., 1972. С. 197—213.

Честный приказчик Чжан

Кто-то сказал, что ни старым, ни новым
нету событиям счета,
Но в большинстве и цветенье, и гибель —
просто пустые заботы.
Можно считать, что события в мире
следуют судеб движенью,
Только зачем же приравнивать их
к лебедя вольным полетам!
Выцвели некогда черные брови,
будто бы снег обметал их;
Быстро поблекнет на лицах румянец,
словно цветы, опадет он.
Этот страдает, а этот скорбит —
оба должны оглянуться:
В роще под вечер листва шелестит,
ветер печальный зовет их.

Эти восемь строк стихов написал Ван Чу-хоу из уезда Хуаянсянь, что в округе Чэндунфу области Сичуань, когда ему было около шестидесяти лет. Впервые увидев в зеркале, что усы и борода у него начинают седеть, он выразил свои чувства в стихах. Молодое стремится к расцвету, а то, что достигло расцвета, стареет — вот закон, которому подчиняется все в мире, и избежать его никто не в силах. Обычно все белое становится черным, только усы и борода, наоборот, сначала черны, а потом уж белеют.

Когда посланник Лю, который носил цветы в волосах, увидел в зеркале свою поседевшую голову, он написал стихи-цы на мотив «Лавка для пьяных»:

Всю свою жизнь я по нраву не строю.
Прелестью юной весны завлечен,
Пьян от вина
и влюбляюсь в цветы у дорог.
Пусть говорят, что годами я стар,
сердцем я вовсе не стар.
Голову всю изукрасил цветами,
шапку закрыл и платок.
Будто бы иней виски,
Словно в снегу волоса —
Вздых удержать я не смог,

* * *

Те мне советуют: краситься впору,
Эти советуют: выщипать надо.
Красить, выщипывать —
толку от этого мало.
Это когда-то боялся я стать
демоном жизни короткой —
Жизни уже середина сегодня
мимо меня пробежала.
Так что оставьте меня:
Право, к вечернему виду
Белое больше пристало.

Рассказ наш пойдет об одном господине из Кайфэнфу, что в Бяньчжоу. Ему было за шестьдесят, и усы и борода у него были седыми. Но поскольку он не хотел смириться и признать себя стариком, увлечение женщинами привело его к тому, что он лишился своего состояния и превратился почти в бездомного бродягу.

Как же звали этого господина и что он такое сделал? Воистину:

Настанет ли год, когда не поднимут
дорожную пыль повозки?
Придет ли пора, когда скажем «прости»
делам, опутавшим сердце?

Рассказывают, что в Кайфэнфу, восточной столице, жил некий господин Чжан Ши-лянь, торговец нитками. В шестьдесят лет у него не было ни сына, ни дочери, и после смерти жены он остался один как перст. Обладая состоянием в сто тысяч связок монет, он содержал лавку с двумя приказчиками. Однажды, ударив себя в грудь и тяжело вздохнув, господин Чжан сказал, обращаясь к своим приказчикам:

— Я уже совсем старик, и нет у меня ни сына, ни дочери. На что мне мое состояние?

— Почему бы вам, господин, не жениться снова? — отвечали приказчики. — Жена вам и родила бы того, кто стал бы после вас приносить жертвы на алтарь ваших предков.

Господин Чжан пришел в восторг и тут же послал за свахами Чжан и Ли. Это были такие свахи, о каких говорится:

Начнут свою речь —
и сразу же свадьба готова;
Откроют уста —
и тотчас союз заключен.
Излечат любого, кто в мире
как феникс без пары, луань без супруги;
Им дело до всех, кто на свете
один засыпает, живет одиноко.
Расскажут историю Яшмовой Девы,
Привычным приемом
твоею рукой невзначай овладеют;
Обслужат тебя как Юнца Золотого,
Словами осыплют,
твой стан для тебя незаметно обнимут.
Ткачиху Небесную могут заставить
о милом в тоске сокрушаться;
Хэн-э завлекут — и захочется ей
из Лунных дворцов удалиться.

Когда свахи пришли, господин сказал им:

— У меня нет сына, а потому я хочу жениться. Не могу ли я затруднить вас просьбой подыскать мне жену?

Сваха Чжан молча принялась размышлять: «Старый дядюшка дожил до такого почтенного возраста и только теперь надумал жениться! Кто же захочет пойти за него? Что тут ответить?» Но сваха Ли легонько толкнула ее и сказала:

— Это нетрудно.

Свахи собрались уходить, но господин Чжан остановил их и добавил:

— У меня есть три условия.

Именно из-за того, что он высказал эти свои желания, ему многое пришлось испытать.

Меж черных туч пролегла дорога,
На ней он стал
страдающим от невзгод человеком;
Для белых костей не нашлось могилы,
И он превращен
в бездомного, бесприютного духа.

— Что же в мыслях у господина? — спросили свахи.

— Я хочу сказать вам о трех условиях. Во-первых, я хочу, чтобы эта женщина была способная и красивая; во-вторых, она должна быть равна мне по происхождению, и, в-третьих, раз у меня в доме есть сто тысяч связок монет, то и ей следует принести с собой столько же.

— Их нетрудно выполнить, — небрежно ответили свахи, в душе смеясь над ним.

Затем они попрощались с господином Чжаном и ушли.

По дороге они посовещались, и сваха Чжан сказала свахе Ли:

— Если нам удастся его сосватать, нам перепадет много связок монет. Вот только трудно найти такую невесту, о которой говорил господин. Да разве та, которая отвечает всем его требованиям, не предпочтет выйти замуж за молодого? Неужели она согласится пойти за такого старика? Не воображает ли он, что седины его сахарные?

— У меня есть для него подходящая невеста! — воскликнула сваха Ли. — Она красива, да и из семьи подходящей.

— Кто же она? — спросила сваха Чжан.

— Одна наложница. Раньше она жила в доме министра Вана, — ответила сваха Ли. — Когда министр Ван взял ее, он любил ее до безумия, но она сама одной лишь фразой разру-

шила свое счастье и потеряла сердце господина. Теперь министр очень хочет избавиться от нее, лишь бы нашелся человек из приличного дома, который согласился бы ее взять. У нее должно быть в приданом по крайней мере несколько десятков тысяч связок монет. Боюсь только, что она слишком молода для нашего старика.

— Ты печалься не о том, что молодая чересчур молода, а о том, что слишком стар старей, — сказала сваха Чжан. — «Господину Чжану, пожалуй, она вряд ли подойдет!» Но курочка, конечно, будет не слишком-то счастлива. Поэтому, когда мы будем говорить с ней, нам надо убавить господину Чжану лет десять—двадцать, и тогда обе стороны будут довольны.

— Завтра счастливый день для сватовства, — сказала сваха Ли. — Сначала мы сходим к господину Чжану и договоримся о денежном подарке невесте, а потом отправимся к министру Вану и сразу уладим дело.

Порешив на том, в сумерках они разошлись по домам.

На следующий день обе свахи встретились и, как было условлено, пошли вместе к господину Чжану.

— Мы нашли женщину, отвечающую всем требованиям, о которых вы вчера говорили, — сказали они ему. — Такие совпадения редко случаются. Во-первых, она красива, во-вторых, она из почтенного дома министра Вана, и, в-третьих, у нее есть приданое в сто тысяч связок монет. Мы боимся лишь одного — не показалась бы она вам чересчур молодой.

— Сколько же ей лет? — спросил господин Чжан.

— Она моложе вас, господин, на три-четыре десятка, — ответила сваха Чжан.

Господин Чжан засиял от радости.

— Я надеюсь, вы сделаете все, чтобы дело не сорвалось, — сказал он.

Не будем утомлять излишними подробностями.

Короче говоря, обе стороны пришли к согласию. Как полагается, обменялись подарками, жених, как говорится, послал невесте дикого гуся, а затем среди свадебных свеч их поженили.

На следующее утро они посетили домашний храм и принесли жертвы предкам. Господин Чжан надел шелковую рубашку пурпурного цвета, новый головной убор, новые носки и туфли.

Новобрачная была одета в роскошное темно-красное шелковое платье с широкими рукавами, затканное золотыми цветами; золотыми нитками были расшиты ее головной убор и вуаль.

Вот какой она была рождена:

Как месяц тонкий изогнуты брови;
Как персик вешний румянятся щеки.
Видом она — как цветок одинокий
красы необычной;
Кожа ее, как нежнейший нефрит,
свет излучает.
Обрисовать невозможно словами
тému завлекательнейших достоинств;
Изобразят ли когда на картине
тысячи прелестей очарованье?
Если она не из Чуских ущелий
легкою тучкой взлетела,
Значит, куда она прямо с Пэнлая —
из дворцов для бессмертных явилась.

Господин Чжан оглядел ее с головы до ног и в душе поздравил себя. Когда же новобрачная подняла вуаль и увидела седые усы и брови господина Чжана, она почувствовала себя глубоко несчастной и прокляла свою судьбу.

Прошла брачная ночь. Господин Чжан был счастлив, а на душе у молодой жены было безрадостно.

Через месяц с небольшим в дом явился какой-то человек, поклонился и сказал:

— Сегодня день рождения господина. Я принес его гороскоп.

Надо сказать, что господин Чжан очень заботился о своей судьбе. Поэтому в середине первой луны года, а также в день своего рождения он обязательно заказывал гороскоп. Как только молодая жена раскрыла гороскоп и заглянула в него, слезы ручьем полились у нее из глаз: она впервые узнала, что ее мужу уже за шестьдесят. «Погубили вы мою жизнь!» — укоряла она в душе обеих свех. Когда же взглянула она на господина Чжана, то увидела, что эти несколько дней еще кое-что ему добавили, как говорится:

В спине все больше и больше боли,
В глазах все больше и больше слёзы.
И уши все больше и больше гложут,
И с носа все больше и больше каплет.

Однажды господин Чжан сказал жене:

— Мне нужно уйти по своим делам, а ты побудь дома и не беспокойся.

— Постарайся, господин, поскорее вернуться, — скрепя сердце ответила жена.

Но когда муж ушел, она подумала: «С такой внешностью и таким приданым, как у меня, — и выйти замуж за седовласого старца! Какая досада!» Между тем стоявшая рядом служанка предложила:

— Почему бы вам, госпожа, не погулять, чтобы немного рассеяться?

И госпожа со служанкой вышли из своих покоев.

В передней части дома господина Чжана находилась лавка — там торговали нитками и румянами. В лавке с обеих сторон стояли шкафы, а посередине между шкафами висела бамбуковая занавеска с пурпурной шелковой бахромой. Служанка отпустила крюк и спустила занавеску. Оба приказчика — Ли Цин, которому было около пятидесяти, и Чжан Шэн, которому было около тридцати, — находились в лавке.

— Почему ты спустила занавеску? — спросили они служанку.

— Госпожа желает зайти сюда полюбоваться на улицу, — отвечала она.

Оба приказчика поклонились молодой хозяйке. В ответ она приоткрыла свои ярко-красные губы, обнажив два ряда блестящих, как яшма, зубов. Не успела она и нескольких слов сказать, а уж Чжан Шэн был поражен до глубины души, и вот такая одолела его кручина:

Бесконечна, как будто пустыня Шамо,
Можно ее сравнить
с бездонною морской глубиной;
Тяжела — ну прямо большая гора,
С ней в ряд не станут
бессчетные Хуашань и Тайшань.

Госпожа подозвала к себе Ли Цина и спросила его:

— Давно ли вы служите у господина Чжана?

— Я здесь служу больше тридцати лет.

— Всегда ли господин был к вам благосклонен?

— Я получаю от хозяина все, что мне нужно, — ответил приказчик Ли.

Потом хозяйка задала те же вопросы приказчику Чжану.

— Мой отец работал у господина больше двадцати лет, — ответил Чжан Шэн. — Я приходил служить господину, еще когда отец был жив. Вот уже десять лет, как я служу у него.

— Хорошо ли он обращается с вами?

— Благодаря господину вся моя семья сыта и одета.

— Подождите немного, — сказала тогда приказчикам молодая хозяйка, повернулась и ушла во внутренние покои.

Очень скоро она вышла снова и что-то протянула приказчику Ли. Он обернул ладонь рукавом, принял подарок и поклонился в знак благодарности. Затем госпожа подозвала к себе приказчика Чжана и сказала:

— Раз я одарила его, то должна одарить и тебя. Эта вещь не дорога, но она тебе пригодится.

Чжан, как и Ли, принял подарок и поклонился, чтобы выразить ей свою благодарность. Госпожа еще раз взглянула на улицу и удалилась к себе, а приказчики вернулись к прилавку и опять занялись своим делом.

Но я должен сказать вам, что Ли Цин получил десять серебряных монет, а Чжан Шэн — десять золотых. И при этом Чжан Шэн не знал, что Ли получил серебро, а Ли Цин не знал, что Чжану досталось золото.

День уже клонился к вечеру, и вот что было видно:

В полях дымки с четырех сторон;
Птицы домой улетают в лес.
Красавицы со свечами в руках
в свои покои уходят;
Усталые путники на дорогах
к постоялым дворам поспешают.
Рыбак, на себя взваливший улов,
бредет тропой под бамбуком;
Мальчонка-пастух, оседлавший вола,
направляется к дальней деревне.

Вечером приказчики подвели итог торговле и представили господину Чжану счетную книгу: сегодня продано на столько-то вэней, куплено товаров на столько-то вэней и столько-то вэней отдано в долг — все было записано.

А надо сказать, что по ночам оба приказчика поочередно дежурили в лавке. В эту ночь была очередь Чжана. За лавкой помещалась маленькая комнатка. Приказчик Чжан без дела

долго сидел там при лампе и стал устраиваться на ночь. Вдруг он услышал, как кто-то постучал в дверь.

— Кто это? — спросил он.

— Открой скорее, — слышался голос, — и я скажу тебе.

Едва Чжан Шэн открыл дверь, как кто-то стремительно прошмыгнул в комнату и укрылся в тени от лампы. Приказчик все же успел заметить, что это была женщина. В испуге он поспешно спросил:

— Госпожа, что привело вас сюда в такую пору?

— Я пришла сюда не по своей воле, — ответила женщина. — Меня послала госпожа, которая вчера одарила тебя.

— Госпожа дала мне десять золотых монет. Верно, она послала вас потребовать их обратно.

— Нет, ты ошибаешься. В тот раз госпожа одарила и Ли Цина — дала ему тоже десять монет, но серебряных. А сегодня она попросила меня отнести тебе еще вот этот подарок.

Женщина сняла со спины узел, развязала его и сказала:

— Она посылает немного одежды тебе и платья для твоей матери.

Оставив одежду, служанка поклонилась и вышла, но тотчас вернулась и со словами: «Я забыла самое важное» — достала из рукава слиток серебра в пятьдесят лян. Она положила его перед Чжан Шэном и удалилась.

Чжан Шэн всю ночь не мог сомкнуть глаз. Он ломал себе голову, почему это вдруг ему сразу привалило столько подарков.

Наутро Чжан Шэн, как всегда, открыл лавку и принялся торговать. Когда Ли Цин пришел сменить его, Чжан Шэн передал ему лавку, а сам пошел домой. Он показал платья и серебро своей матери.

— Откуда у тебя все это? — спросила она.

Когда Чжан Шэн подробно рассказал обо всем, что произошло накануне, мать сказала ему:

— Молодая хозяйка дала тебе золото, одежду, слиток серебра. Что все это значит, сын мой? Мне пошел уже седьмой десяток, и с тех пор, как умер твой отец, ты моя единственная опора и надежда. Куда мне, старой, деваться, если с тобой что-нибудь приключится? Лучше не ходи туда завтра.

Чжан Шэн был почтительным сыном и всегда считался с советами матери, и на этот раз он поступил так, как она ему велела, и не пошел в лавку. Видя, что приказчика Чжана нет

на месте, хозяин послал к нему человека узнать, почему тот не пришел. Мать Чжан Шэна ответила посланному:

— Мой сын немного простужен. Последние несколько дней ему нездоровится — вот почему он не пошел в лавку. Передайте господину Чжану, что он придет на работу, как только ему станет лучше.

Прошло еще несколько дней, а Чжан Шэн так и не появился в лавке. Тогда к нему пришел приказчик Ли.

— Почему приказчик Чжан не приходит на работу? — спросил он. — В лавке я один, и некому мне помогать.

Мать Чжан Шэна снова сослалась на то, что ее сын нездоров, и добавила, что в последние дни его состояние даже ухудшилось. С тем приказчик Ли и ушел. Господин Чжан снова и снова посылал людей за Чжан Шэном, но всякий раз мать приказчика отвечала, что он еще не поправился. Видя, что Чжан Шэн так и не приходит, сколько за ним ни посылают, господин Чжан заподозрил, что его приказчик нашел себе другую работу. Но Чжан Шэн все это время был дома.

Время течет быстро. Дни и месяцы мелькают, как ткацкий челнок. Не успел Чжан Шэн оглянуться, как прошло больше месяца. Но ведь известно: когда человек только ест, но не работает, он может проесть целую гору. Чжан Шэну досталось от молодой хозяйки немало вещей и большой слиток серебра, но он не смел кое-как сбывать этот слиток и не хотел продавать полученную в подарок одежду. Он все сидел дома без дела, а проходили дни, месяцы, и скоро денег у него совсем не осталось. Тогда он спросил свою мать:

— Ты не велела мне ходить к господину Чжану, и я лишился работы. Как же теперь, сидя дома без дела, я смогу покрывать наши каждодневные расходы?

В ответ мать показала сыну на потолок и спросила:

— Ты видишь это?

Чжан Шэн взглянул вверх — на потолочной балке висело что-то завернутое в бумагу.

— Благодаря этому отец тебя вырастил, — сказала мать, снимая сверток.

Они вместе развернули бумагу, и Чжан Шэн увидел ивовую корзину, которая служила его отцу, когда тот занимался торговлей вразнос.

— Следуй пути, который проложил твой отец, — сказала мать. — Вспомни ремесло, которым он занимался, и носи продавать румяна и нитки.

Между тем подошел праздник фонарей. «Сегодня у главных дворцовых ворот будут выставлены фонари», — подумал Чжан Шэн и попросил свою мать:

— Можно мне пойти посмотреть фонари?

— Сын мой! — сказала мать. — Если ты пойдешь к дворцовым воротам, тебе придется пройти мимо дома господина Чжана, где ты давно уже не был. Как бы чего не случилось при этом.

— Но ведь все идут смотреть фонари. Говорят, что в этом году зрелище будет великолепное. А я постараюсь вернуться пораньше и не пойду мимо дома господина Чжана. Уверю тебя, все обойдется благополучно.

— Если тебе так хочется пойти, то уж ладно. Только один не ходи, возьми с собой кого-нибудь из своих знакомых.

— Я пойду вместе со вторым из братьев Ван.

— Если вы пойдете вдвоем, я возражать не стану. Но обещаю тебе, во-первых, не пить, а во-вторых, вернуться обоим вместе.

На том и порешили, и оба молодых человека отправились к дворцовым воротам смотреть фонари. Они пришли туда как раз к тому моменту, когда начали подносить императорское вино и рассыпать золотые монеты. Здесь была несусветная сумятица и стоял страшный шум.

— Отсюда нам трудно что-нибудь увидеть, — сказал Ван, — ведь мы с тобой ростом не вышли и силы у нас не так много, чтобы лезть в давку. Да и к чему нам терпеть, чтобы нас здесь толкали и мяли? Лучше пойти куда-нибудь в другое место, где тоже горят фонари в виде морской черепахи, у которой панцирь словно гора.

— А где это? — спросил Чжан Шэн.

— Ты разве не знаешь? У министра Вана есть один такой фонарь, небольшой, и сегодня вечером его должны выставить перед домом.

Они повернули обратно и направились к дому министра Вана. И должен вам сказать, что там было такое же столпотворение, как у дворцовых ворот. Здесь, перед самым домом министра, Чжан Шэн потерял своего друга в толпе, и его охватило страшное беспокойство. «Как мне теперь возвращаться

домой? — думал он. — Ведь когда мы уходили, моя мать так просила, чтобы мы все время держались вместе. Как же это я мог с ним разлучиться? Если я вернусь домой первым, моей матери не придется обо мне беспокоиться, но если дома раньше появится Ван, она места себе не найдет, гадая, что случилось со мной».

Фонари сразу же потеряли для него интерес. Он бесцельно слонялся один взад и вперед и вдруг подумал: «Совсем недалеко отсюда дом моего старого хозяина господина Чжана. Каждый год в эту ночь он закрывал лавку пораньше и устраивал фейерверк. Наверно, сегодня у них еще не все кончилось». Он не торопясь — ноги сами вели его — пошел к дому господина Чжана. Каково же было, однако, его удивление, когда он увидел, что двери дома закрыты и крест-накрест заколочены двумя бамбуковыми палками. Керосиновая лампа, приколоченная к кожаному основанию, освещала приклеенную к двери бумажку. Чжан Шэн был ошеломлен — уставился в одну точку и онемел, он не знал, как поступить. Подойдя поближе, он прочитал объявление. На бумажке было написано: «Отдел расследований города Кайфэнфу установил, что Чжан Ши-лянь виновен...» Только Чжан Шэн прочитал слово «виновен» и не успел даже узнать, в чем вина его прежнего господина, как кто-то закричал рядом:

— Ишь какой смелый! Чего это ты тут околачиваешься?

Приказчик Чжан в испуге бросился прочь. Но человек, который кричал, мигом догнал его и снова громко спросил:

— Кто ты такой? Ишь какой смелый! Почему ты читал объявление в такой поздний час?

Обескураженный Чжан Шэн поспешил удалиться. Была полночь, светила луна. Чжан Шэн собирался свернуть в переулок и направиться к дому, как вдруг кто-то догнал его и сказал:

— Приказчик Чжан! Вас просят зайти!

Чжан Шэн обернулся и увидел продавца из винной лавки. «Наверно, Ван послал за мной, а сам ждет меня в переулке, — подумал он. — Это очень кстати. Мы выпьем немного вина, а потом вернемся домой». Следуя за продавцом, он пошел в винную лавку, поднялся по лестнице и подошел к дверям какой-то комнаты.

— Здесь! — сказал продавец.

И когда Чжан Шэн откинул занавеску, он увидел небрежно одетую женщину с растрепанными волосами.

О ней сказано точно:

Черная туча-прическа не прибрана,
Как тут припомнишь, что в прежние дни
цветы ее украшали;
Пудра и слезы перемешались,
Не догадаться, что в прежние годы
привычна была к богатству.
Луна в осеннюю ночь
оделась, окуталась сетью туч;
Пионовый яркий цветок
засыпан и захоронен землей.

— Приказчик Чжан! — воскликнула женщина. — Это я про-
сила тебя прийти сюда.

Чжан Шэн взглянул на нее. Лицо показалось ему очень
знакомым, но он не мог вспомнить, кто это.

— Приказчик Чжан, неужели ты не узнаешь меня? — ска-
зала женщина. — Я жена господина Чжана.

— Как вы попали сюда, госпожа? — спросил Чжан Шэн.

— Разве можно коротко изложить все, что случилось? —
отвечала она.

— Почему же вы, госпожа, в таком виде? — спросил снова
Чжан Шэн.

— Мне не следовало верить свхам и выходить замуж за
господина Чжана. Оказалось, что он занимался недозволен-
ным делом — чеканил фальшивые монеты. Когда это откры-
лось, господина Чжана арестовали — связали и отправили в
отдел расследований; мне до сих пор неизвестно, где он. Все
наше богатство конфисковали. Я осталась совсем одна, и мне
не к кому обратиться за помощью. Вот я и решила искать
прибежища у тебя. Ради наших прежних добрых отношений
разреши мне пожить у вас в доме.

— Это невозможно! — ответил Чжан Шэн. — Во-первых,
моя мать очень строга, а во-вторых, разве вам не известны слова:

Идя бахчой,
не сгибайся, чтоб туфли поправить;
Стоя под сливой,
шапку не трогай рукою.

Вам никак нельзя жить у меня.

— Ты говоришь по пословице: легко накликать змею, но
трудно прогнать, — ответила госпожа. — Ты боишься, что я

чересчур долго задержусь в твоём доме и ты слишком потра-
тишься на меня. Так посмотри!

Госпожа достала что-то из-за пазухи и показала Чжан Шэну.

Слышится колокол — значит, проснулась
там, за горою, обитель;
Став на обрыве, сумеешь увидеть,
что за рекою — деревня.

В руках у госпожи оказались четки из ста восьми жемчу-
жин, чистых и блестящих, крупных, словно плоды эвриала.
Чжан Шэн пришел в восхищение.

— Никогда в жизни глаза мои не видали такой красоты! —
воскликнул он.

— Все мое богатство, которое я получила в приданое, до-
сталось властям. Это единственное, что мне удалось спасти.
Если ты возьмешь меня к себе в дом, мы станем время от
времени продавать по жемчужине, и на это вполне можно
будет жить, — сказала госпожа.

Приказчик Чжан услышал эти слова и почувствовал себя
так, как сказано в стихотворении:

Домой спешащий недоволен,
что скоро сядет солнце;
И мысли не дают покоя,
что слишком медлят кони.
К богатству страсть, на лицах пудра,
вино в домах певичек —
Вот три соблазна для людей,
кого они не тронут?

— Если вы действительно вознамерились войти ко мне в
дом, — сказал он, — то мне следует прежде всего получить
разрешение матери.

— Я пойду вместе с тобой, — ответила госпожа. — Пока ты
будешь разговаривать с матерью, я подожду на другой сторо-
не улицы.

Чжан Шэн вернулся домой и подробно рассказал матери
обо всем, что с ним произошло. Мать его немало видела в
жизни, и у нее было доброе сердце. Услышав, что с молодой
женщиной стряслась такая беда, она воскликнула:

— Какая жалость! Какая жалость! Так где же она?

— Она ждет на той стороне улицы, — ответил Чжан Шэн.

— Пригласи ее сюда, — велела мать.

Госпожа вошла в дом и, раскланявшись с матерью Чжана, рассказала ей во всех подробностях свою историю, закончив ее словами:

— У меня нет никого из близких, к кому бы я могла обратиться. Вот я и пришла к вам искать пристанища и прошу разрешить мне остаться у вас!

Выслушав ее, старуха сказала:

— Вам ничто не мешает остаться здесь на несколько дней. Только боюсь, что при нашей бедности вам будет у нас недостаточно хорошо и удобно. Но может быть, впоследствии вы вспомните кого-нибудь из своих родственников, куда вы могли бы перебраться.

Тут госпожа вынула из-за пазухи жемчуг и передала его матери Чжан Шэна. Старуха поднесла жемчужины к свету лампы, рассмотрела их хорошенько и еще раз повторила госпоже свое предложение.

— Вы можете завтра же отрезать и продать одну из них, — сказала в ответ госпожа. — На вырученные деньги откроете лавку и станете торговать в ней нитками и румянами, а ивовую корзину повесьте над дверью — на счастье.

— За такие драгоценности, если даже придется их продавать не торгуясь, мы всегда получим хорошие деньги, — сказал Чжан Шэн. — А кроме того, у меня сохранился в неприкосновенности еще слиток серебра в пятьдесят лян. Вот на него мы и накупим товаров для лавки.

И вот Чжан Шэн открыл лавку, став, таким образом, продолжателем дела своего прежнего хозяина — господина Чжана. Поэтому люди прозвали Чжан Шэна младшим господином Чжаном. Между тем его бывшая госпожа постоянно пыталась соблазнить его, но сердце Чжан Шэна было твердым, как железо. Он ставил ее настолько выше себя — относился к ней как к императрице, — что чары ее на него нисколько не действовали.

Наступил праздник Цинмин — праздник Весны. Можно ли было не заметить его?

Найдется ли место в праздник Цинмин,
где не был бы виден дымок?

В предместии ближнем бумажные деньги
несет на себе ветерок.

Те люди заплачут, те люди запели
на травах душистых в полях;
То вдруг прояснится, а то вдруг полило —
цветам абрикосовым срок.
На ветках хайтановых птицы уселись,
ведут перелив-разговор;
На дамбе под ивами гость опьяневший
находит для сна уголок.
Красотки под пудрою алой спешат
узорные доски занять;
Качаются на пятицветных веревках,
полет, как у феи, высок.

Все жители Кайфэнфу вышли к пруду Цзиньминчи на прогулку. Младший господин Чжан тоже пошел погулять. Вечером у ворот Ваньшэнмэнь, когда он возвращался домой, кто-то его окликнул:

— Приказчик Чжан!

«Нынче меня все зовут младшим господином Чжаном, — сразу подумал Чжан Шэн. — Кто бы это мог быть, что он зовет меня приказчиком?» Он обернулся и узнал своего старого хозяина, господина Чжана. Чжан Шэн всмотрелся в его лицо и заметил на нем четыре вытатуированных иероглифа с золотой печатью. Господин Чжан был неумыт, непричесан и одет неопрятно. Чжан Шэн пригласил своего хозяина в винную лавку и, когда они там уселись в отдельном помещении, спросил:

— Что с вами случилось, хозяин?

— Мне не следовало жениться на этой женщине из дома министра Вана, — ответил старый господин Чжан. — В первый день Нового года она стояла за занавеской и смотрела на улицу. Мимо проходил мальчик-слуга с какой-то коробкой. Она остановила его и спросила: «Что нового в доме министра?» «Ничего особенного, — ответил мальчик. — Только вот третьего дня министр принялся искать четки в сто восемь жемчужин, но нигде не мог найти. Он обвинил в пропаже всех домашних, и никто не избежал наказания». Когда жена услышала это, она стала меняться в лице — то бледнела, то заливалась краской. Мальчик сразу же ушел. Вскоре ко мне в дом явился человек двадцать. Они унесли все — и мое имущество, и приданое жены, а меня схватили и доставили в отдел расследований, допрашивали и пытали: требовали эти

сто восемь жемчужин. Но я их в глаза не видел, ну и отвечал, что их у меня нет. Тогда меня избили отравленными ядом палками и заключили в тюрьму. К счастью, жена в тот же день повесилась у себя в комнате. Суд не мог найти улики, и меня оставили в покое. Вот что случилось, и до сих пор ничего не известно о том, куда девались четки в сто восемь жемчужин.

«Как же так? — изумился про себя Чжан Шэн. — Ведь его жена живет у меня, и при ней эти четки. Да нас еще угрозило отрезать и продать несколько жемчужин». В полном смятении Чжан Шэн расплатился за вино и закуску и расстался со своим бывшим хозяином. Всю дорогу Чжан Шэн размышлял: «До чего же подозрительная история!» Вернувшись домой и увидя госпожу, он остановился в нескольких шагах от нее и взмолился:

— Смилуйся надо мной!

— Что это значит? — спросила она.

Чжан Шэн повторил ей все, что услышал от господина Чжана.

— Ничего тут нет странного! — ответила на это она. — Посмотри на меня! Одежда на мне такая же, со швами, как на всех людях, голос мой чист. Ты разве не понимаешь? Он узнал, что я живу у тебя, и нарочно все это выдумал, чтобы ты меня выгнал.

— Может быть, ты и права, — согласился Чжан Шэн.

Прошло несколько дней. Вдруг как-то раз Чжан Шэн услышал, что с улицы кто-то кричит:

— Младший господин Чжан, тебя ищут!

Чжан Шэн вышел и столкнулся со старым господином. «Что ж, — подумал он, — вызову-ка я сюда госпожу. Пусть она встретится с мужем, и тогда станет ясно, человек она или оборотень». С этой мыслью Чжан Шэн велел служанке попросить госпожу выйти к ним. Но когда служанка вошла во внутренние покои, госпожи там не было — она бесследно исчезла. Тут Чжан Шэн понял, что в ее облике действительно был оборотень, и обо всем рассказал старому господину Чжану.

— Где же жемчуг? — спросил тогда господин Чжан.

Чжан Шэн пошел в комнату и принес четки. Господин Чжан попросил его пойти вместе с ним к министру Вану и возвратить четки. За те жемчужины, которые были отрезаны

и проданы, он заплатил из собственных денег. Министр помиловал господина Чжана и возвратил ему все его имущество, повелев ему опять открыть лавку и по-прежнему торговать в ней нитками и румянами. Господин Чжан пригласил монахов из даосской обители Тяньцингуань, чтобы устроить жертвоприношения духу его умершей жены и совершить поминальную молитву.

Видно, любовь, которую госпожа при жизни питала к Чжан Шэну, не покинула ее и после смерти — потому-то ее дух и явился к нему. К счастью, Чжан Шэн был человеком добродетельным и твердым, он не поддавался никаким искушениям; это спасло его от беды и неприятностей. Кто в наше время не соблазнится богатством и устоит против женских чар? А таких, как Чжан Шэн, и одного на десять тысяч не встретишь.

Вот стихи, восхваляющие его:

Кого разврат не увлекает?

не жаден кто к деньгам? —

Ничто вовек не замарает

того, кто сердцем прям.

Пусть с детства станет образцом

для всех приказчик Чжан.

Людей неправда, бесов козни

не страшны будут вам.

2) ИЗ СБОРНИКА «СЛОВО ПРОСТОЕ, МИР ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩЕЕ»

Данный сборник является одним из пяти собраний повестей *хуабэнь*, которые считаются главными памятниками данного жанра повествовательной прозы для XVI—XVII вв. Три из них, нередко называемые «Троесловие», были составлены филологом Фэн Мэн-луном (1574—1646): «Слово назидательное, мир наставляющее» (другой вариант перевода названия — «Слово ясное, мир представляющее»), обнародованный в 10-е гг. XVII в.; «Слово простое, мир предостерегающее» («Слово доступное, мир предостерегающее», 1624) и «Слово бессмертное, мир пробуждающее» («Слово вечное, мир пробуждающее», 1627). Каждый сборник состоит из 40 повестей, среди которых присутствуют как литературные обработ-

ки старых *хуабэнь*, так и авторские произведения, в том числе принадлежащие самому Фэн Мэн-луну. Два следующих собрания — «Поразительное. Первая часть» (1627) и «Назидательное. Вторая часть» (1632) — были составлены Лин Мэн-чу (1580—1644) и насчитывают 80 произведений.

Хотя повести, входящие во все эти сборники, созданы по старым образцам повествовательной прозы, на что указывает их терминологическое обозначение — *ни хуабэнь* («подражательные хуабэнь»), они вполне могут рассматриваться в качестве самостоятельных художественных произведений, для которых грань между литературной (редакторской) обработкой и оригинальным авторским творчеством уже практически неустановима. Сборники включают в себя самые разные по тематике и сюжетам повести, вобрав весь литературный опыт предшествующей повествовательной прозы.

На русском языке имеются переводы в общей сложности более 30 повестей из всех названных сборников, выполненных В. А. Вельгусом и И. Э. Циперович, в: Разоблачение божества: Средневековые китайские повести / Сост. В. А. Вельгус; Пер., послесл. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. М., 1977; Жемчужная рубашка: Старинные китайские повести / Пер. и коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. СПб., 1999; Д. Н. Воскресенским, в: Прodelки Праздного Дракона: Шестнадцать повестей из сборников XVII в. / Сост. и пер. Д. Н. Воскресенского. М., 1966; Закрытие даоса: Китайские повести XVII в. / Сост., пер., предисл. и коммент. Д. Н. Воскресенского; Стихи в пер. И. Смирнова. М., 1982; Возвращенная драгоценность. То же. М., 1982; и А. А. Тишковым, в: Торговец масла и фея цветов. М., 1958.

Старый сюцай воздает за добро

Куплю быка себе,
пахать начну учиться
И хижину построю
в лесу, у ручейка.
Уж стар я ныне стал,
жить много ли придется?
Так пусть остаток дней
пройдет в тиши в горах.
Богатство и чины —
пустая суета,

Нет ничего прекрасней —
за чаркой стих слагать.
Все нынче дорожает,
на все растет цена,
И только знания старцев
не стоят ни гроша.

Один умный человек написал эти стихи. Но по поводу последних строк: «И только знания старцев не стоят ни гроша» — следует еще потолковать.

Рано ли удастся человеку служебная карьера или поздно, зависит, как правило, от того, что ему написано на роду. Если один преуспевает рано, а другой добивается своего поздно, это еще не значит, что первый достигнет в жизни многого, а второй не выдвинется потом. Глупо зазнаваться лишь потому, что ты молод, и неразумно махнуть на себя рукой только из-за того, что ты стар.

Нельзя судить о том, молод человек или стар, исходя только из его возраста. Вот, скажем, Гань Ло: в двенадцать лет он стал министром, а в тридцать умер. Значит, двенадцать лет для него и были порой седины, беззубого рта, старческой сутулости и в двенадцать лет его уже, собственно, нельзя было считать молодым. Или вот Люй Шан. Тот в восемьдесят лет все еще был простым рыбаком и удил рыбу на берегу реки Вэй, прежде чем его увидел Вэнь-ван, увез в собственной колеснице и возвел в ранг своего наставника. При У-ване Люй Шан стал военным советником, помог У-вану одолеть Чжоу Синя и основать династию Чжоу, которая царствовала восемьсот лет. Люй Шан был награжден уделом в княжестве Ци, но править уделом послал своего сына, сам же остался при дворе государя и прожил до ста двадцати лет. Кто мог предположить, что восьмидесятилетнему рыбаку суждено сотворить столько великих дел и прожить так долго? Выходит, что в восемьдесят лет Люй Шан, собственно, был в поре юнца, начинающего по-взрослому зачесывать волосы и носить шапку совершеннолетия, в поре, когда юноша держит первые экзамены в училище и становится сюцаем, в поре молодого жениха. И конечно, его нельзя было называть стариком даже в его восемьдесят лет.

Но людям не до того, чтобы над всем этим задумываться, и обычно они считаются только с теми, кто богат и знатен сегодня. Повстречают юнца из знатных и богатых и не знают,

как лучше угодить ему, а вот к какому-нибудь пожилому неудачнику относятся неуважительно. Так, конечно, поступают люди недалёковидные и неумные. Вот, например, крестьяне, бывает, сажают ранний рис, а бывает — поздний, и никогда нельзя наперед сказать, какой из них даст лучший урожай. Не случайно древние говорили:

Персик и слива
в соседнем саду
Дали цвет рано,
но рано увяли;
Сосна над ручьем
в зелени пышной
До осени поздней
хранит красоту.

Но оставим эти рассуждения и расскажем об одном сюэе, по фамилии Сяньюй, по имени Тун, который жил при нашей династии, в годы Чжэнтун, в провинции Гуанси, в области Гуйлиньфу, в уезде Синьаньсянь.

Сяньюй Тун в восемь лет выдержал экзамен для талантливых отроков, а в одиннадцать уже стал сюэем уездного государственного училища и сразу же был зачислен на стипендию. Человек этот был настолько начитан, обладал такими незаурядными способностями, что мог бы поспорить хоть с самим Дун Чжун-шу или с Сыма Сян-жу. Глядя на него, казалось, что он действительно, как говорится, «мог словом и кистью смести с лица земли стотысячное войско», «хранил в груди десятки тысяч книг». Его душевные стремления и вера в себя были таковы, что он не видел ничего особенного в Фэн Цзине или Шан Лу, которые все экзамены выдерживали первыми. Благодаря талантам и целеустремленности Сяньюй Тун поистине «несся на крыльях ветра и туч и высоко парил в облаках». Однако, как ни странно, ему постоянно не везло, и судьба его была незавидна. Каждый раз на экзаменах он терпел неудачу, и имя его так и не появлялось в списке выдержавших.

Когда Сяньюй Туну исполнилось тридцать лет, он мог бы и по положению, и по обычаю быть представленным к вступлению на ведомственную должность или в высшее государственное училище в столице — Гоцзыцзянь. Но Сяньюй Тун, человек способный и настойчивый, хотел только одного —

продолжать учиться и получить высшую чиновную степень. Незначительная должность, которую ему могли дать как сюэю, не выдержавшему экзаменов, его вовсе не привлекала. Уходить из училища Сяньюй Тун тоже не хотел. «Для меня, нищего сюэя, несколько лян стипендии — целый капитал, который мне позволяет учиться, — рассуждал он. — Уйти из училища — значит лишиться этой возможности. Правда, можно было бы поступить в Гоцзыцзянь, но для этого нужно еще раздобыть денег на дорогу. К тому же, — думал Сяньюй Тун, — выдержать те же экзамены в области гораздо легче, чем в Гоцзыцзянь, в столице».

Как-то раз в разговоре с приятелями он поделился своими соображениями, и сюэяй, которому вслед за Сяньюй Туном подходила очередь быть представленным к получению должности, стал уговаривать его уступить ему свою очередь, при этом он выразил готовность отблагодарить Сяньюй Туна десятью лянами серебра.

Совершив сделку, Сяньюй Тун решил, что поступил умно. Первый раз вышло вроде бы одолжение с его стороны. После второго раза это стало обыкновением: каждому хотелось поскорее получить какое-нибудь место, поэтому, когда подходил срок для представления Сяньюй Туна к должности, его начинали уговаривать уступить свою очередь. Так Сяньюй Тун уступал восемь раз подряд и в сорок шесть лет все еще оставался простым сюэем, неудачником. Одни подсмеивались над ним, другие жалели его, третьи уговаривали образумиться и пойти служить. На тех, кто смеялся над ним, он не обращал внимания, сочувствий не принимал, но, когда его начинали уговаривать поступить так, как все поступают, он выходил из себя.

— Ты уговариваешь меня только потому, что я стар, и думаешь, что мне не выдержать экзаменов! — гневно восклицал он в таких случаях. — Но ты забываешь, что первые места на экзаменах все-таки принадлежат знающим и опытным. Почтенный Лян Хао, например, первым выдержал столичный экзамен на восемьдесят втором году жизни и, по крайней мере, отстоял честь людей в своем желании учиться. И если бы я захотел смириться с маленькой должностью, мог бы получить ее и в тридцать лет. Стоило постараться пролезть к кому следует, найти покровителей, и в конце концов добился бы какого-нибудь места при начальнике области или, глядишь, стал бы и начальником уезда. А действуй я и далее

против совести, то вполне мог бы и славу себе добыть, и семью обогатить. Но у нас такое время, когда высшие экзамены — это все. Если бы в наши дни сам Конфуций провалился на этих экзаменах, никто не стал бы и поминать о его учености и таланте. Зато какой-нибудь деревенский мальчишка вызубрит десяток-другой затасканных сочинений в стиле «багу» да попадется ему на счастье бестолковый экзаменатор, понаставит в его работе кругов и точек, — глядь, мальчишка неожиданно-негаданно получает степень цзиньши. Сразу же находят у него ученики, величают его наставником, и он позволяет себе разглагольствовать о чем угодно и как ему угодно... Кто посмеет еще раз экзаменовать этого ученого, коль скоро он в чиновничьей шапке? Но это еще не все, — не унимался Сяньюй Тун. — Сколько несправедливости, какое неравенство на самой службе! Когда ты становишься чиновником, выдержав экзамен на степень цзиньши, то карьера твоя, можно сказать, выкована из меди и вылита из чугуна: служи себе спокойно, никто не посмеет слова против тебя сказать. Если же ты вступил в должность, не выдержав экзаменов, то дрожишь, с оглядкой переходишь каждый мостик и все равно начальство к тебе придирается. Или, скажем, областной суд подаст доклад в столицу на какого-нибудь чиновника-цзиньши. Пусть его изобразят алчным, жестоким, корыстным — словом, таким, по которому тюрьма плачет. И что же? О нем поговорят, порассуждают, да и только, будто опасаясь, как бы не перевелись корыстные и жестокие чиновники. А заключение вынесут такое: чиновник сей хоть и осквернил свое звание, но, понеже молод и впервые на должности, уповательно, что исправится и вступит на стезю добродетели, а посему, мол, «за халатность» или «за несоответствием» понизить его в должности. И глядишь, год-другой, и тот же чиновник опять на видном месте. Если же такой цзиньши наскребет денег и начнет ходатайствовать где следует, то вообще ничего ему не будет — переведут в другой город, и только. Иное дело чиновник, не выдержавший экзаменов: ошибись он на вершок — припишут все десять! И даже будь ты и честен и безгрешен, но, если, на твою беду, какой-нибудь влиятельный да со связями цзиньши попадет впросак, все свалят на тебя, и хочешь не хочешь, а придется тебе вызволять господина ученого. Тут столько несправедливости, что, пока не выдержал экзамена на звание цзиньши, и не думай служить. Предпочи-

таю околеть старым сюцаем, по крайней мере, перед владыкой ада можно будет поднять вопль обиды и заручиться успехом в следующем перерождении. Это лучше, чем мириться с какой-то незавидной должностью, терпеть бесконечные обиды и изо дня в день пить успокоительные пилюли.

И вот однажды после такой тирады Сяньюй Тун громко проскандировал стихи:

Уж с древних времен дворцовая знать
держала в оковах таланты,
Ценила лишь тех, кто экзамены сдал,
способны иль нет, не смотрела.
Давно уже в песне Цзе Юй говорил:
путь службы чиновника труден;
Все знают, Цзы-гао драконов любил,
но разве любил настоящих?
Пусть в списке достойных среди прочих имен
себя никогда не найду я,
Учиться до старости лет предпочту,
сюцаем простым оставаясь.
Но камень для туши до дыр протереть
под силу лишь стойким, упорным —
Таким, например, как сам князь Гунсунь Хун,
«Чуныцю» до седины изучавший.

Надо сказать, что Гунсунь Хун до пятидесяти лет изучал «Чуныцю», а в шестьдесят, отвечая самому императору на экзаменах во дворце, первым выдержал испытания. Он дослужился до должности министра, и ему был пожалован титул удельного князя. Сяньюй Тун впоследствии тоже в шестидесятилетнем возрасте выдержал столичные экзамены, и поэтому люди считали, что эти стихи его были пророческими.

Но не будем забегать вперед.

Несмотря на то что Сяньюй Тун все больше укреплялся в своем решении, ему по-прежнему не везло: исполнилось ему уже пятьдесят, а, как говорится, Су Цинь оставался все тем же Су Цинем, и ничего он в своей судьбе изменить не мог. Прошло еще несколько лет, и Сяньюй Тун даже на переэкзаменовках стал терпеть неудачи. Но каждый раз, как только подходил срок экзаменов, он неизменно записывался первым, за что выслушивал немало насмешек.

В шестой год правления под девизом Тяньшунь Сяньюй Туну было уже пятьдесят семь лет, он поседел, а все еще

околачивался в толпе молодых сюцаев и без устали рассуждал о литературе и толковал на ученые темы. Некоторые вообще считали его ненормальным и уклонялись от встречи с ним, другие видели в нем чудака, издевались над ним.

Но оставим пока Сяньюй Туна.

Начальником уезда Синъяньсянь был в то время уроженец уезда Сяньцзюйсянь, что в области Тайчжоуфу, в провинции Чжэцзян. Фамилия его была Куай, имя — Юй-ши, второе имя — Шунь-чжи. Совсем молодым он выдержал столичные экзамены и стал известен своими познаниями. Он очень любил поговорить о литературе, побеседовать на ученые темы, потолковать о древности, порассуждать о современном. Но не был он беспристрастен: любил только молодых, стариков же не терпел. Встречая молодого и способного человека, он всегда хвалил его, а на пожилых смотрел как на не пригодных ни к чему людей, и хоть неизменно величал их «почтенными коллегами», однако в его устах это звучало злой насмешкой.

Накануне областных экзаменов Куай Юй-ши получил распоряжение от инспектора-экзаменатора провинции самому провести в уезде предварительные отборочные экзамены. Куай Юй-ши провел экзамены для всех сюцаев, и, когда сочинения с заклеенными фамилиями и именами принесли ему, он, полагаясь на свой собственный опытный глаз в оценке, честно выделил среди всех работ наилучшую.

— На этот раз я счел лучшей работой такую, в которой поистине чувствуется цзянсу-чжэцзянский дух, — крайне довольный, похвастался он перед сюцаями. — Я уверен, что тот, кто написал эту работу, пройдет успешно все экзамены и никто из сюцаев всего уезда не сравнится с ним.

Сюцаи почтительно склонили головы, но так же как никто не знал, кого назначит полководцем ханьский Гао-цзу, так никто из них не знал, кто же этот выдающийся сюцай. А когда начали согласно номерам работ выкликать фамилии, то на первую же, лучшую экзаменационную работу отозвался и стал пробираться через толпу, как бы вы думали, кто?

Низкий-пренизенький,
Толстенный, круглый,
Виски, борода
Вполовину седы.
В старой, потрепанной шапке сюцай,
В куртке, висящей на нем как мешок,

Ветхой, залатанной вдоль-поперек.
И вот все глядят на него и глядят:
Шапку и пояс сменить бы ему —
Точь-в-точь чернолицый толстяк,
Судья из подземного ада.
Начальник уезда хвастал не зря
Уменьем талант отбирать,
«Коллегой почтенным» придется теперь
Старика-толстяка величать.
Но зависть отбросьте
И зря не вздыхайте:
Время придет, и каждый из вас
«Почтенным коллегой» станет.
Хлопотать, волноваться не нужно:
Как он, самыми старшими будете вы,
Ваш тоже наступит черед.

Итак, первым выдержавшим экзамен оказался не кто иной, как тот самый ненормальный человек, который был предметом издевательств, — пятидесятилетний чудаковатый по имени Сяньюй Тун. Сюцаи невольно расхохотались.

«Ну, почтенный коллега Сяньюй Тун пошел в гору», — говорили все в один голос.

Даже начальник уезда залился краской и от стыда не мог вымолвить ни слова: сам ошибся при отборе, а теперь перед всеми брать свои слова назад было уже неудобно. Досадую в душе, Куай Юй-ши продолжал снимать наклейки с остальных сочинений и по именам вызывать экзаменовавшихся. К счастью, все другие выдержавшие были людьми молодыми, и это немного успокоило Куай Юй-ши. Но все же домой с экзамена он возвратился очень недовольный собой.

Однако вернемся к Сяньюй Туну. Заметим, что Сяньюй Тун был выдающимся по таланту сюцаем, и хоть постоянные невезения не сломили его воли, но все же он,

Как Цюй Юань на озере,
печали предавался
И, как Су Цинь,
стыдился неудач своих.

А тут вдруг нежданно-негаданно он выдержал экзамен первым. Это сразу приподняло его настроение. Будь на этих экзаменах сам инспектор-экзаменатор, вряд ли тому понравилось бы его сочинение, а тут экзамен проводил начальник

уезда, и вот выпала удача. С радостным чувством Сяньюй Тун отправился на областные экзамены.

Его товарищи по училищу готовились, зубрили, и только Сяньюй Тун, прекрасно начитанный и обладающий широкими познаниями, целые дни гулял по городу. Глядя на него, другие сюцаи думали: «Старик, наверно, привез сына или внука на экзамены. Разгуливает себе преспокойно по городу, и забот никаких. Хорошо ему!» Знай они, что он сам сюцай, приехавший сдавать экзамены, наверняка поиздевались бы над ним.

День шел за днем, и наконец в седьмой день восьмого месяца на улицах города громко зазвучала музыка. Это встречали экзаменаторов.

Разглядывая их, Сяньюй Тун увидел начальника уезда Синъяньсянь, господина Куай Юй-ши, который был приглашен в качестве одного из помощников главного экзаменатора и должен был вести группу «Лицзи».

«Я иду по „Лицзи“», то есть попадаю к господину Куай Юй-ши, — рассуждал Сяньюй Тун. — На предварительных экзаменах он оценил мое сочинение как лучшее, вероятно, нравится моя манера и стиль. А раз экзаменует он, девять шансов из десяти за то, что меня опять ждет удача».

Куай Юй-ши, однако, рассуждал по-иному: «Если я проведу кого-нибудь из молодых, то учеником моим станет человек, у которого все впереди. Такой прослужит чиновником гораздо дольше, чем старый, и мне, как его учителю-экзаменатору, будет на кого в делах опереться. А старых брать ни к чему». Затем он подумал: «На предварительных экзаменах я, как слепой, по ошибке признал первым „почтенного коллегу“ Сяньюй Туна. Самому было стыдно. Пропусти я его и на этот раз, просто будет смех и позор. Хватит! Если увижу, что все три сочинения написаны толково, значит, наверняка это опытный ученый, которому немало лет. Такого пропускать не буду. Отберу только такие работы, где почувствую неопытную руку юнца — не очень складный стиль, робкие суждения, несмелые выводы. Так, конечно, напишут молодые. Не беда, что познания такого человека окажутся не самыми обширными, — пока дойдет дело до следующих экзаменов, можно будет его поднатаскать. По крайней мере, хоть отделаюсь от этого Сяньюй Туна».

Просматривая сочинения, Куай Юй-ши придерживался именно этого своего решения и отбирал как самые лучшие не

то чтобы блестящие, но и не лишенные дарования работы. Разметив в них крупными кругами и точками неплохие места, он подал сочинения главному экзаменатору, и тот написал на них: «Выдержал».

В двадцать восьмой день восьмого месяца главный экзаменатор и его помощники собрались в зале Высшей справедливости, где распечатали конверты с заклеенными фамилиями и именами и составили список выдержавших. Лучшим по группе «Лицзи» оказался учащийся уезда Синъяньсянь, сюцай по фамилии Сяньюй, по имени Тун.

Опять повезло старому чудаку!

Куай Юй-ши был ошеломлен. Заметив выражение недовольства на лице своего помощника, главный экзаменатор осведомился, в чем дело.

— Сяньюй Тун слишком уж стар. Если занести его в список среди первых, боюсь, это может вызвать осуждение и недовольство со стороны молодых сюцаев, — ответил Куай Юй-ши и добавил: — Охотно поставил бы на первое место по моей группе кого-нибудь другого.

Но главный экзаменатор, указывая на доску, висевшую на стене, проговорил:

— Здесь сказано, что это зал Высшей справедливости, так можем ли мы в зале, который носит такое название, допустить несправедливость из-за каких-то личных чувств приязни или неприязни к людям преклонного возраста?! Ведь исстари известно: первые места на экзаменах принадлежат опытным и знающим. К тому же если среди первых мы дадим место человеку преклонного возраста, то тем самым поднимем дух учащихся по всей стране.

И, не пожелав заменить Сяньюй Туна никем другим, главный экзаменатор оставил его в числе лучших. Куай Юй-ши волей-неволей пришлось смириться.

Поистине:

Как бы и сколько вы ни старались,
что бы ни делали вы,
Коль уж написано что на роду,
того не изменишь никак.
Пусть и хотелось всю душой
дать молодому дорогу,
Волей-неволей пришлось старика
среди лучших опять пропускать.

Да, но ведь Куай Юй-ши решил во что бы то ни стало не пропускать «почтенного коллегу» Сяньюй Туна и поэтому выбирал сочинения, которые не отличались совершенством, а Сяньюй Тун был умным и знающим сюцаем, и писал он, конечно, отменно. Как же могло случиться, что его работа опять была выбрана как лучшая?

А дело вот в чем. Оказывается, когда Сяньюй Тун увидел среди экзаменаторов Куай Юй-ши и решил, что наверняка выдержит, он на радостях выпил холодного вина и расстроил желудок. Через силу пришел он в экзаменационный зал, и, пока обдумывал и писал сочинение, у него так схватило живот, что он еле дышал. Поэтому, кое-как закончив работу, он сдал ее и ушел. То же было с ним и на второй и на третий день экзаменов, когда он писал на остальные темы. Во все эти сочинения он не вложил и десятой доли своих знаний и был уверен, что на этот раз, конечно, провалится. Но, так как Куай Юй-ши не хотел пропускать работ, написанных безукоризненно, Сяньюй Тун занял первое место по его группе. Видно, в судьбе Сяньюй Туна наступал конец полосе невезений и приходила пора удач. Поэтому необычный отбор сочинений на этих экзаменах был ему только на пользу. Надо сказать, что на этот раз из всех сюцаев уезда Синганьсянь выдержал областные экзамены только он один. В тот день на общем пиру выдержавших сюцаев выяснили, кому сколько лет, и Сяньюй Тун был признан «почтенным старейшиной». Каждый экзаменатор с радостью знакомился со своими новыми учениками, приветливо встречал их, и только Куай Юй-ши визиты Сяньюй Туна не доставляли удовольствия. А Сяньюй Тун, благодарный учителю за то, что тот дважды на экзаменах отметил его как достойного, относился к Куай Юй-ши с особым уважением. Но чем больше внимания и почтения выражал он своему учителю, тем сильнее это раздражало Куай Юй-ши, который не проявлял ни малейших забот о Сяньюй Туна в связи с предстоящими экзаменами в столице, не давал ему ни советов, ни указаний.

На следующий год Сяньюй Тун — ему уже было пятьдесят восемь лет — держал экзамены в столице на звание цзинь-ши и не выдержал. Когда после этого он увиделся с Куай Юй-ши, тот, не говоря ни о чем другом, дал ему один совет — определиться на должность.

Но мог ли Сяньюй Тун, который больше сорока лет не шел на службу, пока не достигнет своего, теперь, выдержав

экзамены лишь на звание цзюйжэня, пойти служить на какую-нибудь незначительную должность, пусть и немного лучше той, которую он получил бы раньше? И, возвратясь домой, Сяньюй Тун принялся заниматься с еще большим усердием. Всякий раз, когда ему становилось известно, что где-то собираются на литературный вечер местные сюцаи, он непременно являлся туда с бумагой и письменными принадлежностями, садился и вместе с молодыми людьми писал сочинения. И как бы над ним ни потешались, как бы ни дразнили его и ни пренебрегали им, он никогда не обращал на это внимания. Написав свое сочинение, он обязательно просматривал сочинения других и лишь после этого, радостный и счастливый, уходил. Посещать такие вечера вошло у него в обыкновение.

Время летело быстро, три года прошли незаметно, и вот уже подошел срок очередных столичных экзаменов. Сяньюй Туна в ту пору уже перевалило за шестьдесят, но он был по-прежнему бодр.

Когда он уже находился в столице, ему однажды приснился сон, будто он выдержал экзамены и его имя стоит в списке среди первых. Но под именем значилась не группа «Лицзи», по которой он обычно экзаменовался, а «Шицзин». Сяньюй Тун был из тех эрудитов, которые знали отлично любую классическую книгу, притом жажда успеха была в нем слишком велика, чтобы он не поверил в свой сон. И он решил экзаменоваться на этот раз по группе «Шицзин», а не «Лицзи».

Между тем Куай Юй-ши за безупречное управление уездом получил повышение по службе и должность в столице. На этот раз он опять входил в число экзаменаторов. Перед самыми экзаменами Куай Юй-ши подумал: «Дважды я допустил ошибку, и первым по моей группе проходил „почтенный коллега“ Сяньюй Тун. Теперь он уж совсем стар, и если здесь, в столице, он пройдет у меня, то я опозорен на всю жизнь. Буду просматривать работы не по „Лицзи“, а по „Шицзину“. Тогда пройдет ли „почтенный коллега“ Сяньюй Тун или не пройдет, я к этому никакого отношения иметь не буду».

И Куай Юй-ши попросил, чтобы его назначили просматривать работы по «Шицзину».

«Пожалуй, на свете найдется не один „почтенный коллега“ вроде Сяньюй Туна, — размышлял он между тем. — И если

у меня пройдет не он, а какой-нибудь другой старик, получится, что я „от громовержца удрал, а от грома не спасся“. Но ничего. Ведь всякий старый опытный ученый отлично знает содержание любой классической книги, а молодежь — та обычно направляет свои силы только на „Четверокнижие“, и в смысле глубины понимания текстов „Пятикнижия“ она слабовата. Я не буду строг, касаясь тем, связанных с толкованием тех или иных положений „Пятикнижия“, а отберу как лучшие именно такие работы, в которых при отсутствии четкого ответа почувствую определенное дарование. Можно быть уверенным, что написавший такое сочинение — человек молодой».

И вот Куай Юй-ши просмотрел экзаменационные работы и подал их главному экзаменатору. Когда составлялись списки выдержавших экзамены, первая работа, сданная по группе «Шицзин», оказалась одиннадцатой среди лучших. Работа эта принадлежала сюаю уезда Синъаньсянь Сяньюй Туну, шестидесятилетнему чудаку.

Куай Юй-ши остолбенел от досады.

О, если б мог заранее ты знать,
что счастье и успех — его судьба,
Все это время не старался б так
и зря себя не стал бы утруждать.

«Конечно, на свете много однофамильцев, однако в уезде Синъаньсянь нет второго Сяньюй Туна, — рассуждал Куай Юй-ши. — Но Сяньюй Тун всегда занимался „Лицзи“, почему же теперь он вдруг перешел на „Шицзин“? Ничего не понимаю!»

И, дождавшись, когда Сяньюй Тун явился к нему с визитом, он спросил его, почему тот стал экзаменоваться по другой группе. Тогда Сяньюй Тун рассказал ему о своем сне.

— Значит, самой судьбой вам предназначено быть цзинь-ши! — воскликнул Куай Юй-ши. — Самой судьбой!

И тут наконец между Куай Юй-ши и Сяньюй Туном как между учителем и учеником установились совсем неплохие отношения. Сяньюй Тун выдержал затем дворцовые экзамены, на которых он снова оказался среди лучших, и получил должность начальника канцелярии в Палате наказаний. Люди возмущались тем, что человеку, выдержавшему экзамен уже в преклонном возрасте, дают такую в общем-то не-

значительную должность. Но сам Сяньюй Тун остался доволен.

С тех пор как Куай Юй-ши был переведен в столицу, он служил в Палате обрядов. Он всегда смело высказывал свое мнение и не боялся осуждать то, что ему казалось неверным и несправедливым. Однажды в своем докладе он выразил неодобрение по адресу члена Придворной академии Лю Цзи, и Лю Цзи, найдя предлог придраться к Куай Юй-ши, засадил его в тюрьму. Чиновники Палаты наказаний заискивали перед Лю Цзи и потому стремились во что бы то ни стало покончить с ним.

Но на счастье, ниспосланное Куай Юй-ши самим небом, Сяньюй Тун оказался тут как тут — хлопотал за него у себя в канцелярии, заботился о нем и сделал все, что от него зависело, чтобы Куай Юй-ши не пришлось испытывать особенных страданий и лишений, пока он сидел в тюрьме. Затем Сяньюй Тун привлек к этому делу и других выдержавших вместе с ним экзамен, и все они стали хлопотать за Куай Юй-ши. Благодаря этому Куай Юй-ши отделался сравнительно легко.

«„Цветы я думал посадить, цветы не привились. Иву не хотел растить, но ива тень дала“, — сказал сам себе Куай Юй-ши, очутившись на свободе. — Если бы не этот старый ученик мой, я бы погиб».

И он отправился с визитом к почтенному коллеге Сяньюй Туну, чтобы поблагодарить его.

— Вы трижды облагодетельствовали меня, дорогой учитель, — отвечал ему Сяньюй Тун. — Мне удалось оказать вам лишь небольшую услугу и тем самым хоть как-то отблагодарить вас за экзамены. Но то, что вы сделали для меня, и то, что я сделал для вас, — это небо и земля!

В тот вечер гость и хозяин весело провели время за вином и беседой. С тех пор Куай Юй-ши — жил ли он у себя дома или находился в отъезде на службе — непременно раз, а то и два раза в год посылал кого-нибудь с подарками к Сяньюй Туну осведомиться о здоровье своего ученика, и, хотя сами подарки были скромными, они выражали его чувства.

Быстро текло время. Сяньюй Тун по-прежнему служил в Палате наказаний, занимая там то один, то другой пост. Прошло шесть лет, и вот наконец он должен был получить назначение на должность правителя области.

В столице все относились с почтением к его учености и талантам, уважали за честность, а потому в Палате чинов непременно хотели подыскать ему хорошее место. Сам Сяньюй Тун нисколько этим не интересовался. Но однажды из уезда Сяньцзюйсянь, родины Куай Юй-ши, пришло известие о том, что Куай Цзин-гун, сын Куай Юй-ши, поссорился из-за межей кладбищенской земли с одним из местных богачей, неким господином Ча. Случилось так, что как раз в это время от богача сбежал его слуга. Ча обвинил Куай Цзин-гуна в убийстве слуги и дал делу ход. Куай Цзин-гун не мог доказать свою невиновность. Ему ничего не оставалось, как немедленно покинуть свой дом, перебраться в провинцию Юньнань, где тогда служил его отец, и у него скрываться.

Уездные власти рассудили, что, раз Куай Цзин-гун исчез, значит, он виновен в убийстве, и издали приказ о его аресте. Все его домашние были в панике, тем более что арестовали и кое-кого из его родни. Узнав, что в Тайчжоу, области, в ведении которой находился уезд Сяньцзюйсянь, как раз свободна должность правителя, Сяньюй Тун обратился к знакомым, и те стали ходатайствовать, чтобы эту должность отдали ему.

В Палате чинов хорошо знали, что назначение в Тайчжоу не из заманчивых, но, раз человек сам просит, зачем ему отказывать? И тут же Сяньюй Тун был представлен к повышению и назначен правителем области Тайчжоу.

На третий день после прибытия Сяньюй Туна на место назначения господин Ча уже знал, что новый правитель области — ученик Куай Юй-ши, знал, что он специально выпросил это назначение, и понимал, что при решении дела начальник будет не на его стороне. Богач стал, где мог, клеветать на нового начальника, но Сяньюй Тун делал вид, что ничего об этом не знает. И даже когда семья Куай подавала ему жалобы, он тоже вел себя так, будто не придает делу ни малейшего значения. Между тем по его приказанию на розыски беглого слуги из дома Ча тайно были посланы люди, которым надлежало схватить этого человека и доставить к начальнику области.

Прошло месяца два, и слуга был схвачен в Ханчжоу. Сяньюй Тун лично допрашивал его, тот показал, что просто сбежал от своего хозяина и что все это не имеет никакого

отношения к семье Куай. Сяньюй Тун тут же велел богачу Ча забрать слугу под расписку. Членов семьи Куай немедленно после этого освободили, а через день-другой Сяньюй Тун сам отправился проверить межи кладбищенских земель.

Ча понимал, что дела ему теперь уже не выиграть и что в убытке от тяжбы наверняка будет он сам. Поэтому он попросил знакомых походатайствовать за него перед правителем области, а семье Куай передать, что согласен пойти на мировую. Тем тоже не хотелось судиться и наживать врагов, раз обвинение отпало.

Сяньюй Тун разрешил Ча пойти на мировую, наложил на него небольшой штраф и доложил о решении дела по начальству. Обе стороны остались довольны. Поистине:

Был бы умный правитель на месте,
а плутни людей не страшны!

После этого Сяньюй Тун отправил в Юньнань со своим человеком письмо Куай Юй-ши. Узнав обо всем, тот очень обрадовался и подумал: «„Посадишь терновник — получишь терновник, посадишь персик — тень обретишь“. Если бы не этот дряхлый ученик мой, нам бы несдобровать».

В ответном письме, посланном с Куай Цзин-гуном, он от всей души, искренне благодарил Сяньюй Туна.

— Я до самых седин пребывал в неизвестности, и мир меня не признавал, — говорил Сяньюй Тун, когда к нему явился Куай Цзин-гун. — Ваш батюшка трижды облагодетельствовал меня, благодаря ему я прошел на экзаменах. Единственно, о чем я все беспокоился, — это о том, что могу умереть, не успев отблагодарить его за содеянное им добро. Вас нынче оклеветали, и вы так или иначе должны были быть оправданы, так что я лишь немного помог вам: как говорится, «при ветре раздувал огонь». Это такой пустяк, что я только в какой-то самой маленькой мере отблагодарил вашего батюшку, и перед ним я в еще большем долгу.

Поскольку Куай Цзин-гун вел дома только хозяйственные дела, то Сяньюй Тун посоветовал ему как следует взяться за учебу.

Три года прослужил Сяньюй Тун правителем Тайчжоу. Слава о нем разнеслась далеко за пределы Тайчжоу, и он был повышен в должности — назначен на пост военного инспектора в округ Хуэйнин. Затем он вторично получил повышение

ние и стал главным судьей в провинции Хэнань. Служил он, как всегда, прилежно и ревностно. Ему было уже восемьдесят лет — правда, он чувствовал себя куда бодрее иных молодых, — когда он снова получил повышение и был назначен губернатором провинции Чжэцзян.

«На шестьдесят втором году жизни я выдержал экзамен на цзиньши, и хоть путь моей учебы был долог и тернист, но зато служебный — оказался гладок: пока что все обходилось без волнений и бурь, — рассуждал про себя Сяньюй Тун. — Нынче я дослужился до губернатора. Какого же почета и какой славы еще желать? Я всегда честно и усердно относился к службе и не посрамил себя на доверенных мне постах. Было бы вполне разумно, собственно, на этом и остановиться. Но я не успел отблагодарить господина Куая за все то добро, которое он сделал мне. Назначен же я как раз в Чжэцзян, на его родину. Кто знает, может, смогу ему быть полезным».

И, выбрав благоприятный день, он отправился к месту нового назначения. На всем пути его ожидали торжественные и почетные встречи и проводы, но это разумеется само собой, и об этом говорить нечего.

Не один день прошел, пока он добрался до Ханчжоу.

Куай Юй-ши к тому времени уже дослужился до должности помощника правителя области, но из-за болезни глаз ему пришлось устраниваться от дел и вернуться на родину. Узнав, что Сяньюй Тун назначен губернатором в их провинцию, Куай Юй-ши взял с собой двенадцатилетнего внука и отправился к Сяньюй Туну в Ханчжоу с визитом. И хоть Куай Юй-ши являлся учителем-экзаменатором Сяньюй Туна, но был он моложе его на двадцать с лишним лет. Теперь этот почтенный полуслепой старик в отставке вызывал сочувствие, а Сяньюй Тун в свои восемьдесят лет выглядел бодро, словно молодой, и вступал в должность губернатора. Нет, не возрастом определяется успех и процветание. Куай Юй-ши часто об этом думал и, как бы в ответ своим собственным мыслям, вздыхал.

Поистине:

Зачем кипарису, сосне
завидовать персику, сливе?

Вы в зимнюю пору взгляните,
что будет на ветках у них!

Прибыв в Ханчжоу, Сяньюй Тун собрался было послать человека проведать о здоровье Куай Юй-ши, но тут ему доложили, что Куай Юй-ши сам явился к нему. Сяньюй Тун, крайне обрадованный, поспешил встретить гостя, пригласил его в свои личные покои и приветствовал, как подобает приветствовать учителя. Куай Юй-ши подозвал внука.

— Поклонись господину! — сказал он ему.

— Кто это? Кем он вам приходится? — спросил Сяньюй Тун о мальчике.

— Вы меня спасли когда-то, потом выручили сына из беды, и благодарность к вам всегда остается при мне. Ныне счастливая звезда опять засияла над нашей провинцией. Я уже стар, болен, и недолго мне жить на свете. Сын учился, но ничего из этого не получилось, и теперь все мои надежды на этого мальчика, моего внука. Зовут его Куай У. Мальчик довольно смышлен, и вот я специально привел его с собой, чтобы просить вас позаботиться о нем.

— Я уже в таком возрасте, что служба — не моя тропа, и если я приехал сюда на должность, то только потому, что до сих пор еще не сумел в полной мере отблагодарить вас за все, — говорил Сяньюй Тун. — А раз вы поручаете моим заботам своего мальчика, то случай этот как раз мне теперь и представляется. Будет ли у вас спокойна душа, если внук ваш будет жить здесь, при мне, и заниматься вместе с моими внуками?

— Если вы сами станете его обучать, я смогу умереть с закрытыми глазами.

И, оставив двух отроков на услужение внуку, Куай Юй-ши простился и ушел.

Куай У действительно оказался очень способным мальчиком. Он прилежно учился и так преуспел, что осенью того же года Сяньюй Тун уже рекомендовал его к очередным экзаменам для талантливых отроков. Куай У, выдержав экзамены, был принят в училище, зачислен на стипендию, но жил и занимался по-прежнему у Сяньюй Туна. Так прошло три года, и Куай У обрел познания, необходимые для прохождения дальнейших экзаменов.

«Ну что ж, этот мальчик уже может держать экзамены, и, если он выдержит, это будет моя благодарность Куай Юй-ши», — сказал как-то себе Сяньюй Тун.

Он дал юноше триста лян серебром, как говорится, «на кисти и бумагу» и сам проводил его к деду. Они прибыли в

Сяньцзюйсянь три дня спустя после кончины Куай Юй-ши. Совершив обряд поклонения и оплакав покойного, Сяньцзюй Тун спросил, обращаясь к Куай Цзин-гуну:

— Не наказывал ли учитель чего-нибудь перед кончиной?

— Он сказал, что сам он выдержал экзамены в молодые годы, поэтому любил и уважал молодых и пренебрегал стариками, и что совершенно случайно ему встретился такой ученик, как вы. Говорил, что у него было много молодых учеников, одни более способные, другие — менее, одни вознеслись высоко, другие — нет, но ни один из них так не заботился о нем и так не помог ему, как вы. Он завещал нам, чтобы все мы, и сыновья его, и внуки, никогда не относились свысока к людям преклонного возраста.

— Отвечая моему учителю на добро добром, мне именно и хотелось, чтобы люди поняли и запомнили, что поддерживать пожилых тоже стоит и нельзя отдавать предпочтение только одним молодым, — сказал Сяньцзюй Тун.

Вскоре он простился и уехал.

Вернувшись в Ханчжоу, Сяньцзюй Тун написал прошение об отставке. Императорским указом ему было разрешено уйти на покой, и он возвратился на родину. Там он жил в тиши и свободное от занятий с внуками время проводил с почтенными старцами за вином и сочинением стихов.

Восемь лет спустя его старший внук Сяньцзюй Хань среди первых выдержал областные экзамены, и когда прибыл в Пекин на столичные экзамены, то встретил там Куай У, который тоже выдержал у себя в области на цзюйжэня и теперь, как и он, приехал на столичные экзамены.

Внуки старых друзей, теперь молодые одногодки по экзаменам, стали вместе готовиться к предстоящим испытаниям. И когда был объявлен список выдержавших, оба они поздравляли друг друга с получением звания цзиньши.

Да, Сяньцзюй Тун пятидесяти семи лет выдержал областные экзамены, в шестьдесят один год — столичные, прослужил двадцать три года, дошел до высокого ранга, получил немало пожалований и наград, а трем поколениям его сыновей и внуков были даны преимущественные права. И когда в конце концов он ушел в отставку, ему еще довелось увидеть, как его внук выдержал столичные экзамены.

Сяньцзюй Тун прожил девяносто семь лет, и последние сроки были для него годами процветания и славы.

Памятуя о нем, в Чжэцзяне и поныне люди охотно учатся и сплошь и рядом до шестидесяти, а то и до семидесяти лет продолжают сидеть за книгами. Поэтому нередко случается, что иные из них достигают успеха более чем в зрелые годы.

Впоследствии кто-то написал стихи, в которых говорится:

Стоит ли, жизненных сил не щадя,
к успеху и славе стремиться:
Поздно иль рано ты их обретешь —
только от неба зависит.
Если б суметь не спеша вызреть,
как персик на древе священном,
Тогда даже целых три тысячи лет
недолгим покажутся сроком!

IV. Роман

1) ЛО ГУАНЬ-ЧЖУН (XIV в.). ТРОЕЦАРСТВИЕ

О жизни Ло Гуань-чжуна (второе имя Бэнь) известно очень мало. Он родился предположительно около 1330 г. и умер в 1400 г., был уроженцем северного (провинция Шаньси) или юго-восточного (провинция Чжэцзян) региона Китая и большую часть жизни прожил в Цяньтане, недалеко от г. Ханчжоу — столицы Южной Сун (провинция Чжэцзян), т. е. в местности, бывшей при Юань одним из главных центров национальной культурной жизни и антимонгольских настроений. Сохранилось также предание, что Ло Гуань-чжун принимал непосредственное участие в подготовке восстания, свергнувшего монгольскую династию, был близок к одному из его вождей, но после прихода к власти династии Мин отошел от государственных дел и занялся исключительно литературным трудом.

Кроме «Троецарствия» Ло Гуань-чжуном было создано три драматургических произведения, из которых сохранилась пьеса «Встреча ветра и облаков», повествующая об основателе империи Северная Сун, и несколько прозаических произведений крупных форм — «Повествование о падении династии Тан и Пяти династиях», «Повествование о династиях Суй и Тан», рассказывающие соответственно о событиях первой половины X в. и конца VI — начала VII в., а также фантастико-приключенческий роман «Три Суя усмиряют колдунью». Однако ни одно из них по художественному уровню и степени популярности в Китае не может быть сопоставимо с «Троецарствием».

«Троецарствие» (полное название — «Популярное повествование по „Истории Трех царств“») является первым произ-

ведением, относящимся к собственно роману, или, по другим литературоведческим его определениям, книжной исторической эпопее, предшествовавшей собственно роману, в европейском понимании этого термина. По сути, оно демонстрирует теснейшие связи с историографической литературой и основывается, как это оговаривается в его полном названии, на официальном историографическом сочинении — «Анналы Трех царств» («Саньго чжи») Чэнь Шоу (233—297). Литературными источниками «Троецарствия» послужили многочисленные произведения в песенно-повествовательных жанрах и пьесы на тему событий конца Хань и периода Троецарствие: только среди юаньских драм насчитывается более 50 пьес на эту тему.

От историографической литературы «Троецарствие» унаследовало, во-первых, масштабность повествования, характеризующееся, кроме того, выдвиганием на первый план исторических, а не личных судеб его героев; элементами хроникальности в развитии сюжета; отсутствием психологизма в портретах персонажей, которые выступают не столько индивидуальными характерами, сколько обобщенными типами. Во-вторых, подобно историографическим сочинениям, «Троецарствие» отличается ярко выраженной назидательностью и преследует цель осмыслить истинные причины произошедших событий, причем с конфуцианских этических и историологических позиций. «Осветить расцвет и упадок бывших правителей, отразить добродетели и злые помыслы государей и подданных... чтобы у потомков появилось желание склонить людей к добру и предостерегать от зла» — так сформулирован смысл «Троецарствия» в первом предисловии к нему (1495). Действительно, Ло Гуань-чжун через описание историко-политических реалий раскрывает свою концепцию исторического развития, а также представления об идеальном правителе, нормах человеческих взаимоотношений — все это создает содержательно-художественную основу романа.

От песенно-повествовательных жанров роман воспринял многие черты, исходно свойственные фольклору, что наиболее отчетливо прослеживается в образах персонажей — героев, наделяемых былинной внешностью и силой.

Всего в романе выводится около 400 действующих лиц — почти все значительные исторические деятели того време-

ни: генерал Дун Чжо, основатели трех царств периода Троецарствие — уже хорошо знакомые читателю полководец-поэт Цао Цао и его сын Цао Пи, Лю Бэй (161–223, основатель царства Шу), Сунь Цюань (182–252, основатель царства У), знаменитейший политик и военачальник Чжугэ Лян (181–234) и т. д. Показательно, что любимыми персонажами Ло Гуань-чжуна оказываются Лю Бэй, полагаемый в историографической традиции дальним потомком ханьского правящего дома и, следовательно, наиболее легитимным претендентом на верховную власть, и его побратимы Гуань Юй и Чжан Фэй — образы уже в большей степени фольклорно-литературного происхождения. Антиподом Лю Бэя рисуется Цао Цао, резко отрицательное отношение к которому Ло Гуань-чжуна наиболее полно проявляется в эпизоде его смерти.

Изначально роман состоял из 240 глав, а самое раннее из сохранившихся его изданий относится к 1522 г. В XVII в. появилась и утвердилась его редакция, произведенная филологом Мао Цзун-чаном, в которой была изменена его композиция с подразделением на 120 глав и изменены некоторые их названия. Эта редакция и послужила основой для перевода «Троецарствия» на другие языки.

«Троецарствие» занимает исключительное место в истории китайской литературы еще и потому, что оно оказалось сопряженным самыми разными сферами национальной художественной культуры, включая театр и изобразительное искусство: уже в XVI–XVII вв. текст романа стал снабжаться гравюрами-иллюстрациями, которые затем были восприняты и развиты в популярном изобразительном искусстве, так называемой простонародной картине (*нянь хуа*).

И наконец, «Троецарствие» оказалось одним из первых китайских литературных повествовательных произведений, которое попало в Россию. Его ксилографическое (напечатанное с печатных досок) издание было приобретено в Пекине в 20-х гг. XIX в. Е. Ф. Тимковским (пристав десятой Российской духовной миссии в Пекине) и тогда же привезено им в Санкт-Петербург.

На русском языке имеется полный перевод «Троецарствия», выполненный В. А. Панасюком, в: Троецарствие / Пер. и коммент. В. А. Панасюка; Под ред. В. С. Колоколова. М., 1954. Т. 1–2; 1984.

Глава первая

*Пируя в Персиковом саду, три героя дают клятву.
Разгромив Желтые повязки, братья совершают свой первый подвиг*

Говорят, что великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются.

В конце правления династии Чжоу семь княжеств вели друг с другом междоусобные войны, пока княжество Цинь не объединило их в одно царство. А когда пало царство Цинь, началась борьба между княжествами Хань и Чу, завершившаяся их объединением под властью династии Хань.

Основатель Ханьской династии Гао-цзу, поднявшись на борьбу за справедливость, отрубил голову белой змее и объединил всю Поднебесную.

Впоследствии, когда династия Хань находилась на краю гибели, ее снова возродил Гуань-ю. Империя была единой до Сянь-ди, затем распалась на три царства. Но до того, как она распалась на три царства, государь Хуань-ди по наветам евнухов заточал в тюрьмы ни в чем не повинных людей.

При его преемнике, Лин-ди, евнухи стали еще больше бесчинствовать.

И вот появились дурные предзнаменования.

Так, в день полнолуния четвертого месяца второго года периода Установления спокойствия, когда император Лин-ди поднялся на трон, во дворец ворвался порыв ветра, с балки спустилась огромная черная змея и обвилась вокруг трона. Император от испуга упал. Змея исчезла, загрохотал гром, хлынул дождь, и посыпался град.

Во втором месяце четвертого года периода Установления спокойствия в Лояне случилось землетрясение. Восемь лет спустя, в первом году периода под девизом Блеск и Согласие, куры запели петухами. В день новолуния шестого месяца во дворец влетела огромная черная туча. Осенью в Нефритовом зале засияла радуга. Обрушились скалы в Уюане.

Советник Цай Юн в докладе государю объяснил превращение кур в петухов тем, что власть перешла в руки женщин и евнухов. Тогда евнухи оклеветали Цай Юна, он был сослан в деревню, евнухи же фактически стали управлять страной. Возмущенный их произволом, народ помышлял о восстании, роем поднялись, точно осы, разбойники и грабители.

В то время в области Цзюйлу жили три брата — Чжан Цзяо, Чжан Бао и Чжан Лян. Чжан Цзяо собирал в горах целебные травы и однажды повстречал там старца, который пригласил его к себе в пещеру, передал ему три свитка божественной книги и промолвил:

— Вручаю тебе изложенные здесь основы учения Великого спокойствия. Возвести народу о них от имени Неба и спасти род человеческий. Если же отступишься, несчастье падет на тебя!

Сказав это, старец исчез.

Чжан Цзяо дено и ночью постигал книгу, научился вызывать ветер и дождь, а в первом лунном месяце первого года периода Срединного спокойствия, когда на людей напал мор, многих исцелил наговорной водой. Число его учеников и последователей росло день ото дня. Из них Чжан Цзяо создал тридцать шесть дружин, поднял войско и провозгласил себя полководцем князя Неба, Чжан Бао — полководцем князя Земли и Чжан Ляна — полководцем князя Людей. Они распространяли слухи, что Синему небу скоро конец, что на смену ему придет Желтое небо и что в первом году нового цикла в Поднебесной воцарится Великое благоденствие.

— Дни Ханьской династии сочтены. Появился великий мудрец. Повинуйтесь Небу и служите Правде. Наградой вам будет Великое спокойствие! — обратился Чжан Цзяо к народу.

Народ откликнулся на призыв Чжан Цзяо. Четыреста или пятьсот тысяч человек повязали головы желтыми повязками и примкнули к мятежу. Силы мятежников были огромны. При их приближении императорские войска разбегались.

Когда армия Чжан Цзяо подошла к границам округа Юнчжоу, его правитель Лю Янь объявил набор добровольцев.

И вот в уезде Чжосянь отыскался среди добровольцев настоящий герой.

Он не любил читать книги, был великодушен, немногословен, ни радость, ни гнев не отражались на его лице, зато душа была преисполнена великими замыслами и желанием водить дружбу с героями Поднебесной. Высокий рост, смуглое лицо, алые губы, свисающие вниз уши, глаза навывкате, длинные руки — все выдавало в нем человека необыкновенного. Это был Лю Бэй, по прозванию Сюань-дэ, — потомок Лю Шэна, Чжуншаньского вана, и праправнук ханьского государя Цзин-ди.

Лю Бэй рано лишился отца, они с матерью плели сандалии да циновки, тем и кормились. Возле их дома росло высокое тутовое дерево с кроной, напоминавшей крытую колесницу, — знак того, что из семьи Лю выйдет знаменитый человек.

Когда Лю Янь призвал желающих вступить в войска, Лю Бэю было двадцать восемь лет. Он горестно вздохнул, прочтя воззвание, и вдруг услышал за спиной громоподобный голос:

— Что это вы так тяжело вздыхаете?

Лю Бэй оглянулся и увидел мужчину могучего сложения, с головой барса, круглыми глазами, короткой толстой шеей и ошетиенными, как у тигра, усами. Необычайный вид незнакомца поразил Лю Бэя.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Чжан Фэй, — ответил незнакомец. — Наш род извечно живет в Чжосяне, у нас тут усадьба и поле; мы режем скот, торгуем вином и водим дружбу с героями Поднебесной.

— А я потомок Ханьского императорского дома, прозываюсь Лю Бэй. Вздохнул же я потому, что у меня нет ни сил, ни средств, чтобы расправиться с мятежниками.

— Ну, денег-то у меня хватит! — сказал Чжан Фэй. — А что, если мы с вами подыдем деревенских молодцов на великое дело?

Такое предложение пришлось Лю Бэю по душе. Они вместе отправились в харчевню выпить вина. Вдруг какой-то рослый детина подкатил к воротам груженую тележку и, немного отдышавшись, крикнул слуге:

— Эй, вина мне и закуску! Да поживей поворачивайся — я тороплюсь в город, хочу вступить в армию!..

Длинная борода, лицо — перезрелый финик, брови — гусеницы шелкопряда, высокий рост, величественная осанка. Все это привлекло внимание Лю Бэя. Он пригласил незнакомца к столу и спросил, кто он такой и откуда родом.

— Зовут меня Гуань Юй, а родом я из Цзеляна, что к востоку от реки Хуанхэ, — ответил тот. — Там я убил кровопийцу, который притеснял народ, и пришлось мне бежать. Вот уже несколько лет скитаюсь я по рекам и озерам и теперь, прослышав, что здесь набирают войско, явился на призыв.

Лю Бэй рассказал ему о своем плане. Гуань Юй план понравился, и они вместе с Чжан Фэем стали его обсуждать.

— У меня за домом Персиковый сад, — сказал Чжан Фэй. — Сейчас он в полном цвету, и как раз настала пора принести жертвы Земле и Небу. Давайте же завтра совершим церемонию жертвоприношения и соединим свои сердца и силы в братском союзе, чтобы начать великое дело.

На следующий день они закололи черного быка, белую лошадь, воскурили в цветущем Персиковом саду благовония и, дважды поклонившись, произнесли клятву:

— Мы, Лю Бэй, Гуань Юй и Чжан Фэй, клянемся быть братьями, дабы, соединив сердца свои и силы, послужить государству и принести мир простому народу. Клянемся умереть в один год, в один месяц, в один день. Того же, кто нарушит клятву, да покарают Небо и Земля!

После этого они признали Лю Бэя старшим братом, Гуань Юя — средним братом, а Чжан Фэя — младшим братом.

Лю Бэй вооружился обоюдоострым мечом, Гуань Юй — мечом Черного дракона весом в восемьдесят два цзиня, а Чжан Фэй — копьем длиною в два человеческих роста, после чего они на грудь надели панцири. С ними было более пяти-сот деревенских храбрецов.

Через несколько дней стало известно, что предводитель Желтых повязок Чэн Юань-чжи во главе пятидесятитысячного войска вторгся в округ Чжоцзюнь. Правитель округа Лю Янь приказал отдать под командование Лю Бэя и его братьев отряд из пятисот воинов и послать их на разгром мятежников. И вот братья выступили в поход и расположились лагерем у подножия Дасинских гор на виду у мятежников. Когда оба войска стали друг против друга, Лю Бэй выехал на коне вперед. По левую руку у него был Гуань Юй, по правую — Чжан Фэй.

Размахивая плетью и всячески понося мятежников, Лю Бэй потребовал, чтобы они немедленно сдались. Чэн Юань-чжи пришел в ярость и дал команду своему помощнику Дэн Мао вступить в поединок. Чжан Фэй схватил свое длинное копье и вонзил его прямо в сердце Дэн Мао. Тот замертво упал с коня. Тогда Чэн Юань-чжи подхлестнул коня и в свою очередь бросился на Чжан Фэя. Но навстречу ему, вращая в воздухе своим огромным мечом, уже несли Гуань Юй. Не успел Чэн Юань-чжи опомниться, как меч Гуань Юя рассек его надвое. Мятежники побросали копья и обратились в бегство.

А на следующий день пришла весть от Гун Цзина, правителя округа Цинчжоу. Он сообщал, что город окружен мятеж-

никами, и молил о помощи. Лю Бэй согласился пойти на выручку Гун Цзину и во главе пятитысячного войска двинулся на Цинчжоу. Но победы не одержал, отступил и расположился лагерем.

— Мятежников много, — сказал он своим братьям, — их можно победить только хитростью. Ты, Гуань Юй, с тысячей воинов укроешься в горах слева, а Чжан Фэй, тоже с тысячей воинов, укроется в горах справа. Сигналом к выступлению будут удары в гонг.

На другой день войско мятежников было разбито, а осада с Цинчжоу снята.

В это время пришла весть, что Лу Чжи сражается в Гуанцзуне против главаря мятежников Чжан Цзяо. А Лу Чжи был некогда учителем Лю Бэя, и Лю Бэй решил ему помочь.

Вместе с братьями Лю Бэй отправился в Гуанцзун. Лу Чжи обрадовался ему и сказал:

— Здесь я окружил мятежников, но братья их главаря, Чжан Лян и Чжан Бао, стоят лагерем в Инчуане против Хуанфу Суна и Чжу Цзюаня. Я дам вам тысячу пеших и конных воинов, отправляйтесь туда и разузнайте, что там да как.

Лю Бэй поднял войско и двинулся в Инчуань.

В это время Хуанфу Сун и Чжу Цзюань потеснили мятежников к Чаншэ, а ночью подожгли их лагерь, сооруженный из ветвей и сухой травы. Повстанцы бежали, не успев в панике ни оседлать коней, ни облачиться в латы.

С остатками войск Чжан Лян и Чжан Бао вырвались на дорогу, но здесь им путь преградил отряд во главе с Цао Цао. Он был высокого роста, с маленькими глазами и длинной бородой.

Как-то некий Цяо Сюань сказал Цао Цао:

— В Поднебесной грядет великая смута, и принести мир сможет лишь тот, кто обладает выдающимися талантами. Вам, господин, надлежит совершить это благородное дело.

Двадцати лет Цао Цао сдал экзамен, получил звание лана и был пожалован должностью начальника уезда, расположенного к северу от столицы Лоян. Был он нелицеприятным, нарушителей порядка строго наказывал, будь то богач или бедняк, простолюдин или знатный.

Как только вспыхнул мятеж Желтых повязок, Цао Цао во главе пяти тысяч конных и пеших воинов отправился в Ин-

чуань. Он как раз и преградил путь отступавшим в беспорядке мятежникам, перебил их более десяти тысяч, захватил знамена, гонги, барабаны и множество коней.

Когда Лю Бэй с братьями привел свои войска в Инчуань, Хуанфу Сун сказал:

— Силы Чжан Ляна и Чжан Бао истощены. Сейчас они побегут в Гуанцзун под защиту Чжан Цзяо. Лучше всего вам отправиться туда.

Лю Бэй повернул обратно. На полпути братья повстречали конный отряд, сопровождавший повозку для преступников. Каково же было их удивление, когда в повозке они увидели Лу Чжи!

— По навету евнуха Цзо Фына меня сместили с должности и сейчас везут в столицу на суд, — сказал Лу Чжи.

Услышав такое, Чжан Фэй в ярости схватился за меч. Он хотел перебить стражу и освободить Лу Чжи, но Лю Бэй его удержал.

Лу Чжи повезли дальше, а Гуань Юй сказал:

— Не лучше ли нам вернуться в Чжоцзюнь? Лу Чжи больше не командует войсками, и там, куда мы идем, у нас нет опоры.

Лю Бэй согласился с ним, и они двинулись на север.

Шли два дня, поднялись на гору и тут увидели, что ханьские императорские войска бегут и их преследуют мятежники со знаменами, на которых написано: «Войско полководца князя Неба».

— Это Чжан Цзяо! — воскликнул Лю Бэй. — Скорее в бой!

Войско Чжан Цзяо, только что разгромившее армию Дун Чжо и преследовавшее ее по пятам, дрогнуло от неожиданного натиска.

Братья выручили Дун Чжо и проводили его в лагерь. Когда же Дун Чжо узнал, что храбрецы не имеют ни чинов, ни рангов, он стал относиться к ним с презрением. Тогда Лю Бэй в гневе покинул шатер.

— Мы спасли этого негодяя, — возмутился Чжан Фэй, — а он оказался таким неблагодарным! Я не смирю свой гнев, пока не убью его! — И, выхватив меч, Чжан Фэй направился в шатер Дун Чжо. Вот уж поистине:

Деянья и думы людей сегодня, как древле, все те же.

Кто может сказать: человек — герой он иль простолюдин?

Попробуй на свете сыщи храбрей и проворней Чжан Фэя,
Который обидчиков всех готов был повергнуть один.

О дальнейшей судьбе Дун Чжо вы узнаете из следующей главы.

Глава тридцать восьмая

*Чжугэ Лян задумывает план трех царств.
В битве на реке Янцзы род Сунь мстит за обиду*

Итак, когда Лю Бэй хотел в третий раз отправиться на гору Дремлющего Дракона, Гуань Юй сказал:

— Брат мой, поведение Чжугэ Ляна переходит все границы приличия! Что вас прельщает в нем? По-моему, он боится встречи с вами, потому что не обладает настоящей ученостью и пользуется славой незаслуженно!

— Ты не прав, брат, — прервал его Лю Бэй. — Вспомни, как в древности цискому Хуань-гуну пять раз пришлось ездить, чтобы взглянуть на отшельника Дун-го. Ведь Чжугэ Лян величайший мудрец!

— Подумайте, брат, — перебил его Чжан Фэй, — разве может простолюдин быть великим ученым? Не следовало бы вам в третий раз к нему ехать. Пусть сам явится. А не явится — я приволоку его на веревке!

— Не хочешь ехать, не надо, — сказал Лю Бэй, — мы поедem с Гуань Юем вдвоем. Но если поедешь, не смей непочтительно отзыватьcя о Чжугэ Ляне.

Чжан Фэй обещал, и они втроем отправились в путь. Неподалеку от жилища мудреца Лю Бэй сошел с коня и пошел пешком. Вдруг он увидел Чжугэ Цзюня.

— Дома ваш старший брат? — поклонившись, спросил Лю Бэй.

— Вчера вечером вернулся, вы можете с ним повидаться, — сказал юноша и удалился.

— Какое счастье, я увижу его! — вскричал обрадованный Лю Бэй.

Братья приблизились к дому и постучались в ворота. Вышел мальчик-слуга и спросил, кто они такие.

— Передай своему господину, что Лю Бэй пришел ему поклониться:

— Господин дома, но еще спит, — ответил мальчик.

— Тогда погоди докладывать.

Оставив братьев у ворот дожидаться, Лю Бэй тихонько вошел в дом. В прихожей на циновке спал человек. Лю Бэй остановился поодаль и почтительно сложил руки. Прошло довольно много времени, но мудрец не просыпался. Гуань Юю и Чжан Фэю наскучило ждать, и они вошли в дом.

— До чего же высокомерен этот мудрец! — с досадой вскричал Чжан Фэй. — Спит себе как ни в чем не бывало, а брат наш уже сколько времени стоит на ногах! Сейчас я подожгу дом, быть может, тогда он проснется.

Лю Бэй приказал братьям выйти и ждать.

Прошел еще час. Лю Бэй продолжал стоять. Вдруг Чжугэ Лян открыл глаза и сразу нараспев стал читать стихи:

Кто первым поднимется с жесткого ложа?
Я первым проснусь от глубокого сна!
Так спится приятно весною в прихожей:
Спускается солнце, вокруг тишина...

Чжугэ Лян умолк и обратился к мальчику-слуге:

— Есть кто-нибудь из простых посетителей?

— Государев дядя Лю Бэй дожидается вас, — отвечал мальчик.

— Почему ты мне раньше не доложил? — всполошился Чжугэ Лян и удалился во внутренние покои переодеваться.

Вскоре он в полном облачении вышел к гостю. Высокий, с лицом белым, словно прекрасный нефрит, с шелковой повязкой на голове, в белоснежной накидке из перьев аиста, которую обычно носят даосы. Движения его были плавны, непринужденны, осанка как у бессмертного духа. Лю Бэй поклонился.

— Я, недостойный потомок Ханьского правящего дома, давно слышал ваше славное имя — оно поражает, как гром. Дважды пытался я повидать вас, но неудачно. Тогда я дерзнул написать вам письмо... Не смею спросить, пал ли на него ваш взор?

— Мне очень жаль, что я заставил вас понапрасну ездить, — отвечал Чжугэ Лян.

Совершив церемонии, положенные при встрече, они уселись, как полагается гостю и хозяину. Слуга подал чай. Выпив чашку, Чжугэ Лян заговорил:

— Из вашего письма я понял, что вы печетесь о народе и государстве... Но вам не стоило обращаться ко мне: слишком я молод, и способности мои ничтожны.

— Мне говорили о вас Сыма Хуэй и Сюй Шу. Разве стали бы они болтать попусту? — вскричал Лю Бэй. — Прошу вас, не оставьте меня, неразумного, своими мудрыми советами!

Чжугэ Лян улыбнулся:

— Расскажите о ваших намерениях.

Отослав слуг, Лю Бэй придвинулся поближе к Чжугэ Ляну и сказал:

— Вам известно, что Ханьский дом идет к упадку, что коварный Цао Цао захватил власть! Я не щаю сил, чтобы восстановить справедливость в Поднебесной, но для такого дела у меня не хватает ума. Просветите же меня и спасите от бед!

— У Цао Цао бесчисленные полчища, он держит в руках Сына Неба и от его имени повелевает всеми князьями, — промолвил Чжугэ Лян. — Вступить с ним в борьбу невозможно. На юге род Сунь в течение трех поколений владеет Цзяндуном. Владение это неприступно, и народ любит своего князя. Добейтесь его помощи, но ни в коем случае не замышляйте против него поход! А вот Цзинчжоу и Ичжоу вам следует взять. Места эти труднодоступны, земли плодородны. Укрепитесь в них, упрочьте на западе мир с племенами жунов, покорите на юге племена И и Юэ, вступите в союз с Сунь Цюанем, создайте в своих владениях хорошее управление и потом, выждав момент, когда в Поднебесной произойдут изменения, пошлите своего лучшего полководца с цзинчжоускими войсками на города Вань и Лоян, а сами во главе ичжоуских полков выступайте на Циньчуань. Не сомневайтесь, народ выйдет встречать вас с корзинами яств и с чашками рисового отвара. Вы совершите великое дело и возродите Ханьскую династию. Последуйте моему совету, и я во всем буду вам помогать.

Чжугэ Лян велел мальчику-слуге принести карту, повесил ее на стену и продолжал:

— Вот карта пятидесяти четырех округов Сычуани... Если хотите стать могущественным правителем, делайте уступки Цао Цао на севере — пусть он властвует там; на юге Сунь Цюань пусть берет себе земли и доходы от них, а вы добивайтесь одного: согласия в своих отношениях с народом. Сделайте Цзинчжоу своей опорой, возьмите Западную Сычуань, заложите основы династии и потом можете думать о всей Срединной равнине.

Лю Бэй встал с циновки и с благодарностью поклонился:

— Ваши слова, учитель, прояснили мой разум! Мне кажется, что рассеялись тучи и я узрел голубое небо! Одно лишь меня смущает: могу ли я отнять владения у цзинчжоуского правителя Лю Бяо и у ичжоуского правителя Лю Чжана, которые, как и я, принадлежат к Ханьскому императорскому роду?

— Об этом не тревожьтесь! — успокоил его Чжугэ Лян. — Ночью я наблюдал небесные знамения: Лю Бяо проживет недолго, а Лю Чжан не сможет основать свою династию и перейдет к вам.

Лю Бэй с поклоном произнес:

— Я готов с благоговением внимать вашим наставлениям, только покиньте горы и поезжайте вместе со мной.

Чжугэ Лян долго отказывался, но, тронутый мольбами Лю Бэя, в конце концов согласился.

Братья заночевали в доме у Чжугэ Ляна, а когда наутро возвратился Чжугэ Цзюнь, Чжугэ Лян, собираясь в дорогу, сказал ему:

— Я уезжаю. Долг повелевает мне последовать за государевым дядей Лю Бэем. Не доведи наше поле до запустения, прилежно занимайся хозяйством и жди меня. Как только служба моя окончится, я вернусь.

Распрощавшись с Чжугэ Цзюнем, Чжугэ Лян, Лю Бэй и его братья отправились в Синье.

— Лю Бэй относился к Чжугэ Ляну как к своему учителю. Они ели за одним столом, спали на одном ложе и целыми днями обсуждали великие дела Поднебесной.

— Цао Цао вырыл в Цзичжоу огромный пруд и обучает свое войско ведению войны на воде, — говорил Чжугэ Лян. — Ясно, что он задумал вторгнуться в Цзяннань. Следовало бы послать туда людей на разведку.

И Лю Бэй тотчас же последовал его совету.

Тем временем Сунь Цюань после смерти Сунь Цэ успел укрепиться в Цзяндуне. Унаследовав великое дело, он стал отовсюду приглашать к себе мудрых и способных людей и с этой целью открыл в Ухуэе подворье. Сюда стекались знаменитые люди со всех концов страны. Среди них было множество мудрых государственных деятелей и способных военачальников.

В седьмом году периода Установления спокойствия Цао Цао, завершив разгром войск Юань Шао, направил в Цзяндун послов с повелением Сунь Цюаню прислать в столицу своего

сына для зачисления его в свиту государя, но Сунь Цюань сына не отпустил.

Спустя некоторое время Сунь Цюань пошел в поход против Хуан Цзу и разгромил его на великой реке Янцзы, но потом положение изменилось не в пользу Сунь Цюаня, и он вынужден был возвратиться к себе в Восточное У.

У Сунь Цюаня был младший брат Сунь И, он правил округом Даньян. Несдержанный и своенравный, Сунь И часто напивался допьяна и избивал своих воинов. И вот однажды после пира Гуй Лань, ведающий военными делами округа Даньян, и помощник правителя этого округа Дай Юань убили Сунь И, а вину взвалили на приближенного Сунь И, некоего Бянь Хуна, с которым вместе замыслили это дело, и казнили лютой казнью. Сами они, воспользовавшись беспорядками, забрали себе все имущество и наложниц Сунь И. А Гуй Лань решил еще завладеть женой Сунь И, госпожой Сюй, умной и красивой женщиной.

Госпожа Сюй обещала стать его женой, но попросила подождать немного, чтобы выбрать для бракосочетания счастливый день, а также совершить жертвоприношение душе усопшего.

И вот когда настал счастливый день для вступления в брак, госпожа Сюй спрятала преданных ей людей, Сунь Гао и Фу Ина, за пологом в своей комнате. После церемонии жертвоприношения душе умершего она сняла траурные одежды, искупалась, умастила тело благовониями и облачилась в богатый наряд.

Вечером госпожа Сюй отпустила своих служанок и рабынь и пригласила Гуй Ланя к себе. Стол был уставлен яствами и винами. Когда Гуй Лань опьянел, госпожа Сюй провела его в свою опочивальню и крикнула:

— Сунь Гао, Фу Ин!

Из-за полога с мечами в руках выскочили оба воина. Гуй Лань не успел опомниться, как упал под ударами меча. Эти же воины покончили с Дай Юанем, которого госпожа Сюй пригласила на пир.

Вскоре в Даньян прибыл Сунь Цюань с войском и увез госпожу Сюй.

Сунь Цюань становился все могущественнее и сильнее. В пределах Восточного У были уничтожены шайки горных разбойников, на великой реке Янцзы создан флот более чем из семи тысяч военных судов. Сунь Цюань поставил во главе

армии и флота Чжоу Юя, пожаловав ему звание главного полководца.

Весной Сунь Цюань вновь стал помышлять о походе против Хуан Цзу, но колебался.

Все решил приезд Люй Мына, командующего войсками столичной области, который рассказал Сунь Цюаню о том, что Гань Нин, один из военачальников Хуан Цзу, отважный воин, ушел от своего господина и готов перейти к Сунь Цюаню, но боится его гнева. Ведь он в битве на Янцзы, спасая Хуан Цзу, убил Лин Цао, военачальника Сунь Цюаня.

— Я уговорил его перейти к вам, — сказал Люй Мын, — только вы уж примите его порадушнее.

— Ну, с помощью Гань Нина я непременно разобью Хуан Цзу! — обрадовался Сунь Цюань и велел Люй Мыну тотчас же пригласить Гань Нина.

Когда Гань Нин явился, Сунь Цюань ему сказал:

— Глубоко признателен вам за то, что вы согласились ко мне прийти. Стану ли я вспоминать о прежних обидах? Вы только посоветуйте мне, как разделаться с Хуан Цзу!

— Прежде всего, — промолвил Гань Нин, — вам следовало бы взять Цзинчжоу, пока вас не опередил Цао Цао. А для этого вам нужно сначала разгромить Хуан Цзу. С ним справиться нетрудно. Он стар и скуп, гоняется лишь за выгодой, и народ ненавидит его за непосильные поборы. К войне он не готов, войско его распадется при первом же ударе. Разгромив Хуан Цзу, вы с барабанным боем двинетесь на запад, овладеете Чускими перевалами и завоюете земли Ба и Шу. Вот тогда могущество ваше будет полным!

Сунь Цюань не стал медлить. Он поставил Чжоу Юя во главе всего войска и флота, назначил Люй Мына начальником головного отряда, а Дун Си и Гань Нина — его помощниками, и со стотысячным войском выступил в поход против Хуан Цзу.

Хуан Цзу, находившийся в это время в Цзянся, созвал совет, и навстречу врагу решено было двинуть войско под командой Су Фэя. Чэнь Цзю и Дэн Лун своими судами преградили вход в устье реки Мяньшуй. На судах было установлено более тысячи мощных луков и самострелов. Суда стояли сплошной стеной, связанные канатами.

Когда противник приблизился, на судах загремели барабаны. Луки и самострелы вступили в действие. Воины Сунь Цюаня вынуждены были отступить на несколько ли вниз по реке.

Тогда Гань Нин, отделив сотню легких судов, на каждое посадил по пятьдесят отборных воинов и по двадцать гребцов. Приблизившись вплотную к противнику, они принялись рубить канаты, связывавшие суда. На храбрецов сыпались стрелы и камни, однако воины сделали свое дело. Строй врага был нарушен.

Когда на помощь подоспел Су Фэй, войска Сунь Цюаня успели высадиться на берег. Армия Хуан Цзу была полностью разбита. Войска Сунь Цюаня захватили Сякоу.

Если вы хотите узнать, что случилось с самим Хуан Цзу, прочтите следующую главу.

Глава семьдесят восьмая

*Искусный лекарь кончает свою жизнь.
Коварный тиран покидает мир*

Три дня оплакивал Лю Бэй своего брата Гуань Юя, не ел, не пил.

Тщетно пытались его успокоить Чжугэ Лян и чиновники.

— Клянусь, — твердил он, — не жить мне под одним солнцем и под одной луной с Сунь Цюанем!

Тогда Чжугэ Лян сказал:

— Сунь Цюань отправил голову Гуань Юя Вэйскому вану, он сделал это, чтобы при случае свалить вину на Цао Цао. Но Цао Цао разгадал его хитрость и похоронил нашего полководца с высокими почестями. Цао Цао только и ждет, чтобы вы пошли войной на Сунь Цюаня. Из этой войны он извлечет для себя выгоду. Но вы не должны пока выступать против Сунь Цюаня.

Лю Бэй послушался Чжугэ Ляна и приказал всему войску, от военачальников до простых воинов, надеть траур по Гуань Юю.

Вэйскому вану, который находился в Лояне, после похорон Гуань Юя каждую ночь чудился убитый. Дрожа от страха, Цао Цао спрашивал приближенных, что бы это могло значить.

— Лоянские дворцы и храмы полны нечисти, — отвечали чиновники. — Вы должны построить себе новый дворец.

Цао Цао по совету Цзя Сюя призвал к себе искусного мастера-строителя по имени Су Юэ и приказал ему начертить

план дворца под названием Первооснование. Мастер тотчас выполнил приказ и обратился к Цао Цао с такими словами:

— В тридцати ли от города есть пруд Резвящегося дракона, а возле него стоит храм Резвящегося дракона. Перед храмом растет грушевое дерево высотой более десяти чжанов. Вот оно как раз и пойдет на балки для дворца Первооснования.

Цао Цао возликовал и тотчас же послал людей срубить дерево. Но на другой день посланные возвратились и сказали, что дерево срубить невозможно, так как его не берет ни пила, ни топор.

Цао Цао не поверил, сам поехал в храм Резвящегося дракона и, сойдя с коня, стал рассматривать дерево. Оно было прямое как стрела, с кроной очень похожей на раскрытый зонтик. Верхушка дерева, казалось, упирается в облака.

Цао Цао приказал рубить ствол. Но тут к нему подошли старики, местные жители, и сказали:

— Дереву этому много веков. Срубить его невозможно — в нем обитает дух какого-то человека.

— Какой там еще дух! — рассердился Цао Цао, выхватил висевший у пояса меч и ударил по стволу. Раздался звон, и Цао Цао всего залило кровью. Он бросил меч, вскочил в седло и умчался во дворец.

Ночью Цао Цао места себе не находил. Потом устал и, облокотившись на столик у себя в спальне, задремал. Вдруг он увидел человека с мечом, в черном халате, с распущенными волосами. Человек приблизился к Цао Цао и произнес глухим голосом:

— Я дух грушевого дерева! Ты хотел похитить мой престол! Ты приказал срубить священное дерево! Пробил твой час, я пришел за твоей жизнью!

Цао Цао в страхе стал звать стражу, но человек в черной одежде замахнулся на него мечом. Цао Цао вскрикнул и проснулся. Нестерпимо болела голова. Он приказал отовсюду созвать лучших врачей, но никто из них не мог ему помочь. Тогда Хуа Синь посоветовал пригласить знаменитого врача Хуа То, того самого, который в Цзяндуне лечил Чжоу Тая. Этот врач умел лечить и снадобьями, и иглоукалыванием, и прижиганиями. А если болели внутренности, он давал отвар из конопли, от которого больной засыпал мертвым сном, затем разрезал ему живот, промывал целебным отваром внут-

ренности — при этом больной не чувствовал никакой боли — и зашивал разрез пропитанными лекарствами нитками, после чего смазывал шов целебным настоем, и через месяц, а то и через двадцать дней человек полностью выздоравливал.

Цао Цао послал за Хуа То, и тот, осмотрев его, сказал:

— У вас, великий ван, в черепе от простуды скопилась слизь, но она не может выйти наружу. Лекарства и настои здесь бесполезны. Выпейте конопляного отвара, от него вы крепко уснете, а я топориком продолблю вам череп и смою слизь. Тогда корень болезни будет удален.

— Ты хочешь убить меня? — в гневе закричал Цао Цао и приказал бросить лекаря в темницу.

Смотритель темницы по фамилии У был человеком добрым и отзывчивым. Он каждый день приносил Хуа То вино и еду, и узник, тронутый его заботой, однажды сказал:

— Я скоро умру, и жаль будет, если «Книга из Черного мешка» останется неизвестной миру. Я дам вам письмо, пошлите кого-нибудь ко мне домой за этой книгой. В благодарность за вашу доброту я подарю ее вам, и вы продолжите мое дело.

— Если вы подарите мне эту книгу, я брошу свою службу! — воскликнул обрадованный смотритель. — Я стану лечить людей и прославлять ваши добродетели!

Смотритель поехал к жене лекаря и взял книгу.

А через десять дней лекарь умер. Смотритель купил гроб и похоронил его. Вскоре он бросил службу и вернулся домой, чтобы заняться изучением «Книги из Черного мешка». Но едва переступил порог дома, как увидел, что жена его лист за листом бросает книгу в очаг. Смотритель в гневе набросился на жену с руганью, но она сказала:

— К чему тебе эта книга? Какая от нее польза, если даже такой великий лекарь, как Хуа То, умер в темнице?

Так «Книга из Черного мешка» и погибла.

Цао Цао после смерти Хуа То день ото дня становилось все хуже. Вдобавок тревожили события, происходившие в У и Шу.

И вот однажды от Сунь Цюаня прибыл гонец с письмом. В нем было написано:

«Вашему слуге Сунь Цюаню известно, что судьба благоволит вам, великий ван. Почтительно склоняюсь перед вами и с надеждой молю, чтобы вы, заняв императорский трон, послали войско в Сычуань уничтожить Лю Бэя.

Я и все мои подданные вручаем вам наши земли и просим принять нашу покорность».

Прочитав письмо, Цао Цао показал его сановникам.

— Ханьский правящий дом давно пришел в упадок, — сказал Чэнь Цюнь, — а ваши заслуги и добродетели очень высоки. Народ взирает на вас с надеждой. Сунь Цюань добровольно покоряется вам — то воля Неба и людей. И души умерших требуют, чтобы вы вступили на высокий престол.

— У меня и без того достаточно высокий титул, — ответил Цао Цао. — Стоит ли мне посягать на большее?

— Раз уж Сунь Цюань покорился вам, дайте ему титул и велите напасть на Лю Бэя, — промолвил Сыма И.

Тогда Цао Цао пожаловал Сунь Цюаню титул Наньчанского хоу, назначив его при этом на должность правителя округа Цзинчжоу. Гонец с указом в тот же день помчался в Восточное У.

Однажды ночью, уснув в своей опочивальне, Цао Цао сквозь сон почувствовал, что в голове и в глазах у него мутится. Он встал с постели, присел к столику и, облокотившись, снова задремал.

Вдруг раздался треск, словно кто-то разорвал холст. Цао Цао вздрогнул, проснулся и стал всматриваться в темноту. Он увидел императрицу Фу, наложницу Дун, двух государевых сыновей, Дун Чэна, Фу Ваня и многих других, некогда им казненных. Кровавые призраки были окутаны черным облаком, и чей-то властный голос требовал, чтобы Цао Цао отдал им свою жизнь.

Цао Цао выхватил меч и ударил в пустоту. Послышался оглушительный грохот — обвалился юго-западный угол дворца. Цао Цао без памяти рухнул на пол. Приближенные подхватили его и унесли в другой дворец. Но и в следующую ночь ему снова мерещились призраки и слышались громкие вопли у ворот дворца.

Утром Цао Цао призвал к себе сановников и обратился к ним с такими словами:

— Мудрец сказал: «Провинившемуся перед Небом не вымолить прощения». Чувствую я, что дни мои сочтены и мне уже ничто не поможет! Из всех моих сыновей только старший, Цао Пэй, способен продолжать мое дело. Помогите же ему!

Отдав все необходимые распоряжения, Цао Цао вздохнул, из глаз его полились слезы, и вскоре он перестал дышать. Так шестидесяти шести лет от роду скончался Вэйский ван.

Случилось это весной, в первом месяце двадцать пятого года периода Установления спокойствия.

Как раз когда во дворце чиновники, одетые в траурные одежды, прощались с Цао Цао и проливали слезы над его телом, из Сюйчана примчался Хуа Синь.

— Великий ван ушел из жизни, вся Поднебесная потрясена, а вы до сих пор не попросили наследника вступить в свои права! — вскричал он.

— Еще нет указа Сына Неба, — отвечали чиновники.

— Вот он, государев указ! — сказал Хуа Синь. — Я привез его. Наследник — Цао Пэй!

Все возликовали и стали поздравлять Цао Пэя. Хуа Синь вынул из-за пазухи указ, развернул его и громко прочел.

Опасаясь за судьбу наследника Вэйского вана, Хуа Синь сам составил этот указ и принудил государя его подписать. Цао Пэй получил титул Вэйского вана и был назначен на должность первого министра и правителя округа Цзинчжоу. В тот же день он вступил в свои права и принял поздравления высших и низших чиновников. Но во время этого торжества Цао Пэю сообщили, что из Чанъани в Ецзюнь идет со стотысячным войском его брат, Яньлинский хоу Цао Чжан.

— Как же мне быть? — спросил Цао Пэй, обращаясь к советникам. — Должно быть, мой рыжебородый брат идет спорить со мной из-за наследства! А нрав у него крутой, да и военным искусством он владеет великолепно!

Один из стоявших у ступеней возвышения, на котором восседал Цао Пэй, сказал:

— Разрешите мне поехать навстречу вашему брату!

Все, кто здесь был, взглянули на него и в один голос воскликнули:

— Отправляйтесь! Кроме вас, никто не сможет избавить нас от беды!

Поистине:

Смотрите! Едва Цао Цао земные окончили дни,
Наследники тут же явились, и драться готовы они.

О том, кто был этот человек, повествует следующая глава.

2) ШИ НАЙ-АНЬ (1296–1370). РЕЧНЫЕ ЗАВОДЫ

О жизни Ши Най-аня, второе имя Эр, уроженец юго-восточного региона Китая (Сучжоу, современная провинция Цзянсу), тоже известно очень мало. Сохранились сведения, что он имел степень *цзиньши* (т. е. сдал столичный экзамен), но смог получить назначение лишь на небольшую должность, с которой через два года ушел в отставку. Роман «Речные заводы» является единственным дошедшим до нас его произведением.

Этот роман находится, совместно с «Троецарствием», в основании всей китайской романистики и оказал столь же значительное воздействие на самые разные сферы национальной художественной культуры. Очевидно, что он также был создан на материале историографической литературы и преданий, бытовавших как в устной, так и песенно-повествовательной форме.

Сюжетом «Речных заводов» послужило восстание, вспыхнувшее в конце Северной Сун (т. е. в нач. XII в.) в местности на стыке провинций Шаньдун, Хэнань и Хэбэй, где и размещается описанный в романе лагерь повстанцев — Ляншаньбо. Однако все его герои, кроме Сун Цзяна, который называется в хрониках среди вождей этого восстания, вымышленные персонажи и, подобно Гуань Юю и Чжан Фэю из «Троецарствия», наделены чертами былинных героев. Особенно показательным в этом плане является популярнейший (он обычно включается во все китайские школьные хрестоматии) эпизод сражения безоружного удалца У Суна с тигром.

В синологическом литературоведении господствует точка зрения о переключке «Речных заводов» с европейской литературой, типа английских баллад о Робин Гуде или повествования о Тиле Уленшпигеле из Фландрии. Однако на самом деле в этом романе рассказывается не столько о подвигах «благородных разбойников», сколько об их приключениях до момента их присоединения к повстанцам. Причем выясняется, что подавляющее их большинство — всего в романе насчитывается 108 основных действующих лиц — прибывает в Ляншаньбо отнюдь не по идейным соображениям, а спасаясь от наказаний за совершенные ими противоправные действия, включая убийства. И здесь становится ясно, что подобные поступки были

ими совершены, по мысли автора, не в силу их дурных качеств и склонностей, а из-за общих несправедливостей и насилия как следствия несостоятельности правящего режима. Поэтому свое предназначение герои романа видят в восстановлении должного порядка и создании общества справедливости и благоденствия, — все это откровенно излагается в последней — 70-й главе романа в его варианте, созданном Ши Най-анем, где подробно рассказывается о формировании армии и морального уложения повстанцев. Таким образом, и это произведение, в конечном счете, проникнуто конфуцианско-дидактическими, социально-утопическими идеями и идеями легитимизма, которые могут быть поняты в контексте социально-политической концепции «Небесного мандата». Суть названной концепции сводится к следующему: если царствующий государь по каким-то причинам оказывается неспособным более исполнять функции верховного правителя, знаком чего как раз и служат кризисные тенденции в обществе, то он лишается права на державную власть, которое Небо передает своему новому избраннику — любому, в принципе, жителю страны. Мотивы подобного избранничества вождей повстанцев, в первую очередь Сун Цзяна, прослеживаются в эпизоде получения им Небесной книги. Кроме того, число основных действующих лиц, являясь священным буддийским числом, позволяет говорить об имплицитном присутствии в романе и буддийских мессианско-утопических идей. *108 героев как окол!*

Нельзя также не заметить, что роман в его первоначальном варианте выглядит незавершенным, что привело к созданию множества его редакций-продолжений, которые сводятся к трем главным смысловым направлениям. В одном из них — «сочувственном» — все герои в последних главах гибнут, однако до этого встают на борьбу с захватчиками-чжурчжэнями: например, двадцатитомный (полный) вариант «Речных заводов». Во втором — «восторженном» — апологизируется их выступление против правительственных войск. А в третьем — «осуждающем», — напротив, восстание показывается как мятеж, подлежащий подавлению: например, «История усмирения бандитов» Юй Вань-чуня (сер. XIX в.). Столь противоположные интерпретации «Речных заводов» лишней раз убеждают в содержательной многозначительности романа, которая никак не уместается в рамки одного повествования о «благородных разбойниках».

Самым популярным и авторитетным является издание романа, выполненное в конце Мин известным филологом и комментатором того времени Цзинь Шэн-танем. С этого издания обычно и делались его переводы на другие языки.

На русском языке имеется полный перевод «Речных заводов», выполненный А. П. Рогачевым, в: Речные заводы / Пер. А. П. Рогачева; Под ред. В. С. Колоколова. М., 1955. Т. 1—2.

Глава двадцать первая,

повествующая о том, как старуха Янь учинила скандал в юньчэнском уездном управлении и как Чжу Тун, движимый чувством дружбы, помог Сун Цзяну скрыться

Вы уже знаете, читатель, что стражники схватили Тан Нью-эра и втащили в управление. Начальник уезда, услышав об убийстве, поспешил в зал суда. Там у стола, окруженный стражниками, стоял Тан Нью-эр. Слева от стола начальник уезда увидел женщину, опустившуюся на колени, а справа, также на коленях, какого-то молодца.

— Что случилось? — спросил начальник уезда.

— Моя фамилия Янь, — начала старуха. — У меня была дочь по имени По-си, которая заключила с писарем уездного управления Сун Цзяном договор о сожительстве. Вчера, когда они выпивали и закусывали у нас дома, Тан Нью-эр, разыскивая Сун Цзяна, явился к нам, наскандалил и ушел. Все это могут подтвердить соседи. Сегодня утром Сун Цзян рано вышел из дому, но вскоре вернулся и убил мою дочь. Я задержала его и притащила сюда, но Тан Нью-эр силой освободил убийцу. Умоляю вас, господин начальник, разобраться это дело.

Тогда начальник уезда обратился к Тан Нью-эру:

— Так ты осмелился освободить преступника?

— Разрешите доложить, — начал Тан Нью-эр. — Я совсем не знал, что там у них произошло. Вчера вечером я действительно искал Сун Цзяна, чтобы попросить у него денег на чашку вина, а эта женщина выгнала меня из дому, да еще наградила затрещиной. Когда сегодня утром я вышел продавать свою барду, то увидел, что эта старуха стоит возле уездного управления, вцепившись в господина писаря. Теперь-то мне понятно, что не следовало вмешиваться и дать ему возможность скрыться. Но я ведь не знал, что он убил ее дочь.

— Нечего тут вздор городить! — рассердился начальник уезда. — Не может быть, чтобы такой благородный и справедливый человек, как Сун Цзян, совершил убийство. Это уж твоих рук дело! Эй, люди! — крикнул он и велел позвать дежурного писаря и завести дело.

Чжан Вэнь-юань тотчас же явился. Узнав от старой Янь, что Сун Цзян убил его возлюбленную, он записал показания, составил старухе прошение в суд, а также подробный отчет обо всем случившемся. Затем вызвал судейского чиновника, квартального старосту и соседей и вместе с ними отправился в дом По-си.

Там они прежде всего осмотрели труп убитой и возле нее нашли кинжал. Внимательно обследовав место преступления, они установили, что женщина убита ударом кинжала в горло. Тело положили в гроб и отправили в кумирню, а затем все вернулись в управление.

Начальник уезда был в хороших отношениях с Сун Цзяном и сейчас думал лишь о том, как бы выгородить его. Он несколько раз допрашивал Тан Нью-эра, но тот твердил, что ничего не знает о случившемся.

— А зачем же ты вчера ходил к ним в дом и скандалил? — спросил начальник уезда. — Ясно, что ты причастен к этому делу!

— Да я отправился туда в надежде получить на чашку вина, — сказал Тан Нью-эр.

— Ерунда! — рассердился начальник уезда. — Ну-ка всыпьте ему хорошенько! — приказал он.

Стражники набросились на Тан Нью-эра, как лютые звери, связали его, повалили и отсчитали ему пятьдесят палочных ударов. Однако и после наказания Тан Нью-эр продолжал говорить то же, что и прежде. Для начальника уезда было ясно, что Тан Нью-эр и в самом деле ничего не знает, но начальник хотел спасти Сун Цзяна и продолжал допрашивать Тан Нью-эра. А затем приказал надеть ему на шею кангу и отправить в тюрьму.

Между тем Чжан Вэнь-юань говорил начальнику уезда:

— Как бы там ни было, а найденный кинжал действительно принадлежит Сун Цзяну. Следовало бы вызвать его и допросить. Тогда все выяснится.

После того как Чжан Вэнь-юань несколько раз являлся с этим предложением, начальник уезда вынужден был послать людей в дом Сун Цзяна арестовать его. Но Сун Цзян успел

уже скрыться, и стражникам удалось задержать лишь его соседей, которые сообщили, что преступник сбежал неизвестно куда.

Тогда Чжан Вэнь-юань предложил другой план.

— Преступник Сун Цзян скрылся, — сказал он. — Но его отец, старый господин Сун, и младший брат Сун Цин проживают в усадьбе Сунцзяцунь. Можно арестовать их и доставить сюда, объявив срок для поимки Сун Цзяна. Так мы сумеем отыскать и привлечь к суду самого преступника.

Однако подобный оборот дела никак не устраивал начальника уезда, так как он всеми силами старался свалить преступление на Тан Нью-эра, а потом и его как-нибудь избавить от наказания. Но Чжан Вэнь-юаня, который вел это дело, никак нельзя было унять; он все время подстрекал старуху Янь требовать поимки убийцы. В конце концов, не будучи в состоянии противиться усиленным настояниям Чжан Вэнь-юаня, начальник подписал приказ об аресте старого Суна с сыном Сун Цином и послал в усадьбу Сунцзяцунь трех стражников.

Когда посланные прибыли в поместье Сунцзяцунь, старый хозяин вышел к ним навстречу, провел в комнаты и пригласил сесть. Стражники предъявили приказ хозяину. Прочитав его, старый Сун молвил:

— Прошу вас, почтенные служивые, выслушать меня. Предки наши были земледельцами и кормились со своих полей и огородов. Но мой непочтительный сын Сун Цзян, который с детства отличался непокорным нравом, не пожелал заниматься делом своего отца, а захотел непременно стать чиновником. Никакие уговоры не помогли. И вот несколько лет тому назад я подал в управление нашего уезда заявление о том, что отказываюсь от непокорного сына моего. Он давно уже не является членом нашей семьи и живет отдельно, в уездном городе. А в этом уединенном поместье я обитаю вдвоем с сыном своим Сун Цином, и существуем мы на то, что собираем с наших полей и огородов. С Сун Цзяном мы никакой связи не поддерживаем, и в нашу жизнь он не вмешивается. Из опасения, как бы он чего-нибудь не натворил и не впутал меня в беду, я обратился к прежнему начальнику уезда с просьбой выдать мне свидетельство о сделанном мной заявлении. Это свидетельство хранится у меня, и я могу показать его вам, уважаемые.

Посланные стражники любили Сун Цзяна и прекрасно понимали, что речи старого Суна лишь хитрость, придуманная

на случай неприятностей. Но они вовсе не хотели причинять этой семье вреда и поэтому сказали хозяину:

— Если у вас, уважаемый хозяин, имеется такая бумага, покажите ее нам, мы снимем с нее копию и, вернувшись, доложим об этом начальнику уезда.

Между тем старик Сун приказал сейчас же зарезать несколько кур и гусей и приготовить их, а также подать вина и принялся потчевать прибывших. Затем он вынул десять лян серебра, отдал им в подарок и принес имевшуюся у него бумагу, чтобы с нее сняли копию. Распростившись с хозяином, посланные вернулись в город и доложили начальнику уезда, что уже три года тому назад старый господин Сун отказался от Сун Цзяна, о чем у него имеется соответствующая бумага. Они показали начальнику уезда копию и сказали, что при создавшемся положении не могли арестовать старика.

Выслушав их, начальник уезда, желавший помочь Сун Цзяну, ответил:

— Раз у отца имеется такая бумага, а других родственников у Сун Цзяна нет, то нам остается лишь объявить о нагаде в тысячу связок тому, кто задержит его, и разослать повсюду приказ о его аресте.

А тем временем старуха Янь по наущению Чжан-саня явилась в уездное управление с распущенными волосами и, уставившись диким взглядом на начальника, сказала:

— Сун Цзян спрятался в доме своего брата Сун Цина. Почему же вы, господин начальник, не поможете мне и не прикажете схватить Сун Цзяна?!

Выслушав это, начальник уезда воскликнул:

— Отец его уже три года тому назад обратился к начальнику уезда с жалобой на непокорность своего сына Сун Цзяна и отказался от него, о чем у него имеется официальное свидетельство. Как же могу я арестовать отца и брата и сделать их заложниками?

— Почтенный начальник! — возразила на это старая Янь. — Кому неизвестно, что Сун Цзяна прозвали Почтительный и справедливый господин Хэй-сань? А свидетельство, о котором вы говорите, — фальшивое. И если вы признаете его, то, значит, помогаете им.

— Глупости ты болтаешь! — рассердился начальник уезда. — Это свидетельство выдано моим предшественником, и на нем имеется казенная печать. Как же может оно быть фальшивым?!

Тогда старуха стала рыдать и жаловаться:

— Господин начальник! Убить человека — величайшее преступление! Если вы не заступитесь за меня, я вынуждена буду обратиться в окружное управление. Ведь дочь моя действительно умерла насильственной смертью!

Чжан-сань выступил и поддержал старуху:

— Господин начальник! Если вы не выполните ее просьбу и не отдадите распоряжения об аресте, то она обратится в вышестоящий суд, а ведь это дело серьезное. Когда начнут допрашивать, мне нельзя будет молчать.

Начальник уезда понимал, что Чжан Вэнь-юань прав, и ему пришлось подписать приказ об аресте и тут же послать в поместье Сунцзяцунь начальников стражи Чжу Туна и Лэй Хэна.

— Возьмите с собой побольше людей, — сказал начальник, — произведите обыск, арестуйте преступника Сун Цзяна и доставьте сюда.

Чжу Тун и Лэй Хэн взяли человек сорок стражников из местной охраны и тотчас же отправились в поместье Сунцзяцунь. Узнав об их приезде, старый Сун поспешно вышел к ним навстречу.

— Уважаемый господин! — обратились к нему начальники стражи. — Не вините нас. Мы приехали к вам не по доброй воле, а по приказу начальства. Скажите, где сейчас находится ваш сын Сун Цзян?

— Уважаемые господа начальники стражи, — почтительно отвечал старый Сун. — Этот непокорный Сун Цзян не имеет ко мне никакого отношения. Еще прежнему начальнику я подал прошение о том, что отрекаюсь от него, и свидетельство об этом заявлении у меня на руках. Уже больше трех лет Сун Цзян живет отдельно, и у нас нет с ним ничего общего — он даже не бывает здесь.

— Все это, может быть, и так, — отвечал Чжу Тун, — однако у нас есть письменное распоряжение, которое мы должны выполнить. Мы не можем полагаться на ваши слова о том, что здесь нет вашего сына, а поэтому произведем обыск. — И он приказал стражникам окружить поместье.

— Я буду охранять передние ворота, — сказал Чжу Тун, — а вы, господин Лэй Хэн, обыщите всю усадьбу.

Лэй Хэн вошел во двор и, обыскав там все, вернулся со словами:

— Его и правда нет здесь.

— А все же у меня на душе беспокойно, — сказал Чжу Тун. — Вы, господин Лэй Хэн, постерегите здесь, у ворот, а я попробую еще сам поискать как следует.

Услышав эти слова, старый Сун сказал:

— Я — человек, уважающий законы. Могу ли я укрывать преступника в моем доме?!

— Дело идет об убийстве, — возразил на это Чжу Тун, — и вы уж не обижайтесь на нас.

— Что ж, пусть будет по-вашему, — согласился старый Сун. — Идите и еще раз как следует поищите.

— Господин Лэй Хэн, — сказал Чжу Тун. — Приглядите за господином Суном и не разрешайте ему выходить.

После этого Чжу Тун вошел в поместье, поставил у стены свой меч, закрыл ворота на засов и прошел в домашнюю молельню. Он отодвинул в сторону жертвенный столик, вынул доску из пола и увидел веревку. Он дернул за нее, раздался звук медного колокола, а вслед за тем из-под пола показался Сун Цзян. Увидев Чжу Туна, Сун Цзян сильно перепугался, но тот сказал ему:

— Достопочтенный брат мой! Не подумайте, что я приехал арестовать вас! Вы всегда были добры ко мне и никогда меня не обманывали. Однажды, когда мы вместе выпивали, вы сказали мне: «В молельне нашего дома под полом сделано убежище. Над ним стоит жертвенный столик Будде, который и закрывает вход в убежище. Если с тобой случится что-нибудь, можешь там укрыться». Я крепко запомнил это. Начальник послал нас сюда лишь для отвода глаз. Он тоже хочет помочь вам, и только Чжан-сань со старухой будоражат всех и грозят обратиться в окружной суд, если начальник не доведет дела до конца. Вот почему ему пришлось послать сюда нас двоих для обыска. Лэй Хэн человек прямой и недалекий, и я боялся, что он не сможет сделать всего как надо, и если встретится с вами, то уж вряд ли найдет выход из положения. И поэтому я пустился на хитрость: оставил Лэй Хэна караулить у въезда в поместье, а сам пришел предупредить вас, друг мой. Хоть здесь и безопасно, однако оставаться долго не следует. Что будет, если кто-нибудь узнает, что вы здесь, и еще раз придет сюда с обыском?

— Я и сам подумывал об этом, — сказал Сун Цзян, выслушав Чжу Туна. — И если бы не ваше доброе отношение, почтенный брат мой, то не миновать бы мне тюрьмы.

— Стоит ли говорить об этом, — сказал Чжу Тун. — Давайте лучше подумаем, куда бы вам отправиться.

— Я решил, что самыми подходящими сейчас являются три места: поместье Чай Цзиня, прозванного Маленьким вихрем, в уезде Хэнхайцзюнь области Цанчжоу; крепость Цинфын в уезде Цинчжоу, где служит Хуа Юн, по прозвищу Маленький Ли Гуан, и поместье господина Куна в Байхушане. У господина Куна два сына, старшего зовут Кун Мин — Комета, а младшего — Кун Лян — Искра; раньше они частенько заходили ко мне. Однако я до сих пор еще не решил, в какое из этих мест отправлюсь.

— Вам, почтенный брат, надо выбирать скорее, — сказал Чжу Тун. — Раз вы решили уходить, то уходите немедленно, не позже чем сегодня вечером. Откладывать сейчас никак нельзя, не то произойдут неприятности.

— Я буду надеяться на ваше заступничество перед властями, дорогой мой, — сказал Сун Цзян. — Если для этого потребуются деньги, приходите сюда и берите сколько нужно.

— Об этом не беспокойтесь, — сказал Чжу Тун. — Устройство всего дела я беру на себя. Вы же думайте лишь о том, как бы скорее отправиться в путь.

Сун Цзян поблагодарил Чжу Туна и снова скрылся в своем убежище, а Чжу Тун поставил на место жертвенник, открыл двери и, взяв свой меч, вышел из поместья.

— Так и не нашел его, — сказал он товарищу. — А что, господин Лэй Хэн, может быть, нам захватить с собой почтенного Суна?

Услышав предложение Чжу Туна, Лэй Хэн подумал: «Ведь прежде Чжу Тун с Сун Цзяном были лучшими друзьями. Что же это с ним произошло? Почему он предлагает арестовать старого Суна? Что-то здесь неладно. Если он будет настаивать, придется мне проявить благородство и вступить за старика».

После этого Чжу Тун и Лэй Хэн, собрав своих стражников, вошли в дом. Старый Сун пошел было приготовить вина и закусок, но Чжу Тун остановил его:

— Не беспокойтесь об угощении, почтенный Сун, собирайтесь-ка лучше со своим младшим сыном в дорогу, вы отправитесь вместе с нами в город.

— А что же не видно вашего младшего сына? — спросил Лэй Хэн.

— Я послал его в соседнюю деревню, — отвечал старый Сун, — достать кое-что из хозяйственной утвари. А от непорочного Сун Цзяна я уже три года тому назад отказался, и об этом у меня имеется официальное свидетельство.

— Да что вы нам зубы заговариваете, — сказал Чжу Тун. — У нас есть распоряжение начальника уезда арестовать вас с сыном и доставить в город на допрос.

— Господин Чжу Тун, — сказал тогда Лэй Хэн. — Хоть Сун Цзян и совершил преступление, но, видно, у него были к этому какие-то причины, и он не заслуживает смертного приговора. У почтенного Суна имеется официальный документ, заверенный казенной печатью, и мы не можем признать его фальшивым. Кроме того, не следует забывать, что в свое время мы были друзьями с господином Сун Цзяном и должны помочь ему в этом деле. Давайте снимем копию с этого документа и по возвращении представим ее начальству.

Выслушав это, Чжу Тун подумал: «Значит, мои слова подействовали и он ничего не подозревает».

— Если вы, уважаемый друг, считаете, что так лучше, — сказал он, — то я вовсе не хочу причинять кому-нибудь вреда.

— Я глубоко признателен вам, господа начальники, за ваше снисхождение, — растроганно сказал старик и тут же велел подать вина и закусок и стал всех угощать. Потом он достал двадцать лян серебра и хотел преподнести их начальникам охраны, но Чжу Тун и Лэй Хэн решительно отказались и отдали серебро стражникам, которые поделили его между собой.

Потом они сняли копию с представленного Суном документа, распрощались с хозяином, и весь отряд во главе с Чжу Туном и Лэй Хэном отправился обратно в город. Когда они явились в зал суда, начальник уезда как раз находился там. Он спросил Чжу Туна и Лэй Хэна, какие они принесли вести. Тогда начальники доложили ему:

— Мы дважды самым тщательным образом обыскали всю усадьбу, но Сун Цзяна там не нашли. Старый Сун болен и лежит в постели, видно, скоро ему конец. Сун Цин еще месяц назад уехал из деревни и до сих пор не вернулся. Так что нам не оставалось ничего другого, как снять копию с имеющегося у старика документа и доставить ее вам.

— Что ж, — сказал начальник уезда, — в таком случае я сообщу об этом высшему начальству и разошлю приказ об аресте преступника.

Но дальше речь пойдет о другом.

Как уже рассказывалось, в уездном управлении у Сун Цзяна было много друзей. Некоторые из них решили помочь ему и попытаться уговорить Чжан Вэнь-юаня уладить это дело. Чжан Вэнь-юань не мог идти против всех. К тому же он решил, что мертвой теперь уже не помочь, а Сун Цзян сделал ему когда-то немало добра, и он согласился прекратить иск. Между тем Чжу Тун, собрав немного денег для старухи Янь, уговорил ее не обращаться с жалобой в окружной суд. Старуха, получив деньги, в конце концов согласилась. Остальные деньги Чжу Тун потратил на подарки чиновникам из окружного управления, чтобы заручиться их поддержкой и прекратить дело. Начальник уезда со своей стороны сделал все, что мог. Он разослал повсюду объявления об аресте Сун Цзяна, обещая за поимку преступника вознаграждение в тысячу связок монет. Что касается Тан Нью-эра, то его обвинили в содействии преступнику, приговорили к двадцати палочным ударам, на лицо поставили клеймо и выслали в местность, находящуюся за пятьсот ли. Все остальные, задержанные по этому делу, были отпущены на поруки.

Теперь вернемся к Сун Цзяну. Он происходил из зажиточной крестьянской семьи. Зачем же в их доме было устроенное подземное убежище? Надо сказать, что в прежние времена, в период Сунской династии, начальнику легко было управлять, но вот служить чиновником было самым трудным делом. Отчего же легко было начальнику? Да потому, что всю власть при дворе захватила кучка разложившихся, преступных людей и на ответственные посты попадали либо родственники придворных, либо богачи.

Почему же трудно было чиновникам? Потому что, совершив преступление человек, скажем, в должности писаря, самым легким для него наказанием было клеймо и ссылка в отдаленные места; бывало, что имущество виновного описывали, а самого его лишали жизни. Вот на случай подобных бедствий и устраивались убежища вроде того, которое было в доме Сун Цзяна.

Из опасения же, как бы в случае преступления, совершенного чиновником, не привлекли к ответственности и его родителей, сыновья сами просили их подать властям заявление о проявленной якобы сыновней непокорности и официально отказать от родства с ними. Такие чиновники жили отдельно

от родителей и не общались с ними; а власти выдавали родителям официальный документ, подтверждающий расторжение их родственных связей. Но тайно они все же общались между собой. Так было в Сунскую эпоху.

Покинув свое убежище, Сун Цзян позвал на семейный совет отца и брата.

— Лишь благородство Чжу Туна спасло меня от суда, — сказал Сун Цзян. — Этой милости я никогда не забуду. А теперь нам с братом надо искать пристанища. Если когда-нибудь небо сжалится над нами или император объявит всеобщее помилование, мы сможем вернуться домой и жить все вместе. Вас же, отец мой, прошу тайно переслать с доверенными людьми деньги Чжу Туна для подношения всем чиновникам и старухе Янь, чтобы она перестала надоедать властям своими жалобами.

— Об этом тебе беспокоиться нечего, — сказал старый Сун. — Вы с братом берегите себя в дороге. А когда обживетесь где-нибудь и случится оказия, пишите мне.

В тот же вечер братья собрали свои вещи и, когда пробила четвертая стража, были уже на ногах, умылись, позавтракали, а затем приготовились в дорогу: Сун Цзян надел широкополую белую войлочную шляпу, куртку из белого атласа с поясом из крученой конопли и конопляные туфли с завязками. Сун Цин же нарядился слугой и вскинул на плечо коромысло.

Перед тем как отправиться в путь, они прошли в парадную комнату проститься с отцом. Глядя на сыновей, старик не мог сдержать слез.

— Вам предстоит долгий и трудный путь, — обратился он к ним, — но пусть это не страшит вас.

Сун Цзян и Сун Цин просили слуг заботиться об отце и следить, чтобы он был сыт и ни в чем не испытывал недостатка.

Простившись с отцом, Сун Цзян и Сун Цин привесили к поясу кинжалы, взяли мечи и вышли из усадьбы. Наступала зима.

Однажды, после нескольких переходов, Сун Цзян в раздумье произнес:

— Куда же нам направиться?

— От вольных людей я как-то слышал о сановнике Чай Цзине из уезда Хэнхайцзюнь близ Цанчжоу, — сказал Сун Цин. — Правда, им никогда не приходилось встречаться с ним

лично, но говорят, что он прямой потомок императора Чжоу. Почему бы нам не обратиться к нему? Говорят, он человек радушный и справедливый, поддерживает всех удалцов в стране, помогает ссыльным и поистине является современным Мын Чан-цзюнем. Лучше всего пойти к нему.

— Я уже думал об этом, — сказал Сун Цзян. — Хотя мы с ним частенько переписывались, но встретиться так и не пришлось.

Порешив на этом, они направились прямо в Цанчжоу. На пути им приходилось преодолевать горы, переправляться через реки, проходить через областные и окружные города. Как все путники, они рано останавливались на отдых, ели что попало и спали где придется.

Однако, не вдаваясь в подробности, поведем речь о более серьезных вещах. Сун Цзян с братом шли очень долго, пока наконец не достигли области Цанчжоу. Здесь они узнали у встречных, где находится поместье сановника Чай Цзиня, и направились прямо туда. Подойдя к усадьбе, они спросили, дома ли господин Чай Цзинь. Слуги ответили им, что Чай Цзиня сейчас нет, так как он поехал в свое восточное поместье собирать оброк. На вопрос Сун Цзяна, далеко ли отсюда его восточное поместье, слуги ответили, что немногим более сорока ли.

— А как пройти туда? — спросил Сун Цзян.

— Разрешите нам осведомиться о вашем почтенном имени, — сказал один из слуг.

— Я Сун Цзян, из уезда Юньчэн.

— Уж не тот ли вы господин Сун, которого называют Благодатным дождем? — продолжал расспрашивать слуга.

— Да, это я, — подтвердил Сун Цзян.

— Наш хозяин часто упоминал ваше уважаемое имя, но всегда очень сожалел, что не было случая встретиться с вами. А сейчас, господин Сун Цзян, разрешите проводить вас. — И, сказав это, слуга повел Сун Цзяна и Сун Цина к восточному поместью.

Не прошло и трех страж, как они прибыли туда. Тогда слуга сказал им:

— Прошу вас обождать в беседке, пока я доложу моему господину, чтобы он мог должным образом вас приветствовать.

— Хорошо, — согласился Сун Цзян.

Оставшись в беседке, они с братом прислонили свои мечи к стене, сняли с себя кинжалы, опустили на землю узлы и уселись. Не успел слуга уйти, как вдруг распахнулись главные ворота, из них поспешно вышел сановник Чай Цзинь, сопровождаемый несколькими слугами, и направился к беседке, чтобы приветствовать Сун Цзяна. Приблизившись, Чай Цзинь поклонился ему до земли и сказал:

— Я так много думал о вас! Каким ветром занесло вас сюда сегодня? Наконец-то сбылась мечта всей моей жизни. Счастье мое невыразимо!

Земно кланяясь, Сун Цзян сказал:

— Я всего лишь невежественный мелкий чиновник и пришел искать у вас убежища.

— Вчера нагар на свече предвещал что-то, — говорил Чай Цзинь, помогая Сун Цзяну подняться, — а сегодня стрекотала сорока. Но я никак не думал, что они предвещают ваш приход, дорогой друг мой!

Обращаясь к гостю, Чай Цзинь так и сиял от радости.

Сун Цзян был очень доволен столь сердечным приемом и сказал своему брату Сун Цину, чтобы он также приветствовал хозяина. Затем Чай Цзинь приказал слугам отнести вещи Сун Цзяна в комнаты для гостей в западной стороне дома, а сам, держа Сун Цзяна за руку, провел его в помещение, где они соответственно разместились: один занял место гостя, а другой — хозяина.

— Не смею расспрашивать вас, — начал Чай Цзинь. — Я знал, что вы служите в уездном управлении в городе Юньчэне. Как же удалось вам урвать время, чтобы навестить такое захолустье, как мой скромный дом?

— Я давно слышал ваше почтенное имя, а слава о вас гремит повсюду, — отвечал Сун Цзян. — И хотя порой я и имел счастье получать ваши драгоценные письма, но всегда сетовал на то, что служба лишает меня возможности встретиться с вами. Теперь же случилось так, что я совершил преступление, и, так как нет у нас с братом никакого пристанища, мы вспомнили о вашей радушии и справедливости и решили искать у вас убежища.

Выслушав его, Чай Цзинь сказал с улыбкой:

— Можете быть совершенно спокойны, друг мой! Если бы вы совершили даже десять самых тягчайших преступлений, в моем доме вам нечего опасаться. Это истинная правда. Ведь

ни один чиновник по борьбе с разбойниками не осмелится и носа сюда показать.

Тогда Сун Цзян подробно рассказал, как он убил Янь Поси. Выслушав его, Чай Цзинь рассмеялся и сказал:

— Можете быть совершенно спокойны, брат мой! Если бы вы убили посланца самого императора или даже ограбили казну, то и тогда бы я спрятал вас в своем поместье.

После этого он предложил братьям помыться, приказал принести для них одежду, головные уборы, шелковые туфли и белые носки и попросил братьев переодеться.

Слуги отнесли их собственную одежду в отведенную гостям комнату, а Чай Цзинь пригласил Сун Цзяна во внутренние покои, где уже было приготовлено угощение — закуски и вино. Хозяин пригласил Сун Цзяна занять почетное место, а сам уселся против него; Сун Цин занял место рядом с братом.

Когда они разместились, человек десять слуг и несколько управляющих стали ухаживать за гостями и хозяином, подливать им вина и подавать закуски. Чай Цзинь все время просил Сун Цзяна и его брата забыть о заботах и потчевал их вином. Сун Цзян был тронут до глубины души таким приемом и без конца благодарил хозяина. Слегка опьянев, они стали выражать друг другу любовь и уважение.

Когда стемнело и зажгли свечи, Сун Цзян стал отказываться от вина:

— Пожалуй, хватит!

Но Чай Цзинь продолжал потчевать гостей. Когда же наступила первая стража, Сун Цзян поднялся и сказал, что ему надо выйти. Чай Цзинь тотчас же позвал слугу, велел ему взять фонарь и проводить Сун Цзяна за восточное помещение.

— Пейте тут без меня, — сказал Сун Цзян и в сопровождении слуги покинул комнату.

Миновав целый ряд комнат, Сун Цзян очутился под балконом главного входа, а затем, пошатываясь, побрел к восточному балкону. Он был сильно пьян и шел неуверенно, покачиваясь из стороны в сторону. В это время под балконом, к которому направился он, находился огромный детина. Человек этот страдал лихорадкой и принес сюда на лопате горячих углей, чтобы согреться. Сун Цзян шел глядя вверх и нечаянно наступил на ручку лопаты. Уголь, лежавший на лопате, взле-

тел вверх и попал прямо в лицо человеку. Того от испуга даже пот прошиб, но потом, разобравшись, в чем дело, он рассвирепел и, схватив Сун Цзяна за грудь, стал орать:

— Ты что за черт такой! Издеваться надо мной вздумал?!

Сун Цзян до того растерялся, что ничего не мог сказать, но сопровождавший его человек крикнул:

— Потихе! Это же самый почетный гость нашего хозяина.

— Гость! Гость! — ворчал человек. — Когда я сюда пришел, меня тоже считали гостем и тоже почетным! А теперь наслушались всякого вздора, что слуги болтают обо мне, и перестали обращать на меня внимание. Вот уж поистине говорится: «Дружба не бывает вечной».

Он собрался уже было поколотить Сун Цзяна, но сопровождавший гостя слуга поставил в сторону фонарь и стал удерживать его, однако уговоры ни к чему не привели. В этот момент блеснули огни фонарей: кто-то быстро приближался к главному входу. Оказалось, что это спешил к ним сам хозяин Чай Цзинь.

— Я нигде не мог отыскать вас, дорогой друг! Что здесь за шум?

Тогда слуга, пришедший с Сун Цзяном, рассказал обо всем, что произошло. Чай Цзинь рассмеялся и сказал:

— Слушайте, друг! Разве вы не знаете добрейшего и великодушнейшего господина писаря?

— Даже если бы он был самым добрым и справедливым, — отвечал человек, — может ли он равняться, осмелюсь спросить, с господином писарем из Юньчэна?

— А вы знаете господина Сун Цзяна, дорогой мой? — смеясь, спросил Чай Цзинь.

— Я хоть и не знаю его, — отвечал тот, — но давно слышал о нем от вольных людей, которые называют его Сун Цзяном — Благодатным дождем. Он — достойнейший из мужей и известен всей Поднебесной.

— Откуда же знают его во всей Поднебесной? — спросил Чай Цзинь.

— Больше того, что я уже сказал вам, я сказать не смогу, — отвечал тот, — но он действительно человек благородный, и если возьмется за какое-либо дело, то доведет его до конца. Как только я выздоровею, обязательно отправлюсь к нему.

— Вы что же, хотите повидаться с ним? — продолжал спрашивать Чай Цзинь.

— Если бы я не хотел увидеть его, так к чему бы я все это говорил? — сказал человек.

— Вам нет нужды совершать путь в несколько тысяч ли, — сказал Чай Цзинь, указывая на Сун Цзяна. — Перед вами господин писарь, прозванный Благодатным дождем!

— Неужели это правда? — спросил парень.

— Да, я действительно Сун Цзян! — подтвердил тот.

Молча глядя некоторое время на Сун Цзяна, человек наконец склонился до земли и произнес:

— Вот уж никак не думал, что сегодня смогу встретиться с вами, уважаемый господин мой!

— Я недостойн столь высокого уважения, — возразил Сун Цзян.

— Только что я так недостойно вел себя, — говорил человек, — примите же мои самые искренние извинения. Вот уж верно говорится: «Глаза есть, а горы Тайшань не приметил». — И с этими словами он опустился на колени и ни за что не хотел встать.

Сун Цзян поспешил к нему и, подымая его, спросил:

— Могу ли я узнать ваше почтенное имя?

Тогда Чай Цзинь, указывая на человека, назвал его имя, фамилию и место, откуда он родом.

Про него можно было сказать, что если бы тигр в горах повстречал его, то душа у тигра ушла бы в пятки; повстречай его разбойники в лесу, у них распалась бы печень — этоместилище храбрости. Поистине можно было бы сказать:

Если заговорить о нем, то звезды и луна потеряют свой блеск, Дороги рухнут и реки потекут вспять в гору.

О том, чье имя назвал Чай Цзинь, вы, читатель, узнаете из следующей главы.

Глава двадцать вторая,

повествующая о том, как Чай Цзинь уговорил своих гостей остаться у него, а также о том, как У Сун убил тигра на перевале Цзин-ян-ган

Вы уже знаете, что Сун Цзян, не желая больше пить вина, вышел из помещения и, очутившись под балконом с восточной стороны дома, наступил на рукоятку лопаты с горящими

угольями, а гревшийся у огня человек рассердился, вскочил на ноги и собрался броситься на Сун Цзяна. Но в это время к месту происшествия подоспел хозяин дома — Чай Цзинь, который назвал Сун Цзяна по имени и открыл, кто он такой.

Услышав, что перед ним Сун Цзян, человек, собиравшийся драться, опустился перед ним на колени и долго не соглашался встать. Он говорил:

— Вот уж верно говорится: «Глаза есть, а горы Тайшань не приметил». Я оскорбил вас, старший брат мой, и умоляю простить меня.

Помогая этому человеку подняться на ноги, Сун Цзян спросил его:

— Могу ли я узнать, кто вы такой и как вас зовут?

Тогда Чай Цзинь, указывая на незнакомца, сказал:

— Он происходит из уезда Цинхэ. Фамилия его — У, имя — Сун. Он второй сын в семье и живет здесь уже год.

— Я не раз слышал от вольных людей имя У Суна, но никогда не думал, что так неожиданно встречу вас. Поистине мне повезло, — сказал Сун Цзян.

— Да, редко встречаются друг с другом такие славные люди, — сказал Чай Цзинь. — По этому случаю я прошу вас принять участие в нашей встрече, а за столом и поговорим.

Сун Цзян обрадовался такому предложению и, взяв У Суна за руку, прошел во внутренние комнаты. Там он подозвал своего брата Сун Цина и познакомил его с У Суном. Чай Цзинь пригласил У Суна за стол, и Сун Цзян тут же поспешил уступить ему свое место. Но разве мог согласиться на это У Сун? После долгих споров о том, кому занять более почетное место, они наконец разместились, и У Сун занял третье место. Чай Цзинь велел подать еще закуску и вина и просил гостей пировать не стесняясь.

Разглядев У Суна при свете лампы, Сун Цзян остался очень доволен его внешним видом и спросил:

— Как же вы, господин У Сун, попали сюда?

— Когда я жил в городе Цинхэ, — отвечал тот, — то однажды напился пьяным, повздорил с одним из местных начальников, ведающим секретной частью, и, рассердившись, так стукнул его кулаком, что он упал без чувств. Я подумал, что убил его, бежал из города и нашел убежище у господина Чай Цзиня, где и живу уже больше года. Лишь после я узнал, что тот человек жив, и теперь собираюсь обратно, на родину, к своему

старшему брату, да вот неожиданно заболел лихорадкой и не мог отправиться в путь. Когда же я, дрожа от озноба, сидел под балконом и грелся у огня, вы наступили на ручку лопаты. От неожиданности и испуга я весь покрылся холодным потом. Может быть, от этого моя болезнь теперь и прошла.

Сун Цзян очень обрадовался выздоровлению У Суна. В эту ночь они пировали до третьей стражи. А когда стали расходиться, Сун Цзян упросил У Суна ночевать с ними вместе в западных комнатах, отведенных для гостей. На следующий день не успели они встать, как Чай Цзинь приказал зарезать барана и свинью и снова приготовил для них угощение. Однако не стоит больше рассказывать о том, как Чай Цзинь принимал Сун Цзяна.

Прошло несколько дней. И вот однажды Сун Цзян достал несколько лян серебра и преподнес их У Суну, чтобы тот купил себе одежду. Но, узнав об этом, Чай Цзинь решительно запротестовал, — он не хотел, чтобы Сун Цзян расходовал свои деньги, и распорядился принести из своих запасов шелк и атлас. Портные в усадьбе были свои, и Чай Цзинь приказал сшить всем троим гостям одежду.

Теперь скажем несколько слов о том, почему хозяин не очень-то жаловал У Суна. Когда У Сун пришел к нему искать убежища, он оказал ему такой же прием, как и Сун Цзяну. Однако У Сун стал все чаще и чаще напиваться пьяным и становился очень беспокойным; стоило кому-нибудь из слуг не угодить ему, как он сразу же начинал скандалить. И вскоре во всем поместье не оказалось никого, кто хорошо отзывался бы об У Суне. Его невзлюбили и частенько жаловались Чай Цзиню на У Суна. Чай Цзинь хотя и не выгнал гостя из своего дома, но уже не оказывал ему прежнего внимания.

Теперь же Сун Цзян не расставался с У Суном, они вместе ели и выпивали. Болезнь У Суна не возобновлялась. Но, пробыв с Сун Цзяном более десяти дней, он снова стал тосковать по родине и решил вернуться в город Цинхэ, повидавшись с братом. На все уговоры Чай Цзиня и Сун Цзяна У Сун отвечал:

— Я уже давно ничего не знаю о своем старшем брате и поэтому должен навестить его и посмотреть, как он живет.

— Ну, если вам так необходимо ехать, — заметил Сун Цзян, — не смею вас больше удерживать. Но когда будет свободное время, приезжайте с нами повидаться.

В знак благодарности У Сун отвесил Сун Цзяну низкий поклон. Тем временем Чай Цзинь принес деньги и вручил их У Суну.

— Извините меня, господин сановник, что я доставил вам столько хлопот, — благодарил У Сун хозяина.

Он увязал свой узел, выбрал палицу и собрался в путь. Чай Цзинь распорядился устроить гостю торжественные проводы. У Сун надел только что сшитую ватную куртку, фанъянскую войлочную шляпу, взвалил на плечи узел, взял палицу и, распрощавшись, совсем уже было двинулся в путь, как вдруг Сун Цзян сказал:

— Обождите, дорогой друг! — и, пройдя к себе в комнату, взял немного серебра и, догнав У Суна за воротами усадьбы, сказал: — Я провожу вас.

У Сун попрощался с хозяином, а Сун Цзян и Сун Цин отправились вместе с У Суном. Сун Цзян также простился с Чай Цзинем, сказав:

— Я тоже покину вас ненадолго! — И они втроем вышли из усадьбы.

Когда они прошли семь ли, У Сун начал прощаться с друзьями:

— Уважаемые братья! Вы и так прошли очень далеко, прощу вас, вернитесь обратно. Господин Чай Цзинь будет беспокоиться о вас!

— Ничего, мы проводим вас еще немножко! — сказал Сун Цзян.

Беседуя о всякой всячине, они, сами того не замечая, проделали еще три ли. Тогда У Сун взял Сун Цзяна за руку и сказал:

— Дорогой брат! Незачем провожать меня дальше. Недаром говорится: «Провожай гостя хоть на тысячу ли, а расставаться все равно придется».

— Пройдем еще чуточку, — сказал Сун Цзян и добавил, указывая вперед: — Вон там, у дороги, виднеется кабачок, пойдемте выпьем на прощание еще чашечки по три вина!

Они вошли в кабачок. Сун Цзян занял место хозяина, У Сун, прислонив к стене свою палицу и положивши вещи, сел напротив, на место гостя, а Сун Цин пристроился сбоку. Подозвав слугу, они заказали закусок, вина и фруктов, и вскоре все это было им подано. Когда же они выпили по несколько чашек вина, то увидели, что солнце уже склоняется к западу, и У Сун сказал Сун Цзяну:

— Время уже позднее, и если вы не гнушаетесь мною, уважаемый брат мой, то разрешите мне отвесить полагающиеся по обычаю четыре земных поклона и побрататься с вами!

Эти слова доставили Сун Цзяну огромную радость. Тогда У Сун встал и четырежды поклонился Сун Цзяну. Тот велел Сун Цину достать слиток серебра в десять лян и передать его названному брату. Однако У Сун решительно отказался принять это серебро:

— Старший брат мой! Вы сами в гостях, и эти деньги вам пригодятся.

— Не беспокойтесь об этом, друг мой! — сказал Сун Цзян. — А если вы откажетесь от серебра, я не смогу считать вас своим братом.

У Суну не оставалось ничего иного, как поблагодарить и с поклоном принять серебро. Затем Сун Цзян достал еще немного мелочи и расплатился с хозяином кабачка. У Сун взял свою палицу и вещи, втроем они вышли из кабачка и тут распрощались. Со слезами на глазах У Сун в последний раз поклонился им и двинулся в путь, а Сун Цзян с Сун Цином долго еще стояли у дверей кабачка и лишь тогда двинулись обратно, когда У Сун скрылся из виду. Однако не прошли они и пяти ли, как увидели, что навстречу им едет верхом сам Чай Цзинь, за которым следовали еще две запасные лошади. Сун Цзян был польщен таким вниманием; они сели на лошадей и вернулись в усадьбу. По возвращении домой они прошли во внутренние комнаты и снова начали пировать. Так братья Сун стали жить в усадьбе Чай Цзиня.

Но речь сейчас пойдет о другом. Прежде всего надо сказать о том, что У Сун, расставшись с Сун Цзяном, остановился переночевать на постоялом дворе. На следующее утро он встал, приготовил себе завтрак, расплатился за ночлег, увязал свои вещи и, взяв палицу, тронулся в путь. Идя по дороге, он раздумывал: «От вольных людей я много хорошего слышал о Сун Цзяне — Благодатном дожде, и все, что они говорили, оказалось правдой. Большое счастье побрататься с таким человеком».

Несколько дней У Сун находился в пути и наконец достиг уезда Янгу. Но до уездного города было еще далеко. С утра У Сун прошел довольно большое расстояние и в полдень почувствовал, что сильно проголодался. Как раз в это время он увидел неподалеку маленький кабачок, над входом которого

развевался флаг с надписью: «Выпьешь три чашки и не пройдешь перевала».

Войдя в кабачок, У Сун поставил рядом с собой свою палицу и крикнул:

— Хозяин, дай-ка мне поскорее выпить и закусить!

Хозяин тотчас же принес три чашки, палочки для еды, блюдо с горячими закусками и все это поставил на стол перед У Суну. Потом он налил гостю полную чашку вина, которую тот осушил одним духом.

— Да, вино крепкое! — сказал У Сун. — Хозяин, а не найдется ли у тебя к этому вину чего-нибудь поосновательней на закуску?

— Есть вареная говядина, — сказал хозяин.

— Вот и хорошо! — обрадовался У Сун. — Отрежь-ка мне два цзиня.

Хозяин пошел во внутреннее помещение, отвесил два цзиня вареной говядины и, нарезав ее, подал на блюде У Суну. Потом он налил У Суну вторую чашку вина, и тот снова выпил и похвалил:

— Доброе вино, хозяин!

Налил ему хозяин и третью чашку, но больше вина не подавал. Тогда У Сун постучал по столу и, подозвав хозяина, спросил:

— Что ж ты мне больше не подливаешь?

— Если уважаемый гость желает, я могу принести еще мяса.

— Но я хочу вина, — сказал У Сун, — хоть и от мяса не откажусь.

— Мяса я вам сейчас нарежу, уважаемый гость, — сказал хозяин, — но вина больше не подам.

— Что за чудеса! — удивился У Сун и, обращаясь к хозяину, спросил: — Почему ты не хочешь дать мне еще немного вина?

— Уважаемый гость! — сказал хозяин. — Ведь на вывеске у дверей написано: «Выпьешь три чашки и не пройдешь перевала».

— Что это значит? — спросил У Сун.

— А то, — отвечал хозяин, — что хоть у нас вино и свое, самодельное, но по вкусу и качеству не уступает настоящему выдержанному вину. Кто выпьет три чашки, сразу пьянеет и уже не может пройти перевал, находящийся на пути. Вот по-

чему мы и назвали наш кабачок: «Выпьешь три чашки и не пройдешь перевала». Поэтому четвертой чашки путники уже не спрашивают.

— Если это правда, — засмеялся У Сун, — так почему же я выпил три чашки и не опьянел?

— Свое вино я назвал «Ароматом, проникающим сквозь бутылку», или еще: «Вино, что валит с ног за порогом». На вкус оно тонкое и приятное, а пройдет немного времени — и свалишься с ног.

— Не болтай глупостей, — сказал У Сун. — Что ж, я тебе не заплачу за него, что ли? Налей-ка мне лучше еще три чашки!

Убедившись, что У Сун не пьян, хозяин снова наполнил все три чашки. У Сун выпил и сказал:

— А в самом деле хорошее вино! Давай-ка, хозяин, уговоримся: я стану платить тебе отдельно за каждую чашку, а ты знай подливай!

— Уважаемый гость, — продолжал уговаривать его хозяин, — не надо больше пить. Ведь этим вином недолго и до бесчувствия упиться, а тогда ничем не поможешь!

— Да брось ты чушь городить! — рассердился наконец У Сун. — Если б ты даже подлил в вино зелья, то и тогда мой нос различал бы!

Видя, что такого не переспоришь, хозяин снова налил ему три чашки.

— А ну-ка принеси еще цзиня три мяса! — приказал У Сун.

Хозяин удалился, нарезал еще два цзиня вареной говядины и наполнил вином три чашки. А У Сун знай себе ел да пил. Наконец он достал серебро и, подозревая хозяина, сказал:

— Посмотри-ка, хозяин, хватит тут заплатить за вино и закуски, которые я брал у тебя?

— Даже многовато, — сказал тот, пересчитав серебро, — вам полагается еще сдача.

— Никакой мне сдачи не нужно, — сказал У Сун. — Налей-ка мне лучше на эти деньги еще вина.

— Уважаемый гость! — воскликнул хозяин. — Да разве вы столько выпьете? За ваши деньги причитается еще шесть чашек!

— Ну раз причитается, так давай их сюда полностью, — сказал У Сун.

— Вы вон какой здоровенный! — сказал хозяин. — Как напьетесь пьяным и свалитесь, так вас и не поднять!

— Хорош бы я был, если бы тебе еще пришлось меня поднимать! — возмутился У Сун.

Но хозяин кабачка упорно отказывался подавать вино.

Тогда У Сун разозлился и заорал:

— Что, я у тебя бесплатно пью, что ли? Перестань меня сердить, не то я все тут к чертям разнесу! Вверх дном переверну твой дрянной кабачок!

«Ну, парень, видно, готов! — подумал про себя хозяин. — И раздражать его не стоит». Он наполнил вином еще шесть чашек и подал У Суну. Лишь опорожнив восемнадцатую чашку, У Сун наконец взял свою палицу и, поднявшись, сказал:

— А ведь я еще не пьян, хозяин! — И, выйдя из дверей кабачка на улицу, он рассмеялся и сказал: — Вот тебе и «Выпьешь три чашки и не пройдешь перевала». — И, взяв в руки палицу, зашагал прочь.

Однако хозяин кабачка поспешил вслед за ним, крича вдогонку:

— Уважаемый гость, куда это вы направились?

— Что тебе надо? — спросил, остановившись, У Сун. — Разве я не расплатился с тобой?

— Это я из добрых намерений, — сказал хозяин кабачка. — Вернитесь-ка обратно и прочитайте объявление властей.

— Что там еще за объявление? — спросил У Сун.

— Да о том, что на перевале Цзин-ян-ган, который лежит перед вами, недавно появился огромный тигр с глазами навыкате и белым пятном на лбу, — сказал хозяин. — Он нападает на путников, идущих через перевал ночью, и пожирает их. Так погибло уже человек тридцать. Сейчас власти приказали охотникам в определенный срок убить этого тигра. На дороге к перевалу повсюду вывешены объявления о том, что проходить через перевал можно лишь группами и только до вечера. Ночью переход запрещен, в особенности одиноким путникам. Если человек идет один, он должен подождать попутчиков. Сейчас как раз уже наступило то время, когда переход запрещается, а вы, я смотрю, идете как ни в чем не бывало. Так вы можете ни за что ни про что погибнуть. Вам лучше провести ночь у меня, а завтра утром, когда соберется человек тридцать, вы пойдете все вместе через перевал.

Выслушав его, У Сун рассмеялся и сказал:

— Я из города Цинхэ, ходил через этот перевал раз двадцать и никогда не слышал, чтобы здесь водились тигры. Брось-ка ты меня морочить всякими дурацкими рассказами! Никакой тигр мне не страшен!

— Я лишь желал предупредить вас об опасности, — сказал хозяин кабачка. — Если вы мне не верите, идите и сами прочитайте объявление властей!

— Да что за чертовщину ты порешь! — крикнул У Сун. — Если там и есть тигр, я все равно его не испугаюсь! Ты, видно, позарился на мое добро и хочешь ночью убить и ограбить меня, вот и стараешься запугать меня своим дурацким тигром!

— Подумать только! — обиделся кабачник. — Ему добра желаешь, а он вот как это понимает! Это вместо того, чтобы сказать спасибо! Ну как знаешь, не веришь, так иди себе на здоровье! — И, покачивая головой, хозяин вернулся в кабачок.

У Сун же со своей палицей в руках зашагал к перевалу Цзин-ян-ган. Сделав около пяти ли, он оказался у подножия горы и здесь увидел большое дерево, с которого был снят кусок коры и выведены две строчки иероглифов. У Сун немного знал грамоту и, подняв голову, прочел: «В связи с тем, что за последнее время на перевале Цзин-ян-ган есть случаи нападения на людей тигра, прохождение через перевал разрешается с девяти до трех часов дня только группами. Не подвергайте себя опасности!»

Прочитав это, У Сун рассмеялся и сказал:

— Все это штучки кабачника. Он запугивает путников, чтобы заставить их ночевать в своем кабачке. А какого черта мне то бояться! — И, взяв наперевес свою палицу, он стал подниматься в гору. День клонился к вечеру. Багровый диск солнца медленно опускался за горы. Под действием винных паров У Сун медленно взбирался на гору. Но не прошел он и половины ли, как увидел полуразрушенную кумирню, а на ее воротах объявление с казенной печатью. У Сун остановился и стал читать. Объявление гласило: «Настоящим уездное управление Янгу предупреждает торговцев и путников, что на перевале Цзин-ян-ган недавно появился огромный тигр, который нападает на людей. Всем старостам близлежащих деревень приказано совместно с охотниками уничтожить зверя. Торговцам и путникам, следующим по этой дороге, разрешается проходить

здесь только группами с девяти часов утра до трех часов дня. В остальное время, а равно и одиноким путникам, во избежание опасности, проход воспрещается. О вышеизложенном доводится до всеобщего сведения. Правление Чжэнхэ, год, месяц, число».

Прочитав это объявление, У Сун только теперь поверил, что в этих местах и в самом деле водится тигр. Он хотел было вернуться в кабачок, но потом подумал: «Если я вернусь туда, хозяин станет издеваться надо мной да еще подумает, что я трус». «Нет, нельзя идти обратно», — решил он.

— Да какого черта мне бояться! Пойду вперед, а там посмотрим! — И он двинулся дальше.

Через некоторое время У Сун почувствовал, как заиграло в нем вино. Он отбросил за спину войлочную шляпу, взял палицу под мышку и начал подыматься на перевал. Обернувшись, он увидел, как солнце медленно село за гору. Стояла как раз десятая луна. Дни были короткие, ночи длинные, и темно было очень рано. Продолжая путь, У Сун говорил себе: «Какой там еще тигр? Просто народ запугал друг друга и теперь боится проходить через перевал».

У Сун шел вперед, а вино все больше и больше горячило его. Держа в одной руке палицу, он другой распахнул рубашку. Покачиваясь из стороны в сторону, У Сун пробирался через густой лес. Вскоре он увидел гранитную глыбу, большую и гладкую, точно полированную. Подойдя ближе, он прислонил к ней свою палицу и сам повалился на нее, чтобы немного вздремнуть.

И вдруг в воздухе словно пронесся вихрь. В лесу раздался сильный шум, как будто от падения чего-то тяжелого, и в тот же момент из чащи выпрыгнул огромный тигр с выпученными глазами и белым пятном на лбу. Увидев его, У Сун даже вскрикнул: «Ай-я!» — и, скатившись с камня, схватил свою палицу и спрятался за каменной глыбой. А тигр, испытывая, вероятно, сильную жажду и голод, шел, припадая к земле. Затем он напрягся всем телом и прыгнул вперед. У Сун от испуга покрылся холодным потом и сразу протрезвел.

Но события разворачивались гораздо быстрее, чем об этом рассказывается. Увидев, что тигр вот-вот кинется на него, У Сун отскочил в сторону и очутился у него за спиной. А надо сказать, что тигр не выносит, когда человек обходит его сзади. Поэтому, упершись передними ногами в землю, зверь

попытался ударить его задними ногами. Но У Сун и тут успел уклониться в сторону. Тогда тигр так зарычал, что в воздухе словно гром прокатился и гора задрожала, и, напружинив свой хвост, крепкий как железо, хотел ударить им врага, но и тут У Сун увернулся. Вы должны знать, что, нападая на человека, тигр прыгает, бьет задними лапами и хвостом. Но когда эти три приема ему не удаются, он наполовину теряет свою силу. Как только тигр увидел, что и удар хвостом не попал в цель, он снова зарычал и с понурым видом побрел прочь. Тогда У Сун схватил обеими руками свою палицу и, размахнувшись что было силы, ударил ею. Раздался оглушительный треск, и на голову ему посыпались сучья и листья. У Сун увидел, что в спешке промахнулся и угодил по засохшему дереву, отчего палица переломилась надвое и в руках остался лишь обломок.

Тут тигр дико зарычал и, повернувшись к У Суну, со страшной яростью прыгнул вперед. Но У Сун отскочил в сторону шагов на десять, и передние лапы зверя оказались как раз у его ног. Отбросив обломок палицы, У Сун обеими руками схватил тигра за загривок и изо всех сил прижал его голову к земле. Как ни силился тигр вырваться, ничего не выходило. У Сун все сильнее и сильнее прижимал его к земле, ни на минуту не выпуская, и непрерывно колотил его ногами по морде. Тигр страшно рычал и с такой силой скреб землю передними лапами, что вырыл яму и под ним образовались две кучи земли. У Сун тыкал тигра мордой в эту яму, и зверь стал заметно ослабевать. Тогда У Сун, продолжая крепко держать тигра левой рукой за загривок, потихоньку высвободил правую руку, сжал ее в кулак и, словно железным молотом, начал со страшной силой бить зверя по голове. После семидесятого удара из глаз, носа и ушей тигра хлынула кровь, и он повалился, испустив последний вздох.

Только теперь У Сун отпустил зверя, направился к сосне и стал отыскивать обломок своей палицы. Опасаясь, что тигр еще не сдох, он вернулся и снова ударил его. Убедившись, что тигр уже не дышит, он отбросил свою палицу и подумал: «Как бы мне стащить этого тигра с горы?» Он приблизился к зверю, но оказался не в состоянии вытащить его из лужи крови. Да оно и понятно: после такой затраты сил руки и ноги у него ослабли.

Тогда У Сун вернулся к гранитному камню, уселся там и стал размышлять. «Теперь уже совсем темно, — думал он. —

Если здесь снова появится тигр, то мне уже с ним не справиться. Нужно как-нибудь спуститься с перевала, а завтра утром решу, что делать». Он разыскал на земле у подножия камня свою шляпу и, обогнув рошу, стал медленно спускаться с перевала.

Но не прошел он и половины ли, как вдруг увидел в выжженной солнцем траве еще двух тигров. От неожиданности У Сун даже вскрикнул:

— Ай-я! Ну теперь-то мне конец!

Но вдруг эти тигры встали под деревьями на задние лапы. Приглядевшись попристальнее, У Сун понял, что это люди, напялившие на себя тигровые шкуры; в руках они держали рогатины с пятью зубьями. Увидев У Суна, они перепугались не меньше его самого и прерывающимся от страха голосом стали его расспрашивать:

— Ты... ты... что же это, наверно, съел сердце лисы, печень барса и лапу льва и думаешь, что твоя храбрость спасет тебя? Как же ты осмелился ночью один и без оружия идти через перевал?! Да ты... ты... что, человек или оборотень какой?

— А вы-то кто такие? — в свою очередь спросил У Сун.

— Мы — здешние охотники, — ответили те.

— Так зачем же вы пришли на перевал? — снова спросил он.

— Ты что ж, с луны свалился, что ли? — удивлялись охотники. — Недавно на перевале Цзин-ян-ган появился огромный тигр и каждую ночь нападает на людей. От него погибло уже человек восемь наших охотников, а скольких этот зверь пожрал путников — и не счесть. Начальник нашего уезда приказал старостам всех деревень вместе с охотниками уничтожить зверя. Но он такой огромный, что и не подступишься. Кто же осмелится пойти на него? Из-за этого зверя мы уж столько палочных ударов получили, что счет им потеряли, а все никак его не поймает! Нынче ночью опять пришла наша очередь идти на зверя. Мы прихватили с собой человек десять крестьян, вокруг горы расставили в разных местах самострелы с отравленными стрелами, а сами притаились в засаде. И вдруг видим, что ты спокойно идешь с перевала. Вот мы и испугались. Но кто же ты все-таки такой? И видел ли ты тигра?

— Я из уезда Цинхэ, и зовут меня У Сун, второй в роду, — ответил он. — Я только что был на перевале, на лесной опуш-

ке, и наткнулся там на тигра. Ногами и кулаками я забил его до смерти.

Слушавшие его рассказ охотники так и застыли от изумления.

— Ну, это ты врешь! — сказали они наконец.

— Если не верите, взгляните на меня — я весь в крови.

— Да как же тебе удалось убить его? — спросили охотники.

Тогда У Сун подробно рассказал им о своей схватке с тигром. Слушая его, охотники лишь ахали от изумления да громко радовались. Потом они позвали крестьян, которых оказалось человек десять, вооруженных рогатинами, большими луками, кинжалами и пиками. Увидев их, У Сун спросил охотников:

— Почему же они не пошли на гору вместе с вами?

— Да тигр-то уж больно свирепый, вот они и не решились дальше идти, — ответили ему.

Когда все собрались, охотники попросили У Суна еще раз рассказать о том, как он убил тигра, и, выслушав его, никак не могли поверить.

— Ну, раз вы сомневаетесь, — сказал У Сун, — пойдемте со мной, и вы сами убедитесь.

У каждого из крестьян имелись при себе кремни и огниво. Они тотчас же высекли огонь, засветили факелы и двинулись на перевал вслед за У Суном. Когда они поднялись туда, то увидели мертвого тигра. Его огромная туша горой вздымалась на земле. Это зрелище доставило всем большую радость, и они тотчас же послали человека в деревню доложить об этом старосте и наиболее уважаемым жителям. Крестьяне привязали тигра к двум шестам и, взвалив на плечи, стали спускаться с перевала.

У подножия горы их встречало человек восемьдесят. Тушу убитого тигра торжественно пронесли перед всеми собравшимися; У Суна же усадили на носилки и понесли в деревню, в дом самого именитого жителя. Возле деревни их встречала большая толпа во главе со старостой.

Тушу опустили перед домом. Здесь собралось человек тридцать местных охотников, которые пришли поглядеть на У Суна и порасспросить его. Присутствующие почтительно спрашивали о его имени, а также откуда он родом. Он сообщил им, как его зовут, сказал, что уроженец соседнего уезда Цинхэ и в семье второй сын. Сейчас он возвращается на родину из Цанчжоу и вчера вечером так основательно выпил в

кабачке, что хмельной пошел через перевал и столкнулся с тигром. Он рассказал также, как забил тигра до смерти. Слушая его, присутствующие поражались и говорили:

— Вот это герой! Настоящий герой!

Охотники поднесли У Суну дичи и вина. Но после схватки с тигром он был так утомлен, что больше всего хотел спать. Тогда хозяин дома велел работникам приготовить ему постель в комнате для гостей и пригласил У Суна отдыхать.

На рассвете староста деревни отправил гонца в уездный город доложить о событии и приказал сделать носилки, чтобы отправить туда убитого тигра. Когда наступило утро, У Сун встал, умыл лицо и прополоскал рот. Возле дома в ожидании стояли все почетные жители села, которые принесли с собой баранью тушу и вино. У Сун оделся, повязал голову косынкой и, выйдя из комнаты, поздоровался с собравшимися.

Крестьяне преподнесли ему мясо и вино и сказали:

— Этот зверь погубил много человеческих жизней. Сколько охотников подвергалось из-за него наказанию палками! Но теперь благодаря такому мужественному человеку, как вы, наша местность избавлена от этого бедствия! Вы герой и оказали нам великое благодеяние. Теперь население деревни будет жить спокойно и путешественники смогут без страха проходить здесь.

— Это не моя заслуга, — отвечал, благодаря их, У Сун. — Если бы не вы, мне ничего не удалось бы сделать.

Все присутствующие поздравляли У Суна с победой и целое утро пировали. Потом принесли носилки, на которые уложили тушу убитого тигра. Многие жители подарили куски красного шелка, которыми украсили У Суна. Вещи свои У Сун оставил в деревне и, сопровождаемый жителями, двинулся в уездный город.

Как раз в это время прибыли гонцы начальника уезда, посланные встретить У Суна. Приветствуя его, они распорядились подать герою удобные носилки, которые держали четверо человек. Затем вся процессия двинулась в город. Впереди на носилках несли убитого тигра, который также был украшен ярко-красными шелковыми лентами.

А в это время жители города Янгу, прослышав о том, что какой-то смельчак, убивший на перевале Цзин-ян-ган огромного тигра, должен прибыть в город, все как один высыпали на улицы взглянуть на него. Город шумел, как потревожен-

ный улей. У Сун со своих носилок видел лишь море голов — народ заполнил все улицы и переулки: все вышли встречать его и посмотреть на тигра.

Когда процессия подошла к воротам уездного управления, начальник уезда был уже там и ожидал их прибытия. У Сун сошел с носилок, а тигра положили у входа. Взглянув на У Суна, а затем на тигра, шерсть которого отливала, как парча, начальник подумал: «Только такой человек мог справиться со столь огромным тигром» — и пригласил У Суна войти в управление. Войдя в зал, У Сун по этикету приветствовал начальника уезда, после чего тот спросил:

— Ну-ка, герой, победитель тигра, расскажите, как удалось вам убить этого зверя?

Тогда У Сун снова рассказал всю историю сначала. Выслушав его рассказ, все присутствовавшие так и замерли от изумления. Начальник уезда здесь же, в управлении, преподнес У Суну несколько чашечек вина и тысячу связок монет, собранных богатыми горожанами в подарок герою.

— Я не осмеливаюсь принять этого подарка, потому, — почтительно возразил У Сун, — что хоть я и убил тигра, но дело тут не в моей заслуге, а в счастье, которое сопутствует вам, господин начальник. Мне просто повезло. Я слышал, что из-за этого тигра пострадали местные охотники, и думаю, что будет всего справедливее разделить эти деньги между ними.

— Ну, если вы считаете, что нужно сделать именно так, то пусть будет по-вашему, — согласился начальник уезда.

И когда У Сун раздал присутствовавшим здесь охотникам деньги, начальник уезда понял, что он человек благородный, и решил назначить У Суна на должность начальника охраны.

— Хоть вы сами родом из города Цинхэ, но ведь отсюда это рукой подать. Поэтому я и решил предложить вам должность начальника охраны. Что вы на это скажете?

— Если вы находите возможным оказать мне подобную милость и назначить на столь почетную должность, то я сочту это благодеянием и буду помнить вас всю жизнь, — сказал У Сун, опускаясь на колени.

Тогда начальник уезда приказал тут же вызвать писаря и составить соответствующую бумагу. Таким образом, в тот же день У Сун сделался начальником местной охраны. Все именитые горожане пришли поздравить его с назначением и пожелать ему дальнейших успехов. Пять дней подряд продолжалось

празднество, а У Сун думал: «Возвращался я в свой родной город Цинхэ повидаться с братом и неожиданно-негаданно оказался начальником охраны в уезде Янгу». Начальнику уезда У Сун пришелся по душе, и слава о нем стала распространяться по всей округе.

Прошло несколько дней. И вот однажды, когда У Сун, выйдя из уездного управления, прогуливался, за его спиной вдруг раздался голос:

— Начальник У Сун! Вы пошли теперь в гору, так что и смотреть на меня не хотите!

Обернувшись, У Сун даже вскрикнул от удивления:

— Ай-я! Да как же ты очутился здесь?

Если бы У Сун не встретил этого человека в городе Янгу, возможно, не произошло бы кровавое убийство.

Вот уж поистине верно говорится:

Меч разъярившийся вскинулся вновь.

Снова сверкает багряная кровь.

Сабли взнесенной блеснит синева, —

Чья-то на землю летит голова.

Кто же окликнул У Суна, вы, читатель, узнаете из следующей главы.

Глава сорок первая,

повествующая о том, как в деревне Хуаньдаоцунь Сун Цзян встретился с богиней девятого неба Сюань-нуй и получил от нее Небесную книгу

Мы уже рассказали, как Сун Цзян во время пира заговорил о том, что ему придется еще раз покинуть лагерь.

— Вы спасли меня, — сказал он, — и привели к себе на гору. Вот уже несколько дней, как мы веселимся, и я чувствую себя вполне счастливым. Но я не знаю, что с моим старым отцом. Если начальник области Цзянчжоу доложит обо всем в столицу, то, несомненно, в Цзичжоу будет послано распоряжение арестовать мою семью в Юньчэне. Моему отцу грозит опасность. И мне пришла в голову мысль перевезти его сюда. Тогда уж я буду спокоен. Вот только не знаю, позволите ли вы мне это сделать, дорогие друзья.

— Почтенный брат, — отвечал Чао Гай, — отношения между отцом и сыном — самые главные отношения между людьми.

ми. Могу ли я задерживать вас здесь на пиршестве, когда ваш старый отец страдает дома? И как можем мы не согласиться с вашим желанием? Но вот только остальные наши братья изрядно натерпелись в эти дни и еще не привели себя в порядок. Хорошо, если б вы подождали день-два, пока мы выясним, сколько у нас народу и лошадей. А потом вы можете идти за своим отцом.

— Да, несколько лишних дней как будто ничего не значат, дорогой брат, — сказал Сун Цзян. — Только боюсь, что из Цзянчжоу могут послать срочное распоряжение в Цзичжоу немедленно схватить мою семью. Поэтому опасно откладывать, да я и не хочу брать с собой много людей. Пойду тайком один и вместе с моим братом Сун Цинем постараюсь быстро переправить отца сюда, в горы, так что ни одна душа в нашем селении не узнает об этом. А если со мной пойдет много народу, это может вызвать целый переполох, и мы испортим все дело.

— А вдруг по дороге с вами случится какая-нибудь беда, дорогой брат, ведь некому будет даже помочь вам, — возразил Чао Гай.

— Ради отца я и смерть приму безропотно, — отвечал Сун Цзян.

И, несмотря ни на какие уговоры, он твердо решил отправиться в путь в тот же день. Надев войлочную шляпу и привязав к поясу кинжал, он взял короткую палицу и пошел с горы. Все главари провожали его до Цзиньшатаня, а потом возвратились обратно.

Переправившись через озеро, Сун Цзян очутился на берегу около кабачка Чжу Гуя, а оттуда пошел по дороге к Юньчэну. Ему приходилось испытывать и голод и жажду. К концу пути, торопясь поскорее дойти до своего селения, он нигде не останавливался, пока не стемнело, но до дома так и не добрался. Тогда он завернул на постоялый двор. На следующее утро он отправился дальше, но пришел домой очень рано и спрятался в лесу. Переждав там до наступления вечера, он подошел к усадьбе и постучал в задние ворота. На его стук вышел Сун Цин. Увидев своего старшего брата, он от испуга даже вздрогнул и быстро спросил:

— Дорогой брат, как же это ты пришел домой?

— Я пришел только затем, чтобы увести отсюда отца и тебя, — отвечал Сун Цзян.

— Дорогой брат, о том, что ты сделал в Цзянчжоу, здесь уже всем известно, — сказал Сун Цин. — В нашем селении два начальника охраны ведут наблюдение за нашим домом — надеются поймать тебя. Мы находимся под надзором и не можем никуда двинуться. Ждут только распоряжения из Цзянчжоу, чтобы схватить нас, позадить в тюрьму и держать там до тех пор, пока не найдут тебя. И днем и ночью около двухсот солдат разыскивают тебя. Медлить нельзя, быстрее возвращайся в Ляншаньбо и попроси вожakov прийти и спасти твоих отца и брата.

Выслушав это, Сун Цзян до того перепугался, что весь покрылся холодным потом и, не осмеливаясь войти в дом, поспешно зашагал обратно в Ляншаньбо. В ту ночь луна светила тускло, и он не мог даже как следует разглядеть дорогу. Выбрав маленькую и уединенную тропинку, Сун Цзян пошел по ней. Прошло время одной стражи, и вдруг позади послышались крики. Сун Цзян остановился и прислушался: крики раздавались менее чем в двух ли от него. Затем он увидел множество пылающих факелов и услышал возгласы:

— Сун Цзян, остановись!

Но он быстро шел вперед и думал про себя: «Не послушался я Чао Гая, вот и попал в беду. О небо, сжался! Спаси Сун Цзяна!»

И вдруг впереди он заметил жилье и пошел прямо туда. Вскоре ветер рассеял легкие облака, и на небе показалась яркая луна. Тут только Сун Цзян понял, куда он попал, и от горя даже застонал. Это место называлось Хуаньдаоцунь — «деревня без сквозного проезда».

Со всех сторон она была окружена высокими отвесными неприступными горами, а у подножия гор бежал бурный поток. Туда вела только одна дорога. Всякий, кто приходил сюда с правой стороны, должен был уходить налево — так как никакой другой дороги не было.

Сун Цзян знал это место и уж совсем было решил повернуть обратно, но преследователи успели преградить ему дорогу; свет их факелов сверкал как яркое солнце.

Сун Цзяну ничего не оставалось, как поспешить вперед и искать там убежища. Он пробирался лесом и вскоре очутился возле старой кумирни. Толкнув обеими руками ворота, он вошел в кумирню и, осмотрев при свете луны все залы, не нашел уголка, где можно было бы укрыться. На сердце у Сун

Цзяна стало еще более тревожно. Тут он вдруг услышал, как кто-то снаружи сказал: «Начальник, он вошел в кумирню».

Сун Цзян узнал голос Чжао Нэна, но в сильном волнении так и не мог найти места, где бы спрятаться. Вдруг он заметил нишу, где стояла статуя бога — покровителя здешних мест. Сун Цзян отдернул покрывало и вполз туда, поставив свою палицу. Свернувшись в клубок, он спрятался за статуей, не смея перевести дыхания. И сразу же услышал, как люди с факелами вошли в кумирню. Осторожно выглянув, Сун Цзян увидел Чжао Нэна и Чжао Дэ, а за ними еще человек пятьдесят. При свете факелов они осматривали всю кумирню. Наконец дошли до зала, где находился Сун Цзян. «Ну, теперь мне конец, — подумал тот и стал повторять про себя: — Боги, спасите меня!»

Один за другим преследователи проходили мимо него, и никто из них не заглянул в нишу. «О небо, сжался надо мной!» — снова пробормотал Сун Цзян. И тут он увидел, как Чжао Дэ с факелом направляется к нише. «Ну, теперь все кончено», — опять подумал Сун Цзян. А Чжао Дэ, взяв кинжал, рукояткой отодвинул занавес и осветил факелом нишу снизу доверху. Но факел вдруг задымил, облако черной копоти ударило в глаза Чжао Дэ и ослепило его. Он бросил факел на землю, затоптал его ногой и, выйдя из зала, сказал:

— Этой твари в кумирне нет. Но ведь здесь всего одна дорога! Куда же он мог уйти?

— Больше некуда, как только вон в тот лес на горе, — отвечали стражники. — Нечего и думать, что он может уйти отсюда. Дорога-то ведь здесь одна, недаром деревня называется Хуаньдаоцунь. Кругом неприступные горы и леса, и нет ни одной тропинки, по которой можно было бы пройти. Вы, господин начальник, поставьте охрану у входа в деревню. И даже будь у него крылья, он и тогда не уйдет от нас! Вот рассветет, тогда мы пойдем в деревню и поищем его там.

— Ладно, — согласились Чжао Нэн и Чжао Дэ.

Они вывели стражников из кумирни, и Сун Цзян подумал: «Разве не бог защитил меня? Если мне удастся спастись, то я почию эту кумирню и сделаю новые...»

Вдруг он услышал, как несколько голосов закричали у ворот кумирни:

— Начальник, он здесь!

Тогда Чжао Нэн, Чжао Дэ и другие бросились обратно к кумирне. И Сун Цзян снова сказал про себя: «Ну разве у

меня не злая судьба! Уж сейчас-то они, конечно, захватят меня живым!» А Чжао Нэн, остановившись у ворот кумирни, спросил:

— Где же он?

— Пойдите сюда, начальник, и посмотрите! Вот здесь на воротах пыльные отпечатки пальцев! Он, наверно, только что открыл эти ворота и спрятался внутри.

— Ты прав! — отвечал Чжао Нэн. — Общитесь еще раз как следует.

Люди опять вошли в кумирню и принялись за поиски. А Сун Цзян думал: «И до чего же несчастная моя судьба. Уж теперь-то мне наверняка конец пришел!» А преследователи обошли кумирню, обыскали и перевернули все, за исключением разве одних стен. Войдя в зал, где находился Сун Цзян, Чжао Нэн сказал:

— Он должен быть в этой нише. Вы плохо искали там! Сейчас я сам посмотрю.

Солдат держал факел, а Чжао Нэн откинул занавес, и человек пять-шесть просунули свои головы в нишу. Не загляни они туда, не случилось бы никакой беды. Но как только они заглянули, из ниши подул свирепый ветер и погасил все факелы — в кумирне наступила такая темнота, что никто не видел друг друга.

— Вот странно! — удивился Чжао Нэн. — Откуда взялся вихрь в таком закрытом месте? Не иначе, как боги прогневались на нас за то, что мы разгуливаем тут с факелами, и послали сильный ветер. Пойдемте-ка отсюда. Лучше будем охранять проход в деревню, а на рассвете опять возьмемся за поиски.

— А все-таки эту нишу мы как следует не осмотрели, — заметил Чжао Дэ. — Давайте попробуем пикой.

— Дельно говоришь! — поддержал Чжао Нэн.

Но только они хотели приблизиться, как снаружи опять задул ужасный вихрь, подымая в воздух песок и камни, — казалось, что кумирня вот-вот перевернется. Черное облако спустилось и окутало все вокруг. У людей от страха кровь застыла в жилах и волосы встали дыбом. Тут Чжао Нэн, видя, что дело плохо, подозревал Чжао Дэ и сказал:

— Уйдем отсюда поскорее, брат! Боги прогневались!

И все ринулись из зала. Одни в спешке падали, другие, натываясь на них, тоже валились наземь и ползком пробира-

лись к дверям кумирни. Вырвавшись наружу, они вдруг услышали, как кто-то позади кричит: «Пощади нас!»

Чжао Нэн повернул обратно посмотреть, что там случилось, и увидел нескольких солдат, которые упали со ступенек, зацепившись одеждой за деревья, и никак не могли освободиться. Они побросали свои мечи и, дергая изо всех сил одежду, вопили о пощаде.

Притаившись в нише, Сун Цзян слышал все это и едва сдерживал смех.

Чжао Нэн высвободил солдат и вывел за ворота, где их встретили такими словами:

— Мы же говорили, что этот бог очень строгий, зачем же вам надо было затевать все это дело в кумирне? А теперь вы еще вызвали маленьких злых духов! Пойдемте охранять дорогу. Не может же беглец улететь!

— Правильно, — сказали Чжао Нэн и Чжао Дэ. — Мы должны охранять дорогу, и все!

И все они двинулись к единственной в деревне дороге.

А теперь расскажем о Сун Цзяне, который сидел в нише и горестно восклицал:

— Хоть и не схватили меня, но как же мне теперь уйти?

Размышляя и строя множество планов, из которых ни один не мог его спасти, Сун Цзян вдруг услышал, как с другого входа кто-то вошел в кумирню. И снова его охватила дрожь. «Опять беда! — подумал он. — Хорошо, что я еще не вышел отсюда!»

Два отрока в простых одеждах подошли к нише и сказали:

— Повелитель звезд, вас приглашает к себе богиня и хочет побеседовать с вами.

Но Сун Цзян не осмеливался ответить на такое приглашение. И отроки, стоявшие у ниши, снова сказали:

— Вас приглашает сама богиня, и вы, Повелитель звезд, можете идти свободно.

Но Сун Цзян и теперь не решался произнести хоть слово. Тогда отроки промолвили:

— Повелитель звезд, Сун Цзян, не медлите! Богиня давно ждет вас.

Их голоса показались Сун Цзяну нежными, как пение иволги или щебет ласточек, совсем не похожими на голоса мужчин. Высунувшись из ниши, он увидел двух девушек, стоящих по обе стороны входа. Но тут Сун Цзян даже вздрогнул от испуга:

это оказались не девушки, а две статуи, сделанные из глины. И снова до него донеслись слова: «Повелитель звезд, Сун Цзян, богиня ждет вас».

Сун Цзян раздвинул занавес и вышел. Здесь он увидел двух девушек в темных платьях; волосы их были высоко уложены. Обе они низко склонились перед Сун Цзяном. И он спросил их:

— Откуда вы, священные девы?

— Мы выполняем волю нашей богини и приглашаем Повелителя звезд пройти во дворец, — отвечали девушки.

— Священные девы, вы ошибаетесь. Мое имя Сун Цзян, и я не Повелитель звезд.

— Никакой ошибки тут нет. Просим вас, Повелитель звезд, пойти с нами. Богиня давно уже ждет вас, — твердили девушки.

— Какая богиня? — спросил Сун Цзян. — Ведь я никогда не поклонялся ей, как же я осмелюсь предстать перед ней?

— Когда вы придете туда, Повелитель звезд, то все узнаете сами, — сказали девушки, — а сейчас ни о чем не спрашивайте.

— А где же богиня?

— Она во внутреннем зале.

После этого девушки пошли впереди, а Сун Цзян последовал за ними. Обойдя внутренний зал, они очутились перед боковой дверью в стене.

— Повелитель звезд, господин Сун Цзян, войдите сюда, — пригласили девушки.

Вместе с ними Сун Цзян вышел в маленькую дверь и, оглядевшись, увидел луну и усеянное звездами небо. Легкий ветер доносил до него волны аромата. Со всех сторон здесь был густой лес и высокий бамбук. Сун Цзян подумал: «Так вот, оказывается, какое место за кумирней! Знай я об этом раньше, спрятался бы здесь, и не пришлось бы мне пережить весь этот страх».

Шагая вперед, Сун Цзян заметил, что вдоль низких стен в два ряда растут огромные сосны со стволами более чем в два обхвата. И дорога меж этими стенами была гладкая, как панцирь черепахи. «Кто бы мог подумать, что позади старой кумирни есть такая хорошая дорога», — сказал сам себе Сун Цзян.

Пройдя вслед за девушками не более одного ли, он услышал шум горной реки. А впереди открылся мост из синего камня с красными перилами. По берегам росли какие-то не-

обыкновенные цветы и травы, седые сосны и много бамбука, нежно-зеленые ивы и персиковые деревья, покрытые розовыми цветами. Под мостом бурлила вода. Отливая серебром и кружась, как снег, она вырывалась из пещеры под скалой. Проходя по мосту, Сун Цзян увидел впереди два ряда диковинных деревьев, а между ними — красные решетчатые ворота. Войдя в ворота, он увидел перед собой храм. «Я родился в Юньчэне, — подумал Сун Цзян, — но никогда не слышал об этом месте».

В душе он испытывал страх и не осмеливался двинуться дальше. Но девушки торопили его, повторяя:

— Повелитель звезд, пожалуйста, идите быстрее.

Они ввели его в ворота и приблизились к великолепной лестнице, украшенной изображениями драконов. По обе стороны веранды стояли красные колонны, между которыми висели вышитые занавеси. В центре находился большой храм, освещенный множеством свечей. Девушки провели Сун Цзяна по лестнице через веранду к храму, и там у входа, на ступеньках, он услышал голоса других священных дев:

— Повелитель звезд, богиня приглашает вас войти.

Сун Цзян вступил в храм, его охватил трепет, и волосы на голове шевелились. Плиты под его ногами были украшены драконами и фениксами. Девушки, которые привели его в храм, скрылись за занавесом и, обращаясь к богине, сказали:

— Тот, кого вы приглашали, — Повелитель звезд, Сун, ждет у входа.

Тогда Сун Цзян подошел к священному возвышению и, преклонив колена, распростерся на полу.

— Твой раб, — произнес он, — всего лишь ничтожный и недостойный смертный. Он не видел священного лика богини. Молю тебя о небесном милосердии, сжался надо мной.

Тогда голос из-за священного занавеса приказал:

— Пусть Повелитель звезд сядет.

Но Сун Цзян не осмеливался даже голову поднять. Тогда тот же голос приказал священным девам поднять его и усадить на фарфоровый стул. Сун Цзяну ничего не оставалось, как повиноваться, а голос богини опять прозвучал на весь храм:

— Откиньте занавес.

Несколько девушек быстро подошли и отдернули украшенную драгоценными камнями ткань, повесив ее на два золотых крючка. Тогда богиня спросила:

— Повелитель звезд, надеюсь, что все это время ты был в добром здоровье?

Сун Цзян поднялся и, низко кланяясь, отвечал:

— Я ведь простой смертный и не смею смотреть тебе в лицо.

— Но ты уже здесь, Повелитель звезд, — сказала богиня, — и тебе незачем выполнять все церемонии.

Только тогда Сун Цзян осмелился поднять голову. Он увидел сверкание золота и драгоценных камней, и зажженные лампы в виде драконов, и подсвечники в форме фениксов. По обе стороны стояли девы в темных платьях и держали опахала, а позади богини виднелся большой веер. В самом центре, на драгоценном царственном ложе, сделанном из фигур девяти драконов, восседала сама богиня. На ней было шелковое, тканное золотом одеяние. В руке она держала скипетр из белого нефрита. Лицо ее, с глазами ясными, как небо, было прекрасно.

— Подойди сюда, Повелитель звезд, — проговорила она и приказала поднести Сун Цзяну вина.

Девушки тотчас же принесли драгоценный кувшин в форме лотоса и налили из него в чашу вина. Одна из девушек поднесла чашу Сун Цзяну. Не смея отказаться, он встал, взял вино, затем опустился на колени и, глядя на богиню, осушил чашу до дна. Вино было такое тонкое и ароматное, что Сун Цзян почувствовал, будто какое-то просветление снизошло на него, и сладостная истома переполнила его душу.

Другая девушка подошла к нему с блюдом священных фиников и попросила отведать их. Со всей осторожностью, опасаясь, как бы не допустить какой-нибудь оплошности, Сун Цзян протянул руку и взял финик. Съев его, он спрятал косточку в руке. А девушка снова наполнила чашу и подошла к Сун Цзяну; он выпил вторую чашу, и тут богиня приказала налить ему третью. Затем девушка опять поднесла ему финики, и он съел еще два. Выпив три чаши священного вина и съев три финика, Сун Цзян почувствовал, что слегка опьянел. Опасаясь, как бы не опьянеть еще больше и не совершить какого-нибудь неблагоприятного поступка, Сун Цзян склонился перед богиней и сказал:

— Прошу богиню не угощать меня больше вином, потому что я не могу много пить.

И в храме прозвучал голос:

— Повелитель звезд не желает больше пить вина. Передайте ему угощать.

И, обращаясь к прислуживающим девушкам, богиня распорядилась:

— Принесите Небесную книгу и отдайте ее Повелителю звезд.

Тогда девушки удалились, вынесли на синем блюде книгу, завернутую в желтый шелк, и протянули ее Сун Цзяну. Взглянув на книгу, Сун Цзян увидел свиток около пяти цуней длины и около трех цуней ширины, но не осмеливался развернуть его. Почтительно склонившись, он принял свиток и положил его в рукав. Тогда богиня произнесла:

— Сун, Повелитель звезд, вручаю тебе священную книгу. Отныне ты можешь вершить законы неба. Если ты станешь вождем, будь верным, бескорыстным и справедливым к народу. Если ты будешь сановником, служи государству и охраняй мир для народа. Избегай лжи и иди по пути истины. Не забудь моих слов и никому об этом не рассказывай.

Почтительно выслушав сказанное, Сун Цзян низко поклонился. А богиня продолжала:

— Так как ты не искупил своих грехов и не завершил своего пути к добродетели, то Владыка неба временно наказывает тебя и посылает на землю. Но ждать недолго, ты снова вернешься в небесные чертоги. Только смотри, впредь не допускай ни малейшей ошибки! Стоит тебе лишь раз провиниться, и ты попадешь в ад. Даже я не смогу тогда спасти тебя. Пока ты на земле, читай эту книгу внимательно и постоянно, но только читай ее вместе с тем, чья звезда называется Законы неба. Никто другой не должен ее видеть. А когда ты завершишь свой подвиг, сожги эту священную книгу — ее нельзя оставлять на земле. Ты должен помнить все, что я приказываю! Сейчас я на небе, а ты на земле, и мы с тобой разделены; я не могу задерживать тебя. Иди! — И она приказала девушкам быстрее проводить Повелителя звезд обратно. — В следующий раз мы встретимся с тобой во дворце из красного нефрита за золотыми воротами.

Сун Цзян поблагодарил богиню, и девушки вывели его из храма через решетчатые ворота; проводив его до каменного моста, они сказали:

— Недавно ты пережил сильный страх, и, если бы богиня не взяла тебя под свое покровительство, ты был бы схвачен.

На рассвете все твои страхи исчезнут сами собой. А сейчас, Повелитель звезд, взгляни на воду под мостом, и ты увидишь двух играющих драконов.

Сун Цзян наклонился через перила моста и действительно увидел двух резвящихся в воде драконов. Тут девушки, пользуясь тем, что он засмотрелся, толкнули его. Сун Цзян вздрогнул и громко вскрикнул. Он проснулся и увидел, что все еще находится в кумирне. Тогда он выполз из ниши и, оглядевшись, заметил, что луна уже стоит высоко: была полночь — час, когда сбываются сны. Тут Сун Цзян обнаружил у себя в руке три косточки от фиников, а в рукаве свиток священной книги. Более того, во рту он чувствовал аромат вина.

«Действительно, все это очень странно, — подумал он. — Будто сон и вместе с тем — не сон. Если все это приснилось мне, так откуда в рукаве у меня взялась Небесная книга? И почему во рту вкус вина, а в руке косточки от фиников? И все, что богиня мне говорила, я помню, ни одного слова не забыл. Ну а если это не сон, так почему я все еще здесь, в этой нише? Богиня эта должна быть очень милостивой, раз она явилась мне в таком виде. Не знаю только, что это за богиня».

Отдернув занавес, Сун Цзян увидел ложе из девяти драконов и на нем прекрасную богиню, очень похожую на ту, что недавно явилась ему. И он подумал: «Богиня называла меня Повелитель звезд: видно, в предыдущей жизни я не был обычным человеком. Небесная книга мне еще пригодится, и я не забуду ни одного из священных указаний. Девушки в темных платьях сказали: „На рассвете все твои страхи исчезнут сами собой“. Сейчас начинает светать, и мне пора идти».

Протянув руку, он взял в нише свою палицу, подпоясался и, пройдя по веранде с левой стороны, осторожно спустился по лестнице. Оглянувшись по сторонам, он увидел старую таблицу, на которой были написаны четыре золотых иероглифа: «Храм богини Сюань-нуй». Тогда Сун Цзян, приложив руки ко лбу, с благодарностью прошептал:

— Какой стыд, что я не узнал ее! Ведь это же сама богиня девятого неба Сюань-нуй! Она дала мне Небесную книгу и спасла мне жизнь. Если только мне суждено остаться в живых, я непременно возвращусь сюда, почию эту кумирню и заново отстрою большой зал. Я поклоняюсь тебе, богиня, и прошу твоего покровительства.

После этого он стал тихонько пробираться на дорогу. Однако, отойдя недалеко от кумирни, он услышал неистовые крики. «Опять беда, — остановившись, подумал Сун Цзян. — Сейчас мне не пройти. Лучше спрятаться у дороги, вон за теми деревьями».

Едва успел он укрыться, как появились несколько стражников, которые, прерывисто и тяжело дыша, шли, опираясь на свое оружие и пошатываясь из стороны в сторону.

— О боги, спасите наши жизни! — зывали они.

Глядя на них из-за деревьев, Сун Цзян думал: «Что за чудо! Ведь они же охраняли выход из деревни и ждали меня, чтобы схватить. А сейчас почему-то спасаются?»

Тут Сун Цзян увидел Чжао Нэна, который кричал:

— О милостивые боги, спасите меня!

«Почему это они в таком смятении?» — недоумевал Сун Цзян. И в тот же миг увидел здорового полуголого детину с двумя боевыми топорами в руках. На бегу он во весь голос орал:

— Стойте, проклятые!

То, чего не разглядишь издали, становится ясным вблизи. Это был не кто иной, как Черный вихрь Ли Куй. «Не во сне ли я все это вижу?» — подумал Сун Цзян, не решаясь выйти из-за деревьев. Добежав до кумирни, Чжао Нэн споткнулся о корень сосны и упал на землю. А Ли Куй подскочил к нему и, наступив ногой на спину, прижал к земле. Замахнувшись огромным топором, он совсем уже было собрался ударить поверженного, но в это время сзади подбежали два молодца с войлочными шляпами за спиной и с мечами в руках. Впереди был Оу Пэн, а за ним — Тао Цзун-ван. Увидев их, Ли Куй подумал, что они захотят оспаривать честь победы и это испортит их братские отношения. Тогда он, недолго думая, одним ударом разрубил Чжао Нэна надвое. Потом он погнался за стражниками, но те разбежались кто куда мог. А Сун Цзян все еще не решался выходить. Затем он увидел еще троих удальцов, которые на ходу расправлялись с бежавшими. Впереди шел Рыжеволосый дьявол — Лю Тан, за ним Каменный полководец — Ши Юн, а третьим Бог смерти — Ли Ли. Сойдясь вместе, шестеро удальцов сокрушались:

— Врагов мы поубивали и разогнали, а нашего старшего брата так и не нашли. Что же нам теперь делать?

Вдруг Ши Юн закричал:

— Смотрите, вон там, за соснами, кто-то стоит.

Только тогда Сун Цзян осмелился выпрямиться и выйти.

— Благодарю вас, братья мои, — сказал он, — что вы опять пришли и спасли мне жизнь. Как я могу отплатить вам за такое благодеяние?

Увидев Сун Цзяна, удальцы очень обрадовались и воскликнули:

— Наконец-то старший брат нашелся! Надо скорее доложить об этом нашему начальнику Чао Гаю!

Ши Юн и Ли Ли сейчас же удалились, а Сун Цзян, обращаясь к Лю Тану, спросил:

— Как же вы узнали, что я здесь и нуждаюсь в помощи?

— Как только вы спустились с горы, — отвечал Лю Тан, — наши предводители Чао Гай и У Юн забеспокоились и попросили Дай Цзуна пойти за вами и разузнать, где вы находитесь. А потом Чао Гай послал еще и нас, чтобы мы помогли вам в случае какой-нибудь беды. На полпути мы встретили Дай Цзуна, который возвращался в стан. Он сообщил, что два черта преследуют вас. Чао Гай сильно разгневался и приказал Дай Цзуну идти в лагерь и поставить на охрану У Юна, Гун Сунь Шэна, трех братьев Юань, Люй Фана, Го Шэна, Чжу Гуя и Бай-шэна. Всем же остальным было приказано разыскивать вас, старший брат. До нас дошли слухи, что за вами началась погоня в деревне Хуаньдаоцунь. Всех, кто охранял вход в эту деревню, мы перебили, убежало лишь несколько человек. Но вдогонку им бросился брат Ли Куй, а за ним поспешили и мы. Вот уж никак не думал, что найдем вас здесь...

Не успел он договорить, как пришли Ши Юн и Чао Гай, а за ними Хуа Юн, Цинь Мин, Хуан Синь, Сюэ Юн, Цзян Цзин и Ма Линь. Затем появился Ли Ли, а с ним Ли Цзюнь, Му Хун, Чжан Хэн, Чжан Шунь, Му Чунь, Хоу Цзянь, Сяо Жан и Цзинь Да-цзянь. Все они приветствовали Сун Цзяна, а он благодарил их за спасение. Чао Гай сказал ему:

— Я предупреждал вас, уважаемый брат, чтобы вы не ходили один. Но вы не послушали моих ничтожных слов, и вам угрожала большая опасность.

— Я очень беспокоился за своего отца и не находил себе покоя ни ночью ни днем. Я должен был пойти за ним, — отвечал Сун Цзян.

— Но я могу обрадовать вас, — сказал Чао Гай. — Я приказал Дай Цзуну привезти в лагерь вашего почтенного ба-

тюшку, брата, а также всех домочадцев. И вот он с помощью Ду Цяня, Сун Ваня, Вана Коротконового тигра, Чжэнь Тяньшоу, Тун Вэя и Тун Мэна уже доставил их в лагерь.

Услышав это, Сун Цзян очень обрадовался и, поблагодарив Чао Гая, сказал:

— Вы оказали мне великую милость, и теперь я мог бы спокойно умереть.

После этого все они сели на коней и выехали из деревни. Сложив руки и подняв лицо к небу, Сун Цзян вознес благодарность богине и дал клятву отблагодарить ее.

У Юн вместе со всеми, кто оставался охранять лагерь, пришел в Цзиньшатань навстречу возвращающимся. Сначала все прошли в большой зал и там приветствовали друг друга, как это положено.

— А где же мой отец? — с беспокойством спросил Сун Цзян.

Чао Гай распорядился пригласить старого Суна. Через некоторое время появился Сун Цин Железный веер; он шел, поддерживая паланкин, на котором несли старика отца. Старому Суну помогли выйти из паланкина, и все вошли в зал. Увидев своего отца, Сун Цзян почувствовал такую радость, словно она была послана ему самим небом. Лицо его озарило широкой улыбкой, и, кланяясь отцу, он сказал:

— Дорогой мой отец, тебе пришлось пережить большое беспокойство. Я оказался плохим сыном и причинил тебе много неприятностей.

— Этот проклятый Чжао Нэн и его брат, — сказал тогда старый Сун, — каждый день присылали солдат и стерегли нас в ожидании приказа из Цзянчжоу о нашем аресте. Когда ты постучал в задние ворота усадьбы, в комнате сидело семь или восемь солдат. А потом они вдруг куда-то исчезли, и мы даже понять не могли, как это случилось. Ночью во время третьей стражи сотни две удалцов ворвались к нам в усадьбу, посадили меня на носилки, а брату твоему велели уложить сундуки и корзины и затем подожгли усадьбу. Не отвечая на наши вопросы, они доставили нас прямо сюда.

— Поблагодарим наших братьев за то, что мы снова встретились, — сказал Сун Цзян и велел своему брату Сун Циню поклониться, как положено, предводителям горного стана. А Чао Гай и все остальные, в свою очередь, почтительно кланялись старому Суну. После этой церемонии устроили пир в

честь встречи Сун Цзяна с отцом и братом. Веселье долго не прекращалось, и разошлись все поздно. А на следующий день пиршество возобновилось.

На третий день Чао Гай пригласил всех к себе. Во время пира Гун-Сунь Шэну пришла в голову мысль о том, что и он давно уже не был дома и не знает, как живет его старая мать в Цзичжоу. Пока все присутствующие выпивали, Гун-Сунь Шэн поднялся и, обращаясь ко всем начальникам, сказал:

— Я должен поблагодарить всех вас за то, что вы так хорошо относились ко мне и милостиво обходились со мной. С тех пор как я, скромный монах, пришел сюда с начальником Чао Гаем, мы постоянно пируем и веселимся. Но я ни разу не навещал мою старую мать. Боюсь также, что и мой старый учитель магии разыскивает меня. Поэтому я хочу пойти домой и навестить мать и учителя. Мы расстанемся с вами месяца на четыре-пять. Я повидаясь с учителем, позабочусь о матери, а потом вернусь в горный стан.

— Я слышал, — сказал Чао Гай, — что ваша почтенная мать живет на севере совершенно одна и некому о ней заботиться. Сейчас, когда вы об этом заговорили, я не могу удерживать вас. И все же мне не хотелось бы расставаться с вами. Я надеюсь, что через сто дней вы вернетесь к нам, как небожитель, верхом на священном журавле. Вы должны сдержать свое слово. Но если уж вы решили идти, то подождите хоть до завтра, и мы проводим вас.

— А почему бы вам не взять с собой несколько человек и не доставить вашу матушку сюда? — спросил Сун Цзян. — Тогда вы могли бы сами всегда заботиться о ней.

— Моя мать всегда любила спокойную и тихую жизнь и не переносит никаких волнений. Поэтому-то я и не могу привезти ее сюда. Дома у меня есть усадьба в горах, и мать может вести там хозяйство.

— В таком случае мы должны повиноваться вашим желаниям, — сказал Сун Цзян, — и надеяться на ваше скорое и благополучное возвращение. Чао Гай наполнил блюдо золотом и серебром и поднес Гун-Сунь Шэну, но тот сказал:

— Мне много не нужно, я возьму лишь на дорожные расходы.

Однако Чао Гай настоял на том, чтобы он взял с собой не менее половины, и подвесил ему деньги к поясу.

Гун-Сунь Шэн поблагодарил. В этот день они пировали до тех пор, пока не напились допьяна, и лишь потом разошлись отдыхать. На следующее утро около перевала все выпили вина и распрощались с Гун-Сунь Шэном. А он, в одежде странствующего монаха, с сумой у пояса и волшебным мечом за спиной, пустился в путь. На плечо он повесил шляпу из коры пальмового дерева, а в руке держал черепаховый веер.

Но тут Ли Куй Черный вихрь, не отходя от перевала, громко зарыдал.

Сун Цзян поспешно спросил:

— Дорогой брат, что тебя так огорчило?

— Обидно мне! — плача отвечал Ли Куй. — Один идет к отцу, другой хочет повидать свою мать, а что же я — из ямы какой-нибудь вышел, что ли?

— Так чего же ты хочешь? — заинтересовался Чао Гай.

— У меня тоже есть старая мать, — отвечал Ли Куй, — а мой старший брат живет в людях, и он, конечно, не может заботиться о ней и сделать ее жизнь счастливой. Я хочу пойти разыскать свою мать и привезти ее сюда, — пусть она хоть немного поживет хорошо.

— Ты правильно говоришь, брат мой, — похвалил его Чао Гай. — Я пошлю с тобой несколько человек, и вы привезете ее сюда. Это будет доброе дело.

— Нет, нет, — вмешался Сун Цзян. — Известно, какой нрав у нашего брата Ли. Если мы отпустим его, это к добру не приведет. Если даже послать с ним кого-нибудь, то из этого тоже ничего хорошего не получится. Брат Ли горяч, как огонь, и он по дороге обязательно с кем-нибудь да поскандалит. К тому же он в Цзянчжоу перебил немало людей, и кто там теперь не знает Черного вихря? За это время власти успели разослать приказ о его аресте. Как только он появится там, его схватят! Да и вид-то у нашего брата Ли очень страшный! Родина его далеко отсюда. Случись с ним беда, так мы об этом и не узнаем. Лучше уж переждать, пока все уляжется. И тогда не поздно будет навестить мать!

Однако эти слова только рассердили Ли Куя, и он закричал:

— Вы несправедливый человек, старший брат! Ваш отец здесь и счастлив, а моя мать должна жить в одиночестве и страдать! Разве этого не достаточно, чтобы лопнуть от злости?

— Не сердись, дорогой брат, — сказал на это Сун Цзян. — Но если ты хочешь идти, тебе придется выполнить три условия. Только тогда мы отпустим тебя.

— Какие же это условия? — спросил Ли Куй.

Подняв два пальца, Сун Цзян изложил ему три условия. И как будто суждено было, чтобы из-за этого Ли Куй

Потрясал небеса и глубины небес кулаками

И зверей поражал, что метались меж скал и ручьев.

Что же Сун Цзян сказал Ли Куя, об этом вы узнаете из следующей главы.

Глава семидесятая,

в которой рассказывается о том, как в зале Верности и Справедливости появляются небесные указания, высеченные на каменной плите, а также о том, как были распределены должности между героям
(фрагмент)

Мы рассказали вам уже о том, как Сун Цзян разгромил вначале Дунпинфу, а затем и Дунчанфу. И вот, вернувшись в лагерь, он стал подсчитывать всех главарей, как больших, так и малых. Оказалось, что их всего сто восемь человек. Сердце Сун Цзяна наполнилось великой радостью, и, обращаясь к своим друзьям, он повел такую речь:

— После разгрома, учиненного в Цзянчжоу, я попал сюда, в этот лагерь, и благодаря вашему доверию, доблестные герои, стал его главой. И вот сейчас я счастлив. После того как старший брат наш Чао Гай погиб, мы не раз выступали в поход, но всегда оставались невредимыми. И все это благодаря милостям неба, а вовсе не заслугам людей. Правда, некоторые из нас попадали в плен или в тюрьму; бывало, что возвращались ранеными, но все же оставались в живых. И вот сегодня все сто восемь человек собрались здесь. Поистине, подобного события до сих пор еще не было. В боях мы погубили много народу и никак не можем искупить этот грех. Так вот, мне хотелось бы устроить моление и принести жертвы небу и земле и всем другим духам за их милость и покровительство. Помолимся, во-первых, о том, чтобы боги сохранили нам спокойствие и радость; во-вторых, чтобы император по-

скорее озарил нас лучами своей милости и простил нам наши великие преступления. Ведь тогда мы могли бы отдать без остатка все свои силы, а если понадобится, и жизнь служению родине. И наконец, будем просить бога о том, чтобы душа небесного князя Чао Гая поскорее переселилась в рай и в будущей жизни мы могли бы снова встретиться с ним. Помолимся и о душах тех, кто погиб насильственной смертью, сгорел в огне или утонул в воде, чтобы искупить свою вину перед ними и вымолить для них счастливый путь. Вот то, что мне хотелось бы сделать, но я не знаю, каково будет ваше мнение, дорогие братья мои!

— Вы совершенно правы, — одобрили Сун Цзяна все остальные главари, — дело, которое вы предлагаете, хорошее и справедливое.

— Прежде всего мы попросим нашего брата Гун-Сунь Шэна взять на себя проведение всех этих церемоний, — сказал тут У Юн. — Затем надо разослать повсюду людей, которые разыщут даосских монахов высокой добродетели, пригласят их в лагерь, а также попросят их захватить все необходимое для совершения молебна. Кроме того, надо еще отправить кого-нибудь для закупки курительных свечей, бумажных изделий — лошадей, цветов и других предметов для жертвоприношения, а также постной еды и чистой пищи. В общем, всего того, что необходимо для данного случая.

Итак, решено было начать моление в пятнадцатый день четвертого месяца. Церемония должна была продолжаться в течение семи дней и семи ночей. На нее собирались потратить очень много денег. И вот начались приготовления. Незадолго до назначенного срока перед залом Верности и Справедливости были вывешены четыре огромных полотнища. Вдоль стен зала соорудили помосты в три яруса и на них расставили семь священных предметов, а также изображения трех божеств. Затем двумя рядами стояли двадцать восемь духов, управляющих сменой дня и ночи, и двенадцать — управляющих сменой месяцев. Словом, там были все боги-звезды, которые обычно принимают участие в молениях и жертвоприношениях. Возле зала поместили богов, которые должны были наблюдать за всей церемонией. Здесь же находились статуи богов-полководцев — Цуя, Лу, Дэна и Доу. И вот когда все боги были расставлены в полном порядке, стали готовить жертвенные предметы. Наконец все приготовления были закончены, и для совершения

церемонии пригласили монахов-даосов. Вместе с Гун-Сунь Шэном их было всего сорок девять человек.

День выдался прекрасный. На безоблачном небе сверкала луна, слегка дул мягкий ветерок. Сун Цзян, а за ним Лу Цзюнь-и, У Юн и остальные вожди подходили и сжигали курительные свечи. Всей церемонией распоряжался Гун-Сунь Шэн; он установил порядок песнопений и вместе с остальными сорока восьмью монахами три раза в день совершал молебствия. На седьмой день, когда моления были закончены и монахи разошлись, Сун Цзян, желая получить ответ неба, велел Гун-Сунь Шэну три раза в день писать жертвенные изречения красными иероглифами на зеленой бумаге и сжигать их в качестве подношения владыке неба.

На седьмой день в третью ночную стражу Гун-Сунь Шэн находился на первом ярусе жертвенного помоста, монахи на втором, Сун Цзян с большими главарами на третьем, а малые главари и начальники стояли на площадке возле жертвенного сооружения. Все они усердно молили небо ниспослать им ответ. И вот ночью, когда наступила третья стража, со стороны северо-западных ворот неба раздался звук, похожий на звук раздираемого шелка. Все посмотрели в том направлении и увидели там большое золотое блюдо с двумя заостренными конусами, а между ними пустое пространство, которое называлось «Открытие небесных ворот», или «Открытие небесных глаз», откуда исходило ослепительно яркое сияние, которое переливалось всеми цветами радуги, словно сверкание солнечных лучей в легком тумане. В центре этого сияния появился огненный шар, формой своей напоминавший корзину, который, вертясь, опустился прямо на место жертвоприношения. Описав круг над алтарем, шар исчез в южной стороне, уйдя в землю. В этот момент небо закрыло свои глаза — и все монахи сошли с возвышения. Сун Цзян велел принести мотыги и лопаты, вскопать землю и отыскать скрывшийся там огненный шар. Но не успели они вырыть яму в три чи глубиной, как увидели каменную плиту, с двух сторон испещренную небесными письменами.

Тут Сун Цзян приказал везде жечь жертвенную бумагу. Когда рассвело, монахов покормили постной пищей, а затем Сун Цзян награждал каждого из них за труды золотом и шелком. Лишь после этого Сун Цзян взял каменную плиту в руки и увидел, что вся она покрыта иероглифами в стиле Кэдоу. Никто из присутствующих не знал, как прочесть их.

Но в этот момент один из монахов, по фамилии Хэ (монашеское имя его было Сюань-тун), обращаясь к Сун Цзяну, сказал:

— У меня дома есть книга, которая досталась мне от моих предков. Эта книга может растолковать все небесные письмена. Написана она древним стилем Кэдоу, и поэтому я научился хорошо разбираться в нем; разрешите мне перевести вам написанное, и вы узнаете, что тут такое.

Услышав это, Сун Цзян очень обрадовался и почтительно передал каменную плиту монаху. Тот долго рассматривал плиту и наконец сказал:

— Здесь выгравированы имена только благородных людей. С правой стороны плиты написаны следующие четыре иероглифа: «Осуществляйте справедливость во имя неба», и с другой стороны также четыре иероглифа: «Будьте совершенными в верности и справедливости». Наверху изображены Северное и Южное созвездия, а внизу написано ваше уважаемое имя. Если вы разрешите мне, я могу подробно прочитать вам, что здесь написано.

— Мы бесконечно счастливы, высокочтимый отец, что судьба послала вас сюда и вы поможете нам прозреть. И если только вы удостоите нас своими наставлениями, мы будем глубоко признательны вам за столь великую милость. Поэтому прошу вас не скрывать ни единого слова, если даже там будет упрек нам. Я очень надеюсь, что вы разъясните нам всю надпись, не утаив ни слова.

После этого Сун Цзян приказал волшебному писцу Сяо Жану записать на желтой бумаге то, что скажет монах. Итак, монах начал:

— На лицевой стороне плиты высечено тридцать шесть строк из Небесной книги — это названия звезд. На обратной стороне семьдесят две строки — это уже имена грозных и могущественных звезд. Внизу же написаны имена добродетельных и справедливых героев.

Так вот, на лицевой стороне таблицы высечено: «Тридцать шесть могущественных и доблестных небесных звезд» — это тридцать шесть отважных героев Ляншаньбо:

.....

На этом монах Хэ закончил свои разъяснения Небесной книги, а Сяо Жан записал все, что он сказал. Когда присутствовавшие прочитали эту запись, они удивились и даже

напугались. Тогда Сун Цзян, обращаясь к остальным главам, сказал:

— Мне, маленькому и ничтожному чиновнику, самим небом предназначено быть главной звездой среди других звезд. Вы, братья мои, когда-то были людьми из одной компании. Но небо повелело нам собраться здесь ради правого дела. Количество наших главарей предопределено сейчас, и каждый из нас уже занимает соответствующую должность. Необходимо строго выполнять свой долг и не ссориться из-за места. Волю неба нарушать нельзя!

— Все это предопределено самой судьбой, так кто же осмелится нарушить волю неба и земли?! — отвечали хором присутствующие.

Тогда Сун Цзян достал пятьдесят лян золота и отдал монаху Хэ за труды. Остальные монахи также получили вознаграждение, собрали все предметы, необходимые для моления, и покинули лагерь.

Однако мы не будем говорить здесь о том, как добирались монахи к себе домой, а расскажем лучше, как Сун Цзян держал совет с военным советником У Юном, Чжу У и другими главарями. На совете было решено установить в зале дощечку с написанными на ней большими иероглифами: «Зал Верности и Справедливости», а также повесить большую таблицу над павильоном Нерушимой дружбы, перед которым сделать три прохода. Позади зала Верности и Справедливости построить террасу формы летящего дикого гуся, а на самой вершине горы построить большой зал с двумя пристройками — с восточной и западной стороны. В главном зале следовало установить алтарь с таблицей в честь небесного князя Чао Гая. Помещения с восточной стороны предназначались для Сун Цзяна, У Юна, Люй Фана, Го Шэна, с западной — для Лу Цзюнь-и, Гун-Сунь Шэна, Кун Мина и Кун Ляна. На втором холме дома, расположенные с левой стороны, — для Чжу У, Хуан Синя, Сунь Ли, Сяо Жана и Пэй Сюаня, и с правой стороны — для Дай Цзуна, Янь Цина, Ань Дао-цюаня, Хуан-Фу Дуаня.

.....

Обязанности были распределены также и между остальными главарями. Были установлены новые образцы боевых знамен и решены другие вопросы. На вершине горы был установлен флаг цвета абрикоса. На флаге было написано пять

слов: «Во имя неба осуществлять добродетель». Перед залом Верности и Справедливости установили два вышитых красных флага. На одном из них была надпись: «Защитник справедливости из Шаньдуна», а на втором — «Нефритовый Цилинь из Хэбэя».

Были установлены еще и другие знамена. Например: знамя летающего дракона, летающего тигра, летающего медведя, летающего барса, черного дракона, белого тигра, Южного созвездия, Северного созвездия, знамя желтой алебарды, белого бунчука, синее знамя, черный зонт, знамя с темно-красными кистями и большой черный стяг. Кроме всех этих знамен и полотнищ, которые были предназначены для центрального отряда, были установлены еще знамена девяти небес, знамя Большой Медведицы, знамя трех сил природы и девяти сияний, знамя двадцати восьми звезд зодиака, знамя шестидесяти четырех триграмм и девяти чертогов, восьми триграмм неба и сто двадцать четыре знамени блюстителей неба. Все полотнища и знамена изготовил Хоу Цзянь, а военные бирки и печати — Цзинь Да-цзянь.

Наконец все было закончено, выбрали счастливый день и забили коров и лошадей, чтобы принести жертву духам неба и земли и остальным. В зале Верности и Справедливости, а также в павильоне Нерушимой дружбы красовались новые надписи и был поднят стяг абрикосового цвета с надписью: «Во имя неба осуществлять добродетель».

В этот день Сун Цзян устроил большое пиршество. Он сам принес свои бирки и печати и объявил собравшимся следующее:

— Братья мои, занимающие большие и малые должности! Каждый из вас со всем усердием и прилежанием должен выполнять ту работу, которая поручена ему. Во имя долга и справедливости никто не смеет нарушать установленных законов. Того, кто сознательно нарушит порядок, мы будем беспощадно, без всякого снисхождения, судить по военным законам.

И после этого он зачитал такой приказ:

«Главными командирами всех отрядов в Ляншаньбо назначаются: Охраняющий справедливость — Сун Цзян и Лу Цзюнь-и Нефритовый Цилинь. Два советника, управляющие всеми военными делами: У Юн Мудрый и Взлетающий в облака дракон — Гун-Сунь Шэн. Еще одним советником по

военным делам, который будет совместно с указанными выше обсуждать и решать все военные вопросы, назначается талантливый военный советник Чжу У. Заведовать казной и продовольственными складами будут два командира — Чай Цзинь Маленький вихрь и Орел, взмывающий к облакам, — Ли Ин. Командовать конницей я назначаю пять командиров:

И вот, когда глава лагеря Ляншаньбо Сун Цзян закончил чтение своего приказа и распределение обязанностей между всеми главарями было завершено, каждый из них получил бирки и печати. Затем был устроен пир. К концу торжества все главари были совершенно пьяны и разошлись по своим домам.

А те, которые еще не получили определенного назначения, собрались вокруг зала Дикого гуся и стали ждать. Вот как восхваляет автор одного сочинения жизнь в Ляншаньбо:

«Со всех сторон, из всех областей собрались сюда люди разного происхождения и зажили одной семьей. В этом сущность главных грозных созвездий неба и земли и красота объединения героев среди людей. На пространстве в тысячу ли они встречаются и утром и вечером, и их сердца слиты воедино. Они, эти люди, готовы жить и умереть вместе. И хоть по своему внешнему виду и по языку они отличаются друг от друга, так как пришли с разных концов страны, но каждый из них питает к другому глубокую симпатию и всех их объединяет чувство верности, искренности, высокого долга чести и взаимного доверия. Среди них есть и потомки императоров, и монахи, выходцы из богатых, состоятельных семей, и полководцы, и чиновники; одним словом, здесь собрались самые различные люди, вплоть до охотников, рыболовов и даже убийц и палачей, однако все они одинаково относятся друг к другу и называют друг друга братьями. Здесь нет разделения на благородных и подлых. Более того, они живут между собой как родные братья. Есть тут и супружеские пары, и дядя с племянником, а также слуги, следовавшие за своими господами и стремившиеся к тому, чтобы отомстить за обиды. Все они наравне с другими принимают участие в пиршествах и веселятся. Никто не чуждается друг друга. Есть среди них умные и просвещенные, глупые и невежественные, есть деревенские простаки и хорошо воспитанные, изящные люди, но раздоров и подозрений тут не бывает. Каждый верит другому

и понимает его. Есть среди них искусные составители бумаг, красноречивые ораторы, а также люди, мастерски владеющие мечом или копьем, ходоки-сороходы. Словом, каждый постиг в совершенстве какое-нибудь искусство и использует его здесь. Как жаль, что среди писак-клеветников не нашелся волшебник, который смог бы описать все это хорошим языком. Он надолго оставил бы память. Люди из Ляншаньбо больше всего ненавидели богачей, которые нечестным путем наживали себе состояние. Для них было счастьем уничтожать подобных людей, они считали это своей заслугой перед богами. На пространстве в пятьсот ли жило сто восемь доблестных героев. В прежнее время часто можно было слышать их имена среди вольного люда, вести о них разносились словно ударами в древний колокол. И лишь теперь мы можем называть их имена в ряду созвездий, подобно тому как перебираем одну за другой четки во время молитвы. Что же касается Чао Гая, то он не решился называться князем, а потому и отошел в другой мир преждевременно. Сун Цзян исполнил желание всех и, стремясь защищать справедливость, согласился стать главарем лагеря. Стоит ли говорить о том, как он созывал людей в горы? Ведь он всегда мечтал вступить на правильный путь и сделать опорой императорского трона».

И вот, когда в зале Верности и Справедливости были отданы все приказы и распоряжения, Сун Цзян выбрал счастливый день, совершил возжигание курений и приказал бить в барабаны и созывать всех главарей. Когда все собрались, Сун Цзян обратился к присутствующим:

— У нас сейчас многое изменилось. И я хочу сказать вам несколько слов. Все мы объединены в небесные и земные созвездия и должны принести небу клятву о нашем союзе, о том, что у нас не будет никаких раздоров и до конца дней своих мы будем поддерживать друг друга в бедствиях и несчастьях и все наши силы отдадим на защиту государства и блага народа.

Речь его всех порадовала, и вот, совершив возжигание благовоний, каждый из них опустил на колени, и Сун Цзян от имени всех дал клятву:

«Я — ничтожный и маленький чиновник, неученый и неспособный — не ведаю, почему на меня возложена такая трудная обязанность. Но я чувствую, что близится назначенный срок. Поэтому я собрал своих братьев в Ляншаньбо и объединил всех

героев на водных пространствах. Нас всего сто восемь человек, что совпадает с небесным предначертанием, а также со стремлениями людей. Мы клянемся! Пусть небо и земля казнят самой лютой смертью того, кто забудет добродетель и будет попираť великое дело справедливости. Пусть все боги обрушатся на него, и пусть он нигде в течение десяти тысяч столетий не вернется к человеческой жизни; пусть навсегда погрузится он в море страданий и бедствий. Наше желание — строго охранять в сердце своем верность и справедливость, отдать все свои силы на служение нашей родине и во имя неба осуществлять на земле справедливость и обеспечить мир и порядок для народа. Пусть боги и небо будут свидетелями наших стремлений, а если мы нарушим свою клятву, то готовы понести за это тяжкую кару».

Все присутствующие выразили свое согласие всегда выполнять клятву, вечно быть вместе и никогда друг с другом не разлучаться. В знак того они помазали кровью губы и разошлись лишь тогда, когда напились допьяна.

А сейчас, читатель, послушайте, что я вам скажу. Высокое чувство долга и справедливости людей, о которых только что шла речь, воспето в стихах:

Сияние от земли взметнулось в небо.

Небесные созвездия и земные созвездия спустились к людям,
Если говорить об этом, то от дерзости даже мороз пробирает по коже.
Если же говорить о местах, где это происходило, то даже у героев дух захватывает.

Все стоящие за справедливость и равнодушные к богатству стекались на водные пространства в Ляншаньбо.

Туда же собрались и те, кто горел чувством мести.

Перед залом были зачитаны небесные письма. Но мы не станем утруждать вас подробным описанием.

3) У ЧЭНЬ-ЭНЬ (1500?–1582). ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД

У Чэнь-энь, второе имя Жу-чжун, литературное прозвание Шэян-шаньжэнь (Добродетельный из Шэяна), уроженец юго-восточного региона Китая (область Хуайань, провинция Цзянсу), — первый китайский романист, о жизни которого сохранились достаточно подробные сведения. Он родился

предположительно в 1500 или 1506 г. (называются также 1505, 1510 гг.) в семье обедневших служилых интеллигентов (его дед ведал местными школами) и уже с детства выделялся среди сверстников начитанностью и любовью к художественной словесности. Однако он смог сдать экзамен первой ступени и получить степень *сюця* только в возрасте 28 лет, после чего год за годом терпел неудачи на экзаменах следующей ступени, несмотря на то что его литературные дарования получали все большую известность и он был лично знаком со многими примечательными личностями — литераторами, поэтами, сановниками. В 1544 г. У Чэнь-энь смог наконец-то получить степень *гуниэна* (по результатам экзаменационного испытания уездного уровня) и стипендию для продолжения образования в столице — подготовки к столичным экзаменам. В Пекине он провел почти 8 лет (с 1545 по 1554 г.), установил тесные дружеские связи со столичными литературными кругами, хотя вновь не сумел выдержать экзаменационные испытания. Следующий этап жизни У Чэнь-эня — его пребывание в Нанкине (с 1554 по 1558–1599 г.), где он по-прежнему добывал заработок литературным трудом. Из Нанкина У Чэнь-энь возвратился домой, не оставляя надежды сдать все-таки злополучный экзамен. Степень *гуниэна* давала ему право время от времени вести уроки в уездном училище, что не спасало его от бедности. В 1562 г. У Чэнь-энь вновь отправился в Пекин, на этот раз намереваясь получить хоть какое-то назначение на службу. Но только в 1564 г. и после многократных просьб и унижений он был назначен на мелкий пост — помощник начальника уезда в провинции Чжэцзян. Спустя два года, полностью разочаровавшись в своей служебной деятельности, У Чэнь-энь подал в отставку и вернулся домой. С 1573 по 1582 г. (т.е. вплоть до самой смерти) невзирая на бедность он самозабвенно трудился над главным произведением своей жизни — романом «Путешествие на запад», но, написав 100 глав, так и не успел его закончить.

Кроме «Путешествия на запад», У Чэнь-эню принадлежат многочисленные поэтические произведения¹, сочинения в

¹ Кроме переводов стихотворений У Чэнь-эня в тексте романа см. также: *Рогачев А.П.* У Чэнь-энь и его роман «Путешествие на запад». М., 1984. С. 28.

других литературных жанрах¹, включая еще два романа — «Треножник императора Юя» и «Новое издание цветов и трав», которые не сохранились.

Сюжетное ядро романа «Путешествие на запад» составляет история паломничества в Индию прославленного танского буддийского деятеля — Сюань-цзана (600?–664), совершенного им в 30-е гг. VII в. Сюань-цзан оставил записи об этом паломничестве — «Записки о Западном крае во времена Великой Тан», которые и послужили основным источником для последующих повествовательно-литературных версий рассказов о нем самом и о его путешествии. Примечательно, что уже в этих «Записках» содержался отчетливый фантазийный элемент, способствующий дальнейшей «фольклоризации» таких рассказов. Вскоре после смерти Сюань-цзана начали появляться его жизнеописания — «Деяния Трипитаки², наставника Сюань-цзана, при Великих Танах», «Жизнеописание наставника Трипитаки из монастыря Великого милосердия времен Великих Танов» и т.д., содержащие в целом достоверные описания многочисленных трудностей и препятствий, которые был вынужден преодолевать Танский монах (принятое впоследствии прозвание Сюань-цзана), демонстрируют, однако, склонность к его обожествлению как существу, наделенному необыкновенными качествами и находящемуся под божественным покровительством.

В сунскую эпоху стали создаваться и собственно литературные произведения на данную тему, первое из которых — «Сказ со стихами о Трипитаке, добывшем при Великих Танах священные книги», — относится исследователями либо к жанру *хуабэнь*, либо к особому типу сказительских либретто (*шихуа*)³. В содержательном плане он представляет собой очеред-

¹ Наиболее полной коллекцией литературного наследия У Чэнь-эня является собрание его сочинений из 4 глав-*цзюаней*, изданное в 1590 г.; однако известно, что многие рукописи бесследно исчезли после его смерти.

² Трипитака (дословно «Три корзины/сокровищницы») — общее название буддийского канонического свода. Такого почетного прозвания Сюань-цзан удостоился за то, что он привез из Индии внушительное число буддийских текстов, часть которых — 75 сочинений общим объемом в 1335 глав-*цзюаней* — была переведена им лично и совместно с учениками на китайский язык, войдя в состав китайского варианта «Трипитаки».

³ Перевод этого произведения на русский язык см. в: Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги / Пер., вступ. ст. и прим. Л. К. Павловской. М., 1987.

ной шаг в сторону беллетризации исторического паломничества Сюань-цзана, и, кроме того, в нем появляются персонажи, послужившие прообразом главных действующих лиц романа У Чэнь-эня. И наконец, юаньская эпоха ознаменовалась созданием драматургических версий данного сюжета — пьес, посвященных всему паломничеству или разрабатывающих один из его эпизодов: «О Танском Трипитаке, добывшем на западе священные книги» У Чан-лина, «Путешествие на запад» Ян На, «Монах, принесенный рекой», — все они сохранились только во фрагментах.

Несмотря на существование столь обширной предшествующей литературы, роман У Чэнь-эня является полностью оригинальным произведением, обладающим авторским художественным замыслом и разработкой образов его героев, правомерно сопрягая с ним качественно новую веху в эволюции китайской романистики. У Чэнь-энь окончательно преобразил историческое паломничество Сюань-цзана в полное самых невероятных приключений и событий фантазийное странствование, в продолжение которого герои посещают волшебные страны, встречаются или вступают в противоборство с божествами и духами. Перед нами уникальный сплав из местных мифов и легенд, древних псевдогеографических сочинений, даосских верований, буддийской житийной, назидательной и религиозной литературы, объединенных увлекательным сюжетом с неожиданными поворотами, авантурными моментами и комическими сценами. Благодаря этим достоинствам «Путешествие на запад» считается непревзойденным шедевром китайской художественной литературы.

Главными действующими лицами романа являются, помимо Танского монаха, Царь обезьян — Сунь У-кун, образ которого восходит к образу могущественной богообезьяны Хануман из индийского эпоса «Рамаяна», также фантастическое существо Боров (Чжу Ба-цзе), правда, он имеет вполне человеческий облик, передвигается на двух ногах и владеет человеческой речью. Названные персонажи столь красочны и рельефны, что впоследствии превратились в излюбленных героев всей национальной художественной литературы.

На русском языке имеется полный перевод «Путешествия на запад», выполненный А. П. Рогачевым, в: У Чэнь-энь. Путешествие на запад / Вступ. ст., пер. и прим. А. Рогачева; Пер. стихов под ред. А. Адалис и И. Голубева. М., 1959. Т. 1—4.

Глава пятая,

из которой вы узнаете о том, как Сунь У-кун расстроил Персиковый пир и украл эликсир бессмертия, а также о том, как он учинил дебош в небесных чертогах и небожители устроили поход против волшебной обезьяны

По правде говоря, Мудрец, равный небу, был всего-навсего волшебной обезьяной. В чинах и званиях он совершенно не разбирался, деньги его тоже не прельщали, и больше всего ему хотелось, чтобы имя его значилось в списках небожителей. Жил он во дворце, где к нему были приставлены чиновники двух департаментов. Три раза в день наш Мудрец принимал пищу, по ночам великолепно спал, не знал забот и наслаждался полной свободой.

Все свое время он употреблял на встречи с друзьями, прогулки во дворец и на завязывание знакомств с обитателями неба. Из всех небожителей он должен был с особым почтением относиться только к троице буддийского божества и правителям четырех небес, называя буддийское божество «препоже девяти планет, зенита и четырех стран света, двадцати восьмик созвездий, четырех небесных правителей, двенадцати знати Сунь У-кун обращался как равный с равными.

Свои прогулки Сунь У-кун совершал на облаках. Сегодня он отправлялся на восток, завтра держал путь на запад. В своих передвижениях он не ставил перед собой каких-нибудь определенных целей, а летел куда ему вздумается. Но вот однажды во время утреннего приема у императора из рядов придворных выступил бессмертный по имени Сюй Цзин-ян и, склонившись перед императором, молвил:

— Почтительно довожу до сведения вашего величества, что Великий Мудрец, равный небу, проводит время в безделье и праздности. Он со всеми перезнакомился, и сейчас все души звезд, как высших, так и низших, стали его закадычными друзьями. Боюсь, как бы он не натворил беды. Не лучше ли дать ему какую-нибудь работу?

Император тут же велел привести Царя обезьян. Сунь У-кун явился в радостном настроении:

— Вы звали меня, ваше величество, конечно, для того чтобы объявить мне о повышении или награде?

— Мы слышали, — отвечал император, — что у тебя нет сейчас подходящего дела, и решили дать тебе работу. Отныне ты будешь охранять Персиковый сад, надеюсь, что к своим новым обязанностям ты отнесешься с должным усердием.

Подобная милость доставила Великому Мудрецу огромное удовольствие. Он поблагодарил императора и, отдав ему почести, удалился. Горю нетерпением вступить в новую должность, Сунь У-кун поспешил в Персиковый сад. Но, когда он приблизился, Дух-сторож преградил ему дорогу:

— Куда вы направляетесь, Великий Мудрец?

— Нефритовый император повелел мне наблюдать за Персиковым садом, и вот я прибыл сюда, чтобы осмотреть мои новые владения.

Тогда Дух оказал Сунь У-куну все полагающиеся почести и позвал землекопов, водоносов, подметальщиков, чтобы представить их новому начальнику. Работники поклонились ему до земли, а потом провели в сад. Что за волшебная картина открылась перед глазами Сунь У-куна!

Качаются; блестят на солнце
Деревьев стройные ряды,
Одни — еще цветут прекрасно,
А на других — висят плоды.

На кожуцу плодов — узоры,
Как на парчу, легко легли;
Под тяжестью плодов созревших
Склонились ветви до земли.

Но только раз в тысячелетье
Деревья ведают расцвет,
Для них значенья не имеют
Ни миг, ни десять тысяч лет.

Созрев, плоды в румянце алом
Казались от вина пьяны,
На черенках еще висели
Те, что остались зелены;

Под солнцем искрились янтарно,
А у корней трава росла,
И ни в какое время года
Она увянуть не могла.

Везде встречались там беседки,
Менялись радуги цвета,
И поражала, ослепляла
Неведомая красота.

Ведь не простой садовник смертный
Творцом был этаких чудес:
Сад посадила драгоценный
Ван-му — владычица небес.

— Сколько же здесь деревьев? — спросил Великий Мудрец.

— Деревьев здесь три тысячи шестьсот, — отвечал Дух. — В начале сада растут деревья с мелкими цветами и небольшими плодами, их всего тысяча двести. Плоды на них созревают раз в три тысячи лет. Тот, кто вкусит эти плоды, превращается в бессмертного, познавшего истину; тело его становится крепким и легким. В центре сада растет еще тысяча двести деревьев. Цветут они в несколько слоев и имеют сладкие плоды, которые созревают раз в шесть тысяч лет. Тот, кто отведал этих плодов, остается вечно юным; он может свободно подниматься на облаках и туманах. И в конце сада вы увидите еще тысячу двести деревьев. Плоды у них пурпурного цвета, с бледно-желтыми косточками. Созревают они раз в девять тысяч лет, и тот, кто отведал этих плодов, становится равным небу и земле, вечным, как солнце и луна.

Все, что услышал Сунь У-кун, привело его в восторг. Он сразу же проверил, в порядке ли деревья, пересчитал беседки, пагоды и павильоны, после чего вернулся в свой дворец. В дальнейшем раз в пять дней, а то и чаще Сунь У-кун с удовольствием посещал сад. Теперь он уже не встречался со своими друзьями и не путешествовал.

Но вот однажды высоко на деревьях он заметил много спелых персиков. Ему захотелось отведать свежих плодов, но, как нарочно, его всегда сопровождал кто-нибудь из служителей — то Дух, то работники сада. В этот раз он решил во что бы то ни стало избавиться от своих провожатых.

— Вы можете идти, — сказал он им. — Я что-то устал и, пожалуй, отдохну немного здесь, в беседке.

Оставшись один, Царь обезьян сбросил одежду и, вскарабкавшись на дерево, принялся рвать самые крупные и спелые плоды. Когда персиков собралось очень много, он пристроился

на ветвях и стал с наслаждением уплетать их. Вдоволь наевшись, Сунь У-кун спустился вниз, облачился в свои одежды, позвал свиту и торжественно вернулся в свои покои. Дня через три он снова нашел способ, чтобы полакомиться персиками.

Но вот однажды царица неба Ван-му задумала устроить Персиковый пир. Для этого праздника были отведены драгоценные залы и Дворец заводи зеленого нефрита. Царица приказала феям-служанкам — в красном, синем, черном, пурпурном, желтом и зеленом одеяниях — отправиться с корзинами в сад и собрать там персиков. У ворот феи встретили Духа, слугителей сада и чиновников двух департаментов.

— Царица Ван-му приказала нам собрать персиков для пира, — молвили феи. — Мы пришли сюда выполнить ее поручение.

— Придется вам обождать, волшебные красавицы, — отвечал им Дух. — Сейчас здесь не так, как в прошлом году. Нефритовый император назначил Великого Мудреца, равного небу, наблюдать за Персиковым садом. Мы должны доложить ему о вас, и если он разрешит, то откроем ворота.

— А где сейчас Великий Мудрец? — спросили феи.

— Он утомился и отдыхает в беседке.

— Ну так пойдите за ним. Нельзя нам здесь задерживаться.

И вот они все вместе направились к беседке. Но там они нашли лишь головной убор да одежду Великого Мудреца. Тщательные поиски оказались напрасными: Сунь У-куна нигде не было.

А надо вам сказать, что, ускользнув от своих спутников, наш Мудрец съел несколько персиков и, превратившись в крохотного человечка, уснул под большим листом на верхушке дерева.

— Мы должны выполнить приказ царицы, — тревожились феи-служанки, — что будет, если вы не отыщете Великого Мудреца? Ведь не можем мы вернуться с пустыми руками!

— Ну что ж, волшебные красавицы, раз вы пришли сюда по высочайшему повелению, — сказал один из слугителей Великого Мудреца, — мы не смеем задерживать вас. Наш Великий Мудрец в свободное время обычно совершает прогулки и сейчас, возможно, отправился к кому-нибудь из своих друзей. Идите за персиками, а, когда он вернется, мы доложим о вас.

Феи-служанки так и сделали. В начале сада они собрали три корзины, потом столько же в центральной его части и

затем пришли в конец сада. Но тут на деревьях почти ничего не было. Лишь на некоторых ветках можно было заметить несколько зеленых персиков. Все спелые плоды съел Царь обезьян. Долго искали феи-служанки и наконец на ветке, обращенной к югу, увидели один-единственный еще не дозревший персик. Фея в синем нагнула ветку, а фея в красном сорвала плод. Это была как раз та самая ветка, на которой спал превратившийся в крохотного человечка Великий Мудрец. Когда ветку отпустили и она взлетела вверх, Сунь У-кун от резкого толчка проснулся. Он тут же принял свой обычный вид и вытащил из уха посох с золотыми обручами. Помахав им, он превратил его в большой посох и закрычал:

— Ах вы, ведьмы, откуда вы явились? И как осмелились без разрешения срывать мои персики?!

Перепуганные феи одна за другой упали на колени и взмолились:

— Не гневайтесь на нас, Великий Мудрец, мы вовсе не ведьмы. Мы феи, нас послала сюда сама царица неба Ван-му и велела нам собрать волшебных персиков. Ведь скоро в Драгоценном зале будет Персиковый пир. Когда мы прибыли сюда, то встретили Духа-сторожа и другую вашу стражу. Они везде искали вас, но так и не нашли. А мы, боясь нарушить приказ царицы, не дождались вас и стали собирать персики. Умоляем вас простить нашу вину!

Выслушав их, Великий Мудрец сменил гнев на милость и молвил:

— Встаньте, красавицы, и скажите мне, кого позовут на Персиковый пир к царице Ван-му?

— По обычаю, — отвечали ему феи, — на пир приглашают Будду западного неба, Лоханей, бодисатв, небожителей. Приходят также богиня южного полюса Гуаньинь, высокочтимый священный император Востока, бессмертные духи десяти материков и трех островов, Дух северного полюса, Великий Мудрец вселенной — с желтым рогом, божества всех частей света, духи восьми пещер, духи трех небес, четыре небесных правителя, Дух Северной звезды Тай-и, духи восьми средних пещер Нефритового императора, духи моря и гор, духи восьми нижних пещер, Владыка Преисподней и те, что ведут счет всем живым существам. Ну и, конечно, все высокочтимые небожители дворцов и залов небесных чертогов.

— Ну а меня пригласят на пир? — спросил, улыбаясь, Сунь У-кун.

— Об этом мы ничего не слышали, — отвечали ему феи.

— Ведь я Великий Мудрец, равный небу. Почему бы вашей царице не пригласить и меня на это торжество?

— Мы сказали вам лишь о том, как было раньше, — отвечали феи, — а кого пригласят на этот раз — не знаем.

— Да, это верно, — согласился Великий Мудрец, — и я на вас нисколько не сержусь. Побудьте здесь, а я обо всем узнаю.

О прекрасный Мудрец! Он поднял руки, произнес заклинание и крикнул феям:

— Стойте на месте! Не шевелитесь!

И тотчас феи словно приросли к земле и застыли под деревьями, от испуга тараща друг на друга глаза. А Великий Мудрец в это время покинул сад, взобрался на облако и устремился во Дворец заводи зеленого нефрита. По дороге ему открылось удивительное зрелище.

До краев простор небесный
Наполняли облака,
Разноцветные, качались,
Прилетев издалека.

Вдруг журавль прекрасный белый
Громко крикнул с высоты,
Пробудив в речных низинах
Задремавшие цветы.

А кругом необозримо
Закипал листвы разлив.
Появился дух бессмертный,
Благороден и красив.

Танец радуги волшебной
Свод небесный окружал.
Списки точные бессмертных
Босоногий дух держал.

В красоте, великолепии,
Восходя в небесный мир,
С этой книгой вечной жизни
Шел на Персиковый пир.

И вот, повстречавшись с Босоногим бессмертным, Великий Мудрец решил обмануть его и пробраться на Персиковый пир.

— Куда путь держите, почтенный Мудрец? — склонившись, спросил Сунь У-кун.

— Царица неба Ван-му зовет меня на Персиковый пир, — отвечал тот, — сейчас я туда и направляюсь.

— О, вы еще ничего не слышали, — промолвил Великий Мудрец. — Нефритовый император, зная, как быстро я передвигаюсь на облаках, послал меня предупредить всех гостей, чтобы они сперва посетили Дворец космического света, где начнется торжество, а затем уже отправлялись на пир.

По простоте душевной бессмертный принял эту выдумку за истину, но все же заметил:

— Обычно торжество начиналось во Дворце заводи зеленого нефрита. Почему же сейчас все изменилось?

Но, несмотря на некоторое сомнение, он повернул свое облако и направился во Дворец космического света. А Великий Мудрец тем временем произнес заклинание, встряхнулся и в тот же миг принял вид Босоногого бессмертного. После этого он помчался ко Дворцу заводи зеленого нефрита и очень быстро достиг Башни сокровищ. Здесь Сунь У-кун остановил свое облако и потихоньку вошел внутрь. Что за картина представлялась его глазам!

Дым благовонных свечей заполнял все пространство.
И расходилась кругами волна аромата.
Башня сокровищ энергией жизни лучилась,
Мрамор террас был украшен резьбой богатой.

Как бы парили, спускаясь с небес на колонны,
Фениксов пестро окрашенных изображенья.
Девять престолов стояло, — над каждым был феникс,
Радугой яркой блистало его оперенье.

На середине прекрасный престол возвышался;
Радугой он отливал, золотой и точеной,
А с потолка опускались цветы золотые,
Словно жемчужные гроздья, свисали бутоны.

Тонкий рисунок сквозил на нефритовых вазах,
Яства изысканны были, и редки, и странны:
Феникса хрящ и отменная печень дракона,
Лапа медведицы или губа обезьяны.

Были плоды неземной красоты ароматны;
Свежестью яства пленяли и были приятны.

Все уже было приготовлено к пиру, но гости еще не собрались. Великий Мудрец никак не мог насмотреться на это великолепие. Вдруг в нос ему ударил аромат вина. Он обернулся и увидел, что справа, под балконом, у стены, несколько волшебных служителей готовят вино. Одни подносили барду, другие таскали воду, подростки подбрасывали щепки в огонь, мыли и вытирали чаны и кувшины. Готовое вино и всевозможные настойки издавали нежный аромат. У Великого Мудреца даже слюнки потекли, и ему захотелось сейчас же отведать вина, но из-за служителей он не мог сделать этого. Тогда он решил пустить в ход волшебство. Выдернув у себя из шерсти несколько тоненьких волосков, он положил их в рот, разжевал на мелкие кусочки, выплюнул и громко произнес заклинание:

— Изменитесь!

В тот же миг волоски превратились в насекомых, от укусов которых люди засыпали. Они мгновенно облепили лица служителей. И что только с теми случилось! Руки их ослабли, голова опустилась, глаза сомкнулись. Забыв о своей работе, служители заснули. Тогда наш Мудрец выбрал самые лучшие яства и отправился под балкон. Здесь, переходя от кувшина к кувшину, наклоняя каждый чан с вином, Сунь У-кун наполнил допьяна.

Надо сказать, что он довольно долго наслаждался трапезой, но вдруг спохватился:

— Плохи мои дела! Скоро начнут собираться гости, и тогда мне несдобровать. Они сразу схватят меня. Как же быть? Пожалуй, пока их еще нет, надо отправиться домой и выспаться хорошенько.

О прекрасный Великий Мудрец! Покачиваясь из стороны в сторону, совершенно пьяный, он побрел прочь. Он плохо понимал, что делает, и поэтому ничего нет удивительного в том, что сбился с дороги и, вместо того чтобы отправиться к себе домой, забрел во дворец Тушита. Оглядевшись, он понял, куда попал, и удивился.

— Ведь дворец Тушита — заоблачное обиталище великого Тайшан Лао-цзюня — находится над тридцать третьим небом. Как же я мог спутать дорогу и очутиться здесь? А впрочем, все равно! Я давно хотел встретиться с этим почтенным старцем, но до сих пор не было подходящего случая. Раз уж я по ошибке попал сюда, пожалуй, будет неплохо, если познакомлюсь с ним.

И вот, приведя себя в порядок, Сунь У-кун вошел во дворец. Но ни самого Тайшан Лао-цзюня, ни других небожителей он там не увидел. А надо сказать, что в этот момент Тайшан Лао-цзюнь вместе с Буддой Прошлого Дипамкара находился на третьем ярусе верхнего помещения Небесной жемчужной террасы и вел беседу об Истине. Вокруг расположились слушатели — небесные отроки, военачальники, чиновники и служащие.

Тогда Сунь У-кун отправился в помещение, где изготовлялся эликсир бессмертия, но и там никого не нашел. У очага он увидел жаровню, в ней горел огонь. Рядом стояло кувшинов пять, сделанных из тыквы и наполненных эликсиром бессмертия.

— О? Ведь это самое драгоценное сокровище бессмертных! — с восторгом воскликнул Великий Мудрец. — С тех пор как я постиг учение о Великой Истине, мне удалось познать законы единства тождества внутреннего и внешнего. Еще тогда я хотел заняться изготовлением эликсира бессмертия, чтобы помочь людям. Но неожиданно мне пришлось вернуться домой и уже некогда было взяться за это дело. Но вот сегодня я случайно попал сюда, во дворец, и нашел эликсир бессмертия. Воспользуюсь тем, что здесь нет самого Тайшан Лао-цзюня, и отведу этой божественной пищи.

С этими словами наш Мудрец взял тыкву, наклонил ее и съел все содержимое, словно жареные бобы. От эликсира Сунь У-кун стал приходить в себя и понял, что совершил преступление.

— Плохи мои дела! — воскликнул он. — Страшно даже подумать, что может получиться из всего этого! Если о моем поступке узнает Нефритовый император, я погиб! Бежать! Бежать сейчас же! Уж лучше быть правителем на земле!

Сунь У-кун покинул дворец Тушита, но побежал не обычным путем, а через Западные ворота неба. Здесь он произнес заклинание, стал невидимым и, взобравшись на облако, отправился на Гору цветов и плодов. Прибыв в свои владения, Сунь У-кун увидел множество знамен, перед ним засверкали пики и мечи. Оказалось, что как раз в этот момент его подданные — четыре военачальника и Духи — повелители семидесяти двух пещер — проводили военные занятия.

— Дети мои! Я снова вернулся к вам! — крикнул Великий Мудрец.

Все мигом побросали оружие и, склонившись перед Сунь У-куном, молвили:

— Великий Мудрец! Вы так беззаботны! Сколько времени прошло с тех пор, как вы покинули нас! Вы совершенно забыли о своих подданных.

— Но ведь я совсем недавно расстался с вами, — оправдывался Сунь У-кун.

Так, беседуя, они вошли в пещеру. Здесь военачальники распорядились привести все в порядок, тщательно убрали возвышение, на котором обычно восседал Сунь У-кун, и, склонившись перед царем, стали спрашивать:

— Вы провели сто с лишним лет на небе. Что делали вы там все это время? И какое получили назначение?

— Почему сто с лишним лет? Мне кажется, я пробыл там всего лишь полгода, — отвечал со смехом Сунь У-кун.

— Но ведь день на небе равен году на земле, — молвили в ответ военачальники.

— В этот раз мне удалось добиться милости Нефритового императора, — продолжал Сунь У-кун, — и он пожаловал мне титул Великого Мудреца, равного небу. Для меня выстроили дворец с двумя департаментами: один назывался Департамент тишины и спокойствия, другой — Департамент спокойных духов. При департаментах состоял целый штат служащих. Но потом император узнал, что я не у дел, и отдал в мое ведение Персиковый сад. И вот царица неба Ван-му задумала устроить Персиковый пир, а меня не позвала. Не дожидаясь приглашения, я сам отправился во Дворец заводи зеленого нефрита и тайком съел там все яства и выпил вино, которое было приготовлено для пира. Я сильно опьянел и, выйдя из Дворца заводи зеленого нефрита, по ошибке попал во владения великого Тайшан Лао-цзюня, где опустошил еще пять кувшинов с эликсиром бессмертия. Тут я решил, что за все это Нефритовый император непременно накажет меня, сейчас же покинул небо и вот, как видите, прибыл к вам.

Все радовались возвращению Сунь У-куна. Сейчас же появился большой чан с вином из кокосового ореха. Верноподанные собирались распить его в честь своего царя. Но Великий Мудрец отведал вина, скривился и воскликнул:

— Да это вино никуда не годится! Его просто невозможно пить!

— Конечно, после того как вы вкусили волшебного напитка и чудесных яств в небесных чертогах, вам уже не нравится вино из кокосового ореха, — почтительно молвили два военачальника. — Однако поговорка гласит: «Не важно, какое на вкус, а важно, что свое».

— А есть и другая, — добавил Сунь У-кун, — «Земляки всегда близкие люди». Кстати, сегодня утром, когда я был на небе и пировал внизу под галереей, то заметил там множество кувшинов, наполненных экстрактом из нефрита и рубина. Вам, я думаю, никогда в жизни еще не приходилось отвеждать подобного напитка. Я мигом слетаю на небо и добуду там несколько кувшинов для вас. Кто выпьет хоть полчашки этого вина, никогда не состарится и будет жить вечно.

Обезьяны пришли в восторг. А Великий Мудрец снова покинул пещеру, сделал магический прыжок, превратился в невидимку и тотчас же очутился на том месте, где должен был состояться Персиковый пир. Когда он вошел во Дворец заводи зеленого нефрита, служители, изготавливавшие вино, подносили барды, водоносы, истопники все еще сладко похрапывали. Захватив два огромных кувшина под мышки и взяв в каждую руку еще по кувшину, Сунь У-кун благополучно покинул дворец, повернул свое облако и пустился в обратный путь. И вот в пещеру собрались все обезьяны на «пир с вином бессмертных». Каждой досталось по несколько чашечек небесного напитка. Можете представить себе, какое поднялось веселье!

Однако оставим в покое подвыпивших обезьян и вернемся к феям-служанкам, которых, если вы помните, заколдовал Великий Мудрец. Весь день стояли они, не шелохнувшись, на месте и лишь к вечеру освободились от чар. Феи тут же подхватили свои цветные корзинки, помчались к царице неба Ван-му и доложили ей о том, как Великий Мудрец своим волшебством приковал их к месту. Вот почему они и запоздали.

— А сколько вы набрали персиков? — поинтересовалась царица.

— Две корзины маленьких персиков и три корзины средних, — отвечала фея. — Затем мы пошли в конец сада, но там не нашли ни одного. Вероятно, их тайком съел Великий Мудрец. Когда мы искали персики, вдруг показался он сам. Вид у него был очень свирепый, и он уж совсем было собрался

нас бить, но потом спросил, кто приглашен на Персиковый пир. Мы рассказали ему, кого звали раньше в подобных случаях. Тогда он при помощи волшебства пригвоздил нас к месту, а сам куда-то исчез. Только сейчас нам удалось избавиться от его чар и вернуться.

Царица Ван-му тотчас же отправилась к Нефритовому императору и сообщила ему обо всем, что произошло. Не успела она закончить, как явилась толпа слугителей, изготавливавших вино, и другие слуги, которые доложили императору о том, что в зале, отведенном для Персикового пира, какой-то неизвестный учинил беспорядок. Он выпил весь экстракт из нефрита и рубина, а также съел все яства. В этот момент четыре небесных наставника доложили, что прибыл сам Тайшан Лао-цзюнь. Нефритовый император вместе с царицей неба Ван-му поспешил ему навстречу. Когда была закончена церемония приветствия, Лао-цзюнь обратился к императору:

— Позвольте доложить вашему величеству, что девять сортов эликсира бессмертия, которые я приготовил специально для пира, украл какой-то разбойник.

Такое сообщение не могло не встревожить императора.

В это время появился служащий из управления Великого Мудреца. Он доложил о том, что Сунь У-кун со вчерашнего дня не выполняет своих обязанностей, куда-то исчез и до сего времени еще не возвращался. Нефритовый император, давно уже питавший недоверие к Великому Мудрецу, еще больше убедился в своей проницательности. Вдобавок ко всему явился Босоногий бессмертный, который, склонившись перед императором, сообщил следующее:

— Получив приглашение царицы неба прибыть на пир, я отправился в путь и вчера повстречался с Великим Мудрецом, равным небу. Он сказал мне, что по приказу вашего величества должен оповестить всех гостей о том, что в этот раз торжество начнется во Дворце космического света. Ну я и отправился туда. Однако, не обнаружив там вашей колесницы, поспешил сюда, во дворец.

Тут возмущение Нефритового императора достигло предела, и он воскликнул:

— Как смеет этот бездельник обманывать моих мудрых сановников, выдумывая, будто я просил его оповестить гостей? Сейчас же послать небесных инспекторов разыскать этого мошенника!

Инспекторы, не мешкая, произвели тщательное расследование, вернулись к императору и подробно обо всем доложили, подтвердив, что беспорядки в небесных чертогах действительно произведены Великим Мудрецом, равным небу.

Нефритовый император дал волю своему гневу. Он приказал четырем главным небесным князьям, а также Князю неба Вайсраване и его сыну Ночжа взять с собой двадцать восемь военачальников дворцов, духов девяти планет и военачальников двенадцати счастливых созвездий, пять духов — распространителей учения Будды, четырех небесных стражей, духов созвездий Востока и Запада, духов Южной и Северной полярных звезд, духов пяти священных гор и четырех больших рек, а также духов всего небосвода и во главе стотысячного небесного войска выступить в поход. Император велел захватить восемнадцать заграждений и спуститься на землю, окружить Гору цветов и плодов, схватить и наказать преступника. Получив приказ, небесные полководцы тотчас же собрали войско и покинули небесные чертоги. Поистине, поход этот являл собою величественное и грозное зрелище:

Сильный ветер клекотал и бился,
Желтизной окрашивая небо,
И туман клубился темно-красный,
Нагоняя сумерки на землю.
Только потому, что князь-волшебник
Обманул на небе государя,
Отдан был приказ сойти на землю
Четверым небесным полководцам.

На землю были отправлены четыре главных небесных военачальника и пять духов — распространителей учения Будды. В руках главных четырех небесных военачальников находилась вся власть. Пять духов — распространителей учения Будды ведали передвижением войск. Вайсравана занимал командный пост, грозный Ночжа командовал передовыми отрядами. Князь тьмы Раху был назначен главным инспектором, князь Кету вздымался в арьергарде. Дух луны имел бодрый и воинственный вид, дух солнца ярко освещал все вокруг. Духи пяти стихий горели желанием проявить свое геройство и отвагу, духи девяти планет были рады возможности отличиться друг перед другом, духи двенадцати счастливых созвездий ведали распределением времени. Все как один были

отважны и сильны. С востока и запада следовали духи У-вэнь и пяти священных гор, следившие за боевым и моральным духом воинов, слева и справа — даосские духи тьмы и света Лю-дин и Лю-цзя. Священные драконы четырех рек, разделившись, контролировали верхнее и нижнее течение. Духи двадцати восьми планет следовали рядами один над другим. Четыре духа восточных планет были назначены начальниками, а четыре духа западных планет бурно проявляли свой боевой дух. Семь духов северных созвездий показывали свои способности, семь духов южных созвездий, потрясая пиками и размахивая мечами, проявляли божественную мощь. Приостановив облака и опустив туман, они спустились на землю и разбили лагерь перед Горой цветов и плодов.

Стихи гласят:

Царь прекрасный обезьяний,
Небом и землей рожденный,
Зная тайны превращения,
Эликсир бессмертной жизни
И вино украл на небе;
У себя в пещере горной
Он устроил угощение.

Но за то, что он нарушил
Персиковый пир священный,
Пренебрег порядком древним,
Войск стотысячная сила,
Под начальством полководцев
И начальников небесных,
Ту пещеру окружила.

И вот небесный князь Вайсравана отдал приказ разбить лагерь и окружить Гору цветов и плодов таким плотным кольцом, чтобы даже вода туда не проникала. Когда наконец устроили крепкий заслон и в восемнадцати местах на небе и на земле выставили заставы, вперед отправились духи девяти планет. Они должны были вызвать Сунь У-куна на бой. Когда духи во главе отряда прибыли к пещере, то увидели множество обезьян самых различных возрастов, которые забавлялись и кувыркались.

— Эй вы, оборотни! — крикнул начальник, Дух планеты. — Где ваш Великий Мудрец? Мы посланцы небесного войска, которое прибыло усмирить этого мятежника, Велико-

го Мудреца. Скажите ему, чтобы он немедленно явился и выразил нам свое повиновение. Иначе все вы будете уничтожены!

Обезьяны опрометью бросились в пещеру с криком:

— Великий Мудрец! Беда пришла, беда! К пещере явились духи девяти планет. Они говорят, что посланы сюда небом, для того чтобы вас привести в покорность.

А надо вам сказать, что Великий Мудрец в это время как раз веселился и распивал вино вместе с духами — повелителями семидесяти двух пещер и четырьмя полководцами. Он пропустил мимо ушей слова своих подчиненных и, как бы невзначай, сказал:

— Раз есть вино, будем пить. Нам дела нет до того, что творится за дверьми нашего дома!

Однако не успел он договорить, как в пещеру снова вбежали его подчиненные.

— Эти страшные духи в бешенстве бранятся и рвутся в бой! — кричали они.

— А вы не обращайтесь на них внимания, — рассмеялся Великий Мудрец. — Лишь бы были вино и стихи, чтобы сделать радостным сегодняшний день, а за славой не гонитесь.

Тут в пещеру вбежала целая толпа обезьян.

— Повелитель! Ужасные духи сломали ворота и ворвались сюда, — сообщили они.

— Видно, эти негодяи совсем не знают приличий! — разгневанно крикнул Великий Мудрец. — Я не хотел связываться с ними, зачем же они сами лезут сюда и наносят мне оскорбление!

И он тут же приказал Единорогу — повелителю дьяволов, а также духам — повелителям семидесяти двух пещер вступить в бой с врагом, сам же он вместе со своими четырьмя полководцами последовал за ними. Повелитель дьяволов немедленно отправился со своим войском вперед, но у железного моста дорогу им преградили духи девяти планет. Вид у них был грозный. Повелитель дьяволов приготовился к бою, однако в этот момент на помощь ему подоспел Великий Мудрец.

— Прочь с дороги! — закричал он и несколько раз взмахнул своим посохом. Посох тотчас же удлинился до двух чжанов и стал в чашку толщины. Тогда наш Мудрец начал орудовать им и пробивать себе дорогу. Ни один из девяти небес-

ных духов не осмелился оказать ему сопротивление, все они отступили. Однако после того они все же выстроились в боевой порядок, и предводитель их крикнул:

— Ах ты конюх несчастный! Глупая твоя голова! Каких только преступлений ты не совершил! Украл персики и вино! Расстроил Персиковый пир! Утащил эликсир бессмертия у Лао-цзюня! Унес божественное вино, чтобы наслаждаться им здесь! Неужели ты не понимаешь, что натворил?!

— Ну что ж, все это правильно! Все так и было! — рассмеялся Великий Мудрец. — Но что вы можете со мной сделать?!

— Мы получили приказ Нефритового императора прибыть сюда с войском и усмирить тебя, — отвечали ему духи планет. — Немедленно сдавайся, тогда мы сохраним жизнь всем этим существам. Если же будешь сопротивляться, разнесем всю вашу пещеру и сравняем эту гору с землей.

Но Великий Мудрец с гневом крикнул:

— Да как вы, презренные духи, посмели сказать мне все это?! Разве хватит у вас сил выполнить свою угрозу?! Ну держитесь! Сейчас вы познакомитесь с моим посохом!

Все девять духов ринулись на Великого Мудреца, но прекрасного Царя обезьян это ничуть не испугало. Размахивая своим посохом, он спокойно отражал сыпавшиеся на него со всех сторон удары. Наконец духи окончательно выбились из сил и, волоча за собой оружие, один за другим покинули поле боя. Потерпев поражение, они поспешили укрыться в своем лагере и, представ перед Вайсраваной, доложили:

— Этот Царь обезьян поистине отважный воин. Мы не могли одолеть его и отступили.

Тогда Вайсравана приказал вступить в бой четверем главным военачальникам и духам двадцати восьми звезд. Однако Великий Мудрец и на этот раз не испугался. Он вывел войска Единорога — повелителя дьяволов, духов — повелителей семидесяти двух пещер и своих четырех полководцев и расставил их перед пещерой в боевом порядке.

Невозможно описать, какая ожесточенная борьба началась между врагами, она могла повергнуть в трепет людей.

Холодный ветер завывал уныло,
И землю тень туманная покрыла.
Взвивался стяг на стороне одной,

Напротив — копья высились стеной;
Кипело море шлемов и сверкало.
Казалось, небо музыкой звучало,
И разносилась в воздухе игра
Звенящего на солнце серебра.
Подобно молнии взлетающий меч
Одним ударом тучу мог рассечь,
А демонов заостренные копья
Туманные нанизывали хлопья.
И плети с глазом тигра встали в ряд,
Как в поле стебли конопли стоят.
Из арбалетов пущенные стрелы
Летели во враждебные пределы,
И опереньем беркута была
Оснащена крылатая стрела.
Гадюками кончавшиеся пики
В сердцах врагов рождали страх великий,
А бронзовых мечей высокий лес,
Казалось, подымался до небес.
На этом необъятном поле брани
Мудрец сражался «Посохом желаний»,
Желал он войско неба одолеть.
Здесь птица не могла бы пролететь, —
Настолько всюду стало в Поднебесной
От схваток и ударов этих тесно.
Для всех был страшен бушевавший гнев:
Спасались бегством тигры, оробев,
И край нагорный волки покидали,
Удары грома землю сотрясали.
Пугал чертей и духов грозный звон,
Казалось, грохот шел со всех сторон.

Бой завязался ранним утром и не утихал до захода солнца. Единорог — повелитель дьяволов и духи — повелители семидесяти двух пещер попали в плен к небесным воинам. А четверем полководцам и обезьянам удалось бежать и скрыться в самых отдаленных уголках Пещеры водного занавеса. На поле боя остался только Великий Мудрец. Он один своим посохом сдерживал натиск четырех главных небесных военачальников, князя Вайсраваны и Ночжа, продолжая биться с ними даже в воздухе. Долго сражался наш Мудрец не на жизнь, а на смерть со своими врагами. Наконец он заметил, что становится уже поздно. Он вырвал у себя клочок шерсти, пожевал ее и, выплюнув, крикнул:

— Изменись!

В тот же миг в воздухе появились тысячи таких же, как он, Великих Мудрецов, с такими же посохами, украшенными золотыми наконечниками. Они отразили нападение Ночжа и нанесли поражение духам пяти стран света.

Одержав победу, Великий Мудрец водворил вырванный клоч шерсти на прежнее место и отправился в пещеру. Там, на железном мосту, с четырьмя полководцами во главе, его встретили остальные обезьяны, которые, смеясь и плача, кланялись своему повелителю.

— Почему, встречая меня, вы и смеетесь и плачете? — удивился Великий Мудрец.

— Плачем мы, потому что небесные воины захватили в плен духов — повелителей семидесяти двух пещер и Единорога — повелителя дьяволов и нам пришлось бежать, спасая свою жизнь. Ну а смеемся мы, конечно, от радости: ведь вы вернулись с победой целым и невредимым.

— В военном деле победы и поражения часто сменяют друг друга, — молвил Великий Мудрец. — Ведь еще в старину говорили: «Уничтожение десятитысячного войска противника обходится в три тысячи жизней своих солдат». Нечего горевать! В плен попали начальники тигров, барсов, волков, оленей, лисиц и других животных, а из обезьян никто не пострадал. С помощью волшебства я заставил врагов отступить. Они, наверное, разобьют лагерь около нашей горы. Нужно быть начеку и беречь свои силы. На рассвете я пушу в ход все свое искусство, захвачу небесных полководцев и отомщу за наших пленников.

После этого четыре полководца и остальные обезьяны выпили по несколько чашечек кокосового вина, улеглись спать, и в эту ночь ничего особенного больше не произошло.

Между тем, когда четыре небесных военачальника отвели свои войска, со всех сторон стали поступать донесения. Некоторые докладывали о том, что им удалось захватить тигров и барсов, другие сообщали, что захватили оленей, третьи — что лисиц и барсуков. Однако никому не удалось захватить хотя бы одну обезьяну.

Затем они сделали все так, как и предполагал Великий Мудрец: разбили лагерь, окружили его высоким частоколом, а после этого раздали награды тем, кто их заслужил. Войска расположились вокруг пещеры. Воинов, которые охраняли

заслон в воздухе и на земле, предупредили о том, что по сигналу они должны будут тесным кольцом окружить Гору цветов и плодов. На рассвете предстоит решающий бой. Вот уж поистине:

Волнение в небесах
Мятежно вызвал он,
И будет он теперь
Врагами окружен.

Однако о том, что произошло, когда наступил рассвет, вы узнаете из следующей главы.

Глава пятьдесят пятая,

из которой вы узнаете о том, как обольстительница-чародейка завлекла Танского монаха, и о том, как он оказался тверд и не осквернил себя

Итак, в тот самый момент, когда Великий Мудрец Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе собрались заколдовать силянскую государыню, вдруг налетел вихрь, бешено завыл ветер и раздался крик Ша-сэна. Наставник исчез. Сунь У-кун стал спрашивать Ша-сэна:

— Кто же мог похитить нашего наставника?

— Какая-то женщина, — растерянно отвечал тот. — Она вызвала вихрь, который подхватил и унес нашего учителя.

Услышав эти слова, Сунь У-кун стрелой взлетел на облако и, тормозя его движением своей одеждой, которую он распахнул, стал внимательно оглядываться по сторонам. Вдруг он заметил вдали столб пыли, исчезающий в северо-западном направлении. Обернувшись к монахам, он крикнул им:

— Братья! Живей взбирайтесь на облако, полетим выручать нашего наставника!

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн быстро привязали поклажу на коня; раздался шум, и они оказались вместе с конем в воздухе.

Силянская государыня и вся ее свита при виде этого необыкновенного зрелища разом опустили на колени прямо в дорожную пыль.

— Нам удалось воочию увидеть средь бела дня настоящих праведников — архатов, — говорили в толпе. — Государыня наша пусть не страшится и не огорчается. Младший брат Тан-

ского императора — прозревший последователь Будды, постигший тайну самосозерцания. А мы были слепы, приняв его за простого смертного, за красавца мужчину из Срединного цветущего государства. Все наши стремления оказались тщетными. О государыня, повелительница наша! Садись в свою колесницу и возвращайся к себе во дворец.

Терзаемая стыдом, государыня возвратилась со всей своей свитой во дворец, и мы здесь покинем ее.

Тем временем Сунь У-кун и его помощники, воспарив к небесам, на облаке мчались сломя голову вслед за вихрем, унесящим их наставника. Они догнали его у высокой горы, но в этот момент пыль исчезла, ветер стих и неизвестно было, куда скрылась чародейка. Монахи прижали вниз край облака, заметили тропинку, спрыгнули вниз и пустились на поиски. Вдруг перед ними выросла стена, сложенная из темно-го блестящего камня. Она напоминала щит, предохраняющий внутренний двор от злых духов. Ведя за собой коня, монахи зашли за щит и увидели огромные каменные ворота, а над ними надпись, состоящую из шести больших иероглифов. Надпись гласила: «Пещера Лютни пипа в горе Погибель врагам».

Чжу Ба-цзе по своему невежеству бросился к воротам и хотел было сломать их граблями, но Сунь У-кун вовремя удержал его.

— Не торопись, брат, — сказал он, — мы мчались вдогонку за вихрем, не догнали его и вот очутились здесь. Эти ворота мы видим впервые и не знаем, кто за ними живет. Что, если мы будем ломиться не в те ворота, которые нам нужны? Мы просто обидим их владельца! Вы лучше отведите коня за каменный щит и ждите меня там; я проберусь внутрь и узнаю, как там обстоят дела. Тогда и решим, что делать.

— Прекрасно! — воскликнул Ша-сэн. — Поистине, ты умеешь, как говорится, вместо грубости действовать осторожно, а при спешке быть неторопливым.

Монахи повели коня обратно. Между тем Сунь У-кун снова пустил в ход свои чары, произнес заклинание, встряхнулся всем телом и сразу же превратился в маленькую пчелку, легкую и проворную:

Ветру покорны тонкие крылышки пчелки,
Тельце блестит в полосатой одежде из шелка,

А хоботок торопливый пыльцу собирает с цветов.
Много у пчелки забот, и опасностей также немало,
Но уберечься от них помогает ей острое жало,
Жало — защита ее от жестоких врагов.
Что же такое задумала хитрая пчелка?
Вот подлетела к воротам, вот юркнула в шелку...

И так Сунь У-куну удалось благополучно пролезть в щелочку ворот. Оказавшись по ту сторону, он полетел вглубь, ко вторым воротам, но по пути заметил среди цветов небольшую беседку, в которой сидела женщина-чародейка, а с ней несколько разодетых служанок с причудливо зачесанными волосами. Женщины оживленно беседовали между собой и чему-то радовались. Сунь У-кун незаметно подлетел к ним поближе, пристроился на решетке беседки и, наострив уши, стал внимательно прислушиваться к разговору.

В это время в беседку вошли еще две женщины, тоже с затейливыми прическами, и подали два блюда с яствами, от которых шел ароматный пар. Одна из них сказала:

— Госпожа! Вот горячие пирожки, приготовленные на пару. На одном блюде скромные, с начинкой из человеческого мяса, а на другом — постные, с начинкой дэнша.

Чародейка улыбнулась и тут же приказала:

— Приведите сюда названного брата Танского императора!

Служанки бросились во внутренние покои и вскоре вывели оттуда несчастного Сюань-цзана. Он весь пожелтел и осунулся, губы его стали мертвенно-бледными, из покрасневших воспаленных глаз катились слезы. Сердце Сунь У-куна сжалось от боли, когда он увидел своего учителя в таком ужасном виде. И он подумал: «Видно, немало страданий перенес наставник!»

Чародейка покинула беседку и пошла навстречу Сюань-цзану. Обнажив кисти рук, она взяла своими нежными пальцами Танского монаха за плечо и обратилась к нему с такими словами:

— О, будь великодушен ко мне, дорогой старший брат мой! Не взыщи, что здесь не так роскошно, как во дворце силян-ской государыни, нет такого богатого и изящного убранства. Зато тут царят покой и уют. Здесь тебе будет очень удобно молиться Будде и читать священные книги. Я буду во всем твоей верной спутницей и подругой, и мы с тобой проживем сто лет в мире и согласии.

Танский монах безмолвствовал.

Чародейка продолжала обольщать его.

— Перестань же сердиться и огорчаться, — говорила она. — Мне известно, что на пиру у государыни женского царства ты ничего не ел и не пил. Изволь же отвесть моего угощения. Здесь два блюда с пирожками скоромными и постными. Выбери, какие тебе по вкусу.

Танский монах между тем стал размышлять: «Если я буду молчать и не стану ничего есть, то эта ведьма, пожалуй, погубит меня. Это не то, что сиянская государыня, та все же была человеком. Что же мне делать? Мои верные спутники не знают, что я попал сюда, и я могу ни за что ни про что погибнуть».

Танский монах терзался сомнениями, но ничего не мог придумать. Наконец он набрался храбрости и спокойным тоном спросил чародейку:

— А из чего сделаны ваши пирожки?

— Скоромные — с начинкой из человеческого мяса, — отвечала чародейка, — а постные с начинкой дэнша.

— Я монах и буду есть постное, — сказал Сюань-цзан.

— Эй, девушки! — позвала чародейка. — Принесите горячего чая и дайте постных пирожков нашему повелителю, хозяину дома!

Одна из служанок поднесла Танскому монаху чашечку с ароматным чаем, а чародейка дала ему пирожок, предварительно разломив его.

Трипитака взял скоромный пирожок и, не разламывая, отдал чародейке.

— Царственный брат мой, почему же ты не разломил мне пирожок? — кокетливо смеясь, спросила она.

Почтительно сложив ладони, Танский монах отвечал:

— Я ведь не мирянин, а монах, потому и не осмелился разломить скоромный пирожок.

— Если ты монах и боишься разломить скоромный пирожок, — сказала чародейка, — то как осмелился ты съесть пирожок шуйгао на реке Матери и младенца, а сейчас ешь пирожки с начинкой дэнша?

Помышляя о спасении, Танский монах ответил так:

По высокой воде корабль плывет быстро,
А в зыбком песке конь идет медленно!

Сунь У-кун внимательно прислушивался к их беседе. Заметив, что разговор становится все более игривым, Сунь У-кун стал опасаться, как бы наставник не зашел слишком далеко и не осквернил себя. Тут он принял свой настоящий облик, занес над головой железный посох и закричал на чародейку:

— Бесстыжая тварь! Совратительница!

Чародейка выдохнула пламя, окутавшее всю беседку, а затем приказала служанкам:

— Уведите Танского монаха.

Затем чародейка вооружилась волшебным трезубцем, выскочила из беседки и крикнула:

— Ах ты невежественная обезьяна! Как осмелилась ты самовольно проникнуть в мой дом и любоваться мною! Стой, ни с места! Сейчас я тебя угощу!

Однако Сунь У-кун отбил удар своим посохом и стал пятиться от разъярившейся ведьмы. Сражаясь, они не заметили, как очутились за воротами пещеры. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, дожидавшиеся Сунь У-куна за каменным щитом, вдруг услышали шум. Чжу Ба-цзе всполошился и, передавая поводья Ша-сэну, сказал:

— Ты обожди меня здесь, постереги коня и поклажу, а я пойду на подмогу.

Чжу Ба-цзе все же был добрым малым. Подняв свои грабли обеими руками, он выскочил к воротам пещеры и закричал:

— Сунь У-кун! Передохни! Дай мне расправиться с этой чертовкой!

Но чародейка успела заметить Чжу Ба-цзе и прибегла к новому приему. Она пронзительно взвизгнула, из ноздрей у нее метнулось пламя, изо рта повалил густой дым, она встряхнулась всем телом и кинула в Чжу Ба-цзе свой трезубец. В тот же момент у нее появилось несметное количество рук. Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе с двух сторон нападали на нее, а она испуганно кричала:

— Наконец-то ты мне попался, Сунь У-кун. Ты меня не знаешь, зато я хорошо знаю тебя. Твой покровитель Будда Татагата, обитающий в храме Раскатов грома, и тот боится меня. Теперь вам от меня не уйти. Подходите, подходите! Каждому из вас достанется!

И тут разыгрался необыкновенный бой. Вот послушайте:

Волшебница, полна воинственного пыла,
 Призвав на помощь колдовские силы,
 Противникам удары наносила,
 А Сунь У-кун, не сдерживая гнева,
 Кидался на нее в ожесточенье,
 Подобно разъяренному удаву, —
 Тогда как Чжу Ба-цзе, не знавший поражений,
 Свою припомнив боевую славу,
 То вправо граблями разил, то влево,
 Выказывая в том великое уменье.
 Из-за чего же началось сраженье?
 Из-за чего два доблестнейших мужа
 Вдруг против женщины пустили в ход оружие,
 Не зная милости, забыв о снисхождении?
 Зачем, внезапно изменив обличье
 И окружив себя огнем и черным дымом,
 Волшебница, борясь неутомимо,
 Присущий женщинам нарушила обычай,
 Презрев законы, правила, приличья?
 Событиям этим лишь одна была причина:
 Понадобился женщине мужчина,
 Который разделит бы с нею ложе
 Для нежных ласк и для утех любовных...
 Достойного нашла себе — и что же?
 Он оказался вовсе ей не ровня!
 Грешить монаху с женщиной негоже,
 И целомудрие ему всего дороже.
 Мужское с женским не поладили начала
 И посему в жестокий бой вступили,
 Начало женское — ответа не встречало,
 Мужское — на любовь не отвечало,
 И, не жалея ревностных усилий,
 Они друг друга одолеть стремились.
 Противники пыхтят и пышут жаром,
 Изобретают новые уловки,
 Обрушивают страшные удары,
 Показывают дивную сноровку.
 Трезубец, что в руках у чародейки,
 Разит как меч, а жалит — словно змейка,
 Однако посох и большие грабли,
 Что, как цепи тяжелые, взлетают,
 Трезубцу грозному ни в чем не уступают!
 И Чжу Ба-цзе и Сунь У-кун, не зная страха,
 Сражаются за Танского монаха.

Всю кровь готовы, до последней капли,
 Они отдать, чтоб победить злодейку,
 Желаящую их учителя заставить
 Себя грехом великим обесславить
 И путь за книгами священными оставить.
 От шума битвы солнце лик свой скрыло,
 Однако тьму луна не озарила,
 И, как птенцы, покинувшие гнезда,
 По небу разбрелись испуганные звезды.

Долго сражались противники, но так и нельзя было сказать, кто из них победит. Вдруг чародейка выбросила вперед руку и, прибегнув к приему «Ядовитое дерево, способное свалить с ног коня», ударила Сунь У-куна по голове.

— Ой! Больно! — завопил Сунь У-кун и бросился бежать с поля боя. Чжу Ба-цзе, видя, что дело плохо, тоже пустился наутек, волоча за собой свои грабли.

Тут чародейка убрала оружие, празднуя победу.

Между тем Сунь У-кун, обхватив голову руками, стонал:

— Больно! Больно!

— Что случилось, братец? — спросил, подбегая к нему, Чжу Ба-цзе. — В самый удачный момент, когда мы вот-вот должны были выиграть бой, ты вдруг заорал «больно» и удрал!

Обхватив голову руками, Сунь У-кун продолжал стонать:

— Ой, как больно! Ой, как больно! Ой, как больно!

— У тебя голова заболела? — встревоженно спросил Ша-сэнь.

При этих словах Сунь У-кун подскочил и заорал:

— Да нет же! Нет! Нет!

— Так скажи, в чем дело? — допытывался Чжу Ба-цзе. — Я не видел, чтобы тебя ранило, а между тем ты кричишь во все горло.

Продолжая охать, Сунь У-кун с трудом стал говорить:

— Когда я с ней дрался, чертовка почувствовала, что ей не устоять, и ударила меня чем-то по голове. С той минуты у меня началась нестерпимая головная боль, и я бросился бежать.

— А ты хвалился, что у тебя голова закаленная, — со смехом сказал Чжу Ба-цзе. — Что же ты такого пустяка не выдержал?

Сунь У-кун обиделся:

— Голова у меня действительно закаленная. Что только с ней не делали! — сказал он. — После того как я вступил на путь Истины и закалил себя в самосовершенствовании, я учинил буйство в небесных чертогах, похитил яства в Персиковом саду и выпил вино бессмертных небожителей, а также съел пилюли бессмертия, принадлежащие Лао-цзюню. Нефритовый император послал против меня царя духов умерших, обладающего неимоверной силой, и всех духов, обитающих на двадцати восьми созвездиях. Они схватили меня и доставили на лобное место у дворца созвездия Доу-ню. Мою голову пытались отрубить, метали в нее молнии и громы, жгли огнем, но ничего не вышло. Затем Лао-цзюнь поместил меня в свою волшебную печь с триграммами, в ней он плавил меня сорок девять дней — и все напрасно! А эта чародейка каким-то неведомым оружием причинила мне нестерпимую боль.

— Убери руки, — сказал Ша-сэн, — я погляжу, что у тебя с головой. Все цело! Ни единой царапины!

— Конечно цело! — подтвердил Сунь У-кун.

— А не слетать ли мне в столицу Силянского государства, — предложил Чжу Ба-цзе. — Может быть, я достану там какой-нибудь мази или пластырь?

— Зачем? — удивился Сунь У-кун. — Ведь на голове нет ни шишки, ни царапины. Куда же прикладывать пластырь или мазь?

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Вот видишь, послеродовой горячки у меня так и не было, а ты болячку в голове приобрел.

Ша-сэн одернул его:

— Брось свои шутки, сейчас уже время позднее, у Сунь У-куна болит голова, что с наставником, жив он или нет, — мы не знаем. Что же делать?

Сунь У-кун со стоном произнес:

— Наставник цел и невредим. Когда я, превратившись в пчелу, проник в пещеру, то увидел его. Эта ведьма сидела в беседке среди цветов. Затем служанки подали на двух блюдах пирожки: одни с начинкой из человеческого мяса — скоромные, другие — с какой-то начинкой дэнша — постные. Затем я видел, как две молодые служанки привели наставника в эту беседку, а ведьма стала угощать его пирожками и успокаивать. После этого она стала объясняться в своих чувствах и

говорила, что хочет быть спутницей и подругой нашего наставника. Он сперва молчал, не отвечал ей и пирожков не брал, но потом, видимо, поддался ее сладким речам и нежным уговорам. Не знаю, почему он вдруг заговорил с ней и даже согласился съесть пирожок, правда постный. Ведьма взяла пирожок, разломила его пополам и дала наставнику, а он взял скоромный пирожок и, не разломив, передал ей. Она спросила: «Почему же ты не разломил пирожок?» «Я — монах, — отвечал наставник, — и мне не положено разламывать скоромные пирожки». Тогда ведьма сказала: «Зачем же тыпил воду из реки Матери и младенца, а сегодня ешь пирожки с начинкой дэнша?» Он, видимо, не понял, что она сказала, и ответил:

По высокой воде корабль плывет быстро,
А в зыбком песке конь идет медленно.

Все это я слышал слово в слово и, опасаясь, как бы наш наставник не увлекся и не осквернил себя, принял свой первоначальный облик, поднял посох и стал наступать на чародейку. Тут она применила свои чары, выдохнула пламя и дым, скрывший всю беседку, а служанкам велела немедленно увести нашего наставника. Вращая своим трезубцем, она стала наседать на меня, и шаг за шагом мы очутились за воротами пещеры.

Ша-сэн внимательно слушал и от волнения кусал пальцы.

— Интересно, когда эта чертовка стала следить за нами и откуда ей известно, что с нами произошло несколько дней тому назад?

— Неужели, — вскричал Чжу Ба-цзе, — после этого мы будем сидеть сложа руки? Нужно сейчас же, несмотря на поздний час, отправиться к воротам и вызвать ее на бой. Будем кричать и биться всю ночь, чтобы она не знала ни минуты покоя, и помешаем ей завлечь нашего наставника.

— Я никуда не пойду, — простонал Сунь У-кун, — голова у меня разламывается.

— Не надо сейчас никуда ходить, — сказал тут Ша-сэн. — Сунь У-кун заболел, и, кроме того, я уверен за нашего учителя. Он настолько чист и непорочен, что никакие женские соблазны не смутят его покой. Давайте расположимся на ночлег где-нибудь здесь, на склоне горы, где нет ветра. За ночь мы наберемся сил, а утром подумаем, что предпринять.

Трое монахов крепко привязали белого коня и, по очереди карауля свою поклажу, стали отдыхать. Здесь мы их пока оставим и вернемся к чародейке.

Чародейка пришла в радостное расположение духа, и от недавней неистовой злобы не осталось и следа. Она позвала своих служанок.

— Ступайте и прикажите крепко-накрепко запереть все входы и выходы, — сказала она, а двум караульным велела зорко следить за тем, чтобы Сунь У-кун снова не пробрался в пещеру: — Как только услышите малейший шорох, так сейчас же поднимайте тревогу. Девушки! Приберите как следует опочивальню. Зажгите свечи и благовония, а после этого приведите нашего гостя — брата Танского императора. Я хочу провести с ним время в радостном свидании.

И вот из глубины пещеры служанки ввели Танского монаха. Волшебница с чарующим видом взяла Сюань-цзана за руки.

— Мне часто приходилось слышать, — сказала она вкрадчивым голосом, — что «не так дорого чистое золото, как дороги радость и покой». Я хочу позабавиться с тобой любовными утехами, словно мы с тобой муж и жена.

Танский монах до боли стиснул зубы и не промолвил ни слова. Ему не хотелось идти за чародейкой, но он опасался, что она загубит его своими чарами, и, дрожа от страха, последовал за ней в ее благоухающие покои.

Он шел в совершенной растерянности, робкими шагами, опустив голову. До того ли ему было, чтобы осмотреть убранство опочивальни, разглядеть ложе и постель, ознакомиться с роскошными нарядами, украшениями, шкатулками и грешками?! Он не слышал страстных любовных речей волшебницы и вел себя как настоящий монах.

И в самом деле:

На грешную красоту очи его не глядели,
Грешных речей невнятен был ему сладкий звук.
Хуже гнили и тлена были ему противны
Взгляды очей прелестных, блеск ожерелий дивных,
Розовых уст улыбка, пожатые ласковых рук.
Что для него богатства, жемчуг бесценный, злато,
Шелковые одежды, каменные палаты,
Если закону Будды себя посвятил монах?
Если светом небесным сердце его объято,

Что для него соблазны? — пепел, песок и прах!
Хитрая чародейка множила обольщенья,
Сладостные усмешки, дерзостные движенья,
Но, как замшелый камень, был он и слеп и глух,
Взору его приятны были иные виденья,
Лепету слов любовных был закрыт его слух.
Женщина, как светильник, ярким огнем горела,
Страсть в ее теле нежным бурным ключом кипела,
Но от огня не таял мудрого сердца лед:
Тщетно лстивые ласки красавица расточала,
Сбрасывала одежды, скидывала покрывала,
Сетью уловок тайных праведника оплетала, —
Горек устам блаженным был тот душистый мед!
От шелковистых прядей, полунагого стана,
Яшмовых украшений он отвращал лицо,
Тихо творя молитву, твердо и неустанно,
Рук ее влажных, льнущих он размыкал кольцо.
Молвила чародейка: «Ты мне всего дороже,
Я ж красою своею на Лю Цуй-цуй похожа,
Лучшего из достойных лаской могу увлечь,
Так отчего со мною не разделяешь ложа
И для утех любовных вместе не хочешь лечь?»
Стягивая потуже рясу из ткани грубой,
Праведник отвечал ей: «Пусть твои ласки любви
Тем, чьи молитвы священных не повторяют губы,
Тем, кто мирским уладам жизнь свою посвятил,
Я ж не из тех монахов, кто на соблазны льстится,
Кто свою душу предал чарке или блуднице,
Кто, ради наслаждений, светоч свой угасил!»
Отповедью достойной не смущена нимало,
Этим речам суровым дерзкая не внимала,
Снова слова хмельные праведнику шептала,
Тщетно его пытаясь лестью приворожить:
«Я ведь Си-ши прелестной ласковой и нежнее,
Буду тебе покорна — в тысячекрат дружнее,
Чем та с царем Юэ-ваном, будем с тобою жить!»
«Чья же краса сгубила славного Юэ-вана, —
В гневе монах ответил, — как не твоей Си-ши?
Я предаваться блуду вместе с тобой не стану,
Не изменю обетам, не поругаю сана,
Не замараю тела, не оскверню души!»
«Царственный брат мой! — тихо женщина отвечала. —
Гневаешься напрасно! Лучше бы ты сначала
Вспомнил завет любовный, высказанный в стихах:

„Кто от любви сгорает, в скорби не умирает,
 Дух его в новой жизни радостью расцветает“.
 Эти слова прекрасней слов твоих, о монах!»
 «Что мне в твоих заветах, — молвил мудрец с досадой, —
 Пагубны и тлетворны чувства твои и слова,
 Лишь в чистоте нетленной я нахожу отраду,
 И, как сурьмленный остов, ты для меня мертва!»

До самой глубокой ночи препирался Танский монах с чародейкой, не поддаваясь ее обольщениям. Но та не отступала и всячески старалась завлечь Сюань-цзана. Наконец чародейка не выдержала и разозлилась.

— Служанки! Принесите сюда веревки! — приказала она.

И вот бедного монаха, к которому чародейка воспылала любовью, скрутили веревками, словно хищного льва, а затем выволокли под веранду и оставили там. Вскоре огни в серебряных светильниках были погашены и все улеглось спать. О том, как прошла ночь, рассказывать нечего.

Когда петухи пропели в третий раз, Сунь У-кун, расположившийся на склоне горы, потянулся и обрадованно сказал:

— Голова у меня совсем не болит — нисколько, а ведь как мучился вчера! Зато теперь она почему-то стала чесаться.

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— Раз чешется, надо попросить чародейку еще разок стукнуть тебя. Что ты на это скажешь?

Сунь У-кун плюнул с досады:

— Отвяжись!

Но Чжу Ба-цзе продолжал смеяться:

— Ты говоришь «отвяжись»! А нашего наставника тем временем чародейка к себе привязала.

Тут Ша-сэнь прервал их.

— Да перестаньте вы ссориться, — с сердцем произнес он, — ведь уже совсем рассвело. Идемте лучше на расправу с этим дьяволом в образе женщины.

— Брат, ты пока побудь здесь, — сказал ему Сунь У-кун, — покарауль коня и никуда не ходи, а Чжу Ба-цзе пусть идет за мной!

Дурень приосанился, подпоясал халат и пошел вслед за Сунь У-куном. У обоих в руках было оружие. Перепрыгнув через гору, они направились к каменному щиту перед воротами пещеры. Тут Сунь У-кун обратился к своему помощнику с такими словами:

— Ты пока постой здесь, а я проберусь и узнаю, не причинила ли эта ведьма вреда нашему наставнику. Если ей удалось обольстить его и он лишился целомудрия, то нам нечего больше делать и придется расставаться, но если он остался непоколебим и проявил твердость характера, не поддавшись никаким соблазнам, то нам надо будет во что бы то ни стало убить ведьму, выручить учителя из беды и следовать дальше на Запад.

— Ты что, полоумный, что ли? — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Не знаешь пословицы: «Сушеная рыба лучшая подстилка для кошки»? И вряд ли ты сможешь против этого возразить.

— Да перестань ты зря болтать! погоди, я все узнаю.

С этими словами наш Сунь У-кун покинул Чжу Ба-цзе и зашел за каменный щит.

Встряхнувшись, он снова превратился в пчелку и пробрался за ворота. Там он увидел двух молодых привратниц, которые сладко спали, положив под голову сторожевые колотушки. Сунь У-кун полетел к цветочной беседке. Там тоже крепко спали служанки, несмотря на то что уже настал день. Видимо, все они изрядно устали за ночь. Сунь У-кун полетел дальше и друг услышал стон. Оглядевшись, он увидел под верандой Танского монаха, связанного по рукам и ногам. Сунь У-кун тихонько подлетел к нему, уселся на голову и позвал:

— Наставник!

Танский монах сразу же узнал голос Сунь У-куна:

— Это ты, дорогой мой Сунь У-кун! Спаси меня скорей!

— Как прошла ночь? Наслаждался любовными утехами?

Танский монах заскрежетал зубами от ярости.

— Да я лучше умру, чем позволю себе что-либо подобное! — вымолвил он.

Сунь У-кун, однако, продолжал допытываться.

— Я заметил вчера, — сказал он, — что эта чертовка уж очень явно к тебе благоволит. Каким же образом ты очутился сейчас здесь в таком жалком виде?

Тогда Танский монах стал рассказывать:

— Она не оставляла меня в покое почти до самого утра. Но я не поддавался ее уговорам и не лег в постель. Тогда она велела связать меня и бросить сюда. Умоляю, спаси меня, чтобы я мог отправиться за священными книгами.

Пока наставник и его верный ученик переговаривались, чародейка уже проснулась и услышала, как Танский монах сказал: «...отправиться за священными книгами». И хотя чародейка была очень зла на Сюань-цзана, расставаться с ним ей не хотелось. Соскочив со своего ложа, она подбежала к нему.

— За какими это еще священными книгами ты собрался? — спросила она гневно. — Эх ты, не сумел даже показать себя, как подобает порядочному мужу!

Сунь У-кун испугался, отпрянул от наставника и, расправив крылья, вылетел через ворота, где принял свой настоящий облик.

— Чжу Ба-цзе! — заорал он.

Чжу Ба-цзе откликнулся на зов и вышел из-за каменного щита.

— Ну что? Ведь сбылись мои слова? — ехидно спросил он.

— Вовсе нет! — отвечал Сунь У-кун. — Эта чертовка, ничего не добившись, со злости связала нашего наставника и бросила под веранду. Он хотел рассказать мне все, что случилось с ним ночью. Но ведьма проснулась, и я поспешил улизнуть.

— Но хоть что-нибудь он успел тебе рассказать? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Он сказал, что не раздевался и в постель не ложился.

Чжу Ба-цзе обрадовался:

— Молодец! Вот это настоящий монах. Теперь давай выручать его из беды!

И, не вступая в дальнейшие разговоры, Чжу Ба-цзе схватил свои грабли и изо всей силы швырнул их в каменные ворота. Раздался страшный грохот, и от ворот откололось несколько кусков. Привратницы в страхе проснулись и побежали ко вторым, внутренним воротам.

— Отворите! — кричали они, не помня себя от страха. — Первые ворота сломаны, их сломали те двое монахов, что были вчера!

Чародейка вышла из своих покоев, и к ней тотчас бросилось несколько служанок.

— Госпожа! — кричали они. — Те двое, что приходили вчера, сломали передние ворота.

Тут чародейка стала поспешно отдавать распоряжения.

— Подайте мне горячей воды умыться! Расчешите мне волосы! — кричала она. — А Танского монаха унесите в заднее помещение и спрячьте там, только не развязывайте!

Со словами: «Сейчас я с ними рассчитаюсь» — чародейка вышла из ворот, взмахнула своим трезубцем и начала браниться:

— Эй ты, мерзкая обезьяна! И ты, грязный боров! Дожили до седых волос, а ума не набрались. Как смели вы сломать мои ворота?

— Бессовестная тварь, потаскуха, — заорал Чжу Ба-цзе. — Нас ругаешь, а сама как поступила с нашим наставником! Зачем захватила в свое логово и хотела сделать своим мужем? Выпусти его живей, тогда мы пощадим тебя! Если же ты посмеешь произнести хоть половину слова «нет», клянусь, что я, Чжу Ба-цзе, своими граблями разнесу всю эту гору и обрушу ее на тебя, ведьма проклятая!

Разумеется, чародейка не могла стерпеть такого обращения. Она затряслась всем телом, из носа и изо рта у нее повалил дым, метнулись языки пламени. Она хотела ударить Чжу Ба-цзе трезубцем, но тот успел увильнуть и принялся бить ведьму своими граблями. Сунь У-кун, не теряя времени, выхватил свой посох и стал помогать товарищу. Но чародейка опять прибегла к своему волшебству: у нее вдруг появилось огромное количество рук, с помощью которых она легко отбивала удары, сыпавшиеся на нее со всех сторон. Противники схватывались раз пять. И с каждым разом все ожесточеннее.

Вдруг чародейка чем-то с силой ударила Чжу Ба-цзе в самое рыло. От страшной боли Дурень бросился бежать, одной рукой волоча за собой грабли, а другой держась за ушибленное место. Сунь У-кун, признавшись, позавидовал ему и, помахав для вида посохом, тоже бросился бежать. Вернувшись с победой, чародейка велела слугам запереть ворота и завалить камнями пролом. На этом мы пока и расстанемся с ней.

Тем временем Ша-сэн, который пас коня на склоне горы, вдруг услышал хрюканье. Оглянувшись, он увидел Чжу Ба-цзе. Тот бежал к нему, держась за рыло, и отчаянно хрюкал.

— Что с тобой? — участливо спросил Ша-сэн.

— Беда, беда! — простонал Чжу Ба-цзе. — Ой, как больно! До чего же больно!

Тут показался Сунь У-кун, который подбежал к ним и со смехом сказал:

— Ну как, Дурень? Будешь теперь надо мною смеяться? А? Вчера ты что-то болтал про мою голову? Говорил, что у меня там болячка, а сегодня сам подхватил не то язву, не то сип?

— Ой, сил больше нет! — стонал Чжу Ба-цзе. — До чего же больно! Что теперь будет? Вот беда!

Все трое находились в полной растерянности и не знали, что делать. Вдруг показалась старушка, которая несла корзинку, сплетенную из бамбука. Она, видимо, шла с южного склона горы, где собирала лекарственные травы. Ша-сэнь увидел ее и обратился к Сунь У-куну:

— Братец! Не спросить ли мне у старушки об этой ведьме? Может, она знает, что у нее за оружие и как она причиняет столь нестерпимую боль?

— погоди! — отвечал Сунь У-кун. — Дай лучше я сам все узнаю.

Сунь У-кун пристально взгляделся в старушку и заметил сияние вокруг ее головы, да и вся она была окутана ароматной дымкой. Сунь У-кун сразу же догадался, кто была эта старушка.

— Братцы мои! — вскричал он. — Скорей становитесь на колени и совершайте земные поклоны! Ведь это сама бодисатва Гуаньинь к нам пожаловала.

Чжу Ба-цзе так переполошился, что, забыв про боль, опустился на колени, а Ша-сэнь, держа коня на поводу, изогнулся в низком поклоне. Сунь У-кун, стоя на коленях, молитвенно сложил руки и проговорил:

— Я верю во всемогущественнейшую и вселюбящую, спасающую от горестей и бед, всепроницательнейшую и величайшую Гуаньинь.

Старушка поняла, что монахи узнали ее по сиянию, которое она излучала. Ступив ногами на благовещий луч, она вознеслась в небо и приняла свой первоначальный вид. Она явилась в одном из своих тридцати трех изображений, с корзиной для рыб в руках. Сунь У-кун тоже взлетел на воздух и, поклонившись бодисатве, молвил:

— О бодисатва! Прости, что мы не почтили тебя поклоном раньше! Мы старались спасти нашего наставника, попавшего в беду, и не знали, что ты согласишься спуститься в

мир. На этот раз нас мучает чародейка, с которой мы никак не можем справиться, и взываем к тебе о помощи. Помогите нам!

Бодисатва ответила:

— Я знаю эту чародейку! Она обладает огромной силой. Ее трезубец — волшебные клешни, а колет она своим хвостом, на конце которого есть крючок. Называется он «ядовитый крючок, от которого добрый конь валится с ног»! В своем первоначальном виде эта чародейка — скорпион. Когда-то в прошлом она слушала, как Будда толковал священные книги в храме Раскатов грома. Будда увидел ее в образе скорпиона и оттолкнул от себя, а она ужалила его в большой палец левой руки. Будде было нестерпимо больно. Он велел своим хранителям схватить ее, но она укрылась здесь. Если вы хотите спасти своего наставника — Танского монаха, то нужно обратиться к кому-нибудь другому, а я тоже не смею приближаться к ней.

Сунь У-кун снова стал кланяться:

— Молю тебя, о бодисатва, укажи, к кому же нам обратиться?

Бодисатва отвечала:

— Отправляйся к Восточным небесным воротам, там есть дворец Лучистого сияния, в котором живет властитель Плеяд. Он один может покорить чародейку.

Тут бодисатва превратилась в сверкающий золотой луч и вернулась в свою обитель на Южном море. Сунь У-кун, оставаясь в воздухе, прижал книзу край облака и крикнул:

— Братья! Не беспокойтесь! У нашего наставника нашлась звезда-избавительница!

— Что за звезда? — спросил Ша-сэнь. — Где она?

— Бодисатва посоветовала мне отправиться за помощью к властителю Плеяд, — отвечал Сунь У-кун. — И я сейчас же отправлюсь к нему!

Чжу Ба-цзе, продолжая держаться за рыло, крикнул Сунь У-куну вдогонку:

— Брат! Попроси у властителя этой звезды какого-нибудь снадобья!

Сунь У-кун, смеясь, отвечал:

— Никакого снадобья не надо. Потерпи, как я, всю ночь, утром все как рукой снимет.

— Не теряй времени, — сказал Ша-сэнь, — иди и быстрее возвращайся.

И вот наш герой, оседлав облако, вмиг долетел до Восточных небесных ворот. Тут он увидел перед собой небесного стража, который окликнул его:

— Куда путь держишь, Великий Мудрец?

— Я сопровождаю Танского монаха на Запад за священными книгами, — стал объяснять ему Сунь У-кун. — И вот по дороге нам попалась ведьма, с которой мы никак не можем справиться. Хочу просить властителя Плеяд, обитающего во дворце Лучистого сияния, помочь мне.

Тут неожиданно появились еще четыре небесных полководца: Тао, Чжан, Синь и Дэн. Они тоже спросили Сунь У-куна, зачем он явился и куда направляется.

— Мне надо увидеться с властителем Плеяд, — отвечал Сунь У-кун, — только он один способен справиться с чародейкой и спасти моего наставника.

— Сегодня утром властитель Плеяд получил повеление Нефритового императора отправиться в башню Созерцания звезд и проверить, как духи выполняют распоряжение Нефритового императора, — в один голос молвили все четыре полководца.

— А вы не врете? — усомнился Сунь У-кун.

— Разве посмели бы мы обманывать тебя? — отвечал полководец Синь. — Я сам проводил его из дворца Доу-ню.

Тут в разговор вмешался полководец Тао:

— Прошло довольно много времени. Может быть, он уже вернулся? Ты все же наведайся во дворец Лучистого сияния. Если его там нет, отправляйся в башню Созерцания звезд и там найдешь его!

Великий Мудрец обрадовался и распрощался с полководцами. Подойдя к парадному входу, ведущему во дворец Лучистого сияния, Сунь У-кун убедился, что там никого нет. Он собрался было вернуться, но вдруг заметил, что с другой стороны дворца выстроились в ряд воины, а вслед за ним показался и властитель Плеяд. На нем была парадная одежда, и он весь сверкал золотом.

Пятью остриями венец его дивный блистал,
Семь главных планет украшали парчовый халат,
На яшмовой гладкой доске, что в руке он держал,
Начертаны были все реки и горы подряд.
Был перьев павлина и радуги ярче стократ
Сверкающий пояс, что стан его обвивал.

Подвески его золотые на песенный лад
Звучали, едва только их ветерок колебал.
Раскрыв опахало, пошел он к дворцу своему —
Поток ароматов струился навстречу ему.

Небесный аромат налетел и заполнил весь двор.

Один из воинов, шедший впереди, увидел Сунь У-куна, стоящего у входа во дворец Лучистого сияния, и доложил:

— О повелитель! Здесь находится Великий Мудрец Сунь У-кун.

Властитель Плеяд оправил на себе одежды, остановился и разделил свою свиту на две шеренги. Затем он выступил вперед, подошел к Сунь У-куну и совершил поклон.

— Зачем изволил пожаловать сюда, Великий Мудрец? — вежливо спросил он.

— Я пришел потревожить тебя и попросить помочь мне выручить из беды моего наставника.

— А что за беда стряслась с ним? — спросил властитель Плеяд. — И в каком месте вашего пути?

— Это произошло в женском царстве Силян, там, где находится гора Погибель врагам, а в ней пещера Лютни пипа.

— Какой же злой дух живет в этой пещере? — продолжал расспрашивать властитель Плеяд. — Почему ты именно ко мне обратился?

— Мне явилась бодисатва Гуаньинь и сказала, что в этой пещере живет злой оборотень-скорпион, с которым только ты один можешь справиться. Вот почему я и явился к тебе с покорной просьбой.

— Мне, по правде говоря, надо явиться с докладом к Нефритовому императору, — сказал властитель Плеяд, — но раз ты сам, Великий Мудрец, пожаловал с такой просьбой, да еще по указанию бодисатвы Гуаньинь, я не смею медлить, чтобы не упустить время. Я даже не решаюсь предложить тебе чаю и готов сейчас же следовать за тобой, чтобы расправиться со злым духом. К Нефритовому императору я явлюсь по возвращении.

Сунь У-кун не заставил себя долго ждать, и они вместе покинули Восточные небесные ворота, а оттуда прямым путем направились в женское царство Силян. Когда до горы Погибель врагам было уже совсем близко, Сунь У-кун протянул руку и сказал:

— Вот эта самая гора и есть!

Властитель Плеяд прижал книзу край облака, сошел с него и вместе с Сунь У-куном направился к тому месту на горе, где стоял каменный щит. Ша-сэн увидел их первым и стал расталкивать Чжу Ба-цзе:

— Вставай, брат, вставай! Явился Сунь У-кун и привел с собой властителя Плеяд.

Чжу Ба-цзе, продолжая держаться за рыло, обратился к прибывшим с такими словами:

— Простите мне мою грубость и невежество, но я болею и не могу поклониться вам.

— Ведь ты вступил на путь познания Истины, какая же у тебя может быть болезнь? — удивился властитель Плеяд.

— Я вступил в бой с ведьмой, обитающей на этой горе, — простонал Чжу Ба-цзе, — но эта чертовка чем-то ударила меня в самое рыло, и я до сих пор страдаю от невыносимой боли.

— А ну-ка подойди ко мне поближе! — приказал властитель Плеяд. — Сейчас я тебя вылечу!

Чжу Ба-цзе опустил руку, которой держался за рыло, и прошамкал:

— Умоляю тебя, избавь меня от этой боли! А я уж отблагодарю тебя, как только поправлюсь.

Властитель Плеяд потер рукой ужаленное место, дунул на него, и боль сразу же утихла. Вот уж поистине как рукой сняло. Чжу Ба-цзе обрадовался, повалился в ноги и стал благодарить.

— Чудо! Настоящее чудо! — повторял он без конца.

Сунь У-кун рассмеялся и затем обратился к властителю Плеяд:

— Не потрете ли вы и мою голову?

— А зачем? — удивился властитель Плеяд. — Ведь тебя злой дух не ударил?

— Как не ударил? — возразил Сунь У-кун. — Вчера мне тоже досталось. Но прошла ночь, и боль утихла сама по себе, только теперь голова зудит. Боюсь, не случилось бы чего худого. Прошу тебя, полечи и меня тоже.

Властитель Плеяд потер Сунь У-куну голову, потом дунул, снял весь оставшийся яд, и зуд прошел.

— Теперь, брат, пойдем бить эту чертовку! — проговорил Чжу Ба-цзе.

— Да, да! Пора идти! — сказал также властитель Плеяд. — Вы ступайте первыми и вызовите ее, а уж я сам с ней расправлюсь.

Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе вспрыгнули на вершину горы, подошли к каменному щиту и скрылись за ним. Неистово ругаясь, Чжу Ба-цзе стал крошить каменные ворота своими граблями и проделал в них брешь, в которую и вошел вместе с Сунь У-куном. Дойдя до вторых ворот, Чжу Ба-цзе еще яростнее накинулся на них и раскрошил их вдребезги. Привратницы в страхе бросились докладывать своей госпоже:

— Госпожа ты наша! Те двое монахов опять появились и разломали вторые ворота!

Как раз в это время чародейка освободила Танского монаха от веревок и собиралась сама поить его чаем и кормить разными яствами. Услышав, что вторые ворота разбиты, она выскочила к цветочной беседке, схватила свой трезубец и, вращая им в воздухе, словно колесом, пошла на Чжу Ба-цзе. Тот стал защищаться своими граблями, а Сунь У-кун, находившийся сбоку, принялся наносить удары своим посохом. Чародейка собралась было применить свое волшебство, но Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе, наученные горьким опытом, пустились наутек.

Преследуя их, чертовка очутилась за каменным щитом.

— Властитель Плеяд! Где ты? — закричал тут Сунь У-кун и в следующий же момент увидел его на склоне горы.

В один миг властитель Плеяд принял свой настоящий облик. Он оказался большим петухом с двойным гребнем, и когда поднял голову, то рост его достиг почти семи чи. Он крикнул что-то чертовке, которая моментально приняла свой первоначальный вид. Она оказалась громадным скорпионом, величиной с музыкальный инструмент пипа. Петух еще раз что-то прокричал, и скорпион вдруг весь размяк и тотчас сдох у склона горы.

У петуха был гребень, словно пламя,
А шея, что расшитая шелками,
Хвост отливал лазурным, черным, алым
И прочими чудесными цветами.
Приятно было видеть, как шагал он,
Как выступал красиво, плавно, важно,
Как круглыми блестящими глазами

Посматривал и гордо и отважно,
 То был защитник правды, добрый дух,
 Властитель звезд, а вовсе не петух!
 Вот широко раскрыл он клюв янтарный,
 И трижды клич его могучий грянул.
 Тут, оглушенный, в ужасе отпрянул,
 Едва его заслышав, дух коварный,
 Пытавшийся монаха сбить с пути,
 Чтоб тот не смог за книгами идти, —
 И суть свою сокрывший скорпион
 Был снова в скорпиона обращен.

Чжу Ба-цзе шагнул вперед и с яростью наступил на издохшего скорпиона.

— Вот тебе, гадина! — с ненавистью произнес он. — Больше тебе не придется пускать в ход свое жало, которое валит коней с ног.

После этого Чжу Ба-цзе ударил скорпиона граблями и превратил его в бесформенный комок.

Тем временем властитель Плеяд превратился в золотистый луч, скользнул на облако и умчался. А Сунь У-кун вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном обратились лицом к небу и стали отбивать поклоны.

— Премного благодарны тебе за твою помощь, — кричали они хором, — настанет время, и мы обязательно отблагодарим тебя.

После этого они втроем собрали поклажу, привели в порядок коня и отправились в пещеру. Их встретили служанки, которые стояли на коленях по обе стороны от ворот и кланялись им в ноги.

— Благодетели вы наши! — вопили они. — Пожалейте нас, не губите! Ведь мы не оборотни, а простые смертные из государства Силян. Нас в свое время похитила злая чародейка и обратила в своих рабынь. Не беспокойтесь, ваш наставник жив и находится в заднем помещении, в ароматной опочивальне, где безутешно плачет!

Услышав эти слова, Сунь У-кун стал внимательно разглядывать девушек и убедился в том, что они действительно не оборотни. Затем он вошел во внутреннее помещение и позвал:

— Наставник!

Танский монах, увидев своих учеников, пришел в неописуемую радость.

— Сколько хлопот я вам доставил! — повторял он без конца. — А что случилось со здешней хозяйкой?

— Здешняя хозяйка оказалась огромным скорпионом-самкой. К счастью, бодисатва Гуаньинь явилась нам в образе старушки и сказала, кто может покорить эту ведьму. Старший брат Сунь У-кун помчался в небесные чертоги и попросил властителя Плеяд спуститься на землю и помочь нам. А я потом раздавил скорпиона своими граблями, и от него осталось мокрое место! Лишь после этого мы осмелились проникнуть сюда и вот наконец нашли тебя, дорогой наш наставник!

Танский монах не переставал благодарить своих учеников за избавление. Затем они нашли в пещере рис и муку, приготовили пищу и плотно закусили. Они отпустили всех служанок, указав им путь в царство Силян, а после этого зажгли факел и спалили все, что было в пещере.

Наконец ученики подвели Танскому монаху коня, попросили его сесть верхом, отыскиали дорогу и все вместе отправились дальше на запад.

Вот уж поистине:

Танский монах от соблазнов мирских отрешен,
 Женские чары отверг и предал порицанью,
 Также и золото. Для мудреца созерцанье
 Было дороже всего, и ему посвятил себя он.

Неизвестно, сколько лет Танскому монаху пришлось скитаться, прежде чем его причислили к лику святых. О том, что с ним происходило в дальнейшем, вы узнаете из последующих глав.

4) ЦАО СЮЭ-ЦИНЬ (1724?–1764) СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ

Цао Сюэ-цин, настоящие имена — Чжань, Мэн-юань (-жуань), — ведущий литератор-романист периода наивысшего расцвета этого рода китайской художественной словесности.

Семейству Цао Сюэ-цин с родословной от ханьского клана Цао, родом из северо-восточного региона Китая (провинция Хэбэй), посчастливилось вновь возвыситься во второй

половине XVII в., когда прадед будущего романиста — Цао Си — был назначен управляющим ткацкими мастерскими в г. Цзянпине (провинция Аньхуэй), которые поставляли ткани императорскому двору. Дед Сюэ-цин, принявший эту должность по наследству, стал одним из богатейших людей Китая: в его доме четыре раза останавливался император Шэн-цзу (Канси, 1662—1723) во время поездок на юг. Сюэ-циню исполнилось всего четыре года, когда его отец был обвинен в злоупотреблениях, снят с должности, а имущество семьи конфисковано. Цао перебрались в Пекин, но и там преследовались властями, что привело их к полному разорению. Цао Сюэ-цин приступил к написанию «Сна в красном тереме», живя в полной нищете: он скитался по лачугам в пригороде столицы и зарабатывал на пропитание продажей своих рисунков. Он умер, так и не успев закончить роман, сраженный смертью единственного сына.

Уже спустя два года после смерти Цао Сюэ-цина рукописи «Сна в красном тереме» стали расходиться по Пекину. Но его типографское издание появилось лишь в 1791 г., причем 80 глав, написанные Цао Сюэ-цинем, были дополнены в нем 40 главами, принадлежащими еще одному цинскому литератору — Гао Э. Вариант романа, созданный Гао Э, был далеко не единственным опытом его продолжения-переделки. Творение Цао Сюэ-цина, как ни один другой китайский роман, вызвало к жизни множество подобных сочинений, красноречиво свидетельствуя о степени его популярности у читательской аудитории. Существуют, например, произведения под названиями «Продолжение сна в красном тереме», «Поздний сон в красном тереме», «Новый сон в красном тереме», «Волшебный сон в красном тереме» — всего свыше тридцати, которые еще цинскими филологами и критиками назывались совершенно бесполезными и никчемными книгами.

«Сон в красном тереме» представляет собой своего рода сагу о богатом столичном семействе Цзя. Его действие развивается в двух огромных дворцовых ансамблях, принадлежащих этому семейству, — Нинго и Жунго, хозяином первого из которых является Цзя Чжэнь, а второго — братья Цзя Шэ и Цзя Чжэн. Главной сюжетной линией романа служит история любви Бао-юя (Драгоценный Нефрит), сына Цзя Чжэна, и Линь Дай-юй (в ее имя тоже входит слово «нефрит») — племянницы Цзя Чжэна от его покойной сестры, которую по-

сле смерти матери взяла на воспитание бабушка — Ши Тай-цзюнь (матушка Цзя), под чьим присмотром рос и Бао-юй.

Следует сразу же предупредить, что содержание романа отнюдь не сводится только к этой истории. Роман равно может быть охарактеризован и как бытоописательное, психологически-бытоописательное и сатирически-бытоописательное произведение, поскольку Цао Сюэ-цин с художественным мастерством и на редкость убедительно воссоздает атмосферу бытия семейства Цзя. В нем царят алчность (Цзя разбогатели благодаря ростовщичеству), жадность, сочетающиеся со стремлением пустить пыль в глаза; ханжество, но опять-таки уживающееся с распутством; лицемерие, жестокость и деспотизм старших по отношению к младшим, прикрываемые апелляциями к конфуцианским устоям. Но чем откровеннее раскрывал Цао Сюэ-цин быт и нравы всего семейства, тем с большей душевной теплотой и вниманием он запечатлел разгорающиеся чувства Бао-юя и Дай-юй, тонко отмечая нюансы их душевного состояния и поведения. Например, Бао-юй, избалованный и эгоистичный юноша, привыкший к тому, что все окружающие по его малейшему требованию бросаются исполнять его капризы и прихоти, начинает неожиданно для самого себя испытывать потребность заботиться о хрупко-болезненной Дай-юй и окружает ее трогательными знаками внимания. А Дай-юй, казалось бы смирившаяся со своей участью бедной родственницы-приживалки, осознает силу своей красоты и пытается бороться за свое счастье. Но любовь Бао-юя и Дай-юй изначально обречена на трагический финал. Бабушке Цзя внучка-сирота кажется столь гордой и непокорной, что она выбирает Бао-юю другую невесту — его двоюродную сестру Бао-чай, умеющую угождать властной старухе. Каким виделось самому Цао Сюэ-циню продолжение судеб его героев — остается только догадываться. В версии завершения романа Гао Э Дай-юй умирает (сцена ее смерти оказывается неоправданно затянутой, занимая две — 97—98-ю — главы), а Бао-юй, предварительно сдав экзамен, уходит в буддийский монастырь. Все авторы упомянутых продолжений-переделок романа пытались привести историю их любви к счастливому завершению: Дай-юй в них воскресает, становится женой Бао-юя и хозяйкой дома Цзя, а Бао-юй удовлетворяется до этого совершенно чуждой служебной карьерой — настолько сильно очарование этой юной пары и желание читателей увидеть торжество их любви.

Сила эмоционального воздействия «Сна в красном тереме» на читательскую аудиторию соразмерна его высочайшим художественным достоинствам. Этот роман действительно знаменует качественно новую ступень в истории развития китайской романистики и заслуживает внимания наравне с признанными шедеврами европейской художественной литературы.

На русском языке имеется полный перевод «Сна в красном тереме», выполненный В. А. Панасюком, в: *Цао Сюэ-цинъ. Сон в красном тереме* / Пер. В. А. Панасюка; Вступ. ст. Н. Т. Федоренко; Коммент. В. А. Панасюка и Л. Н. Меньшикова. М., 1958. Т. 1—2.

Глава девятнадцатая,

*в которой речь пойдет о том, как ясной ночью цветок поведаль
о своих чувствах и как тихим днем погруженная в задумчивость
яшма издавала благоухание*

На следующий день после возвращения во дворец Юань-чунь предстала перед государем, чтобы поблагодарить его за милость и доложить ему о своем свидании с родными. Государь остался очень доволен и распорядился выдать из собственных кладовых разноцветный шелк, золото и серебро, чтобы одарить Цзя Чжэна и служанок из «перечных покоев». Однако об этом мы подробно рассказывать не будем.

После нескольких дней крайнего напряжения обитатели дворцов Жунго и Нинго чувствовали себя усталыми телесно и духовно. Кроме того, понадобилось еще два-три дня для того, чтобы убрать все вещи и украшения. Особенно много доставалось Фын-цзе, она не знала ни минуты покоя, тогда как другие находили для себя время отдохнуть. И все это потому, что Фын-цзе была самолюбивой и не хотела, чтобы о ней шли всякие пересуды; она держалась из последних сил, но старалась показать, будто никаких особых дел у нее нет.

Больше всех страдал от праздности и безделья Бао-юй.

Однажды утром мать Си-жэнь пришла к матушке Цзя просить разрешения взять свою дочь домой на новогодний чай. Си-жэнь должна была возвратиться только к вечеру, и во время ее отсутствия Бао-юю пришлось развлекаться с друзьями служанками игрой в кости да в облавные шашки.

Когда Бао-юю все это наскучило, пришли служанки и доложили:

— Старший господин Цзя Чжэнь из восточного дворца Нинго приглашает вас посмотреть спектакль и полюбоваться новогодним фейерверком и праздничными фонариками.

Услышав это, Бао-юй немедленно приказал подать ему переодеться. Но как раз в тот момент, когда он собирался уходить, принесли сладкий молочный напиток, который прислала Юань-чунь. Вспомнив, что такой напиток в прошлый раз очень нравился Си-жэнь, Бао-юй приказал оставить для нее, а сам, предупредив матушку Цзя о своем уходе, отправился во дворец Нинго смотреть спектакль.

И кто бы мог подумать, что Цзя Чжэнь распорядится поставить такие акты, как «Дин-лан узнает отца», «Хуан Бо-ян властвует над духами тьмы», «Сунь У-кун устраивает переполох в Небесном дворце» и «Цзян Тай-гун жалуется званиями святых погибших полководцев»?

Актеры толпами появлялись на сцене, размахивали знаменами, пировали, воскуривали благовония и зывали к Будде. Далеко вокруг разносились удары в гонги и барабаны. А братья, сыновья и племянники из рода Цзя угощали друг друга, шутили, смеялись с сестрами, наложницами и служанками.

И только Бао-юй, посидев до тех пор, пока веселье достигло самого разгара, потихоньку встал и пошел бродить куда глаза глядят. Сначала он направился во внутренние покои, поговорил немного и пошутил с госпожой Ю и с наложницами, а затем ускользнул оттуда через заднюю дверь. Госпожа Ю и остальные решили, что он снова отправился смотреть спектакль, и не придали значения его уходу. Цзя Чжэнь, Цзя Лянь и Сюэ Пань, которые были заняты разгадыванием загадок, тоже не заметили его исчезновения, а когда хватились, решили, что Бао-юй ушел во внутренние покои. Что же касается слуг, которые пришли сюда вместе с Бао-юем, то они были уверены, что Бао-юй здесь задержится надолго, поэтому одни из них ушли играть в кости, другие разбрелись к друзьям либо принялись пить вино, надеясь, что домой придется возвращаться только к вечеру. Те же из слуг, которые были помоложе, остались смотреть спектакль.

Убедившись, что возле него никого нет, Бао-юй про себя подумал:

«Здесь был кабинет, где висел искусно нарисованный портрет красавицы. Сейчас там, конечно, нет никого, и красавица, наверное, скучает в одиночестве. Пойду утешу ее».

Бао-юй отправился туда. Но когда он подошел к окну кабинета, то услышал доносившееся оттуда прерывистое дыхание.

«Неужто красавица ожила?» — подумал он, вздрогнув от испуга.

Набравшись храбрости, он проколол бумагу, которой было заклеено окно, и заглянул внутрь. Красавица на портрете, конечно, не ожила, а вот Мин-янь возле нее с какой-то девушкой делал то, чему Бао-юй когда-то учила бессмертная фея Цзин-хуань. Причем момент был самый интересный, поэтому и слышались такие вздохи и учащенное дыхание.

— Вот так здорово! — не удержавшись, воскликнул Бао-юй.

Он толкнул ногой дверь и вошел. Мин-янь и перепуганная девушка вскочили, торопливо оправляя на себе одежду. Когда Мин-янь увидел, что перед ним Бао-юй, он бросился на колени и стал умолять о прощении.

— Заниматься такими делами среди бела дня! Ну как это называется! — принялся укорять его Бао-юй. — Неужели ты не понимаешь, что тебя ожидает, если об этом узнает старший господин Цзя Чжэнь?

Бао-юй повернул голову и взглянул на служанку. Это была чистенькая, милая девушка, и в ней было что-то такое, от чего могло дрогнуть сердце. Она стояла, покраснев до ушей от стыда, и молчала, опустив голову.

— Ты еще здесь? — топнул на нее ногой Бао-юй.

Слова эти словно пробудили девушку, она вздрогнула и со всех ног бросилась бежать.

Бао-юй тоже выскочил за нею и крикнул вслед:

— Не бойся, я никому не скажу!

Обеспокоенный Мин-янь окликнул Бао-юя:

— Второй господин, а разве тем самым, что вы кричите, вы не даете другим возможность узнать об этом?

— Сколько лет этой служанке? — поинтересовался Бао-юй.

— Наверное, не больше шестнадцати-семнадцати.

— Ты даже не спросил, сколько ей лет, а уже такими делами занимаешься, — снова упрекнул его Бао-юй. — Напрасно она с тобой знакома! Жаль! Жаль! А как ее зовут?

— Это длинная история и довольно удивительная! — сказал Мин-янь. — Она мне рассказывала, что, когда мать кормила

ее грудью, ей приснился сон, будто она получила кусок парчи, вместо узора покрытый иероглифами Вань. Вот она и дала дочери имя Вань-эр.

— Девушке непременно повезет! — улыбнулся Бао-юй. — Хочешь, я поговорю, чтобы ее выдали за тебя замуж?

— А вы, второй господин, почему не смотрите такой интересный спектакль? — спросил Мин-янь, не отвечая на вопрос Бао-юя.

— Я долго смотрел, потом вышел прогуляться, — ответил Бао-юй, — и натолкнулся на вас. Что же мы будем сейчас делать?

Мин-янь еле заметно улыбнулся и сказал:

— Сейчас за вами никто не следит. Если хотите, я свожу вас погулять за город и тотчас же вернемся.

— Нет, не годится, — возразил Бао-юй, — того и гляди, торговцы людьми утащат. Да и здесь, если узнают, скандал будет. Лучше пойти в какое-нибудь место, что поближе.

— А куда? — спросил Мин-янь. — Все равно это трудно.

— Давай поедem к сестре Хуа Си-жэнь, поглядим, что она делает, — предложил Бао-юй.

— Хорошо, — согласился Мин-янь, — а я-то о ней забыл. — Затем добавил: — Только если узнают, что я увел вас куда не следует, меня поколотят!

— А я на что! — засмеялся Бао-юй.

Мин-янь привел коня, и через задние ворота они выехали из дворца.

К счастью, Си-жэнь жила неподалеку, и не успели они проехать половину ли, как очутились у ворот ее дома. Мин-янь вошел первым и позвал Хуа Цзы-фана — старшего брата Си-жэнь.

В этот момент мать Си-жэнь угощала дочь и нескольких племянников и племянниц, как вдруг снаружи послышался голос:

— Брат Хуа Цзы-фан!

Когда Хуа Цзы-фан вышел и увидел перед собой хозяина и его слугу, он испугался и со всех ног бросился помогать Бао-юю сойти с коня, на ходу крикнув в сторону дома:

— Второй господин Бао-юй приехал!

На присутствующих это не произвело большого впечатления, но Си-жэнь, которая не знала о цели его приезда, торопливо выбежала навстречу, схватила Бао-юя за руку и встревоженно спросила:

— Ты зачем приехал?
 — Скучно стало, — ответил Бао-юй, — вот и решил посмотреть, что ты подделываешь.

Только теперь Си-жэнь успокоилась и сказала:

— Опять твои глупости! И зачем было ехать сюда! — Обращившись к Мин-яню, она добавила: — С вами еще кто-нибудь?

— Нет! Никто об этом не знает, — ответил тот.

Си-жэнь снова встревожилась.

— Ну куда это годится! — укоризненно произнесла она. — А если б вас заметили или повстречался бы старый господин? Да и на улице много лошадей, вас могли раздавить, или вышла бы еще какая-нибудь неприятность, — разве это шутки? Смелости у вас больше, чем нужно! Это все Мин-янь подстрекает! Вот погоди, вернусь и расскажу мамкам! Они тебя, разбойника, хорошенько отколотят!

— Господин меня отругал и заставил привести его сюда! — перебил ее Мин-янь. — А сейчас все хотят свалить на меня! Я же ему говорил, что не нужно ехать! Но если уж так, мы сейчас же уедем.

— Ну ладно, — стал уговаривать их Хуа Цзы-фан. — Раз приехали, не о чем толковать. Только в нашей убогой хижине тесно и грязно, как же господину оставаться здесь?

Мать Си-жэнь тоже вышла встречать Бао-юя. Си-жэнь взяла Бао-юя за руку и повела в дом. Бао-юй увидел в комнате несколько девочек. Едва он вошел, они потупились и покраснели от смущения.

Опасаясь, что Бао-юю будет холодно, Хуа Цзы-фан и его мать пригласили его сесть на кан, поставили для него фрукты, налили чаю.

— Не надо хлопотать, — сказала им Си-жэнь. — Я его прекрасно знаю и не могу дать ему что попало.

С этими словами она принесла подушку, на которой до этого сидела сама, положила ее на табурет и усадила Бао-юя. Затем подставила ему под ноги свою грелку и дала две ароматные лепешечки, которые вытащила из сумочки. После этого она открыла свою грелку для рук, зажгла ее, вновь закрыла и повесила на шею Бао-юю. Наконец она налила чаю в свою собственную чашку и тоже поднесла ему.

Вскоре мать и сын расставили на столе угощения.

Видя, что среди кушаний нет ничего подходящего для Бао-юя, Си-жэнь с улыбкой сказала ему:

— Раз ты приехал, нельзя возвращаться ни с чем. Попробуй хоть то, что есть.

Она взяла немного тыквенных семечек, потерла их между ладонями, потом сдула тонкую шелуху и на платочке подала семечки Бао-юю. Бао-юй заметил, что у Си-жэнь слегка красные глаза, а пудра на лице в нескольких местах размазана.

— Ты почему плакала? — потихоньку спросил он.

— Кто плакал? Просто засорила глаз и потом растерла, — проговорила Си-жэнь, так и не рассказав ему правды.

Бао-юй был одет в куртку с узкими рукавами, покрытую темно-красным шелком с узорами из четырехпалых драконов, снизу подбитую мехом из подпашин лисицы; поверх куртки была наброшена темно-зеленая куртка на соболином меху, отороченная бахромой. Поглядев на Бао-юя, Си-жэнь улыбнулась:

— Неужели, когда ты переодевался, никто не заметил и не спросил, куда ты собираешься?

— Собственно говоря, переодевался я потому, что старший господин Цзя Чжэнь пригласил меня к себе смотреть спектакль, — ответил Бао-юй.

Си-жэнь сказала:

— Посиди немного и поезжай обратно — ведь в такие места, как сюда, тебе не разрешается ездить.

— Было бы хорошо, если бы и ты поехала со мной, — предложил Бао-юй, — я оставил для тебя дома кое-что вкусное.

— Тише! — предупредила его Си-жэнь. — Не нужно, чтобы они слышали!

Она протянула руку, сняла с шеи Бао-юя яшму и, обращаясь к своим сестрам, сказала:

— Вот, поглядите! Уже давно вы толкуете, что это — редкая вещица, и выражаете сожаление, что ни разу не видели ее. Смотрите на нее сколько угодно. Если вам когда-нибудь придется видеть редкую вещь, знайте наперед, что она будет не лучше этой.

Она показала на яшму, а потом вновь повесила ее на шею Бао-юя. Затем попросила брата нанять крытую коляску пощице и поприличнее и проводить Бао-юя домой.

— Я его провожу, — отозвался Хуа Цзы-фан, — пусть едет верхом, ничего не случится.

— Я прошу нанять коляску не потому, что может что-то случиться, — возразила Си-жэнь, — а просто на случай, если кто-нибудь случайно встретится по пути.

Хуа Цзы-фан тотчас нанял коляску, и Бао-юй сел в нее. Остальным неудобно было удерживать его, и они вышли проводить гостя.

Си-жэнь дала Мин-яню немного фруктов и денег, чтобы он купил хлопушек, и при этом наказывала:

— Смотри, никому ничего не рассказывай, а то на себя же беду накличешь!

Си-жэнь подождала у ворот, пока Бао-юй опустил занавески в коляске и уехал.

Мин-янь и Хуа Цзы-фан, ведя на поводу лошадь Бао-юя, шли за коляской.

Когда добрались до улицы, где находился дворец Нинго, Мин-янь приказал остановить коляску и сказал Хуа Цзы-фану:

— Мы со вторым господином сначала проберемся в восточный дворец и потолкаемся там немного и только оттуда сможем уйти в западный дворец, не вызывая подозрений.

Услышав это, Хуа Цзы-фан помог Бао-юю выйти из коляски, а сам пошел отвести на место его коня.

— Извини, что я тебя затрудняю, — сказал ему на прощание Бао-юй.

С этими словами он скрылся за воротами дворца Нинго. Но об этом мы рассказывать не будем.

После того как Бао-юй вышел из дома, служанки предпочли развлекаться как кому вздумается. Одни сели играть в облавные шашки, другие — в кости, шелкая тыквенные семечки, отчего весь пол в комнате был усеян шелухой.

Неожиданно вошла мамка Ли, чтобы справиться о здоровье Бао-юя, но, узнав, что его нет дома, и увидев, что служанки всецело поглощены играми, она сказала:

— После того как я ушла отсюда и стала редко приходить, вы еще больше распустились, и другие мамки не осмеливаются вам слово сказать. Это вам потакает Бао-юй, который, как фонарь на длинном шесте, светит для других, а себя осветить не может; ему кажется, что все люди грязные, а он один чист! Ведь вы находитесь в его комнате, а насорили и перевернули все вверх дном!

Служанки знали, что Бао-юй не станет к ним придирается, да и мамка Ли уже не имеет права распоряжаться ими, а поэтому они не обращали на нее внимания.

Мамка Ли между тем продолжала выпрашивать:

— Как сегодня спал Бао-юй? Как ел?

Служанки отвечали ей разными глупостями, а некоторые из них недовольно ворчали:

— Ну и надоедливая старуха!

— В той чашке сладкое молоко, — не унималась мамка Ли, — почему вы не даете его мне?

Не получив ответа, мамка Ли взяла чашку и хотела пить.

— Эй, эй, не трогай! — крикнула одна из служанок. — Это оставлено для Си-жэнь, и если Бао-юй узнает, что кто-то выпил, он будет сердиться! А уж если взяла, сама ему и признавайся, мы за тебя отвечать не хотим!

Мамка Ли сначала смутилась, но потом рассердилась:

— Я не верю, чтобы он был настолько мелочным! Стоит ли рассуждать о какой-то чашке молока! Даже если бы здесь было что-нибудь подороже, и то я заслужила! Неужели Си-жэнь для него значит больше, чем я? Неужто он не помнит, кто его выкормил? Он вырос на моем молоке, в которое превращалась моя кровь, неужели он станет злиться из-за чашки коровьего молока? Нарочно выпью, посмотрим, что он сделает! Вы носитесь с Си-жэнь как невесть с чем, а ведь я эту дрянную девчонку воспитала! Подумаешь, фря какая!

Она рассердилась не на шутку и выпила все молоко. Тогда другая служанка с улыбкой сказала ей:

— Эти девчонки не умеют разговаривать со старшими, и не удивительно, что вы вышли из себя. Да разве Бао-юй может рассердиться из-за чашки молока? Он сам еще пришлет вам угощений!

— А ты не будь лисой! — обрушилась на нее мамка Ли. — Думаешь, я не знаю, как в прошлый раз из-за чашки чая выгнали Цянь-сюэ? Если я провинюсь, сама и отвечу!

С этими словами она, возмущенная, вышла.

Вскоре возвратился Бао-юй и приказал людям пойти встретить Си-жэнь. Неожиданно он заметил Цин-вэнь, неподвижно лежавшую на кровати.

— Заболела? — спросил Бао-юй. — Или проигралась?

— Она сначала выиграла, но потом пришла старая мамка Ли, все перепутала нам — вот она и проигралась, — объяснила за нее Цю-вэнь, — и теперь от злости легла спать.

— А вы близко к сердцу не принимайте, — улыбнулся Бао-юй, — пусть она делает что хочет.

В это время пришла Си-жэнь, и они поздоровались друг с другом. Си-жэнь спросила у Бао-юя, где он обедал, когда

вернулся домой, а также от имени своей матери и сестер передала привет подругам. Затем она переоделась и сняла с себя украшения. Бао-юй приказал подать ей сладкое молоко.

— Няня Ли его выпила, — доложили ему служанки.

Бао-юй хотел что-то сказать, но тут поспешила вмешаться Си-жэнь.

— Так вот что ты для меня оставил! — воскликнула она. — Спасибо большое за заботу! Я это сладкое молоко очень любила и недавно столько выпила, что желудок расстроился. Полегчало только тогда, когда меня стошнило. И хорошо, что она выпила, — не пропадать же ему зря. Мне бы хотелось сушеных каштанов. Может быть, ты очистишь? А я постелю тебе на кане.

Бао-юй принял ее слова за чистую монету, сразу забыл о молоке и, присев возле лампы, принялся чистить каштаны. Заметив, что служанки вышли из комнаты, он с улыбкой обратился к Си-жэнь:

— Кто это такая была у вас в красном платье?

— Моя двоюродная сестра, — ответила Си-жэнь.

Бао-юй восхищенно поглядел на нее и вздохнул.

— Ты чего вздыхаешь? — удивилась Си-жэнь. — А впрочем, понимаю: ты считаешь, что она недостойна так наряжаться!

— Вовсе нет! — засмеялся Бао-юй. — Если такая девушка недостойна, так кто же тогда достоин? Она такая миленькая, что я подумал, как хорошо было бы взять ее в наш дом.

— Пусть уж одной мне суждено быть рабыней, — холодно усмехнулась Си-жэнь, — неужели и все мои родственницы должны быть рабынями? Видимо, у вас в доме хотят держать только хороших и красивых служанок!

— Какая ты подозрительная! — заметил ей Бао-юй. — Неужели ты думаешь, что прийти в наш дом — значит непременно стать рабыней. Разве она не могла бы жить у нас как родственница?

— Ну нет, этого она недостойна! — бросила Си-жэнь.

Бао-юй не пожелал больше с ней спорить и молча продолжал чистить каштаны.

— Что же ты замолчал? — улыбнулась Си-жэнь. — Может быть, я тебя обидела своими словами? В таком случае — наберись духу и купи ее за несколько лян серебра.

— Что я могу на это ответить? — произнес Бао-юй. — Восхищаясь ее красотой, я всего-навсего хотел сказать, что только

такие, как она, достойны жить в роскошных домах и огромных дворцах, а грязным тварям, как мы, здесь не место.

— Такого счастья, правда, ей не выпало, — заметила Си-жэнь, — но мои тетушка и дядюшка любят ее, как сокровище, и с детства избаловали. Ей уже семнадцать лет, все приданое для нее готово, и на будущий год она выйдет замуж.

Услышав слова «выйдет замуж», Бао-юй невольно два раза ахнул. Ему сразу стало не по себе, но тут он снова услышал слова Си-жэнь:

— В течение нескольких лет я почти не видела ее со своими сестрами, а сейчас, когда я собираюсь возвратиться домой, я их уже не застаю.

Уловив в ее словах скрытый намек, Бао-юй взволновался, бросил каштаны и спросил:

— Ты хочешь уйти? Почему?

— Я слышала, как моя мама советовалась со старшим братом, — ответила Си-жэнь. — Они велели мне потерпеть еще годик, а потом придут и выкупят меня.

Бао-юй еще больше взволновался и поспешно спросил:

— Зачем они хотят выкупить тебя?

— Странные слова! — воскликнула Си-жэнь. — Не приравнивать же себя к тем, кто родился у вас в доме! Ведь вся наша семья живет в другом месте, и только я одна нахожусь здесь. Какой же может быть иной выход?

— Я тебя не отпущу! — решительно заявил Бао-юй. — И ты ничего не сможешь поделать!

— Нет таких законов! — возразила Си-жэнь. — Даже в императорском дворце есть твердо установленные правила: девушек-служанок всегда отпускают через столько лет, на сколько их берут. Если уж там нет обычая оставлять служанок у себя пожизненно, то в вашей семье и подавно ничего подобного быть не может!

Бао-юй задумался. Си-жэнь рассуждала вполне разумно, и ему нечего было возразить.

— А если старая госпожа не отпустит? — спросил он наконец.

— Почему? — удивилась Си-жэнь. — Если бы я действительно заслуживала уважения, пришлось по сердцу старой госпоже и твоей матушке, они не захотели бы меня отпустить и заплатили бы нашей семье еще несколько лян серебра, тогда бы я осталась. Такие случаи бывают. Но я самый заурядный человек, и многие значительно лучше меня. С самого детства я служила

старой госпоже, потом несколько лет прислуживала старшей барышне Ши Сян-юнь, сейчас прислуживаю тебе. И если родные хотят меня выкупить, вам, пожалуй, следовало бы отпустить меня и даже не требовать никакого вознаграждения. Заявлять о том, что я тебе хорошо служила, и только поэтому не отпускать меня — вовсе глупо. Хорошо служить я обязана, в этом нет никакой заслуги. Да и не может случиться, что, если я уйду, у тебя не останется ни одной хорошей служанки.

Понимая, что у нее есть все основания для ухода и никаким образом нельзя удержать ее, Бао-юй еще больше переполошился:

— И все же я от всей души хочу, чтобы ты осталась здесь, и вовсе не нужно, чтобы бабушка разговаривала с твоей матерью! Мы дадим твоей матери побольше денег, и ей неудобно будет взять тебя от нас.

— Конечно, моя мама не сможет взять меня силой! — согласилась Си-жэнь. — Нечего и говорить, что с ней все можно уладить. Если вы дадите ей денег, ей тем более неудобно будет заводить речь о моем уходе. Даже в том случае, если вы не дадите ей ни копейки, а просто удержите меня здесь, она тоже не осмелится вам перечить. Но в вашей семье подобных случаев никогда не было! Нельзя же живого человека уподоблять вещи, которую можно купить, щедро заплатив продавцу. Оставлять меня здесь без всяких оснований для тебя нет никакой выгоды, ты только разлучишь меня с родными. Разве твоя бабушка и матушка согласятся на такое дело?

Бао-юй опять немного подумал, а затем произнес:

— Судя по твоим разговорам, ты определенно решила уйти?

— Определенно, — подтвердила Си-жэнь.

Бао-юй снова глубоко задумался: «Кто мог предположить, что такая девушка окажется бесчувственной и забудет о долге?»

— Что ж! — со вздохом произнес он. — Если бы я раньше знал, что ты уйдешь, я бы не добивался тебя! Оставляешь ты меня сиротой!

С этими словами он, расстроенный, лег на кровать.

А дело все в том, что Си-жэнь, находясь дома, слышала, как мать и старший брат разговаривали о том, что собираются ее выкупить. Но она решительно заявила, что до самой своей смерти не вернется домой. И после этого она сказала:

— Когда у вас нечего было есть и оставалась только я, за которую можно было получить несколько лян серебра, вы

меня продали. Иначе вы, наверное, умерли бы с голоду. Но вам посчастливилось, и я попала в такое место, где ем, как хозяева, никто не бьет и не ругает меня. Благодаря этому вы сумели привести в порядок хозяйство и восстановить состояние, несмотря на то что умер отец. Но если у вас опять появятся затруднения и, выкупив меня, вы захотите снова продать, чтобы получить деньги, — это будет невозможно. Зачем вам выкупать меня? Считайте, что я умерла, и пусть у вас больше не появляется мысль о выкупе.

Она всплакнула.

Когда мать и брат убедились, что Си-жэнь твердо стоит на своем, они отказались от мысли взять ее домой. Да и по договору она была продана навечно, и только потому, что господ Цзя были добрыми людьми, и пожалуй, не стали бы настаивать на уплате выкупа, мать и брат Си-жэнь намеревались обратиться к ним с такой просьбой. К тому же во дворце Жунго никогда не притесняли служанок, и девушки, прислуживавшие в комнатах старших и младших господ, находились в большем почете, чем дочери в бедных семьях. И вот, подумав обо всем этом, мать и старший брат Си-жэнь выбросили из головы мысль о выкупе девушки.

Кроме того, когда приехал Бао-юй и они воочию убедились, как Си-жэнь и Бао-юй относятся друг к другу, они совсем перестали беспокоиться и почувствовали себя так, словно с души у них свалился тяжелый камень; теперь у них появились честолюбивые мечты.

Между тем Си-жэнь уже с самого детства замечала, что у Бао-юя какой-то удивительный характер и капризы его не похожи на те, которые бывают у других детей, а помимо этого у него есть еще несколько причуд. В последнее время Бао-юй, пользуясь любовью бабушки и полагаясь на то, что отец с матерью не могут ничего с ним поделать, совсем распустился. Он и слушать не хотел, когда его пытались убедить в чем-нибудь. И вот сейчас Си-жэнь, воспользовавшись разговорами о выкупе, решила испытать Бао-юя, чтобы потом сделать ему внушение. Но когда Бао-юй расстроился, она сама пала духом.

Надо сказать, что Си-жэнь вовсе не собиралась есть каштаны, но она опасалась, как бы из-за молока не возникла такая же история, как с Цянь-сюэ из-за чая, и воспользовалась этим предлогом, чтобы отвлечь Бао-юя. Она приказала служанкам

убрать каштаны, а сама пошла посмотреть, что делает Бао-юй. Заметив на его лице следы слез, Си-жэнь улыбнулась:

— Почему ты так опечален? Если не хочешь, я не уйду!

Бао-юй сразу оживился:

— Неужели ты не понимаешь, как мне хочется, чтобы ты была со мной? Я даже не могу этого выразить словами!

— Конечно, мы хорошо относимся друг к другу! — с улыбкой согласилась Си-жэнь. — Но если ты действительно хочешь оставить меня здесь, одного желания для этого недостаточно. Я поставлю тебе три условия, и, если ты выполнишь их, я буду знать, что ты хочешь, чтоб я была с тобой, и я от тебя не уйду, даже если бы мне приставили нож к горлу!

— Скорее говори, какие условия! — воскликнул Бао-юй. — Я повинуюсь тебе во всем. Дорогая моя, милая сестрица, не только три, даже триста твоих условий я с удовольствием выполню. Но только прошу тебя, присматривай за мной, до тех пор пока я в один прекрасный день не превращусь в прах! Нет! Прах — плохо, он все равно имеет форму и наделен сознанием. Пусть лучше я превращусь в легкий дымок, который рассеется при первом ветерке. Ты перестанешь видеть меня, а я больше не увижу тебя! Тогда можешь уходить, куда тебе заблагорассудится!

Си-жэнь торопливо зажала ему рот рукой и сказала:

— Дорогой мой! Я все это говорила для того, чтобы удержать тебя от глупых разговоров! А ты начал плести еще большую чепуху!

— Никогда больше не буду! — пообещал Бао-юй.

— Вот в этом и состоит мое первое условие! — заключила Си-жэнь.

— Исправлюсь, исправлюсь! — замахал руками Бао-юй. — А если опять начну говорить глупости, заткни мне рот. Что еще?

Си-жэнь продолжала:

— Мне все равно: любишь ты учиться или только притворяешься, но никогда не говори глупостей отцу и чужим людям, ибо ты только вызовешь гнев отца, а люди скажут, что ты глуп. Ведь твой отец думает: «У нас из поколения в поколение все учились, и только сын мой не учится да еще вдобавок за спиной моей говорит всякие глупости!» От одного этого он уже сердится. А ведь ты всякому, кто старательно занимается, сразу даешь прозвище «книжный червь» и еще

говоришь: «Кроме „Минминдэ“, нет стоящих книг, все остальное выдумали наши предки». Как же ты можешь не сердиться этим отца? И как может не возникнуть у него желание хорошенько поколотить тебя?

— Молчи! — с улыбкой прервал ее Бао-юй. — Это я по малолетству говорил глупости, и ничего подобного больше не будет. Что еще?

— Не клевети на буддийских и даосских монахов, — продолжала Си-жэнь. — Не заигрывай с девушками, не слизывай помаду с их губ и не предавайся другим мирским порокам!

— Ладно, исправлюсь! — вскричал Бао-юй. — Есть еще? Говори скорее!

— Больше ничего, — ответила Си-жэнь. — Только будь сдержаннее и не распускай себя. Если ты мои условия выполнишь, пусть мне подадут паланкин хоть с восемью носильщиками, все равно меня не смогут унести отсюда.

— Ну, это чересчур! — воскликнул Бао-юй. — Неужели ты думаешь, что для тебя не найдется паланкина с восемью носильщиками?

— Удивляться нечему! — усмехнулась Си-жэнь. — Даже если бы мне и выпало такое счастье, все равно занимать незаконно чужое место неинтересно!

Их разговор прервала вошедшая Цю-вэнь:

— Уже пробило третью стражу, пора спать. Только что старая госпожа прислала человека справиться, спит ли Бао-юй. Я ответила, что спит.

Бао-юй велел подать часы и действительно убедился, что стрелки показывают почти полночь. Тогда он прополоскал рот, разделся и лег спать.

На следующее утро Си-жэнь встала рано и почувствовала, что ее всю ломает, голова болит, глаза припухли, а тело словно в огне. Сначала она бодрилась, но потом не выдержала и легла на кан.

Бао-юй сообщил об этом матушке Цзя, и та распорядилась немедленно позвать лекаря. Он осмотрел больную и заявил:

— Всего-навсего простуда. Выпьет лекарства, полежит немного, и все пройдет.

Когда рецепт был выписан, Бао-юй приказал приготовить лекарство, и Си-жэнь приняла его. Бао-юй велел накрыть ее теплее, чтобы она хорошенько пропотела, а сам отправился навестить Дай-юй.

Дай-юй отдыхала после обеда, а ее служанки занимались кому чем заблагорассудится. В доме было тихо.

Бао-юй отодвинул шелковую занавеску на дверях и вошел. Увидев Дай-юй, он стал тормошить ее:

— Дорогая сестрица, ты только что поела и уже спать!

Дай-юй проснулась. Увидев возле себя Бао-юя, она сказала:

— Пошел бы лучше прогулялся! Я всю ночь не спала и чувствую себя совсем разбитой от усталости.

— Усталость — пустяки, — возразил Бао-юй, — а вот спать после еды вредно! Я немного развлеку тебя, тогда дремота сразу пройдет.

Дай-юй закрыла глаза и ответила:

— Я вовсе не дремлю, просто хочу немного отдохнуть. А ты погуляй!

Бао-юй снова стал тормошить ее:

— Куда же мне идти? С другими мне скучно.

— Если тебе уж так захотелось побыть здесь, сиди смирно, — хихикнула Дай-юй, — давай поговорим!

— Я тоже прилягу, — заявил Бао-юй.

— Ну что ж, ложись!

— Нет подушки, — сказал Бао-юй. — Ляжем на одной!

— Не говори глупостей! — недовольно произнесла Дай-юй. — Разве в соседней комнате нет подушек?! Принеси себе и ложись!

Бао-юй вышел в переднюю, посмотрел и возвратился обратно.

— Таких подушек мне не надо, — заявил он. — Может быть, на них спали какие-нибудь грязные старухи!

Дай-юй даже вытаращила глаза, приподнялась и сказала:

— Поистине, ты злая звезда моей судьбы! Ладно уж, возьми эту!

Она бросила Бао-юю свою подушку, а сама встала и принесла другую. Они легли рядом, лицом друг к другу.

Дай-юй взглянула на него и заметила на правой щеке кроваво-красное пятнышко величиной с горошину и приняла его за ссадину. Она пододвинулась поближе, посмотрела внимательно еще раз и, ощупав пятнышко рукой, полюбопытствовала:

— Кто это тебя так разукрасил ногтем?

Бао-юй смущенно отвернулся, стараясь спрятать щеку, и сказал:

— Никто меня не разукрашивал. Это я недавно помогал девочкам готовить румяна, и, наверное, одна капля попала мне на лицо.

Он стал искать платок, чтобы вытереться. Однако Дай-юй опередила его и вытерла ему щеку своим платочком.

— Хорошими же делами ты занимаешься! — проговорила она, прищелкнув языком. — То, что занимаешься, еще ладно, но зачем выставлять это напоказ? Не заметит твой отец, заметят другие и начнут сочинять всякие небылицы и сплетничать. А сплетни могут дойти до ушей отца, и опять нам всем придется за тебя беспокоиться.

Бао-юй совершенно не слушал того, что говорила Дай-юй: его внимание привлек какой-то удивительный таинственный аромат, исходивший из рукава платья Дай-юй и вызывавший опьянение и истому.

Бао-юй потянул Дай-юй за рукав, намереваясь заглянуть, не спрятано ли там что-нибудь.

— Да кто же в такое время года станет носить при себе благовония? — улыбнулась Дай-юй.

— В таком случае откуда этот аромат? — спросил удивленный Бао-юй.

— Не знаю. Может быть, этим ароматом пропиталось платье, пока висело в шкафу.

Бао-юй недоверчиво покачал головой:

— Пожалуй, нет. Уж очень удивительный запах, он вовсе не похож на запах ароматных лепешек, благовонных шариков и мускусных мешочков.

— Может быть, ты думаешь, что какой-нибудь архат или праведник подарил мне чудесное благовоние? — с язвительной усмешкой заметила Дай-юй. — Но даже если б я достала чудесное благовоние, все равно у меня нет родных братьев, которые добыли бы мне бутоны цветов, росу, иней и снег, чтобы его приготовить. Я располагаю лишь самыми обычными благовониями!

— Стоит мне сказать слово, ты в ответ целый короб! — улыбнулся Бао-юй. — Если тебя не проучить, ты и меры знать не будешь. Но больше я тебя щадить не стану!

Он поднялся, в шутку поплевал на руки, схватил Дай-юй под мышки и начал щекотать. Дай-юй не выносила щекотки и от смеха не могла перевести дыхания.

— Бао-юй! — кричала она. — Не балуйся, а то я рассержусь!

— А будешь еще говорить такое? — с улыбкой спросил Бао-юй, отпуская ее.

— Не буду! — пообещала Дай-юй и принялась поправлять волосы. — Значит, у меня есть «чудесный аромат», а у тебя «теплый аромат»? — не выдержав, снова начала она.

Бао-юй ничего не понял и с недоумением спросил:

— Что это за «теплый аромат»?

— Ну и глуп же ты! — вздохнула Дай-юй и укоризненно покачала головой. — Ведь у тебя есть яшма, и подходящей парой для тебя может быть лишь тот, кто обладает золотом. В таком случае, может ли быть тебе парой тот, у кого есть «холодный аромат», если у тебя нет «теплого аромата»?

Как только Бао-юй услышал это, он засмеялся:

— Ты только что просила прощения, а начинаешь опять звать!

И он снова протянул руки с намерением схватить Дай-юй.

— Дорогой брат, я больше не буду! — взмолилась Дай-юй.

— Ладно, — ответил Бао-юй, — только сначала дай понюхать твой рукав.

Бао-юй схватил ее руки и стал нюхать.

— Тебе уже пора! — вдруг заявила Дай-юй и торопливо отдернула руку.

— Я и сам хотел бы уйти, да не могу, — проговорил Бао-юй. — Давай лучше еще немного полежим.

Он снова лег. Дай-юй легла рядом и закрыла лицо платком. Бао-юй рассказал ей подряд несколько выдуманных историй, но Дай-юй словно ничего не слышала.

Тогда Бао-юй принялся расспрашивать ее, сколько ей было лет, когда она приехала в столицу, какие живописные пейзажи ей приходилось видеть дорогой, какие памятники старины имеются в Янчжоу, каковы обычаи у тамошнего населения. Дай-юй не отвечала. Бао-юй испуганно подумал: «Если она уснет, непременно заболит», — поэтому он громко окликнул ее:

— Ай-я-я! Я слышал недавно, что у вас в Янчжоу в ямыне произошла удивительная история. Ты знаешь о ней?

Серьезный тон Бао-юя и строгое выражение его лица ввели Дай-юй в заблуждение, она решила, что Бао-юй собирается рассказать ей о чем-то серьезном, и поэтому спросила:

— Какая история?

Услышав, что она заговорила, Бао-юй подавил улыбку и начал плести все, что приходило ему в голову:

— В Янчжоу есть гора, которая называется Дай, а в этой горе — пещера, называемая Линь.

— Ты уж не ври! — рассмеялась Дай-юй. — О такой горе я никогда не слышала!

— Ведь в Поднебесной много рек и гор, откуда ты можешь знать все? — возразил Бао-юй. — погоди, я договорю до конца, тогда высказывай свои замечания.

— Продолжай, — махнула рукой Дай-юй.

Бао-юй снова начал выдумывать:

— В пещере Линь жили оборотни крыс. Однажды, в седьмой день последнего месяца года, царь крыс поднялся на трон и стал держать совет. «Завтра восьмое число, — сказал он, — и все варят рис к празднику. В наших пещерах не хватает фруктов, и мы должны, воспользовавшись случаем, натаскать их». С этими словами царь крыс вытащил властную стрелу и послал одного способного крысенка на разведку. Вскоре крысенок возвратился и доложил: «Я побывал везде и увидел, что больше всего фруктов и зерна собрано в храме, который находится у подножия горы». Царь крыс спросил у него: «Сколько там сортов фруктов? И сколько сортов зерна?» «Риса и бобов там собраны полные амбары, — отвечал крысенок. — А фрукты и овощи пяти сортов — красные финики, каштаны, земляной орех, водяной орех и ароматный батат». Царь крыс обрадовался, снова вынул властную стрелу и спросил: «Кто пойдет воровать рис?» Тотчас же вызвалась одна из крыс. «Кто пойдет воровать бобы?» — снова спросил царь, вытаскивая еще одну стрелу. Вызвалась другая крыса. Дальше получили приказания остальные. Оставался лишь ароматный батат. Царь крыс вытащил новую стрелу и спросил: «Ну а кто пойдет красть ароматный батат?» И тут же увидел, как вперед выбежал маленький тощий крысенок: «Я пойду».

Царь и все остальные крысы опасались, что он неопытен, труслив и слаб, и не хотели отпускать его. Но крысенок сказал: «Пусть я молод и слаб телом, зато владею могущественными заклинаниями, на язык остер и находчивости у меня достаточно. Я могу украсть лучше, чем все другие!»

«Неужели ты искуснее их?» — с недоверием спрашивали крысы. «А я не буду красть так, как они, — заявил крысенок. — Стоит мне встряхнуться, как я превращусь в клубень батата и подкачусь к куче батата так, что люди меня не заметят. Потом я начну постепенно перетаскивать батат, пока не перетаскаю всю кучу. Разве это не лучше, чем воровать или брать силой?»

Услышав это, крысы сказали: «Все это хорошо, но как ты сможешь превратиться в батат? Покажи нам сначала, а мы посмотрим». Крысенок засмеялся: «Это очень просто, смотрите». Он встряхнулся и тут же превратился в прелестную маленькую барышню. Крысы зашумели: «Нет, не годится! Ведь ты обещал, что превратишься в батат, почему же ты стал барышней?»

Крысенок снова встряхнулся, принял прежний вид и сказал: «Оказывается, вы неопытны! Только и знаете „ароматный батат“. Вам и невдомек, что настоящая ароматная яшма — это дочь сборщика соляного налога господина Линя!»

При этих словах Дай-юй повернулась и привстала.

— Ох и задам же я тебе, болтуну! — воскликнула она. — Ты надо мной смеешься!

Дай-юй надулась, и Бао-юй стал просить у нее прощения:

— Милая сестрица, извини меня! Я больше не буду! Чудесный аромат, который исходил от тебя, напомнил мне это древнее предание.

— Посмеялся надо мной, а теперь уверяешь, что это древнее предание! — возмутилась Дай-юй.

Не успела она произнести эти слова, как на пороге появилась Бао-чай и со смехом спросила:

— Кто это здесь рассказывает древние предания?

— Погляди сама! — ответила Дай-юй. — Кто же может быть другой? Он просто надо мной поиздевался, а ссылается на древние предания!

— Ах, так это брат Бао-юй! — воскликнула Бао-чай. — Тому, что он знает древние предания, я не удивляюсь! Жаль только, что, когда этими преданиями необходимо воспользоваться, они вылетают у него из головы. Позавчера ему нужно было вспомнить стихотворение «Листья банана», которое известно каждому. Но он так и не вспомнил. Он даже вспотел, хотя остальные дрожали от холода. Значит, сейчас у него вновь появилась память!

— Амитофо! — воскликнула Дай-юй. — Спасибо, сестрица! Ты всегда находишь, чем ему ответить! И ответы у тебя меткие.

Неожиданно в комнате Бао-юя послышался какой-то шум. Кто хочет знать, что там произошло, пусть прочтет следующую главу.

ДРАМА

1) ГУАНЬ ХАНЬ-ЦИН (1240?–1310?). ОБИДА ДОУ Э

Гуань Хань-цин — один из ведущих драматургов и поэтов (в жанре *цюй*¹) юаньской эпохи. Сведения о его жизни очень скудные: считается, что он родился и прожил большую часть жизни в столице (г. Даду, на месте современного Пекина), возможно, имел какое-то отношение к медицине и был профессиональным драматургом и актером. Известно также, что им было создано не менее 60 пьес, представляющих основные тематические разновидности юаньских *изацзюй*: пьесы на исторические темы², бытовые комедии, «высокие» комедии³. Однако лучшим его драматургическим произведением признается пьеса «Обида Доу Э» (полное название — «Тронувшая Небо и Землю обида Доу Э»).

Содержание и композиционное построение этой пьесы таковы: студент-бедняк Доу Тянь-чжан задолжал вдове ростовщика тетушке Цай и вынужден отдать ей малолетнюю дочь Дуань-юнь как будущую жену ее сына, после чего он уезжает сдавать экзамен. Об этом рассказывается во вступлении-

¹ На русском языке имеются переводы в общей сложности около 50 *цюй* Гуань Хань-цина, выполненные И. Смирновым, в: Из китайской лирики VIII–XIX вв. ... С. 141–169; и С. А. Торопцевым, в: Китайская пейзажная лирика... С. 242–246.

² Лучшей из дошедших до нас пьес Гуань Хань-цина из данной тематической группы считается «Как храбрый Гуань Юй пошел с одним мечом на пир к врагу» (по мотивам событий «Троецарствия»), полный перевод которой на русский язык (пер. Б. Мастинской; пер. стихов А. Гитовича) см. в: Юаньская драма... С. 105–142.

³ Это «Беседка над рекой» («Угощение рыбою редкой в ночь под праздник в беседке над Цзяном», полный перевод которой (пер. Б. Мастинской; пер. стихов А. Гитовича) см. в: Юаньская драма... С. 69–104.

*сецзы*¹. **Первое действие:** прошло 13 лет. Дочь студента Доу Тянь-чжана, которую теперь зовут Доу Э, уже овдовела и живет со своей свекровью — тетушкой Цай. Как-то раз та отправилась собирать долги. Но один из ее должников, лекарь Лу Сай-лу, пытается ее убить. Ему мешают крестьянин Чжан и его сын Люй-эр (Осленок), которые в награду требуют, чтобы Доу Э вышла замуж за Осленка. Тетушка Цай готова выполнить их требование, но Доу Э решительно отказывается, так как она считает для себя невозможным повторный брак. **Второе действие:** Осленок, надеясь заставить Доу Э стать его женой, решает отравить тетушку Цай. Припугнув лекаря Сай-лу угрозой разоблачения, он берет у него яд и подсыпает отраву в бульон, предназначенный для заболевшей тетушки Цай. Но этот бульон по ошибке выпивает его отец. Теперь Осленок начинает угрожать Доу Э обвинить ее в отравлении старого Чжана, если та по-прежнему будет отказываться от брака с ним. Доу Э предпочитает предстать перед судом, в надежде доказать свою невиновность. Но расследование ведет лихоимец Тао У (начальник округа Чучжоу, где разворачивается действие пьесы). Он приказывает пытать Доу Э, но она выносит все мучения. Однако, когда на пытку ведут тетушку Цай, Доу Э не выдерживает и делает ложное признание в убийстве. **Третье действие:** описание казни Доу Э, включая сцены ее прощания со свекровью. Как и предсказывала Доу Э, в момент ее казни — в разгар лета — пошел снег, кровь не пролилась на землю — знамения ее невиновности. После же несправедливой казни в местном округе в течение трех лет стоит страшная засуха. **Четвертое действие:** в округ приезжает столичный чиновник, которому поручено разобраться в том, что здесь произошло. Это бывший студент Доу Тянь-чжан, давно уже сдавший экзамены и ставший высокопоставленным сановником. Ночью, когда он приступает к рассмотрению судебных дел, к нему является дух его дочери (см. перевод).

На русском языке имеются два варианта перевода этой пьесы, выполненные Н. А. Спешневым (пер. стихов А. Спешнева), в: Юаньская драма... С. 27—68; и В. Ф. Сорокиным (пер.

¹ Вступление-*сецзы* — добавочная сцена, не входящая в четыре канонических действия (см. Предисловие) юаньской драмы и типологически сопоставимая с европейским прологом.

стихов Арк. Штейнберга), в: Классическая драма Востока. М., 1976. С. 263—307.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Доу Тянь-чжан входит в чиновничьем облачении в сопровождении Чжан Цяня.

Доу Тянь-чжан (*говорит*).

В зале пустынном стою я один...

Мрак на душе... На просторы небес

Вышла луна из-за черных вершин,
призрачной дымкой окутался лес.

Нет, не забота сомкнуть не дает
глаз утомленных и сердце щемит.

Это покоя душа не найдет —
ночью беззвучной в тревоге не спит.

Я — Доу Тянь-чжан. С тех пор как я расстался со своей дочерью Дуань-юнь, прошло уже тринадцать лет. Сразу же по переезде в столицу я выдержал экзамен и был назначен советником по государственным делам. Я служил честно и бескорыстно, был тверд и неподкупен. Император оказал мне милость, и я был пожалован титулом правительственного инспектора по судебным и государственным делам области Лянхуай. И вот я езжу по уездам, осматриваю тюрьмы и проверяю судебные дела. Высочайшим указом мне был пожалован меч правосудия и золотая пластинка. Я выявляю злоупотребления чиновников и корысть подчиненных, наказывая виновников без предварительного доклада властям. И радуюсь я и печалюсь. Радуюсь, потому что занимаю высокий пост, в руках у меня власть и я повсюду известен. А тоскую я по своей дочери Дуань-юнь. Семи лет была она отдана в невестки тетушке Цай. Получив назначение, я послал человека в Чучжоу разузнать о семье тетушки Цай. Соседи ему рассказали, что в том же году тетушка куда-то переехала и до сегодняшнего дня от нее нет никаких вестей. Я все слезы выплакал по своей дочери, голова моя побелела от горя. Сегодня я приехал в Янчжоу. Интересно бы узнать, почему здесь, в уезде Чучжоу, вот уже три года не было дождя. Я решил сегодня немного отдохнуть во внутреннем зале уездного управления. Чжан

Цянь, объяви чиновникам из Янчжоу, что они сегодня могут быть свободны, аудиенция отменяется. Я буду принимать завтра утром.

Чжан Цянь (*говорит*). Господа чиновники, сегодня аудиенция отменяется, приходите завтра утром.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Чжан Цянь, передай писарям шести палат, чтобы принесли все дела, подлежащие проверке и пересмотру. Я просмотрю часть из них перед сном.

Чжан Цянь приносит документы.

Чжан Цянь, зажги-ка мне лампу. Пойди отдохни, устал, наверно. Если понадобится, я тебя позову.

Чжан Цянь зажигает лампу и уходит.

Просмотрю теперь некоторые дела. Вот это, например, «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Странно, только начал, взял первый документ и уже встретил однофамилицу. Убийство родственника — одно из десяти тягчайших преступлений. Оказывается, среди моих однофамильцев тоже есть нарушители законов. Ну, дело это давно завершено, можно его больше не смотреть. Положу-ка я его в самый низ. Просмотрю еще одно дело, и пока довольно. Что-то мне вдруг сильно спать захотелось. Я уже стар, и верхом мне ездить тяжело. Подремлю здесь, прямо за столом.

Пантомима: Доу Тянь-чжан засыпает, появляется душа Доу Э.

Душа Доу Э (*поет*).

На мотив «Свежая вода»

Всходя на башню, стоя ожидаю
и плачу и рыдаю каждый день.
О, как врага я жду!
В волненье замираю...
Я медленно иду,
моя туманна тень.
Вдруг вьется смерч
и вихрем налетает.
Одета мглой
и скрыта в облаках,
Я духом оклеветанным витаю.

(*Смотрит вдаль, говорит.*) На воротах наклеены изображения божеств. Это духи — стражи ворот, они не пускают меня в дом. Я дочь инспектора Доу Тянь-чжана, пришла навестить его. Отец не знает, что я безвинно погибла, поэтому я явлюсь ему во сне и расскажу обо всем. (*Поет.*)

На мотив «Опьянен восточным ветром»

Не злобный дух я на земном пути,
Я дух вдовы, три года как казненной.
Так что ж, нельзя к отцу
мне подойти,
Порог переступить,
для духа прегражденный?

(*Кричит.*) О, батюшка! (*Поет.*)

Владеешь ты пластинкой золотой
и правосудия мечом владеешь,
Так неужели дух печальный мой,
в пучину горести поверженный судьбой,
От адских мук спасти ты не сумеешь?

Пантомима: душа Доу Э входит в зал, видит отца и плачет. Доу Тянь-чжан тоже плачет.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Доченька моя, Дуань-юнь, где ты?

Пантомима: душа Доу Э исчезает. Доу Тянь-чжан просыпается.

Как странно, не успел я и глаз сомкнуть, как увидел во сне Дуань-юнь, словно она стояла прямо перед моими глазами. Посмотрю-ка я лучше дела.

Пантомима: появляется душа Доу Э и убавляет в лампе фитиль.

Что за напасть! Только я принялся за дела, как лампа начала мигать. И Чжан Цянь уже спит, пойду сам поправлю фитиль.

Пантомима: Доу Тянь-чжан поправляет фитиль, тем временем душа Доу Э перекладывает документы.

Теперь лампа горит ярко, просмотрю еще несколько дел. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Ничего не понимаю! Я же просматривал это дело вначале и положил его в самый низ, как же оно опять оказалось сверху? Дело давно

уже решенное, положу его снова вниз. Посмотрим следующий документ.

Пантомима: душа Доу Э вновь убавляет фитиль.

Творится что-то неладное: опять лампа мигает. Пойду еще раз поправлю фитиль.

Пантомима: Доу Тянь-чжан поправляет фитиль, тем временем душа Доу Э снова переключает документы.

Так, лампа горит. Посмотрю еще одно дело. «Дело преступницы Доу Э, отравившей свекра». Тьфу, что за чертовщина! Я же ясно помню, как только что положил его в самый низ. Не успел подкрутить фитиль, как оно вновь оказалось наверху. Не иначе в зале уездного управления завелся оборотень. Видимо, в деле Доу Э пострадал невиновный. Положу-ка я его еще раз вниз да возьмусь за следующее.

Пантомима: душа Доу Э убавляет фитиль.

Просто наваждение! Опять лампа стала хуже гореть, то светит ярко, то почти совсем гаснет. Наверняка орудует оборотень. Пойду еще раз поправлю.

Пантомима: Доу Тянь-чжан поправляет фитиль, внезапно оборачивается. Душа Доу Э переключает документы. Доу Тянь-чжан замечает ее и выхватывает меч.

Тьфу! Сгинь! Я говорил, что здесь завелся оборотень! Эй, я — правительственный инспектор и советник по государственным делам, я обладаю золотой пластинкой. Если попробуешь подойти сюда, я одним ударом меча разрублю тебя надвое! Чжан Цянь, и ты, как нарочно, крепко спишь. Вставай скорее. Оборотень появился, оборотень! Меня не испугаешь!

Доу Э (*поет*).

На мотив «Заносчивый вид»

В смятенье он... Он так растерян,
он услышал мой плач, мой стон,
И так испуган, неуверен,
так странным звуком поражен.

Эх!

Доу Тянь-чжан, отец мой бедный,
ты постарел, печальный вид.

Знай, дочь твоя, хоть призрак бледный,
все чтит тебя, глубоко чтит.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Послушай, оборотень! Ты говоришь, что Доу Тянь-чжан твой отец и что ты его почти-тельная дочь. Ты ошибаешься, мою дочь зовут Дуань-юнь. Семи лет я ее отдал в невестки тетушке Цай. Тебя же зовут Доу Э, имя другое, как же ты можешь быть моей дочерью?

Душа Доу Э (*говорит*). Отец, после того как ты отдал меня в семью тетушки Цай, мне дали имя Доу Э.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Значит, ты моя дочь Дуань-юнь! Я не спрашиваю тебя ни о чем другом, скажи только, ты отравила старика и подверглась публичной казни?

Душа Доу Э (*говорит*). Да, это сделала я!

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Замолчи, подлая тварь! Я чуть не ослеп, проливая по тебе слезы, голова моя вся поседела от горя, а ты? Как ты могла совершить одно из тяжчайших преступлений? Я теперь занимаю важный пост в государстве, в руках у меня большая власть, и имя мое известно повсюду. В Поднебесной сужу преступников и проверяю судебные дела, выискиваю продажных чиновников и взяточников. А ты, моя родная дочь, совершила столь тяжкое преступление! Что же я могу сделать с другими, если у меня на тебя управы нет? Когда я отдал тебя в другую семью, я прежде всего хотел, чтобы ты следовала трем повиновениям и четырем добродетелям. Дома повиноваться отцу, в замужестве повиноваться мужу, а после смерти его повиноваться сыну. Это и есть три повиновения. Четыре же добродетели — это ухаживать за свекром и свекровью, почтительно относиться к мужу, жить в согласии с золовками и в дружбе с соседями. А ты этому не следовала. Как ты могла совершить такое преступление? Часто говорят: перед тем как приняться за дело, нужно сначала все рассчитать, чтобы после не пришлось раскаиваться. В трех поколениях рода Доу не было мужчины, который бы нарушил закон; в пяти поколениях не было женщин, вторично вышедших замуж. Я хотел, чтобы ты была верна мужу, была честной и порядочной, доброй и справедливой, а ты, забыв про все, оказалась преступницей. Ты оскорбила и осквернила память наших предков, растоптала мое непорочное имя. Немедленно Расскажи мне подробно, что произошло, и не вздумай лгать и изворачиваться.

Если ты хоть полслова скажешь неправды, я прикажу заточить тебя в храм духа — хранителя городских стен, и ты больше никогда не обретешь облика человека, навеки останешься голодным духом.

Душа Доу Э (*говорит*). Отец, не сердись, смири свой гнев и поубавь ярость. Послушай, что тебе расскажет твоя дочь Доу Э. Мне было три года, когда умерла мать. Мне исполнилось семь, когда ты уехал в столицу, отдав меня в семью тетушки Цай. Там мне дали другое имя — Доу Э. В семнадцать лет я вышла замуж. К несчастью, в тот же год умер мой муж. Однажды тетушка пошла получить долг. В Чучжоу жил некий лекарь Лу, который был должен нам десять лян серебра. Вот к нему она и пошла. А он заманил ее за городскую стену и стал душить. Но проходившие мимо Чжан Люй-эр и его отец спасли матушке жизнь. Старик, узнав, что матушка вдова и что она живет с невесткой, предложил ей стать его хозяйкой. Матушка была тверда и не соглашалась. Тогда они оба, отец и сын, пригрозили ее задушить. Матушка была вынуждена дать согласие. Вот уж действительно породнилась из-под палки. Привела она их к нам домой. Шли дни, а Чжан Люй-эр не отставал от твоей дочери. Я не соглашалась. В день, когда это случилось, матушка занемогла. Ей захотелось выпить немного отвара из бараньих потрохов. Я приготовила, но Чжан Люй-эр захотел попробовать, сказал, что отвар хорош, только маловато соли и уксуса. Пока я ходила за ними, он подсыпал в него яду. Чжан Люй-эр велел затем поднести матушке чашку с отваром, но она предложила сначала отведать старику. Тот попробовал, и у него вдруг из носа и горла хлынула кровь. Старик тут же скончался. Чжан Люй-эр обвинил во всем меня и сразу же спросил, как я хочу: чтобы дело разбирал судья или мы решим его между собой? Я спросила, что это такое? А он ответил, что первое значит подать в суд и что мне придется жизнью отвечать за смерть старика. А второе — что я должна стать его женой. Твоя дочь ответила ему, что в нашей семье никогда не было мужчин, нарушавших законы, и женщин, выходивших вторично замуж. Добрый конь не дает себя оседлать двумя седлами, порядочная женщина не ищет второго мужа. Я сказала, что до гроба не стану его женой. «Я не чувствую за собой вины, — говорю я, — поэтому готова с тобой идти в суд». Короче говоря, он привел меня в суд. Меня допрашивали, издевались по-всякому, пытали, били, но я ничего

не сказала. Видя, что дочь твоя не признает себя виновной, они решили приняться за матушку. Я испугалась, что она не выдержит пыток, и сказала, что старика отравила я. Меня посадили в темницу, а потом казнили. Когда меня привели к месту казни, я перед небом высказала три своих клятвенных желания. Я попросила повесить на древко флага белую шелковую ленту. Если после казни ни одна кровинка не упадет на землю, а вся кровь окажется на белой ленте, значит, я невиновна. Сейчас стоят самые жаркие дни лета, — сказала я, — пусть пойдет обильный снег и укроет тело твоей дочери. И наконец, если Доу Э невиновна, пусть в уезде Чучжоу три года подряд будет засуха. Все произошло именно так, как я предсказала. В самом деле, кровь взлетела вверх и обогрила белую ленту, в июне пошел снег и три года не было дождей, не росла трава. И все это из-за твоей дочери. (*Декламирует.*)

Я обратилась не к властям,
а к небу.
Обиду тяжкую
не передать в словах.
Я казнена.
За почитанье старших,
За верность мужу
превратилась в прах.
И мягкий снег
меня засыпал летом.
На ленту белую
моя взметнулась кровь.
Ведь иней показал
невинность Цзоу Яня.
Я умерла
за верную любовь.

(*Поет.*)

На мотив «Упавший дикий гусь»

Ничего дурного
я не совершила,
Но какой ценой
обиду искупить?
Не чужим, своим путем идти решила,

по чужой указке не хотела жить...
В суд меня свели. И там не согласилась
опозорить ложью предков имена,
И сама же я за это поплатилась
жизнью, что тобою мне дана!

На мотив «Победная песня»

На башню высокую я ежедневно
всхожу и на страже до ночи стою.
Душа моя плачет и сетует гневно,
я слезы тоскливые лью.

Отец!

Мечом правосудья по праву владеешь,
Ты будешь судьей моим.

Ты сумеешь

Распутника козни раскрыть — и тогда
На сотни кусков

разруби негодя,

Мне доброе имя скорее верни.

Отец!

Пусть люди узнают, что я, умирая,
Безвинно страдала. Пусть знают они.

Доу Тянь-чжан (*плача, говорит*). О моя безвинно погибшая дочь! Я умру от скорби! Скажи мне только, это из-за тебя в Чучжоу вот уже три года нет дождей?

Душа Доу Э (*говорит*). Да, из-за меня.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Вот, оказывается, в чем дело! Услышав рассказ дочери, я припомнил одну историю. Это было давно, в эпоху Хань. Жила когда-то верная вдова, соблюдавшая траур. По какой-то причине ее свекровь повесилась, а дочь ее во всем обвинила вдову. Правитель Дунхуа казнил ее. По случаю такой несправедливости три года не было дождя. Позднее Юй Гун, просматривая дела, услышал, как вдова с прошением в руках плачет у зала. Юй Гун исправил судебную ошибку. Он заколол быка и принес его в жертву на могиле вдовы. И тут же пошел сильный дождь. Все это очень напоминает случай с Доу Э. Завтра же возьмусь за выяснение дела. Какое горе для меня, седого старика! Во цвете лет рукой суда

убита дочь моя! Уже начинает светать, тебе пора возвращаться. Завтра я исправлю ошибки, допущенные в твоём деле.
Душа Доу Э (*поет*).

Заключительная ария

Бесчестных мздоимцев и плутов чиновных —
казни без пощады всю стаю.

Как символ доверия государя
даны тебе меч и пластинка золотая.

От зла и печали всегда ты готов
Народ оградить,

но всегда разделяя

С ним бремя невзгод и тяжелых трудов.

(*Оборачивается, говорит*.) Я совсем забыла, отец. Свекрови моей уже много лет, некому позаботиться о ней.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Как ты почтительна к своей свекрови, доченька моя!

Душа Доу Э (*поет*).

Отец, перенести нужно магушкин прах,
И жизнь обеспечить прошу я свекрови.

Несчастлива она... И в почтенных годах...

Прошу тебя, дело прочти мое снова.

В порядок бумаги ты все приведи,

Мою невиновность ты вновь утверди

и имя мое обели своим словом.

Уходит.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Уже рассвело. Чжан Цянь, пусть явятся все чиновники из Янчжоу, которые вели дело Доу Э!

Чжан Цянь (*говорит*). Слушаюсь!

Пантомима: входят стражники и тетушка Цай. Увидев Доу Тянь-чжана, она опускается на колени.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Тетушка Цай, вы узнаете меня?

Цай (*говорит*). Нет, господин, я вас не припоминаю.

Доу Тянь-чжан (*говорит*). Я Доу Тянь-чжан. Слушайте все мое повеление. За убийство отца и обман честных людей Чжан Люй-эра завтра казнить на центральной площади. За не-

правильное ведение дела чиновников уезда Янчжоу наказать сотней ударов палкой, чтоб впредь неповадно было. Лекаря Лу за попытку убийства и продажу яда обезглавить в городе Юнь-ян. Заботиться о тетушке Цай буду я, вина с Доу Э снимается. Так тому и быть. *(Декламирует.)*

При всем народе подвергнуть казни
злодеев я повелел!
Чиновников, кравших казну без боязни, —
велел отставить от дел!
Велю я еще сотворить моление
великой земле и воде,
Пусть дочка войдет в небесный предел,
обретшая успокоение.

Все уходят.

В этой пьесе говорится о том, как:

Взвешивая все перед зеркалом,
праведно расследуют дела.

2) МА ЧЖИ-ЮАНЬ (1250?–1323?) ОСЕНЬ В ХАНЬСКОМ ДВОРЦЕ

Ма Чжи-юань — тоже один из ведущих драматургов и поэтов (в жанре *цуй*¹ юаньской эпохи. О его жизни известно лишь, что он родился в столице, предположительно в 80-х гг. XIII в. поступил на службу и занимал незначительные посты в юго-восточных округах (провинции Цзянсу и Чжэцзян). Им было создано 13 пьес, из которых до нас дошли 7. Пьеса «Осень в Ханьском дворце» (полное название — «Сон отгоняет крик одинокого гуся осенней порой в Ханьском дворце») является не только лучшим произведением самого Ма Чжи-юаня, но и признанным шедевром юаньских *цацзюй* на любовно-исторические темы. Она написана на уже знакомый

¹ На русском языке имеются переводы в общей сложности около 40 поэтических произведений (*ши* и *цуй*) Ма Чжи-юаня, выполненные А. Тер-Григоряном, А. Старостиным, в: Антология китайской поэзии... Т. 3. С. 109–112; Е. Витковским, в: Человек с гор: Восточный альманах. М., 1976. Вып. 6. С. 534–537; и С. А. Торопцевым, в: Китайская пейзажная лирика... С. 211–219.

читателю (стихотворение «Песнь о Мин-фэй» Ван Ань-ши) сюжет трагической судьбы красавицы Ван Чжао-цзюнь — наложницы ханьского императора Юань-ди (48–33 гг. до н. э.).

Содержание и композиция пьесы таковы. **Вступление-сцезы:** вождь сюнну по имени Хуханье отправляет посла к китайскому императору, чтобы заключить брачное соглашение с принцессой. В это время царедворец и придворный художник Мао Янь-шоу убеждает стареющего Юань-ди пополнить гарем новыми девушками. **Действие первое:** Мао Янь-шоу, отбирая девушек для императорского гарема, берет с них взятки. Но Ван Чжао-цзюнь — дочь бедного крестьянина из-под Чэнду (провинция Сычуань) — отказывается ему платить. В отместку Мао Янь-шоу портит ее портрет (такие портреты исполнялись для предварительного знакомства по ним императора с новыми наложницами), а ее саму отправляет в дальние покои. Но однажды Юань-ди случайно услышал игру Ван Чжао-цзюнь на лютне-пипа, зашел к ней и пленился ее красотой. Узнав о поведении Мао Янь-шоу, он приказывает его казнить, но тот успевает скрыться. А Чжао-цзюнь присваивается титул Мин-фэй. **Действие второе:** Мао Янь-шоу, бежавший из Китая, является к вождю сюнну. Тот пребывает в обиде на императора Юань-ди, отказавшегося отдать ему в жены дочь-принцессу под предлогом ее молодости. Мао Янь-шоу показывает Хуханье теперь уже истинный портрет Ван Чжао-цзюнь, говоря, что эта красавица сама желает стать его женой. Хуханье отправляет нового посланника с требованием прислать к нему Ван Чжао-цзюнь, угрожая в случае очередного отказа начать военные действия. Сановники Юань-ди убеждают его в неготовности китайской армии к войне, и император скрепя сердце вынужден дать согласие на этот брак, тем более что сама Ван Чжао-цзюнь соглашается на такую жертву во имя спокойствия страны. **Действие третье** — центральная по мысли и самая выразительная по художественному исполнению сцена пьесы: Юань-ди лично провожает свою возлюбленную. Но, едва достигнув границы, Ван Чжао-цзюнь на глазах потрясенного Хуханье, прибывшего лично ее встретить, бросается в реку (см. перевод). **Действие четвертое:** с момента гибели Ван Чжао-цзюнь прошло сто дней. Юань-ди провел их запершись в своих покоях. Стоит ему вздремнуть, как во сне является Ван Чжао-цзюнь, и он видит, как сюнну опять ее уводят. Он слышит прощальные крики диких гусей, улетающих на юг, которые еще

больше усиливают его скорбь. Входит сановник с докладом: Мао Янь-шоу, выданный Хуханье, который и обещал это сделать после самоубийства Ван Чжао-цзюнь, доставлен в столицу. Юань-ди приказывает его казнить и устроить моление о погибшей возлюбленной.

На русском языке имеется полный перевод этой пьесы, выполненный Е. А. Серебряковым, в: Юаньская драма... С. 231—310 (стихи в пер. М. Серебряковой); Классическая драма Востока... С. 308—346 (стихи в пер. Е. Витковского).

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Посол сюнну в сопровождении Ван Чжао-цзюнь входит, наигрывает мелодию песни сюнну.

Ван Чжао-цзюнь (*говорит*). Я — Ван Чжао-цзюнь, жила в самых отдаленных покоях после того, как, выбирая лучших девушек, Мао Янь-шоу испортил мой портрет. Совсем недавно все-таки я была замечена императором и удостоилась его любви. Но Мао Янь-шоу преподнес мой портрет шаньюю. Сегодня прибыли его воины и потребовали выдать меня. Если я не поеду, наши реки и горы попадут в руки врагов. Остается одно — мне, ничтожной, отправиться за Великую стену к сюнну. Поеду, но смогу ли привыкнуть к ветрам и иному варварского края! Еще в древности говорили:

Тех, кто красивей, чем другие,
преследует судьба.
Не жалуйся ветрам весенним
не плачь и не горюй.

Император (*входит в сопровождении гражданских и военных чиновников. Говорит*). Сегодня прибыл к мосту Ба-линцяо, чтоб здесь после прощального угощения расстаться с Мин-фэй. (*Поет.*)

На мотив «Свежая вода»

Вы теперь навсегда оставляете Хань
в теплой шубе собольего меха.
Изменилась вся жизнь, и теперь для меня
только в вашем портрете утеха.
Словно повод коня, коротки

были дни наших радостных встреч,
Словно яшмовой плети удар,
боль разлуки нас будет жечь.
Мы, как дикие селезень с уткой,
пред прекрасным строеньем Цзиньдянь.
Но теперь разлетимся навеки,
Уплатив року тяжкую дань.

(*Говорит.*) Сотни моих чиновников так и не придумали, как отогнать от границ вражеские полчища и не отдавать Мин-фэй сюнну. (*Поет.*)

На мотив «Внимаю, оставив седло»

Увезти Чжао-цзюнь поскорее
мне совет при дворе подают,
Чтобы варвар — посол от шаньюя
получил повышение за труд.
Как теперь, так и в прежние годы
даже в бедной крестьянской семье
Перед долгой разлукой супругов
пир прощальный давали в селе.
У Вэйчэна — плакучая ива
нам разлукою вечной грозит,
И река Башуй торопливо
вдаль уныло бежит и бежит.
Все готовы советы давать,
не тревожась о доле несчастной.
Я же вспомнил, как в лунном сиянье
вы играли той ночью прекрасной.

Сходит с коня. Император и Ван Чжао-цзюнь со скорбью глядят друг на друга.

(*Говорит.*) Пойте помедленнее, пока мы будем пить прощальную чашу вина. (*Поет.*)

На мотив «Изящен каждый шаг»

Прощальную песню
помедленней пойте,
Я скоро с Мин-фэй
разлучаюсь навечно.
Несите помедленней полные кубки,

Хочу растянуть я
последнюю встречу.
Не бойтесь нарушить
мелодии стройность.
Не нужно спешить,
я прошу эту вольность.

Посол сюнну (*говорит, обращаясь к Ван Чжао-цзюнь*).
Прошу вас, госпожа, побыстрее отправимся в путь. Время
уже позднее.

Император (*поет*).

На мотив «Опавшие цветы сливы»

Вы торопите очень с отъездом,
приближая с Мин-фэй расставанье.
Я душою до башни Ли Лина
раньше вас долечу на свиданье.
Хоть увижу теперь я Мин-фэй
только ночью в своем сновиденье,
Не считайте, что в сердце моем
образ нежный утонет в забвенье.

Ван Чжао-цзинь (*говорит*). Я уезжаю — когда-то мне
удастся снова вас увидеть, ваше величество! Свой китайский
наряд я оставлю здесь.

Сегодня я девушка
Ханьской земли,
Назавтра я стану
женою шаньюя.
Хочу, чтоб красивой
назвать не смогли, —
С собою нарядов
совсем не возьму я.

(*Оставляет свои наряды.*)

Император (*поет*).

На мотив «Веселье перед дворцом»

Зачем оставляете платье,
в котором недавно вас видел?
Развеет пронзительный ветер

запах тончайших духов.
Моя колесница, как прежде,
помчится к знакомым покоем.
Спешу в вашу спальню, надеясь
услышать шум легких шагов.
Тут вспомнится мне, как стояли
вы, словно небесная фея,
Пред зеркалом в ярком наряде —
часами глядеть на вас мог.
Так горько вдруг станет. В неволю
сегодня вас отправляют.
Когда же, подобно Су У,
вернуться настанет вам срок?

Посол сюнну (*говорит, обращаясь к Ван Чжао-цзюнь*).
Пора нам отправляться в путь. Мы и так уже намного опоз-
дали.

Император (*говорит*). Вот, Мин-фэй, сейчас вы и уеде-
те. Не сердитесь на меня.

Император и Ван Чжао-цзюнь прощаются.

(*Говорит.*) Ну какой я император Великой Хань! (*Поет.*)

На мотив «Упавший дикий гусь»

Похож я теперь на правителя Чу —
он тоже расстался с Юй-цзи.
Где я полководца могу отыскать
войско на запад вести?
Или борца, как лихой Ли Цзо-чэ,
Мин-фэй от врагов защищать,
Или министра, чтоб как Сяо Хэ,
ее поддержал бы в пути.

Министр (*говорит*). Не стоит так убиваться, ваше ве-
личество.

Император (*поет*).

На мотив «Победная песня»

Мин-фэй уезжает, помочь невозможно,
пришла эта злая беда.
Напрасно я воинов в латах железных
держал на границах всегда.
Ведь любите сами, чтоб близкие ваши

заботились нежно о вас.
 А мне по душе ли с Мин-фэй разлучаться? —
 Мы вместе грустили не раз!
 Лишь только увидите меч иль копьё —
 уже вы в испуге таком, —
 Как слабый олешек, от матки отставший,
 пред самым опасным врагом.
 Сегодня меня умоляете слезно
 на смерть Чжао-цзюнь отослать.
 Мужчина быть должен отважным и сильным,
 мужчинами вас не назвать!

Министр (*говорит*). Ваше величество, нам следует возвращаться во дворец.

Император (*поет*).

На мотив «На реке плеснуло весло»

Еще подождите — натянут поводья
 и скоро отправятся в путь.
 Как можно уехать, звеня стремями,
 и даже рукой не махнуть?
 Вы мудро умеете видеть границу
 меж силами зла и добра
 И крепко в руках своих держите нити
 внутренней жизни двора.
 Строгий порядок в делах соблюдаете
 при управленье страной,
 Смело границы расширить стремитесь,
 трон укрепляете мой.
 Ну-ка, представьте, что я, ваш правитель,
 с вами считаться не стал,
 Вашу наложницу, девушку юную,
 к варварам жить отослал,
 В край столь далекий от родины милой,
 край этот так суров.
 Там ее ждали б лишения всякие
 в снежной стране ветров.
 Если б она не заплакала горько,
 ваш покидая дом,
 Вам бы пожаловал титул высокий
 и не жалел бы о том.

Министр (*говорит*). Ваше величество, не нужно так убиваться и задерживать ее. Позвольте ей уехать.

Император (*поет*).

На мотив «Семеро братьев»

Вы можете мне повторять непрестанно,
 что должен Мин-фэй не любить.
 Но кто запретит ей в пути оглянуться
 и в памяти все сохранить?
 Так горестен вид исчезающих быстро
 вдали головных знамен.
 И бой барабанов звучит у заставы,
 но скорбным мне кажется он.

На мотив «Вино из цветов сливы»

Я смотрю на равнину — она
 и безбрежна и холодна.
 Пожелтела трава.
 Заяц утром по инею скачет полями.
 Облиняла собака, совсем поседела она.
 Возвышаются длинные пики с кистями.
 Кони выючены грузом, в повозках припасы лежат.
 На охоту кочевники с гиком спешат.
 О, Ван Цян! О, Ван Цян! О, Ван Цян!
 С болью ты покидаешь правителя Хань!
 Юань-ди! Юань-ди! Юань-ди!
 Руки сжав, остаюсь на мосту, никуда не уйти.
 Вот она исчезает с отрядом в бескрайней степи.
 Мне придется вернуться в Сяньян в колеснице
 своей.
 Возвращаюсь в Сяньян
 И миную я стену дворца.
 Миновав эту стену,
 Вступил в длинный ряд галерей.
 Обогнул галереи
 И к женским покоям иду.
 Подошел я к покоям,
 Так тускло мерцает луна.
 Тускло светит луна,
 Ночь прохладу и свежесть родит.
 Ночь прохладна

И плачут цикады без сна,
Замерзают цикады,
Зеленая ткань у окна.
Зеленеет прозрачная ткань,
Беспредельна разлуки тоска.

На мотив «Усмиряю Цзяннань»

Ведь сердце — не камень, его одолела
Тоска без конца, без предела,
Но я бы и с каменным сердцем не снес
В разлуке струящихся слез.
Повешу портрет Чжао-цзюнь во дворце,
Сам свечи зажгу — пусть ярко горят.
И буду смотреть без конца на нее,
На свадебный красный наряд.

Министр *(говорит)*. Ваше величество, нужно возвращаться. Ван Чжао-цзюнь уже далеко.

Император *(поет)*.

Заключительная ария на мотив «Утки-неразлучницы»

Зачем так поспешно вы нас разлучили?
Таких наглецов не бывало на свете.
Борзых летописцев безлика свора
в историю вставит все эти советы.
И вот вы исчезли —
опавший цветок полевой.
Отныне я вас не увижу —
догонишь ли ветер степной?
Я долго стою и на север смотрю,
вернуться никак не решусь.
Чу! Где-то кричит за Великой стеной
на юг улетающий гусь.
И кажется мне: он увидел вдали
большие отары овец,
Покрытую пестрым ковром колесницу
и боль разлученных сердец.

Уходят.

Шаньюй *(входит, сопровождаемый Ван Чжао-цзюнь и своими соплеменниками. Говорит)*. Сегодня Ханьский двор не пренебрег нашим союзом и отдал мне в жены Ван Чжао-

цзюнь. Имя ей будет Нинху Янь, и я поселю ее в своем главном дворце. Как хорошо, что между нашими странами не началась война. Эй, воины, приказываю всем отправляться в дорогу, держа путь на север.

Все едут.

Ван Чжао-цзюнь *(говорит)*. Что это за местность?

Шаньюй *(говорит)*. Это река Хэйлунцзян, граница между землями сюнну и Хань. К югу — владения Ханьского дома, к северу — край сюнну.

Ван Чжао-цзюнь *(говорит)*. Великий шаньюй, позвольте мне взглянуть на южные дали и выпить чашу вина. Я хочу перед дальней дорогой проститься с землями Хань. *(Пьет вино.)* Император Хань, сейчас моя жизнь на земле оборвется, я перейду в загробный мир. *(Бросается в реку.)*

Шаньюй *(замирает в страхе и не успевает прийти на помощь. Вздыхает, говорит)*. Ай, как жаль! Как жаль! Чжао-цзюнь не захотела ехать к сюнну и утопилась в реке. Похороните ее на этом берегу, и пусть это место называется Зеленым курганом. Я думаю, что и в ее смерти, и в бессмысленной вражде между нами и Хань повинен этот негодяй Мао Янь-шоу. Батыры, схватите Мао Янь-шоу и отвезите ханьскому императору на справедливый суд. Я же по-прежнему буду жить в мире с Ханьским двором и навсегда останусь им близким родственником. Это будет всего разумнее.

Портрет намеренно испортил,
но злостный умысел раскрылся.
Сбежав за ханьскую границу,
предатель от расправы скрылся.
Затем ко мне явился он,
портрет красавицы вручил.
Была прекрасна Чжао-цзюнь,
я в жены взять ее решил.
И разве думал я тогда,
что в реку бросится она?
Напрасно на воду гляжу,
река глубокая мутна.
Таких преступников, как он,
опасно оставлять в живых,
В них корень новых страшных зол,
карать нещадно надо их.

Его отправлю в землю Хань,
 пусть Ханьский дом злодея судит.
 Останусь родственником верным,
 и мир меж нами вечный будет.

(Уходит.)

3) ЧЖЭН ГУАН-ЦЗУ. ДУША РАССТАЕТСЯ С ТЕЛОМ

Чжэн Гуан-цзу — юаньский драматург, живший предположительно в середине XIV в. и служивший в юго-восточных районах (Ханчжоу, провинция Чжэцзян). Считается автором 19 пьес, из которых до нас дошли 4. Пьеса «Душа расстается с телом» (полные названия — «Мечтая о счастье в знатном доме, душа Цянь-ньюй расстается с телом») или «Домашних духов обманув, душа Цянь-ньюй расстается с телом» считается одной из четырех жемчужин (наряду с «Западным флигелем» Ван Ши-фу — см. далее, «Возле ограды» Бай Лу — см. примечания к разделу «Юаньские арии-цзюй» и «Беседка поклонения луны» Гуань Хань-цина) юаньских драм на любовно-лирические темы.

Содержание и композиция этой пьесы таковы. **Вступление-сецзы:** в дом Чжанов прибывает, следуя на столичный экзамен, студент-сюцай Ван Вэнь-цзюй — жених дочери Чжанов Цянь-ньюй, надеющийся еще до экзаменационного испытания устроить свои семейные дела. Но мать Цянь-ньюй, вдова Чжан, не хочет торопиться со свадьбой и разрешает молодым людям лишь встретиться, наказывая при этом дочери называть Вана братом. **Действие первое:** Цянь-ньюй признается служанке (Мэй-сян) в любви к Вану. Вдова Чжан в придорожной беседке устраивает проводы Вана и на его вопрос: что она имела в виду, приказывая дочери называть его братом? — признается, что согласится на свадьбу только тогда, когда Ван сдаст экзамен. Ван и Цянь-ньюй трогательно прощаются с клятвами в верности друг другу. **Действие второе** — самая выразительная, по мнению критиков и литературоведов, сцена: после отъезда Вана Цянь-ньюй тяжело заболевает. Ван тоже скучает по ней. И вот однажды, когда он катается на лодке, к нему неожиданно является Цянь-ньюй (как выясняется позже — на самом деле лишь ее душа). Вначале Ван сердится, что Цянь-ньюй посмела убежать из дома, но, вняв ее мольбам и увещаниям, согла-

шается оставить у себя. **Действие третье:** Ван блестяще сдал экзамены и спешит уведомить будущую тещу о своем успехе. Цянь-ньюй по-прежнему больна и остается в забытии. Вдова Чжан, читая письмо Вана, с ужасом узнает, что тот едет к ней вместе с «барышней», полагая, что Ван женился на другой. **Действие четвертое:** Ван с женой приходят в дом Чжанов. Вдова Чжан, увидев женщину, столь похожую на ее больную дочь, решает, что это бесовка-оборотень. Но едва приезжая приблизилась к больной, как они обе соединились: душа слилась с телом. Действие завершается сценой пира.

Пьеса Чжэн Гуан-цзу, кроме ее художественных достоинств, — пример освоения юаньской драматургией предшествовавшего литературного наследия: в ней используется сюжет танской новеллы «Душа, которая рассталась с телом» Чэнь Сюань-ю (см. перевод).

На русском языке имеется полный перевод этой пьесы, выполненный Л. Н. Меньшиковым, в: Юаньская драма... С. 443—483.

СЕЦЗЫ

Старая госпожа (входит со слугами, декламирует).

Цветы весной
 раскроются опять,
 А молодость
 вернуться к нам не может.
 Не золотом
 должны мы дорожить —
 Покой и мир
 для нас всего дороже.

(Говорит.) Я родилась в семье Ли, фамилия мужа Чжан, но он давно уже отправился в другой мир. Нашей единственной дочери исполнилось семнадцать лет, детское имя ее Цянь-ньюй. Она искусна в рукоделии, умеет приготовить любые яства и напитки. Когда покойный супруг был еще жив, мы договорились с семьей помощника наместника нашего округа Вана о женитьбе наших будущих детей. В семье Вана родился мальчик, назвали его Ван Вэнь-цзюй. Ныне он уже достиг совершеннолетия. Говорят, что изученные сочинения переполняют его голову и что он еще не женился. Я несколько

раз писала ему. Он обещал навестить меня, думаю — тогда можно будет сыграть свадьбу. Эй, люди! Выйдите к воротам, если приедет мой сын, доложите мне.

Ван Вэнь-цзюй (*входит, декламирует*).

Тусклый светильник и желтые свитки
рядом с глубоким ученым.

Двор, обнесенный терновой оградой,
ждет меня нынче у трона.

В мире ученость превыше всего —
люди твердят беспрестанно.

Может ли юноша это забыть,
книги веки не тронуть?

(*Говорит.*) Моя фамилия Ван, имя Вэнь-цзюй. Мой отец служил помощником наместника округа Хэнчжоу, но я уже потерял отца и мать. Когда батюшка был жив, он договорился с Чжан Гун-би о женитьбе еще не рожденных детей. И вот в самом деле покойная матушка родила меня, а в доме Чжана появилась на свет дочь. Но свадьба наша еще не сыграна, потому что мой будущий тесть оставил этот мир. Теща моя много раз присылала мне письма с приглашением приехать. Нынешней весной вывешено оповещение, что открыт экзаменационный двор. Вот я и направляюсь в Чанъань: во-первых, я хочу сдать государственные экзамены, а во-вторых, по дороге я смогу навестить тещу. Вот я и добрался до ее дома. Эй, слуги! Доложите, что Ван Вэнь-цзюй ждет у ворот.

Слуга (*докладывает*). Докладываю вам, сударыня, что за воротами ждет какой-то сюцай, называющий себя Ван Вэнь-цзюем.

Старая госпожа (*говорит*). Не успела произнести его имени, как он уж тут. Проси!

Ван и старая госпожа видят друг друга.

Ван (*говорит*). Как давно я не навещал вас! Прошу вас, матушка, сесть и принять от меня почтительный поклон. (*Кланяется старой госпоже.*)

Старая госпожа (*говорит*). Прошу тебя подняться, сынок, будь как дома.

Ван (*говорит*). Ваш сын, матушка, приехал сюда прежде всего, чтобы поклониться вам. Кроме того, я хочу попытаться счастья на экзаменах при дворе.

Старая госпожа (*говорит*). Садись, сынок. Эй, люди! Скажите Мэй-сян, пусть позовет из женских покоев барышню поклониться старшему брату.

Слуга (*говорит*). Будет исполнено. Эй, девчонка! Передай барышне, что ее ждет старая госпожа.

Цянь-ньюй (*входит вместе с Мэй-сян, говорит*). Моя фамилия Чжан, детское имя Цянь-ньюй, мне уже исполнилось семнадцать лет. Как жаль, что отец мой давно оставил этот мир. При жизни он договорился с помощником наместника Ваном поженить будущих детей. Потом в доме Вана появился на свет сын по имени Ван Вэнь-цзюй, а у нас появилась на свет я. Сейчас матушка зовет меня в комнату для гостей, зачем — не знаю. Идем туда, Мэй-сян.

Мэй-сян (*говорит*). Иди скорее, сестрица!

Видят старую госпожу.

Цянь-ньюй (*говорит*). По какому делу вы меня звали, матушка?

Старая госпожа (*говорит*). Поклонись своему старшему брату, дочка.

Цянь-ньюй и Ван кланяются друг другу.

Это моя дочка Цянь-ньюй. А теперь возвращайся в женские покои.

Цянь-ньюй (*выходит из дверей, говорит*). Мэй-сян, откуда у меня взялся этот старший брат?

Мэй-сян (*говорит*). А разве ты не знаешь, сестрица? Да это же сюцай Ван, обрученный с тобой еще до рождения.

Цянь-ньюй (*говорит*). Так это и есть Ван? А знаешь ли ты, о чем думала матушка, когда велела мне поклониться ему как брату? (*Поет.*)

На мотив «Когда наслаждаюсь цветами»

Он — молодой небогатый студент
в грубой одежде дешевой.

Я же — богатых родителей дочь
в шитом наряде парчовом,

Но рождены мы
были один для другого.

Матушка нас как стеной разделяет,
Тучку и дождь она хочет
отгородить от Янтая.

На тот же мотив

Хочешь ты, чтобы затворница-дочка
не добралась до Ушаня, —
Юношу бедного, девушку грустную
этим безжалостно ранишь.
В сердце твоём
чёрная зреет затея,
Чтобы не думала о женихе я.
Только чем больше преграды,
Тем я тоскую сильнее.

Уходит вместе с Мэй-сян.

Старая госпожа (*говорит*). Эй, люди! Подметите кабинет, чтобы мой сын мог там отдыхать, читать свои книги и получать вовремя чай и пищу.

Ван (*говорит*). Не нужно готовить кабинет, матушка. Ваш сын должен немедленно отправляться в путь, чтобы успеть в столицу к началу экзаменов.

Старая госпожа (*говорит*). Но если ты, сынок, проживёшь у нас пару дней, то и тогда ещё не будет поздно выехать. (*Декламирует.*)

Пора экзаменов далека,
ещё ты поспеешь к ней.
Останься в бедном нашем жилище
хотя бы на несколько дней.

Ван (*декламирует*).

Меня перекаты в Воротах Юя
торопят в путь поскорей,
А я никак не осмелюсь спросить
о времени свадьбы моей.
Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Старая госпожа (*входит в беспокойстве, говорит*). Радость всегда сменяется заботой. После того как моя дочь Цянь-нуй, проводив скупа Вану в беседке Сломанной ивы, вернулась домой, она захворала и не может подняться. Приглашала я лекаря, но излечить её он не смог, болезнь все хуже. За что

это такое наказание? Боюсь, что моя дочь выпила яда разлуки. Пойду сама в её спальню, разузнаю, что и как. (*Уходит.*)

Ван (*входит, говорит*). Я — Ван Вэнь-цзюй. Расставание с барышней в беседке Сломанной ивы глубоко запало мне в душу, никак не могу её забыть. Сегодня моя лодка причалила к берегу реки. Дай-ка положу на колени цинь, в мелодии выскажу свою тоску. (*Играет на цине.*)

Душа Цянь-нуй (*входит, говорит*). Я — Цянь-нуй. После разлуки с господином Ваном я не нахожу места от тоски. И вот я решила вопреки воле матушки отправиться ему вслед и настигнуть его по дороге. Ах, господин Ван! Знал ли ты, отправляясь в путь, какой я поступок совершу ради тебя! (*Поёт.*)

На мотив «Сражающиеся перепела»

Надолго покинул он склоны Янтая,
И тучка из чуских ущелий ушла.
Не может вернуться он к нашему дому,
Когда его лодка на мель заплыла.
Лишь шумы и шорохи легкого ветра
Доносит ночная безмолвная мгла.
Дорога на берег приводит,
Ступаю по лунным разводам.
В мгновение ока проносятся мимо
Бессчетные горы и быстрые воды.

На мотив «Багровые цветы»

Плот ли Чжан Цяня на небе ищу я?
Нет, я ищу его лодку за ивой,
Чтобы тоску мое сердце забыло.
Пот, словно жемчуг, блестит на висках,
Чёрные пряди волос моих сбились,
Я утомилась, кончаются силы.
Верно, в реке Циньхуай он причалил
к мостику в устье речном,
Близко от лавки торговца вином.
Воды струятся в осоке прибрежной,
Берег в сиянье луны ледяном.

(*Говорит.*) Долго я шла — и вот я на берегу Цзяна. Слышится шум людских голосов. Нужно взглянуть, в чем дело. (*Поёт.*)

На мотив «Персик краснеет»

Разносится громкое ржанье коней
и гомон нестройный людей
За ивой плакучей,
склоняющей ветви к воде.
Как громко стучится в груди у меня,
как бьется испуганно сердце! —
Нет! Это по лодке колотит рыбак,
улов загоняет он в сети.
От громкого стука, когда улеглись
порывы осеннего ветра,
Когда от прозрачного лунного света
В цветах загораются капли росы,
Испуганно гуси гогочут,
взлетая с песчаной косы.

На мотив «Шутливый напев»

Тихо иду по песчаной плотине —
Скользок траву покрывающий иней.
Юбки моей
шелк изумрудный намок,
Холод росы с бирюзового мха
в тонкий пробрался чулок.
Перед моими глазами
встала картина весеннего Цзяна.
Небо и сверху и снизу: внизу —
в волнах дрожит беспрестанно,
Сверху — как чистый нефрит без изъяна.

На мотив «Плешивый монах»

Без селезня утка на берегу дальнем,
зарей обгабренном.
Под вечер в сплетенье засохших ветвей
собрались вороны.
До слуха откуда-то флейты напев
совсем одинокий донесся,
И плещут по волнам реки,
Поют свою песенку весла.

(Говорит.) А вон на той лодке слышны звуки циня — уж не господин ли Ван это? Дай-ка послушаю! (Поет.)

На мотив «Владыка лекарства бессмертия»

Рядом с сочной прибрежной осокой,
Где кувшинки видны недалеко,
Там, где сломан тростник, где камыш поседел
под раскидистой ивой высокой,
Там, где берег дугою идет,
Где короткий качается плот,
Где дымок над холодной водою повис,
где песок под луною прозрачной,
Притулились две-три
камышовых лачуги невзрачных.

Ван (говорит). В глубокой тишине ночи я слышу на берегу одинокий женский голос, он похож на голос моей Цянь-ньюй. Попробую ее окликнуть. (Спрашивает.) Не барышня ли Цянь-ньюй там, на берегу? Зачем вы так поздно сюда пришли?

Душа Цянь-ньюй (видит Вана, говорит). Господин Ван! Я пустилась вслед за вами, забыв о моей матушке. По-едем в столицу вместе!

Ван (говорит). Как же вам удалось так быстро меня догнать, барышня?

Душа Цянь-ньюй (поет).

На мотив «Рябой парень»

Вы — музыкант, вы беспечный Боя.
Выхода в горе не видела я.
Вы говорите: зачем
я потихоньку покинула дом?
Я на край света готова
ехать сегодня же с вами вдвоем.

Ван (говорит). А вы на повозке приехали или на коне?
Душа Цянь-ньюй (поет).

На тот же мотив

Сил я в дороге могла бы лишиться,
Вы бы уплыли далеко в столицу.
Доля моя несчастлива,
я навсегда очарована вами.
Разве легко мне так долго
брошенной быть — вы подумайте сами.

На мотив «Стрекочет кузнечик»

Коль сейчас меня бросите вы,
То когда меня снова увидите вы?
Мне в тоске не сносить головы
И от разных забот не сносить головы.

Ван (*говорит*). А что будет, когда об этом узнает старая
госпожа?

Душа Цянь-ньюй (*поет*).

Если б матушка нас воротить захотела,
Что нам с вами осталось бы делать?

Вспомним пословицу:

Коли взялся за дело — кончай его смело.

Ван (*говорит сердито*). В древности говорили: «Выданная
замуж — это жена, бежавшая к любимому — это наложница». Ведь старая
госпожа согласилась на нашу свадьбу. А теперь — даже если я и стану
чиновником — пытаться восстановить доброе согласие между нашими
двумя семьями было бы противно самому смыслу этого слова. Вы тайно
пустились следом за мной, нарушили общепринятые правила — разве
так следует поступать?

Душа Цянь-ньюй (*говорит*). Ах, господин Ван! (*Поет*.)

На мотив «Слива под снегом»

Я вижу — у вас
от гнева лицо изменилось,
Но я не вернусь,
на это я твердо решилась.
Любовь неизменна моя,
За вами иду и ни капли не трушу, —
Сумела управиться я
С сомненьями, переполнявшими душу.

Ван (*говорит*). Лучше бы вам поскорее вернуться домой,
барышня!

Душа Цянь-ньюй (*поет*).

На мотив «Багровые цветы»

Вы мне сказали,
что торопиться в дорогу должны,

В самом же деле склонились
к циню и книгам, печали полны.
Это терзало меня,
стали на лютню мою слезы литься.
Пряди волос моих стали
легкими крыльями быстрой цикады,
Брови — широкими крыльями птицы,
Я полетела, как пух тополевыи.
Пусть же твердят мне, что лучше скитаний —
жить под родительским кровом.
Не говоря ни единого слова,
Ветер осенний давайте впряжем
В парус высокий над нашим челном.
Словно цветок на весенней картине,
будет он белым пятном.

(*Говорит*.) Я догнала вас, сючай Ван, чтобы не разлучаться.
Одно только я хочу вам запретить.

Ван (*говорит*). Что же?

Душа Цянь-ньюй (*поет*).

На мотив «Равнина на востоке»

В день, когда в парке Цюнлинь
пир император устроит,
Свахи к вам тотчас же кинутся роем,
Будут держать перед вами портреты
первых красавиц страны,
Будут хвалиться, что эти невесты
в семьях вельмож рождены,
В пышный заманивать дом, —
Гнездышко с ласточкой новой
вы под карнизом не вейте вдвоем.

Ван (*говорит*). Пусть я даже займу на экзаменах первое
место, о вас я забыть не посмею.

Душа Цянь-ньюй (*говорит*). Боюсь, что это все только
до получения вами высшей ученой степени! (*Поет*.)

На мотив «Повисли пушинки на хлопке»

Кто входит в семейство богатое зятем,
Тот тоже становится важен и знатен.
От роскоши пышной богатых палат,

Где ткани парчовые грудой лежат,
 Неужто вы будете рваться сюда,
 к незнатному бедному дому?
 Ведь рыба, Ворота Дракона пройдя,
 стремится к простору морскому.
 Испивши вина государя,
 Цветами дворца одаренный,
 На голову ступите Ао,
 На голову ступите Ао
 и первым приблизитесь к трону.

Ван (*говорит*). А если я провалюсь на экзаменах, тогда что?
 Душа Цянь-ньюй (*говорит*). Если провалитесь, я готова
 носить грубую юбку и закалывать волосы колючками, терпеть
 нужду вместе с вами. (*Поет.*)

На мотив «Глупый всегда тороплив»

Если даже вы, словно Цзя И,
 дни окончите где-то в глуши,
 Мне, как верной жене с Мэн Гуан,
 все невзгоды при вас хороши.
 Я вовек не нарушу ни в чем вашу волю,
 Ни на миг усомниться себе не позволю,
 Я с почтеньем бокал подниму до бровей,
 возле столика с книгами стоя,
 До конца моих дней рядом с вами
 я готова питаться чумизой простою,
 Стану волосы терном скреплять я,
 Одеваться в рогожные платья.

Ван (*говорит*). Ну что ж, если вы, барышня, твердо реши-
 ли, то не согласитесь ли вы вместе со мною поехать в столицу?
 Душа Цянь-ньюй (*говорит*). Значит, вы согласны взять
 меня с собою? (*Поет.*)

На тот же мотив

Так зовите же в лодку сойти
 поскорей своего рулевого —
 Я боюсь, если будем мы ждать,
 нас погоня мгновенно изловит.
 Пробивается зелень травы на песке,
 На далеких деревьях вороны кричат,
 Между желтых кувшинок, плывущих в реке,

Протянул свои алые нити закат.
 Пусть не медля над лодкою нашей
 паруса, словно алые тучки, взлетят.
 Ясный месяц над нами горит в небесах,
 Сильный ветер восточный подул над волнами,
 Мы вперед без оглядки помчимся,
 Никому не угнаться за нами.

Ван (*говорит*). Сегодня вы, барышня, сопровождаете ме-
 ня на экзамены в столицу. А если я стану чиновником, то вас,
 конечно, ждет титул Покровительницы уезда.

Душа Цянь-ньюй (*поет*).

Заключительная ария

Скорее, скорее к дорогам Чанъани
 пусть лодка уносится вдаль.
 Хочу, чтоб в садах сочинений
 нас быстрый успех ожидал.
 Как Чжо Вэнь-цзюнь,
 я рада, что я вам служу,
 А вы на мосту написали
 стихи, словно Сыма Сян-жу.

Вместе уходят.

4) ШИ ЦЗЮНЬ-БАО. ЦЮ-ХУ СОБЛАЗНЯЕТ СВОЮ ЖЕНУ

О жизни Ши Цзюнь-бао известно лишь, что он был уро-
 женцем северного региона Китая (провинция Шаньси), умер
 в первой четверти XIV в. и является автором 10 пьес, из ко-
 торых сохранились только две. Пьеса «Цю-ху соблазняет
 свою жену» (полные названия — «Неумный вельможа Цю-ху
 соблазняет свою жену» или «Цю-ху — из Лу, вернувшись до-
 мой, заигрывает с собственной женой») считается одной из
 лучших юаньских комедий.

Содержание и композиция этой пьесы таковы. **Действие**
первое: к госпоже Лю — матери Цю-ху — приходят в гости
 родители ее молодой невестки — Ло Мэй-ин. Сваха, пришед-
 шая вместе с ними, начинает упрекать смущенную Мэй-ин в
 том, что она вышла замуж за бедняка. Внезапно появляется
 чиновник, набирающий в армию, и только что женившийся

Цю-ху вынужден покинуть дом. **Действие второе:** прошло десять лет. За все это время от Цю-ху не было никаких вестей. К Мэй-ин начинается свататься сосед-богач Ли, которому ее отец много задолжал. Мэй-ин тоскует по мужу и преданно ухаживает за больной свекровью. Она стыдит отца, осмелившегося привести Ли к ним в дом, и гонит незадачливого жениха. **Действие третье** — самая выразительная и удачная в художественном отношении сцена: Цю-ху, оказывается, дослужился до чина «среднего вельможи» и, полный самодовольства, возвращается домой, думая лишь о матери. Мэй-ин в это время отправилась собирать тутовые листья. Проезжая мимо, Цю-ху решает поухаживать за приглянувшейся женщиной, даже не подозревая, что она — его жена. Мэй-ин, также его не узнавшая, отвергает ухаживания и даже зовет на помощь крестьян. **Действие четвертое:** Цю-ху наконец-то добирается до дома и встречается с матерью. Он начинает догадываться, что приставал к собственной жене. Вернувшись домой Мэй-ин набрасывается на него с упреками и, возмущаясь его попытками оправдаться, требует развода. В самый разгар их препирательств появляется богач Ли в сопровождении родителей Мэй-ин: он опять пришел свататься. Рассерженный до предела Цю-ху, пользуясь своим служебным положением, приказывает подчиненным схватить Ли и отправить в уезд для должного наказания. Но и это не успокаивает Мэй-ин. Только угроза свекрови покончить с собой заставляет ее примириться с мужем.

На русском языке имеется полный перевод этой пьесы, выполненный О. Л. Фишман (стихи в пер. А. Левинтона), в: Юаньская драма... С. 347—388.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Цю-ху (*входит в одежде чиновника*). Я — чиновник Цю-ху. С тех пор как ушел в армию, был замечен главнокомандующим, которому сказали, что я сведущ и в гражданских и в военных делах. Я понравился ему. Под его знаменами я добился признания своих заслуг и занял место сановника. Я доложил, что не был дома десять лет, а у меня осталась старая мать, о которой некому позаботиться. Попросил отпустить, чтобы побывать дома. К счастью, Луский Чжао-гун пожалел меня, дал мне золота, чтобы я мог купить матери самые

отборные яства. И вот сегодня я возвращаюсь домой, одетый в парчу, иду повидать свою мать. (*Декламирует.*)

Я помню день, когда в поход
В слезах я шел расстроен,
А нынче — слава и почет,
Домой вернулся воин.
Мне дали бархат и парчу
В награду за услугу,
Я мать обрадовать хочу
И одарить супругу.

(*Уходит.*)

Мать Цю-ху (*входит, говорит*). Я — мать Цю-ху. С тех пор как мой сын уехал, от него нет вестей. Третьего дня его тесть очень сердился на меня. Хорошо, что невестка у меня такая верная и непреклонная, не согласилась идти замуж за другого. А если бы согласилась, то на кого бы я смогла на старости лет опереться? Сегодня невестка пошла собирать листья в тутовую рощу. Подумать только, как она не щадит себя, а все ради меня, старухи. Хотела бы я, чтобы она и после моей смерти оставалась моей невесткой, я бы ей была духом-покровителем, только так я смогла бы отблагодарить ее за все. Какая нынче погода скверная, пойду-ка я отдохну. (*Уходит.*)

Мэй-ин (*входит, держа в руках корзинку для листьев, говорит*). Пойду собирать тутовые листья. (*Поет.*)

На мотив «Белая бабочка»

С тех пор как приглянулась жениху
И в дом вошла я к бедному Цю-ху,
Мне счастья нет, годами молча жду.
И так начертано мне, видно, на роду
Терпеть лишения, голод, стужу, зной
И маяться злосчастной сиротой.
Когда родной отец и даже мать
Корыстно лгут и продолжают лгать,
Просвета нет; нужда и недород, —
И чередой идет за годом год.

На мотив «Опьяняющий ветер весенний»

Я вижу деревья и ширь полей,
И тучи плывут вдалеке,

Как будто я свидеться с милым пришла
В деревню на реке.
За что разгневанные небеса
Молнии шлют огни?
И почему они рушат гром
На слабые плечи мои,
На плечи мои?
Говорят, безгранична, безмерна любовь
И в мире конца ей нет.
Почему ж у меня за каплю любви
Холод разлуки и слезы тоски
Вместо счастья на сотню лет?

(Говорит.) Вот я и дошла до тутовой рощи. (Поет.)

На мотив «Радость на небе повсюду»

Сброшу скорее корзину с плеча,
Свежие листья домой принесу.
Листьев под кроной померкла парча,
Тени сгустились; во мраке ища,
Рву паутину, стираю росу.

Пантомима: Мэй-ин рвет листья, потом поет.

Долго мне с коконов сматывать нить.
Пальцы ласкали бы ивы листки,
Да ведь не выбраться! Надо спешить,
Нынче еще шелкопрядов кормить —
Листья пожухнут и ветви сухи.

(Говорит.) Жарко мне стало, сниму-ка верхнее платье, может, прохладнее будет. (Снимает платье.)

Цю-ху (в другой одежде, входит, говорит). Я — чиновник Цю-ху. Дошел до этого места, а отсюда и до дому недалеко, вот и переделся. Да не наша ли это тутовая роща? Как выросли деревья! Подойду поближе. Как там открывается калитка? Попробую войти. (Видит Мэй-ин, говорит.) Какая-то девушка. Стоит ко мне спиной, лица не видно, но со спины хороша, шея белая, волосы как смоль; как бы заставить ее обернуться, чтобы посмотреть на нее? А! Прочту-ка я стихи, наверняка оглянется. (Декламирует.)

Девушка, скажешь ли мне,
Ты из какой семьи?

Куда в корзинке несешь
Тутовые листы?
Шелковые на ветвях
Висят одежды твои,
Ветер разнес аромат
Юной твоей красоты.

(Говорит.) Что-то не слышит, повторю-ка еще разок. (Снова читает те же стихи.)

Мэй-ин (оборачивается, чтобы взять свою одежду, видит его, говорит). Я здесь собираю листья, а кто-то пришел сюда в рощу, надо сейчас же одеться.

Цю-ху (кланяется, говорит). Приветствую вас, барышня.

Мэй-ин (в испуге кланяется ему, поет).

На мотив «Полон двор ароматом»

Я смущена, и робок мой привет:
Пусть будет счастье с вами много лет.

Цю-ху (говорит). Что вы, барышня!

Мэй-ин (поет).

Ученый человек, не потаскун,
Как он учтиво отдает поклон.
Наверное, весьма начитан он:
Скажите, ведом ли вам мудрый Кун?

Цю-ху (говорит). Барышня, у меня с собой прохладительный напиток, выпейте со мной.

Мэй-ин (поет).

Чтоб шелковичных покормить червей,
Я набрала здесь тутовой листвы.
Боюсь, меня не приняли бы вы
За деревенщину, по внешности моей.

Цю-ху (говорит). Здесь никого нет, барышня, подойди поближе, из нас с тобой хорошая пара получится. Чего ты боишься?

Мэй-ин (в гневе, поет).

Вот так внезапно, ни за что
Средь бела дня
Словечком наглым, озорным
Стегнул меня.

Как будто я свидеться с милым пришла
В деревню на реке.
За что разгневанные небеса
Молнии шлют огни?
И почему они рушат гром
На слабые плечи мои,
На плечи мои?
Говорят, безгранична, безмерна любовь
И в мире конца ей нет.
Почему ж у меня за каплю любви
Холод разлуки и слезы тоски
Вместо счастья на сотню лет?

(Говорит.) Вот я и дошла до тутовой рощи. *(Поет.)*

На мотив «Радость на небе повсюду»

Сброшу скорее корзину с плеча,
Свежие листья домой принесу.
Листьев под кроной померкла парча,
Тени сгустились; во мраке ища,
Рву паутину, стираю росу.

Пантомима: Мэй-ин рвет листья, потом поет.

Долго мне с коконов сматывать нить.
Пальцы ласкали бы ивы листки,
Да ведь не выбрать! Надо спешить,
Нынче еще шелкопрядов кормить —
Листья пожухнут и ветви сухи.

(Говорит.) Жарко мне стало, сниму-ка верхнее платье, может, прохладнее будет. *(Снимает платье.)*

Цю-ху *(в другой одежде, входит, говорит)*. Я — чиновник Цю-ху. Дошел до этого места, а отсюда и до дому недалеко, вот и переоделся. Да не наша ли это тутовая роща? Как выросли деревья! Подойду поближе. Как там открывается калитка? Попробую войти. *(Видит Мэй-ин, говорит.)* Какая-то девушка. Стоит ко мне спиной, лица не видно, но со спины хороша, шея белая, волосы как смоль; как бы заставить ее обернуться, чтобы посмотреть на нее? А! Прочту-ка я стихи, наверняка оглянется. *(Декламирует.)*

Девушка, скажешь ли мне,
Ты из какой семьи?

Куда в корзинке несешь
Тутовые листы?
Шелковые на ветвях
Висят одежды твои,
Ветер разнес аромат
Юной твоей красоты.

(Говорит.) Что-то не слышит, повторю-ка еще разок. *(Снова читает те же стихи.)*

Мэй-ин *(оборачивается, чтобы взять свою одежду, видит его, говорит)*. Я здесь собираю листья, а кто-то пришел сюда в рощу, надо сейчас же одеться.

Цю-ху *(кланяется, говорит)*. Приветствую вас, барышня.
Мэй-ин *(в испуге кланяется ему, поет)*.

На мотив «Полон двор ароматом»

Я смущена, и робок мой привет:
Пусть будет счастье с вами много лет.

Цю-ху *(говорит)*. Что вы, барышня!
Мэй-ин *(поет)*.

Ученый человек, не потаскун,
Как он учтиво отдает поклон.
Наверное, весьма начитан он:
Скажите, ведом ли вам мудрый Кун?

Цю-ху *(говорит)*. Барышня, у меня с собой прохладительный напиток, выпейте со мной.

Мэй-ин *(поет)*.

Чтоб шелковичных покормить червей,
Я набрала здесь тутовой листы.
Боюсь, меня не приняли бы вы
За деревенщину, по внешности моей.

Цю-ху *(говорит)*. Здесь никого нет, барышня, подойди поближе, из нас с тобой хорошая пара получится. Чего ты боишься?

Мэй-ин *(в гневе, поет)*.

Вот так внезапно, ни за что
Средь бела дня
Словечком наглым, озорным
Стегнул меня.

А ведь по виду посмотреть —
Ученый муж.
Кто скажет, что развратник он
И груб к тому ж.

Цю-ху (*говорит*). Барышня, вокруг ни души, ну прошу тебя. Чем обрабатывать поле, куда лучше видется с молодым человеком; чем собирать листья тутов, лучше стать женой богатого и знатного мужчины. Ну иди сюда.

Мэй-ин (*говорит*). Где же видано такое бесстыдство? (*Поет*.)

На мотив «Поднимаюсь в светлицу»

Вы зовете составить вам пару
И с вами уйти навсегда,
Прислушайтесь, как кукушка
Запела: ку-да, ку-да?

Цю-ху (*говорит*). Ты же кормишь червей, при чем здесь кукушка?

Мэй-ин (*поет*).

Вы советуете остаться,
Забыть про голодных червей,
Но если черви погибнут,
Мне станет еще тяжелей.

Цю-ху (*говорит в сторону*). Если не пустить в ход руки, ничего не получится. (*Притягивает к себе Мэй-ин, говорит.*) Да перестань ты ломаться.

Мэй-ин (*отталкивает его, говорит*). Руки прочь! (*Поет*.)

На мотив «Двенадцатая луна»

Принесло же такого гада,
С его маслеными глазами,
С вороватыми, злыми руками;
Так и лезет куда не надо.

Цю-ху (*говорит*). Трепыхайся не трепыхайся, а из сада не уйдешь!

Мэй-ин (*поет*).

Он мне путь преградил в аллее,
Он ведет себя все наглее.
Мне придется кричать во весь голос:
Помогите, на помощь скорее!

(*Зовет.*) Ша-сань, Ван-лю, братец, все сюда, скорее!

Цю-ху (*говорит*). Перестань кричать.

Мэй-ин (*поет*).

На мотив «Песни народа при Яо»

Хотел он, видать, для забавы
Назвать меня своей милой.
Прельщая богатством и славой,
Пытался склонить меня силой.
Но, уstraшен моим криком,
Поеживаясь от тумачков,
Стоит, отвернувши лик, он,
Бессилен и бестолков.
Угрозами разве он сможет
Удержать меня в тутовой роще?
Я думала — он вельможа,
А он куда попроще.

Цю-ху (*говорит в сторону*). Что же делать, если она не соглашается? Погоди-ка, у меня есть с собой золото. Луский князь дал мне его для моей старой матери, но мать об этом не знает. Мне часто приходилось слышать, что деньги могут тронуть человеческое сердце. Дам-ка я это золото девушке, тут-то она уж наверняка согласится пойти мне навстречу. (*Достает золото, видит Мэй-ин, говорит.*) Девушка, если ты послушаешься меня, я дам тебе это золото.

Мэй-ин (*говорит в сторону*). Видно, привык иметь дело с продажными бабами. Ишь, сует мне свое золото, ну сейчас я ему покажу! Послушайте, что же вы раньше-то не сказали, что у вас есть золото? Вы отойдите пока в сторону, а я посмотрю, не идет ли кто.

Цю-ху (*говорит*). Она согласилась. Ну что ж, посмотрим.

Мэй-ин (*выходит за ворота, говорит*). Эй ты, скотина, слушай! Ты что, не знаешь, что мужчине легко совратиться при виде золота, а женскую волю золотом не сломишь? Видит, животное, что я не согласна, так золото вытащил! Поищи ему применение получше! (*Поет*.)

На мотив «Резвится дитя»

На что мне золото? Придем
С любовью купленной куда ж мы?

Читали вы о девушке с лицом
Как будто резанным из яшмы?

Цю-ху (*говорит*). Вот это сказала!
Мэй-ин (*поет*).

Ты хочешь золотом купить меня —
Любовь мою и счастья миги,
Мудрец же говорит: «Покой цена,
Все золото истратил я на книги».
В богатом доме, видно, ты привык
Мечтать о власти и господстве,
Но нет, не деньги — разум и язык
Свидетельствуют нам о благородстве.
А чем тебе завоевать сердца?
Насильно их никто привлечь не сможет.
Не доводи меня до крепкого словца —
Ты обезьяна в облике вельможи.

Цю-ху (*говорит*). Если ты добром не согласишься, я пойду
за тобой следом к тебе домой и там посватаюсь к тебе, идет?
Мэй-ин (*поет*).

Третья ария от конца

Жених объявился в стойле,
Да очень уж неудачный.
Разве вырастет статный феникс
В вороньем чахлом гнезде?
На этакой грубой бумаге
Контракт не подпишут брачный,
И тутовых саженцев ветви
Не переплетутся нигде.
Вестница крепкого брака —
Камбала — не жилища
В затхлой гнилой запруде,
Где вымачивается конопля,
Зачем же браслет из яшмы
Надевать на колесную спицу?
Гоните прочь лиходея,
Блудливого кобеля!

Цю-ху (*говорит*). Брось ты эти разговоры, девушка. Будешь долго ломаться, мне это дело надоест, и я тебя изобью.

Мэй-ин (*говорит*). Кого это ты собираешься бить?
Цю-ху (*говорит*). Тебя.
Мэй-ин (*поет*).

Вторая ария от конца

Коснись меня только взглядом,
И лоб твой клеймить будет пламя,
Рукой лишь дотронься — и знай, что
Топор для тебя припасли.
А если толкнешь или схватишь,
С поломанными костями
Ты будешь отсюда изгнан
За три тысячи ли.
Тебя постигнут все кары,
Попробуй меня пощупать,
И столб ты заслужишь позорный.
А я ведь еще молчу
Про то, как раскроют могилы,
Как выкоют предков трупы,
И всех твоих родичей близких
Поволокут к палачу.

Цю-ху (*говорит*). До чего же невоспитанная девка! Ну не хочешь — и дело с концом, чего же так браниться!
Мэй-ин (*поет*).

Заключительная ария

Пялит бесстыжие очи,
Не верит своим ушам,
Краснеет, пыхтит и жметя.
Сейчас я тебе задам.
Стой вот теперь да слушай,
Как я весь род твой клянусь!
А нечего в тутовой роще
Соблазнять чужую жену.

(*Уходит.*)

Цю-ху (*говорит*). Ну я по горло сыт ее руганью. Снесу-ка это золото моей старой матушке. (*Декламирует.*)

Лицо ее влечет
И обещает счастье,

Увидел я девчонку
И загорелся страстью.
Улещивал словами,
Попробовал силком,
Но тут же награжден был
Изрядным тумакom.
Посыпались словечки,
Затейливы и метки,
И сам я был изруган,
И родичи, и предки.

(Уходит.)

5) ВАН ШИ-ФУ (?–1330?). ЗАПАДНЫЙ ФЛИГЕЛЬ

О жизни Ван Ши-фу (настоящее имя Дэ-синь) известно лишь, что он родился в столице, вероятно, сдал государственные экзамены, некоторое время был начальником уезда, затем — инспектором западных районов (провинция Шэньси), но не поладил с вышестоящими властями и, будучи в возрасте 40 с лишним лет, ушел в отставку, полностью посвятив себя литературе и музыке. Им было создано 14 пьес, из которых сохранились только три. Пьеса «Западный флигель» (полное название — «Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну») считается лучшим драматургическим произведением первой половины XIV в. и одним из шедевров всей юаньской драмы.

Ван Ши-фу вновь использовал сюжет танской новеллы — «Повести об Ин-ин» Юань Чжэня (см. перевод), но он значительнее, чем другие юаньские драматурги, отошел от первоисточника. Ван Ши-фу намного расширяет и усложняет повествование, вводит в него новые эпизоды, добавляет новые смысловые и эмоциональные краски. Так, Ин-ин превращается у него в дочь первого министра, а Чжан Гун — в бедного студента, что придает истории их любви социальный штрих. Среди сочиненных Ван Ши-фу эпизодов особо выделяется сцена встречи Чжан Гуна с семейством Цуй в монастыре: монастырь оказывается осажденным разбойниками, предводитель которых Сунь (Летающий Тигр) требует отдать ему Ин-ин в жены. Мать Ин-ин, госпожа Цуй, обещает руку дочери тому, кто их спасет. Спасителем оказывается Чжан Гун, прогнавший с помощью

храброго монаха (Хуэй-мин) и своего друга-военачальника разбойников. Но госпожа Цуй начинает жалеть о своем обещании, так как совсем не хочет породниться с нищим и незнатным юношей, и ханжески нарекает влюбленных братом и сестрой. Благодаря этому эпизоду действие пьесы приобретает особую напряженность, а образы героев — значительно большую, чем в повести Юань Чжэня, пластичность и многогранность. В отчаянии Чжан Гун заболевает. Ин-ин тоже страдает, и тут ей на помощь приходит служанка Хун-нян, бойкая и преданная (еще один образ, разработанный Ван Ши-фу), она устраивает свидание юной пары в Западном флигеле монастыря. Ван Ши-фу решительно изменяет и финал истории любви Чжан Гуна и Ин-Ин: Чжан Гун успешно выдерживает экзамен, и госпоже Цуй приходится признать его право на брак с дочерью, хотя перед этим им еще придется пройти через много испытаний.

Столь же смело Ван Ши-фу отходит и от канонической схемы *цзацзюй*. Его пьеса отличается большим объемом, чем все другие юаньские драматургические произведения, и сложностью композиции: она состоит из 5 частей и 21 акта, что позволяет драматургу более точно воссоздать событийную канву и — самое главное — переживания своих героев. В этом плане «Западный флигель» предвосхищает собой романистические произведения, а герои пьесы Чжан Гун и Ин-ин по изобразительности и тонкой передаче психологических нюансов отдаленно перекликаются с героями «Сна в красном тереме».

На русском языке имеется полный перевод «Западного флигеля», выполненный Л. Н. Меньшиковым, в: *Ван Ши-фу. Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну: Драма / Пер., предисл. и прим. Л. Н. Меньшикова. М.; Л., 1960.*

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СЕЦЗЫ

Чжан (входит вместе с Цинь-туном, говорит). С тех пор как я поздней осенью расстался с барышней, пролетело уже полгода. Благодаря покровительству предков я на первом же экзамене получил степень, и мое имя стоит первым в списке первых кандидатов. Теперь я на постоянном дворе ожидаю указа

государя о назначении на должность. Но я боюсь, что барышня будет беспокоиться. Напишу-ка ей письмо и велю Цинь-туну поспешить к семье с уведомлением старой госпоже, что я добился успеха, — пусть ее сердце успокоится. Цинь-тун, иди сюда! Подай мне «четыре драгоценности жилища литератора», я напишу письмо домой, а ты поспеши в Хэчжун. Увидишь барышню — скажи так: хозяин твой боится, что его женушка горюет, и потому прислал письмо, чтобы сообщить ей новости. А потом торопись обратно с ответным письмом. Как быстро пробежали дни и месяцы! *(Поет.)*

На мотив «Когда наслаждаюсь цветами»

Встреча — под алым дождем лепестков
над зеленеющим мхом;
В час расставания — желтой листвы
шорох во мраке ночном.
Ныне я вижу
сливы весенней расцвет —
Значит, полгода со мной тебя нет.

(Говорит.) Запомни, что я тебе сказал. Цинь-тун: *(Поет.)*

С этим письмом
ей посылаю привет.

(Уходит.)

Цинь-тун *(говорит)*. Я получил письмо и спешу поскорее увидеть Хэчжун. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

И-ин *(входит вместе с Хун-нян, говорит)*. С тех пор как господин Чжан уехал в столицу, прошло уже полгода, но от него нет никаких вестей. Все это время душа у меня не на месте, мне не хочется заниматься собой. Стан мой похудел так, что юбка еле держится. Как я терзаюсь! *(Поет.)*

На мотив «Собрались мудрые гости»

Очи мои
не могут увидеть его,
Все же из сердца
думы о нем не прогнать.

Сердце успеет едва
думы оставить о нем,
Тотчас в бровях они видны опять.
Только забуду о нем —
тотчас обратно тоска прилетела.
Тяжкие мысли о нем —
нет им исхода и нет им предела.
Он отправлялся в столицу —
брови его как две горных вершины,
Сколько страдания в них
при расставании я разглядела!
Старой на смену тоске
новая мчится тоска.
В старой и новой
разлуке я с ним далека.
Старая — словно
мрачные горы Тайхан,
Новая — словно
достигшая неба река.

Хун-нян *(говорит)*. Ты, сестрица, всегда была усердна в рукоделии, пальцы твои никогда не стояли без дела, — что же сегодня у тебя такой утомленный вид? Обычно, если тебе невесело, ты передохнешь — и тебе полегчает, но на этот раз ты так похудела, что просто беда!

И-ин *(поет)*.

На мотив «Радость гулять на свободе»

Хотя я и прежде бывала худа,
Но прежние беды не стоят вниманья, —
Такая нагрянула нынче беда.

Хун-нян *(говорит)*. У тебя на сердце печаль, сестрица. Как бы ее рассеять?

И-ин *(поет)*.

Куда мне пойти, где рассеять тревогу?
Когда в одиночестве я
на башню взойду и смотрю на дорогу,
Рукой занавеску жемчужную там
откину на яшму крюка,
Но вижу я только одно:
как горы светлы, как прозрачна река,

Как дым голубой одевает лесок,
Как травы увядшие сходятся с небом,
Как движется на переправе челнок.

(*Говорит.*) С тех пор как он уехал, Хун-нян, одежда висит на мне, словно она с чужого плеча.

Хун-нян (*говорит*). Поистине, сестрица, «тонок твой стан — платье просторно любое».

Ин-ин (*поет*).

На мотив «Повешена цепь золотая»

Моя нижняя юбка, как цветами граната,
От румян со слезами
украшается ночью узором.
Я стянула завязки на поясе туго,
Запахнула одежду,
от людских укрывая их взоров.
Оторвались жемчужины от рукавов —
От струящихся слез
мой рукав ароматный размок.
Опечалены брови у девушки-ивы,
И сама-то я ныне
худая, словно желтый цветок.

Цинь-тун (*входит, говорит*). Согласно тому, что сказал мой хозяин, это письмо я должен отдать барышне. Только что на половине хозяйки я видел старую госпожу. Как она была рада! Теперь старая госпожа послала меня к барышне — и вот я у внутренних покоев. (*Кашляет.*)

Хун-нян (*спрашивает*). Кто это там снаружи? (*Смотрит, видит Цинь-туна, смеется, говорит.*) Когда ты приехал? А ведь об этом можно было догадаться!

Фитиль нагорел
в светильнике ночью вчера,
Сороки трещат
на ветках сегодня с утра.

А моя-то сестрица так убивается! Ты один или старший брат тоже приехал?

Цинь-тун (*говорит*). Старший брат теперь чиновником стал, а меня послал сюда с письмом.

Хун-нян (*говорит*). Обожди здесь, я скажу барышне, а потом ты войдешь. (*Видит Ин-ин, смеется.*)

Ин-ин (*говорит*). Что случилось с этой девчонкой?

Хун-нян (*говорит*). Какая радость, какая радость, сестрица! Наш зять стал чиновником!

Ин-ин (*говорит*). Эта девчонка видит, как я горюю, и нарочно обманывает меня.

Хун-нян (*говорит*). У дверей стоит Цинь-тун. Он уже видел хозяйку, и она прислала его к тебе, сестрица! От нашего зятя есть письмо!

Ин-ин (*говорит*). Мне стыдно сознаться, но я все надеюсь: придет день, и я смогу приказывать Цинь-туну. Скажи ему, чтобы он вошел.

Цинь-тун видит Ин-ин.

Ин-ин (*говорит*). Когда ты выехал из столицы, Цинь-тун?

Цинь-тун (*говорит*). Тому уже больше месяца. Когда я уезжал, старшего брата как раз собирались водить по улицам, верно палками бить.

Ин-ин (*говорит*). Этот болван ничего не понял. Ведь первого кандидата зовут показаться народу, и он три дня разъезжает по улицам.

Цинь-тун (*говорит*). Все как раз так, как вы говорите, сударыня. А еще у меня письмо есть.

Ин-ин (*берет письмо, поет*).

На мотив «Золотая хризантема»

Думалось мне, что, когда он уедет,
справлюсь с любовью моею.
Только успела письмо получить,
боль моя стала сильнее.
Он обещал мне вернуться,
но слово сдержать он не хочет.
Молча склоняюсь на грудь головою —
Лишь получила письмо я,
Слезы застлали мне очи.

(*Вскрывает письмо, поет.*)

На мотив «Тыква-горлянка с лекарством»

Когда я посланье
вскрываю — текут мои слезы,

Когда он посланье
 писал — его слезы лились.
 Я думаю, долго текли его слезы,
 покуда он взялся за кисть,
 И слез его капли на этом письме
 ко мне от него добрались.
 К следам его слез
 прибавились слезы мои —
 Воистину, в этом посланье друг друга
 тоски покрывают слои.

(Читает письмо.) «Чжан Гун, стократно склоняясь в поклоне, почтительно обращается к Вам, своей любимой, услаждающей очи людей. С тех пор как поздней осенью мы расстались, промелькнуло полгода. Благодаря покровительству моих предков на небесах и добродетелям моей мудрой супруги на этой земле, я добился первого места на экзаменах. Ныне я остановился на постоялом дворе „Призвание мудрых“ и ожидаю указа о назначении на должность, написанного высочайшей кистью. Опасаясь, что старая госпожа и моя мудрая супруга будут горевать обо мне, я специально велел Цинь-туну, взяв письмо, спешить с этой вестью — так я надеюсь рассеять Ваши заботы. Хотя я, недостойный, и далеко от Вас, но сердце мое постоянно с Вами. Досадую только, что не можем мы вместе парить, подобно птицам цзянь, и соприкасаться телами, подобно зверям ан. Тот, кому досталось столь славное имя и столь малая благосклонность Ваша, если сказать правду, грешит тем, что редко приходит к нему желание наесться досыта. В другой день, когда мы встретимся, долгом почту отблагодарить Вас. На этом кончаю. Еще сочинил я четверостишие, которое и предоставляю Вашему чистому взору:

В яшмовом граде, в столице святой,
 в парке я пир ожидаю.
 Деве-затворнице в округ Пуцзюнь
 Это письмо посылаю.
 Солнцу я кланяюсь — в свете его
 еду в парчовой одежде.
 Доброе имя твое я сберег,
 скоро назад возвращаюсь».

(Поет.)

На тот же мотив

С кем в западном флигеле
 пряталась я под луною,
 Тот в парке Цюнлинь,
 пируя, на цине играет.
 Кто бы мог подумать, —
 Те ноги, что прыгали через ограду,
 на голову Ао ступают.
 Как можно это вообразить себе:
 Чье сердце с любовью стремилось к цветку,
 тот нынче корицу ломает.
 В румянах и пудре,
 как видно, парчовый тайлся убор,
 Должны бы к экзаменам в спальне моей
 готовиться все с этих пор.

(Говорит Цинь-туну.) Тебя покормили?

Цинь-тун (говорит). Сначала я сообщил новость старой госпоже, а потом с самого рассвета зря топтался у ваших покоев — как же я мог успеть поесть?

Ин-ин (говорит). Хун-нян, принеси поскорее чего-нибудь. Покорми его.

Цинь-тун (говорит). Я счастлив удостоиться от вас такой милости. Сейчас же примусь за еду. Напишите письмо, сударыня. Старший брат велел мне настоять на вашем ответе. Это очень, очень нужно.

Ин-ин (говорит). Хун-нян, дай мне кисть и тушечницу.

Хун-нян подает.

Ин-ин (говорит). Хотя я и написала письмо, но душу свою в нем излить я вряд ли смогу. Я здесь приготовила нательную рубашку, пояс, пару чулок, яшмовый цинь, нефритовую шпильку и дудочку из пятнистого бамбука. Собери все эти вещи, Цинь-тун. Хун-нян, принеси десять лян серебра и дай ему на дорожные расходы.

Хун-нян (говорит). Наш зять теперь чиновник, неужели у него всего этого нет? С какой целью ты посылаешь ему эти вещи?

Ин-ин (говорит). Ты не понимаешь! Эта рубашка...

На мотив «Лист утуна»

Если ляжет он спать,
 не снимая рубашки моей,

Словно рядом со мной
 он себя будет чувствовать в ней;
 И едва к его телу
 прижмется она поплотней,
 Он невольно припомнит о ласке моей.

Хун-нян (*говорит*). А зачем этот пояс?

Ин-ин (*поет*).

Пусть начало с концом
 навсегда свяжет поясом он, —
 Пояс тело охватит с обеих сторон,
 Крепко сердце привяжет ему.

Хун-нян (*говорит*). А для чего эти чулки?

Ин-ин (*поет*).

Не позволят они
 по беспутной дорожке ходить ни к кому.

Хун-нян (*говорит*). Такой цинь есть там у него самого,
 зачем ты его посылаешь?

Ин-ин (*поет*).

На мотив «Цветы во внутреннем дворике»

В стихах пятистопных
 любви нашей было начало,
 Потом семиструнного циня
 навеки нас песня связала.
 А вдруг он забудет
 о том, что в стихах мне поведал?
 Что, если о струнах
 теперь вспоминает он мало?

Хун-нян (*говорит*). А эта шпилька, что ты ею хочешь
 сказать?

Ин-ин (*поет*).

Для шпильки есть тоже причина —
 Добился теперь он высокого чина,
 Боюсь, что меня,
 как шпильку, он скоро забросит.

Хун-нян (*говорит*). А зачем эта пятнистая дудочка?

Ин-ин (*поет*).

Когда на Сянцзяне
 настала глубокая осень,
 Те дни Э-хуан
 проводила, о Шуне тоскуя.
 Сегодня Ин-ин
 грустит о своем Чжан Цзюнь-жуе,
 И как на бамбуке
 у склонов горы Цзюишань
 Когда рукавом
 ароматным глаза осушу я, —

На мотив «Песня молодости»

Так же от слез
 на рукаве сохраняется след,
 Крапинки слез
 так же не смоются множество лет. —
 Видно, у древней тоски по любимом
 с нынешней разницы нет.
 Слезы струятся, сливаясь в ручей,
 Ревности мне не утишить моей.
 Если ж ученому нашему дудочка
 все это в песне откроет,
 Помнить он будет былое.

(*Говорит.*) Так возьми же эти вещи, Цинь-тун.

Цинь-тун (*говорит*). Сделаю, как вы приказали.

Ин-ин (*поет*).

На мотив «Тыква-горлянка с лекарством»

Как будешь ты спать
 в постоянных дворах по ночам,
 Под голову класть
 котомку с вещами не надо,
 Иначе потом не отмоешь от них
 ты пятен румян и помады.
 Под дождь попадут — не выкручивай их,
 сомнутся, наделаешь складок,
 И после, при сушке,
 разгладить не сможешь ты все эти складки.
 Забьешься о том, чтобы каждую вещь
 доставить на место в порядке.

На мотив «Золотая хризантема»

Это послание, это письмо
я написала сейчас.

Скоро ли, скоро ли злая тоска
души развяжет у нас?

За небосклоном столицу Чанъань
не увидеть никогда,

С западной башни гляжу я туда —
Милый не виден, одна

Льется речная вода.

Цинь-тун (*говорит*). Ну, я откланяюсь — и в путь.

Ин-ин (*говорит*). Цинь-тун, когда увидишь своего господина, скажи ему...

Цинь-тун (*говорит*). Что же ему сказать?

Ин-ин (*поет*).

*Заключительная ария
на мотив «Приплыл по волнам»*

Он в той стороне

тоскует, меня не встречая,

Я в этом краю

худею, его вспоминая.

Когда уезжал он, лукавый язык

твердил мне лукавые речи,

Что в день девятый девятой луны

настанет пора нашей встречи.

Но вот уже малой весны

пора незаметно промчалась пред нами,

А я до сих пор упрекаю себя,

супруга послав за чинами.

Цинь-тун (*говорит*). Взяв письмо, я спешно отправлюсь к старшему брату, чтобы сообщить ему ваш ответ.

Все уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Чжан (*входит, говорит*).

Тигр на картине еще не закончен,
рано смеяться над ним:

Скоро появятся когти с клыками —
все ужаснутся тогда.

Вот я и назначен на должность после экзамена. Получен указ государя о зачислении меня в палату Ханьлинь для составления истории династии: они там поняли, что мой ум годится для написания любых сочинений. Я послал Цинь-туна сообщить хорошие вести. Он еще не вернулся. Эти дни я не могу спокойно спать, не прикасаюсь к еде и питью. Мне дан отпуск, чтобы я мог отдохнуть на почтовой станции. Утром из лекарского приказа был прислан человек осмотреть меня, он дал мне лекарство. Только мой недуг даже луский Бянь не мог бы исцелить. С тех пор как я разлучился с барышней, не было дня, чтобы сердце мое было спокойно. (*Поет.*)

На мотив «Белая бабочка»

С тех пор как в столице мой дом,

Тоска у меня на душе,

покоя не знаю ни ночью ни днем.

О девушке-иволге думы

одни воцарились в сердце моем.

Был лекарь сюда приглашен.

Когда осмотрел он меня,

То все объяснил мне до тонкостей он,

Да только добраться до корня не смог.

И что бы он там ни нашел,

какой я увижу в лечении прок?

На мотив «Опьяняющий ветер весенний»

Сказал, что магической силой целебной

прославлено снадобье это,

Но против тоски от разлуки

целебного снадобья нету!

О моя Ин-ин!

Когда бы ты знала, какая меня

терзает в разлуке тоска —

Ведь даже кончина мне будет сладка,

Мне будет сладка!

Нигде во вселенной приюта не зная,

Один чужаком на чужбине скитаюсь,

Полгода уже по тебе я страдаю.

Цинь-тун (*входит, говорит*). Я говорил, что мой старший брат выехал на место назначения, а он, оказывается, лежит больной на почтовой станции. Спешу к нему туда с ответом. (*Видит Чжана*).

Чжан (*говорит*). Ты вернулся наконец! (*Поет.*)

На мотив «Встречаю святого гостя»

То-то кричала
на ветке цветущей, высокой
Вестница гостя — сорока,
То-то спустился на полог
радости вестник — паук
В час, когда ночью светильник трещал
и отзывались на звук
Душу терзавшие строфы,
Душу терзавшие строки.

Цинь-тун (*говорит*). Молодая госпожа прислала письмо.

Чжан (*берет письмо, поет*).

Много в письме этом ниточек слез!
Иначе почему же
Им просочиться
через конверт удалось?

(*Читает письмо.*) «Ваша несчастная служанка из семьи Цуй, почтительно приняв письмо высокого своими талантами Цэюнь-жуя, с поклоном пишет ответ. После того как покинули меня Ваши голос и облик, незаметно прошло много времени, но почитающее Вас сердце ни на минуту не знало отдыха. Я все говорю: как близко солнце, как далеко до Чанъани, почему исчезли рыбы и гуси? Не потому ли, что Вы, увлекшись красотками, забыли и думать о нежности Вашей возлюбленной? И вот когда я так думала, прибыл Цинь-тун, удостоилась я видеть Ваши кисть и тушь и тут узнала, что Вы добились степени. Это заставило Вашу служанку радоваться словно безумную. Значит, Вы со своими талантами не посрамили рода первого министра. Ныне, когда Цинь-тун возвращается, я не нашла ничего, чтобы послать Вам в дар, кроме яшмового циня, нефритовой шпильки, дудочки из пятнистого бамбука, пояса, натальной рубашки и пары чулок, — они одни могли бы выразить искренние чувства Вашей служанки. В моей небрежной скорописи не хватает почтения к Вам, — умоляю Вас

о снисхождении. На этом кончаю. На рифмы, присланные Вами, я тоже написала четверостишие:

Юношу мудрого жду у перил,
вдаль свои очи вперяю.
Ты там столичную Хуан Сы-нян
не полюби, умоляю.
Я из посланья узнала, больная:
первым прошел ты в столице —
Возле окна перед зеркалом я
новый наряд примеряю».

Ради такой девушки, как прелестная из прелестных сестрица, Чжан Гун с радостью умер бы! (*Поет.*)

На мотив «Поднимаюсь в светлицу»

Почерк искусный, неведомый людям —
Будто бы надпись на древнем сосуде.
Так же, как Янь или Лю, она пишет,
Будто Чжан Сюй, когда пьяный лежит,
И наравне с Ван Си-чжи, Ван Сянь-чжи.
Будь это в старое время,
Будь это в новое время,
Между красавиц, талантами славных,
В мире во всем не найдется
в этом искусстве Ин-ин моих равных.

На тот же мотив

Это письмо,
как заклинанье, поможет повсюду,
Как амулет сохранять его буду,
Как золотую печать — почитать,
Словно парчой золотой — дорожить,
Словно казну золотую — ценить.
Если бы подпись стояла на месте,
Если бы с письмоводителем вместе
Послан был грозный охранник,
И без печати бы это письмо
было приказом: «Приди на свиданье!»

(*Берет рубашку, говорит.*) Что говорить о послании, а такое рукоделие разве часто встречается? (*Поет.*)

На мотив «Дворик палом ароматом»

Разве мог бы Чжан Гун не ее полюбить,
 Если так она тонко владеет иглой —
 Всем девицам могла бы наставницей быть.
 Сколько было усердия вложено здесь
 в каждый из бесконечных стежков, —
 Приглядевшись чуть-чуть, догадаться легко.
 Хоть в коротких и длинных стежках
 ее облик не может явиться очам,
 Но я вижу склонившийся стан,
 приглядевшись к коротким и длинным стежкам.
 Где тут лучше, где хуже, —
 никто различить бы не мог:
 Чуть пришел начинать рукоделие срок,
 У нее до конца
 был продуман уж каждый стежок.

(*Говорит.*) Когда барышня посылала мне все эти вещи, она
 каждой на что-то намекала. Попробую один за другим разга-
 дать все ее намеки. (*Поет.*)

На мотив «Белый аист»

Посылая этот цинь, она велит, чтобы я,
 Учась, за ворота
 себе выходить запретил,
 Законы стихов
 учил, не жалеючи сил,
 Чтоб, словно мудрец,
 воспитывал сердце свое,
 Как Чао и Ю,
 себе уши омыть поспешил.

Вторая ария на тот же мотив

Яшмовая шпилька — это она сама:
 Нежна и хрупка,
 как будто бамбука росток;
 Как веточка лука,
 она и бела и стройна;
 Ее теплота
 тончайший струит аромат;

В своей чистоте
 изъянов она лишена.

Третья ария на тот же мотив

Что означает эта пятнистая дудочка?
 Под инеем ветка,
 тоскующий феникс на ней,
 И слезы из глаз
 бегут по щекам на румяна.
 Как мудрого Шуня
 оплакала встарь Э-хуан,
 Так чистая дева
 грустит обо мне беспрестанно.

Четвертая ария на тот же мотив

Этот пояс...
 Одной полосой
 лежит на руке моей ткань,
 Под лампой не раз
 меня обвивает она.
 Она говорит
 о сердце обвившей печали,
 О том, чем душа
 всегда у любимой полна.

Пятая ария на тот же мотив

А эти чулки...
 Как кокон тончайший,
 охватят они мои ноги;
 На лебедя жир
 шелк этот походит немного.
 Она говорит мне:
 «Вы правила древних учили,
 Хочу, чтобы вы
 не шли по беспутной дороге».

(*Говорит.*) Цинь-тун, что говорила тебе молодая госпожа пе-
 ред твоим отъездом?

Цинь-тун (*говорит*). Она велела старшему брату не же-
 ниться на другой.

Чжан (*говорит*). Как же мало знаешь ты до сих пор мое
 сердце, барышня! (*Поет.*)

На мотив «Троекратная удача»

Весь двор постоянный
 наполнен прохладой ночью,
 И дождь все шумит и шумит,
 и ветер все воет и воет.
 Под мелким дождем, под слабеющим ветром
 смежает глаза мой сон.
 О, как разрывает
 мне душу страданием он!

На мотив «Аудиенция у Сына Неба»

Мне не двинуть порою
 Ни рукой, ни ногою,
 Не увидеть во сне
 монастырь Пуцзюсы пред собою.
 Молодая твоя госпожа,
 верно, только тебя увидала,
 Слов ненужных, пустых
 и еще наказала немало?
 Был гулякой когда-то и я,
 Непутевым студентом я был,
 Только ныне о падших цветах
 и о сломанных ветках забыл.
 Лишь подумал о ней,
 И до нынешних дней
 Не хочу я топтаться
 на рынках средь разных людей.

На мотив «Поздравляю государя»

Даже в столичных
 семьях сановников важных
 Взять меня рады красотки в мужья,
 Только похожей хоть чуть на тебя
 так и не видывал я.
 Кто из них в ласках сравнится с тобою,
 Станет талантом с тобой наравне?
 Кроме Ин-ин, кто еще может мне
 В грезах присниться, явиться во сне?

(Говорит.) Цинь-тун, получше спрячь эти вещи и одежду!
 (Поет.)

На мотив «Резвится дитя»

Надо вытряхнуть тэновый крепкий сундук,
 что в моем кабинете стоит,
 И внутри сундука
 все бумагой устлать, за слоями слои.
 Осторожнее вещи укладывай ты,
 чтобы в строгом лежали порядке,
 Чтобы тонкие нити
 колючками тэна на ткани не рвало,
 И не вешай на вешалках их высоко,
 чтобы воздухом не обдувало.
 Как попало не связывай вещи в узлы,
 не давай истереться по складкам.
 Так ты вещи ее сохраняй
 И все время заботься об этих вещах,
 Поломаться, порваться ты им не давай.

Четвертая ария от конца

Ревность со свадьбою стихнет лихая.
 Громкое имя я здесь добываю,
 Но и в столице обитель Пуцзю
 я без конца вспоминаю.
 Слива и персик весенний вчера
 ночью раскрыли цветы,
 Нынче под ветром осенним утун
 скоро уронит листы.
 Как по тебе я тоскую!
 Сердце с тобою, но ты далеко,
 В думах покоя себе не найду я.

Третья ария от конца

Чувства мои,
 словно небо с землею, безбрежны.
 Пусть даже высохнет
 море и камни истлеют,
 Я и тогда
 не расстанусь с любовью моею.
 Я как свеча, что струит свои слезы,
 даже совсем догорая,
 Как шелкопряд, что прядет свои нити,
 даже когда умирает.

Я не похож на беспутных юнцов,
на беззаботных гуляк,
Рвущих все струны союза супругов
И нарушающих фениксов брак.

Вторая ария от конца

Вести для нас
пес желтоухий не носит,
Строк стихотворных
на листьях алеющих нет,
Ты мне не можешь по почте послать
с веточкой сливы привет.
Я за три тысячи ли, на чужбине,
здесь я совсем одинок.
Если двенадцать часов наступает —
мыслям о родине срок, —
Вдаль устремляю свой взор,
Слышу немолчную песню реки,
Вижу вершины синеющих гор.

Заключительная ария

Когда я тоскую,
я болен от этой тоски,
А если я счастлив,
я счастлив, когда ты со мной.
Так долго ждал вести от Чжо Вэнь-цзюнь,
к которой стремился душой,
Что тяжким недугом терзался Сян-жу
и видел уж смерть пред собой.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Чжэн Хэн (*входит, представляется зрителям*). Моя фамилия Чжэн, имя — Хэн, второе имя — Бо-чан. Мой покойный отец был министром двора, но он рано умер, а через несколько лет я оплакал и мать. Когда мой отец был еще жив, мне была обещана в жены Ин-ин, дочь моей тетушки. Нежданно тетушкин супруг скончался. Ин-ин не сняла траурных одежд, поэтому свадьба пока не состоялась. Моя тетушка вместе с Ин-ин везла гроб с телом покойного в Болин, к фамильным могилам,

но не смогла добраться до места из-за опасной дороги. Несколько месяцев тому назад она написала мне письмо, в котором звала вместе проводить прах покойного. Но мне не на кого было оставить дом, и я опоздал. Когда я покинул столицу и добрался до Хэчжуна, я услышал, что Сунь Фэй-ху хотел захватить в плен Ин-ин и сделать ее своей женой, но какой-то Чжан Цзюнь-жуй отогнал разбойников, и за это тетушка обещала ему Ин-ин. Если бы я не узнал об этом, когда приехал сюда, то тут же отправился бы к ней, но, раз уж услышал, нет никакого смысла ломиться в ее дверь. Во всем этом, верно, замешана Хун-нян. Я послал за ней человека и велел сказать так: «Ваш старший брат приехал из столицы, но не смеет показаться на глаза тетушке и потому просит Хун-нян прийти на постоянный двор, чтобы через нее кое-что передать». Человек этот ушел довольно рано, но никто не приходит. Видно, тетушка разговаривает с ним.

Хун-нян (*входит, говорит*). Наш старший брат Чжэн Хэн живет на постоялом дворе. К хозяйке он не явился, а позвал меня побеседовать с ним. Хозяйка велела мне навестить его. Посмотрим, что он скажет. (*Видит Чжэн Хэна.*) Долгое счастье нашему старшему брату! Хозяйка спрашивает, почему вы приехали и не зашли к нам в дом.

Чжэн Хэн (*говорит*). С каким же лицом я буду смотреть на тетушку? А тебя я позвал вот почему: в те дни, когда тетушкин супруг был еще жив, мне в этом доме была обещана свадьба. Сегодня я приехал, срок траура у вас уже кончился. Я для того и позвал тебя, чтобы ты передала тетушке: пусть выберет счастливый день, завершим это дело свадьбой, и мы с барышней после кончины будем похоронены вместе. Если же брак не состоится, нам нельзя будет встречаться на одной дорожке. Так вот, коли она согласится, я тебя щедро отблагодарю.

Хун-нян (*говорит*). Об этом больше и речи быть не может, Ин-ин уже отдана другому.

Чжэн Хэн (*говорит*). Неужели ты не знаешь, что «на спину одной лошади не надеть двух седел»? Как это так? Пока отец жив, сватают ее за меня, а после его смерти мать отказывается от брака! Где же такое видано?

Хун-нян (*говорит*). Ты не должен так говорить. А где был ты, старший брат, когда явился сюда Сунь Фэй-ху с пятью тысячами разбойников? Если бы не этот студент, разве осталась бы в живых вся наша семья? Сегодня все успокои-

лось, хлопотать не о чем, так ты являешься и требуешь свадьбы! А если бы разбойники захватили Ин-ин, как бы старший брат требовал ее у них?

Чжэн Хэн (*говорит*). Отдали бы ее в богатый дом — это я понимаю, но отдать какому-то голодному оборванцу! Выходит, я хуже его? Ведь я достойный из достойных, и происхождение у меня не такое, как у него. К тому же я из родни иду в родню, да и воля ее отца была такова.

Хун-нян (*говорит*). Это он-то хуже тебя? Помолчал бы уж! (*Поет.*)

На мотив «Сражающиеся перепела»

Ты хвалишься зря, из достойных достойный,
Что ты по рождению важная птица, —
Два чина зараз получить не удастся,
Нельзя по закону с родными родниться.
Ведь ты не прислал еще сваху с подарком, —
Без дара парчой не пристало жениться.
Намерен, чуть пыль ты отмоешь,
К жене заявиться в покои!
Да ты же изгадишь
 золотые покои за ширмой сребристой,
Узор одеяла с подстилкою чистой!

На мотив «Багряные цветы»

Зря оскорбишь ты
 тучу-прическу, лицо словно месяц,
Зря осрамишь ее,
 яшмой любуюсь и запах вдыхая,
Зря осквернишь ее,
 вместе улечься с собой принуждая,
В час, три основы когда разделились,
Два во вселенной начала явились:
Небо с землею,
Чистой основой небо предстало,
Грязным земля оказалась началом,
Люди же свойства берут от обоих.
Вот почему Цзюнь-жуй —
Чистый душой благородный мудрец,
А Чжэн Хэн —
Грязным родившийся низкий подлец.

Чжэн Хэн (*говорит*). Как же он сумел один отогнать разбойников? Что за чепуха?

Хун-нян (*говорит*). Я расскажу тебе. (*Поет.*)

На мотив «Чистый небесный песок»

Прямо к мосту Хэцяо
 привел Сунь Фэй-ху свой разбойничий сброд,
На востоке Пуцзюня
 он бесчинствовать начал и грабить народ,
И пять тысяч злодеев
 стали лагерем у монастырских ворот,
В их руках лезвия, словно иней, блистали,
И орали они,
 чтоб Ин-ин с главарем поселилась в их стане.

Чжэн Хэн (*говорит*). Что же мог сделать один человек против пяти тысяч злодеев?

Хун-нян (*говорит*). Разбойники плотно окружили нас, хозяйка перепугалась, посоветовалась с настоятелем, и они, ударив в ладони, объявили монахам и мирянам: любой, отогнавший разбойников, кем бы он ни был, получит в жены Ин-ин. Вдруг появляется проезжий, господин Чжан, и говорит, выступая вперед: «Я нашел способ отогнать разбойников, почему бы не спросить у меня?» Хозяйка обрадовалась и спрашивает у него: «В чем же ваш план?» «У меня есть друг, — отвечает студент, — Полководец на Белом коне, он командует сотысячным войском, охраняет заставу Пугуань. Я напишу ему письмо, пошлите кого-нибудь к нему, и он непременно придет мне на помощь». И вот письмо отправлено, пришли войска, и все беды кончились. (*Поет.*)

На мотив «Персик краснеет»

Талантами славный лоянский студент
 искусен в изяществе слова,
Как пламени взлет —
 письмо его было готово.
И друг, Полководец на Белом коне,
 на помощь является в срок,
Он дым нам развеять помог.
Хозяйки и барышни нашей сердца
 студент неизвестный привлек.
Воистину — он «хоть силен, но не зол»,

На деле «достойны доверия речи»,
И люди «не смеют
надменно держаться» при встрече.

Чжэн Хэн (*говорит*). Что-то мне в жизни не доводилось
слышать его имени и не случалось узнать, на что он способен.
С чего это ты, скверная девка, так его расхваливаешь?

Хун-нян (*говорит*). Ты еще бранишься! (*Поет.*)

На мотив «Золотистые листья банана»

Когда говорит он о нравах, —
как в Ци или Лу он толкует «Беседы»,
Когда сочинения пишет, —
за Ханем и Лю отправляется следом.
Он правило мудрое знает,
что долг человека — людей уважать,
И наша семья ему верит,
добром за добро ему хочет воздать.

На мотив «Шутливый напев»

Качеством ты ни одним
Не отличишься пред ним, —
С полной луною
мы светляка не сравним.
Высшее с низшим, далекое с близким
можно ли сравнивать нам?
Кто из вас грязен, кто чист, разъясню я,
Знаки назвав по частям.

Чжэн Хэн (*говорит*). Эта девка, смотри-ка ты, научи-
лась, как говорить по частям знаки! Ну говори, а я послушаю.
Хун-нян (*поет*).

Про Чжан Цзюнь-жуя мы можем сказать:
он — «человек» и «хороший».
Ты же «под трупом платок»,
«пядь возле дерева», «двери и лошадь».

Чжан Хэн (*говорит*). «Под трупом платок» составляет знак
«член», «дерево и пядь» — «деревенский», «лошадь и дверь» —
«осел». Значит, я, по-твоему, «член деревенского осла»? Да все
мои предки были советниками трона! Не то что у этого нищего
голодранца-студента! Я сановник и родился сановником!

Хун-нян (*поет*).

На мотив «Плешивый монах»

Наставник и друг ему тот,
кто в славных делах благородным пребудет,
А ты подражаешь родне,
и силой твоею унижены люди.
Он скромн. Пред ним, как пред солнцем с луной,
беднейший богатому равен,
Людьми управляя,
улучшит народные нравы, —
Тем будет он славен!

На мотив «Властитель лекарства бессмертия»

Хоть исполнен гордыни твой нрав,
Ты пристрастен и вовсе не прав,
Говоря, что природный вельможа один
удостоен сановника прав.
И напрасно ты в гневе орешь,
Этим ты ничего не возьмешь.
Говоришь ты, что кто родился бедняком,
тот уж так бедняком и умрет?

Неужели ты не знаешь пословицы:

«С бедняков начинался
полководцев, сановников род».

Чжэн Хэн (*говорит*). Это все младенцы всякие натво-
рили, ученики плешивого осла — настоятеля. Погоди, я за-
втра и с ним поговорю!

Хун-нян (*поет*).

На мотив «Рябой парень»

Мир он оставил,
только о милостях Будды мечтает,
Только спасенье его привлекает.
Пусть его очи хоть лопнут,
добрых людей ни за что не заметит;
Хоть онемее язык, —
кто здесь ничтожен, вовек не ответит.

Чжэн Хэн (*говорит*). Ин-ин отдана мне по воле покой-
ного супруга моей тетушки. Вот я выберу день, явлюсь к их

воротам, притащу барана и вина принесу. Посмотрим, как она распорядится!

Хун-нян (*поет*).

На тот же мотив

Красен ты стал,
Грубый нахал!
В крайности этой
Что тебе ласка, любовь и советы!
Лезешь себе напролом, —
эй, подавайте мне брачные узы!
Знать ничего не желаешь,
Цинь вместе с Цзинь лишь бы были в союзе!

Чжэн Хэн (*говорит*). А если тетушка не согласится по-доброму, пошлю два-три десятка молодцов, они посадят ее в носилки, принесут ко мне на постоянный двор, я сорву с нее одежду и так погоню эту бабу к тебе обратно!

Хун-нян (*поет*).

На мотив «Стрекочет кузнецик»

Ты бы должен сановника Чжэна
быть достойным, законным наследником-сыном,
Ты не должен грабителем быть,
словно сын Сунь Фэй-ху от какой-то рабыни.
Твоя рожа горда,
Но себя опозоришь,
и такая случится беда,
Что придется из дома бежать от стыда!

Чжэн Хэн (*говорит*). Вот проклятая девка! Только взглянет — приходится смириться! Да я с тобой и говорить не желаю! Я завтра же хочу жениться, завтра же!

Хун-нян (*говорит*). А она не выйдет за тебя, не выйдет! (*Поет.*)

Заключительная ария

Красавица наша forever не забудет
тебя, благородного брата,
И я не могу
от громких похвал удержаться.

Чжэн Хэн (*говорит*). Хвали, я послушаю!

Хун-нян (*говорит*). Такая рожа, как у тебя, стоит только одного: чтобы (*поет*)

Как было с Хань Шоу, украсть и вручить
куренья получше в награду,
Как будто Хэ-лану, позволить напудрить
лицо свое, стоя с ней рядом.

(*Уходит*).

Чжэн Хэн (*раздевается, говорит*). Эта девка, верно, спуталась с тем ободранцем. Пойду-ка я завтра сам к ним в дом, увижу тетушку и кое-что устрою. Я ей скажу, что студент Чжан попал в дом министра Вэя и стал его зятем. Тетушка больше всего на свете боится пересудов. Кроме того, она меня с детства любила. Непременно поговорю с нею. Да что там — даже моя одежда должна подействовать на нее. С детских лет я жил в ее доме в столице, она обучала меня писать сочинения, муж тетушки обещал мне дочь в жены. Кто же посмеет сказать хоть слово против меня? А если их еще припугнуть, тогда посмотрим, уйдет ли от меня Ин-ин!

Итак, догадался я, как над достойным,
над лучшим победы достичь,
Сумею додуматься, как мне и тучи
и дождь получить для себя!

(*Уходит.*)

Старая госпожа (*входит, говорит*). Вчера приехал Чжэн Хэн, но ко мне не явился, позвал лишь Хун-нян, чтобы расспросить ее насчет свадьбы. Для меня он все равно что родной сын, да и первый министр при жизни обещал ему в жены дочь. Выходит, что я нарушила волю покойного супруга. Это ведь всё те проходимцы заставили меня провиниться перед хозяином дома. Я думаю, что Хун-нян уже поговорила с Чжэн Хэном, — что же его до сих пор нет? Приготовлю-ка я вина — он сегодня, пожалуй, должен прийти.

Чжэн Хэн (*входит, говорит*). Вот я и пришел! Не буду ждать, пока обо мне доложат, войду к хозяйке сам! (*Кланяется старой госпоже, плачет.*)

Старая госпожа (*говорит*). Почему ты не пришел взглянуть на меня, когда приехал, дитя мое?

Чжэн Хэн (*говорит*). А с какой бы рожей я предстал перед вами, тетушка?

Старая госпожа (*говорит*). Пока Сунь Фэй-ху не потребовал себе Ин-ин, мы ждали тебя. Но тут не было другого средства спастись, как обещать ее студенту Чжану.

Чжэн Хэн (*говорит*). Это что еще за студент Чжан? Верно, тот, что стал теперь первым кандидатом? Я в столице видел списки прошедших на экзаменах: ему года двадцать четыре—двадцать пять, это Чжан Гун из Лояна. Когда прошедшие на экзаменах показывались народу, он три дня обходил улицы. На второй день процессия подошла к воротам министра Вэя. Дочери министра исполнилось восемнадцать лет, и ей воздвигли цветную вышку на этой самой государевой улице. Она с первого же раза угодила вышитым мячом в Чжан Гуна. Я сам в это время проезжал на коне, она и в меня чуть не попала. Из ее дома тут же выслали более десятка служанок, которые против воли потащили студента к министру. Он кричал: «Я уже женат! Я зять первого министра Цюя!» Но у министра Вэя такой властный нрав, он и слушать не стал, только стоял и смотрел, как тащат человека. Видно, судьба у студента такая, ничего он не мог поделать. А министр сказал: «Моя дочь построила цветную вышку по указу государя, поэтому дочь Цюя должна стать твоей второй женой. Ты сперва блудил с ней, а потом только женился, нечего брать ее первой!» Это всю столицу взбудоражило. Вот откуда я о нем знаю.

Старая госпожа (*в гневе говорит*). Я же говорила, что этот сюйцай недостоин доверия, — вот он нынче и в самом деле провинился перед нашей семьей. В нашей семье — семье первого министра — вовеки не бывало, чтобы женщина стала второй женой. Если уж господин Чжан взял себе жену по указу государя, ты, дитя мое, выбирай счастливый день и добрый час, и по-старому, как велел покойный супруг, станешь называться нашим зятем.

Чжэн Хэн (*говорит*). А если господин Чжан будет протестовать, тогда как?

Старая госпожа (*говорит*). Предоставь это мне, а сам выбирай счастливый день и добрый час и входи к нам в дом.

Чжэн Хэн (*говорит*). Ну, она угодила в мои сети! Приготовлю пир, подарки невесте, свадебный наряд, и в назначенный день свадьба совершится!

Вместе уходят.

Настоятель (*входит, говорит*). Вчера я купил списки прошедших на государственных экзаменах и увидел, что имя господина Чжана стоит первым среди первых кандидатов и что он назначен правителем округа Хэчжун. Кто бы подумал, что старая госпожа не сдержит своего слова и свадьба с Ин-ин будет обещана Чжэн Хэну! Старая госпожа не пожелала встретить господина Чжана, и я один, прихватив с собой угощение, еду встречать нового чиновника к беседке, в десяти ли от города. (*Уходит.*)

Генерал Ду (*входит, говорит*). По указу государя я с войском охранял заставу Пугуань и одновременно наводил порядок в округе Хэчжун. Взойдя на коня — управлял войском, сойдя с коня — управлял народом. Нежданно мой брат Цзюнь-жуй первым прошел на государственных экзаменах и назначен правителем Хэчжуна. Я не встречал его — увидимся у дома старой госпожи. Он, верно, воспользуется случаем, чтобы жениться. С баранами и вином я отправлюсь к дому старой госпожи. Поздравлю первого кандидата и тут же стану главным родственником жениха на свадьбе, устрою бракосочетание моего брата. Эй, мое войско! Седлайте коней, едем в округ Хэчжун! (*Уходит.*)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старая госпожа (*входит, говорит*). Кто бы подумал, что господин Чжан оскорбит нашу семью и станет зятем в доме министра Вэя? Сегодня я, не отступая от воли покойного супруга, снова предложила Чжэн Хэну стать нашим зятем. Нынче счастливый день, я выдаю дочь замуж. Свадебный пир готов, ждем только Чжэн Хэна.

Чжан (*входит, говорит*). Указом государя я назначен правителем округа Хэчжун. Ныне, возвращаясь в парчовой одежде домой, я везу с собой золотую шапку и алое платье для барышни. Едва увижу ее, как поднесу ей в подарок на почтительно вытянутых руках новое одеяние. Думал ли я, что придет для меня сегодняшний день!

Давно сочинения всё закрывали
меж небом и нашей землей;
Теперь мое имя гремит во вселенной
под солнцем и рядом с луной.

Поет на мотив «Свежая вода»

С яшмовой плетью на добром коне
я из столицы лечу,
Деву в покоях из яшмы,
нежно любимую, видеть хочу.
Стал я чиновником
третьего ранга отныне,
Был я всего лишь
бедным студентом вчера.
Сам государь, утвердив меня в чине,
С именем рядом
поставил мне титул ханьлиня.

На мотив «Внимаю, оставив седло»

От счастья Чжан Гун обезуметь готов:
Вручили награду мне — меч драгоценный
и книг десять тысяч томов.
Какое я счастье готовлю Ин-ин!
Вручу ей повозку семи ароматов,
указ, утверждающий чин.
Но, как я ни славен, забыть не могу,
как в тихой обители жил.
Тоска налетит — вспоминаю про сад,
где ночью стихи ей сложил.
Готовлюсь к экзаменам я —
Во сне на дорогу к востоку Пуцзюня
душа улетает моя.

(Говорит.) Возьмите коня! *(Видит старую госпожу.)* Новый первый кандидат и правитель округа Хэчжун Чжан Гун рад видеть вас.

Старая госпожа *(говорит)*. Не надо, не надо кланяться! Ты теперь зять по указу государя. Смею ли я принять от тебя поклон?

Чжан *(поет)*.

На мотив «Заносчивый вид»

Я приветствовал вас,
перед вами с почтеньем склоняюсь.
Почему же от гнева
лицо изменилось у вас?

Лишь служанок и слуг
видел я, находясь на чужбине,
И пред вами, сударыня,
право, ни в чем не повинен.

(Говорит.) Когда я уезжал и вы, сударыня, лично устроили мне проводы, вы не могли сдержать радости. Ныне я избран на государственный пост, но вы, сударыня, почему-то не рады. Что случилось?

Старая госпожа *(говорит)*. Можешь ли ты теперь думать о нашей семье? Ведь известно, что

Все то, что вначале нам было дано,
Лишь редкий из нас донесет до кончины.

Хотя моя единственная дочь неряшлива и безобразна, но ее отец все-таки был первым министром при покойном государе. Не будь разбойников, вы при всем вашем старании не смогли бы попасть в нашу семью. Ныне же вы быстро сумели позабыть об этом и стали зятем в доме министра Вэя. Куда это годится?

Чжан *(говорит)*. От кого вы это слышали, сударыня? Если это случилось, пусть небо меня не прикрывает, земля не держит, пусть я весь покроюсь страшными язвами! *(Поет.)*

На мотив «Упавший дикий гусь»

Пусть бы девицы,
плети неся пред собою,
Путь на Чжантай
запрудили густою толпою,
Я и тогда
не забыл бы о милостях ваших
И не искал бы
свадьбы с невестой другою.

На мотив «Победная песня»

Ведь вы слышали, конечно,

Что муж благородный
повсюду находит начало.
И я не забыл
былые щедроты нимало.

Какой это скот
к злодейству, ревнуя, прибег,
Рассорить решил
меня с вашим домом навек?
Отвергнутый милой,
Он целые дни
на подлости тратит все силы.
Завравшись вконец,
Позорным столбом
когда-нибудь кончит подлец.

Старая госпожа (*говорит*). Это Чжэн Хэн сказал мне, что узорный мяч угодил в вашего коня и вы стали зятем министра Вэя. Не верите — позовите Хун-нян, спросите у нее.

Хун-нян (*входит, говорит*). Я так мечтала увидеть его — и вот он вернулся чиновником. Какой позор! Все, что мы говорили о нем, оказалось совершенной неправдой!

Чжан (*потихоньку спрашивает Хун-нян*). Хун-нян, здорова ли барышня?

Хун-нян (*говорит*). Из-за того, что ты стал зятем в другом доме, готовится ее свадьба с Чжэн Хэном.

Чжан (*говорит*). Вот тут какая каша заварилась! (*Поет.*)

На мотив «Хвала Восточной равнине»

Кто видал, чтоб на куче навоза
тесно ветви деревьев сплелись,
Или камбалы в иле и тине,
а не в волнах морских родились?
Замарает собою он запись о браке!
О Ин-ин!
Стать ты можешь женою
зажаренной в масле макаки!
О Хун-нян!
Твоей барышни мужем
скоро станет ободранный кот!
О Чжан Гун!
Твою милую замуж
болотная крыса берет!
Он же нравам наносит урон,
Нарушает все правила он!

Хун-нян (*поет*).

На мотив «Высокое дерево»

С поклоном тебе говорю я в ответ:
Для гнева такого
причины, мне кажется, нет.
Доволен ли был,
уехав далёко от нас?
Где ныне живет
твоя молодая жена?
А с барышней нашей сравнится она?

Чжан (*говорит*). Очумеешь с тобой! Ведь для тебя не тайна, что я ради барышни претерпел такие муки, каких никто еще не знал. А теперь мне отказывают в свадьбе! Куда же это годится! (*Поет.*)

На мотив «В руках моих лютня и чжэн»

Если взял я другую жену,
У тебя на глазах
провалиться мне было бы мало.
Как забыть в круговой галерее луну
И про ту, что со мною на флейте играла?
Претерпел я все адские муки,
Чуть не умер я с нею в разлуке.
Мне хозяйка твоя отказала сначала,
Так потом, когда мне повелела она:
«Лишь добившись поста, возвращайся назад», —
Моя радость и море и небо объяла,
Я был тотчас приказу последовать рад.
Почему же меня так сегодня чернят?

Хун-нян (*говорит старой госпоже*). По-моему, господин Чжан совсем не такой плохой человек. Давайте позовем Ин-ин, пусть она сама его расспросит. (*Зовет Ин-ин.*) Сестрица, скорей иди расспроси господина Чжана, я не очень-то верю в его вероломство. Здесь что-то не так. Недаром, когда я с ним встретилась, его гнев потревожил небо и землю.

Ин-ин входит, видит Чжана.

Чжан (*говорит*). Как вам жилось, барышня, во время нашей разлуки?

Ин-ин (*говорит*). Желаю вам долгого счастья.

Хун-нян (*говорит*). Скажи ему до конца все, что ты хотела, сестрица!

Ин-ин (*тяжело вздыхает, говорит*). Что же я могу сказать? (*Поет.*)

На мотив «Опавшие цветы сливы»

Пока мы не видались,
я готовила тысячесловные речи,
Но они почему-то
превращаются в стоны и вздохи при встрече.
Как поспешно ко мне из столицы
он в обратный отправился путь!
Почему же теперь от стыда
на него я не смею взглянуть?
Я копила тоску на душе,
сколько я для него приготовила жалоб!
Но при встрече слова от меня убежали,
Только долгого счастья ему пожелала.

(*Говорит.*) Господин Чжан, в чем провинилась перед вами наша семья? Вы покинули меня, стали зятем в доме министра Вэя. Где еще видано такое?

Чжан (*говорит*). Кто это вам сказал?

Ин-ин (*говорит.*) Чжэн Хэн говорил это моей матушке.

Чжан (*говорит*). Зачем же вы, барышня, слушали этого молодчика? Ведь только небо могло бы выразить любовь Чжан Гуна к вам! (*Поет.*)

На мотив «Опавшие цветы сливы»

Я покинул Пуцзюня границы
и, когда поселился в столице,
Даже краешком глаза
не видал ни единой девицы.
Это ложь, что министр по имени Вэй
за меня свою дочь выдает,
Я и тени ее не встречал,
или пусть прекратится навеки мой род.

(*Говорит.*) Все это, верно, Хун-нян натворила. Попробую поймать ее на слове. Я тут спрашивал людей, они сказали мне, что ты вместе с барышней посылала письмо и звала Чжэн Хэна приехать.

Хун-нян (*говорит*). Дурак ты, дурак! Если я не смогла тебе помочь, так ты и меня считаешь подлой? (*Поет.*)

На мотив «Сладкий источник»

Что это ты, господин Чжан Цзюнь-жуй?
Незачем больше топтаться упрямо,
Прочь отгони все тоскливые думы:
Этот молодчик
глупое дело задумал.
Род наш прославлен своей чистотою,
Предки известны делами благими,
Первый министр был славен повсюду, —
Я ли в угоду Чжэн Хэну
письма и вести таскать ему буду?

На мотив «Сломанная ветка корицы»

Злодей этот смерти достоин,
боится сказать он правдивое слово,
Он черное желтым теперь называет,
Чтоб алое мы не сменили лиловым.
Сестрица моя и скромна и нежна,
И ей ли супругою быть кабана!
Ты словно Владыка Востока —
и иволга наша тебя полюбила.
Кто даст, чтобы нежную ветку
рука дровосека нещадно срубила?
Напрасно он злобною выдумкой хочет
Пред нашей семьей тебя опорочить,
Напрасно пытается вымолвить слово,
И ярость напрасная грудь ему точит.

(*Говорит.*) Если ты, господин Чжан, в самом деле не стал зятем в другом доме, я изо всех сил буду защищать тебя перед лицом хозяйки. А когда придет тот молодчик, устрою тебе с ним очную ставку. (*Видит старую госпожу, говорит.*) Оказывается, господин Чжан вовсе не стал зятем в другом доме, это все Чжэн Хэн наврал. Нужно устроить им очную ставку.

Старая госпожа (*говорит*). Если это так, подождем, пока явится Чжэн Хэн, а там поговорим.

Настоятель (*входит, говорит*). Нежданно для всех господин Чжан прошел с успехом на первых же экзаменах и назначен правителем Хэчжуна. Я сразу отправился поздравить

старую госпожу. Когда же теперь свершится его свадьба? Вначале я тоже приходил спросить об этом, но старая госпожа отказалась сдержать слово и собиралась отдать дочь за Чжэн Хэна. Но сегодня приехал господин Чжан — как же он? (*Видит старую госпожу, они почтительно приветствуют друг друга, говорит старой госпоже.*) Теперь вы видите, сударыня, что я говорил вам правду. Господин Чжан совсем не такой плохой сюцай. Разве мог он забыть о вас, сударыня? Да еще притом, что свидетелем был генерал Ду, мог ли он отказаться от брака?

Ин-ин (*говорит*). Это дело может быть решено только тогда, господин Чжан, когда приедет генерал Ду. (*Поет.*)

На мотив «Упавший дикий гусь»

Сунь или Пан
 просто глупцы перед ним,
Цзя и Сыма
 превзошел он талантом своим.
Он — полководец,
 на запад ведущий войска,
Мудро Хэчжуном
 его управляет рука.

На мотив «Победная песня»

Кто прежде семью
 от близкой гибели спас,
Тот мудро сегодня
 решение сыщет для нас.
Едва появился —
 и брату помог он тогда,
И тотчас была
 разбита злодеев орда.
Ведь он не слыхал, что мой брат
В обмане коварном
 почтенной жены виноват,
А мы, не узнавши, кто хуже,
Без всякой вины
 отказали достойному мужу.

Старая госпожа (*говорит*). Пусть барышня уйдет в свою спальню!

Ин-ин и Хун-нян уходят.

Генерал Ду (*входит, говорит*). Я покинул заставу Пугуань и прибыл в монастырь Пуцзюсы. Во-первых, я хочу поздравить брата; во-вторых, хочу помочь ему сыграть свадьбу.

Чжан (*говорит генералу*). Ваш младший брат благодаря влиянию старшего брата первым прошел на экзаменах. Сегодня я вернулся и ожидал свадьбы. Однако племянник старой госпожи Чжэн Хэн явился к ней и рассказал, что ваш брат стал зятем в доме министра Вэя. Разгневавшись, старая госпожа решила отказаться от заключения брака и снова отдает Ин-ин Чжэн Хэну. Куда же это годится? Ведь известно, что образцовая женщина не выходит замуж во второй раз!

Генерал (*говорит*). Вы здесь ошиблись, сударыня. Ведь Цзюнь-жуй — тоже сын министра двора, да еще прошел первым на экзаменах. Вы, сударыня, берете в дом не какого-то бедняка-сюцай. Не будет ли нарушением всех правил, если вы и сегодня будете отказываться от брака с ним?

Старая госпожа (*говорит*). Еще когда мой супруг был среди нас, моя дочь была обещана этому человеку. Нежданно с нами случилась беда. К счастью, господин Чжан пригласил вас, генерал, и вы уничтожили разбойников. Я не нарушила данного слова и хотела пригласить его зятем в наш дом. И вдруг Чжэн Хэн рассказывает, что он уже стал зятем министра Вэя. Тут я рассердилась и обещала дочь прежнему ее жениху — Чжэн Хэну.

Генерал (*говорит*). Он злодей! Совершенно ясно, что все это клевета. Как вы могли так быстро ему поверить, сударыня?

Чжэн Хэн (*входит, говорит*). В ожидании свадьбы я старательно нарядился. Сегодня счастливый день. Я веду барана, несу вино и скоро войду в их семью.

Чжан (*говорит*). Что тебя привело сюда, Чжэн Хэн?

Чжэн Хэн (*говорит*). Беда! Я услышал, что первый кандидат вернулся, и поспешил сюда, чтобы его поздравить.

Генерал (*говорит*). Как смел ты, негодяй, вводить в заблуждение супругу почтенного человека, совершить такой бесчеловечный поступок? Чем ты можешь оправдаться передо мной? Я доложу при дворе, чтобы этот злодей был наказан.

Чжан (*поет*).

На мотив «Опадает слива под ветром»

Ты стремился под персик густой,
 пробивался к улинским цветам,

Не смотря, что хозяин уж там.
 Словно жадного шмеля, тебя
 удержать Повелитель Востока был рад.
 Если ты не веришь,
 То послушай в зеленой тени тополей,
 как весною кукушки кричат:
 Каждый звук их напева «ку-да»
 говорил тебе: «Лучше вернуться назад».

Генерал (*говорит*). Если этот молодчик не уберется сам,
 я велю посыльным схватить его!

Чжэн Хэн (*говорит*). Не надо меня хватать, я своей
 волей отказываюсь от брака в пользу господина Чжана!

Старая госпожа (*говорит*). Не гневайтесь, ваше пре-
 восходительство! Выгоните его отсюда, и все!

Чжэн Хэн (*говорит*). Нет, нет! Зачем мне теперь
 жизнь? Лучше уж мне удариться о дерево и умереть!

Напрасно хотел за жену я бороться,
 напрасно победы хотел.
 Красивым издревле всегда достается
 в красивых влюбляться удел.
 Всеобщую злобу мой длинный язык
 навлек на меня одного,
 В тот день, когда счастье мне изменило,
 конец всех земных моих дел.

(*Падает.*)

Старая госпожа (*говорит*). Мне совсем не хотелось,
 чтобы он умер, ведь он — мой племянник и к тому же сирота.
 Я похороню его как должно. Пусть Ин-ин выйдет к нам. Се-
 годня мы устраиваем свадебный пир, и молодые соединятся
 навеки.

Ин-ин и Хун-нян входят. Чжан и Ин-ин кланяются друг другу.

Чжан (*поет*).

На мотив «Осушаю кубок вина»

Кони четверкой
 запряжены у ворот,
 Восемь зверей
 дверь у меня украшают.

Знатных сановников дочь три служенья,
 четыре достоинства знает.
 Цели достиг я всей жизни моей,
 Этот успех принесла мне
 помощь родных и друзей.

На мотив «Великое спокойствие»

Когда бы мой друг-покровитель
 не вынул меча, чтобы выручить друга,
 Не мог бы навеки я слиться,
 как рыба с водою, с моею супругой.
 За то, что я надпись когда-то,
 экзамены сдав, начертал на столбе,
 Наградой на всю свою жизнь
 сегодня жену обретаю себе.
 Всегда было так,
 Что связывал брак
 Талант с красотой.
 Цветы тому путь устилают,
 кто первым был стать кандидатом достоин.
 Гонец из столицы входит.

Чжан (*поет*).

На мотив «Цветы на парче»

Воцарился покой на границах повсюду,
 Государю навеки покорны все люди,
 Кличут горы: «Да здравствует наш государь!»,
 Все послы ко двору государя придут.
 Превзошел он в содеянном Си и Сюаня,
 Добродетельней Шуня и Юя стократ,
 Словно духи, сановники в замыслах тонки,
 Человечен чиновник и верен солдат.

На тот же мотив

Государя советники — мудростью славны,
 В Поднебесной довольны все люди простые,
 Реки наши на тысячу ли не мутнеют,
 Вызревают повсюду хлеба золотые.
 В каждом доме увидишь довольство и счастье,
 Все поля позабыли, что значит ненастье,

Прилетают к нам фениксы пара за парой,
И цилинь пред людьми появляется часто.

На мотив «Чистые воды реки»

Пусть повелитель династии Тан
будет прославлен навеки,
Свадьбою нам сочетаться указ он
с этим прислал человеком.
Больше до смерти
мы не расстанемся с милой,
Древним подобно
соединились мы ныне.
Пусть же влюбленные всей Поднебесной
станут семьей единой!

Заключительная ария

Стихов наших строки
под светом луны заходящей
Судьбу предсказали
юнца одинокого, девы скорбящей.
Пусть каждый узнает, чего достигает
ученый, душой наделенный.
Чжэн Хэну ж подобный
одни только муки обрящет.
Все уходят.

В ЭТОЙ ЧАСТИ ГОВОРИТСЯ:

Как весть Цинь-тун
принес невесте о победе,
Как Цуй Ин-ин
рубашку в знак любви дарила.

ПОЛНОЕ НАЗВАНИЕ ЭТОЙ ЧАСТИ:

Как Чжэн Бо-чан
расстался с жизнью неженатым,
Как Чжан Цзюнь-жуй
стал счастлив, сочетавшись с милой.

Конец пятой и последней части

Примечания к переводам произведений

Поэзия

1. Древнейшие поэтические памятники

1) Антология «Ши цзин»

Как друг друга кликали

Все произведения «Ши цзина» даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по изданию: *Кравцова М. Е.* Поэзия Древнего Китая...; и выполнены по изданию: Сы шу у цзин (Четверокнижие и Пятиканионие). Тяньцзинь, 1989. Т. 2. В оригинале — текст из 20 строк, написанных четырехсловным размером, включающий три — одну четырехстрочную и две восьмистрошные — строфы. В переводе А. А. Штукина — «Встреча невесты». Это стихотворение (I, I, 1) открывает первый подраздел «Го фэн» — «Песни царства Чжоу и стран, лежащих к югу от него» (царство Чжоу — регион формирования чжоуской государственности, находившийся в южной части современной провинции Шэньси, или в юго-западной части района среднего течения реки Хуанхэ) — и, следовательно, является первым произведением композиции «Ши цзина». В древних (чжоуских) комментариях полагается песней-величанием одного из удельных князей, местоположение которой в антологии объясняется ее соответствием конфуцианским воззрениям на брак и женские добродетели. Однако в последующей комментаторской традиции возобладало ее истолкование как метафорической критики безнравственности жителей Чжоу в период начала упадка местной государственности. Несмотря на подобные разногласия в ее трактовках, может считаться одним из лучших древних любовно-лирических произведений. Также с ним связано утверждение в китайской художественной культуре образа утки и селезня как символа счастливой любви и семейной жизни.

Саранча

Перевод публикуется впервые. В оригинале — текст из 12 строк, написанных трех- и четырехсловным размером, включающий три четырехстрочные строфы. Также входит в первый подраздел «Го фэн» (I, I, 5). В комментаторской традиции считается величанием-аллегорией, в научной литературе — архаическим обрядовым песнопением, содержащим пожелания плодovitости женам. Однако само

по себе воспевание могло появиться только в среде кочевников, для которых саранча служила обильным источником питания. Учитывая, что чжоусцы, по утверждению китайской историографии, перешли к оседлому образу жизни еще за несколько веков до покорения ими Инь, правомерно предположить, что эта песня является одним из древнейших китайских поэтических произведений.

О линь, твои стопы

Перевод публикуется впервые. В оригинале — текст из 9 строк, написанных трех- и четырехсловным размером, включающий три трехстрочные строфы. Другие варианты перевода названия — «Линь-единорог», «Стопы линя-единорога». Также входит в первый подраздел «Го фэн» (I, I, 11). В комментаторской традиции и в научной литературе считается архаическим песнопением, обращенным к существу, называемому «линь», которое осмыслялось в виде фантастического животного с телом оленя, ногами коня, бычьими хвостом и копытами и одним либо двумя (в этом случае — оленьими) рогами. Образ линя, восходящий предположительно к образу носорога, пользовался огромной популярностью в китайских верованиях. Линь считался воплощением высших добродетелей (гуманности, мудрости), а его появление в мире людей — знаком скорого рождения совершенного государя или мудреца, которому предстояло стать столь же совершенным политическим советником государя.

Громко грохочет гром

В оригинале — текст из 18 строк, написанных смешанным размером с преобладанием четырехсложного, включающий три шестистрочные строфы. Входит во второй подраздел «Го фэн» (I, II, 8) — «Песни царства Шао и стран, лежащих к югу от него» (царство Шао — название удельного владения членов чжоуского правящего семейства, находившегося в южной части Шэньси). В комментаторской традиции устойчиво истолковывается как обращение знатной дамы к супругу.

Южные горы — образное название горных массивов к югу от царства Шао.

Солнце и луна

В оригинале — текст из 24 четырехсложных строк, включающий четыре шестистрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «Песнь забытой жены». Входит в третий подраздел «Го фэн» (I, III, 4) — «Песни царства Бэй» (царство Бэй — карликовое удельное владение, находившееся на территории современной провинции Хэнань и в V в. до н. э. завоеванное более могущественным царством Вэй). В комментаторской традиции обычно приписывается супруге вэйского князя Чжуан-гуна (757–735 гг. до н. э.), жалующейся на плохое обращение мужа, т. е. полагается сугубо авторским произведением.

Грохочущий барабан

В оригинале — текст из 20 четырехсложных строк, включающий пять четырехстрочных строф. В переводе А. А. Штукина — «Лишь барабан большой услышал». Также входит в третий подраздел «Го фэн» (I, III, 6). В этой песне рассказывается о конкретном историческом событии — походе бэйской армии против еще одного небольшого удельного владения Цин, состоявшемся в 718 г. до н. э. Всего за пять дней армия Бэй одержала полную победу, но затем солдаты, собрав урожай с полей покоренного царства, потребовали возвращения домой и сорвали дальнейшие планы своего князя. Кроме того, песня является типичным образцом китайской поэзии на военные темы, для которой, как это оговаривалось в Предисловии, было характерно сильное звучание антивоенных мотивов: жалобы на тяготы службы, ностальгия по дому и т. д.

Сунь-генерал — бэйский полководец Сунь Цзы-чжун, бывший одновременно представителем одной из знатнейших фамилий этого царства.

С соседями-царствами... — Имеются в виду царства Сун, Чэнь и Цай, с которыми бэйский князь Чжоу-юй пытался заключить союз для совместной борьбы против чжоуского правящего дома.

Северные ворота

В оригинале — текст из 21 строки, написанной смешанным размером с преобладанием четырехсложного, включающий три семистрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «Вышел я из северных ворот». Также входит в третий подраздел «Го фэн» (I, III, 15).

Выхожу из Северных ворот... — Китайские города обычно занимали ректогональную в плане площадь и окружались стеной с четырьмя сторонами, строго ориентированными по частям света.

Северный ветер

В оригинале — текст из 18 четырехсложных строк, включающий три шестистрочные строфы. Также входит в третий подраздел «Го фэн» (I, III, 16). В комментаторской традиции считается произведением с социально-политическими (критика правящего режима) мотивами и темой мужской дружбы, хотя из самого текста остается неясным, к кому именно обращается лирический герой — к другу или возлюбленной (эпизоды бегства лирической героини с любимым присутствуют во многих других произведениях «Ши цзина»).

Та девица-скромница

В оригинале — текст из 12 четырехсложных строк, включающий три четырехстрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «Тихая девушка». Также входит в третий подраздел «Го фэн» (I, III, 17). Вопреки вполне однозначному, казалось бы, смыслу — исповедь лирического героя в своем чувстве, — эта песня имеет несколько ком-

ментаторских толкований. Чаще всего в ней усматривают намек на взаимоотношения местного князя и княгини, но в одних случаях полагается, что в ней воспеваются красота и добродетели княгини, а в других — напротив, порицается безнравственное поведение обоих супругов.

У низины да у Фэнь у реки

В оригинале — текст из 12 четырехсловных строк, включающий три четырехстрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «Над рекою Фэнь». Входит в девятый подраздел «Го фэн» (I, IX, 2) — «Песни царства Вэй» (царство Вэй — небольшое удельное владение, находившееся в южной части современной провинции Шаньси и уничтоженное в 660 г. до н. э. могущественным царством Цзинь, 1024—369 гг. до н. э.). В комментаторской традиции считается произведением на социально-политическую тему, критикующим местных сановников, хотя в самом тексте улавливаются игровые интонации, придавая ему оттенок песенки частушечного или игрового характера.

...у Фэнь у реки... — река Фэньхэ, приток Хуанхэ, протекающая в южной части современной провинции Шаньси.

Господин вы наш хороший... — В тексте употреблен иероглиф *цзы*, который может означать как уважаемого человека (учитель, мудрец, господин), так и ребенка или юношу, вследствие возникает смысловая неопределенность этой песни.

Да на княжеского возницу... — Во всех трех строфах песни употреблены специфические термины, обозначающие посты в административном аппарате царства Вэй — «ведающий княжескими путями», «ведающий княжеской дорогой» и «ведающий родственниками князя», — которые могли занимать только люди благородного происхождения.

Одинокая груша

В оригинале — текст из 18 строк, написанных четырех- и пятисловным размером, включающий две девятистрочные строфы. Входит в десятый подраздел «Го фэн» (I, X, 6) — «Песни царства Тан» (царство Тан — удельное владение чжоуского принца, возникшее в 1106 г. до н. э. и впоследствии превратившееся в одно из самых могущественных чжоуских царств — Цзинь). В комментаторской традиции приписывается племяннику тогдашнего князя царства Тан, жалующемуся на несправедливое к нему отношение родственников, т. е. тоже признается авторским произведением.

Нет одежды

В оригинале — текст из 15 четырехсловных строк, включающий три пятистрочные строфы. Входит в одиннадцатый подраздел «Го фэн» (I, XI, 3) — «Песни царства Цинь» (царство Цинь — исходно удельное владение в провинции Шаньси, которое к V в. до н. э. пре-

вратилось в одно из самых могущественных царств, на основе которого впоследствии возникла империя Цинь). В переводе А. А. Штукина — «Кто сказал: нет одежды». Эта песня представляет собой достаточно редкое для древней и последующей китайской поэзии произведение с патриотическими мотивами.

Славное начало

В оригинале — текст из 6 строк, написанных семи- и шестисловным размером, включающий две трехстрочные строфы. Также входит в одиннадцатый подраздел «Го фэн» (I, XI, 10).

Сова

В оригинале — текст из 20 строк, написанных смешанным размером с преобладанием четырехсловного, включающий четыре пятистрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «О ты, сова». Входит в пятнадцатый подраздел «Го фэн» (I, XV, 2) — «Песни царства Бинь» (Бинь — название местности в южной части современной провинции Шаньси, в 120—150 км к северу от г. Сиань, бывшей первоначальным, до XII в. до н. э., ареалом расселения чжоусцев). В комментаторской традиции эта песня наделяется аллегорическим смыслом и приписывается знаменитому государственному деятелю раннечжоуского периода — Чжоускому князю (Чжоу-гун), младшему брату основателя Чжоу — У-вана (Воинственный Царь), ставшему регентом при его малолетнем сыне — царе Чэн-ване (1115—1078 гг. до н. э.), и связывается с конкретными историческими событиями: восстанием иньских принцев, при подавлении которого Чжоуский князь казнил нескольких своих младших братьев, примкнувших к мятежникам. В сочиненной им песне Чжоуский князь якобы исповедуется в том, какое горе ему причинило «разорение родного гнезда», возлагая вину за случившуюся трагедию на инициатора восстания — «безжалостную сову».

Олени кричат

В оригинале — текст из 24 четырехсловных строк, включающий три восьмистрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «Встреча гостей». Эта ода открывает собой раздел «Малые оды» (II, I, 1) и является типичным образцом шицзиновских «пиршественных» произведений, содержащих описание пира и славословия гостям.

Призывно олени... — Олень — одно из древнейших священных животных, связанных с культом Земли и плодородия, поэтому образ волею пасущихся оленей служит указанием на материальное благополучие царства.

Четверка коней

В оригинале — текст из 25 четырехсловных строк, включающий пять пятистрочных строф. В переводе А. А. Штукина — «На службе царю». Также входит в первый подраздел «Малых од» (II, 1, 2).

Не толкай ты большую телегу

В оригинале — текст из 12 четырехсловных строк, включающий три четырехстрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «Не думай о печалях». Входит в шестой подраздел «Малых од» (II, VI, 2). Эта ода является одним из лучших образцов произведений философского, притчевого характера, где также впервые используется образ пыли как символа суетной повседневности.

Чудесная башня

Перевод публикуется впервые. В оригинале — текст из 20 четырехсловных строк, включающий две шестистрочные и две четырехстрочные строфы. Входит в первый подраздел «Великих од» (III, I, 8). В комментаторской традиции единодушно считается аллегорическим воспеванием правления отца У-вана — Вэнь-вана (Царь Просвещенный), с ним в китайской историографии связывается окончательное укрепление чжоуской государственности, позволившее чжоусцам покорить Инь.

Чудесная башня — В тексте употреблено сочетание *лин тай*, где иероглиф *лин*, имеющий принятые словарные значения «божественное, чудесное, священное», обычно обозначая реалии, связанные с верховной властью, а *тай* есть особая разновидность древнекитайских архитектурно-инженерных сооружений — глинобитных пирамидальных конструкций на высоком земляном постаменте, которые использовались в качестве сигнальных и дозорных башен, обсерваторий и мест проведения пиршественных церемоний. Считается, что речь в данном случае идет о строительстве резиденции Вэнь-вана в утвержденной им же столице чжоуского царства — г. Фэнь (в окрестностях современного города Сиань, провинция Шэньси).

...чудесный свой парк... — Согласно многим другим древним письменным источникам, резиденции иньских и чжоуских царей включали в себя обширные охотничьи угодья, частично оформленные по подобию регулярного парка.

Балки резные — В этих двух строках дается точное описание древнекитайского музыкального инструмента, состоящего из набора колоколов или каменных плит, которые укреплялись на П-образной раме, обычно украшаемой резными изображениями фантастических существ. В данном случае называется чудовище-цзюй — с головой оленя и змеиным телом.

...зал, где проводят занятия. — Считается, что именно Вэнь-ваном было учреждено первое для Китая государственное учебное заведение, которое располагалось в его резиденции. В нем готовились будущие сановники и военачальники, а в программу обучения входили так называемые шесть искусств: грамота, счет, ритуально-этикетное уложение, игра на музыкальных инструментах, стрельба из лука и управление колесницей. Впоследствии эти «искусства» были

восприняты и конфуцианством, признавшим их обязательными для «благородного мужа».

...совершенно искусство слепых музыкантов. — См. Предисловие.

Небо воздвигло

Перевод публикуется впервые. В оригинале — текст из 7 трех- и четырехсловных строк. В переводе А. А. Штукина — «Гимн Тай-вану и Вэнь-вану». Входит в подраздел «Гимны дома Чжоу» (IV, I, 5).

Предок Великий — Тай-ван (Да-ван) — древнейший чжоуский правитель, с деятельностью которого связывается переселение чжоусцев из местности Бинь (см. примечания к песне «Сова») — из-за угрозы военных конфликтов с соседними племенами — к подножию гор Цишань (западная часть провинции Шэньси) и их переход к оседлому земледелию.

Царь Просвещенный — Вэнь-ван (см. примечания к оде «Чудесная башня»).

О, горе мне, горе!

Перевод публикуется впервые. В оригинале — текст из 11 строк, написанных смешанным размером с преобладанием четырехсложного, включающий три — пятистрочную, четырехстрочную и двухстрочную — строфы. В переводе А. А. Штукина — «Гимн усопшему отцу». Также входит в подраздел «Гимны дома Чжоу» (IV, III, 1). Считается молитвенным песнопением, исполнявшимся малолетним сыном У-вана — Чэн-ваном (см. примечания к песне «Сова»).

...почтительный сын! — Покорение У-ваном Инь считалось в конфуцианской историографии исполнением планов и воли его отца — Вэнь-вана, поэтому он воплощал «сыновнюю почтительность» — один из главных конфуцианских поведенческих принципов.

К Августейшему Предку... — Считается, что речь идет о Вэнь-ване, т. е. деде Чэн-вана.

...Да нисходит он... — По древнекитайским анимистическим представлениям, усопшие цари пребывали в небесных чертогах, откуда они нисходили в храмовый двор для принятия жертвоприношений.

Божественно-великие цари... — В титулатуру усопших царей (при молитвенном к ним обращении) входил иероглиф *хуан*, прилагательный обычно к божественным персонажам.

Сытые кони

В оригинале — текст из 27 трех- и четырехсловных строк, включающий три девятистрочные строфы. В переводе А. А. Штукина — «На пиру у князя». Входит в подраздел «Гимны дома Лу» (IV, II, 2).

Вот цапли слетаются стаяй... — Образ летящих (или идущих) цапель является устойчивым символом процессии сановников.

2) Свод «Чуские строфы»

Ли сао

Перевод М. Кравцовой, публикуется впервые и выполнен по изданию: Цюй Юань. Ли сао цзин и («Ли сао» Цюй Юаня в современном толковании). Шанхай, 1957. Всего на русском языке имеются три варианта перевода (точнее, художественного переложения) «Ли сао», выполненных А. А. Ахматовой (опубликованы во всех указанных изданиях), А. Гитовичем, в: Лирика китайских классиков. В новых переводах Александра Гитовича. Л., 1962. С. 23–64; и А. И. Балинным, в: Китайская литература. Хрестоматия. М., 1959. Т. 1. С. 123–140. Обладая бесспорными литературными достоинствами, переводы, к сожалению, во многих местах существенно отличаются по смыслу от оригинала, особенно страдает мифологическая образность, с чем и связана попытка создания нового переводческого варианта.

Чжуаня — древнего и мудрого владыки... — Чжуань Сюй — приемник Желтого императора и один из пяти совершенномудрых государей древности, царствовавший, по преданию, с 2513 по 2435 гг. до н. э., к которому чуский правящий клан возводил свою родословную. Данная строка поэмы как раз и служит принятым доказательством царского происхождения Цюй Юаня.

...в день Утверждения весны... — первый день первого весеннего месяца, называемого Утверждение весны — *Мэнчунь*, который по китайскому календарному циклу был и первым днем нового года.

...два имени изрек... — В этих двух строках поясняется смысл имен поэта: *Пин*, буквальное значение «ровный», а в качестве категориального термина этот иероглиф передает понятия «справедливость, честность, совестливость, принципиальность»; и *Юань* — «родник, источник», а в абстрактно-философском значении — «исходное внутреннее состояние».

...подвески из осенних хризантем. — Поясные подвески (*пэй*) были не только главным элементом комплекта мужских ювелирных изделий, но и ранговыми украшениями, т. е. лирический герой копирует парадный костюм знати. Хризантема — одно из наиболее почитаемых в китайской культуре растений, символ благородной личности и особой духовности человека.

Три величайших древности царя... — обычно так именовались легендарные основатели династий Ся (Сяский Юй), Шан-Инь (Чэн Тан) и Чжоу (Вэнь-ван). Однако в данном случае, по мнению большинства комментаторов, имеются в виду три первых правителя эпохи пяти совершенномудрых государей — Хуан-ди, Чжуань-Сюй и Гао Синь (император Ку).

...благовонный перец рос... — Речь идет о перечном дереве, кора которого использовалась в Китае для приготовления благовоний и, кроме того, наделялась особыми целительными и магическими (охранительными) свойствами.

...высились коричневые деревья... — Коричневое дерево (*гуй*) — растение, связанное с бессмертием и также наделяемое охранительными свойствами. Известно, что из древесины и веток этого дерева делались элементы убранства царских чертогов, регалии и другие предметы, например навес над колесницей.

...бутоны благородной орхидеи? — Орхидея столь же высоко, как и хризантема, ценимый цветок и тоже служащий символом благородной личности.

Яо, Шунь — два последних и наиболее почитаемых в китайской культуре (особенно в конфуцианстве) правителя эпохи пяти совершенномудрых государей.

Цзе и Синь — последние цари династий Ся и Шан-Инь, по вине которых, как это принято считать, и погибли эти государства.

Нефритовых драконов я запряг... — Речь идет об особой разновидности драконов — *цю*, которые, по китайским солярным представлениям, впрягались в колесницу, везущую по небу солнце.

...фениксов с трехцветным опереньем... — Имеются в виду волшебные птицы, фениксы-и, обладавшие, по поверьям, особо красивым, радужным опереньем.

...гор Цаньфу... — Цаньфу — название горного массива на юге Китая (провинция Хунань), где, по преданию, был похоронен совершенномудрый государь Шунь.

...у врат нефритовых Таинственного сада. — Таинственный сад (Сюаньпу) — волшебный сад на вершине гор Куньлунь, где, по некоторым источникам, находилась резиденция Небесного императора (Тянь-ди), или Хуан-ди.

Си Хэ богине... — Си Хэ — древняя богиня, считавшаяся матерью десяти солнц (принятое число их в древних китайских солярных представлениях) и возницей солярной колесницы.

Хребтов Яньцзи... — Яньцзи — мифические горы, бывшие в чуской космографии местом захода (умирания) солнца. Т. е. герой поэмы хочет сказать, что ему еще рано завершать, подобно солнцу, свое странствование.

...из Озера с кипящей водою... — мифический водоем, называемый Озеро солнц (Сяньчи), или Кипящий поток (Таньгу, Янгу), помещаемый на крайнем востоке и в котором, по поверьям, омывались солнца, перед тем как подняться на небо.

...сияюще-прекрасной Шелковицы. — Солнечная Шелковица (Фусан) — мифическое дерево, растущее у Озера солнц, на ветвях которого пребывали солнца, обычно осмысляемые в рамках данного мифологического комплекса в виде птиц (воронов).

Вот Западного древа... — Древо Жо (Жому) — солярное дерево, растущее на крайнем западе, на ветвях которого пребывали закатные солнца.

Возница лун — так понимается комментаторами названный здесь персонаж — Ван-шу.

Владыка ветров — древнее божество ветра Фэй-лянь (Фэн-бо).

Царь-феникс — *луаньхуан* — феникс-луань, считавшийся повелителем всех остальных разновидностей фениксов.

...лишь Громовержец... — Имеется в виду древнее божество грома Фэн-лун.

Достигнув наконец Небесных врат... — обычно так назывались волшебные ворота, расположенные в крайних точках четырех частей света и ведущие на небо. Но в данном случае речь, возможно, идет о входе в резиденцию Небесного императора.

...в реки Байшуй... — Байшуй — Белая река — одна из четырех мифических рек, окружавших горы Куньлунь с четырех сторон света, вода которой считалась напитком бессмертия.

...и, на Лянфэн взойдя... — Лянфэн — название одной из вершин Куньлуна.

...среди земных холмов... — В тексте употреблено сочетание «высокие холмы» (*гао цю*), которое понимается комментаторами как указание на горные массивы на территории царства Чу.

Богиня вещая... — Божество, названное в поэме, Лин-фэнь (Божественная пророчица), нигде более, кроме *чуских строф*, не упоминается, но по своим функциям — подательница бессмертия — и месту обитания (на западе) она совпадает с образом чуской Великой богини (так называемая Таинственная мать), впоследствии трансформировавшейся в Царицу Запада Сиванму, культ которой утвердился уже в ханьскую эпоху.

Нефритового дерева эта ветвь... — Нефритовое дерево — Цюншу (дословно — «Дерево из особо ценного нефрита-цюн») — мифическое дерево, растущее к западу от Куньлуна, на ветвях которого росли плоды бессмертия.

...камень драгоценные толкла... — В тексте говорится о смеси из нефрита, что частично подтверждается последующими даосскими верованиями и алхимическими практиками: мелко истолченный нефрит или какие-нибудь другие минералы (например, хрусталь) входили в набор ингредиентов снадобий бессмертия.

И фениксов моих... — В данном случае, по мнению комментаторов, речь идет о звуке, издаваемом бронзовыми фигурками фениксов, которыми в Древнем Китае украшались колесницы знати.

Небесный брод — Тяньцзинь — астрономический термин, обозначающий участок звездного неба в середине Млечного Пути (или, в китайской терминологии, Звездной реки).

И, в Западный вступив предел... — Западный предел (Сици) — общее название крайней западной части звездного неба и западной оконечности земного пространства.

Пустыню грозную — Зыбучие пески... — «Зыбучие пески» — принятый в отечественном китаеведении перевод названия мифической

(иногда ассоциируется с пустыней Гоби) пустыни Люша (дословно «Текущий песок»), помещаемой в чуской космографии к западу от Куньлуна.

Киноварная река — Чишуй (дословно «Красная река») — еще одна из четырех мифических рек, текущих у подножия Куньлуна.

Владыка Запада — Шао-хао, или Белый император (Бай-ди), — повелитель запада, входящий в пятерицу богов — повелителей частей света. Кроме Белого императора это Хуан-ди (повелитель Центра как особой пространственной зоны), Зеленый император (Цин-ди, восток), Огненный император (Янь-ди, юг), Черный император (Хэй-ди, север).

...от Бучжоу-скал... — Бучжоу (дословно «Далее не повернуть») — название мифических скал к северо-западу от Куньлуна, с которыми соотносилась крайняя западная точка земного пространства.

...до Западной пучины берега — Западная пучина (Сихай, дословно «Западное море») — одна из четырех морей-пучин, которые, по китайским космографическим представлениям, располагались по четырем концам земного пространства, осмысляемого в виде квадрата.

И «Девять песен» власть пою... — «Девять песен» — название произведений, приписываемых сыну Сяского Юя и считающихся в некоторых текстах первостихами, ниспосланными людям.

...мелодии играю — шао... — Шао — общее название музыкальных произведений, сочиненных кем-то (Хуан-ди, Яо, Шунем) из совершенномудрых древних государей и тоже полагаемых первомелодиями.

...свернулся сумрачным кольцом... — Речь по-прежнему идет о коне-драконе.

...Пэн Сяня следуя примеру... — Пэн Сянь — легендарный иньский сановник, который в знак протеста против поведения государя, не желавшего внимать его советам, покончил с собой, бросившись в реку.

Владыке реки Сян

Перевод А. Гитовича, публикуется по изданию: *Цюй Юань*. Стихи... С. 45–47. В оригинале — текст из 37 семисловных строк. Сян — одна из многочисленных рек, протекающих в провинции Хунань (местность, входившая в территорию царства Чу) и впадающих в озеро Дунтин. Существуют различные трактовки образа божества этой реки. В *чуских строфах* фигурирует божественная супружеская пара — Владыка и Владычица реки Сян. Большей популярностью в китайской культуре пользуется легенда о том, что божеством (божествами) Сян стали две жены (родные сестры) Шуня, которые утопились в ней с горя, узнав о смерти супруга.

В лодке древнего Дракона... — В оригинале говорится, что героиня летит на драконе.

На Чэньян гляжу... — Чэньян — устаревшая транскрипция топонима Цэньян — предположительно древнее название обширной речной отмели в пределах Чу.

Яшмовое ожерелье... — Как «яшма» в отечественном китаеведении ранее было принято переводить иероглиф юй — «нефрит». Кроме того, в тексте говорится о подвеске пэй, которая входила и в комплект женских украшений.

Хэ-бо

Перевод М. Кравцовой, публикуется по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая...* С. 376–377. В оригинале — текст из 18 семисловных строк.

Хэ-бо — божество — владыка водной (речной) стихии.

На белой верхом черепахе... — Белая черепаха — одно из мифических существ.

...над Южным протиснувшись потоком. — Южный поток — в данном случае образное название рек, протекающих на юге Китая.

Горному духу

Перевод М. Кравцовой, публикуется по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая...* С. 377–378. В оригинале — текст из 27 семисловных строк.

В дар душистые травы срываете тому... — Согласно мнению некоторых комментаторов, «горный дух» есть не имя конкретного божества, а название духов, обитающих в горах, могущих образовывать супружеские пары. По другим версиям, возлюбленный героини — простой смертный.

Вопросы к Небу

Перевод М. Кравцовой, публикуется впервые и выполнен по изданию: Тянь вэнь цзуань и (Поэма «Вопросы к Небу» со сводным толкованием). Пекин, 1982. Во всех указанных выше изданиях эта поэма приводится в переводе А. Адалис.

Каким был довременный мир... — В начальных двенадцати строках поэмы излагается концепция космогенеза, разработанная в чжоуской натурфилософии (прежде всего в Школе Инь-Ян) и активно воспринятая даосизмом с ее последующим развитием (изложение схемы космогенеза в «Дао дэ цзине», § 45). По этой концепции, мир изначально пребывал в хаотично-недифференцированном состоянии (определяется как Великий предел, Тай-цзи). Затем произошло его разделение на «верх» и «низ» и поляризация на Светлое (Мужское, Ян) и Темное (Женское, Инь) начала, которые, вступив во взаимодействие друг с другом, произвели триаду новых сущностей — Небо, Землю и Человека. Автор поэмы стремится доказать, что подобные представления

являются плодом абстрактных, теоретических умозаключений, так как никаких подлинных знаний об этом периоде мирового бытия, естественно, не существует.

Из девяти слоев... — Согласно одному из древнекитайских космографических вариантов, небесный мир состоит из девяти вертикально расположенных слоев, или сфер.

Небесной сети... — По древнекитайским астрологическим и космологическим представлениям, небо делится вдоль (по меридианам) и поперек (по параллелям), и эти линии как бы образуют сеть, покрывающую небесный купол изнутри.

Небесный стержень... — образное представление о существовании мирового стержня, проходящего через центр небесного и земного пространства.

Восемь балок — образное представление о существовании восьми балок-опор, расположенных в крайних точках четырех частей и получастей света, которые и подпирают собой небесный купол. Как правило, они ассоциируются с горными массивами. Но так как основные горные массивы расположены в северных и западных районах Китая, то получается, что южная и восточная части небесного пространства оказываются как бы без опоры.

Небесный круг — образное представление о горизонтальном строении небесного пространства, осмысляемого в виде круга: его деление на девять «полей» (или «небес»), которые точно соотносятся с девятью пространственными зонами (Центр, четыре части и четыре получасти света) земного пространства.

Как образуют пару Небо и Земля? — образное представление о Небе и Земле как божественной супружеской паре, порождающей все сущее, которые впоследствии трансформировались в концепцию Женского и Мужского космических начал. По мнению автора поэмы, эти представления являются ложными уже по той простой причине, что земля и небо, будучи разделенными в мировом пространстве, не могут соединяться наподобие брачной пары.

На дюжину долей... — указание на универсальную для китайской культуры двенадцатичастную композицию всего социокосмического универсума, что находило выражение в выделении 12 зодиакальных созвездий, двенадцатеричном цикле исчисления времени и т. д.

...из Кипящих вод... — т. е. из Озера солнц (см. примечания к поэме «Ли сао»).

У скал Мэнсы... — Мэнсы — мифическая река с очень высоким скалистым берегом, протекающая на крайнем западе, за которой прячется закатное солнце.

Как оказалась матерью Нюй-ци... — Эти четыре строки посвящены малоизвестному (видимо, утраченному впоследствии) мифологическому сюжету, главным действующим лицом которого являлась богиня Нюй-ци — предположительно покровительница брака и ма-

теринства. Бо-цян и Хуэй-ци — ее сыновья, по мнению одних комментаторов, а других — самостоятельные персонажи, первый из которых мыслился злым духом, насылающим болезни, мор, а также разрушительные бури; а второй — добрым божественным существом (конкретные функции неясны), о чем свидетельствует его имя: *хуэй* — «доброта, милость, благосклонность», *ци* — «воздух, эфир».

Пока горит Восточная звезда... — Восточная звезда — звезда в созвездии Дева, которая, по наблюдениям китайцев, исчезала первой с рассветными лучами.

Князь Гунь... — Заключительные строки приведенного отрывка поэмы посвящены популярнейшему в Китае сюжету о Великом потопе, главными действующими лицами которого являются Сяский Юй и его отец — князь Гунь. Рассказывается, что этот потоп произошел во времена правления Яо или Шуня. Вначале государь поручил справиться с ним Гуню, который попытался усмирить разлившиеся реки, строя дамбы и плотины, но они сразу размывались водой. Разсерженный его неудачей, государь приказал казнить Гуня и бросить его тело на горе Юйшань (Гора перьев), находившейся на крайнем севере, где никогда не светило солнце. Тело Гуня пролежало там, не разлагаясь, три года, и затем из него появился на свет Юй (по некоторым версиям сюжета — из чрева отца и в облике дракона). Юй продолжил борьбу с потопом, но, в отличие от отца, он очищал старые русла рек и делал новые, чтобы отвести воду в море. Впоследствии благодарный государь уступил ему престол, и так Юй стал основателем новой династии — Ся. Суть вопросов, которые задает автор поэмы, явно сводится к опротестовыванию принятой в конфуцианстве версии этого сюжета и оценок Гуня и Юя: первого — как человека низких моральных качеств, потому он и не смог справиться с потопом, второго — как величайшего государственного деятеля древности.

Зачем он добросовестно внимал... — По одной из версий сюжета, сова и черепаха предложили Гуню похитить у Небесного императора волшебную самоувеличивающуюся землю для строительства заград, но, узнав об этом, тот приказал казнить Гуня за кражу.

С камнем в объятьях

Перевод А. Гитовича, публикуется по изданию: *Цюй Юань*. Стихи... С. 101–103. В оригинале — текст из 40 семисловных строк.

И если б Чуй... — Чуй — легендарный мастер, живший во времена правления Яо.

Ли Лоу — свитской и советник Желтого императора, обладавший столь чудным зрением, что мог разглядеть нить осенней паутинки на расстоянии 50 км.

Но Чун-хуа... — Чун-хуа — имя Шуня.

Чэн Тан и Юй... — основатель династии Шан-Инь и Сяский Юй.

Юань и Сян раскинулись широко... — реки в провинции Хунань, впадающие в озеро Дунтин (см. примечания к «Владыке реки Сян»).

Бо Лэ давно лежит... — Бо Лэ — приближенный правителя царства Цинь — Му-гуна (659–621 гг. до н. э.), бывший признанным знатоком лошадей и искуснейшим возницей колесницы; имя Бо Лэ стало нарицательным, обозначая человека, достигшего вершин мастерства в избранном им деле.

Отец-рыбак

Перевод В. М. Алексеева, публикуется по изданию: Китайская классическая проза / В пер. акад. В. М. Алексеева. М., 1959. С. 42–43.

...по затонам Реки... — Река (Цзян) — сокращенное название Янцзы.

Сун Юй. Девять рассуждений

Некогда древний Нин Ци... — Нин Ци — политический советник правителя царства Ци — Хуань-гуна (685–643 гг. до н. э.), который во многом способствовал предельному усилению военного могущества и политического авторитета этого царства.

И правитель Хуань... — циский князь Хуань-гун.

Коль разучились искусству Бо Лэ... — См. примечания к стихотворению «С камнем за пазухой».

...пыльная роскошь Пурпурной птицы... — Имеется в виду дух-покровитель Юга — Красная птица (Чинья).

...изгибы колец Бирюзового змея. — Имеется в виду дух-покровитель Востока — Бирюзовый (Синий) дракон (Цанлун).

...Повелитель ветров обгоняет. — Фэй-лянь — см. примечания к переводу «Ли сао».

Хуайнань-сяошань. Призывание сокрывшегося от мира

В оригинале — текст из 36 строк, написанных смешанным размером.

Сун Юй. Святая фея

Перевод В. М. Алексеева. В оригинале — текст из 158 строк, написанных смешанным размером.

Чуский князь Сян — чуский Хуэй-ван (338–298 гг. до н. э.).

...гулял по берегу Юньмэна... — Юньмэн (Облачный сон) — название озера в современной провинции Хубэй, в местности, прилегающей к озеру Дунтин и к одному из главных культурно-политических центров Чу (район современного города Чанша).

...то, что случилось там, в Высокой горе Тан. — Высокая гора Тан — перевод топонима Гаотан — названия горного массива на территории провинции Хубэй. В целом в этой строке намечается на событие, о котором повествуется в поэме Сун Юя «Горы высокие Тан»: отец Хуэй-вана, гуляя в этих горах, уснул и встретился во сне

с девои-небожительницей, владычицей горы Ушань (Гора колдуний) — одной из знаменитых юго-западных гор (на территории провинции Сычуань).

...с его двойной стихией сил. — Имеются в виду Женское и Мужское космические начала.

Мао Цян заслонялась своим рукавом... — Мао Цян — легендарная чжоуская красавица, которая упоминается как эталон женской красоты в трактате «Чжуан-цзы».

...Си Ши закрывала лицо... — Си Ши — знаменитая красавица древности, уроженка юго-восточного региона Китая (царства Юэ, подробнее — см. примечания к «Оде о сове» Цзя И), которую местный правитель послал в подарок своему военно-политическому сопернику — князю соседнего царства У. И тот настолько увлекся новой возлюбленной, что забросил государственные дела и его армия была разбита, а сам он свергнут.

II. Поэзия эпохи Хань

1) Одическая поэзия

ЦЗЯ И. Плач по Цюй Юаню

Перевод Е. Торчинова и Я. Боевой, публикуется по изданию: Петербургское востоковедение. Вып. 1. СПб., 1992. С. 225–227. В оригинале — текст из 55 строк.

...переправляясь через реку Сян, сложил я эту оду... — См. примечания к своду «Чуские строфы».

И, это написав... — Цзя И, возможно умышленно, смешивает поэму «Ли сао» и стихотворение «С камнем в объятьях» из цикла «Девять напевов».

Скрылись фениксы фэн и луань... — См. примечания к переводу «Ли сао».

Меч Мосе называли тупым... — Имеется в виду один из двух чудесных мечей, выплавленных легендарным чжоуским оружейником Гань Цзяном, на лезвии которого было начертано имя его супруги — Мо Се.

...в Поднебесной никто меня не понимает... — Поднебесная (Тянься) — одно из древнейших самоназваний Китая, проистекающее из местных космологических и геополитических представлений: ассоциация ареала собственного обитания с центральной зоной земного пространства, находящейся под проекцией небесного круга.

Ода о сове

Перевод Е. Торчинова и Я. Боевой, публикуется по изданию: Реверс. Философско-религиозный и литературный альманах. СПб., 1992. С. 236–238. В оригинале — текст из 76 строк.

В год Шань-э — четвертый год двенадцатеричного цикла, обозначаемый соответствующими циклическими знаками (шань и э). В переводе на европейское летосчисление — 170 г. до н.э.

...что зовется Гэн-цзы... — обозначение дня через циклические знаки.

...То эфиром становится тело... — В данном случае излагается одна из опорных даосско-философских идей о наличии универсальной квазиматериальной субстанции — *ци* («пневма», «эфир»), которой свойственно пребывать как в разреженном, так и в концентрированном состоянии, образуя соответственно внутреннее существо и внешние формы предметов, а для человека и прочих живых существ — их телесную оболочку. Переход *ци* из одного состояния в другое как раз и обуславливает возможность трансформации одних существ в другие.

...великое древнее княжество У? — У — одно из крупнейших удельных царств первой половины Чжоу (VIII в. — 473 г. до н.э.), располагавшееся на юго-востоке Китая (регион нижнего течения Янцзы), которое было завоевано соседним с ним царством Юэ (VIII в. — 333 г. до н.э.), в свою очередь покоренным царством Чу.

Из-за действий Фу Ча... — Фу Ча (?–473 г. до н.э.) — последний государь царства У.

Сумело в Гуйцзи... — Гуйцзи — столица царства Юэ, находившаяся вблизи от современного города Ханьчжоу (провинция Чжэцзян).

И вот Гоу Цзянь... — Гоу Цзянь (?–465 г. до н.э.) — правитель царства Юэ, при котором оно покорило царство У и сделалось одним из самых могущественных чжоуских царств.

Лютой казни подвергся Ли Сы... — Ли Сы (?–208 г. до н.э.) — сановник и советник императора Цинь-ши-хуан-ди еще в бытность его правителем царства Цинь, отличавшийся особым деспотизмом и жестокостью. Но после смерти Цинь-ши-хуан-ди он оказался в оппозиции к новой придворной клике, которая возвела на престол младшего сына покойного императора в обход его законного наследника, был брошен в тюрьму, подвергнут жестокому пыткам и зверски казнен: его разрубили на лобном месте, а весь его род уничтожили.

...Фу Юэ был жестоко наказан... — Фу Юэ — политический советник иньского царя У-дина (1324–1265 гг. до н.э.), который в детстве был продан в рабство, прошел через множество лишений, но затем смог обратить на себя внимание государя и был им возвышен до поста первого министра.

Бесконечно Великий Гончар... — Великий Гончар — образное название Дао в его ипостаси творца всего сущего.

...с пылающим горном сравнить. — Сравнение с алхимическими процессами является устойчивой метафорой при описании процессов мироздания.

...*Волю Неба постигший*... — Под «небесной волей» в даосской философии понимается не столько предопределение судьбы отдельного человека, сколько общие закономерности бытия.

СЫМА СЯН-ЖУ. Там, где ворота длинны

В оригинале — текст из 94 шестисловных строк, четко разбивающийся на 47 двухстрочных строф, и 14-строчного предисловия.

Императрица из рода Чэней... — ханьский аристократический клан, состоявший в родственных связях с правящим семейством, сама А-цяо приходилась У-ди дальней родственницей.

...*Доблестного сына, Воинственного августейшего монарха*... — художественный перевод полного официального титула этого императора — Сяо-У-ди (дословно Государь-Воин, Почтительный сын).

...*во дворце «Длинные ворота»*. — Сочетание «длинные ворота» (*чан мэнь*) есть не название конкретного дворцового ансамбля, а архитектурно-строительный термин, обозначающий длину ворот в ее соотношении с толщиной городской и дворцовой стены: в силу особенностей древнекитайской глинобитной строительной техники такие стены обычно имели трапециевидную форму с очень массивным (до нескольких десятков метров) основанием.

...*в область входит Шу*... — Шу — древнее название местности, располагавшейся на территории современной провинции Сычуань, главным политическим центром которой исходно являлся город Чэнду (существует и по сей день).

...*взяв из казны сотню цзиней желтого золота*... — Цзинь — мера веса, равнявшаяся при Хань приблизительно 500 г; желтое золото — золото-серебряный сплав, считавшийся в Китае наиболее ценным из всех других золотосодержащих сплавов; то, что императрица расплачивается с поэтом именно золотом, отвечает экономическим реалиям Хань, когда золото действительно использовалось в качестве денежного металла (но в виде не монет, а слитков), уступив затем место серебру.

...*связался теперь с фавориткой своей*... — У-ди, как никто другой из китайских императоров, известен многочисленностью своих любовных увлечений, поэтому, о ком конкретно в данном случае идет речь, сказать затруднительно.

Взойду на Пахучую башню... Спускаюсь с Пахучей террасы... — В обоих случаях в тексте называется Башня орхидей (Ланьтай): орхидея, помимо указанной ранее ее символики (олицетворение благородной личности), служила также образом женщины и женской красоты, чем и объясняется ее использование в названиях отдельных строений и образных названий женских покоев, например «обитель орхидеи» (*лань гуй*) — покои императрицы.

Гром прокатился... — Гром — природная сущность, воплощающая Мужское космическое начало в момент его наивысшей актив-

ности, т.е. раскаты грома напоминают героине о былой страсти к ней У-ди, одновременно подсказывая о сиюминутном бурном времяпрепровождении ее супруга с новой фавориткой.

Вот летящая буря... — Образ ветра, проникающего в природное (расщелина, пещера) или искусственное (двор, покои) замкнутое пространство, тоже является устойчивым литературным эротизмом, обозначающим — в космологическом плане — взаимодействие Ян (ветер) и Инь и также непосредственно альковную сцену.

Великая птица павлин... — Павлин, послуживший протообразом феникса, впоследствии превратился в самостоятельный художественный образ, олицетворяющий женщину.

Фениксы, он и она... — В китайских верованиях существовали представления о самках и самцах феникса, которые обозначались посредством уже знакомых нам иероглифов — *луань* (она) и *фэн* (он).

...*все пять цветов слепят*... — «Пять цветов» (*у сэ*) — название пяти основных цветов китайской хроматической гаммы (желтый, синезеленый, красный, белый и черный), посредством которого в художественной словесности передавалась красочность окружающей действительности.

Белый журавль кричит... — Образ журавля (*хао*) чаще всего употребляется в китайской художественной словесности в его даосско-религиозном значении — птица, обретшая бессмертие, спутница бессмертных-сяней. Вне данных ассоциаций тоже образ-эротизм, возникший из брачного танца журавлей.

Берусь за классически строгую лютню... — Как «лютня» в отечественном китаеведении было ранее принято переводить название китайского музыкального инструмента *цин*, который на самом деле представляет собой цитроподобный (гуслеподобный) инструмент, состоящий из деревянной деки внушительных размеров (до 1,5 м в длину) и 5–7 шелковых струн. Цинь пользовался исключительной популярностью в китайской культуре: игра на нем считалась вершиной исполнительского мастерства, его музыка ассоциировалась с наивысшими духовными переживаниями благородной личности; и кроме того, цинь имел эротический подтекст: натянутые на столбики струны символизировали взаимную любовь и супружеское счастье.

...*Би-Маобиады уже проступают*... — В тексте употреблен астрономический термин *би*, который входит в название китайского созвездия Сачок, состоящего из восьми звезд созвездия Тельца, либо же обозначает положение луны в 1-м секторе ВСВ сектора неба.

ВАНЬ ЯНЬ-ШОУ. Ода о сне

Перевод М. Кравцовой, публикуется по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая*... С. 393–395. В оригинале — текст из 59 строк, написанных смешанным размером.

То семя, что в себе растил... — Семя-цзин — даосский категориальный термин, посредством которого обозначается трансмутированная сперматическая энергия, образующаяся в теле даосского адепта в результате алхимических и медитационных практик.

...людей, обретших совершенство... — Совершенные люди (*чжэнь жэнь*) — бессмертные-сяни высших рангов.

...Хуань — князь циский... — правитель удельного царства Ци — Хуань-гун (см. примечания к «Девяти рассуждениям» Сун Юя), который был одним из авторитетнейших государственных деятелей Китая периода «Весен и осеней».

И древний царь У-дин... — намек на легенду об иньском царе У-дине и его советнике Фу Юэ (см. примечания к «Оде о сове» Цзя И), в которой рассказывается, что их встрече предшествовал сон У-дина, якобы вначале истолкованный им как недоброе предзнаменование.

Привиделось Воителю-Царю... — намек на легенду о сне чжоуского У-вана (см. примечания к произведениям «Ши-цзина»), приснившемся ему еще до покорения им Шан-Инь: некая женщина напроначала ему и царский венец, и близкую — через девять лет — смерть. В действительности У-ван дожил почти до 90 лет.

Правитель цзиньский — Вэнь... — намек на легенду о сне правителя царства Цзинь — Вэнь-гуна (636–628 гг. до н.э.), которому приснилось, что его одолел главный на тот момент военный и политический противник — правитель царства Чу и после убийства вытаскил и засалил его мозг. В действительности армия Вэнь-гуна одержала победу над войсками Чу.

И Лао-цзы, чертям поддавшись... — Лао-цзы — легендарный основоположник даосизма. Поэт намекает на какой-то эпизод, находящийся вне принятой версии его жизнеописания.

ЧЖАН ХЭН. Возвращение к полям

Перевод Е. Торчинова и Я. Боевой, публикуется по изданию: Петербургское востоковедение... С. 227–228. В оригинале — текст из 36 строк, написанных смешанным размером. Имеется также более пространная версия этой оды — из 168 строк.

Столичными улицами Лояна... — Лоян — город в правобережной зоне среднего течения Хуанхэ, бывший столицей Восточной Хань.

Счастливую участь Цай-цзы... — Цай-цзы (Цай Цзэ) — чжоуский сановник, о котором упоминается в «Ши цзи» Сыма Цяня с рассказом о том, что он до 40 лет не мог найти применение своим талантам и знаниям в родном царстве Янь, а затем стал министром в царстве Цинь.

...Советов учителя Тана ишу... — Учитель Тан — наставник Цай-цзы, поддержка и советы которого помогли ему выстоять в жизненных испытаниях и добиться служебного успеха.

К старому рыбаку направляюсь... — намек на отца-рыбака из одноименной поэмы Цюй Юаня.

Чувства свои доверяю лишь цитры... — Речь идет об игре на цине — см. примечания к оде Сыма Сян-жу.

...Скандирую книги Конфуция и Чжоу-гуна... — О Чжоу-гуне см. примечания к песне «Сова» «Ши цзина».

...Повествую о трех императорах... — Три императора (или три великих древних правителя) — см. примечания к «Ли сао».

2) Песни-юэфу

К югу от города

Перевод Б. Б. Вахтина. В оригинале — текст из 20 трех- и семисловных строк. Это *юэфу* является блестящим примером ханьской поэзии на военные темы, которая продолжала и развивала традиции песен «Ши цзина».

Высока гора Ушань

Перевод М. Кравцовой. В оригинале — текст из 12 трех-, пяти- и семисловных строк. Тоже образец древних лирических произведений на тему разлуки с домом.

Высока гора Ушань... — горный массив в провинции Сычуань (см. также примечания к оде «Святая фея» Сун Юя).

Глубока река Хуай... — река Хуайхэ, протекающая в центральных и юго-восточных районах Китая (провинции Хэнань и Аньхуэй). В данном случае оба топонима (и это характерная черта китайской лирики) представляют обобщенно-условные образы, передающие идею гор и рек как естественной преграды на пути человека к дому или между людьми (возлюбленные, супруги, друзья).

Ну так выпьем вина!

Перевод М. Кравцовой. В оригинале — текст из 9 строк, написанных смешанным размером с преимущественным использованием трехсложного. Это редкий для ханьской поэзии образец застольной песни с анакреонтическими мотивами, в котором причудливо соединились интонации: даосско-религиозные (обретение бессмертия), эротические (единение с Женским началом — *Инь*), литературно-эстетические (расшифровка сущности поэтического творчества) и конфуцианские (обращение к образу Сяского Юя).

Господина конь гнедой

Перевод М. Кравцовой. В оригинале — текст из 10 трех-, семи- и пятисловных строк. Это любовно-лирическое *юэфу* с откровенными фривольными мотивами, в котором благодаря обыгрыванию образа коня как устойчивого литературного эротизма равно подразумевается и мужская потенция, и непосредственно детородный орган.

Подхожу к высокой башне

Перевод М. Кравцовой. В оригинале — текст из 9 пяти-, семи- и девятисловных строк. Это *юэфу* может быть истолковано в качестве исходно культового песнопения, в котором зафиксировано поверье — стрельба в птицу.

На листьях роса

Перевод М. Кравцовой. В оригинале — четверостишие из двух трехсловных и двух семисловных строк. Это *юэфу* считается древней погребальной песней и интересно прежде всего тем, что в нем впервые в китайской лирике отчетливо противопоставлены вечность природы и эфемерность человеческого бытия через трогательный образ высыхающей и вновь выпадающей росы — символ природного круговорота.

Хаоли

Перевод М. Кравцовой. В оригинале — четверостишие из одной пятисловной и трех семисловных строк. Тоже считается древним погребальным песнопением, в котором, хотя лаконично, но относительно внятно, излагаются древние анимистические верования — представления о подземном царстве мертвых Хаоли, в которое попадают все люди, независимо от их социального, имущественного положения, способностей и поступков, т. е. в китайской культуре (вплоть до проникновения в нее буддизма) не существовало идеи рая и ада и, шире, посмертное существование человека не связывалось с его прижизненными деяниями.

Владыка чертей — предположительно повелитель царства мертвых и духов-*гуй* как особого класса потусторонних существ.

К востоку от Мирной гробницы

Перевод Б. Б. Вахтина. В оригинале — текст из 11 трех- и семисловных строк. Это *юэфу* достаточно типичный образец песен на социально-политические темы.

Мирная гробница — художественный перевод названия — Пинлин — погребального комплекса ханьского императора Чжао-ди (86–73 гг. до н.э.), находящегося в окрестностях столицы Ранней Хань — г. Чанъани (современный г. Сиань, провинция Шэньси).

Сосна, кипарис и платан — эти деревья принято было сажать вокруг могильных насыпей.

Туты на меже

Перевод Б. Б. Вахтина. Текст из 53 пятисловных строк.

Песня о долгой жизни

Перевод Б. Б. Вахтина. В оригинале — два пятисловных десятистишия и пятисловное двенадцатистишие, являющиеся одноименными произведениями. Название «Чан гэ син» истолковывается комментаторами и исследователями по-разному. По одной версии, оно

указывает на характер музыкального сопровождения песни — «протяжная мелодия». В других версиях предлагается понимать иероглиф *чан* в его философских значениях: то, что бесконечно, то, что преобладает, то, что неизбежно в жизни, — словом, варианты перевода этого названия многообразны («Протяжная песня», «Песня о бесконечном» и т. д.).

На белом олене святой человек... — В этом двустишии содержится первый в китайской лирике литературный портрет бессмертного-*сяня*.

...на гору Тайхуа... — одно из названий горного массива Хуашань (провинция Шэньси), который входил в пятерку так называемых священных пиков, маркировавших пять основных пространственных зон китайской космографии, и одновременно считался в даосских верованиях одним из главных мест обитания бессмертных.

...Там красные зонты грибов долголетия. — Речь идет о волшебном грибе-*чжи* (исходно — древесный гриб или разновидность зонтичных грибов), который почитался растением бессмертия.

...Отнес ему снадобье... — Снадобья бессмертия, по китайским представлениям, могли изготавливаться в виде жидкостей (эликсира), пилюлей и порошков, и способы их хранения были разными (в сосудах, ларцах).

...Смотрю на Лоян... — Лоян — столица ханьской империи в I–II вв. (см. также примечания к переводу «Возвращение к полям» Чжан Хэна).

Смотрю на Сихэ... — намек на историю жизни чжоуского полководца У Ци, который уехал из дома (в царстве Вэй), поклявшись матери, что станет выдающимся государственным деятелем либо никогда не вернется к ней. Его мать умерла, пока сын был в отъезде, а сам он, занимая какое-то время важный пост в городе Сихэ (провинция Шэньси), был вскоре изгнан. Некоторые комментаторы считают, что все это *юэфу* и есть повествование о судьбе У-Ци.

Западные ворота

Перевод Б. Б. Вахтина. В оригинале — текст из 19 трех-, пяти- и семисловных строк. Это *юэфу* — образец песен «философского» содержания, в котором рассуждения о бренности бытия человека дополнены анакреонтическими мотивами.

...уйдеш на небо... — Согласно китайским анимистическим представлениям, окончательно утвердившимся в ханьской культуре, внутреннее существо человека — разреженная пневма-*ци* (см. примечания к переводу «Оды о сове» Цзя И) состояла из двух компонентов (или душ): *хунь* и *по*, первый из которых соотносился с телесностью и связывался с физиологической деятельностью, а второй отождествлялся с *ци* в ее модусе жизненной энергии и психико-эмоциональной деятельности человека. Считалось, что после смерти человека душа-*по* еще некоторое время пребывала в земном мире как призрач-

ное создание, а затем либо уходила в подземное царство мертвых, либо возвращалась в стихию земли, а душа-хунь поднималась вверх и растворялась в первоматерии — небесной (изначальной) пневме-эфире (юань ци).

Восточные ворота

Перевод Б. Б. Вахтина. В оригинале — текст из 16 строк, написанных смешанным размером (строки от 2 до 7 иероглифов).

...в них ни доу риса... — Доу — китайская мера сыпучих и жидких тел, равная приблизительно 10 л.

Пою коня у ручья в пробоине Великой стены

Перевод Б. Б. Вахтина. В оригинале — пятисловное двадцатистишие. Это песня на историческую тему, повествующая о строительстве Великой китайской стены, начатом при Цинь-ши-хуан-ди, где погибли тысячи согнанных туда людей. По причине смысловой неясности иероглифа ку, входящего в название юэфу, оно также переводится по-разному: «Напоил коня из родника у Великой стены», «Напоил коня у Великой стены».

...Ей он карпов резных подает. — В Китае было принято посылать письма, положив их между двумя дощечками, служившими своего рода почтовым конвертом. В данном случае говорится, что на этих дощечках вырезаны изображения карпов — принятого символа супружеской любви и верности.

3) Древние стихи-гуши

Второе стихотворение

Все стихотворения приводятся в переводах Л. З. Эйлина. В оригинале — пятисловное десятистишие.

...для веселых пела домов... — Веселые дома — образное название увеселительных заведений, которые появились в Китае как раз при Хань. Пребывание в таких заведениях не было неодолимым препятствием для последующего замужества их обительниц (подробнее см. примечания к художественной прозе).

Третье стихотворение

В оригинале — пятисловное шестнадцатистишие.

Только доу вина... — Доу — см. примечания к юэфу «Восточные ворота».

...там, где Вань... где Ло. — Имеются в виду город Вансянь — столичный центр области Наньян (провинция Хэнань), настолько славившийся своей роскошью, что его нередко называли «Южная столица», и Лоян — столица Поздней Хань.

«Шанки и пояса» — образное название знати, обязательной принадлежностью костюма которой был специальный головной убор (гуань) и пояс (дай).

...Там у ванов и хоу... — Ван и хоу — два высших из пяти аристократических титулов, которые нередко переводятся в отечественной литературе как «принц, герцог» (при Хань и в последующие исторические эпохи давался только членам августейшей фамилии) и «маркиз».

...на сто или более чи. — Чи — мера длины, равная 32 см.

Четырнадцатое стихотворение

В оригинале — пятисловное десятистишие.

Пятнадцатое стихотворение

В оригинале — пятисловное десятистишие.

...вечной жизни Цяо достиг. — Ван Цяо (Ван Цзя-ляо, царевич Цяо) — один из популярнейших персонажей древнего пантеона бессмертных-сяней, в образе которого слились исходно два разных историко-легендарных лица: сын одного из чжоуских князей, ставший отшельником; и даосский маг (фанши), появившийся при дворе ханьского императора Мин-ди (58–75).

4) Авторские лирические произведения

ХАНЬСКИЙ У-ДИ. Осенний ветер

Перевод М. Кравцовой, публикуется впервые и выполнен по изданию: Цюань Хань Саньго Цзинь Наньбэй-чаопи (Полное собрание стихотворений периодов Хань, Троецарствие, Цзинь и Южных и Северных династий) / Сост. Дин Фу-бао. Шанхай, 1959. Т. 1. С. 2. В оригинале — семисловное девятистишие.

Взгляд хризантемы... — В данном случае оба цветка понимаются в их образной связи с женщиной и женской красотой (см. примечания к оде «Там, где ворота длинны» Сыма Сян-жу).

...прекрасный и нежный друг. — Поэтом употреблено сочетание цзя жэнь («прекрасный человек»), которое может означать и «прекрасный душой человек» (т. е. благородная личность), и «красавица» (возлюбленная).

...Фэньшуй-реки... — Имеется в виду река Фэньхэ — см. примечания к песне «Ши цина» «У низины да у Фэнь у реки».

ЧЖО ВЭНЬ-ЦЗЮНЬ. Плач о седирах

Перевод С. А. Торопцева, публикуется по изданию: Торопцев С. А. Поэтический цикл «Плач о седирах» // Вопросы китайской филологии. М., 1974. С. 42–43. В оригинале — текст из 26 строк, включающий два четверостишия, восьмистишие и десятистишие.

БАНЬ-ЦЗЕЮЙ. Песня о моей обиде

Перевод Б. Б. Вахтина, публикуется по изданию: Юэфу... С. 50. В оригинале — пятисловное десятистишие.

...белейшего шелка из Ци... — Название чжоуского царства Ци в дальнейшем использовалось в качестве обозначения восточного при-

брежного региона (провинция Шаньдун), где оно располагалось и где действительно изготавливались лучшие сорта гладких шелковых тканей.

...с орнаментом «слитная радость»... — разновидность растительного орнамента, образованного соединенными листьями-сердечками.

ЧЖАН ХЭН. Песня о созвучии

Перевод М. Кравцовой, публикуется впервые и выполнен по изданию: Юй тай синь юн (Новые напевы Нефритовой башни). Токио, 1959. Т. 1. С. 105–106. В оригинале — пятисловное 24-стишие.

Мерцает тускло золото засовов... — Так как стихия огня соотносится с Ян, то любые проявления света (блестящие предметы, горящий светильник и т. д.) в поэтической образности являются эротизмами, подразумевающими собственно мужское начало или его активизацию.

Картинки с парами — эротические по содержанию картинки, которые служили новобрачным своего рода наглядным пособием и в зависимости от их формата либо вешались на стену, либо расставлялись возле изголовья брачного ложа.

К тебе, богиня мудрая... — В тексте называется богиня Су-ньюй (Шелковая дева) — покровительница брака, женщин и их наставница в искусстве любви.

ЦАЙ ЯНЬ. Скорбные строки

Перевод В. Журавлева. В оригинале — текст из 108 строк (54 двухстрочных строф), написанных пятисловным размером.

Дун Чжо государя принудил... — Захватив Лоян, Дун Чжо свергнул царствовавшего тогда императора (Шао-ди, 189) и возвел на престол нового малолетнего принца (Сянь-ди, 190–220), вынудив его перенести столицу в разоренную войной Чанъань — подальше от мест сосредоточения армий своих военно-политических противников.

Они состояли из цянй... — Цяни и ху — народности, проживавшие в крайних северо-восточных, северных и северо-западных районах Китая и соседних с ними землях.

III. Поэзия эпохи Шести династий

1) «Цзяньаньская поэзия»

ЦАО ЦАО. Минуя заставы в горах

Все стихотворения Цао Цао даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по изданию: *Кравцова М. Е.* Поэзия Древнего Китая... С. 413–419; и выполнены по изданию: Цао Цао цзи (Собрание сочинений Цао Цао). Пекин, 1959. В оригинале — текст из двух трехсловных и тридцати четырехсловных строк. Это одно из программ-

ных произведений Цао Цао как государственного деятеля, в котором излагаются его взгляды на общественное устройство и обосновываются планируемые им экономические и законодательные реформы.

Меж Землею и Небом... — В этих двух строках воспроизводится один из центральных постулатов китайской философии о наивысшей ценности человека, ибо он единственный из живых существ, кто обладает сознанием и моральными принципами.

Государь существует... — Эта и следующие пять строк являются вариативными цитатами из древних, преимущественно конфуцианских памятников, в которых так формулируются основные идеи концепции верховной власти.

Колодцы-поля. — Речь идет о так называемой колодезной системе землепользования (объединение землепользователей в общины из восьми дворов, каждая из которых получала от государства по восемь подворных наделов и один общий надел для обработки всеми членами общины в пользу казны); система, по утверждению чжоуских авторов, существовала в древнем обществе. В чжоускую эпоху она была заменена на систему земельных (удельных) пожалований, которая впоследствии и привела к административно-территориальной раздробленности Китая. Цао Цао была разработана и частично проведена реформа землепользования, в которой он пытался использовать «колодезную» систему.

А реестры судебные... — Имеется в виду особый тип древнекитайских судебных документов, куда заносились приговоры и записи об их исполнении. Практика создания таких реестров и вся стоявшая за нею судебная система резко опротестовывались не только Цао Цао, но и многими другими государственными деятелями того времени.

Гао Яо и Фу — легендарные политические деятели, первый из которых жил в эпоху правления совершенномудрых государей и был главным судьей страны, а второй (Фу-хоу, князь Фу) считается возможным автором свода законов («Кодекс Фу-сина»), созданного при Ранней Чжоу.

До изысканной утвари... — Цао Цао ссылается на легенды о Яо и Шуне, находящиеся вне канонической версии их жизнеописаний, согласно которым Яо проживал в убогом строении с тростниковой крышей и лишь оструганными балками, тогда как Шунь, став государем, пользовался бронзовой посудой вместо глиняной и окружил себя изысканной роскошью, чем вызвал возмущение вассалов: тридцать правителей удельных владений отказались ему подчиняться.

Бо И. — В древних текстах упоминаются несколько персонажей под таким именем (подробно см. далее). В данном случае речь, скорее всего, идет об отшельнике, восхваляемом в конфуцианском трактате «Мэн-цзы», где говорится, что он не служил не своему государю, не командовал не своим народом, не останавливался при дворе порочного человека и т. д.

Сюй-отшельник — легендарный отшельник, который неоднократно упоминается в древних — конфуцианских и даосских — сочинениях, в которых рассказывается, что он был избран Яо себе в преемники, но отказался от трона, предпочитая жить на лоне природы.

Лишь единство во всем... — В этом двустишии кратко излагаются принципы управления, сформулированные философом Мо Ди (479—400 гг. до н.э.) — основоположником еще одной древней философской школы, которая некоторое время была главным идейным оппонентом конфуцианства.

Пройду через Восточные, Западные ворота

В этот цикл (другое название — «Пройду через ворота Сямэнь» — формально подражание одноименному ханьскому *юэфу* с даосско-религиозными мотивами) входят четыре стихотворения (в оригинале — четырехсловные 14-стишия), созданные Цао Цао либо в 207—208 гг. во время его похода против генерала У Хуаня, который провозгласил себя правителем самостоятельного государства, находившегося на северо-востоке империи (провинция Ляонин), либо в 220 г. в память об указанных событиях. Перевод публикуется впервые.

Девятиречье — название местности в районе нижнего течения Хуанхэ.

Гора Цзеши — горный массив на территории современной провинции Хэбэй, южный отрог которого заканчивается в 40—50 км от Бохайского залива, откуда открывается вид на него.

Восточное море — Бохайский залив.

Смотрю на лазурное море

Это самое известное стихотворение данного цикла, которое в некоторых изданиях публикуется в качестве самостоятельного произведения (на русском языке см. перевод В. Журавлева в: Антология китайской поэзии... С. 301—302) и считается многими критиками и исследователями чуть ли не первым пейзажно-лирическим текстом.

Зима, десятый месяц года

Это стихотворение полагается своего рода «путевыми заметками» Цао Цао, сделанными им во время обратного пути его армии после захвата резиденции У Хуаня (г. Лючэн, к западу от современного города Цзиньчжоу, провинция Ляонин). Запечатленная Цао Цао картина очень точно передает все климатические особенности (ранняя холодная зима с муссонными ветрами) данной местности и повадки ее обитателей (например, пронзительные крики «болотной цапли», т.е. джунглевой курицы или залегание местной разновидности медведей не в берлоги, а в горные завалы или пещеры).

Нет в мире одинаковых земель

В этом стихотворении тоже зоркое описание конкретной местности — обширного района к северу от нижнего течения Хуанхэ

(провинция Хэбэй), который в то время назывался «Варварский край за Хуанхэ» (Хэшо) в силу тяжелых климатических и природных условий. Общее отрицательное отношение Цао Цао к местным жителям согласуется с принятыми в Китае геополитическими представлениями, согласно которым нравы и поступки людей прямо зависят от особенностей среды их обитания.

Божество-черепаха века проживет

Божество-черепаха... — В этой строке намечается на фрагмент древнего даосского трактата «Чжуан-цзы»: «Я слышал, что в царстве Чу жила божественная черепаха. Умерла по достижении 3000 лет».

Волшебная змея — фантастическое существо в виде змеи с крыльями.

Туты на меже

Перевод публикуется впервые. В оригинале текст из 18 строк, включающий 6 строф из двух трехсловных и одной семисловной строки. Это стихотворение принадлежит к серии произведений Цао Цао на даосско-религиозные темы, судя по которым он был хорошо осведомлен в даосских эзотерических практиках и верованиях. А по поэтической образности они восходят к *чуским строфам*.

...К Небесным взмываю вратам. — Нефритовые врата, ведущие в резиденцию Небесного владыки (Тянь-ди, см. также примечания к «Ли сао»).

Звездный поток — Млечный Путь.

Царица бессмертных — Сиванму (см. раздел «Чуские строфы»).

Владыка Востока — исходно чуское солярное божество (см. раздел «Девять песен»), которое в последующих верованиях стало считаться супругом Сиванму.

С Учителем дружен Сосной... — Бессмертный Чи Сун-цзы (Учитель Красная сосна) — один из популярнейших персонажей древнего пантеона сяней.

...Учителя знаю Сянь-мэня... — Сянь-мэнь (Сяньмэнь-гаоцзы, Сяньмэнь-цзыгао) — древний бессмертный, о котором впервые упоминается в поэме «Горы высокие Тан» Сун Юя и с которым мечтали встретиться, по свидетельству ханьских историков, многие монархи, в том числе император Цинь-ши-хуан-ди.

...ращу в себе дивное семя. — См. примечания к *юэфу* «Песня о долгой жизни».

...Из Сладкого тью родника... — Сладкий родник (Ли-цюань) — в данном случае название волшебного источника в горах Куньлунь.

...посох коричный в руках... — т.е. посох из древесины корицы, см. примечания к «Ли сао».

...Парю в первозданном эфире... — См. примечания к «Оде о сове» Цзя И и к *юэфу* «Западные ворота».

ЦАО ПИ. Цикл «Три стихотворения о Лияне»

Все стихотворения Цао Пи даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая...* С. 428–429; и выполнены по изданию: Вэй У-ди Вэй Вэнь-ди ши чжу (Комментированное издание стихотворений вэйского У-ди и вэйского Вэнь-ди) / Коммент. Хуан Цзе. Пекин, 1958. В оригинале — четырехсловное 14-стишие. Этот цикл посвящен походу, принятому Цао Цао в 203–204 гг. против фракции генерала Юань Шао, сосредоточенной в местности Лиян (в провинции Хэнань). Участие в этом походе стало боевым крещением 16-летнего Цао Пи и его первым полководческим опытом: ему было доверено командование отрядом, проводившим самостоятельные операции. Цикл был создан, видимо, сразу после данных событий и, следовательно, является образцом юношеской лирики Цао Пи.

...*Через Хуань переправу наводим...* — Имеется в виду река Хуаньшуй, протекающая по южной части провинции Шаньси и северной части провинции Хэнань.

Из цикла «Песни Яньгэ»

В оригинале — семисловное 15-стишие. Ср. с переводом В. Журавлева в: *Антология китайской поэзии*. С. 301–302. Цикл состоит из двух песен, восходящих к *юэфу* древнего царства Янь.

...*Созвездье Пастух и Ткачиха-Звезда...* — намек на популярнейший в культуре Китая мифологический сюжет о любви небесной девы-ткачихи и земного юноши-пастуха, которые после нескольких лет счастливого брака были разлучены по воле богов и оказались по разные стороны Млечного Пути (соответственно, Вега и Альтаир) с разрешением встречаться только один раз в году — в седьмой день седьмого месяца, на мосту, образованном из хвостов сорок, слетающихся в этот день со всего света к Небесной реке.

Пруд с цветами фужуна

В оригинале — пятисловное 16-стишие. В этом стихотворении дается описание Западного парка, разбитого по приказу Цао Цао в юго-западном пригороде города Ечэн (в северо-восточной части провинции Хэнань), бывшего резиденцией семейства Цао до 220 г.

Не обрел вечной жизни никто из бывших мудрецов... — В тексте называются бессмертные Ван Цяо (см. примечания к древним стихотворениям-*гуши*) и Чи Сун-цзы (см. примечания к стихотворению «Туты на меже» Цао Цао). Скептическое отношение к возможности обрести бессмертия является еще одной отличительной чертой лирики Цао Пи: в его творчестве есть несколько произведений, в которых откровенно высмеиваются даосско-религиозные представления.

День расцветает в пурпуре зари

Перевод публикуется впервые. В оригинале — четырехсловное десятистишие.

Удочка

Перевод публикуется впервые. В оригинале — пятисловное шестистишие.

...*по стремнине пустынной реки...* — В тексте называются Хуанхэ и ее приток — Цзишуй.

...*валы на просторе морском.* — Речь идет о Бохайском заливе.

ЦАО ЧЖИ. Наследник сидит

Все стихотворения Цао Чжи даются в переводе М. Кравцовой, публикуются впервые и выполнены по изданиям: Цао Цзы-цзянь ши чжу (Комментированное издание стихотворений Цао Чжи) / Коммент. Хуан Цзе. Пекин, 1957; Цао Вэй фу цзы ши сюань (Избранные стихи отца и сыновей Цао царства Вэй). Сянган, 1983. В оригинале — пятисловное десятистишие. Считается, что это стихотворение было создано Цао Чжи в честь пира по случаю возведения Цао Пи в статус наследника (217).

Креветка и угорь

В оригинале пятисловное 16-стишие.

Вздохи

В оригинале — пятисловное 24-стишие.

Стихи за семь шагов

В оригинале — пятисловное шестистишие. Это стихотворение является, по легенде, экспромтом, сочиненным Цао Чжи во время аудиенции у старшего брата — ровно за семь шагов, которые он сделал, приближаясь к трону. В аллегорической форме он упрекает Цао Пи за внутрисемейный конфликт и жестокое отношение к себе лично.

Семь печалей

В оригинале — пятисловное 16-стишие.

Песня о путешествии в даль

В оригинале пятисловное 20-стишие.

Путешествие в даль. — Как даль (*юань*) в образной системе чужской поэзии и поэзии на даосско-философские и даосско-религиозные темы обозначается пространственный отрезок, находящийся в максимальном удалении от мира людей и соотносящийся с западом или востоком как сакральными частями света, которые связаны с обретением бессмертия.

...*достиг запредельной пучины...* — См. примечания к «Ли сао».

...*огромная плавает рыба...* — намек на начальный фрагмент трактата «Чжуан-цзы», где говорится, что в северном море-пучи-

не обитает гигантская рыба, умеющая превратиться в гигантскую птицу.

...*Небесному пенью*... — Нефритовая дева (Юй-нуй) — женское божество, покровительница и вдохновительница эзотерических мистерий оргиастического типа, культ которой утвердился как раз в эпоху Шести династий. Кроме того, так назывались девы-небожительницы, прислуживающие *сяням* высших рангов.

...*навещаю Владыку Востока*... — См. примечания к стихотворению «Туты на меже» Цао Цао.

Песчаные Зыби — западная пустыня Люша — см. примечания к «Ли сао».

ВАН ЦАНЬ. Из цикла «Стихи о разном»

Все стихотворения Ван Цаня даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая*... С. 419—421; и выполнены по изданию: Цзяньань ци цзы цзи (Собрания сочинений Семи цзяньаньских мужей). Пекин, 1989. С. 78—81. Всего этот цикл состоит из пяти стихотворений, два первых из которых посвящены времяпрепровождению вэйской знати и носят панегирический характер, остальные — стихотворения-аллегории. В оригинале — пятисловные десятистишие и восьмистишие.

Цикл «Семь печалей»

В оригинале — пятисловные 20-стишие и 16-стишие. Перевод первого стихотворения цикла в исполнении А. Старостина см. также в: Антология китайской поэзии... С. 297—298.

ЛЮ ЧЖЭНЬ. Подстреленный коршун

Это и другие стихотворения Лю Чжэня даются в переводах М. Кравцовой, публикуются впервые и выполнены по изданию: Цзяньань ци цзы цзи... С. 181—187. В оригинале — пятисловное десятистишие.

Цикл «Послания к брату»

В оригинале — пятисловные восьмистишия. Перевод второго стихотворения цикла в исполнении Л. Бежина см. также в: Китайская пейзажная лирика... С. 23.

Их, срывая... — В Древнем Китае ряска и другие болотные растения действительно использовались при жертвоприношениях и в качестве даров, что объясняется осмыслением болота как сакрального места, связанного с культом Земли.

...*С восхищением примем*... — По мнению комментаторов, поэт имеет здесь в виду своего двоюродного брата (адресата цикла), который, хотя и вырос в провинции и в бедной семье, обладает такими достоинствами, что может занять любой чиновничий пост.

Недвижимо-горда... — В этом стихотворении наиболее полно для ранней авторской лирики раскрывается символика образа сосны как одного из опорных художественных образов.

ЖУАНЬ ЮЙ. Стихи без названия

Все стихотворения Жуань Юя даются в переводах М. Кравцовой, публикуются впервые и выполнены по изданию: Цзяньань ци цзы цзи... С. 151—156. В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Семь печалей

В оригинале — пятисловное 12-стишие.

Своей юности праздник — день совершеннолетия.

Беспросветная темень... В покоях Девяти родников... Башня нескончаемой ночи — образные названия царства мертвых.

...*Но лишь край Хаоли*... — См. примечания к юэфу «Хаоли».

ИН ЯН. Стихи о разлуке

Перевод М. Кравцовой, публикуется по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая*... С. 430. В оригинале — пятисловные шестистишие и восьмистишие.

...*потоки могучей реки*... — река Хуанхэ.

ЧЭНЬ ЛИНЬ. Напоил коня из родника у Великой стены

Перевод В. Адуевского, публикуется по изданию: Антология китайской поэзии... С. 299—300 (под названием «Напоил коня во рву за Великой стеной» — о вариантах перевода этого названия см. примечания к разделу «Песни-юэфу»). В оригинале — текст из 28 строк, написанных смешанным размером с преобладанием пятисловного.

СЮЙ ГАНЬ. Цикл «Думы в женских покоях»

Перевод М. Кравцовой, публикуется впервые и выполнен по изданию: Цзяньань ци цзы цзи... С. 140—142. В оригинале — пятисловные восьмистишия.

КУН ЖУН. Из цикла «Стихи о разном»

Перевод М. Кравцовой, публикуется впервые и выполнен по изданию: Цзяньань ци цзы цзи... С. 2—3. В оригинале — пятисловное 22-стишие.

...*обитает у Желтых ключей*... — Желтый ключ (родник) — Хуанцюань еще одно название царства мертвых.

2) Цзи Кан и Жуань Цзи

ЦЗИ КАН. Из цикла «Дар сюаю, уходящему в поход»

Перевод В. Рогова. В оригинале — четырехсловные восьмистишие и 12-стишие. Всего цикл состоит из 19 стихотворений, адресованных младшему брату поэта.

Сюацй — ученая степень, присуждавшаяся выдержавшим государственные экзамены уездного (губернского) уровня; не будучи еще законодательно оформленными, экзамены эпизодически проводились в эпоху Шести династий.

ЖУАНЬ ЦЗИ. Из цикла «Пою о чувствах»

Перевод В. Малявина. В оригинале — пятисловные восьмистишие, десятистишие и два 12-стишия.

Как небесные кони... — так образно называли скакунов, привозимых в Китай в ханскую эпоху из «западных земель» (в первую очередь из Ферганы) по маршруту Великого шелкового пути.

...Не сравнится с Ван Цзы-цяо... — Ван Цзы-цяо — популярнейший бессмертный (подробно см. примечания к стихотворениям-гуши).

Когда лет пятнадцать мне было... — намек на высказывание Конфуция из гл. 2 § 4 «Лунь юя»: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе».

Я любил Книгу Песен и Книгу Преданий. — Т. е. «Ши цзин» и «Шу цзин» — см. примечания к разделу «Антология „Ши цзин“».

«В одежде простой...» — цитата из приписываемого Конфуцию апокрифического сочинения «Семь поучений Конфуция», в котором таким образом характеризуется «благородный муж».

Как достойные Янь и Минь. — Любимые ученики Конфуция: Янь Хуэй (Янь Юань, 521–481 гг. до н. э.) и Минь Сунь (Минь Цзы-цзянь, 536?–487? гг. до н. э.).

«Славное имя» — терминологическое обозначение конфуцианских аксиологических воззрений. Согласно им смысл жизни человека — совершать как можно больше достойных деяний, благодаря которым память о нем будет сохраняться в последующих поколениях. Именно идея «славного имени» и, шире, абстрагирование конфуцианцев от проблем смерти и посмертного бытия вызывали наибольшее раздражение у лючаоских служилых интеллигентов.

Мудрец Сянь Мэнь-цзы — см. примечание к стихотворению «Туты на меже» Цао Цао.

3) Поэзия в стиле Тайкан**ЛУ ЦЗИ. На тему «Песня Мэнху»**

Оба стихотворения Лу Цзи даются в переводах М. Кравцовой, публикуются впервые и выполнены по изданию: Цюань Хань Саньго... С. 333, 344. В оригинале — пятисловные 20-стишие и 12-стишие.

«Песня Мэнху» (Мэнху син) — название древней песни-юэфу.

ЧЖАН ХУА. Из цикла «Три стихотворения, написанные в ответ Хэ Шао»

Все стихотворения Чжан Хуа даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по изданию: *Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая...* С. 431–433; и выполнены по изданию: Цюань Хань Саньго... С. 277–285. В оригинале — пятисловное 20-стишие.

Хэ Шао (236–301) — близкий друг Чжан Хуа, тоже из плеяды тайканских литераторов.

Власы распушу... — Согласно китайскому обычаю, мужчины укладывали волосы в пучок на затылке, скрепляя его шпилькой и надевая сверху головной убор, а распущенные волосы были либо признаком «варвара», либо атрибутом внешнего облика отшельника. Поэтому сочетания типа «распустить волосы», «вынуть шпильку», «снять головной убор» и т. д. являются устойчивыми образами-поэтизмами со значением «стать отшельником».

...как резвятся рыбешки... — Образ вольно играющих рыбок представляет метафору «естественности», которая восходит к тексту древнего даосского трактата «Чжуан-цзы».

Призывание сокрывшегося от мира

В оригинале — пятисловные четверостишие и восьмистишие.

Богиня Си Хэ — см. примечания к «Ли сао».

Из цикла «Путешествие к бессмертным»

В оригинале — пятисловное восьмистишие. Всего цикл состоит из трех стихотворений.

Из цикла «Пять стихотворений о чувствах»

Перевод публикуется впервые. В оригинале — пятисловные 12-стишие и десятистишие. Этот цикл является образцом тематической подгруппы лючаоской любовной лирики, которая наиболее отражена в творчестве тайканских литераторов и имитировала переписку между супругами (возлюбленными).

ЦЗО СЫ. Из цикла «Стихи на исторические темы»

Перевод В. Журавлева, публикуется по изданию: Антология китайской поэзии... С. 326–327. В оригинале — пятисловные 16- и 20-стишие. Всего цикл состоит из 8 стихотворений.

Утрами у Цзиня и Чжана... — Имеются в виду сановники ханьского императора У-ди — Цзинь Чжан-ди и Чжан Янь, потомки которых в течение соответственно семи и десяти поколений занимали высокие посты при ханском дворе исключительно по причине признания особых заслуг их предков перед тронем.

...У Сюя, у Ши... — ханьские аристократические кланы, состоящие в родственных отношениях с правящим домом.

В жилище же мудрого Яна... — Имеется в виду знаменитый ханьский мыслитель и поэт-одописец Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.), который прожил в бедности и безвестности, получив признание только после смерти.

...Трактат свой... — Речь идет о трактате Ян Сюна «Канон Великого сокровенного» («Тай сюань цзин»), в котором он предпринял попытку на основании текста «И цзина» систематизировать древние натурфилософские концепции.

Конфуция он прославляет... — Имеется в виду еще один трактат Ян Сюна — «Слово о законе» («Фа янь»), посвященный каноничес-

публикуются по изданию: Китайская пейзажная лирика... С. 25. В оригинале — пятисловные восьмистишия.

Как Фу Си мудрейший и почтенный Тан... — Фу Си — архаичский правитель, один из так называемых трех великих первопредков, которые, по легендам, царствовали в Китае еще до эпохи правления пяти совершенномудрых государей. Конкретно Фу Си приписывается обучение людей искусству охоты и изобретение триграмм (см. Предисловие). Тан — легендарный основатель Шан-Инь (см. примечания к «Ли сао»).

6) Тао Юань-мин

Из цикла «Возвратился к полям и огородам»

Перевод Л. З. Эйдлина. В оригинале — пятисловные 20- и 10-стишия. Всего цикл состоит из пяти стихотворений, написанных в 406 г., после ухода поэта с последнего места службы, и является программным произведением как для мировоззренческих позиций Тао Юань-мина, так и для всего данного тематического направления китайской поэзии («поэзия садов и полей»).

Из цикла «За вином»

Перевод Л. З. Эйдлина. В оригинале — пятисловные десятистишия. Всего цикл состоит из двадцати стихотворений, написанных предположительно в 417 г.

Из цикла «Подражаю древнему»

Перевод Л. З. Эйдлина. В оригинале — пятисловное 16-стишие. Всего цикл состоит из 9 различных по содержанию стихотворений. ...где «луань одинок»... — Луань — разновидность феникса (см. примечания к «Ли сао» и к оде «Там, где ворота длинны» Сыма Сян-жу).

Тело, тень, дух

Перевод Е. Торчинова и Я. Боевой, публикуется по изданию: Петербургское востоковедение... С. 234–236. В оригинале — два пятисловных 16-стишия и пятисловное 20-стишие. В этом произведении подводятся итог размышлениям Тао Юань-мина о жизни и смерти. «Тело» — это позиция той части лючаоских интеллектуалов, которые сомневались в возможности обретения бессмертия и считали винопитие единственным средством спасения от страха кончины. «Тень» — это позиция конфуцианской этики, а «Дух» — представления о смерти, характерные для древней даосской философии, настаивающей, что это естественное явление, должествующее вызывать не страх и скорбь, а радость, ибо физическая кончина дает возможность человеческому существу вновь включиться в поток бесконечных трансформаций (см. также примечания к «Оде о сове» Цзя И).

Три великих и мудрых правителя... — См. примечания к «Ли сао».

Пэн-цзю — легендарный бессмертный, считающийся внуком совершенномудрого государя древности Чжуань Сюя (подробнее см. примечания к «Ли сао»), который якобы дожил до эпохи Шань-Инь и даже стал при ней сановником.

7) Се Лин-юнь

В девятый день девятого месяца в свите сунского государя пирую на Башне резвящихся скакунов. Провожаем Кун Цзиня

Все стихотворения Се Лин-юня даются в переводах Л. Бежина. В оригинале — пятисловное 22-стишие. Это стихотворение было написано Се Лин-юнем в 418 г. (т. е. относится к числу его юношеских произведений), когда он состоял в свите Лю Юя (основателя династии Лю Сун), бывшего еще полководцем цзиньской армии и имевшего титул Сунский князь (Сун гун), во время проведения популярнейшего и официально принятого в эпоху Шести династий календарного праздника — Праздника Двойной девятки (или праздника Чуньян); праздник справлялся в девятый день девятого месяца по лунному календарю с проведением специальной пиршественной церемонии. Лю Юй и его свитские находились в его резиденции — в местности Пэнчэн (северной части современной провинции Цзянсу).

Кун Цзин. — Один из высокопоставленных чиновников из окружения Лю Юя предпочел подать в отставку, когда увидел рост его политического влияния и подготовку к государственному перевороту. Таким образом, стихотворение Се Лин-юня имеет очевидный политический подтекст. Кроме того, посвящая его проводам конкретного лица, Се Лин-юнь нарушает правила создания такого рода (т. е. посвященных официальным мероприятиям) произведений, показывая тем самым свое истинное отношение к Лю Юю.

Приграничный район... — Местность Пэнчэн на самом деле не являлась приграничной и, кроме того, находилась в районе с теплым климатом. Воссозданная поэтом картина окружающей действительности условна и содержит характерные для северной природы детали (ср., например, со стихотворениями Цао Цао).

...государю я предан душой... — Поэт употребляет слово *шэн* — «совершенномудрый государь», поэтому, кому именно он выражает свою преданность — Лю Юю, царствующему монарху, или, так сказать, «идеальному правителю», — остается неясным.

Красный дворец — образное название царского дворца или дворцов знати (см. также примечания к стихотворению Го Пу).

Орхидеевый кубок... — Речь идет о кубке, наполненном вином с тончайшим, словно аромат орхидеи, запахом.

...звучанью *Свирели земной*. — В этой строке обыгрывается образ, употребленный в трактате «Чжуан-цзы» в контексте рассуждений о способности музыки воздействовать на всех земных тварей.

Вечером выхожу из зала Сипэ

В оригинале — пятисловное 16-стишие. Это стихотворение относится к периоду первой ссылки Се Лин-юня, когда он в 422 г. был отправлен на пост губернатора отдаленной юго-восточной области Юнцзя (современная провинция Чжэцзян). Этой ссылке предшествовал разгром фракции покровителя и друга поэта, младшего сына Лю Юя — Лулинского принца И-чжэня, который был в оппозиции старшему брату (сунский Шао-ди, 423) и был казнен им сразу же после его прихода к власти.

Зал Сипэ — дословно «Зал Западной охоты» — название любимого поэтом здания в его губернаторской резиденции.

Поднимаюсь на Одинокий Утес посреди реки

В оригинале — пятисловное 14-стишие. Это тоже стихотворение «юнцзянского» периода, в котором дана картина конкретной местности — реки Оуцзян, протекавшей рядом с областью Юнцзя, и скалистого острова посередине ее течения, который существует и по сей день под названием «Монастырь в сердце реки».

Мне пригрезилась та... — намек на Царицу Запада Сиванму.

...долгожителя Аня завет... — Имеется в виду даосский мудрец Ань-ци, с которым, по легендам, встречался император Цинь-ши-хуан-ди и который исчез вскоре после этой беседы, оставив записку, что его надо искать теперь на островах бессмертных Пэнлай.

Возвращаюсь из Сокровенной обители в местечке Каменные Стены. Пишу посередине озера

В оригинале — пятисловное 16-стишие. Это стихотворение относится к первому «отшельническому» периоду жизни Се Лин-юня, когда он, подав в отставку (конец 422 г.), поселился в родовом имении чэньцзюньских Се, находившемся в местности Гуйцзи (провинция Чжэцзян) — в одном из самых живописных районов Юго-Восточного Китая.

Сокровенная обитель — в данном случае название буддийской часовни, построенной Се Лин-юнем.

Иду по лощине, где рубят бамбук, пересекаю горы и ручей

В оригинале — пятисловное 22-стишие. Тоже написано в Гуйцзи. *Лощина, где рубят бамбук* (точнее, Лощина срубленного бамбука) — название горной лощины в провинции Чжэцзян.

...вижу горного старца следы... — Горный старец — образное название отшельника.

Конопляные стебли... — Конопля считалась растением с особыми целительными свойствами, поэтому в произведениях с даосско-ре-

лигиозными мотивами, а затем и в пейзажной лирике этот образ обычно означает растение бессмертия.

Входим в озеро Пэнли

В оригинале — пятисловное 20-стишие. Это стихотворение было написано в 432 г. во время следования Се Лин-юня к месту последней ссылки — в отдаленную южную область Линь-чуань (провинция Цзянси). Поэт совершил это путешествие по воде, пройдя часть пути по Янцзы, а затем — по притокам Янцзы и через озеро Поянху (провинция Цзянси).

Пэнли — древнее название озера Поянху.

На Зеркальном Утесе... У Сосновых ворот... — Речь идет о горах Сосновые врата, расположенных на восточном берегу озера Поянху (или в 100 км к северу от современного города Наньчана). Зеркальный Утес — название утеса на северном склоне этих гор, который имел настолько гладкую поверхность, что можно было смотреться, как в зеркало.

...в долине Трех рек... в Девяти родниках... — Сочетания «Три реки» и «Девять Родников» понимаются комментаторами либо как образное название всего южного региона, либо как исторические реминисценции — намек на великое прошлое страны (оба сочетания употреблены в конфуцианской канонической книге «Шу-цзин»).

8) Бао Чжао

Из цикла «Подражаю дорожным тяготам»

Все стихотворения Бао Чжао даются в переводах Л. Бежина. В оригинале 12-стишие и восьмистишие, написанные смешанным размером с преобладанием семисловного. Всего этот цикл состоит из 18 стихотворений, считающихся лучшими произведениями Бао Чжао в жанре *юэфу*.

...И меня Источник Желтый... — Желтый источник — Хуанцзянь — см. примечания к стихотворению Кун Жуна.

Из цикла «Подражание древнему»

В оригинале — пятисловное 14-стишие. Всего этот цикл состоит из восьми стихотворений.

Дарю на прощание господину Фу

В оригинале — пятисловное 12-стишие.

Опадают цветы сливы мэ

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Слива мэ — дикая слива, цветы которой (*мэйхуа*) являются календарными цветами, связанными с Новым годом, символизируют приход весны и одновременно служат образом женской красоты

(мэй — омоним слова «красота»). Это одно из лучших стихотворений-аллегорий Бао Чжао с отчетливым лирическим настроением (печаль женщины о меркнувшей красоте и неотвратимости одиночества).

9) «Поэзия в стиле Юнмин»

ШЭНЬ ЮЭ. На тему «Зелена-зелена трава на берегу реки»

Все стихотворения Шэнь Юэ даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по указанному изданию и выполнены по изданию: Цюань Хань Саньго... Т. 2. С. 987—1029. В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Песня о бесконечном

В оригинале — пятисловное 20-стишие. Публикуется впервые. Это вариация на тему ханьской песни «Песня о долгой жизни» (см. перевод и примечания).

По высочайшему повелению написал о пире у петляющей реки, устроенном в палатах Линьгуандянь в честь Празднества Третьего дня третьего месяца

В оригинале — пятисловное 14-стишие. Это типичный для поэзии эпохи Шести династий пример стихотворения-панегирика, посвященного весеннему Празднеству Третьего дня третьего месяца как официальному мероприятию (см. раздел «Антология „Павильон орхидей“»).

Палаты Линьгуандянь — название императорского походного шатра.

...над древней святыней... — Речь идет об окрестностях древней столицы Чанъань.

У русла священного... — См. примечания к стихотворению «Осенний ветер» ханьского У-ди.

Крылатые чары — винные чаши особой формы с двумя боковыми ручками, стилизованными под птичьи крылья.

И в башне бессмертных... — Присутствие даосско-религиозных мотивов является одной из характерных примет стихотворений-панегириков поэтов Юнмин.

Путешествую по горам Цзиньхуашань

Публикуется впервые. В оригинале — пятисловное десятистишие.

Цзиньхуашань (дословно «Горы золотых цветов») — название горной гряды в провинции Чжэцзян, где, по преданию, обитал один из популярнейших бессмертных — Чи Сун-цзы (см. примечания к стихотворению «Туты на меже» Цао Цао).

...искусство бессмертного Цинь... — Имеется в виду легендарный чжоуский мудрец Цинь Гао, который состоял в свите правителя

царства Сун и однажды прилюдно оседлал речного карпа и уплыл на нем, навсегда исчезнув из мира людей.

Но, бессмертному Линь... — Имеется в виду легендарный ханьский мудрец Ян Лин (Ян Гуан, Цзы Лин), который, спасаясь от преследования властей при ханьском императоре Мин-ди (58—75), поселился в горах и жил там в полном уединении, добывая себе пропитание рыбной ловлей.

...колесницу золотую узрел... — По даосско-религиозным представлениям, когда даосский адепт превращался в бессмертного-сяня, за ним с небес спускалась волшебная колесница.

Где красавицы девы... — Речь идет о девах-небожительницах, прислужницах сяней высшего ранга, которые, по даосским верованиям, являлись адепту, превратившемуся в бессмертного.

Воспеваю юную невесту

Публикуется впервые. В оригинале — пятисловное 34-стишие. Это стихотворение — яркий пример «развратной» любовной лирики: оно снискало себе настолько дурную репутацию, что несколько раз изымалось из изданий известной антологии VI в. «Новые напевы Нефритовой башни».

Шаньинь — название древнего уезда (провинция Чжэцзян), где поэт мог реально находиться.

Зеркало лучших сплавов — зеркало, изготовленное из особого сплава, состоящего из 67% меди и 32% олова.

Жемчуг пучины Хэ — жемчуг, добываемый в реке Хэпущань (в современной провинции Гуандун), который считался в Китае лучшим местным жемчугом: рассказывается, что в этой реке находили жемчужины до 3 см в диаметре.

...о древней красавице Чжао... — Имеется в виду возлюбленная ханьского императора Чэн-ди (32—7 гг. до н. э.) — Чжао Фэй-янь, оставила за собой славу непревзойденной красавицы древности (см. раздел «Повествовательная проза»).

...с девой из рода Цинь. — Имеется в виду героиня ханьской поэмы «Туты на меже» — Цинь Ло-фу.

Прощаюсь с Фанем из Анчэна

Публикуется впервые. В оригинале — пятисловное восьмистишие. Это стихотворение считается одним из лучших произведений Шэнь Юэ и одновременно образцом китайской лирики на тему мужской дружбы.

По высочайшему повелению написал о дожде во дворе

Публикуется впервые. В оригинале — пятисловное восьмистишие. Замечательный пример лючаоских стихотворений-аллегорий с философским подтекстом: лирическая миниатюра о дожде как прекрасном мгновении жизни сливается с размышлениями об истинных человеческих ценностях.

Скорблю об умершей жене

В оригинале — пятисловное 12-стишие. Иллюстративный пример стихотворений-плачей по усопшим женам как особой тематической разновидности китайской любовной лирики, которая восходит к творчеству поэтов плеяды Тайкан.

СЕО ТЯО. Странствую по горам Цзинтиншань

Все стихотворения Се Тяо даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по указанному изданию. В оригинале — пятисловное 20-стишие. Стихотворение было написано в 498 г., когда Се Тяо находился на посту губернатора периферийной южной области Сюаньчэн (провинция Аньхуэй), т. е. в очередной ссылке. Этот период оказался настолько плодотворным для него как поэта-пейзажиста, что в последующей филологии за ним утвердилось прозвание Сюаньчэнский Се.

Цзинтиншань — название горной гряды в области Сюаньчэн.

Пью вино вместе с господином Ваном из Цзиньани

В оригинале — пятисловное 12-стишие.

А тот, кто ушел на запад... — намек на основоположника даосской школы — легендарного мудреца-философа Лао-цзы, который, согласно его жизнеописанию, отправился на запад и более не возвращался в Китай.

Ночью еду по дороге, ведущей в столицу

В оригинале — пятисловное 14-стишие.

На закате солнца греемся вместе с чиновником Хэ

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

ВАН ЖУН. Песня о просветленном князе

Все стихотворения Ван Жуна даются в переводах М. Кравцовой, публикуются по указанному изданию и выполнены по изданию: Цюань Хань Саньго... С. 778—795. В оригинале — пятисловное 12-стишие. Это *юэфу* из одноименного цикла, состоящего из семи произведений панегирического характера, близких по содержанию к храмовым песнопениям.

Просветленный князь — устойчивая образная характеристика мудрого и добродетельного правителя.

Тайну звуков постигли... — В первом двустишии стихотворения кратко излагаются основные взгляды на музыкальное искусство (музыку-юэ) как неотъемлемый элемент государственности, сформировавшиеся в рамках еще чжоуской натурфилософии.

«*Сяньчи*» (дословно «Озеро солнц») — название архаического ритуального песнопения, приписываемого Желтому императору.

Пурпурные кони — намек (за счет их цветовой характеристики) на волшебных скакунов, способных свободно передвигаться в небесном пространстве.

Священный журавль — популярный персонаж даосской мифологии, журавль, прошедший через несколько трансформаций и ставший бессмертным (см. также примечания к оде «Там, где ворота длинны» Сыма Сян-жу).

Из цикла «Путешествие к бессмертным»

В оригинале — пятисловное 10-стишие. Этот цикл состоит из пяти стихотворений на даосско-религиозные и даосско-философские (апологизация учения о Дао) темы.

Нефритовое озеро — Яочи — волшебный водоем в горах Куньлунь.

На крыльях трепетных парит вещунья-птица... — В оригинале называется Темная птица — прислужница и вестница Царицы Запада Сиванму.

Из цикла «Песни о Дхарме»

Публикуется впервые. В оригинале — пятисловное восьмистишие. Всего цикл состоит из 12 стихотворений-*юэфу* на буддийско-философские темы.

...пропуская рожденья и смерть. — Речь идет о круговороте новых рождений и смертей (*сансара*).

СЯО ЯНЬ. Из цикла «Песни Полночи»

Все стихотворения Сяо Яня даются в переводах М. Кравцовой и публикуются по указанному изданию. В оригинале — пятисловные четверостишия. Всего цикл состоит из 16 стихотворений, распределенных по четырем временам года.

«*Песни Полночи*» (другой перевод — «Песни на мотив „Полночь“») — название цикла народных песен *юэфу* эпохи Шести династий (подробнее см. далее), автором которой в традиции называется некая женщина по имени Полночь (Цзы-е). Однако многие содержательные элементы этих песен позволяют предположить их происхождение от обрядово-игровой поэзии. Всего сохранилось 117 таких *юэфу*. Сяо Янь был первым поэтом, кто обратился к ним как к источнику подражаний, утвердив их в авторской лирической поэзии. «Песни Полночи» в фольклорном и авторском их вариантах пользовались большой популярностью у танских литераторов и оказали заметное, хотя и опосредованное, воздействие на формирование жанра *цы*.

...видно, устал его конь... — См. примечания к *юэфу* «Господина конь гнедой».

Кормить шелковичных червей... — известный поэтизм, метафора недозволенной любви, любви вне брака.

Семью цветами... девять бутонов... — «7» и «9» — числа, соотносимые в китайских нумерологических построениях с *Ян*, а в составе поэтических образов подразумевают мужскую потенцию, т. е. возлюбленного лирической героини.

10) Юй Синь

Из цикла «Подражание стансам на тему „Воспоминания“»

Все стихотворения Юй Синя приводятся в переводах Ю. Попкова. В оригинале — два пятисловных десятистишия и пятисловное восьмистишие. Всего этот цикл состоит из 27 стихотворений и считается лучшим произведением Юй Синя для его лирики 40-х гг.

Как океан засыпать... — намек на мифологический сюжет о дочери божества-повелителя Юга (Янь-ди) — Нюй-ва, которая утонула в Восточном море и, превратившись в птицу, пыталась засыпать море ветками и камнями, чтобы больше в нем никто не погиб.

Лоулань — название местности и древнего царства в районе Лобнора, бывших при Хань важнейшим торговым центром на восточном отрезке Шелкового пути.

Сулэ — китайское название Кашгара.

Облака нам предскажут... — По китайским натурфилософским и астрологическим представлениям формы облачного покрова служили знамением: если облака «вставляли сплошной стеной», то это было предзнаменованием скорой войны.

С юга весть принесли... — Как и в предыдущих строках, речь идет о событиях прошлого, в данном случае — о боевых действиях 111 г. до н.э.: военачальник и флотоводец Ян Пу для подавления мятежа против ханьской империи, поднятого в южном царстве Наньчан (территория провинции Цзянси), провел эскадру по Янцзы и ее притокам в озеро Поянху (см. примечания к стихотворению «Входим в озеро Пэнли» Се Лин-юня), где и разгорелось главное сражение.

Когда-то был Су У... — Су У (?–60 г. до н.э.) — ханьский сановник-генерал, посланный в 100 г. до н.э. императором У-ди во главе небольшого отряда в земли сюнну (гуннов) с полудипломатической-полуразведывательной миссией. Схваченный в плен и брошенный в темницу, он решительно отказался перейти на службу к вождю сюнну и был сослан далеко на север, в район озера Байкал, где много лет пас овец. При ханьском императоре Чжао-ди (87–74 гг. до н.э.), когда отношения Китая с сюнну временно наладились, новый ханьский посол потребовал освобождения Су У, но ему ответили, что тот умер. И только через несколько лет обман раскрылся и Су У смог наконец-то вернуться на родину, проведя в неволе 19 лет. Для следующих поколений образ Су У стал олицетворением мужества и верности отчизне.

Как пел Сян Юй... — Сян Юй (III в. до н.э.) — военачальник, ставший правителем удельного царства Чу и на какое-то время возглавивший антицинскую коалицию. Но после окончательного разгрома империи Цинь он вступил в борьбу за верховную власть с будущим основателем империи Хань — Лю Баном и в 202 г. до н.э. потерпел от него сокрушительное поражение. По преданию, ночь

перед решающей битвой с войсками Лю Бана он провел в шатре со своей любимой наложницей Юй-цзи, исполнив ей песню, в которой воспевал собственную смелость и силу.

11) Песни-юэфу Южных и Северных династий

Песни местности У — общее название циклов южных юэфу, которые были созданы (или записаны) в столичной провинции, т. е. в районе современного г. Нанкина. Все южные юэфу даются в переводах Б. Б. Вахтина и публикуются по указанному изданию.

Песни на мотив «Полночь» — см. примечания к юэфу «Песни Полночи» Сяо Яня.

На мотив «Песни священных струн»

В этот цикл входят юэфу исходно ритуального характера, которые по происхождению и месту бытования обнаруживают определенные связи с *чускими строфами*.

Дева — дух солнца — местное божество, возможно производное от образа древней солярной богини — Си Хэ.

...Феникс, цилини и птицы. — Цилинь — мифическое благовещее существо — см. примечания к песне «Ши цзина» «О, линь, твои стопы».

Западные песни — юэфу, бытовавшие в пределах региона среднего течения Янцзы.

Песнь о Му-лань

Перевод А. Адалис. В оригинале — текст из 58 строк, написанных смешанным размером с преобладанием пятисловного. По мнению старых китайских комментаторов и исследователей, эта песня посвящена реальному историческому лицу — девушке по имени Му-лань (или Му Лань), которая участвовала в походе против северных народностей, предпринятом в 523 г. государем тобийского царства Северное Вэй (386–534, см. также Предисловие).

Каган — кит. *хэгань* — принятая среди северо-западных народностей титулатура правителя.

Хэйшань — старое название горного массива Шахушань, расположенного на пути к современной Монголии (приблизительно в 50 км от современного города Гуйсуй).

Яньшань — горы на территории современной Монголии.

Колокол-котел — походная посуда китайских воинов, имевшая обычно форму котла с тремя ножками и боковой ручкой, которая в ночное время употреблялась в сторожевой службе.

Он сидел в прекрасном зале... — Минтан (дословно «Светлый зал») — исходное название древнего китайского святилища, в котором исполнялись наиболее важные жертвоприношения (жертвоприношения Небу и Земле, в честь наступления Нового года).

На дощечках написали... — Бамбуковые дощечки, исходно служили материалом для книг, продолжали использоваться в Китае для записей титулов и чинов.

На лбу навела кружок... — В эпоху Шести династий под влиянием индо-буддийских этнографических реалий и иконографии женщины наносили между бровями кружок желтой краской.

IV. Поэзия эпохи Тан

1) Мэн Хао-жань

Весеннее утро

Все стихотворения Мэн Хао-жаня даются в переводах Л. З. Эйдилина. В оригинале — пятисловное четверостишие.

Ночью на реке Цзяньдэ

В оригинале — пятисловное четверостишие.

Река Цзяньдэ. — Речь идет о реке Синьяньцзян, протекающей в местности Цзяньдэ, на территории современной провинции Чжэцзян, где Мэн Хао-жань побывал в столичный период своей жизни.

На прощание с Ван Вэем

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Пишу на стене кельи учителя И

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Учитель И — настоятель буддийского монастыря Даюйсы.

В деревне у друга

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Двойной девятки день — осеннее календарное празднество — Праздник Девятого дня девятого месяца (см. примечания к стихотворению «В девятый день девятого месяца...» Се Лин-юня). В танскую эпоху это празднество уже утратило официальный характер и превратилось в популярнейший среди самых широких слоев населения сезонный праздник.

Летом в южной беседке думаю о Сине Старшем

В оригинале — пятисловное десятистишие.

Синь Старший — прозвище легендарного чжоуского отшельника и музыканта (мастера игры на цине) Бо Я.

...знаток, кому это в радость... — намек на легенду о музыканте Бо Я и его друге и почитателе Чжун-цзы, который покинул родные места (царство Чу), дабы наслаждаться музыкой Бо Я. Когда Чжун-цзы скончался, Бо Я порвал струны своего циня в знак того, что в мире не стало тонкого знатока музыки, способного оценить его искусство.

Ночью возвращаюсь в Лумэнь

В оригинале — семисловное восьмистишие.

Лумэнь — горы Лумэньшань, в которых Мэн Хао-жань провел отшельником большую часть своей жизни (см. основной раздел).

...где жил в тишине Пан Гун. — В тексте называется конкретное место — пойма, тянущаяся вдоль реки Мяньшуй (вблизи от гор Лумэньшань), где, по преданию, обитал ханьский отшельник Пан Дэ-гун.

Осенью поднимаюсь на Ланшань. Посылаю Чжану Пятому

В оригинале — пятисловное 12-стишие.

Ланшань (дословно «Гора орхидей») — образное название гор Шимэньшань в провинции Сычуань, где Мэн Хао-жань побывал во время поездки по южным и юго-западным районам страны, совершенной им в начале 30-х гг. VIII в.

Чжан Пятый — танский чиновник Чжан Цзы-чжун, бывший близким другом поэта: ему посвящено более десяти стихотворений.

На Бэйшане... — Бэйшань (дословно «Северные горы») — в данном случае намек на Чанъань, окруженную горными массивами, где в то время находился Чжан Цзы-чжун.

Нам напиток надо... — Речь идет о Празднике Девятого дня девятого месяца.

2) Ван Вэй

Из цикла «Река Ванчуань»

Все стихотворения Ван Вэя даются в переводах А. Гитовича. Этот цикл (или сборник, другой перевод его названия — «Ванчуаньский сборник») состоит из 20 четверостиший-цзюэцзюй, которые были написаны поэтом во время его пребывания в загородном имении на реке Ванчуань (см. основной раздел).

Мэнчэнский ров — название одного из уголков имения Ван Вэя, на его территории, как отметил поэт в предисловии к сборнику, еще находились Южный и Северный холмы, озеро И с беседкой на берегу, павильон Вэньсин, ручей с белыми камнями и т. д.

О тех, что тут жили когда-то. — Намек на поэта Сун Чжи-вэня (?–712), загородное имение которого находилось в этом месте.

Из цикла «Дом Хуанфу Юэ в Долине облаков»

Цикл состоит из 5 стихотворений-цзюэцзюй.

Хуанфу Юэ — один из друзей поэта.

Долина облаков (Юньси) — название местности.

Из цикла «Радости сельской жизни»

Цикл (более точный перевод названия — «Радости полей и садов») состоит из семи стихотворений-цзюэцзюй и является одним из лучших созданий Ван Вэя в таоцзяневском стиле.

Из цикла «Наложница Бань»

Цикл состоит из трех стихотворений-цзюэцзюй и является одним из лучших любовно-лирических произведений Ван Вэя.

Наложница Бань — Бань-цзюй (см. раздел «Поэзия эпохи Хань»).

Шутя пишу о горной скале

В оригинале пятисловное четверостишие-цзюэцзюй.

Оплакиваю Мэн Хао-жана

В оригинале — пятисловное четверостишие-цзюэцзюй.

...*Старцев из Сяньяна*... — Сяньян — родина Мэн Хао-жана (см. раздел «Мэн Хао-жань»).

...*Изобразит Цайчжоу*? — Цайчжоу — живописный островок на реке Ханьшуй около города Сяньян — центра одноименного уезда.

Наблюдаю охоту

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши.

...*То у Вэйчэна*... — Вэйчэн — название (утвердилось при Хань) столицы чжоуского царства Цинь и местности вокруг нее, расположенных к северу от Чаньани.

...*В лагерь Силу*... — Силу — исходно название укрепленной местности, обустроенной ханьским полководцем Чжоу Я-фу, которое впоследствии превратилось в образное обозначение военного лагеря; при Тан — название пригорода Чаньани.

Проживаю на берегу Ванчуань

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши. Это стихотворение интересно прежде всего оригинальным обыгрыванием белого и зеленого цветов.

...*Я вернулся в Байшэ*... — Байшэ (дословно «Белая обитель») — образное название имения Ван Вэя.

Зеленые ворота — название восточных городских ворот Чаньани.

Я Чэню подобен... — намек на чжоуского Чэнь Чжун-цзы, брата министра царства Ци, столкнувшись с его бесчестностью и несправедливостью, бежал вместе с семьей в царство Чу, но отказался поступить на службу к чускому князю и стал жить простым трудом, нанявшись поливать огороды.

Праздно проживая на берегу Ванчуань, преподношу сюаю Пэй Ди

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши.

Пэй Ди (716—?) — тоже известный танский поэт, бывший в 40—50-е гг. VIII в. одним из ближайших друзей Ван Вэя.

Сюаю — см. примечания к стихотворению Цзи Кана.

Цзе Юй — прозвище чжоуского чиновника Ли Туна, уроженца царства Чу, который, не желая поступать на службу к чускому князю, прикинулся сумасшедшим, за что получил еще среди современ-

ников прозвище Безумец из Чу. Рассказывается, что Цзе Юй не захотел побеседовать даже с Конфуцием, когда тот, приехав в Чу, выразил желание с ним познакомиться.

...*Пять ив*... — намек на Тао Юань-мина (см. раздел «Тао Юань-мин»).

Осенью в горах

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши.

Прохожу мимо храма Собравшихся благовоний

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши.

Храм Собравшихся благовоний — буддийский храм Сяньцзисы, находившийся на юге столичного округа.

Источающий яд дракон — устойчивый буддийский образ, передающий мирские страсти и желания.

3) Ли Бо**Ночной крик ворона**

Все стихотворения Ли Бо даются в переводах А. Гитовича в том порядке, в каком они опубликованы в его полном собрании произведений (Ли Тай-бо цюань цзи. Пекин, 1977. Т. 1—3). В оригинале семисловное шестистишие-юэфу, написанное в подражание южным песням эпохи Шести династий. Датируется 743 г.

Путешествие при северном ветре

В оригинале — 20-стишие, написанное смешанным размером, считается вариацией на тему одноименного юэфу Бао Чжао. Датируется 752 г. и входит в серию произведений Ли Бо, посвященных походам против северных народностей — туфаней и хуайхэ, принятых танскими властями в 713—714 и 742—750 гг.

За воротами Холода... — образ, восходящий к древним мифологическим представлениям, согласно которым на крайнем севере земного пространства обитает дракон Чжунлун, держащий в пасти гигантскую свечу.

Стихи о краткости жизни

В оригинале — пятисловное 14-стишие, написанное в подражание одноименному ханьскому юэфу, название которого — «Дуань гэ син» — понимается и переводится, по аналогии с названием «Чан гэ син» (см. примечания), как «Песня на отрывистую мелодию» или «Песня о том, что кратко».

Десятки тысяч кальп... — Кальпа — санскритский термин, обозначающий в буддийской философии и космологии период существования Вселенной, измеряемый сотнями тысяч лет.

И локоны у феи поседел... — намек на легенды о даосской деве — бессмертной Ма-гу (Конопляная дева), которая жила столь долго,

что видела, как море трижды превращалось в поросшие тутовником равнины, которые опять сменялись морем.

Владыка взор остановил на деве... — намек на мифологический сюжет о верховном мужском божестве — Нефритовом императоре (Юйхуан-шанди), культ которого начал утверждаться в китайских верованиях и непосредственно в даосской традиции при Тан. В этом сюжете рассказывается, что Нефритовый император, увидев как-то прислужницу Царицы Запада Сиванму — Нефритовую деву, громко расхохотался — его смех и есть раскаты грома.

Остановить бы шестерых драконов... — В этой и следующей строке обыгрываются образы из поэмы «Ли сао» (см. примечания).

Небесный Ковш — китайское название созвездия Большая Медведица, а вся эта строка является вариативной цитатой из гимна «Владыке Востока» цикла «Девять песен» свода «Чуские строфы»: «Небесный Ковш поднимаю, вино из корницы черпаю».

Думы тихой ночью

В оригинале — пятисловное четверостишие-юэфу, которое считается в комментаторской традиции вариацией на темы южных песен эпохи Шести династий.

Из цикла «Песни Цзые»

Этот цикл состоит из четырех стихотворений, посвященных временам года, которые представляют подражания народным и авторским юэфу эпохи Шести династий (см. примечания к циклу «Песни Полночи» Сяо Яня). В оригинале — пятисловные шестистишия.

К заставе Яшмовых ворот. — Застава Юймэньгуань, находившаяся в горном проходе на северо-западной границе Китая (провинция Ганьсу).

Линьтао — пограничный пункт на северо-западной границе (провинция Ганьсу), через который пролегал путь в «западные земли» (по маршруту Шелкового пути) и где постоянно находился китайский гарнизон.

Посвящая Мэн Хао-жаню

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши, датируется 739 г.

...Среди сосен он спит... — традиционные поэтические метафоры отшельнического уединения.

Шутя преподношу моему другу Ду Фу

В оригинале — пятисловное четверостишие, датируется 746 г. (см. основной раздел, посвященный Ли Бо).

Провожая Ду Фу на востоке округа Лу у горы Шимэнь

В оригинале — пятисловное восьмистишие, датируется 746 г.

Округ Лу — округ, находившийся на месте расположения чжоуского царства Лу (в центральной части провинции Шаньдун) — родины Конфуция.

Гора Шимэнь — горы в северо-восточной части уезда Цюйфу, считающегося местом рождения Конфуция.

С кубком в руке вопрошаю луну

В оригинале — семисловное 16-стишие.

Белый заяц на ней лекарство толчет... — По древнекитайским мифологическим представлениям, на луне обитает волшебный заяц, якобы толкущий в ступке порошок бессмертия.

И Чан Э в одиночестве там живет... — Чан Э — героиня популярнейшего в Китае мифологического сюжета о божественном Стрелке (И), застрелившем из лука девять солнц из десяти, когда все они вышли на небо, вызвав страшную засуху. Лишенная вместе с супругом (в наказание за убийство солнц) статуса небожительницы и бессмертия, Чан Э, согласно этому сюжету, уговорила Стрелку добыть эликсир бессмертия. Но когда он исполнил ее просьбу, она похитила эликсир и тайно выпила его одна, за что была обречена на вечно одинокую жизнь на луне.

Смотрю на водопад в горах Лушань

В оригинале — семисловное четверостишие, датируется 726 г.

Лушань — горы на юго-востоке Китая (провинция Цзянсу), где еще в IV в. возникла монашеская буддийская обитель, ставшая одним из главных центров буддийской духовности.

В горах Лушань смотрю на юго-восток, на пик Пяти Стариков

В оригинале — пятисловное четверостишие.

Горы Лушань — см. примечания к предыдущему стихотворению.

Пик Пяти Стариков — название пика, находящегося к юго-востоку от главной вершины Лушань.

Осенью поднимаюсь на северную башню Се Тяо в Сюаньчэне

В оригинале — пятисловное восьмистишие, датируется 753 г.

Северная башня Се Тяо — см. раздел «Поэзия в стиле Юнмин» и примечания к стихотворениям Се Тяо.

Су У

В оригинале — пятисловное 12-стишие.

Су У — см. примечания к циклу Юй Синя.

Из цикла «Под луной одиноко пью»

Цикл состоит из четырех стихотворений, датированных 744 г. В оригинале — пятисловные 14-стишия.

Созвездье Винных Звезд — три звезды в правом углу Большой Медведицы, которые выделяются в китайской астрономии в самостоятельное созвездие, называемое Дух Вина (Цзюци).

Источник Винный — название источника в уезде Цзюцян (Винный источник) в провинции Ганьсу, вода в котором некогда имела, по свидетельству древних книг, вкус вина.

Провожу ночь с другом

В оригинале — пятисловное шестистишие.

С отшельником пью в горах

В оригинале — семисловное восьмистишие.

Одинок сию в горах Цзинтиншань

В оригинале — пятисловное четверостишие, датируется 759 г.

Горы Цзинтиншань — см. примечания к стихотворению «Путешествую по горам Цзинтиншань» Се Тяо.

Зимним днем возвращаюсь к своему старому жилищу

В оригинале — пятисловное 20-стишие.

4) Ду Фу

Взираю на священную вершину

Все стихотворения Ду Фу даются в переводах А. Гитовича. В оригинале — пятисловное восьмистишие. Это стихотворение было написано во время путешествий поэта 737–740 гг. (см. основной раздел) и посвящено горам Тайшань — одному из пяти «священных пиков» Китая (подробнее см. примечания к ханьскому *юэфу* «Песня о долгой жизни»), расположенному на территории провинции Шаньдун.

Великая горная цепь... — Тайшань представляет собой огромный горный массив, занимающий общую площадь в 426 кв. км, состоит из нескольких горных цепей, высшая точка которых находится на 1545 м над уровнем моря.

От Ци и до Лу — т. е. от и до местностей, где при Чжоу находились царства Ци и Лу.

Но я на вершину взойду... — вариативная цитата из стихотворения «Кровать и угорь» Цао Чжи (см. перевод), подтверждает общность настроений и надежд молодых Ду Фу и Цао Чжи.

Весенним днем вспоминаю Ли Бо

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Ты на Юге... — Ли Бо в это время предположительно находился в местности Гуйцзи (провинция Чжэцзян).

Песнь о боевых колесницах

В оригинале — текст из 32 строк, написанных смешанным размером с использованием трех-, пяти-, семи- и десятисловных строк. Стихотворение посвящено походу, предпринятому по приказу императора Сюань-цзуна в 751 г. против южных народностей, вследствие которого были существенно подорваны экономические и по-

литические позиции правящего режима и косвенно спровоцирован мятеж Ань Лу-шаня.

Что не видно Сяньянского моста. — Приводится название моста через реку Вэйшуй, протекающую в окрестностях Чаньани.

...На Севере реку... — т. е. Хуанхэ.

Вдоль нагих берегов Кукунора. — Кукунор — озеро в северной части Тибето-Цинхайского нагорья (приблизительно на границе между провинцией Ганьсу и собственно Тибетом), находящееся на высоте 3200 м над уровнем моря, представляет собой реликтовый водоем с соленой водой, что еще больше усложняло ведение там боевых действий (во время походов против северо-западных народностей) и приводило к массовой гибели китайских воинов.

Лунная ночь

В оригинале — пятисловное восьмистишие. Стихотворение было написано летом 756 г., когда Ду Фу пришлось вернуться в Чаньань, оставив семью в городе Фучжоу — маленьком провинциальном городе к северу от столицы, где они нашли приют после бегства из Чаньани.

Оплакиваю поражение при Чэньтао

В оригинале — семисловное восьмистишие. Стихотворение посвящено сражению у озера Чэньтао (провинция Шэньси), состоявшемуся зимой (21-е число 10-го месяца по лунному календарю) 756 г., в котором правительственные войска потерпели сокрушительное поражение от армии Ань Лу-шаня.

И варвары... — так Ду Фу называет войско Ань Лу-шаня, в котором действительно служило немало наемников — представителей не китайских народностей, обитавших в северных и северо-западных периферийных (или соседних с ними) районах Китая.

...На север оборачиваясь... — Речь идет о ставке императора Су-цзуна, которая во время этого сражения находилась в местности Линъю — на юго-востоке современной провинции Ганьсу, т. е. к северо-западу от Чаньани.

Деревня Цянцунь

В оригинале — пятисловное 12-стишие. Это стихотворение входит в одноименный цикл из трех текстов, рассказывающих о возвращении Ду Фу в деревню Цянцунь, в окрестностях города Фучжоу (см. примечания к стихотворению «Лунная ночь»), где в то время находилась его семья.

Чиновники в Синьани

В оригинале — пятисловное 28-стишие. Стихотворение написано зимой 759 г., когда армии императора Су-цзуна удалось освободить от войск Ань Лу-шаня Чаньань и Лоян, но сторонники мятежного генерала продолжали оказывать сопротивление, чем и была вызвана необходимость нового поспешного рекрутского набора.

Синьань — название местности и города к югу от Лояна (в северо-западной части провинции Хэнань).

...*Взять укрепления Ечэна*... — Ечэн — город в северо-восточной части провинции Хэнань, где в момент написания этого стихотворения находилась ставка сына Ань Лу-шаня, продолжавшего сопротивляться правительственным войскам.

Гао Цзы-и — главнокомандующий правительственной армией, обладавший, судя по всему, как незаурядными полководческими способностями, так и моральными достоинствами. Именно он спас от смерти Ли Бо, лично добившись замены смертного приговора ссылкой (см. раздел «Ли Бо»).

Жаль

В оригинале — пятисловное восьмистишие. Это стихотворение принадлежит к серии произведений, созданных Ду Фу во время его проживания в Чэнду (см. раздел о поэте), и передает настроения поэта, человека мужественного, много испытавшего на своем веку.

Весенней ночью радуюсь дождю

В оригинале — пятисловное восьмистишие. Это стихотворение было создано весной 763 г., т.е. незадолго до бегства Ду Фу из Сычуани (см. раздел о поэте).

Поднявшись на высоту

В оригинале — семисловное восьмистишие.

...*Просторы Великой реки* — т.е. Хуанхэ.

Прибыл гость

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Слезы русалок. — По китайским верованиям, жемчуг представляет окаменевшие слезы фантастических существ — рыболюдей, которые якобы обитают в водных просторах, находящихся за Южным морем.

5) Гао Ши

Яньский напев

Перевод Л. Н. Меньшикова, публикуется по изданию: Антология китайской поэзии... В оригинале — семисловное 28-стишие. Это стихотворение считается одним из лучших образцов гражданской лирики Гао Ши, оно выражает отношение танской служилой интеллигенции к походам, проводимым при Суань-цзуне, хотя внешне оно посвящено событиям ханьской эпохи.

В 26-й год Кайюань... — Кайюань — девиз правления 713–741 гг. императора Сюань-цзуна, т.е. в предисловии к стихотворению называется 738 г.

Императорский цензор гун Чжан — известный танский сановник и полководец Чжан Шоу-гуй (?–739), носивший в то время арис-

тократический титул *гун* («герцог», первая степень знатности), возглавлял не очень удачный поход 735 г.

Юйгуань — застава и укрепленный пункт, входящие в фортификационную систему Великой стены (расположены вблизи от залива Бохай).

Цзеши — горы на побережье залива Бохай (см. примечания к циклу «Пройду через Восточные, Западные ворота» Цао Цао).

Письмо полковника с пером — срочное военное донесение.

Шаньюй — официальный титул верховного правителя сюнну (гуннов).

Ханьхай — название восточной части пустыни Шамо.

На юг от города. — Имеется в виду Чанъань, бывшая столицей Ранней Хань и находившаяся на юге по отношению к державе гуннов.

...*На север Ци*... — Ци — древнее название лево- и правобережных районов среднего течения Хуанхэ (современная провинция Хэбэй и северная часть Хэнаня).

И слышится холодный звук... — См. примечание к юэфу «Песнь о Му-лань».

Полководец Ли — ханьский генерал Ли Гуан (170–141 гг. до н.э.), который в свое время возглавил один из походов против сюнну и потерпел от них поражение.

Провожая Дуна Старшего

Перевод Л. З. Эйлина, публикуется по изданию: Китайская классическая поэзия... В оригинале — семисловное четверостишие.

6) Ханьшань-цзы

Все стихотворения Ханьшань-цзы даются в переводах Л. Бежина. В оригинале — пятисловные восьмистишия.

7) Хань Юй

Горы и камни

Оба стихотворения Хань Юя даются в переводах В. Рогова, публикуются по указанному изданию. В оригинале — семисловное 20-стишие. Стихотворение было написано осенью 801 г., когда Хань Юй некоторое время жил в Лояне, и посвящено буддийскому монастырю Хуэйлинсы, расположенному к северу от Лояна. Ср. с переводом Д. Голубкова в: Антология... Т. 2. С. 216–218.

...*на стенах буддийские росписи есть*. — Имеются в виду стенописные картины на буддийские сюжеты, которыми было принято украшать интерьеры храмов.

В пятнадцатый день восьмой луны дарю Чжан Гунцао

В оригинале — семисловное 29-стишие.

Чжан Гунцао — друг Хань Юя Чжан Шу, занимавший в то время пост *гунцао*. Стихотворение было написано в 806 г., когда Хань Юй находился в своей первой ссылке — в местности Яншань (см. основной раздел). Чжан Шу в это время служил в области Чэньчжоу (провинция Хунань), т. е. в относительной близости от Яншань.

С небесами высота... — Цзюю — горы вблизи от озера Дунтин (провинция Хунань, подробнее см. примечания к циклу «Девять песен» свода «Чуские строфы»).

Ямынь — общее название местных административных учреждений, включая судебные органы, нередко переводится как «управа».

Новый государь у нас теперь... — Речь идет о восшествии на трон императора Сянь-цзуна (см. основной раздел).

...Гао будет вознесен... — Имеется в виду легендарный судья-советник Шуня — Гао-яо (см. примечания к стихотворению «Миную заставы в горах» Цао Цао). Друг поэта хочет сказать, что теперь справедливость должна восторжествовать и по амнистии, объявленной новым государем (как это было принято, когда приходил к власти очередной монарх), должны быть прощены все, кто подвергся, как и он, несправедливому наказанию.

...к варварам забраться в Цзинь. — Цзинь — название местности в северной части провинции Хунань.

По Небесному пути — в данном случае — метафора служебной карьеры.

8) Лю Цзун-юань

Рыбак

Перевод М. Басманова. В оригинале — семисловное шестистишие. Стихотворение было написано Лю Цзун-юанем во время его пребывания в области Юнчжоу (см. основной раздел).

Сян — река Сянцзян в провинции Хунань (см. примечания к циклу «Девять песен» свода «Чуские строфы»).

Подбросит веток... — Сянфэйчжу — разновидность бамбука с корой, покрытой крапинками, которые, по легенде, образовались от слез жен государя Шуня, оплакивавших его (см. примечания к гимну «Владыке реки Сян» свода «Чуские строфы»), чем и объясняется ее название — дословно «бамбук госпожи реки Сян».

В городе Лючжоу поднимаюсь на башню городской стены и посылаю привет друзьям в области Чжан, Фэн и Лян

Перевод М. Басманова. В оригинале — семисловное восьмистишие. Стихотворение было написано в 815 г., когда новые назначения одновременно с Лю Цзун-юанем получили четверо его друзей, в свое время сосланных, как и он, при императоре Сянь-цзуне, — в области Чжанчжоу (провинция Фуцзянь), Фэнчжоу и Лянчжоу (провинция Гуандун).

Лючжоу — центр одноименной области, куда поэт был назначен в 815 г. (см. основной раздел).

Снег над Цзяном

Перевод А. Гитовича. В оригинале — пятисловное четверостишие.

Цзян (Река) — сокращенное название Янцзы (в оригинале Чанцзян, Длинная река).

9) Бо Цзюй-и

Все стихотворения Бо Цзюй-и, кроме *цы* «Цветок не цветок...», даются в переводах Л. З. Эйдлина и располагаются в том порядке, в каком они опубликованы в полном собрании сочинений поэта (Бо Сяншань цзи (Собрание сочинений Бо с горы Сяншань). Пекин, 1954. Т. 1–3).

Я смотрю, как убирают пшеницу

В оригинале — пятисловное 26-стишие.

Спрашиваю у друга

В оригинале — пятисловное 12-стишие.

Я сшил себе теплый халат

В оригинале — пятисловное 16-стишие.

Холст из Гуэй... — Гуэй — местность в современной провинции Гуанси, где при Тан выделялись лучшие хлопчатобумажные ткани.

Вата из У... — Речь идет о шелковой вате, получаемой из неразмотавшейся части кокона. При Тан лучшие сорта такой ваты производились в мастерских уезда У — окрестности современного города Сучжоу, провинция Цзянсу.

Из цикла «Циньские напевы»

Всего цикл состоит из 10 стихотворений, имеющих собственные названия. В оригинале — пятисловное 20-стишие.

Из цикла «Новые народные песни»

Всего цикл состоит из 50 стихотворений, написанных в 809 г., каждое из которых имеет собственное название и подзаголовок. В оригинале — текст из 23 строк, написанных смешанным размером с использованием трех-, пяти-, семи- и девятисловного.

Дулин — местность в юго-восточном предместье Чанъяни, где располагались погребения ханьских императоров, т. е. в стихотворении раскрывается тяжелое положение крестьян в столичной области, что намного усиливает остроту его социального звучания.

Цветок не цветок...

Перевод М. Басманова, публикуется по указанному изданию. Это стихотворение в жанре *цы*, являющееся иллюстративным примером ранних (танских) *цы*. В оригинале — шестистишие, состоящее из четырех трехсловных и двух семисловных строк.

В полночь пришла... — Все это стихотворение образностью переключается с поэмами Сун Ю и с авторскими *юэфу* представителей «Поэзии в стиле Юнмин».

Весна в Чанъани

В оригинале — семисловное четверостишие.

Цинские ворота — Цинмэнь, дословно «Зеленые ворота» — восточные ворота в городской стене Чанъани.

Ночью в лодке

В оригинале — пятисловное четверостишие.

Персиковые цветы в храме Далинь

В оригинале — семисловное четверостишие.

Читая Лао-цзы

В оригинале — семисловное четверостишие.

Кто говорит... — Поэт цитирует первую строку § 56 «Дао дэ цзина»: «Знающий не говорит, говорящий не знает».

10) Юань Чжэнь

Из цикла «Три стихотворения на смерть жены» («Элегия на смерть жены»)

Все стихотворения Юань Чжэня даются в переводах А. Гитовича. В оригинале — семисловное восьмистишие-*люйши*. Хотя это стихотворение и весь цикл посвящены реальному событию жизни поэта, они явно выдержаны в традиции «плачей» лючаоских литераторов.

Цянь Лоу — чжоуский ученый, живший в царстве Ци и отказавшийся поступить на службу к сменявшим друг друга правителям этого царства, так как не считал их «достойными государями». Его имя стало нарицательным для обозначения «благородного ученого».

Услышал о том, что мой друг Бо Цзюй-и приговорен к ссылке в Цзюцзян

В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*. Стихотворение было написано осенью 815 г., когда Юань Чжэнь находился на юго-западе (в провинции Сычуань), а Бо Цзюй-и был отправлен на юг — в область Цзянчжоу (см. раздел «Бо Цзюй-и»).

Цзюцзян — дословно Девятиречье — название местности и города в северной части Цзянчжоу (и современной провинции Цзянси).

Забывший дворец

В оригинале — пятисловное четверостишие-*цзюэцзюй*. Стихотворение посвящено одному из так называемых походных дворцов Сюань-цзуна, предназначенных для остановки императора и его свиты во время поездок по стране.

11) Ду Му

Подплываю к набережной Циньхуай

Все стихотворения Ду Му, кроме четверостишия «Прогулка в горы», даются в переводах А. Сергеева. В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*.

Циньхуай — река Циньхуайхэ, приток Янцзы, протекающая по территории г. Нанкина, на набережной которой находился квартал увеселительных заведений. Настоячивое обращение Ду Му к мотивам, связанным с увеселительными заведениями, проистекает из его жизненных реалий: известно, что он вел разгульный образ жизни, охотно проводя время в обществе гетер.

Прогулка в горы

Перевод А. Гитовича. В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*. Ср. с переводом А. Сергеева под названием «Вечер в горах».

Осенний вечер

В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*.

...на огни домов Ткачихи и Пастуха. — См. примечания к циклу «Песни Янггэ» Цао Пи.

Из цикла «Думаю о прежних путешествиях»

В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*. Всего этот цикл состоит из трех четверостиший.

На храме к западу от Реки... — Речь идет о буддийском монастыре, находившемся в восточной части современной провинции Аньхуэй (т. е. к западу от Янцзы), который несколько раз посещал Ли Бо и посвятил ему серию стихотворений.

Сожаление

В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*.

Танцовщица чуская — метафора искусной танцовщицы, восходящая к легендам о ханьской красавице, императорской фаворитке Чжао Фэй-янь (см. примечание к стихотворению «Воспеваю юную невесту» Шэнь Юэ и перевод древней повести «Неофициальное жизнеописание Чжао — Летящей ласточки»).

В Янчжоу впервые... — Янчжоу — название области и города на территории современной провинции Цзянсу, славящихся своей роскошью.

Даже в Синих домах... — образное название увеселительных заведений.

Сад Цзиньгу

В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*.

Цзиньгу — дословно «Золотое ущелье» — название паркового ансамбля, разбитого в северо-западном пригороде г. Лояна еще во

второй половине III в., когда этот город был столицей Восточной Цзинь.

Весна в Цзяннани

В оригинале — семисловное четверостишие-цзюэцзюй.

Цзяннань — дословно «К югу от Реки» — общее название районов среднего и нижнего течения Янцзы.

Винные флаги — вывески в виде флагов, которые обычно вывешивались перед входом в винные лавки.

Четыреста восемьдесят вокруг... — По свидетельству историографических сочинений, только в столице южнокитайских династий эпохи Шести династий (г. Нанкин) и ее ближайших окрестностях к первой половине VI в. насчитывалось более 500 буддийских храмов, монастырей и кумирен.

12) Ли Шан-инь

Цзя И

Перевод А. Гитовича, публикуется по изданию: Антология китайской поэзии... В оригинале — семисловное четверостишие.

Цзя И — знаменитый ханьский поэт-одописец — см. раздел «Цзя И».

Без названия

Перевод А. Сергеева, публикуется по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... В оригинале — семисловное восьмистишие.

Пэнлай — острова — обитель бессмертных в Восточном море (см. примечания к циклу «Путешествие к бессмертным» Го Пу).

Темная птица — прислужница и вестница Царицы Запада Си-ванму (см. также примечания к циклу «Путешествие к бессмертным» Ван Жуна).

Суйский дворец

Перевод В. Рогова, публикуется по изданию: Антология китайской поэзии... В оригинале — семисловное восьмистишие. Стихотворение посвящено событиям конца династии Суй (589–618) — предшественницы Тан. Ян-ди — официальный посмертный титул второго и последнего императора Суй — Ян Гуана (годы правления 605–617), который пришел к власти, убив отца, основателя этой династии, считается одной из самых одиозных личностей в истории Китая, отличаясь крайней жестокостью и пристрастием к роскоши. Самым масштабным деянием Ян-ди является прорыв Императорского канала (о нем и идет речь в первой строке стихотворения — «пурпурная вода канала»), связавшего Лоян, где находилась столица Суй, и г. Учэн — вблизи современного города Янчжоу (провинция Цзянсу), куда он намеревался перенести столицу.

Тан Тай-цзю — официальный титул второго танского императора — Ли Ши-миня (годы правления 626–649), который тоже при-

шел к власти, низложив отца (танский Гао-цзю, 618–626) и расправившись с родными братьями.

Нефритовая печать — одна из императорских регалий.

Чэнь Хоу-чжу — государь царства Чэнь (583–589) — последнего лючаоского царства, которое было покорено кланом Ян в ходе объединения Китая и воссоздания централизованной империи. Неудача правления Чэнь Хоу-чжу в китайской историографии объясняется его пристрастием к придворным развлечениям и приверженностью, в ущерб государственным делам, к поэтическому творчеству. В частности, ему приписывается знаменитая песня «Цветы на внутреннем дворе», упоминаемая в последней строке стихотворения. Существует легенда, что однажды Чэнь Хоу-чжу приснился Ян Гуану в окружении придворных певиц и танцовщиц, которые исполняли эту песню.

Опавшие цветы

Перевод А. Сергеева, публикуется по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... В оригинале — семисловное восьмистишие.

13) Вэнь Тин-юнь

Храм Су У

Все стихотворения Вэнь Тин-юня даются в переводах М. Басманова. В оригинале — семисловное восьмистишие-люйши.

Су У — ханьский сановник, много лет проведенный в плену у сюнну, — подробно см. примечания к циклу Юй Синя.

Цзянчанская башня — образное название чертогов, выстроенных ханским У-ди для встречи с небожителями и богато украшенных самыми ценными ювелирными материалами (нефритом, жемчугами, лазуритом и т. д.). В данном случае — метафора правления У-ди.

Маолин — название погребения ханьского У-ди.

Осенних волн... — видимо, намек на «Песню об осеннем ветре» У-ди и тоже метафора его правления.

Утро в горах Шаншань

В оригинале — пятисловное восьмистишие-люйши.

Шаншань — горы (другое название — Чушань) в юго-восточной части провинции Шэньси (т. е. к юго-востоку от Чанъани), которые еще в ханскую эпоху служили местом обитания отшельников.

Дулин — см. примечания к стихотворению «Дулинский крестьянин» Бо Цзюй-и.

На мелодию «Гэнлоуцзы»

В оригинале — текст из 12 строк со следующим ритмическим строением: 3–3–6//3–3–5//3–3–6//3–3–5.

V. Поэзия X–XIII вв.

1) Ли Юй

На мелодию «Лантаоша»

Все стихотворения Ли Юя даются в переводах М. Басманова и публикуются по изданию: Цветет мэйхуа... В оригинале — текст из 10 строк со следующим ритмическим строением: 5–4–7//7–4//5–4–7//7–4.

В час пятой стражи... — В старом Китае сутки подразделялись на 12 часовых периодов, которые отбивались в городах представителями специальной службы, одновременно следившими и за порядком на улицах, поэтому каждый часовой период обозначается как «стража». Пятая стража («час тигра») — время с 3 до 5 часов ночи.

На мелодию «Уети»

В оригинале — текст из 7 строк со следующим ритмическим строением: 6–3–9//3–3–3–9.

Утунь — южные широколиственные деревья из семейства платановых.

На мелодию «Лантаоша»

В оригинале текст из 10 строк со следующим ритмическим строением: 5–5–7//7–4//5–4–7//7–4.

...зачем ты Циньхуаю! — В стихотворении упоминается приток Янцзы (см. примечания к стихотворению «Подплываю к набережной Циньхуай» Ду Му), вдоль которого располагались кварталы знати в столице Южного Тан — г. Цзиньлинь (на территории современного города Нанкина).

На мелодию «Почжэнцзы»

В оригинале — текст из десяти строк со следующим ритмическим строением: 6–6–7//7–5//6–6–7//7–5.

Страна моя... — Речь идет о царстве Южное Тан, которое просуществовало даже меньше 40 лет.

...Нефритовые заросли садов. — Поэт перечисляет садовые ансамбли и постройки, входившие в дворцовый комплекс.

Да разве можно было... — Поэт говорит о периоде правления его отца, когда Южное Тан находилось в состоянии относительной стабильности и процветания и ничто не предвещало скорой войны.

Как Шэнь и Пань... — намек на строки из письма Шэнь Юэ (см. раздел «Поэзия в стиле Юнмин») к другу: «Я состарился, часто болею и хую с каждым днем»; и стихотворения Пань Юэ (247–300, представитель Поэзии в стиле Тайкан, см. раздел): «На моих висках уже зацвела седина» (пер. М. Басманова).

Страшной всего... — Ли Юй сдался в плен после длительной осады столицы, когда в ней уже начался голод.

2) Лю Юн

На мелодию «Юйлиньлин»

Оба стихотворения Лю Юна даются в переводах М. Басманова и публикуются по изданию: Цветет мэйхуа... В оригинале — текст из 20 строк со следующим ритмическим строением (разбивка по строфам в различных изданиях предлагается по-разному): 4–4–4–6–3–4–6–5–7–6–7–3–5–6–3–4–4–8–8–5.

...в край чуский... — т. е. на юг.

На мелодию «Башэн-Ганьчжоу»

В оригинале текст из 18 строк со следующим ритмическим строением: 8–5–5–4–4–6–5–5–4–6–5–4–5–5–7–8–7–4.

3) Оуян Сю

Из цикла «Строфы об озере Сиху»

Это и следующие *цы* Оуян Сю даются в переводах М. Басманова и публикуются по изданию: Цветет мэйхуа... В оригинале — текст из 8 строк со следующим ритмическим строением: 7–4–4–7//7–4–4–7. Всего цикл состоит из 10 стихотворений-*цы*, написанных на берегу озера Сиху (см. основной раздел).

На мелодию «Шэнчанцзы»

В оригинале — пятисловное восьмистишие.

Праздник фонарей — календарный праздник (другое название — Празднество Первой ночи — Юаньсяо), представляющий собой заключительный этап традиционных новогодних праздников: Справлялся в день первого полнолуния в новом году (15-й день первого месяца по лунному календарю) и сопровождался массовыми гуляньями, разнообразными увеселениями и зрелищами наподобие карнавала и вывешиванием многочисленных фонарей (рудимент архаического праздника огня).

Чжан Шэнь

Это и следующее стихотворения-*ши* Оуян Сю даются в переводах Г. Ярославцева и публикуются по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... В оригинале — семисловное восьмистишие.

Два благородных дерева возле дома

В оригинале — семисловное 14-стишие.

Сквозь сон...

В оригинале — семисловное четверостишие.

Из цикла «Пятнадцать стихотворений на разные темы, созданных во время путешествия в Лунмэнь»

В оригинале — пятисловные шестистишия.

Лунмэнь — изначально название (Драконовы врата) порогов на р. Лохэ, приблизительно в 8,5 км к юго-западу от г. Лояна (провинция Хэнань), вдоль которых расположены несколько буддийских монастырей и знаменитый буддийский скальный храм (Лунмэнь), высеченный в отвесном берегу.

4) Ван Ань-ши

Песнь о Мин-фэй

Это и следующие стихотворения Ван Ань-ши даются в переводах А. Сергеева и публикуются по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... В оригинале — текст из 12 строк, десять первых — семисловные, две последние — трех- и семисловная. Это стихотворение посвящено знаменитой ханьской красавице — Ван Чжао-цзюнь (дворцовое имя — Мин-фэй) — наложнице ханьского императора Юань-ди (48–33 гг. до н. э.), отданной им в жены вождю сюнну. Согласно преданию, Юань-ди выбирал наложниц для личного знакомства по их портретам, выполненным придворным художником Мао Янь-шоу, с которым девушки обычно щедро расплачивались. Но Ван Чжао-цзюнь отказалась ему заплатить, в отместку он изобразил ее дурнушкой. Юань-ди увидел воочию Ван Чжао-цзюнь только в день ее отъезда из столицы, вспыхнула взаимная страсть, но было уже поздно: император не мог нарушить соглашение с сюнну, а Ван Чжао-цзюнь, едва миновав границу империи, бросилась в реку. История Ван Чжао-цзюнь послужила сюжетом для многих литературных, в том числе драматических, произведений (см. драму «Осень в Ханьском дворце»).

Мэйхуа

В оригинале — пятисловное четверостишие.

На реке

Перевод Г. Ярославцева, публикуется по изданию: Антология китайской поэзии... В оригинале — пятисловное четверостишие.

5) Су Ши

На мелодию «Шаонянью»

Все *цы* Су Ши даются в переводах М. Басманова, публикуются по изданию: Цветет мэйхуа... В оригинале — текст из 6 пятисловных и 4 шестисловных строк. Это *цы* было создано в период пребывания Су Ши в г. Ханчжоу (провинция Чжэцзян).

Стены Юйхана. — Юйхань — название центральных (из трех) ворот в северной части городской стены Ханчжоу в его сунской планировке.

Чан Э — см. примечания к стихотворению «С кубком в руке вопрошаю луну» Ли Бо.

Пишу о том, что видел во сне в двадцатую ночь месяца чжэн года имао

В оригинале — текст из 16 строк со следующим ритмическим строением: 7–3–3–4–5//7–3–3//7–3–3–4–4–5//7–3–3.

«*Пишу о том...*» — снабжение *цы* самостоятельным, как у стихов-*ши*, названием является одной из формальных примет превращения этих *песен* в творчестве Су Ши в сугубо литературный жанр.

Месяц чжэн — первый месяц нового года по лунному календарю.

Год имао — год под циклическими знаками «и» и «мао», т. е. 1075 г.

...*до могилы покинутой...* — Жена Су Ши была похоронена на его родине — в провинции Сычуань, тогда как сам поэт в это время находился на юго-востоке.

Ночью возвращаюсь в Линьгао

В оригинале — текст из 10 строк со следующим ритмическим строением: 7–6–7//5–5//7–6–7//5–5. Это *цы* было создано зимой 1082 г., когда Су Ши находился в своем имении Дунпо (см. основной раздел).

Линьгао — название правобережной части Янцзы, где она протекает по провинции Хубэй, в которой и находилось имение Су Ши.

В третью стражу — время с 23 ч до 1 ч ночи (подробнее см. примечания к *цы* «На мелодию „Лантаоша“» Ли Юя).

Янцзыцзян — Янцзы.

Ночью на горе Девяти Святых

Все стихотворения-*ши* Су Ши, кроме «Цветов персика», даются в переводах И. Голубева, публикуются по изданию: *Су Дун-по*. Стихи... В оригинале — семисловное восьмистишие-*люйши*.

Гора Девяти святых — гора в центральной части современной провинции Хубэй, где располагался главный центр даосской школы «Девять святых» (Цзю сянь — исходно девять рангов бессмертных-*сяней*), основанной еще при династии Цзинь эпохи Шести династий, одним из руководителей которой был некий Ван Се.

Проезжаю храм Золотой горы

В оригинале — семисловное 22-стишие.

Храм Золотой горы — Цзиньшаньсы — буддийский монастырь, расположенный на скалистом острове посередине Янцзы в окрестностях современного города Чжэцзян (провинция Цзянсу), где Су Ши побывал зимой 1071 г.

Чжан — мера длины, равная 3,3 м.

Надпись на стене храма Западного леса

В оригинале — семисловное четверостишие-*цзюэцзюй*.

Храм Западного леса — Силиньсы — буддийский монастырь, находившийся в горах Лушань (провинция Цзянсу — см. примечания

к стихотворению «Смотрю на водопад в горах Лушань» Ли Бо), где Су Ши побывал в 1084 г. Это стихотворение интересно тем, что в нем кратко в образной форме излагаются эстетические взгляды Су Ши на истинную сущность явлений и предметов окружающей действительности, а также на особенности их восприятия художником.

Тени

В оригинале — семисловное четверостишие-цзюэцзюй.

Лишь добрался до этого края...

В оригинале — семисловное четверостишие-цзюэцзюй.

Цветы персика

Перевод А. Гитовича, публикуется по указанному изданию. В оригинале — семисловное четверостишие-цзюэцзюй.

6) Хуан Тин-цзянь

На мелодию «Цинпинъюэ»

Перевод М. Басманова, публикуется по указанному изданию. В оригинале — текст из 8 строк со следующим ритмическим строением: 4-5-7-6//6-6-6-6.

Поднявшись в беседку Куайгэ

Это и следующее стихотворения-ши Хуан Тин-цзяня даются в переводах А. Сергеева, публикуются по указанному изданию. В оригинале — семисловное восьмистишие. Стихотворение было создано в 1082 г., когда Хуан Тин-цзянь находился по служебным делам в уезде Тайхэсянь области Цзячжоу — в центральной части провинции Цзянси, к юго-западу от знаменитого озера Поянху (см., например, примечания к стихотворению «Входим в озеро Пэнли» Се Лин-юня).

Беседка Куайгэ — место, с которого открывался вид на главную достопримечательность названного уезда — горы Цинъюаньшань.

Во всей спокойно текущей Чэн... — Имеется в виду река Чэнцзян, берущая начало в Поянху.

...славный Бо Я... — См. примечания к стихотворению Мэн Хао-жана «Летом в южной беседке думаю о Сине Старшем».

Жуань Цзи — См. раздел «Цзи Кан и Жуань Цзи».

Вернулись из дальних стран корабли... — Имеется в виду река Цзяшуй, берущая начало в Поянху и протекающая по территории названного уезда, которая входила в систему водного маршрута, идущего по р. Янцзы и через Поянху — на юго-запад.

Под дождем гляжу на гору Цзюншань из беседки Юэян

В оригинале — семисловное восьмистишие. Это стихотворение было написано весной 1102 г., когда Хуан Тин-цзянь, возвращенный из ссылки (в провинции Сычуань — см. основной раздел), смог на

некоторое время вернуться домой. Его путь лежал через местность Юэян (крайняя северо-восточная часть провинции Хунань, прилегающая с севера к озеру Дунтин).

Гора Цзюншань — горы (другое название — Дунтиншань), расположенные в юго-восточной части местности Юэян и в непосредственной близости от озера Дунтин.

Беседка Юэян — площадка с террасой (воздвигнута при Тан), с которой открывался вид на Цзюншань и Дунтинху.

...через Цюйтан и сквозь заставу Яньюй. — Названия, соответственно, гор и горного прохода на территории провинции Сычуань.

Цзяннань — см. примечания к стихотворению «Весна в Цзяннани» Ду Му.

Фея Сян Э — более позднее наименование Владычицы реки Сян (см. примечания к своду «Чуские строфы»).

...двенадцать тугих узлов. — Поэт обыгрывает число лет — 6, — проведенных им в Сычуани.

7) Ли Цин-чжао

На мелодию «Жумэнлин»

Все *цы* Ли Цин-чжао даются в переводах М. Басманова и публикуются по изданию: Ли Цин-чжао... В оригинале — шестистишие со следующим ритмическим строением: 6-6//5-6//4 (2-2)-6. Считается одним из лучших ранних *цы* Ли Цин-чжао.

На мелодию «Шэншэнмань»

В оригинале — текст из 19 строк со следующим ритмическим строением: 4-4-6//6-4-6//7-3-3//6-6-3//6-4-6//6-7-3-6. Это *цы* было создано Ли Цин-чжао в 1127 г., сразу же после ее бегства на юг.

На мелодию «Цзуйхуань»

В оригинале — текст из 10 строк со следующим ритмическим строением: 7-5-5//5-5//7-5-5//4-5. Признано одним из лучших *цы* позднего периода творчества Ли Цин-чжао.

Девятый день — осенний Праздник двойной девятки — см. примечания к стихотворениям Се Лин-юня.

...Лишь яшмовой подушки... — В Китае вместо собственно подушек употреблялись изголовья, делавшиеся из твердых материалов — дерева, керамики и минералов (нефрит, янтарь).

На мелодию «Улинчунь»

В оригинале — текст из 8 строк со следующим ритмическим строением: 7-5//7-5//7-5//7-6. Стихотворение датируется 1134 г. и является одним из последних *цы* Ли Цин-чжао.

Шуанси — название реки (дословно «Парный поток»), протекающей в провинции Чжэцзян и образованной слиянием двух ре-

чушек, поэтому ее образ в танской и сунской поэзии служил расхожей метафорой любви или мужских дружеских отношений.

8) Ян Вань-ли

Песня о тех, кто сажает рис

Все стихотворения Ян Вань-ли даются в переводах М. Кравцовой, публикуются впервые и выполнены по изданию: Ян Вань-ли сюань цзи (Избранные произведения Ян Вань-ли). Шанхай, 1962. В оригинале — семисловное восьмистишие. Ср. с переводом Л. Н. Меньшикова в указанном издании.

Скорблю о крестьянине

В оригинале — семисловное четверостишие. Стихотворение было написано в 1163 г., когда южные районы Китая сильно пострадали от поздних заморозков и последующей засухи.

...да вот год-то... — Високосный год по китайскому календарю состоит из 13 месяцев.

Во второй день пятого месяца страдаю от жары

В оригинале — семисловное 16-стишие.

Вот говорят... — Имеется в виду, что воды Янцзы, по общепринятому мнению, остаются холодными и в самое жаркое время года. В целом стихотворение очень точно передает особенности микроклимата в районе г. Нанкина: в этой местности, окруженной с трех сторон возвышенностями, обычно бывает очень жаркое лето.

Проезжаю мимо озера Синькайху в уезде Баоинсянь

В оригинале — семисловное четверостишие.

Озеро

В оригинале — семисловное четверостишие. Ср. с переводом В. Тихомирова в: Облачная обитель... С. 183.

9) Фэнь Чэн-да

Сидя ночью

Перевод В. Вельгуса. В оригинале — семисловное четверостишие.

Из цикла «Стихи о полях и садах, выражающие настроения, навеянные четырьмя временами года»

Перевод А. Гитовича. В оригинале — семисловные четверостишия. Всего цикл состоит из 16 стихотворений.

На крыше голубая черепица

Перевод И. Голубева, публикуется по изданию: Китайская пейзажная лирика...

10) Лу Ю

Славлю мэйхуа

Перевод М. Басманова, публикуется по изданию: Цветет мэйхуа... В оригинале — восьмистишие со следующим ритмическим строением: 5-5-7-5//5-5-7-5.

Пою на берегу за кубком вина

Все стихотворения-ши Лу Ю даются в переводах И. Голубева, публикуются по изданию: Лу Ю... В оригинале — семисловное 16-стишие. Это стихотворение было написано во время пребывания Лу Ю на службе в провинции Сычуань (1170—1176), его содержание — о боевом корабле, идущем вверх по Янцзы к месту сражения с чжурчжэнями.

Пэньку (в современной транскрипции — Пэнькоу) — местность в среднем течении Янцзы (северная окраина провинции Цзянси).

Чжуншань — горы к северо-востоку от г. Нанкина (провинция Цзянсу), которые были одним из священных мест в эпоху Шести династий и являлись символом национальной государственности.

Ни Ло, ни Бяня... — Имеются в виду г. Лоян — одна из древнейших столиц Китая, и столица Северной Сун — г. Кайфын, прежнее название Бяньцзин.

Весной смотрю вдаль

В оригинале — пятисловное восьмистишие. Стихотворение было написано вскоре после отставки Лу Ю и возвращения его в родной уезд — Шаньбинь (см. основной раздел).

В восточной деревне

В оригинале — семисловное четверостишие.

Фанвэн — литературное прозвание Лу Ю.

Думы осенью

В оригинале — пятисловное четверостишие.

Себе

В оригинале — пятисловное четверостишие.

Завещаю сыновьям

В оригинале — семисловное четверостишие.

Девять округов — образное название Китая, проистекающее из его древнейшего, согласно легенде, административно-территориального устройства.

Земли Чжунъюаня — Срединная равнина — образное название центральных (бассейн Хуанхэ) регионов Китая и впоследствии всей его территории.

11) *Синь Ци-цзи*

Пишу в праздник середины осени в Цзянькане и посвящаю Люй Шу-цяню

Все стихотворения *цы* Синь Ци-цзи даются в переводах М. Басманова, публикуются по изданию: Цветет мэйхуа... В оригинале — текст из 9 строк со следующим ритмическим строением: 7—5—5—7//4—4—5—5—7. Это стихотворение было написано в 1178 г., когда поэт находился в г. Цзянькане (на месте современного города Нанкина, провинция Цзянсу), полагается его ранним произведением.

Праздник середины осени — календарный осенний праздник Чжунцю, справляемый 15-го числа восьмого месяца по лунному календарю. Прочно связан в религиозно-обрядовом аспекте с культом луны: в качестве календарной пищи использовались так называемые лунные лепешки (пряники), на поверхности которых печатались изображения богини луны Чан Э, «лунной жабы» и других лунарных символов.

Люй Шу-цянь — видимо, друг поэта, сведения о котором не сохранились.

Гуйхуа — волшебное коричное дерево (растение бессмертия), растущее, по китайским поверьям, на луне.

На мелодию «Маньцзянхун»

В оригинале — текст из 21 строки со следующим ритмическим строением: 4—3—4//3—4—3//7—7//8—3//3—3—3//5—4//7—7//3—5—3.

Утомленный, страдая от жажды... — намек на историю жизни раннетанского сановника Ма Чжоу (601—648): некогда, еще никому не известный, он, следуя в столицу, остановился на постоялом дворе в г. Синьфэн (к востоку от столицы Тан — г. Чанъани, провинция Шэньси), где сразу же обратил на себя внимание присутствующих, выпив около 18 л вина. Прибыв в Чанъань, Ма Чжоу поселился в доме одного из царедворцев, передавая через него императору столь разумные советы государственного толка, что он выразил желание лично с ним познакомиться, а после беседы сразу же назначил его на пост цензора (одна из важнейших государственных должностей). Суть намека в том, что поэт с долей укора южносунских властей ставит в пример им мудрость и проницательность танских императоров.

Даже Цзя из Чанша... — намек на раннеханьского поэта-одописца Цзя И (см. раздел «Цзя И»).

Написано на стене по дороге в Бошань

В оригинале — текст из 8 строк со следующим ритмическим строением: 7—4//4—7//7—4//4—7.

Бошань — гора, находившаяся вблизи от имения поэта, где он провел последние десятилетия своей жизни (см. основной раздел).

Посвящаю Чэнь Тун-фу

В оригинале — текст из 10 строк со следующим ритмическим строением: 6—6//7—7—5//6—6//7—7—5.

Чэнь Тун-фу (Чэнь Лянь, 1143—1194) — близкий друг поэта, известный мыслитель, литератор и политический деятель Южной Сун, также ратовавший за ведение активных боевых действий против чжурчженей.

Ди-лу — имя коня полководца Лю Бэя, основателя царства Шу периода Троецарствие (см. перевод романа «Троецарствие»), ставшее нарицательным для обозначения боевого скакуна.

VI. Поэзия эпохи Юань (1271—1368)

1) *Чжао Мэн-фу*

Могила полководца Юэ Фэя

Перевод И. Смирнова, публикуется по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 368. В оригинале — семисловное восьмистишие.

Юэ Фэй (1103—1142) — северосунский полководец, который пытался организовать сопротивление чжурчженям, но был предан, обвинен в измене трону и казнен. Уже при Южной Сун он почитался национальным героем. Могила Юй Фэя находится в окрестностях современного г. Ханчжоу, на берегу озера Сиху (провинция Чжэцзян).

2) *Ван Мян*

Цветы сливы

Перевод И. Смирнова, публикуется по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 369. В оригинале — семисловное четверостишие.

3) *Ни Цзань*

Случайно написал в пятый день шестого месяца

Перевод Е. Витковского, публикуется по изданию: Классическая поэзия Индии, Китая... С. 371. В оригинале — семисловное четверостишие.

Надпись на картине

Перевод И. Смирнова, публикуется по изданию: Прозрачная тень... С. 327. В оригинале — пятисловное трехстишие.

4) *Юаньские арии-цзюй*

Арии-цзюй всех авторов даются в переводах С. Торопцева, публикуются по изданию: Китайская пейзажная лирика... С. 203—255.

Повествовательная проза

I. Рассказ-сяошо эпохи Шести династий

1) Из сборника Ханьдань Шуня (132?–?)
«Лес улыбок»

Перевод Б. Л. Рифтина, публикуется по изданию: Пурпурная яшма... С. 266–276.

Мудрый совет

...из царства Лу... — Родиной героя рассказа называется чжоуское царство Лу, уроженцем которого был Конфуций, что придает повествованию дополнительный комический оттенок.

2) Из сборника Гэ Хуна (283?–343?) «Жизнеописания святых и бессмертных»

Перевод И. С. Лисевича, публикуется по изданию: Пурпурная яшма... С. 87–132.

Лао-цзы

Кун-цзы — принятое прозвание — Учитель из рода Кун — Конфуция.

Цзы-гун — прозвание одного из учеников Конфуция по имени Дуаньму Ци (520?–? гг. до н. э.).

Я, Цю... — Цю — имя Конфуция. Далее в тексте перечисляются древние книги, входящие в основной свод конфуцианского канона, — «Пятиканоние», кроме «Книги музыки» («Юэ цзин»), которая была впоследствии утрачена.

...деяния Чжоу-гуна... — См. примечания к гимнам «Ши цина».

Ян-цзы. — В данном случае, видимо, имеется в виду политический советник циньского князя Му-гуна (659–621 гг. до н. э.), так как такое же прозвание — Учитель из рода Ян — имел философ Ян Чжу (440?–334? гг. до н. э.) — представитель раннедаосской школы.

Лао-цзы задумал... — Далее в несколько гротескном варианте излагается знаменитая легенда об истории создания базового даосского памятника — трактата «Дао дэ цзин».

Бо Шань-фу

Юнчжоу — название области на территории современной провинции Шэньси, которая включала в себя столицу Ранней Хань — г. Чаньань.

Хуашань — горы в провинции Шэньси, входящие в пятерку «священных пиков» (см. примечания к юэфу «Песня о долгой жизни»).

3) Из сборника Лю И-цина (403–444)
«Ходячие толки в новом пересказе»

Перевод В. Сухорукого, публикуется по изданию: Пурпурная яшма...

Цзо Сы сочиняет «Оду о трех столицах»

Цзо Сы, Чжан Хуа — известные поэты второй половины III в., представители «Поэзии в стиле Тайкан» (см. раздел «Поэзия в стиле Тайкан»).

Хуанфу Ми (215–282) — философ, литератор и теоретик литературной мысли, впервые сформулировавший собственно эстетические критерии поэтического произведения. Хотя он вел уединенный образ жизни, пользовался широкой известностью и огромным авторитетом среди современников. Действительно ли им было написано предисловие к одам Цзо Сы, неясно.

Юй Чань сочиняет «Оду о славной столице»

Юй Чань — поэт поэтического направления «Стихи о сокровенном» (см. раздел «Стихи о сокровенном»).

Юй Лян — брат Юй Чаня.

Чжан Хэн — знаменитый ханьский поэт-одописец (см. раздел «Чжан Хэн»).

Се Ань — один из крупнейших государственных деятелей и деятелей культуры Восточной Цзинь (см. примечания к разделу «Антология „Павильон орхидей“»).

Великий наставник Сыма

Сыма — Сыма Дао-цзы, пятый сын восточноцзиньского императора Цзянь-вэнь-ди (371–373), занимавший в конце 90-х гг. IV в. пост Великого наставника двора (*тайфу*).

Ван Янь и Юй Гуй

Ван Янь (Ван И-фу, 256–316) — крупный сановник Западной Цзинь, славившийся мастерством вести «чистые беседы» (китайское словесное искусство, частично совпадающее с риторикой). Во время нашествия 311–317 гг. попал в плен и был казнен.

Юй Гуй (263–312) — тоже западноцзиньский сановник, о котором более подробные сведения не сохранились.

Как Жуань Сюань-цзы рассуждал о привидениях

Жуань Сюань-цзы (Жуань Сю, 270–311) — один из представителей западноцзиньской когорты «славных мужей», имевший репутацию истинного знатока древних даосских сочинений.

Сообразительный Ван Жун

Ван Жун (234–305) — близкий друг Цзи Кана и Жуань Цзи, состоявший в созданной ими группе «Семь мудрецов из Бамбуковой роши» (см. раздел «Цзи Кан и Жуань Цзи»), а затем благодаря успешной служебной карьере стал высокопоставленным чиновником.

Цау Юэ и Жуань Фу

Сколько-нибудь подробных сведений о героях этого рассказа не сохранилось.

Хуань Вэнь и Лю Тань

Хуань Вэнь (Хуань Юань-цзы, пер. пол. IV в.) — восточноцзиньский полководец, возглавивший в середине 20-х гг. IV в. (т.е. в первые годы существования династии Восточная Цзинь) поход против кратковременного царства, возникшего на территории провинции Сычуань и принявшего название царства Шу периода Троецарствие (см. Предисловие).

Лю Тань — видимо, кто-то из окружения Хуань Вэня.

Находчивый Лю Лин

Лю Лин (225?—280?) — еще один представитель западноцзиньской когорты «славных мужей» и член группы «Семь мудрецов из Бамбуковой рощи», прославившийся особым пристрастием к винопитию. Им было создано даже специальное поэтическое произведение, воспевающее вино и «хмельную мудрость», — «Хвала пьяной добродетели».

II. Танская новелла-чуаньци**1) Чэнь Сюань-ю (VIII в.).*****Душа, которая рассталась с телом***

Перевод А. Тишкова, публикуется по указанному изданию.

В третий год правления «Тяньшоу» — в 692 г.

В конце правления Дали... — Годы правления под девизом Дали приходится на 766—779 гг.

2) Фань Цянь-ли (IX в.). История гетеры Ян

Перевод О. Л. Фишман, публикуется по изданию: Танская новелла... С. 170—172.

Гетера. — Это слово не очень точно передает социальный статус и профессиональные обязанности китайских «жриц любви». К танской эпохе сложился целый институт гетер с их разделением на две главные категории: «домашние» и «правительственные». Во второй из них отдельно шли «дворцовые», «для чиновников» и «гарнизонные». «Домашние» и «правительственные» гетеры двух первых групп представляли собой отдаленный аналог «дам полусвета». Они были, как правило, образованными женщинами, владевшими искусством танца, игры на музыкальных инструментах, пения, поэзии, каллиграфии, ведения светской беседы и т. д., причем их дарования ценились в обществе выше, чем их непосредственное любовное искусство. Известно, что для посещения наиболее авторитетных столичных увеселительных заведе-

ний, где гетерами были чужеземные (привезенные в дар императорскому двору) певицы и музыкантши, требовалось специальное августейшее разрешение. Нередки также случаи, когда «правительственные» гетеры брались на содержание частными лицами с переводом их в статус наложницы. Так что ситуация, о которой рассказывается в этой новелле, была достаточно типичной для того времени.

...родом из Линнаня. — Линнань — город на крайнем юго-востоке Китая (провинция Гуандун).

Хунчжоу — уездный южный город, находившийся на территории современной провинции Цзянси.

Поминальная таблица — специальная табличка (могла изготавливаться из различных материалов), на лицевой стороне которой указывалось почетное посмертное прозвание покойного и имя родственника, установившего эту таблицу, а на оборотной — имя покойного, его должность, даты рождения и смерти и место погребения. Перед этими табличками, ставившимися на домашний алтарь-стол, помещались жертвенные дары и совершались ритуальные действия.

3) Юань Чжэнь (779—831). Повесть об Ин-ин.

Перевод О. Л. Фишман. Стихи в переводе И. Голубева. Публикуется по изданию: Танская новелла... С. 198—212.

В годы Чжэньюань — в 785—805 гг.

Дэн Ту-цзы — герой поэмы Сун Юя «Дэнту-сластолюбивый» (см. раздел «Оды Сун Юя»).

Пу — город на территории современной провинции Шэньси.

...и Чжан остановился там. — В Китае в буддийских монастырях могли останавливаться любые приезжие, для которых там имелись специальные помещения.

Она родилась... — Речь идет о 784 г.

Весенние строфы — образное название стихотворений-четверостиший на любовные темы.

...тот, кто увлек девушку... — намек на ханьского поэта-описца Сыма Сян-жу и историю его брака (см. раздел «Сыма Сян-жу»).

Бросить в Вас челнок — устойчивое выражение, означающее отказ девушки ее поклоннику, которое восходит к рассказу о древней красавице, в самом деле бросившей челнок в лицо назойливому ухажеру.

Держать полотенце и гребень — образное обозначение официального замужества.

...сделанную из пятнистого бамбука. — Речь идет об особой разновидности бамбука, овеянной легендами, — см. примечания к стихотворению «Рыбак» Лю Цзун-юаня.

Янь Цзю-юань — поэт, современник Юань Чжэня.

...Ты затмил... Пань-лана... — Имеется в виду поэт Пань Юэ (247—300), обладавший необыкновенно красивой внешностью.

Сяо — имя древней красавицы, ставшее символом девической красоты.

Юань Чжэнь из Хэнани... — Автор повести называет себя самого.

Синь при династии Инь и Ю при династии Чжоу — последний государь династии Шан-Инь (см. также примечания к поэме «Ли Сао» свода «Чуские строфы») и чжоуский царь Ю-ван (781—771 гг. до н.э.), которые, согласно принятым в китайской историографии оценкам, излишне предавались любовным увлечениям, что имело пагубные последствия для страны.

Ли Гун-чуй (Ли Шэнь, 772—864) — танский поэт и близкий друг Юань Чжэня.

4) Хуанфу Ши. Столичный ученый

Перевод О. Л. Фишман, публикуется по изданию: Танская новелла... С. 244—245.

Городская повесть-хуабэнь эпохи Сун (X—XIII вв.) и повествовательная проза XVII—XVIII вв.

1) Из сборника «Простонародные рассказы, изданные в столице». Честный приказчик Чжан

Перевод И. Т. Зограф, публикуется по изданию: Простонародные рассказы... С. 117—146.

Ван Чу-хоу — сунский литератор, бывший в начале XII в. членом Академии Ханьлинь и считающийся уроженцем юго-западного региона Китая (Сичуань — область в западной части современной провинции Сычуань).

...который носил цветы... — видимо, прозвание («С цветами на голове») упомянутого персонажа.

Демон короткой жизни — душа рано умершего человека.

...из Кайфэнфу... — называются округ и область, находившиеся на территории современной провинции Хэнань.

...как феникс... — Термины *фэн* и *луань* в данном случае употребляются в их значениях, соответственно, самец и самка феникса (см. также примечания к оде «Там, где ворота длинны» Сыма Сян-жу).

Яшмовая Дева... Юнец Золотой — исходно так обозначались (другие переводы этих сочетаний — Нефритовая дева и Золотой подросток) низовые божества даосского пантеона — прислужники бессмертных-сяней высшего ранга (см. также примечания к стихотворению «Путешествую по горам Цзиньхуашань» Шэнь Юэ).

Ткачиха Небесную... — См. примечания к стихотворению «Песня Яньгэ» Цао Пи.

Хан-э — другой вариант имени богини луны Чан Э (см. примечания к стихотворению «С кубком в руке вопрошаю луну» Ли Бо).

...ее головной убор и вуаль. — Лицо невесты закрывалось специальной матерчатой сеткой, прикрепляемой к свадебному головному убору.

Из Чуских ущелий... легкой тучкой. — Обыгрываются образы, восходящие к поэме Сун Юя «Святая фея» (см. перевод).

Хуашань и Тайшань — «западные» (провинция Шэньси) и «восточные» (провинция Шаньдун) горы из пяти «священных пиков» (см. примечания к юэфу «Песня о долгой жизни» и к стихотворению «Взирая на священную вершину» Ду Фу).

Вэнь — мелкая монета.

Лян — денежная единица в виде серебряного слитка (ок. 30 г.).

Праздник фонарей — см. примечания к цы «На мелодию „Шэнчанцзы“» Оуян Сю.

Идя бахчой... — Герой цитирует юэфу «Песня о благородном муже» (приписывается Цао Чжи), в которой кратко сформулированы принципы и правила поведения конфуцианской благородной личности. В данных двух строках предупреждаются поступки «благородного мужа», из-за которых он может быть заподозрен в воровстве (тыкв с бахчи и слив с дерева).

...плоды эвриала... — Эвриал (кит. *цзи доуцзы*) — многолетнее двудомное растение, дающее плоды величиной с горошину.

Цинмин — Праздник Чистого света — сезонное празднество, справлявшееся в один из дней с 4-го по 6 апреля и соотносившееся с Днем поминовения предков.

Бумажные деньги — специальные деньги, предназначавшиеся для сжигания во время обрядовых церемоний (в том числе поминальных обрядов).

...на ветках хайтановых... — Хайтан — китайская айва.

2) Из сборника «Слово простое, мир предостерегающее». Старый сюцай воздает за добро

Перевод В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович публикуется по изданию: Разоблачение божества... С. 55—73.

Сюцай — низшая ученая степень, присваиваемая выдержавшим экзамен на чиновничью должность первой ступени.

Гань Ло — государственный деятель периода Борющихся царств, известно, что он уже в 12-летнем возрасте поступил на службу к министру царства Цинь — Лю Бу-вэю (?—235 гг. до н.э.) и с блеском выполнил его поручение по переговорам с правителем царства Чжао, убедив того признать свою вассальную зависимость от царства Цинь.

Люй Шан — первый министр чжоуского Вэнь-вана (см. примечания к песням, одам и гимнам «Ши цзина»), ставший таковым уже

в возрасте 80 лет — после того, как Вэнь-ван случайно встретился с ним, жившим в уединении на берегу реки.

...в годы Чжэнтун... — 1436—1449 гг., т.е. действие этой повести происходит в минскую эпоху.

Дун Чжун-шу (179?—104 гг. до н.э.) — знаменитый ханьский философ, продолживший разработку конфуцианского учения и снискавший себе прозвание Ханьский Конфуций.

Сыма Сян-жу — см. раздел «Сыма Сян-жу».

Фэн Цзинь — сунский сановник, который уже к 11 годам выдержал экзамены всех трех ступеней.

Шан Лу — минский сановник, тоже с блеском сдавший один за другим экзамены всех трех ступеней.

...несколько лян... — См. примечания к новелле «Честный приказчик Чжан».

Лян Хао (913—1004) — раннесунский персонаж, прославившийся тем, что смог сдать столичный экзамен и получить высшую ученую степень — *цзиньши* — в возрасте уже 71 года, а в 82 года держал дополнительный — «дворцовый» (проводимый в императорской резиденции под личным контролем императора) экзамен, став на нем лучшим.

...сочинений в стиле «багу»... — *Багу* (дословно «Восемь положений») — особая композиционно-стилистическая схема, по которой в минскую и цинскую эпохи писались экзаменационные сочинения: они должны были обязательно состоять из двух главных разделов, в каждом из которых содержалось по четыре положения-*гу*; каждое положение должно было содержать в себе тезис и антитезис, написанные ритмически и синтаксически соответствующими друг другу фразами. Утверждение подобной схемы привело к предельной формализации процедуры экзаменов, когда для их успешной сдачи требовалось лишь умение создавать схоластические выкладки.

...понаставит... кругов и точек... — знаки, которыми экзаменатор отмечал особо красиво (с каллиграфической точки зрения) написанные иероглифы и наиболее стилистически удачные места в тексте сочинения.

Цзе Юй — отшельник периода Весен и осеней (см. примечания к стихотворению «Праздно проживая на берегу...» Ван Вэя). Не желая беседовать с Конфуцием, он спел ему песенку, в которой предупреждал его о тяготах и опасностях служебной карьеры.

Цзы-гао — Шэнь Цзы-гао — герой рассказа-притчи, в которой повествуется, как, стремясь показать себя знатоком и любителем драконов, он увесил весь дом их живописными изображениями, но перепугался до смерти, когда в нем неожиданно появился живой дракон. Одновременно в этой фразе содержится намек на экзаменаторов, кичащихся собственными знаниями, но на самом деле не способных оценить истинно талантливое сочинение.

Гуньсунь Хун (?—121 гг. до н.э.) — один из ученых-эрудитов (*бо-ши*) и советник ханьского императора У-ди (см. раздел «Поэзия эпохи Хань»).

Чуньцю — летопись «Весны и осени», входящая в свод конфуцианских канонических книг (см. примечания к разделу «Антология „Ши цзин“»).

...Су Цинь оставался все тем же... — крылатое выражение, восходящее к историям о жизни Су Циня, государственного деятеля периода Борющихся царств. Выходец из бедной семьи, он в течение многих лет не мог поступить на службу, чем вызвал презрительное отношение окружающих, даже близких родственников. Став уже известным государственным деятелем и вернувшись в родные края, он простил всех, кто некогда его высмеивал и отвергал в тяжелые для него дни, и поэтому о нем принято говорить: «Су Цинь все тот же Су Цинь».

В шестой год... Тянь-шунь... — 1462 г.

Ханьский Гао-цзу — основатель и первый император (206—195 гг. до н.э.) империи Хань.

Цюй Юань — см. раздел «Свод „Чуские строфы“».

Группа «Лицзи» — темы для сочинений, основанные на тексте конфуцианской канонической книги «Ли цзи» — «Записи о ритуалах» (см. примечания к разделу «Антология „Ши цзин“»).

Цзюйжэнь — ученая степень, присваиваемая успешно выдержавшим экзамен второго (провинциального) уровня.

...умереть с закрытыми глазами. — Т.е. умереть спокойно — выражение, идущее от китайского поверья, что если человека что-то тревожит перед смертью, то он умирает с открытыми глазами.

...как персик на древе священном... — Имеются в виду волшебные персики бессмертия, растущие, по китайским мифолого-религиозным представлениям, на деревьях из сада Царицы Запада Сиванму — см. роман «Путешествие на запад».

IV. Роман

1) Ло Гуань-чжун (XIV в.). Троецарствие

Перевод В. А. Панасюка, публикуется по изданию: Троецарствие... М., 1984.

В конце правления династии Чжоу... — Речь идет о событиях периода Борющихся царств и о возникновении империи Цинь — см. Предисловие.

...между княжествами Хань и Чу... — Имеется в виду конфликт между будущим основателем империи Хань — Лю Баном, носившим в то время титул Ханьского царя-вана, и правителем Чу — Сян Юем — см. примечания к циклу Юй Синя.

Гуаньгу — посмертный официальный титул (Гуан-у-ди) императора, восстановившего власть ханьского правящего дома после его низложения Ван Маном (8—25, см. примечания к сборнику Ли Чжэня), царствование которого (25—57) открывает вторую половину ханьской эпохи — Восточную (Позднюю) Хань.

Сянь-ди — последний ханьский император (см. примечания к разделу «Цзяньаньская поэзия»), впоследствии низложенный Цао Пи.

Хуань-ди — десятый восточноханьский император (147—168), при котором началось усиление политического влияния партии придворных евнухов.

Лин-ди — одиннадцатый восточноханьский император (168—189).

...в день полнолуния... периода Установления спокойствия... — 168 г.

Во втором месяце... периода Установления спокойствия... — 176 г.

...в Лояне... — Г. Лоян стал при Восточной Хань столицей (вместо г. Чанъани — столицы Ранней Хань).

...в первом году... Блеск и Согласие... — 178 г.

Советник Цай Юн — известный государственный деятель, ученый и литератор Восточной Хань, отец поэтессы Цай Янь (см. раздел «Поэзия эпохи Хань»).

...жили три брата... — Далее в главе повествуется о начале восстания Желтых повязок, ставшего одним из ключевых историко-политических событий конца Хань. Оно подготавливалось даосской сектой «Тайпин дао», лидером которой как раз и являлся Чжан Цзяо (Цзюэ) и которая опиралась на даосские мессianско-утопические идеи: веру в приход в мир людей божественного основоположника даосизма — Лао-цзы и наступления под его правлением «идеального» общественного устройства — Великого спокойствия (Тайпин). Область Цзюйлу находилась на северо-востоке Хань (современная провинция Хэбэй), откуда и началось восстание.

...первого года периода Среднего спокойствия... — 184 г.

...создал тридцать шесть дружин... — Армия братьев Чжан состояла из 36 «малых» (по 6—7 тысяч человек) и «больших» (по 10 тысяч человек) отрядов, т. е. насчитывала около 300 тысяч воинов.

Округ Юнчжоу — при Хань находился на территории современной провинции Шэньси.

Цзин-ди — пятый раннеханьский император (156—140 гг. до н. э.).

...весом в восемьдесят два цзиня... — Цзинь — мера веса, равная приблизительно 600 г.

Цинчжоу — область, находившаяся на территории современной провинции Шаньдун. Местности, называемые в романе, полностью соответствуют географии восстания Желтых повязок, которое стремительно распространилось на большую часть территорий ханьской империи, что и заставило выступить против повстанцев лидеров различных региональных военно-политических группировок (Дун Чжо, Цао Цао и др.). Хотя Чжан Цзюэ умер приблизительно через

полгода после начала восстания, а его братья погибли в боях в конце 184 г., отдельные отряды повстанцев продолжали вести боевые действия чуть ли не до конца Хань.

...в древности цискому Хуань-гуну... — намек на легенду о правителе чжоуского царства Ци — Хуань-гуне (685—642 гг. до н. э.), который четыре раза посещал мудреца-отшельника Дун-го в надежде уговорить его быть своим советником, но не мог заставить его дома. Вопреки просьбам свитских больше не ездить к Дун-го, Хуань-гун отправился к нему в пятый раз и добился желаемого.

Чжугэ Цзюнь — брат Чжугэ Ляна.

Цзяндун — юго-восточный регион ханьской империи.

Цзинчжоу и Ичжоу — области, занимавшие при Хань части современных провинций Хубэй, Хунань и Сычуань.

Вань — г. Вансянь — см. примечания к древним стихотворениям-гуши.

В седьмом году... Установления спокойствия... — 203 г.

Три дня оплакивал Лю Бэй... Гуань Юя... — Гуань Юй, о чем рассказывается в 77-й главе романа, был взят в плен Сунь Цюанем, отказался поступить к нему на службу и за это казнен. Его отрубленную голову Сунь Цюань отправил в ставку Цао Цао, находившуюся в то время в Лояне, чтобы на него пало подозрение в убийстве Гуань Юя. Стараясь убедить Лю Бэя в своей непричастности к смерти его побратима, Цао Цао со всеми почестями похоронил отрубленную голову. В минскую эпоху на этом месте (в южном пригороде современного города Лояна) был возведен обширный храмовый комплекс, посвященный памяти Гуань Юя, который в официальной историографии стал почитаться олицетворением конфуцианской благородной личности (отказ от предательства), а в простонародных верованиях превратился в божество-покровителя служебной карьеры и жизненных успехов.

Вэйский ван — официальный титул Цао Цао, в который он был возведен императором Сянь-ди.

Цао Пэй — устаревшая транскрипция имени Цао Пи.

...двадцать пятого года... Установления спокойствия. — 220 г.

2) Ши Най-ань (1296—1370). Речные заводы

Перевод А. П. Рогачева, публикуется по указанному изданию.

...объявить о награде в тысячу связок... — Имеется в виду тысяча связок монет: мелкие монеты в Китае использовались не по отдельности, а нанизывались на шнур, и такая связка как раз и служила денежной единицей.

Мын Чан-цзюнь — главный советник правителя чжоуского царства Ци — Чжао-вана (632—613 гг. до н. э.), славившийся своим гостеприимством и оказывавший приют всем, кто обращался к нему за помощью.

...а горы Тайшань не приметил. — См. примечания к стихотворению «Взойдя на священную вершину» Ду Фу.

Два цзиня — см. примечания к роману «Троецарствие».

Правление Чжэнхэ — 1111—1117 гг.

...около пяти цуней длины... — цунь — мера длины, равная 3,2 см.

Богиня Сюань-нуй — Сокровенная дева — достаточно популярный персонаж древнекитайских (как минимум с позднечжоуского периода) верований, в которых она рисуется существом с человеческой головой и телом птицы и называется в числе лиц из окружения Желтого императора как верховного божества. Впоследствии на этот образ наслоились образы даосских и буддийских божеств.

Впереди шел Рыжеволосый дьявол... — Все герои романа имеют красочно-фантазийные прозвища, на фоне которых отчетливо выделяется по его смыслу прозвище Сун Цзяна — Справедливый.

...моление в пятнадцатый день четвертого месяца. — Эта дата выглядит весьма примечательной, так как она соотносится с днем рождения Будды, справляемым 8-го числа четвертого месяца, а указанные далее «семь дней и семь ночей» совпадают с числовыми характеристиками, содержащимися в буддийской канонической литературе.

3) У Чэнь-энь (1500?—1582). Путешествие на запад

Перевод А. П. Рогачева, публикуется по указанному изданию.

Глава пятая — эта глава, не связанная прямо с основной сюжетной линией романа, является самым ярким и популярным его фрагментом, посвященным непосредственно Сунь У-куну. В ней использованы исходно мифологические повествования (впоследствии активно заимствованные и развитые простонародными и даосскими верованиями), входящие в культ Царицы Запада Сиванму, согласно которым в резиденции Царицы (на вершине волшебных гор Куньлунь) находился персиковый сад, деревья которого давали плоды раз в 10 000 лет, и, когда они созревали, Сиванму устраивала пир, на который собирались все бессмертные-сяни. Одновременно в главе воспроизводятся многие другие простонародные религиозные представления в том виде, в каком они сложились и утвердились в китайской культуре как раз к минской эпохе.

Мудрец, равный небу — почетный титул, который Сунь У-кун, о чем подробно повествуется в предшествующей главе, с помощью всевозможных ухищрений выклянчил у верховного божества — Нефритового императора.

...к троице буддийского божества... — Имеется в виду наиболее популярная в Китае триада будд — будда Шакьямуни (Будда, исторический основатель буддизма, — Сиддхартха Гаутама), будда Амитабха (воплощение Запада и владыка рая Сукхавати) и будда Вай-

рочана (воплощение реальной зоны космического пространства и олицетворение солнечного света).

...Духи девяти планет. — Как «девять планет» (или звезд) в китайской астрологии могли обозначаться пять планет (Сатурн, Юпитер, Марс, Венера и Меркурий) и четыре звезды, олицетворяющие четыре части света; либо звезды Северного Ковша; либо звезды девяти разновидностей окраски лучей.

Двадцать восемь созвездий — двадцать восемь китайских зодиакальных созвездий (по семь в каждой четверти неба).

Четыре небесных правителя — исходно персонажи индо-буддийского пантеона — повелители четырех частей света.

Ван-му — владычица небес — Сиванму.

Будда Западного неба — будда Амитабха.

...Лоханей... — Лохань — транскрипция индо-буддийского термина *архат* (дословно «достойный»), посредством которого обозначался тип личности высшего персонологического ряда — прошедшей весь путь духовного совершенствования и выпшедшей из круга новых рождений и смертей (*сансара*).

...бодисатв... — Здесь и далее употреблена устаревшая русскоязычная транскрипция индо-буддийского термина *бодхисаттва*, обозначающего тип личности высшего персонологического ряда — достигшей степени совершенства будд, но отказавшейся от пребывания в *нирване* во имя спасения всех живых существ. Конкретные бодхисаттвы (мудрости, милосердия и т. д.) считаются духовными сыновьями будд и воплощением их качеств (мудрости, милосердия и т. д.).

...богиня южного полюса Гуаньинь... — Гуаньинь — китайское именование бодхисаттвы милосердия Авалокитешвару, который в китайско-буддийской традиции утвердился в своей женской ипостаси (см. также следующую главу романа). Соотнесение Гуаньинь с южным полюсом — результат дальнейшего переосмысления ее образа в русле простонародных верований.

...забрел во дворец Тушита. — Тушита (Четвертое небо) — исходно название четвертой сферы небесного пространства *мира страстей* — низшего из трех вертикально ориентированных миров буддийской космологии, — на которой пребывают Будда в ипостаси бодхисаттвы и будда будущего Майтрея.

Тайшан Лао-цзюнь (Высочайший господин Лао) — еще одна ипостась обожествленного Лао-цзы (см. также примечания к роману «Троецарствие»).

Вайсравана — Вайшравана — один из четырех небесных царей, повелитель севера, осмысляемый в образе воина.

Князь тьмы Раху... князь Кету... — «Раха» и «Кета» — исходно термины, обозначающие места, где луна выходит из эклиптики и входит в нее, отчего и происходят лунные затмения. Эти места в китайской астрологии — заимствование из индо-буддийских астрологичес-

ких представлений — стали обозначаться светилами, а в религиозной традиции были персонифицированы специальными персонажами.

Глава пятьдесят пятая — эта глава является типичной по содержанию и стилистике для рассказов о путешествии Танского монаха и дает исчерпывающее представление о характере его приключений и о поведении каждого из основных действующих лиц романа.

Силянская государыня — правительница волшебной страны Силян — страны женщин, куда Танский монах попал в предшествующей главе, которая тоже пыталась его соблазнить и женить на себе.

Ша-сэн — послушник-слуга Танского монаха.

По высокой волне... — Сочетание «высокая волна» — омоним названия пирожка шугай, а «в зыбком песке конь» — пирожка дэнша, т. е. Танский монах в аллегорической форме намекает о желании как можно быстрее уйти из этого места.

Лю Цуй-цуй — известная красавица, жившая в конце VI — начале VII в.

Я ведь Си Ши прелестной... — См. примечания к поэме Сун Юя «Святая фея».

4) Цао Сюэ-цин (1724?—1764). Сон в красном тереме

Перевод В. А. Панасюка, публикуется по указанному изданию.

...в которой речь пойдет о том... — В названии этой главы обыгрываются имена любимой служанки Бао-юя — Хуа Си-жэнь, фамильный знак которой и есть иероглиф «цветок», и Дай-юй. О переводе *юй* как «яшма» — см. примечания к песне «Владыке реки Сян» свода «Чуские строфы».

«Перечные покои» — образное название покоев императрицы и покоев знатных женщин, проистекающее из обычая натирать их стены душистым перцем (вначале для защиты от злых сил — см. примечания к поэме «Ли сао» свода «Чуские строфы»).

...покрытый иероглифами Вань. — *Вань* — иероглиф в виде знака «свастики», который служил символом буддийского вероучения и, кроме того, будучи омонимом слова «десять тысяч» (*вань*), олицетворял идею вечности и использовался в качестве пожелания долголетия.

...кто родился у вас в доме... — По китайскому обычаю дети слуг, рожденные в доме их хозяев, становились их собственностью.

«Минминдэ» — трактат, в котором излагаются основы практической философии и способы духовного самосовершенствования.

...что какой-нибудь архат... — В данном случае этот термин (см. примечания к роману «Путешествие на запад») употребляется в его простонародном значении — буддийский чудесник.

Завтра восьмое число... — На восьмое число последнего месяца года в старом Китае приходился один из календарных праздников, входящих в общую серию новогодних празднеств, который знаме-

новал собой завершение дел текущего года и включал в себя совершение специальных очистительных жертвоприношений.

Властная стрела — стрела, вручаемая государем военачальнику в качестве знака его полномочий.

...настоящая ароматная яшма... — намек на имя Дай-юй.

Амитофо — восклицание, принятое первоначально в среде монашествующих и идущее от имени будды Амитабхи.

V. Драма

1) Гуань Хань-цин (1240?—1310?). Обида Доу Э

Перевод Н. А. Спешнева, публикуется по изданию: Юаньская драма...

Лянхуай — область, находившаяся на территории современных провинций Аньхуэй и Цзянсу.

...пожалован меч правосудия... — Меч и золотая пластина — регалии, которые лично вручались императором особенно доверенным чиновникам, которым разрешалось в том числе самостоятельное проведение расследований и вынесение приговоров без обращения в более высокие судебные инстанции.

Три повиновения и четыре добродетели — требования, предъявляемые в конфуцианском семейном уложении к женщине. «Три повиновения»: дома повиноваться отцу, в браке — мужу, вдове — сыну. «Четыре добродетели»: супружеская верность, правдивость в речах, скромность поведения и усердие в работе.

Голодный дух — исходно особый тип живых существ (*прета*), выделяемый в буддизме как одно из трех неблагих видов нового рождения. В китайской культуре эти представления наслоились на местные верования о душах усопших, не могущих по каким-то причинам обрести покой.

Ведь иней показал... — Знамена, названные в пьесе, восходят к древним аналогичным прецедентам. В данном случае речь идет о сановнике чжоуского царства Янь (III в. до н. э.), который был казнен по ложному доносу, и, вняв его мольбам, Небо послало знамение, подтверждающее его невиновность: в момент казни, совершенной летом, все вокруг покрылось инеем.

2) Ма Чжи-юань (1250?—1323?). Осень в Ханьском дворце

Перевод Е. А. Серебрякова, публикуется по изданию: Юаньская драма...

Шань-юй — официальный титул вождя сюнну.

...до башни Ли Лина... — намек на судьбу ханьского полководца Ли Лина (II—I вв. до н.э.), который в свое время встретил возратившегося из плена сюнну Су У (см. примечания к циклу Юй Синя), но затем сам попал в плен к сюнну, где и умер.

Юй-цзи — любимая наложница чуского правителя и полководца Сян Юя (см. примечания к циклу Юй Синя), с которой он был вынужден расстаться, после того как потерпел поражения от Лю Бана (основателя империи Хань).

Ли Цзо-чэ — политический деятель второй половины III в. до н.э., принявший активное участие в разработке планов антицинской коалиции и затем примкнувший к партии Лю Бана. Его замыслы и деятельность во многом способствовали победе Лю Бана над его военно-политическими противниками, в том числе над Сян Юем.

Сяо Хэ (II в. до н.э.) — сподвижник Лю Бана, ставший затем его первым министром.

...остаюсь на мосту... — Прощание героев происходит на мосту Балинцяо (в окрестностях Чанъани).

3) Чжэн Гуан-цзу. Душа расстается с телом

Перевод Л. Н. Меньшикова, публикуется по указанному изданию.

Двор, обнесённый терновой оградой — место сдачи экзамена.

...видят друг друга. — В старом китайском театре не было декораций, поэтому персонажи, находящиеся на сцене, до определенного момента как бы не видели друг друга, а акт их «встречи» обыгрывался с помощью специальной пантомимы.

Сестрица — принятое обращение барышни к своей служанке-наперснице.

...Тучку и дождь она хочет... — В арии обыгрываются образы из поэм Сун Юя (см. раздел и примечания к переводу).

...перекаты в Воротах Юя... — Ворота Юя (или Ворота Дракона) — название ущелья в верховье Хуанхэ, в котором река приобретает столь стремительное течение, что в Китае возникло поверье, якобы пересекая это ущелье рыба превращается в дракона. Впоследствии данное выражение приобрело значение пожелания успеха на столичном экзамене.

Цинь — музыкальный инструмент, подробно — см. примечания к оде «Там, где ворота длинны» Сыма Сян-жу.

Плот Чжан Цяня — намек на легенду, повествующую о том, как некий Чжан Цянь плыл на плоту вверх по Хуанхэ и незаметно для себя оказался в том месте, где небо соединяется с землей и Хуанхэ вливается в Небесную реку (Млечный Путь). «Искать плот Чжан Цяня» — мечтать о чем-то малореальном.

...в реке Циньхуай... — место, где находились увеселительные заведения, — см. примечания к стихотворению «Подплываю к набережной Циньхуай» Ду Му.

Бо Я — легендарный чжоуский музыкант — см. примечания к стихотворению «Летом в южной беседке думаю о Сине Старшем» Мэн Хао-жэня.

«Выданная замуж...» — Ван цитирует конфуцианскую каноническую книгу «Ли цзи».

Парк Цюньлинь — парковый ансамбль в танской Чанъани, в котором устраивались пиры — чествования выдержавших столичные экзамены.

...На голову ступите Ао... — Ао — мифическая гигантская черепаха, поддерживающая, по китайским верованиям, небо, изображения которой вырезались на ступенях лестницы, ведущей к императорскому трону, так что идущие на аудиенцию наступали на эти изображения. Цянь-нью этими словами выражает уверенность, что Ван будет первым по результатам экзамена и первым же удостоится приема императора.

Цзя И — см. раздел «Цзя И».

Мэн Гуан — супруга ханьского сановника Лян Хуна (25?–104), считающаяся олицетворением супружеской верности и женских добродетелей.

Как Чжо Вэнь-цзюнь... — См. разделы «Сыма Сян-жу» и «Чжо Вэнь-цзюнь».

...А вы на мосту... — намек на еще одну легенду о жизни ханьского поэта-одописца Сыма Сян-жу, согласно которой он, покидая дом (в Чэнду), начертал на опоре моста Шэнсяньцяо стихотворную надпись, что и стало началом его будущих успехов.

4) Ши Цзюнь-бао. Цю-ху соблазняет свою жену

Перевод О. Л. Фишман, публикуется по изданию: Юаньская драма...

Луский Чжао-гун — правитель чжоуского царства Лу, царствовавший с 542 по 520 г. до н.э., т.е. действие пьесы перенесено в чжоускую эпоху.

Мудрый Кун — Конфуций.

«Песни народа при Яо». — Намек через название этой мелодии на времена правления совершенномудрого государя Яо придает сцене дополнительный комедийный оттенок.

5) Ван Ши-фу (?–1330?). Западный флигель

Перевод Л. Н. Меньшикова, публикуется по указанному изданию.

Сецзы. «Четыре драгоценности жилища литератора» — бумага, кисть для письма, тушь и тушечница.

Действие первое

Горы Тайхан — горный массив на территории провинций Хэнань и Шаньси, т.е. в местности, ассоциирующейся с севером, зимой и старостью/смертью.

...достигшая неба река. — См. примечания к пьесе «Душа расстается с телом».

Фитиль нагорел... сороки трещат... — приметы прибытия гостей. Кроме того, сорока считалась в Китае «птицей счастья» и вестницей добрых вестей.

...водить по улицам... — По принятому обычаю человек, ставший по результатам экзамена первым, в течение трех дней ходил по столице, показывая себя народу. Цинь-тун притворяется, что он не понимает происходящего, и истолковывает почетное шествие Чжан Гуна как исполнение уголовного наказания: в юаньскую эпоху преступника тоже водили по улицам города и били палками.

...в парке я пир ожидаю. — См. примечания к пьесе «Душа расстается с телом».

...Те ноги... на голову Ао ступают... — См. примечания к пьесе «Душа расстается с телом».

Нынче корицу ломает — выражение, означающее добиться успеха: слово «корица» (*гуй*) — омоним слова «знатный» (*гуй*).

В румянах и пудре... парчовый таился убор... — Парчовый убор — образное название одеяния высших сановников; Ин-ин говорит, что именно она (ее «румяна и пудра») помогла Чжан Гуну добиться успеха.

...дудочку из пятнистого бамбука — см. примечания к «Повести об Ин-ин» Юань Чжэна и к стихотворению «Рыбак» Лю Цзун-юаня.

Когда на Сянциане... — Вся эта ария построена на легенде о жемчугах Шуня, бросившихся после его смерти в реку Сян, — см. примечания к «Владыке реки Сян» свода «Чуские строфы».

...горы Цзюишань... — горная гряда массива Цаньгу, на вершине которой, по преданию, был похоронен совершенномудрый государь Шунь (см. также примечания к поэме «Ли сао»).

Малой весны пора — период краткого потепления, который обычно наступал в десятом месяце по лунному календарю.

Действие второе

Палата Ханьлинь — Академия Ханьлинь, см. вступления, посвященные жизни танских и сунских поэтов.

Луский Бянь — легендарный врач эпохи Чжоу, живший в царстве Лу, который считается основателем так называемой теории пульса.

...как близко солнце, как далеко до Чанъани... — устойчивое выражение, восходящее к преданиям о юности цзиньского императора Минди (323–326): рассказывается, что, будучи еще мальчиком, он присутствовал при приеме его отцом (Юань-ди, 317–323) посланника из Чанъани (захваченной в то время «варварами»). На вопрос

отца: что, по-твоему, ближе — солнце или Чанъань? — мальчик-принц ответил, что Чанъань, так как еще никто не видел посланника, прибывшего с солнца. Но когда ему на следующий день задали тот же самый вопрос, он ответил, что ближе, разумеется, солнце, так как, подняв голову, видишь солнце, но не видишь Чанъани.

...почему исчезли рыбы и гуси? — В данном случае образы рыбы и гуся используются в их значении «вестников», которое восходит к анонимному стихотворению III в., содержащему такие строки: «Карпа поджарить мальчику я приказал, — в брюхе у рыбы письмо на шелку увидел»; и к преданию о сунском литераторе Су Ши (см. раздел «Су Ши»), повествующему, что он привязывал отсылаемые им письма к лапке дикого гуся. Кроме того, образ пары рыб является устойчивым поэтизмом — символом счастливой любви (см., например, стихотворение «Думы в женских покоях» Сюй Ганя).

Хуан Сы-нян — имя девушки-красавицы, упоминаемой в стихотворении Ду Фу «Бродя в одиночестве, ищу цветы на берегу Цзяна»: «Возле дома Хуан Сы-нян по тропкам цветы разрослись...»

...как Янь или Лю... — Имеются в виду знаменитые танские каллиграфы (мастера так называемого скорописного стиля) Янь Чжэньцин и Лю Гун-цюань.

...Будто Чжан Сюй... — намек на легенду о прославленном танском каллиграфе Чжан Сюе (впоследствии превратился в божество-покровителя искусства каллиграфии), рассказывающую о том, что он, будучи в состоянии опьянения, потерял кисть для письма и исполнил надпись пучком собственных волос, перевернувшись для этого вверх ногами. Надпись получилась столь искусной, что Чжан Сюй, протрезвев, не смог ее повторить и решил, что она написана духом.

Ван Си-чжи — знаменитый литератор и каллиграф IV в. — см. раздел «Антология „Павильон орхидей“».

Ван Сянь-чжи — сын Ван Си-чжи и тоже известный каллиграф.

...себе выходить запретил... — Название музыкального инструмента — *цин* — является омонимом слова «запретить» (*цин*).

...Как Чао и Ю... — легендарные отшельники Чао Фу и Сюй Ю, которым совершенномудрый государь Яо предложил стать его преемниками, но оба по очереди отказались, причем Сюй Ю даже омыл себе уши, показывая, что подобное предложение осквернило его слух. В целом Чжан Гун намекает, что он не должен слушать соблазнительных речей.

...Тэновый... сундук... — Тэн — дерево с крепкой древесиной.

...пес желтоухий не носит... — намек на легенду о поэте Лу Цзи, которая приводится в сборнике «Ходячие толки в новом пересказе» Лю И-цина, повествующую о том, как он послал письмо родным из Лояна, привязав его к ошейнику своей собаки по кличке Желтоухий.

...Строк стихотворных на листьях алеющих нет... — намек на историю любви танского юноши Юй Ю и наложницы по фамилии Хань из гарема императора Си-цзуна (874–888): Хань написала сти-

хи на листе и пустила его плыть по воде дворцового рва, Юй нашел этот лист, написал ответный стих на другом листе, тоже пустив его по течению, и он попал к Хань. Впоследствии Си-цзун отрекся от трона, и его преемник отпустил всех обитательниц его гарема. Юй и Хань нашли друг друга по этим листьям.

...с веточкой сливы привет. — Намек на историю о поэте V в. Лу Кае, пославшем своему другу Фань Си (из столицы Цзянье, на месте современного города Нанкина, на север) веточку цветущей сливы со стихами.

...Чжо Вэнь-цзюнь... Сян-жу... — См. разделы «Сыма Сян-жу» и «Чжо Вэнь-цзюнь».

Действие третье

Три основы — небо, земля и человек — см. примечания к поэме «Вопросы к Небу» из свода «Чуские строфы».

«...хоть силен, но не зол»... — Хун-нян трижды цитирует конфуцианские канонические книги, дважды — «Лунь юй» («Рассуждения и речения»), в которой собраны высказывания Конфуция; в третий раз — «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин»).

...как в Ци или Лу... — «Беседы» — сокращенное название «Лунь юя», основные комментарии к которому были составлены при Хань учеными из областей Ци и Лу (провинция Шаньдун).

...За Ханем и Лю... — Имеются в виду танские литераторы Хань Юй и Лю Цзун-юан (см. соответствующие разделы).

...Знаки назвав по частям. — Имеется в виду разновидность «иероглифических загадок»: называются отдельные элементы иероглифа, по которым отгадывающий должен угадать, какой это знак.

Он — «человек» и «хороший» — отдельные элементы (графемы), составляющие иероглиф «прекрасный».

Цинь, Цзинь — чжоуские царства, которые до VI в. до н.э. находились в союзнических отношениях, скрепляя их брачными связями.

Как было с Хань Шоу... — намек на историю любви знатной красавицы III в. — дочери вельможи Цзя Чуня, которая влюбилась в простого юношу Хань Шоу и послала ему куренья, подаренные ей в свое время императором для вручения тому, кто станет ее мужем. Когда этот поступок стал известен, отцу ничего не оставалось, как выдать дочь замуж за Хань Шоу.

...Как будто Хэ-лану... — Имеется в виду известный деятель периода Троецарствие — Хэ Янь, обладавший необыкновенно красивой внешностью. Государь, увидев его в первый раз, решил, что его лицо столь белое и гладкое потому, что напудрено, и заставил его в жару есть горячую пищу. Но от пота его лицо стало еще блее.

...ей воздвигли... — В XII–XIV вв. в Китае существовал обычай, по которому для девушки из знатной семьи по достижении ею 18 лет, если она еще не была просватана, на людной улице воздвигалась увитая разноцветными лентами вышка. Девушка поднималась на нее и

бросала выпитый мяч в какого-либо из проходящих мимо мужчин. Тот, в кого попадал мяч, обязан был стать ее мужем.

Действие четвертое

Золотая шапка и алое платье — официальный наряд супруги сановника.

Титул ханьлиня — т.е. звание и должность зачисленного в штат Академии Ханьлинь.

Повозка семи ароматов — образное название экипажа супруги сановника.

...плети неся пред собою... — По обычаю, идущему еще с древности, девушка вручала жениху шелковую плетть.

Чжантай — исходно название главной улицы ханьского Лояна, затем — образное название главной и наиболее многолюдной улицы любого города.

...Чтоб алое мы не сменили лиловым... — тоже цитата из «Лунь Юя»: «Я негодую, что алые одежды вытесняются лиловыми», — которую Чжан Гун употребляет в смысле своего протеста против жениховства Чжан Хэна.

Ты, словно Владыка Востока... — См. примечания к своду «Чуские строфы».

Сунь или Пан... — Сунь Бинь и Пан Цзюань — чжоуские мудрецы-сановники, служившие соответственно в царствах Ци и Вэй.

...Цзя и Сыма... — Цзя И и Сым Сян-жу (см. соответствующие разделы).

...пробивался к улинским цветам... — намек на легенду о лекарях-друзьях Юань Чжао и Лю Чэне, живших во II в., которые, собирая лекарственные травы на берегах реки Улин (в горах Тяньтайшань, провинция Чжэцзян), сбились с пути и вышли к пещере. В ней их встретили девы-небожительницы, угостившие их дивными яствами и наутро отпустившие домой. Но когда друзья вернулись домой, то застали уже седьмое поколение своих потомков, — столько времени на самом деле они провели в волшебной пещере. Смысл данного выражения — стремиться к чему-то тайному, сокровенному.

...Восемь зверей... — На дверях государственных учреждений вырезались изображения восьми зверей.

...три служенья... четыре достоинства... — См. примечания к пьесе «Обида Доу Э».

...экзамены сдав, начертал на столбе... — намек на легенду о надписи, сделанной Сыма Сян-жу, — см. примечания к пьесе «Душа расстается с телом».

...Кличут горы... — Согласно легенде, когда ханьский император У-ди однажды поднялся в горы, он услышал, как они воскликнули: «Да здравствует государь!»

Си, Сюань — древнее божество-правитель Фу Си и Яо.

Список научных изданий по истории китайской литературы

- Алексеев В. М. Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту. СПб., 1916.
- Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.
- Алимов И. А. Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников *бицзи*. СПб., 1996. Ч. 1.
- Бежин Л. Е. Се Линъюнь. М., 1980.
- Бежин Л. Е. Ду Фу. М., 1987.
- Васильев В. П. Очерки истории китайской литературы // Всеобщая история литературы. СПб., 1980. Т. 1.
- Голыгина К. И. Новелла средневекового Китая. Истоки сюжетов и их эволюция, VIII—XIV вв. М., 1980.
- Голыгина К. И. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983.
- Желуховцев А. Н. Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая: Некоторые проблемы происхождения и жанра. М., 1969.
- Зинин С. В. Протест и пророчество в традиционном Китае. М., 1997.
- Конрад Н. И. Избранные труды: Литература и театр. М., 1978.
- Конрад Н. И. Избранные труды: Синология. М., 1977.
- Кравцова М. Е. Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. СПб., 1994.
- Кравцова М. Е. Поэзия Вечного просветления. Китайская лирика второй половины V — начала VI века. СПб., 2001.
- Лисевич И. С. Древнекитайская поэзия и народная песня. М., 1969.
- Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. М., 1979.
- Малиновская Т. А. Очерки по истории китайской классической драмы в жанре цзацзюй (XIV—XVII вв.). СПб., 1996.

СПИСОК НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ ПО ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 751

- Малевич В. В. Жуань Цзи. О жизни и творчестве китайского поэта и мыслителя Жуань Цзи. М., 1978.
- Рифтин Б. Л. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1960.
- Рифтин Б. Л. Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре. М., 1961.
- Рифтин Б. Л. От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979.
- Семанов В. И. Эволюция китайского романа. Конец XVIII — начало XX вв. М., 1970.
- Серебряков Е. А. Ду Фу: Критико-биографический очерк. М., 1958.
- Серебряков Е. А. Лу Ю. Поездка в Шу. Л., 1968.
- Серебряков Е. А. Китайская поэзия X—XI веков. Жанры *ши* и *цы*. Л., 1979.
- Соколов-Ремизов С. Н. Литература, каллиграфия, живопись. М., 1986.
- Сорокин В. Ф. Китайская классическая драма XIII—XIV вв. Генезис, структура, образы, сюжеты. М., 1979.
- Сорокин В. Ф., Эйдлин Л. З. Китайская литература: Краткий очерк. М., 1962.
- Спешнев Н. А. Китайская простонародная литература: Песенно-повествовательные жанры. М., 1986.
- Сторожук А. Г. Юань Чжэнь: Жизнь и творчество поэта эпохи Тан. СПб., 2001.
- Томихай Т. Х. Юй Синь. М., 1988.
- Федоренко Н. Т. Китайская литература (Очерки по истории китайской литературы). М., 1956.
- Федоренко Н. Т. Древние памятники китайской литературы. М., 1978.
- Федоренко Н. Т. Цюй Юань. История и проблемы творчества. М., 1986.
- Фишман О. Л. Китайский сатирический роман. Эпоха просвещения. М., 1966.
- Фишман О. Л. Ли Бо: Жизнь и творчество. М., 1958.
- Фишман О. Л. Три китайских новеллиста XVII—XVIII вв. (Пу Сун-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй). М., 1980.
- Черкацкий Л. Е. Поэзия Цао Чжи. М., 1963.
- Эйдлин Л. З. Тао Юань-мин и его стихи. М., 1965.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. <i>М. Кравцова</i>	5
---	---

ПОЭЗИЯ

I. Древнейшие поэтические памятники

1) АНТОЛОГИЯ «ШИ ЦЗИН»	47
ИЗ РАЗДЕЛА «НРАВЫ ЦАРСТВ»	50
Как друг друга кликали. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	50
Саранча. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	50
О линь, твои стопы. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	51
Громко грохочет гром. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	51
Солнце и луна. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	52
Грохочущий барабан. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	52
Северные ворота. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	53
Северный ветер. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	54
Та девица-скромница. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	54
У низины да у Фэнь у реки. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	55
Одинокая груша. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	55
Нет одежды. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	56
Славное начало. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	56
Сова. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	57
ИЗ РАЗДЕЛА «МАЛЫЕ ОДЫ»	57
Олени кричат. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	57
Четверка коней. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	58
Не толкай ты большую телегу. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	59
ИЗ РАЗДЕЛА «ВЕЛИКИЕ ОДЫ»	59
Чудесная башня. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	59
ИЗ РАЗДЕЛА «ГИМНЫ»	60
Небо воздвигло. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	60
О, горе мне, горе! <i>Пер. М. Кравцовой</i>	60
Сытые кони. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	61

СОДЕРЖАНИЕ

753

2) СВОД «ЧУСКИЕ СТРОФЫ»	61
Ли Саф (отрывок). <i>Пер. М. Кравцовой</i>	64
Из цикла «Девять песен»	71
Владике реки Сян. <i>Пер. А. Гитовича</i>	71
Хэ-бо. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	74
Горному духу. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	75
Вопросы к Небу (отрывок). <i>Пер. М. Кравцовой</i>	76
Из цикла «Девять напевов»	78
С камнем в объятьях. <i>Пер. А. Гитовича</i>	79
Отец-рыбак. <i>Пер. В. Алексеева</i>	81
СУН ЮЙ	82
Девять рассуждений (отрывок). <i>Пер. М. Кравцовой</i>	83
ХУАЙНАНЬ-СЯОШАНЬ	90
Призывание сокрывшегося от мира. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	90
3) ОДЫ СУН ЮЯ	92
Святая фея. <i>Пер. В. Алексеева</i>	93

II. Поэзия эпохи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.)

1) ОДИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ	97
ЦЗЯ И (201—169 гг. до н. э.)	98
Плач по Цюй Юаню. <i>Пер. Е. Торчинова и Я. Боевой</i>	99
Ода о сове. <i>Пер. Е. Торчинова и Я. Боевой</i>	101
СЫМА СЯН-ЖУ (179—117 гг. до н. э.)	104
Там, где длинны ворота. <i>Пер. В. Алексеева</i>	106
ВАН ЯНЬ-ШОУ (нач. II в.)	109
Ода о сне. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	109
ЧЖАН ХЭН (78—139)	112
Возвращение к полям. <i>Пер. Е. Торчинова и Я. Боевой</i>	112
2) ПЕСНИ-ЮЭФУ	113
К югу от города. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	115
Высока гора Ушань. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	115
Ну так выпьем вина! <i>Пер. М. Кравцовой</i>	116
Господина конь гнедой. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	116
Подхожу к высокой башне. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	117
На листьях роса. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	117
Хаоли. <i>Пер. М. Кравцовой</i>	117
К востоку от Мирной гробницы. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	117
Туты на меже. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	118
Песня о долгой жизни. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	120
Западные ворота. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	121
Восточные ворота. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	122
Пою коня у ручья в пробоеине Великой стены. <i>Пер. Б. Вахтина</i>	122

3) ДРЕВНИЕ СТИХИ-ГУШИ	123
Второе стихотворение. Пер. Л. Эйдли	124
Третье стихотворение. Пер. Л. Эйдли	124
Шестое стихотворение. Пер. Л. Эйдли	125
Четырнадцатое стихотворение. Пер. Л. Эйдли	126
Пятнадцатое стихотворение. Пер. Л. Эйдли	127
4) АВТОРСКИЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	127
ХАНЬСКИЙ У-ДИ	127
Осенний ветер. Пер. М. Кравцовой	128
ЧЖО ВЭНЬ-ЦЗЮНЬ	129
Плач о сединах. Пер. С. Торопцева	129
БАНЬ-цзюй (46?—8? гг. до н. э.).	129
Песня о моей обиде. Пер. Б. Вахтина	130
ЧЖАН ХЭН	130
Песня о созвучии. Пер. М. Кравцовой	130
ЦАЙ ЯНЬ (172—220)	131
Скорбные строки (отрывок). Пер. В. Журавлева	132

III. Поэзия эпохи Шести династий (220—589)

1) «ЦЗЯНЬАНЬСКАЯ ПОЭЗИЯ»	137
ЦАО ЦАО (155—220)	138
Минуя заставы в горах. Пер. М. Кравцовой	140
Пройду через Восточные, Западные ворота. Пер. М. Кравцовой	141
Туты на меже. Пер. М. Кравцовой	142
ЦАО ПИ (187—226)	143
Из цикла «Три стихотворения о Лияне». Пер. М. Кравцовой	145
Из цикла «Песни Яньгэ». Пер. М. Кравцовой	145
Пруд с цветами фужуна. Пер. М. Кравцовой	146
День расцветает в пурпуре зари. Пер. М. Кравцовой	146
Удочка. Пер. М. Кравцовой	147
ЦАО ЧЖИ (192—232)	147
Наследник сидит. Пер. М. Кравцовой	148
Креветка и угорь. Пер. М. Кравцовой	149
Вздохи. Пер. М. Кравцовой	149
Стихи за семь шагов. Пер. М. Кравцовой	150
Семь печалей. Пер. М. Кравцовой	150
Песня о путешествии вдаль. Пер. М. Кравцовой	150
ВАН ЦАНЬ (?—217)	151
Из цикла «Стихи о разном». Пер. М. Кравцовой	152
Цикл «Семь печалей». Пер. М. Кравцовой	152
ЛЮ ЧЖЭНЬ (?—217)	154
Подстреленный коршун. Пер. М. Кравцовой	154
Цикл «Послания к брату». Пер. М. Кравцовой	155

ЖУАНЬ ЮЙ (?—217)	155
Стихи без названия. Пер. М. Кравцовой	156
Семь печалей. Пер. М. Кравцовой	156
ИН ЯН (?—217)	157
Цикл «Стихи о разлуке». Пер. М. Кравцовой	157
ЧЭНЬ ЛИНЬ (?—217)	157
Напоил коня из родника у Великой стены. Пер. А. Адуевского	158
СЮЙ ГАНЬ (170—217)	159
Цикл «Думы в женских покоях». Пер. М. Кравцовой	160
КУН ЖУН (153—208)	162
Из цикла «Стихи о разном». Пер. М. Кравцовой	162
2) ЦЗИ КАН (224—263) И ЖУАНЬ ЦЗИ (210—263)	163
ЦЗИ КАН	166
Из цикла «Дар Сючаю, уходящему в поход». Пер. В. Рогова	166
ЖУАНЬ ЦЗИ	167
Из цикла «Пою о чувствах». Пер. В. Малявина	167
3) «ПОЭЗИЯ В СТИЛЕ ТАЙКАН»	170
ЛУ ЦЗИ (261—303)	171
На тему «Песня Мэнху». Пер. М. Кравцовой	172
Из цикла «Два стихотворения, созданных по дороге в Лоян».	
Пер. М. Кравцовой	173
ЧЖАН ХУА (232—300)	173
Из цикла «Три стихотворения, написанных в ответ Хэ Шао».	
Пер. М. Кравцовой	174
Призывание сокрывшегося от мира. Пер. М. Кравцовой	174
Из цикла «Путешествие к бессмертным». Пер. М. Кравцовой	175
Из цикла «Пять стихотворений о чувствах». Пер. М. Кравцовой	175
ЦЗО СЫ (250?—305?)	176
Из цикла «Стихи на исторические темы». Пер. В. Журавлева	176
Из цикла «Призывание сокрывшегося от мира».	
Пер. М. Кравцовой	178
4) «СТИХИ О СОКРОВЕННОМ»	179
СУНЬ ЧО (314—347)	180
Осенний день. Пер. М. Кравцовой	180
ЮЙ ЧАНЬ (286—339)	181
Из цикла «Путешествие к бессмертным». Пер. М. Кравцовой	181
ГО ПУ (276—324)	181
Из цикла «Путешествие к бессмертным». Пер. М. Кравцовой	182
5) АНТОЛОГИЯ «ПАВИЛЬОН ОРХИДЕЙ»	182
СЕ АНЬ (320—385)	183
«Радуюсь приходу благодатных дней...» Пер. Л. Бежина	183

СЕ ВАНЬ (IV в.)	183
«Свое полотнище свернул...» Пер. Л. Бежина	183
6) ТАО ЮАНЬ-МИН (365?—427?)	184
Из цикла «Возвратился к полям и огородам».	
Пер. Л. Эйшлина	187
Из цикла «За вином». Пер. Л. Эйшлина	189
Из цикла «Подражаю древнему». Пер. Л. Эйшлина	190
Тело, тень, дух. Пер. Е. Торчинова и Я. Боевой	191
7) СЕ ЛИН-ЮНЬ (385—433)	193
В девятый день девятого месяца в свите сунского государя	
пирую на Башне резвящихся скакунов. Провожаем Кун	
Цзина. Пер. Л. Бежина	196
Вечером выхожу из зала Сишэ. Пер. Л. Бежина	197
Поднимаюсь на Одинокый Утес посреди реки. Пер. Л. Бежина	198
Возвращаюсь из Сокровенной обители в местечке Каменные	
Стены. Пишу посередине озера. Пер. Л. Бежина	198
Иду по лошаине, где рубят бамбук, пересекаю горы и ручей.	
Пер. Л. Бежина	199
Входим в озеро Пэнли. Пер. Л. Бежина	200
8) БАО ЧЖАО (405?—466)	201
Из цикла «Подражаю дорожным тяготам». Пер. Л. Бежина	203
Из цикла «Подражание древнему». Пер. Л. Бежина	204
Дарю на прощание господину Фу. Пер. Л. Бежина	204
Опадают цветы сливы мэй. Пер. Л. Бежина	205
9) «ПОЭЗИЯ В СТИЛЕ ЮНМИН»	206
ШЭНЬ ЮЭ (441—513)	206
На тему «Зелена-зелена трава на берегу реки».	
Пер. М. Кравцовой	207
Песня о бесконечном. Пер. М. Кравцовой	208
По высочайшему повелению написал о пире у петляющей	
реки, устроенном в палатах Линьгуандянь в честь	
Празднества Третьего дня третьего месяца. Пер. М. Кравцовой	208
Путешествую по горам Цзиньхуашань. Пер. М. Кравцовой	209
Воспеваю юную невесту. Пер. М. Кравцовой	209
Прощаюсь с Фанем из Аньчэна. Пер. М. Кравцовой	210
По высочайшему повелению написал о дожде во дворе.	
Пер. М. Кравцовой	210
Скорблю об умершей жене. Пер. М. Кравцовой	210
СЕ ТЯО (464—499)	211
Странствую по горам Цзинтиншань. Пер. М. Кравцовой	212
Пью вино вместе с господином Ваном из Цзиньани.	
Пер. М. Кравцовой	212

Ночью еду по дороге, ведущей в столицу. Пер. М. Кравцовой	213
На закате солнца греемся вместе с чиновником Хэ.	
Пер. М. Кравцовой	213
ВАН ЖУН (467—494)	213
Песня о просветленном князе. Пер. М. Кравцовой	214
Из цикла «Путешествие к бессмертным». Пер. М. Кравцовой	215
Из цикла «Песни о Дхарме». Пер. М. Кравцовой	215
СЯО ЯНЬ (464—549)	215
Из цикла «Песни Полночи». Пер. М. Кравцовой	216
10) ЮЙ СИНЬ (513—581)	217
Из цикла «Подражание стансам на тему „Воспоминания“».	
Пер. Ю. Попкова	218
11) ПЕСНИ-ЮЭФУ ЮЖНЫХ И СЕВЕРНЫХ ДИНАСТИЙ	220
ЮЖНЫЕ ЮЭФУ	221
ПЕСНИ МЕСТНОСТИ У	221
Песни на мотив «Полночь». Пер. Б. Вахтина	221
Песни на мотив «Четыре времени года». Пер. Б. Вахтина	222
На мотив «Песни священных струн». Пер. Б. Вахтина	224
ЗАПАДНЫЕ ПЕСНИ	225
Песни на мотив «Рву тутовые листья». Пер. Б. Вахтина	225
СЕВЕРНЫЕ ЮЭФУ	225
Песнь о Му-лань. Пер. А. Адалис	225

IV. Поэзия эпохи Тан (618—907)

1) МЭН ХАО-ЖАНЬ (689—740)	229
Весеннее утро. Пер. Л. Эйшлина	230
Ночью на реке Цзяньдэ. Пер. Л. Эйшлина	230
На прощание с Ван Вэем. Пер. Л. Эйшлина	231
Пишу на стене кельи учителя И. Пер. Л. Эйшлина	231
В деревне у друга. Пер. Л. Эйшлина	232
Летом в южной беседке думаю о Сине Старшем.	
Пер. Л. Эйшлина	232
Ночью возвращаюсь в Лумэнь. Пер. Л. Эйшлина	233
Осенью поднимаюсь на Ланьшань. Посылаю Чжану Пятому.	
Пер. Л. Эйшлина	233
2) ВАН ВЭЙ (701?—761?)	234
Из цикла «Река Ванчуань». Пер. А. Гитовича	237
Из цикла «Дом Хуанфу Юэ в Долине облаков».	
Пер. А. Гитовича	238
Из цикла «Радости сельской жизни». Пер. А. Гитовича	239
Из цикла «Наложница Бань». Пер. А. Гитовича	239
Шутя пишу о горной скале. Пер. А. Гитовича	240

Оплакиваю Мэн Хао-жаня. Пер. А. Гитовича	240
Наблюдаю охоту. Пер. А. Гитовича	241
Проживаю на берегу Ванчуань. Пер. А. Гитовича	241
Праздно проживая на берегу Ванчуань, преподношу сюаю	
Пэй Ди. Пер. А. Гитовича	242
Осенью в горах. Пер. А. Гитовича	242
Жизнь в горах. Пер. А. Гитовича	243
Прохожу мимо храма Собравшихся благовоний.	
Пер. А. Гитовича	244
3) ЛИ БО (701–762)	244
Ночной крик ворона. Пер. А. Гитовича	247
Путешествие при северном ветре. Пер. А. Гитовича	248
Стихи о краткости жизни. Пер. А. Гитовича	249
Думы тихой ночью. Пер. А. Гитовича	250
Из цикла «Песни Цзые» Пер. А. Гитовича	251
Посвящаю Мэн Хао-жаню. Пер. А. Гитовича	252
Шутя преподношу моему другу Ду Фу. Пер. А. Гитовича	252
Провожу Ду Фу на востоке округа Лу у горы Шимэнь.	
Пер. А. Гитовича	253
С кубком в руке вопрошаю луну. Пер. А. Гитовича	253
Смотрю на водопад в горах Лушань. Пер. А. Гитовича	254
В горах Лушань смотрю на юго-восток, на пик Пяти	
Стариков. Пер. А. Гитовича	255
Осенью поднимаюсь на северную башню Се Тяо	
в Сюаньчэне. Пер. А. Гитовича	255
Су У. Пер. А. Гитовича	256
Из цикла «Под луной одиноко пью»	257
Провожу ночь с другом. Пер. А. Гитовича	259
С отшельником пью в горах. Пер. А. Гитовича	259
Одиноко сижу в горах Цзинтиншань. Пер. А. Гитовича	260
Зимним днем возвращаюсь к своему старому жилищу	
в горах. Пер. А. Гитовича	260
4) ДУ ФУ (712–770)	261
Взираю на священную вершину. Пер. А. Гитовича	264
Весенним днем вспоминаю Ли Бо. Пер. А. Гитовича	265
Песнь о боевых колесницах. Пер. А. Гитовича	266
Лунная ночь. Пер. А. Гитовича	270
Оплакиваю поражение при Чэньтао. Пер. А. Гитовича	271
Деревня Цянцунь. Пер. А. Гитовича	272
Чиновник в Синьани. Пер. А. Гитовича	273
Жаль. Пер. А. Гитовича	275
Весенней ночью радуюсь дождю. Пер. А. Гитовича	275
Поднявшись на высоту. Пер. А. Гитовича	276
Прибыл гость. Пер. А. Гитовича	277

5) ГАО ШИ (702?–765?)	277
Яньский напев. Пер. Л. Мельшикова	278
Провожу Дуна Старшего. Пер. Л. Эйлина	280
6) ХАНЬШАНЬ-ЦЗЫ (VIII В.). Пер. Л. Бежина	280
7) ХАНЬ ЮЙ (768–824)	282
Горы и камни. Пер. В. Рогова	284
В пятнадцатый день восьмой луны дарю Чжан Гунцао.	
Пер. В. Рогова	285
8) ЛЮ ЦЗУН-ЮАНЬ (773–819)	287
Рыбак. Пер. М. Басманова	288
В городе Лючжоу поднимаюсь на башню городской стены	
и посылаю привет друзьям в области Чжан, Фэн и Лянь.	
Пер. М. Басманова	288
Снег над Цзяном. Пер. А. Гитовича	289
9) БО ЦЗЮЙ-И (772–846)	289
Я смотрю, как убирают пшеницу. Пер. Л. Эйлина	291
Спрашиваю у друга. Пер. Л. Эйлина	293
Я сшил себе теплый халат. Пер. Л. Эйлина	293
Из цикла «Циньские напевы». Пер. Л. Эйлина	294
Из цикла «Новые народные песни». Пер. Л. Эйлина	296
Цветок не цветок... Пер. М. Басманова	297
Весна в Чанъани. Пер. Л. Эйлина	297
Ночью в лодке. Пер. Л. Эйлина	298
Персиковые цветы в храме Далинь. Пер. Л. Эйлина	298
Ночной дождь. Пер. Л. Эйлина	298
Читая Лао-цзы. Пер. Л. Эйлина	299
10) ЮАНЬ ЧЖЭНЬ (779–831)	299
Из цикла «Три стихотворения на смерть жены».	
Пер. А. Гитовича	300
Услышал о том, что мой друг Бо Цзюй-и приговорен к	
ссылке в Цзюцзян. Пер. А. Гитовича	301
Забытый дворец. Пер. А. Гитовича	302
11) ДУ МУ (803–852)	302
Подплываю к набережной Циньхуай. Пер. А. Сергеева	303
Прогулка в горы. Пер. А. Гитовича	303
Осенний вечер. Пер. А. Сергеева	303
Из цикла «Думаю о прежних путешествиях». Пер. А. Сергеева	304
Сожаление. Пер. А. Сергеева	304
Сад Цзиньгу. Пер. А. Сергеева	304
Весна в Цзяннани. Пер. А. Сергеева	304
12) ЛИ ШАН-ИНЬ (813–858)	305
Цзя И. Пер. А. Гитовича	306
Без названия. Пер. А. Сергеева	306

Суйский дворец. Пер. В. Рогова	306
Опавшие цветы. Пер. А. Сергеева	307
13) ВЭНЬ ТИН-ЮНЬ (812?–866?)	307
Храм Су У. Пер. М. Басманова	308
Утро в горах Шаншань. Пер. М. Басманова	309
На мелодию «И Цзяннань». Пер. М. Басманова	309
На мелодию «Гэндоуцзы». Пер. М. Басманова	309
V. Поэзия X–XIII вв. эпохи Пяти династий (907–960), Северная Сун (960–1127) и Южная Сун (1127–1279)	
1) ЛИ ЮЙ (937–978)	311
На мелодию «Лантаоша». Пер. М. Басманова	312
На мелодию «Уети». Пер. М. Басманова	312
На мелодию «Лантаоша». Пер. М. Басманова	313
На мелодию «Почжэнцзы». Пер. М. Басманова	313
2) ЛЮ ЮН (1-я пол. XI в.)	314
На мелодию «Юйлиньлин». Пер. М. Басманова	315
На мелодию «Башэн-Ганьчжоу». Пер. М. Басманова	316
3) ОУЯН СЮ (1007–1072)	317
Из цикла «Строфы об озере Сиху» (На мелодию «Цайсанцзы»). Пер. М. Басманова	320
На мелодию «Шэнчанцзы». Пер. М. Басманова	320
Чжан Шэну. Пер. Г. Ярославцева	321
Два благородных дерева возле дома. Пер. Г. Ярославцева	321
Сквозь сон... Пер. Г. Ярославцева	322
Из цикла «Пятнадцать стихотворений на разные темы, созданных во время путешествия в Лунмэнь».	
Пер. Г. Ярославцева	322
4) ВАН АНЬ-ШИ (1021–1086)	323
Песнь о Мин-фэй. Пер. А. Сергеева	324
Мэйхуа. Пер. А. Сергеева	325
На реке. Пер. Г. Ярославцева	325
5) СУ ШИ (1036–1101)	326
На мелодию «Шаонянью». Пер. М. Басманова	329
Пишу о том, что видел во сне в двадцатую ночь месяца чжэн года имао (На мелодию «Цзянчэнцзы»). Пер. М. Басманова	329
Ночью возвращаюсь в Линьгао (На мелодию «Линьцзянсянь»). Пер. М. Басманова	330
Ночью на горе Девяти Святых. Пер. И. Голубева	331
Проезжаю храм Золотой горы. Пер. И. Голубева	331
Надпись на стене храма Западного леса. Пер. И. Голубева	333
Тени. Пер. И. Голубева	333

«Лишь добрался до этого края...» Пер. И. Голубева	333
Цветы персика. Пер. А. Гитовича	333
6) ХУАН ТИН-ЦЗЯНЬ (1045–1105) И «ЦЗЯНСИЙСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ШКОЛА»	334
На мелодию «Цинпинъюэ». Пер. М. Басманова	336
Поднявшись в беседку Куайгэ. Пер. А. Сергеева	336
Под дождем гляжу на гору Цзюньшань из беседки Юэян. Пер. А. Сергеева	337
7) ЛИ ЦИН-ЧЖАО (1084–1147?)	337
На мелодию «Жумэнлин». Пер. М. Басманова	338
На мелодию «Шэншэнмань». Пер. М. Басманова	339
На мелодию «Цзуйхуаинь». Пер. М. Басманова	340
На мелодию «Улинчунь». Пер. М. Басманова	340
8) ЯН ВАНЬ-ЛИ (1125?–1206)	341
Песня о тех, кто сажает рис. Пер. М. Кравцовой	343
Скорблю о крестьянине. Пер. М. Кравцовой	343
Во второй день пятого месяца страдаю от жары. Пер. М. Кравцовой	343
Проезжаю мимо озера Синькайху в уезде Баоинсянь. Пер. М. Кравцовой	344
Озеро. Пер. М. Кравцовой	344
9) ФАНЬ ЧЭН-ДА (1126–1193)	345
Сидя ночью. Пер. В. Вельгуса	346
Из цикла «Стихи о полях и садах, выражающие настроения, навеянные четырьмя временами года». Пер. А. Гитовича	346
На крыше голубая черепица. Пер. И. Голубева	347
10) ЛУ Ю (1125–1210)	347
Слаблю мэйхуа (На мелодию «Бусуаньцзы»). Пер. М. Басманова	349
Пою на берегу за кубком вина. Пер. И. Голубева	349
Весной смотрю вдаль. Пер. И. Голубева	350
В восточной деревне. Пер. И. Голубева	351
Весенний день. Пер. И. Голубева	351
Думы осенью. Пер. И. Голубева	352
Себе. Пер. И. Голубева	352
Завещаю сыновьям. Пер. И. Голубева	352
11) СИНЬ ЦИ-ЦЗИ (1140–1207)	353
Пишу в праздник середины осени в Цзянькане и посвящаю Люй Шу-цяню (На мелодию «Тайчангын»). Пер. М. Басманова	354
На мелодию «Маньцзянхун». Пер. М. Басманова	355
Написано на стене по дороге в Бошань (На мелодию «Чоунуэр»). Пер. М. Басманова	356
Посвящаю Чэнь Тун-фу (На мелодию «Почжэнцзы»). Пер. М. Басманова	356

VI. Поэзия эпохи Юань (1271–1368)

1) ЧЖАО МЭН-ФУ (1254–1322)	357
Могила полководца Юэ Фэя. Пер. И. Смирнова	358
2) ВАН МЯНЬ (1287–1359)	358
Цветы сливы. Пер. И. Смирнова	359
3) НИ ЦЗАНЬ (1301–1374)	359
Случайно написал в пятый день шестого месяца.	
Пер. Е. Витковского	360
Надпись к картине. Пер. И. Смирнова	360
4) ЮАНЬСКИЕ АРИИ-ЦЮЙ	360
ВАН ХЭ-ЦИН (?)	360
Весенние думы. Пер. С. Торопцева	360
Вздыхаю. Пер. С. Торопцева	361
БО ПУ (1226?–1310?)	361
Весна. Пер. С. Торопцева	362
Лето. Пер. С. Торопцева	362
Лето. Пер. С. Торопцева	362
Осень. Пер. С. Торопцева	362
Зима. Пер. С. Торопцева	363
ЧЖАН КЭ-ЦЗЮНЬ (1275?–1345?)	363
Весенний вечер. Пер. С. Торопцева	363
Осенние думы. Пер. С. Торопцева	364
Осенний сон. Пер. С. Торопцева	364
Ночь весны. Пер. С. Торопцева	365
Надвигается вечер. Пер. С. Торопцева	365
Весна вечерняя. Пер. С. Торопцева	365
Чувство разлуки. Пер. С. Торопцева	365

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА

I. Рассказ-сюэ эпохи Шести династий

1) ИЗ СБОРНИКА ХАНЬДАНЬ ШУНЯ (132?–?) «ЛЕС УЛЫБОК»	369
Мудрый совет. Пер. Б. Рифтина	369
Отведал баранины. Пер. Б. Рифтина	369
Скупец. Пер. Б. Рифтина	370
2) ИЗ СБОРНИКА ГЭ ХУНА (283?–343?) «ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТЫХ И БЕССМЕРТНЫХ»	370
Лао-цзы (фрагмент). Пер. И. Лисевича	371
Бо Шань-фу. Пер. И. Лисевича	374

3) ИЗ СБОРНИКА ЛЮ И-ЦИНА (403–444) «ХОДЯЧИЕ ТОЛКИ В НОВОМ ПЕРЕСКАЗЕ»	375
Цзо Сы сочиняет «Оду о трех столицах».	
Пер. В. Сухорукова	376
Юй Чань сочиняет «Оду о славной столице».	
Пер. В. Сухорукова	376
Великий наставник Сыма. Пер. В. Сухорукова	377
Ван Янь и Юй Гуй. Пер. В. Сухорукова	377
Как Жуань Сюань-цзы рассуждал о привидениях.	
Пер. В. Сухорукова	377
Сообразительный Ван Жун. Пер. В. Сухорукова	377
Цзу Юэ и Жуань Фу. Пер. В. Сухорукова	378
Хуань Вэнь и Лю Тань. Пер. В. Сухорукова	378
Находчивый Лю Лин. Пер. В. Сухорукова	378

II. Танская новелла-чуаньци

1) ЧЭНЬ СЮАНЬ-Ю (VIII в.). ДУША, КОТОРАЯ РАССТАЛАСЬ С ТЕЛОМ. Пер. А. Тишкова	380
2) ФАН ЦЯНЬ-ЛИ (IX в.). ИСТОРИЯ ГЕТЕРЫ ЯН. Пер. О. Фишман	382
3) ЮАНЬ ЧЖЭНЬ (779–831). ПОВЕСТЬ ОБ ИН-ИН. Пер. О. Фишман	384
4) ХУАНФУ ШИ. СТОЛИЧНЫЙ УЧЕНЫЙ. Пер. О. Фишман	394

III. Городская повесть-хуабэнь эпохи Сун (X–XIII вв.) и повествовательная проза XVII–XVIII вв.

1) ИЗ СБОРНИКА «ПРОСТОНАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ, ИЗДАННЫЕ В СТОЛИЦЕ»	396
Честный приказчик Чжан. Пер. И. Зограф	396
2) ИЗ СБОРНИКА «СЛОВО ПРОСТОЕ, МИР ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩЕЕ»	413
Старый сюэцый воздаст за добро.	
Пер. В. Вельгуса и И. Циперович	414

IV. Роман

1) ЛО ГУАНЬ-ЧЖУН (XIV в.). ТРОЕЦАРСТВИЕ. Пер. В. Панасюка	434
Глава первая...	437
Глава тридцать восьмая...	443
Глава семьдесят восьмая...	449
2) ШИ НАЙ-АНЬ (1296–1370). РЕЧНЫЕ ЗАВОДИ. Пер. А. Рогачева	454
Глава двадцать первая...	456
Глава двадцать вторая...	470

Глава сорок первая...	485
Глава семидесятая...	501
3) У ЧЭНЬ-ЭНЬ (1500?–1582). ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД.	
<i>Пер. А. Рогачева</i>	509
Глава пятая...	513
Глава пятьдесят пятая...	531
4) ЦАО СЮЭ-ЦИНЬ (1724?–1764). СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ.	
<i>Пер. В. Папасюка</i>	553
Глава девятнадцатая...	556

ДРАМА

1) ГУАНЬ ХАНЬ-ЦИН (1240?–1310?). ОБИДА ДОУ Э.	
<i>Пер. Н. Спешнева</i>	577
Действие четвертое	579
2) МА ЧЖИ-ЮАНЬ (1250?–1323?). ОСЕНЬ В ХАНЬСКОМ ДВОРЦЕ.	
<i>Пер. Е. Серебрякова</i>	588
Действие третье	590
3) ЧЖЭН ГУАН-ЦЗУ. ДУША РАССТАЕТСЯ С ТЕЛОМ.	
<i>Пер. Л. Меньшикова</i>	598
Сецзы	599
Действие второе	602
4) ШИ ЦЗЮНЬ-БАО. ЦЮ-ХУ СОБЛАЗНЯЕТ СВОЮ ЖЕНУ.	
<i>Пер. О. Фишман</i>	609
Действие третье	610
5) ВАН ШИ-ФУ (?–1330?). ЗАПАДНЫЙ ФЛИГЕЛЬ.	
<i>Пер. Л. Меньшикова</i>	618
Часть пятая	619

Примечания к переводам произведений

ПОЭЗИЯ	657
I. Древнейшие поэтические памятники	657
II. Поэзия эпохи Хань	672
III. Поэзия эпохи Шести династий	682
IV. Поэзия эпохи Тан	704
V. Поэзия X–XIII вв.	720
VI. Поэзия эпохи Юань (1271–1368)	729

Содержание	765
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПРОЗА	730
I. Рассказ-сяошо эпохи Шести династий	730
II. Танская новелла-чуаньци	732
III. Городская повесть-хуабэнь эпохи Сун (X—XIII вв.) и повествовательная проза XIV—XVIII вв.	734
IV. Роман	737
ДРАМА	743
Список научных изданий по истории китайской литературы	750